Зигмунд Фрейд
Толкование сновидений. Полное издание

Мастера психологии (Питер) –

Издательство «Питер»; Санкт-Петербург; 2018
ISBN 978-5-4461-0565-6

Аннотация

Фрейд считал, что книга «Толкование сновидений» была рубежом в его творчестве. Главными особенностями «Толкования сновидений» являются последовательность и обстоятельность изложения, насыщенность конкретными примерами. Книгу следует читать внимательно, «от корки до корки». Подробное, детализированное изложение как бы воспроизводит процесс психоаналитического исследования. Мы знакомимся не только с теоретическими обобщениями, но в большей степени – с материалом, послужившим источником для обобщений.

Зигмунд Фрейд
Толкование сновидений

Sigmund Freud
The Interpretation of Dreams

* * *

Предисловие к первому изданию

В этой книге я хотел бы рассмотреть методы и результаты толкования сновидений; и я не думаю, что тем самым нарушаю границы невропатологии как науки. Поскольку анализ сновидений убеждает в том, что психологическое исследование – это первый шаг к изучению паранормальных психических явлений, за которым следуют истерические фобии, навязчивые состояния, делюзии – и это, в силу практических соображений, должно быть в сфере внимания терапевтов. А сновидениям, как мы вскоре убедимся, не придается такого практического значения, но тем важнее их ценность как типичного психического явления для теоретического исследования, и тот терапевт, который не в состоянии объяснить источники образов, возникающих в наших снах, напрасно будет пытаться понять фобии, навязчивые состояния и делюзии или пытаться оказать на них воздействие с помощью терапевтических методов.

Но именно тот контекст, который придает такую значимость предмету нашего обсуждения, создает некоторые проблемы, которые будут заметны в последующих главах этой книги. Множественные пробелы в его освещении касаются такого множества аспектов, в которых формирование сновидений связано с более фундаментальными проблемами психопатологии; обсуждать их на страницах этой книги не представляется возможным, но, если бы для этого было время и возможности и если возникнет материал на эту тему, то ее можно будет разрабатывать в других работах.

Поскольку материал, который используется в качестве основы для толкования сновидений является очень своеобразным, даже то, что вошло на страницы этой книги, представляло собой задачу, трудную для выполнения. Рассмотрение методов толкования снов показывает, почему те описания снов, которые существуют в литературе, или те, которые были записаны незнакомыми для меня людьми, для моей цели были бесполезны; мне приходилось выбирать лишь между моими собственными сновидениями и сновидениями пациентов, которые проходили у меня лечение с помощью психоанализа. Но

использовать материал из второй группы было недопустимо, поскольку процессы в этих сновидениях усложнили проявления невроза пациентов. А если я буду приводить анализ своих собственных сновидений, то посторонние узнают о моей тайной душевной жизни гораздо больше, чем мне бы этого хотелось, и это скорее стало бы напоминать поэтическое произведение, чем научный труд. Поступить так непросто, но другого выхода нет; я подчинился этой необходимости, потому что иначе мне не удалось бы предъявить свои психологические выводы. Конечно, иногда я не мог избежать соблазна завуалировать свои нескромные признания, умалчивая о чем-то или заменяя их на нечто иное; но в этих случаях ценность приводимого примера, безусловно, уменьшалась. Я могу лишь выразить надежду, что мои читатели поймут, как мне было нелегко, и будут ко мне снисходительны; а в дальнейшем – что все те люди, которые так или иначе интересуются записями сновидений, не будут препятствовать всем событиям нашей жизни свободно проникать в мир наших сновидений!

Предисловие ко второму изданию

Не прошло и десяти лет с момента выхода первого издания моей книги, как уже возникла необходимость во втором ее издании, и это произошло не оттого, что к ней проявили интерес специалисты, которым было адресовано введение к этой книге. Мои коллеги-психиатры не сумели преодолеть свое первоначальное недоумение по поводу моей новой интерпретации сновидений, а профессиональные философы, которые отчего-то привыкли уделять сновидениям всего лишь несколько фраз, говоря одно и то же, считая их неким побочным проявлением сознания, совершенно очевидно, не сумели понять, что именно знание об этой связи сновидений и сознания помогали построить разного рода выводы, благодаря которым наших психологические теории могут быть подвергнуты существенным изменениям. Отзывы ученых навели меня на мысль, что об этой книге скоро забудут; а верных последователей моего терапевтического применения психоанализа было слишком мало, чтобы создать предпосылки для второго издания этого труда. Поэтому я от души выражаю признательность широкому кругу тех образованных и любознательных читателей, поддержка которых вдохновила меня на то, чтобы я снова взялся за этот кропотливый труд по прошествии девяти лет с момента первого издания, что привело к созданию многих фундаментальных идей.

Я рад заметить, что в этом издании не было необходимости делать много изменений. Я дополнил его новыми материалами, добавил некоторые замечания, на основе моих обширных наблюдений, и развил некоторые особые идеи, но основной материал, посвященный сновидениям и их толкованиям, и психологические идеи, связанные с ними, остались неизменными, по моему личному мнению, они прошли испытание временем. Те, кто читал другие мои труды (посвященные этиологии и механизму психоневрозов), знают, что я никогда не стремился придать законченность незавершенной работе и всегда был готов отказаться от тех своих выводов, которые более не соответствовали моим изменившимся и более зрелым убеждениям в отношении сновидений. Я в состоянии объяснить, что я имел в виду при создании первоначального текста. За годы своей работы над проблемой неврозов мои взгляды на этот счет менялись, и я часто терял путеводную нить; тогда я возвращался к интерпретации сновидений, и это помогало мне приобрести уверенность в себе. Мои научные оппоненты правильно делают, не вступая со мной в споры на темы толкования сновидений.

Даже материал из этой книги, даже мои собственные давно ушедшие и полузабытые сны, которые я привожу в качестве примеров принципов толкования сновидений, когда настало время редактировать эти страницы, стали доказательством того, что нет необходимости вносить слишком много поправок. Лично для меня эта книга важна еще в силу одного глубоко личного обстоятельства, которое я осознал лишь после того, как окончил работу над ней. Оказывается, в ней я провел психоанализ для самого себя – того, как

я пережил смерть моего отца, что было для меня очень значимым событием и величайшей утратой в жизни. Когда я осознал это, то решил, что не буду скрывать следы этих событий[1]. А моим читателям не так уж важно, на каком материале учиться изучать и интерпретировать сновидения.

Там, где необходимые комментарии не согласуются с ранее созданным текстом, я помещал их в квадратные скобки[2].

Берхтесгаден, лето 1908 г.

Предисловие к третьему изданию

Хотя первое и второе издания этой книги разделяют лишь девять лет, год спустя стало очевидно, что уже необходимо третье. Мне стоило бы радоваться этому обстоятельству; но, как не убедило меня в прошлом невнимание к моей книге читателей, так и не считаю я теперь, что ее третье издание вышло потому, что она представляет особый интерес.

Научная мысль развивается, и это оказало влияние на «Толкование сновидений». Во время работы над этой книгой в 1899 г. «сексуальная теория» еще не была сформулирована, и анализ более сложных форм психоневрозов находился в зачаточном состоянии. Опираясь на толкования сновидений, можно было выполнить такой анализ; но более глубокое понимание этих неврозов помогло лучше осознать, что такое сновидения. Сама по себе теория толкования сновидений стала развиваться в направлении, которому не уделялось достаточного внимания в первом издании этой книги. По моему собственному опыту и опираясь на работы В. Штекеля и других авторов, я стал более точно интерпретировать символы в сновидениях (или в области бессознательного). Год за годом появлялись все новые данные, которые было необходимо осмыслить. Все эти новые данные отражены в примечаниях и цитатах в новом издании книги. Если иногда эти фрагменты не согласуются с основным текстом или более ранние его фрагменты не всегда согласуются с современными представлениями, то надеюсь, что к этому отнесутся снисходительно; так происходит потому, что наша наука развивается стремительно. Я даже рискну предсказать, каким образом изменятся последующие издания «Толкования сновидений», – если это будет необходимо. Большее внимание в них будет уделяться поэзии, мифам, фольклору и крылатым выражениям, а также большее значение в них будет уделяться взаимосвязи сновидений и неврозов и психических расстройств.

Глубокоуважаемый Отто Ранк очень помог мне при отборе дополнительных примеров и отредактировал текст этого издания. Я выражаю ему и многим моим коллегам глубокую признательность за их помощь и замечания.

Вена, весна 1911 г.

Предисловие к четвертому изданию

В прошлом году (1913) доктор А. А. Бриль из Нью-Йорка перевел эту книгу на английский язык (The Interpretation of Dreams, Allen&Co., London).

По этому поводу доктор Отто Ранк не только внес свои коррективы в текст издания, но и добавил две собственные главы к нему, а также два приложения к главе IV.

---

[1] Отец Фрейда скончался в 1896 г. О своих переживаниях в связи с этим событием Фрейд упоминает в письме к Флиссу от 2 ноября 1896 г. (Freud, 1950a, Letter 50).

[2] В более поздних изданиях (начиная с четвертого) эти комментарии отсутствуют.

Вена, июнь 1914 г.

Предисловие к пятому изданию

Интерес к толкованию сновидений не только возрос во время Мировой войны, но и все еще продолжается, и потому возникла необходимость подготовить новое ее издание. Но было невозможно подготовить полные публикации с 1914 г.; ни мне, ни доктору Отто Ранку не были знакомы работы из других стран на эту тему после этой даты.

Венгерский перевод книги, подготовленный доктором Холлосом и доктором Ференци, скоро выйдет в свет. В 1916–1917 г. моя книга «Введение в психоанализ» была опубликована в Вене Хьюго Хеллером. Главный раздел в этой книге, включая одиннадцать лекций, посвящается сновидениям, в более простом изложении, и в этой работе прослеживается более тесная взаимосвязь сновидений с неврозами, чем в этой книге. В целом содержание «Введения в психоанализ» перекликается с содержанием книги «Толкование сновидений», хотя во многом оно рассматривает эту проблему более подробно.

Я не решился на фундаментальное редактирование этой книги, чтобы привести ее в соответствие с современными теориями и положениями психоанализа, что при этом нарушило бы ее исторические принципы построения. Я полагаю, что эта книга, просуществовавшая уже двадцать лет, свою задачу выполнила.

Будапешт – Штейнбрух, июль 1918 г.

Предисловие к шестому изданию

В силу того что продажи литературы сейчас сталкиваются со значительными трудностями, этого нового издания очень долго ждали, и предыдущее издание, в первый раз за все это время, было перепечатано без всяких изменений. Был лишь дополнен библиографический список в конце книги, в который Отто Ранк внес некоторые изменения.

Итак, мое убеждение, что за двадцать лет своего существования эта книга выполнила свою миссию, не подтвердилось. Как раз напротив, перед ней теперь стоит новая задача. Если раньше она должна была представить некоторую информацию о содержании сновидений, теперь перед ней стоит не менее важная миссия – преодолеть упрямое недопонимание того, о чем в ней говорится.

Вена, апрель 1921 г.

Предисловие к восьмому изданию

В промежуток времени между выходом в свет последнего (седьмого) издания этой книги в 1922 г. и этим, восьмым, изданием вышло мое Полное собрание сочинений (Gesammelte Schriften) в Вене, в издательстве Internationaler Psycholanalytischer Verlag. Во второй том этого собрания сочинений вошло первое репринтное издание «Толкования сновидений», а в третий том – все дополнения к нему, которые вошли в последующие издания. Все существующие переводы этой работы – на французский язык И. Мейерсоном под заголовком *La science des rêves* в серии «Bibliothèque de Philosophic Contemporaine» («Библиотека современной философии») в 1926 г.; на шведский в переводе Джона Ландквиста под названием «Dromtydning» (1927) и на испанский в переводе Луиса Лопес-Баллестроса и де Торреса (1922) в VI и VII томах «Obras Completas» (Полное собрание сочинений). Перевод на венгерский язык, который я считал законченным еще в 1918 г., так и не вышел в свет[3].

---

[3] Эта книга была опубликована в 1934 г. – в период жизни Фрейда кроме переводов, о которых он упоминает

В этом, восьмом, обновленном издании я снова представил исследование с исторической точки зрения и внес лишь некоторые изменения, чтобы прояснить и углубить мое мнение на изложенные здесь вопросы. Поэтому я решил не включать сюда список тех работ, посвященных проблемам сновидений, которые были опубликованы с момента выхода в свет первого издания этой книги, и в это издание этот раздел включен не был. Два эссе Отто Ранка, которые были включены в качестве дополнения в несколько предыдущих изданий, под заглавиями «Сны и творческое письмо» и «Сны и мифы» здесь также отсутствуют.

Вена, декабрь 1929 г.

Глава I. Научная литература, посвященная исследованию сновидений

4

На страницах этой книги я постараюсь привести доказательства того, что существует психологическая техника, с помощью которой возможно толкование сновидений, и что применение этого метода позволяет понять, что любое сновидение – это особое психологическое явление, которое имеет огромное значение и выполняет особую роль в психической деятельности индивида, когда тот пребывает в состоянии бодрствования. Далее я попытаюсь выявить те процессы, из-за которых сновидения представляются нам такими странными и туманными, и вывести на основании их заключение относительно природы тех психических факторов, конфликт или синхронная деятельность которых обусловливают наши сновидения. Как только это будет сделано, мое исследование будет завершено, так как далее сновидение будет представлять собой проблему, более сложную для рассмотрения, и для этого потребуется материал другого рода.

Я начну с обзора работ других авторов, а также современных представлений о проблеме сновидений в науке; я так поступаю потому, что далее для этого не представится такой удобной возможности. Хотя сновидениями интересовались на протяжении тысячелетий, мы мало продвинулись в этой области. Все предыдущие авторы согласны с этим, и поэтому я не буду приводить на этот счет конкретных примеров. В списке трудов, которые я прилагаю в конце своей книги, есть много ценных замечаний и интересного материала на эту тему, но там нет ничего или почти ничего, что касалось бы самой сути сновидений и приоткрывало бы покров тайны над ними, а широкой неподготовленной публике известно об этом еще меньше.

Интересно было бы узнать, каковы были представления древних о сновидениях и какое влияние они оказали на формирование их концепций устройства вселенной и души человека; и мне очень жаль, что я не могу уделить этому вопросу должного внимания в этой книге. Я рекомендую на эту тему популярные труды сэра Дж. Леббока (Sir John Lubbock), Г. Спенсера (Herbert Spenser), Э. Б. Тейлора (E. B. Tylor) и других авторов, и мне остается лишь добавить, что значимость этих проблем и размышлений на эту тему могут стать нам понятны только после того, как мы разрешим стоящую перед нами задачу – толкование сновидений.

Представления древних о сновидениях до некоторой степени повлияли на толкования сновидений в эпоху Античности[5]. Люди того времени воспринимали как нечто само собой

в этом предисловии, вышел перевод на русский язык в 1913 г., на японский язык – в 1930 г. и на чешский язык – в 1938 г.

[4] До публикации первого издания этой книги в 1900 г.

[5] Далее следуют рассуждения, на которые нас натолкнуло исследование Бюхсен-Шутца (Büchsen-Schutz, 1868).

разумеющееся, что сновидения являются связующим звеном между миром человека и миром сверхъестественных существ, в которых они верили, и что эти сновидения содержат откровения, исходящие от богов и демонов. А еще они полагали, что сновидения имеют важное значение для того, кому они снятся, и предсказывают его будущее. Сны невероятно разнообразны по содержанию и производят на спящего самое разнообразное впечатление, и поэтому очень трудно сформировать о них внятное представление, и необходимо было распределить сновидения по разным группам и категориям, с учетом их ценности и достоверности. У отдельных философов древности суждения о сновидениях зависели, безусловно, от той позиции, которую они занимали по отношению к искусству предсказаний в принципе.

В двух трудах Аристотеля, где речь шла о сновидениях, они уже представляли для него предмет изучения психологии человека. Он считал, что сновидение – это не послание богов и оно не исходит от них, а подчиняется законам человеческого духа, что, конечно же, противоречит божественному началу. Сновидение вовсе не возникает из сверхъестественного откровения, а является результатом законов человеческого духа, родственного, конечно, божеству. Сновидение характеризуется как проявление психики спящего человека, покуда он погружен в сон[6].

Аристотелю были знакомы некоторые из характеристики сновидения; например, он знает, что сновидение превращает незначительные переживания во время сна в очень значительные («кажется, будто идешь сквозь огонь и весь пылаешь, но на самом деле лишь та или иная часть тела незначительно нагревается») и делает отсюда вывод, что сновидение может подсказать врачу первые признаки болезненных изменений в организме человека, которые были незаметны в состоянии бодрствования[7].

Как уже говорилось, эти древние авторы, которые упоминали о сновидениях до Аристотеля, не рассматривали сны в качестве продукта ума спящего человека, считая, что они исходят от богов: и в древние времена существовали две противоречащие друг другу тенденции во всех трудах, посвященных снам и сновидениям, которые заметны довольно явно. Древние авторы проводили различие между истинными и значимыми сновидениями, ниспосланными спящему свыше в качестве предостережения или предсказания будущего, и сновидениями лживыми, обманчивыми и ничтожными, которые должны были сбить спящего с толку или погубить его.

О такой классификации сновидений упоминает Группе (Gruppe, 1906)[8], ссылаясь на исследования Макробиуса и Артемидора из Далдиса: «Сновидения можно разделить на две категории. Первые возникают под влиянием настоящего (или прошлого) и не имеют существенного значения для будущего; это – ενμπνια (бессонница), которые просто воспроизводят какую-то идею или ее противоположность, например голод или как его утолить; и φαντασματα, которые фантастическим образом преувеличивают эту идею, к ним

---

[6] («De divination per somnum», II и «De somnus», III). В первом издании (1900) в этом абзаце говорилось: «Впервые с психологической точки зрения сновидения были подвергнуты толкованию Аристотелем (в работе «О снах и их толковании»). Аристотель заявляет, что у сновидений «демоническое», а не «божественное» происхождение; без сомнения, в таком определении содержится глубочайший смысл, если мы только правильно истолкуем его». Следующий абзац завершался предложением: «Я недостаточно подготовлен, и у меня нет возможности обратиться к специалистам, которые помогли бы мне более глубоко вникнуть в труды Аристотеля». Эти абзацы приобрели их нынешний вид в 1914 г., а в примечании к полному собранию сочинений Фрейда *(Gesammelte Schriften,* 1925) Фрейд указывает, что фактически Аристотель создал не одну, а две работы, посвященные теме сновидений.

[7] *De divinatione,* том I.

[8] Древнегреческий врач Гиппократ рассуждает о взаимосвязи сновидений с заболевания ми в одной из глав своей знаменитой работы («Древняя медицина», том X). См. Также: Regimen, IV, 88, passim.

относятся, например, ночные кошмары (ночное удушье, или ephialtes). А сны из другой группы связаны с будущим, например: 1) явное пророчество, которое человек получает в сновидении (χρηματισμοζ или oraculum); 2) предсказание какого-то предстоящего события (οραμα или visio); и 3) символическое сновидение, которое нуждается в толковании (ονειροζ или somnium). Подобная теория просуществовала на протяжении многих столетий».

Поскольку этим различным группам сновидений приписывали разную степень значимости, то по-разному происходило и «толкование» этих сновидений. Люди надеялись, что то, что им снится, поможет им принять важные решения, но не все сновидения были сразу понятны, и людям было неясно, предвещает ли данное туманное сновидение нечто важное для них, поэтому они так и стремились осознать его смысл, придать ему ясные очертания и разобраться в том, что оно обозначает. Во времена поздней Античности Артемидор из Далтиса был величайшим авторитетом в области толкования сновидений. Его обширные труды *[Oneirocritica]* компенсируют навсегда утраченные для нас труды других древних авторов[9].

Донаучные представления о сновидениях, распространенные в древние времена, безусловно, идеально соответствовали представлениям того времени об устройстве вселенной, согласно которым то, что происходило в душе человека, рассматривалось в качестве проекции на нее некой внешней реальности. Более того, это касалось и содержания впечатлений, которые сохранялись от сновидений после пробуждения; поскольку именно в этих воспоминаниях о снах, в сравнении с остальным содержанием человеческой психики, похоже, угадывается нечто чуждое, словно привнесенное из иного мира. Неверно считать, что учение о сверхъестественном происхождении сновидения не имеет сторонников даже в наши дни; его разделяют поэты и мистики – которые изо всех сил цепляются за то, что сохранилось со времен господства веры в сверхъестественное, пока наука не разделалась с ним окончательно, – и нередко встречаются весьма образованные люди, далекие от романтизма во всех отношениях, которые заходят так далеко, что с помощью такого необъяснимого явления, как сны, пытаются обосновать собственную веру в существование сверхъестественных сил и в то, что такие силы способны вмешиваться в дела людей (Гаффнер – Haffner, 1887). Некоторые философские школы, например последователи Шеллинга[10], наделяют сны особым значением, и это явный отголосок господствовавшего в Античности мнения о том, что сновидения имеют божественное происхождение, а для некоторых мыслителей божественная или пророческая сила сновидений все еще представляется темой для обсуждения. Это происходит оттого, что в психологии пока нет адекватных объяснений, которые были бы применимы к накопленному материалу, как бы ни пытались ученые опровергнуть подобные суеверия, считая их несостоятельными.

Создавать историю научного подхода к исследованию проблемы сновидения трудно, потому что, какими бы ценными ни были ее отдельные аспекты, пока существенного продвижения вперед достичь не удалось. Не было получено обоснованных результатов, которые могли бы быть использованы в дальнейших исследованиях. Каждый новый исследователь начинает работать с одними и теми же проблемами с нуля. Если бы я стал

---

9 Для того чтобы проследить, как дальше развивалась история толкования сновидений, рекомендую познакомиться с трудами Дьепгена (Diepgen, 1912) и монографией Форстера (Forster, 1910 и 1911), Готтарда (Gottard,1912) и многих других. Толкование снов у иудеев изучали Алмоли (Almoli, 1848), Амрам (Amram, 1901) и Левингер (Lowinger, 1908). Среди недавних трудов на эту тему, в которых используются методы психоанализа, рекомендуем Лауэра (Lauer, 1913). О толковании снов у арабов можно узнать из трудов Дрексла (Drexl, 1909), Шварца (Schwarz, 1913) и миссионера Тфинкди (Tfinkdji, 1913), у японцев – у Миуры (Miura, 1906) и Ивайя (Iwaya, 1902), у китайцев – у Секера (Secker, 1909–1910), у народов Индии – у Негелейна (1912).

10 Главный апологет «Философии природы», чьи взгляды были популярны в Германии в начале XIX в., Фрейд часто возвращался в своих рассуждениях к теме оккультной интерпретации сновидений. См. (Freud, 1922a, 1925i, 1933a). В приложении в конце этой книги Фрейд обсуждает значение вещих снов.

перечислять их в хронологическом порядке, приводя их мнения о сновидениях, то не сумел бы нарисовать точной и понятной картины происходящего, из которой бы стало понятно, что мы знаем на этот счет. И потому я предпочел построить мой метод интерпретации этих тем, а не составлять обзор мнений других авторов, и, стремясь ответить на все вопросы, связанные со сновидениями, я буду приводить примеры материалов из исследований других авторов.

Но мне не удалось изучить всю литературу на эту тему – источники разрозненны и переплетаются с литературой на другие темы, и потому я прошу читателей принять мой труд таким, каков он есть, учитывая, что ни один из фундаментальных вопросов по этой теме не был упущен из виду.

До недавнего времени существовала тенденция рассматривать сон и сновидение как единое целое, а при этом также изучали и аналогичные состояния из психопатологии как смежной области исследований, и других явлений, напоминающих сон (например, галлюцинаций, видений и т. д.). Но в исследованиях последних лет наблюдается стремление к более узкому рассмотрению этой темы и исследованию отдельных аспектов из области сновидений. Подобное изменение, на мой взгляд, свидетельствует о растущем убеждении в том, что понимание и единодушие в подобных вопросах могут быть достигнуты лишь в результате серии детальных исследований. Подобное детальное психологическое исследование будет предложено вашему вниманию на этих страницах. Я редко уделял внимание такому явлению, как сон, поскольку оно лежит в области физиологии, хотя изменения в функциональных детерминантах психических явлений должны быть включены в описание сна как особого состояния. Поэтому здесь не будет ссылок на литературу, посвященную сну.

Научный интерес к сновидениям как отдельным явлениям заставляет нас сформулировать целый ряд проблем, которые мы здесь будем рассматривать, одни из которых до некоторой степени представляют собой самостоятельные проблемы, а другие находятся во взаимосвязи друг с другом.

А. Взаимосвязь сновидения и бодрствования

Когда человек пробуждается, то он наивно полагает, что, даже если сновидение и не приходит к нему из иного мира, то по крайней мере переносит его туда. Физиолог XVIII в. Бурдах (Burdach, 1838, с. 499), составивший подробное и точное описание явлений, связанных со сновидениями, так выразил это свое мнение о них, которое часто цитируют: «…волнения и переживания минувшего дня, его радости и печали, никогда точно не повторяются в сновидении; оно скорее стремится освободить нас от них. Даже когда наш ум всецело занимает какая-то мысль, когда наше сердце разрывается от горя или когда наш разум изо всех сил стремится к некой цели, – даже в этих случаях сновидение уносит нас в некий чуждый мир, или выстраивается лишь из отдельных фрагментов реальной жизни, или просто соответствует нашему настроению, выступая в качестве символа реальности». И. Г. Фихте (Fichte, 1864) в таком же духе высказывается о дополнительных сновидениях и считает, что они являются скрытыми способами, с помощью которых душа стремится исцелиться. Л. Штрумпель (Strümpell, 1877) высказывает похожее мнение в своей работе «Die Natur und Entstehung der Träume», которая пользуется заслуженным признанием: «Спящий отворачивается от происходящего в мире бодрствующего сознания…»; «Во сне память об упорядоченных событиях, сохранившихся в сознании, и нормальное поведение полностью утрачиваются…»; «Во сне душа практически полностью отделена от нормального содержания и событий, происходящих в состоянии бодрствования…»

Но у большинства исследователей этой проблемы противоположное мнение по поводу взаимосвязи состояний сна и бодрствования. Например, Гаффнер (Haffner, 1887) считает, что: «Во-первых, сновидение – это продолжение бодрствования. Наши сновидения всегда связаны с тем, что занимает наши мысли. Тщательное исследование практически всегда

установит, каким именно образом сновидение и переживания минувшего дня связаны друг с другом». Вейгандт (Weygandt, 1893) категорически не согласен с приведенным выше утверждением Бурдаха: «Поскольку очень часто можно наблюдать, во множестве сновидений, что они возвращают нас в обычную жизнь, а вовсе не вырывают из нее». Мори (Maury, 1878) так лаконично высказывается на этот счет: «Нам снится то, что мы видели в реальной жизни, о чем говорили, чего желали или чем занимались, когда бодрствовали». Иессен (Jessen, 1855) в своем труде «Психология», вышедшем в свет, приводит больше деталей на этот счет: «Содержание сновидений всегда до той или иной степени зависит от личности человека, от его возраста, пола, общественного положения, умственного развития, привычного образа жизни и событий из его жизни».

Философ Я. Г. Е. Маасс (J. G. E. Maass, «Über die Leidenschaften», 1805) высказывается по этому поводу наиболее категорично: «Наше утверждение, что нам чаще всего снится именно то, к чему мы страстно стремимся всей душой, подтверждается на практике. Из этого видно, что наши страстные желания должны оказывать влияние на появление наших сновидений. Честолюбивому человеку снятся лавры победителя (хотя это может быть лишь плодом его воображения), которые ему еще предстоит завоевать, а влюбленному снится объект его сокровенных надежд… Все дремлющие в сердце до поры до времени чувственные желания или то, что вызывает отвращение, если получат стимул, могут переплестись с другими идеями и породить сновидение; или могут вплестись уже в существующий сон».

В древности люди считали, что сновидение и реальная жизнь именно так и связаны между собой. Я приведу цитату из труда Радштока (Radestock, 1879): «Когда Ксеркс перед походом на Грецию не внял добрым советам, а снова и снова, под воздействием своих снов, решился начать эту войну, то перс Агтабан, старый толкователь снов, мудро заметил, что сновидения в большинстве случаев отражают то, о чем думает человек в состоянии бодрствования».

В поэме Лукреция «О природе вещей» мы читаем (IV, V):

Et quo quisque fere studio devinctus adhaeret, aut quibus in rebus multum sumus ante morati atque in ea ratione fuit contenta magis mens, in somnis eadem plerumque videmur obire; causidici causas agere et componere leges, induperatores pugnare ac proelia obire…[11]

А Цицерон утверждает («De Divinatione», II, LXVII) и в этом, много веков спустя, ему вторит Мори: «Maximeque "reliquiae" rerum earum moventur in animis et agitantur, de quibus vigilantes aut cogitavimus aut egimus»[12].

Противоречие между этими двумя точками зрения в том, что касается взаимосвязи сновидения и бодрствования, похоже, разрешить невозможно. Полезно будет вспомнить о мнении Ф. В. Гильдебрандта (Hildebrandt 1875), который считает, что «все особенности сновидения в принципе невозможно охарактеризовать иначе, кроме как создавая "целый список из противоположностей", которые часто превращаются в противоречия». «Первая из этих противоположностей возникает в силу того, что сновидение практически полностью изолировано от реальной жизни, а с другой стороны, они постоянно соприкасаются и зависят друг от друга. Сновидение совершенно не похоже на все то, что человек переживает в состоянии бодрствования, это своего рода герметически замкнутое существование, и между ним и реальной жизнью лежит непроходимая пропасть. Оно освобождает нас от действительности, от нормальных воспоминаний о ней, уносит нас в иной мир, в иную среду,

---

[11] «И куда бы ни устремлялись наши заветные мысли, и что бы ни занимало нам ум из событий прошлого, ум наш более силен, чем наши действия, и обычно что мы видим в жизни – то нам и снится: знатоки законов составляют жалобы и пишут законы, а полководцы отправляются на войну и выигрывают сражение» (Rouse's translation in the Loeb Classical Library, 1924).

[12] «Чаще всего в душах отражаются следы тех вещей, о которых мы размышляли, либо совершали такие поступки в состоянии бодрствования» (Falconer's translation in the Loeb Classical Library, 1922).

не имеющую ничего общего с реальным миром…» Гильдебрандт далее указывает, что, когда мы засыпаем, наша реальная жизнь словно проваливается в «невидимый люк». Во сне мы можем, например, отправиться на остров Святой Елены и подарить живущему там Наполеону бутылку превосходного, дорогого мозельского вина. Низложенный император радушно встречает нас, и нам так жалко просыпаться и понимать, что эта иллюзия сейчас разрушится и исчезнет. Но давайте сравним то, что нам приснилось, с реальной жизнью. Тот, кому это все приснилось, никогда не продавал вина и не стремился к этому. Морского путешествия не совершал и во всяком случае никогда не отправился бы на остров Святой Елены. Наполеону он совершенно не сочувствует, наоборот, ненавидит его из патриотических соображений. И кроме того, Наполеон жил на острове задолго до рождения того, кому все это приснилось, так что очень маловероятно, чтобы спящий испытывал к Наполеону добрые чувства. Все это сновидение кажется чем-то чуждым и соединяет два периода жизни, совершено не связанные друг с другом.

«Но то, что кажется противоречивым, оказывается истинным и правильным, – пишет Гильдебрандт. – Я думаю, что эти разрозненные и изолированные друг от друга явления все же могут быть глубоким образом взаимосвязаны между собой. И тогда можно с уверенностью утверждать: что бы нам ни снилось, связано с реальной духовной жизнью, которая разворачивается в связи с этой реальностью. Каким бы невероятным ни казался сон, он никогда не может быть оторван от реального мира, и его самые деликатные и забавные конструкции должны всегда черпать материал или из того, на что упал наш взор в реальном мире, или из того, о чем мы думали, когда не спали; иными словами, он приходит из того, что мы пережили, объективно или субъективно».

Б. Из чего состоят сновидения. Воспоминания в сновидениях

Все, что человеку снится, каким-то образом связано с его опытом, он вспоминается или воспроизводится в сновидении, и это можно заявить с уверенностью. Но неверно было бы утверждать, что такая взаимосвязь между содержанием сна и реальностью становится очевидной, когда эти два состояния сравнивают друг с другом. Напротив, такую взаимосвязь необходимо упорно искать, и зачастую она долго ускользает от исследователя. Так происходит оттого, что у воспоминаний в сновидении существует целый ряд особенностей, которые, хотя и были доступны наблюдению, но не поддавались объяснению. И они, конечно же, достойны нашего пристального внимания.

Прежде всего, иногда какой-то материал, из которого соткано сновидение, не поддается объяснению в сравнении со знаниями и опытом человека в состоянии бодрствования. Человек довольно отчетливо помнит свой конкретный сон, но не припоминает, чтобы нечто подобное происходило с ним в реальной жизни. И потому ему непонятно, откуда пришло это сновидение; пока, много времени спустя, какое-то недавнее событие не разбудит в нем память о каких-то давних событиях его жизни. Итак, мы вынуждены признать, что мы когда-то знали и помнили нечто такое, о чем в состоянии бодрствования мы не помним[13].

У Дельбефа[14] (Delboeuf, 1885) мы находим весьма выразительное описание, которое иллюстрирует подобную ситуацию. Ему приснился покрытый снегом двор его дома, а под снегом лежали две полузамерзшие ящерицы. Он любил животных, потому взял их в руки, отогрел и положил в углубление в стене, которое было сделано специально для них. Он знал, что ящерицам очень нравится папоротник, и потому положил туда к ним несколько веточек. Ему приснилось название этого папоротника: Asplenium rata muralis. Потом ему приснилось

[13] Вашиде (Vaschide, 1911) заметил, что во сне многие люди часто говорят на иностранных языках, которыми владеют, гораздо лучше, чем в состоянии бодрствования.

[14] Жозеф Дельбеф, бельгийский философ.

что-то другое, а затем ему снова приснились эти ящерицы и, к своему удивлению, Дельбефа увидел, как на остатки кустика папоротника откуда-то упали еще две ящерицы. Он посмотрел в поле и увидел, как пятая и шестая ящерицы проделывают дырку в стене, и вот уже вся дорога была покрыта ящерицами, все они двигались в одном и том же направлении.

В состоянии бодрствования Дельбеф знал очень мало латинских названий растений, а термин Asplenum был ему неизвестен. Каково же было его удивление, когда он убедился, что такой папоротник действительно существует! Его настоящее название: Asplenium rata muraria, – во сне он назывался несколько иначе. Сомнительно, чтобы это было простым совпадением, и Дельбеф так и не мог понять, как же получилось так, что ему приснилось это название.

Это произошло в 1862 г.; шестнадцать лет спустя, в гостях у одного своего друга, философ увидел у него небольшой альбом с засушенными растениями, которые в Швейцарии продают туристам. Он вдруг вспомнил про свой сон, открыл альбом, нашел в нем экземпляр засушенного растения Asplenium, а под ним – свою собственную подпись. Тут его осенило. В 1800 г., за два года до того, как ему приснились эти ящерицы, сестра одного его друга посетила Дельбефа во время своего свадебного путешествия. У нее был с собой гербарий, который она купила в подарок брату, и Дельбеф, под диктовку одного ботаника, подписал латинские названия под каждым из растений в этом гербарии.

Дельбефу снова повезло, и он смог окончательно раскрыть тайну этого сновидения. Однажды, в 1877 г., в руки к нему попал старый том иллюстрированного журнала, где он увидел иллюстрацию, изображавшую ящериц, которые куда-то направлялись, которые выглядели именно так, как в том сне в 1862 г. Журнал вышел в свет в 1861 г., и Дельбеф вспомнил, что тогда выписывал его.

Во сне могут ожить воспоминания, недоступные человеку в состоянии бодрствования, и это так замечательно и важно в теоретическом отношении, что мне хотелось бы привлечь внимание к этому факту, упомянув и о других гипермнестических снах. Мори (Maury, 1878) вспоминает, как у него некоторое время все вертелось на языке какое-то странное слово «Муссидан». Он знал, что это название какого-то французского города, но что это за город, он не помнил. Однажды ночью ему приснился разговор с незнакомым человеком, который сообщил ему, что он из Муссидана. И когда спросил у этого человека, где находится этот город, тот ответил: «Муссидан – это окружной город в департаменте Дордонь». Проснувшись, Мори не поверил тому, что ему приснилось. Но, обратившись к учебнику географии, он убедился, что все было правильно. Этот случай доказывает, что спящему человеку приснилось то, чего наяву он не помнил, но при этом непонятно, откуда появилось это забытое знание.

Иессен (Jessen, 1855) рассказывает о похожем случае, который произошел в более давние времена: «К числу подобных случаев относится и сновидение Скалигера-старшего (Геннингс (Hennings, 1784)), автора оды в честь знаменитых мужей Вероны, которому приснился человек, назвавший себя Бруниолусом, и пожаловался ему на то, что о нем все забыли. Хотя Скалигер и не помнил о таком человеке, но упомянул о нем в своей оде, и лишь спустя какое-то время в Вероне его сын узнал, что некогда в ней жил славный критик по имени Бруниолус».

О гипермнестическом сновидении, которое примечательно тем, что в нем содержится некогда забытый эпизод, о котором впоследствии вспомнили, упоминает маркиз д'Эрвей де Сент-Дени: «Мне однажды приснилась какая-то женщина с золотистыми волосами, которая беседовала с моей сестрой и показывала ей какую-то вышивку. В сне мне казалось, что я знаком с ней и даже что я много раз ее где-то видел. Когда я проснулся, у меня так и стояло перед глазами ее лицо, но я никак не мог узнать его. Потом я снова уснул; мне приснилось то же самое. В этом новом сне я заговариваю с этой золотоволосой женщиной и спрашиваю ее, не имел ли я уже чести встречаться с ней раньше. Конечно, да, отвечает она, разве вы не помните, как были в купальне в Парнике? В этот момент я снова просыпаюсь и до мельчайших подробностей помню это прелестное лицо из моего сна».

Тот же автор (там же) рассказывает, как один его знакомый музыкант услышал однажды во сне какую-то совершенно новую для него мелодию. Лишь спустя много лет он наткнулся на эту мелодию в одном старом сборнике музыкальных пьес, но так и не смог вспомнить, чтобы они когда-нибудь раньше попадались ему на глаза.

Я полагаю, что Майерс (Myers, 1892) упоминает о целой серии подобных гипермнестических сновидений в своей работе «Proceedings of the Society for psychical research»[15], но, к сожалению, эта его работа мне недоступна.

Думаю, что каждый, кого интересуют сновидения, признает, что в сновидении проявляются познания и воспоминания, о которых человек в состоянии бодрствования не помнит, и это вполне обычное дело. В процессе психоанализа невротиков, о котором я расскажу далее, я практически каждую неделю получаю возможность убедить пациентов, что в своих сновидениях они превосходно помнят различные цитаты, не приемлемые в обществе выражения и т. п. и что они во сне ими пользуются, хотя в состоянии бодрствования люди об этом забывают. Я приведу здесь еще один невинный пример гипермнезии в сновидении, поскольку мне удалось легко восстановить, откуда взялись знания, из которых оно строилось.

Пациенту снилось, что, придя в кофейню, он заказал «контушовку». Рассказав мне об этом, он заявил, что не знает, что это такое. Я ответил, что «контушовка» – это польский солодовый виски: он не придумал это название во сне, оно уже известно и встречается на плакатах и рекламных объявлениях. Сначала пациент мне не поверил. Но несколько дней спустя он прочел это название на рекламных плакатах, которые были развешаны на улице, по которой он проходил по два раза в день на протяжении уже несколько месяцев.

Мои собственные сновидения убедили меня, что найти их источники можно совершенно случайно. Например, за нескольких лет до издания этой книги я постоянно представлял себе изображение довольно простенькой церковной башни, которую, как мне казалось, я никогда раньше не видел. Однажды, проезжая по железной дороге, на маленькой станции между Зальцбургом и Рейхенгаллем я увидел эту башню и сразу узнал ее. Это было во второй половине 90-х гг., а в первый раз я проезжал там в 1886 г. Несколько лет спустя, когда я уже занялся изучением сновидений, мне постоянно снился один и тот же неприятный сон. Мне снилось, всегда слева от меня, какое-то темное пространство, в котором стояли гротескные фигуры из песчаника. Мне смутно вспоминалось, что это вход в пивной погреб. Но я не мог понять ни значения этого сна, ни откуда он взялся. В 1907 г. судьба забросила меня в Падую, где, к моему великому сожалению, не бывал с 1895 г. Я не смог полюбоваться фресками Джотто в Мадонна дель Арена, так что мой первый визит в этот университетский город не удался. По дороге туда мне сказали, что церковь была в тот день заперта, и я повернул обратно. Приехав в Падую во второй раз, двенадцать лет спустя, я решил восполнить тот пробел и сразу же отправился в церковь. По дороге туда, на левой стороне улицы, судя по всему, именно там, где в 1895 г. я повернул обратно, я увидел помещение, которое мне часто снилось, и те самые фигуры из песчаника. Это и правда был вход в маленький сад рядом с рестораном.

Детство – это один из источников сновидений, и этот материал часто недоступен для воспоминаний или не используется в состоянии бодрствования. Я процитирую здесь лишь некоторых авторов:

Гильдебранд (Hildebrandt, 1875): «Стало уже общепризнанным фактом, что сновидение иногда с удивительной яркостью возвращает нам далекие и даже забытые события из ранних периодов нашей жизни».

Штрумпель (Strümpell, 1877): «Дело принимает еще более интересный оборот, когда сновидение вырастает из самых глубоких и потаенных глубин души, когда опыт поздних лет оттеснил самые ранние события детства, чьи-то лица, места и вещи, и все это хранилось там,

[15] Отчеты о работе Общества психологических исследований. – *Примеч. пер.*

в глубине, в своей первозданной свежести. Это касается не только впечатлений, которые в свое время вызвали живой отклик или были связаны с чем-то психологически очень важным, когда позже все это возникнет в снах, как отголосок давних событий, доставляя удовольствие при пробуждении. Напротив, в глубинах спящей памяти пребывают такие образы людей, мест, вещей, событий и переживаний ранней жизни, которые или не осознавались и не представляли никакой ценности с психологической точки зрения, или с тех пор утратили этот смысл, а потому они кажутся чем-то новым и незнакомым и во сне, и после пробуждения, пока не вскроется их прежний истинный смысл».

Фолькельт (Volkelt, 1875): «Обратите внимание на то, как властно вторгаются в наши сны воспоминания детства и юности. Давно забытое, давно утратившее для нас смысл постоянно вспоминается нам во сне».

Власть сновидений над воспоминаниями нашего детства, большая часть которых ускользает от нашего сознания, создает основу для возникновения интересных гипермнестических сновидений, и я опять приведу несколько примеров этого.

Мори вспоминает (Maury, 1878), что в детстве он часто ездил из своего родного города Мо в соседний Трильпор, где его отец руководил постройкой моста. Однажды ему приснилось, что он оказался в Трильпоре и играет на улицах города. К нему подходит какой-то человек в форменной одежде. Мори спрашивает, как его зовут; он представляется: его зовут С, он сторож моста. Когда Мори проснулся, то не был уверен, что во сне ему приснилось что-то, что с ним действительно произошло раньше, и он спросил у старой служанки, жившей у них в доме со времен его детства, не помнит ли она человека с такой фамилией. «Конечно, – отвечает она. – Так звали сторожа моста, который когда-то давно строил твой отец».

Мори приводит еще один пример, который не в меньшей степени доказывает достоверность детских воспоминаний, которые проявляются в сновидениях. Некий М. Ф., который в детстве жил в Монбризоне, решил, двадцать пять лет спустя после отъезда оттуда, вновь посетить родные места и старых друзей своей семьи, которых он с тех пор не видел. Ночью, накануне отъезда, ему приснилось, что он достиг цели путешествия и неподалеку от Монбризона встретил незнакомца, который сказал ему, что он – Т., друг его отца. Спящий помнил, что действительно знал в детстве человека с такой фамилией, но давно уже не мог вспомнить, как тот выглядел. Прибыв несколько дней спустя в Монбризон, он действительно находит местность, виденную им во сне, и встречает человека, в котором узнает Т. Этот человек выглядит значительно старше, чем во сне Ф.

Я могу здесь рассказать и о моем собственном сновидении, в котором впечатление, о котором я вспомнил, проявилось в форме ассоциации. Мне приснилось лицо человека, в котором я узнал врача из моего родного города. Лицо его я видел не очень отчетливо, но черты его напоминали одного из моих гимназических учителей, с которым я и теперь еще иногда общаюсь. Как они были связаны друг с другом, я объяснить не мог и после пробуждения. От своей матери я узнал, что этот врач потерял один глаз. А у школьного учителя, с чьим образом слился образ этого врача, тоже был только один глаз. Я не встречался с тем врачом тридцать восемь лет с тех пор, и, если не ошибаюсь, никогда не думал о нем в состоянии бодрствования, хотя шрам у меня на подбородке мог бы напомнить мне о том, как он лечил меня[16].

Словно стремясь уравновесить роль детских воспоминаний в сновидениях, многие

---

[16] Последняя часть этой фразы появилась в тексте книги в 1909 г., и она присутствует во всех более поздних изданиях вплоть до 1922 г., а в более поздних изданиях она отсутствовала. Упоминание об этом человеке далее в книге имеет смысл, лишь если это окончание фразы присутствует в тексте. Фрейд завуалированно рассказывает о происшествии, из-за которого появился этот шрам, в автобиографическом примере (Freud, 1899a), а само это событие, возможно, описано далее в книге. Этому сновидению Фрейд придает важное значение, о чем упоминает в письме к Флиссу от 15 октября 1897 г. (Freud, 1950a), а также в лекции 13 (Freud, 1916–1917).

авторы утверждают, что в большинстве сновидений проявляются элементы самого недавнего периода нашей жизни. Роберт (Robert, 1886) даже полагает, что в нормальном сновидении отражаются лишь впечатления нескольких последних дней. Мы, безусловно, убедимся, что в соответствии с построенной Робертом теорией сновидений впечатления наших прежних дней просто уходят на задний план, а недавние более заметны. Но отмеченный Робертом факт действительно имеет право на существование, насколько я могу судить на основании моих собственных наблюдений. Нельсон (Nelson, 1888), американский исследователь, полагает, что впечатления, которые проявляются в сновидениях, основаны на вчерашних событиях или тех, что произошли три дня назад, поскольку они еще не ослабли и с тех пор не прошло значительного времени.

Некоторые авторы, которые неохотно признают взаимосвязь содержания сновидения с состоянием бодрствования, были поражены тем, что те впечатления, которые полностью завладели умом человека в состоянии бодрствования, возникают в снах лишь если о них на какой-то момент стали забывать. Например, если умер близкий человек, то он снится не в первое время после его смерти, когда еще скорбь по нем переполняет живых, о чем упоминает Делаж (Delage, 1891). А в недавнем исследовании мисс Галлам (Hallam and Weed, 1896) были получены прямо противоположные результаты, и она считает, что это в значительной степени обусловлено индивидуальными различиями между людьми.

Третья, самая загадочная особенность памяти в сновидении связана с *выбором* материала для сновидения: потому что в сновидении возникают не только самые важные мысли, которые посещают нас в состоянии бодрствования, но это могут быть самые не существенные и ничего не значащие детали. Здесь я цитирую тех авторов, которых это больше всего удивило.

Гильдебрандт (Hildebrandt, 1875): «Как же удивительно, что сновидение обычно строится не из важных и животрепещущих элементов, не из тех существенных интересов человека, которые его занимают в течение дня, а из незначительных происшествий, бессмысленных обрывков недавних переживаний и событий недавнего прошлого! Смерть близкого родственника, которая потрясла нас до глубины души, после чего мы долго не можем уснуть, стирается из нашей памяти, до того момента, пока при пробуждении горе не обрушивается на нас снова. А вот бородавка на лбу незнакомого человека, который встретился нам на пути, о котором мы и не думали, тотчас же пройдя мимо, становится важным эпизодом в нашем сновидении…»

Штрюмпель (Strümpell, 1877) упоминает о том, что: «…в анализе сновидения выявляются такие его элементы, которые выросли из позавчерашних ничего не значащих и не существенных впечатлений. Это могут быть случайно слышанные фразы или мимоходом замеченные поступки других людей, мимолетные впечатления о вещах или людях, разрозненные фразы из прочитанных книг и т. п.».

Гэвлок Эллис (Havelock Ellis, 1899) упоминает о том, что: «На наше сознание в состоянии сна оказывают глубокое влияние вовсе не глубокие эмоции, которые мы испытываем в состоянии бодрствования, не те вопросы и проблемы, которые мы решали, напрягая свою волю и направляя на это свою психическую энергию. Что же касается того, что произошло накануне сновидения, то во сне проявляются мелкие, случайные и "забытые" впечатления повседневной жизни. Наиболее интенсивно бодрствуют именно те виды психической деятельности, которые дремлют в самой глубине души».

Именно на эти особенности памяти, которые проявляются во сне, указывает Бинц (Binz, 1878) и, пользуясь случаем, заявляет, что его не устраивают те объяснения сновидений, которыми пользовался и он сам: «И наблюдая за обычным сновидением, задаешь себе те же самые вопросы. Почему-то нам не всегда снится то, что происходило накануне, и вместо этого мы, безо всякой на то очевидной причины, погружаемся в полузабытое прошлое, от которого нас отделяет большой промежуток времени. Почему во сне сознание так живо воспроизводит *ничего не значащие* картинки из памяти, а клетки мозга, в которых хранятся самые значимые воспоминания о нашем опыте, бездействуют и

безмолвствуют, если только при пробуждении эти воспоминания вдруг властно не заявят о себе?»

Нам нетрудно понять, как эта странная особенность памяти в сновидении к незначительным и потому не попадающим в поле нашего внимания повседневным мелочам чаще всего отвлекает нас от того, как именно наши сны связаны с нашим состоянием бодрствования, или, по меньшей мере, затрудняют для нас поиск доказательств такой взаимосвязи в каждом конкретном случае. И потому, когда мисс Уайтон Калькинс (miss Whiton Calkins) проводила статистическую обработку своих сновидений (и сновидений ее друга), то выявились 11 % снов, которые не удалось логически связать с событиями в состоянии бодрствования. Гильдебрандт (Hildebrandt, 1875), без сомнения, был прав, утверждая, что можно было бы понять, откуда взялись сновидения, если бы мы каждый раз уделяли достаточно времени исследованию их происхождения. Для верности он называет такую работу «чрезвычайно трудной и неблагодарной». Потому что тогда в большинстве случаев мы были бы вынуждены яростно искать разного рода мелочи и незначительные события прошлого в самых отдаленных уголках памяти, о которых мы забыли уже через час после того, как это с нами произошло». Приходится лишь сожалеть о том, что автор этого проницательного замечания не последовал по верному пути, который привел бы его к самой сути проблемы интерпретации сновидений.

То, как проявляется действие памяти в сновидении, безусловно важно и для любого исследования памяти в принципе. Из этого мы узнаем, что «любое событие нашей психической жизни не проходит бесследно» (Scholz, 1893), или, как полагает Дельбеф (Delbouef, 1885), «Всякое впечатление, даже совершенно незначительное, оставляет неизгладимый след, и однажды оно вдруг напомнит о себе». К такому выводу мы можем прийти, наблюдая за многими другими патологическими явлениями душевной жизни человека. Давайте помнить об этой удивительной силе памяти в сновидении, чтобы понять противоречие, которое выходит на первый план во многих теориях сновидения, которые гласят, что сны абсурдны оттого, что мы частично забываем о событиях и впечатлениях минувшего дня.

Кто-то попытается утверждать, что сновидения и воспоминания – это одно и то же, и считать, что в сновидении воспроизводится какая-то деятельность человека в состоянии бодрствования, которая не дает ему покоя и ночью. Подобное утверждение делал и Пильц (Pilcz, 1899), считая, что можно продемонстрировать определенное соответствие между временем сновидения и его содержанием: во время глубокого сна ночью воспроизводятся события отдаленного прошлого, а к утру – недавние. Но такое мнение кажется маловероятным, исходя из того, как именно представлен во сне материал воспоминаний. Штрюмпель (Strümpell, 1877) справедливо привлекает наше внимание к тому обстоятельству, что во сне воспоминания о пережитом не повторяются. Правда, что сновидение развивается в этом направлении, но далее этого не наблюдается, оно уже принимает иную форму или в нем происходит нечто совершенно новое. Во сне воспроизводятся лишь какие-то фрагменты реальности, и это позволяет нам прийти к теоретическому обобщению. Но бывают и исключения, и тогда эпизод из реальной жизни воспроизводится в сновидении точно так же, как он появлялся в нашей памяти в состоянии бодрствования. Дельбеф (Delboeuf, 1885) вспоминает, что один его коллега из университета во сне во всех деталях снова пережил опасное путешествие, во время которого лишь чудом избежал гибели. Мисс Калькинс рассказывает о двух сновидениях, которые точно воспроизвели переживания минувшего дня, а в следующей главе у меня будет возможность привести пример событий из моего детства, которые во сне были воссозданы без малейших изменений[17].

[17] Последующий опыт убедил меня в том, что довольно часто невинные и ничего не значащие события минувшего дня повторяются в сновидении: например, упаковка дорожного саквояжа, приготовление пищи на кухне и т. д. В этих сновидениях для спящего важно не само содержание, а факт реальности происходящего: «Я и правда делал это накануне» (см. далее, эта тема затрагивается вновь, и в главе 5 снова воспроизводятся

B. Стимулы и источники сновидений

Есть такая пословица: «Все сны – от несварения желудка». Основная мысль этой пословицы заключается в том, что сновидение зависит от того, что потревожило человека во время сна. Мы бы не видели никаких снов, если бы во сне с нами ничего не происходило, а сон – это реакция на внешнее воздействие.

В исследованиях, посвященных сновидениям, важное место занимают споры о будоражащих воображение причинах снов. Очевидно, что эту проблему стали обсуждать, когда сновидения стали предметом биологических исследований. В древности люди верили в божественное происхождение сновидения, их не интересовали его стимулы; для них сновидение являлось результатом воздействия божественных или демонических сил, а содержание снов определялось особыми знаниями или намерениями этих сил. Но в науке с первых ее шагов возник вопрос, одинаковы или разнообразны стимулы сновидения, и вследствие этого следует ли искать объяснение причин снов в области психологии или физиологии. Большинство авторов считают, что воздействующие на сон факторы, а потому и сами сны, могут быть весьма разнообразны и что как физические, так и душевные стимулы могут оказывать существенное воздействие на сновидение. В зависимости от того, какой позиции придерживаются авторы, их мнения разделяются, и это оказывает влияние на классификацию этих факторов в соответствии со степенью их значимости.

Все источники сновидений можно разбить на четыре группы, на основе которых строятся классификации сновидений:

1. Внешний (объективный) чувственный стимул.
2. Внутренний (субъективный) чувственный стимул.
3. Внутренний (органический) физиологический стимул.
4. Исключительно психические источники сновидений.

1. Внешние сенсорные стимулы

Штрюмпель-младший (Strümpell, 1883–1884), сын философа, о котором мы здесь упоминали, чьи исследования сновидений, насколько это известно, послужили основой для изучения проблем сновидений, сделал записи наблюдений за пациентом, который страдал общей анестезией телесных покровов и параличом некоторых высших органов чувств. Этот пациент немедленно засыпал, когда ему блокировали немногие оставшиеся у него активными органы чувств. Когда мы хотим заснуть, мы стараемся привести себя в состояние, которое напоминает состояние этого пациента из опыта Штрюмпеля. Мы блокируем важнейшие органы чувств, глаза и стараемся защитить другие чувства от всех стимулов или изменений, которые могут на них воздействовать. Тогда мы и засыпаем, хотя иногда нам это в полной мере и не удается. Потому что полностью отключить наши органы чувств мы не можем, как не в состоянии мы и полностью загасить возбуждение в них. То обстоятельство, что мы можем в любой момент проснуться, свидетельствует о том, «что сознание и во сне постоянно взаимодействует с внешним миром». Стимулы, воздействующие на наши чувства во время сна, вполне могут породить сновидения.

Таких стимулов существует очень много, начиная с тех, которые способствуют засыпанию или случайно связаны со сном, до тех случайных сигналов, которые его прерывают. Нас может разбудить свет, который почувствуют наши глаза, или какой-то шум, на слизистую оболочку нашего носа может воздействовать какой-то запах. Мы можем случайно повернуться во сне, с нас сползет одеяло и нам станет холодно, или мы можем повернуться на другой бок, к чему-то прижаться или прикоснуться во сне. Нас может

некоторые из вышеприведенных примеров сновидений).

укусить комар, или что-то еще окажет воздействие сразу на несколько органов наших чувств. Наблюдатели привлекают наше внимание к тому, что множество сновидений, в которых стимул, доступный сознанию при пробуждении, и какие-то фрагменты сновидения так тесно взаимосвязаны, что их можно считать источником этого сновидения.

Здесь я приведу ряд примеров подобных сновидений на основе работ Иессена (Jessen, 1855), каждое из которых связано с более или менее случайным стимулом. Каждый случайный шорох провоцирует связанное с ним сновидение, из-за раскатов грома нам снится, что мы на поле битвы, крик петуха превращается в чей-то крик ужаса, вот скрипнула дверь, и нам кажется, что на наш дом напали. Когда ночью с нас сползло одеяло, нам снится, что мы ходим голышом или упали в воду. Когда мы лежим поперек кровати, а ноги свесились с нее, нам снится, что мы стоим на краю ужасной пропасти или падаем с огромной высоты. Если голова случайно оказывается под подушкой, нам кажется, что над нами нависла огромная скала, которая вот-вот рухнет на нас. Выработка спермы вызывает эротические сновидения, если что-то заболело, то нам снится, что на нас напали или ранили…

«Мейере (Meier, 1758) приснилось, что на него напало несколько человек, которые распяли его на земле, вколотив в землю шест между большим и вторым пальцами его ноги. Проснувшись, он увидел, что между пальцами на ноге у него застряла соломинка. Гемминсу (Hemmins, 1784) однажды приснилось, что его повесили: проснувшись, он понял, что ворот сорочки сдавил ему шею. Гоффбауеру (Hoffbauer, 1796) в юности приснилось, что он упал с высокой стены; когда он проснулся, то заметил, что кровать под ним сломалась и что он действительно упал на пол… Грегори сообщает, что однажды, ложась спать, он приложил к ногам грелку с горячей водой, и ему приснилось, что он совершил восхождение на вершину вулкана Этна, и там раскаленная земля невыносимо обжигала его ноги. Пациенту, которому на голову поставили шпанские мушки, приснилось, что индейцы сняли с него скальп; а другому человеку, у которого намокла сорочка, приснилось, будто сильное течение уносит его вниз по реке. У одного пациента во сне произошел припадок подагры, и ему приснилась, что его страшно пытают инквизиторы (Macnish, 1835)».

Мысль о том, что между стимулом сновидения и его содержанием существует тесная взаимосвязь, получила бы подтверждение, если бы удалось целенаправленно подвергнуть спящего человека цепочке стимулов и вызвать у него таким образом конкретные сновидения, которые бы этим стимулам соответствовали. Макниш, которого цитирует Иессен (Jessen, 1855), сообщает, что подобные опыты уже производились Жиру де Бузаренгом (Girou de Buzareingues, 1848). «Он засыпал, не укрыв одеялом колени, и тогда ему снилось, что на улице ночь и он едет в дилижансе. Он напомнил о том, что путешественникам известно, как сильно обычно замерзают ночью голени, когда едешь в дилижансе. В другой раз он оставил затылок непокрытым перед сном, и ему приснилось, что он присутствует на церковной службе, которая совершается под открытым небом.[18] В его стране было принято постоянно носить головные уборы, но на религиозных церемониях такого рода снимать их».

Мори (Maury, 1878) сообщает о наблюдениях за собственными снами, которые он искусственно вызвал у себя подобным образом. (Многие другие его эксперименты оказались неудачными.)

1. Его щекотали по губам и по носу перышком, и ему снилась страшная пытка, во время которой ему мазали смолой лицо и потом сдирали вместе с кожей.

2. Когда он спал, точили один нож о другой, и ему снился колокольный звон, потом набат; ему приснилась революция 1848 г.

3. К его ноздрям подносили одеколон, и ему снилось, что он в Каире, в лавке Иоганна

---

[18] Напомним современным читателям, привыкшим к центральному отоплению, что оно появилось в домах Европы и Англии лишь в середине прошлого века, поэтому перед сном было принято мужчинам надевать ночной колпак, а дамам – чепчик, чтобы голова не замерзала во сне. О грелке в ногах уже упоминалось выше. – *Примеч. ред.*

Марии Фарины. Ему снились приключения, но, проснувшись, вспомнить их он не смог.

4. Его слегка щипали за шею, и тогда ему приснилось, что ему ставит мушки врач, который лечил его в детстве.

5. К его лицу подносили раскаленный утюг, и ему приснились «шофферы» (так называли разбойничью банду в Вандее, которые таким образом пытали пленников), они ворвались в дом и требовали от живших там людей денег, поставив их босыми на раскаленные уголья. Вдруг появляется герцогиня Абрантская, и ему приснилось, что он ее секретарь.

6. Ему капнули водой на лоб, и ему приснилось, что он в Италии, он вспотел от жары и пьет белое вино из Орвьето.

7. Зажигали свечу, отгораживали ее красной бумагой и подносили к его лицу, и тогда ему приснилась страшная гроза. Он плыл на корабле, на котором однажды уже попал в бурю в Ла-Манше.

Д'Эрвей (Hervey de Saint-Denys, 1867), Вейгандт (Weygandt, 1892) и другие исследователи тоже проводили эксперименты, в которых искусственно вызывали сновидения.

Многие замечали, как удивительно вплетались в сновидения неожиданные впечатления из окружающего мира, и тогда человеку снилась постепенно надвигающаяся катастрофа (Hildebrandt, 1875). «Раньше, – сообщает этот автор, – я постоянно заводил будильник, чтобы вставать в определенное время по утрам. Сотни раз происходило так, что звон будильника вплетался в связное сновидение, которое длилось, вероятно, довольно долго, словно оно специально подстраивалось под будильник и звук его был для этого сна уместным и логичным кульминационным моментом, его неизбежной развязкой».

Сейчас я должен обязательно привести три других примера с будильником, которые становятся иллюстрациями к другим рассуждениям.

Фолькельт (Volkelt, 1875) пишет: «Одному композитору приснилось однажды, что он вел урок в школе, объясняя что-то ученикам. Затем он обратился к одному из мальчиков с вопросом: «Понятно?» Тот кричит, как сумасшедший: «О, ja!» Учитель рассердился и велел ему замолчать. Но тут весь класс закричал: «Orja!» А потом: «Eurjo!» И наконец: «Feuerjo!» Его разбудил крик на улице: «Пожар» («Feuer!»).

Гарнье (Garnier, 1865) рассказывает о том, как однажды Наполеону, задремавшему в экипаже, приснился взрыв при форсировании реки Тальяменто и канонада австрийцев, он подскочил и закричал: «Нас взорвали!»

У Мори (Maury, 1878) есть одно знаменитое сновидение. Он болел и лежал в своей комнате в постели; его мать сидела рядом с ним. Ему приснился революционный террор; страшные убийства и что он сам предстал пред трибуналом. Там ему приснились Робеспьер, Марат, Функье-Тенвиль и все другие печально известные деятели этой страшной эпохи, они допрашивали его, он был осужден и в сопровождении огромной толпы препровожден на место казни. Он поднялся на эшафот, палачи связали ему руки; сверху на него обрушивается нож гильотины, он чувствует, как ему отрубили голову, в неописуемом ужасе просыпается и видит, что во сне откинулся на диванный валик и уперся затылком о край дивана.

Из-за этого сновидения разгорелась интересная дискуссия между Ле Лорреном (Le Lorain, 1894) и Эггером (Egger, 1895) в журнале «Revue philosophique», в которой они обсуждали, успеет ли спящий человек прожить во сне такой насыщенный сюжет за короткий отрезок времени, от момента воздействия на него пробуждающего стимула до самого момента пробуждения, а если да, то как это возможно[19].

Подобные примеры доказывают, что объективные стимулы, воздействующие на человека во сне, являются самыми явными источниками сновидений и только о них обыватель имеет сколько-нибудь определенное представление. Если мы спросим у

---

[19] См. далее.

образованного человека, который ничего не читал о сновидениях, что их порождает, то он, безусловно, вспомнив про какой-то конкретный сон, скажет, что такой сон возник в силу какого-то внешнего стимула. Но для научного исследования такого объяснения недостаточно, необходимо проводить дальнейшие исследования, и мы убедимся, что стимул, который воздействует на чувства спящего человека, проявляется совершенно в иной форме и его заменяет другой образ, каким-то образом связанный с исходным стимулом. Но взаимосвязь между этим стимулом и тем сном, который он создал, как указывает Мори, «это некая связь, которая не является ни единственной, ни исключительной» (1854). Если мы изучим, например, описания трех сновидений Гильдебрандта (1875), связанных с сигналом будильника, то зададимся вопросом, отчего один и тот же стимул вызывает такие различные сновидения и почему они выглядят именно так, а не иначе.

«Ранним весенним утром я бреду по зеленому лугу в соседнюю деревню; ее жители нарядились для праздника и с молитвенниками в руках направляются в церковь. Я вспоминаю, что сегодня воскресенье и скоро начнется церковная служба. Я решаю принять в ей участие, но мне очень жарко, и я решаю побыть немного снаружи, на церковном погосте. Я читаю эпитафии на могилах и слышу, как звонарь поднимается на колокольню, вижу там небольшой колокол, который возвестит о начале богослужения. Сначала он неподвижен, потом вдруг слышится звон, такой громкий, что я просыпаюсь. Оказывается, это не колокольный звон, это сигнал моего будильника».

«Второй сюжет сновидения. Солнечный зимний день; улицы утопают в снегу. Я обещал покататься на санях, но мне нужно подождать немного, и вот говорят, что сани поданы. Я готовлюсь сесть в сани, надеваю шубу, обуваюсь потеплее, и вот я уже сижу там. Но нужно подождать еще немного. Наконец вожжи натянуты, и бубенчики звенят так громко, что их знакомая мелодия мгновенно разрывает паутину сна. Снова оказывается, что это звенит мой будильник».

«Вот мой третий сон. Я вижу, как кухарка по коридору направляется в столовую со стопкой тарелок. Мне страшно смотреть на эту фарфоровую колонну в ее руках, мне кажется, что она вот-вот рухнет. "Осторожно! – вскрикиваю я. – Ты же сейчас все это уронишь"». Она, как обычно, успокаивает меня: дело привычное, ничего страшного. Я с беспокойством смотрю ей вслед. И конечно, на пороге она спотыкается, и все тарелки со звоном и грохотом падают и вдребезги разбиваются. Они все грохочут и отчего-то превращаются в продолжительный звон; я просыпаюсь и понимаю, что это зазвонил мой будильник».

На вопрос о том, отчего в спящем сознании искажаются объективные чувственные стимулы, ответил Штрюмпель (Strümpell, 1877), а Вундт (Wundt, 1874) практически слово в слово повторил его объяснения. Два этих исследователя полагают, что такое искажение происходит потому, что, когда сложные стимулы грубо вторгаются в сознание спящего, оно не в состоянии переработать их должным образом и потому, в смятении, порождает иллюзии.

Мы воспринимаем это впечатление и правильно его интерпретируем – то есть в нашей памяти оно соответствует какой-то группе воспоминаний, что продиктовано нашим предшествующим опытом, если это впечатление сильное, ясное и достаточно продолжительное и если нам хватает времени на его переосмысление. Но если эти условия не соблюдаются, то мы неправильно интерпретируем объект – источник впечатления и на основе этого впечатления конструируем иллюзию. «Когда гуляешь по лугу и вдали что-то виднеется, можно подумать, что это лошадь». Подойдя поближе, мы можем решить, что это лежит корова, а сделав еще несколько шагов, выясняем, что это – группа людей, сидящих на траве. Впечатления, которые формируются у нас в сознании во время сна под воздействием внешних стимулов, такие же нечеткие; из них вырастают иллюзии, потому что это впечатление пробуждает разное количество образов, хранящихся в памяти, и так приобретает смысл в качестве события из психической жизни человека. А что касается вопроса о том, в какой области наших воспоминаний проявляются эти образы и какие из

возможных ассоциативных связей при этом проявятся, а также, как считает Штрюмпель, понять, как это происходит, невозможно, и это, так сказать, игры нашего разума.

Выбор за нами. Мы можем признать, что законы формирования снов сформулировать невозможно, и тогда не задаваться вопросом, зависит ли возникшая в силу воздействия внешнего сенсорного воздействия иллюзия от каких-то других условий или нет. Или можем предположить, что объективное воздействие на органы наших чувств, пока мы спим, лишь в незначительной степени обусловливает сновидение и что от других факторов зависит, что именно нам приснится. Безусловно, тщательно изучая опыт Мори, который вызывал сновидения искусственно во время своих экспериментов, о которых я не случайно рассказал здесь так подробно, захочется возразить, что в его исследованиях прослеживается источник лишь одного элемента сна, а все остальное в нем, кажется, не имеет с этим элементом никакой связи, и там столько деталей, которые невозможно объяснить с какой-то одной точки зрения. Например, нельзя утверждать, что они должны соответствовать тому элементу, который искусственно использовался во время эксперимента. Конечно, начинает казаться сомнительной даже теория иллюзий и способность объективного стимула порождать сновидения, когда становится понятно, что это впечатление временами причудливо и странно меняется в сновидении. Например, М. Симон (Simon, 1888) рассказывает, как ему приснились сидевшие за столом великаны и он отчетливо слышал их громкое жевание. Проснувшись, он услышал, как стучат копыта лошади, которая галопом промчалась под окнами его дома. Если в этом случае топот лошадиных копыт навеял образы из книги о *путешествиях Гулливера* к великанам Бробдингнегам и добродетельных разумных существ в облике лошадей-гуингмов[20], именно так я бы интерпретировал это сновидение, не опираясь на помощь автора этого примера, то разве нельзя утверждать, что такая связь между стимулом и сновидением настолько неестественна, что необходимо продолжить искать другие его источники?[21]

2. Внутренние (субъективные) сенсорные стимулы

Несмотря на все возражения, мы вынуждены признать, что объективные чувственные стимулы во время сна играют важную роль в качестве источника сновидений, и, если такие стимулы, в силу своей природы и того, как они часто возникают, кажутся недостаточно серьезными в качестве объяснения возникающих во сне образов, то нам следует стремиться обнаружить и другие источники сновидений, которые функционируют похожим образом. Я не знаю, когда возникла мысль о том, что наряду с внешними стимулами нужно изучать и внутренние (субъективные) стимулы, возникающие в органах чувств; но эта тенденция проявилась более или менее явно во всех исследованиях этиологии сновидений в течение последних лет. «Я полагаю, – сообщает Вундт (Wundt, 1874), – что важную роль в формировании иллюзий в сновидениях играют субъективные зрительные и слуховые ощущения, которые мы испытываем в состоянии бодрствования, такие как как неясное восприятие света, когда наши глаза закрыты, шум и звон в ушах и т. д., особенно же субъективные раздражения сетчатки. Этим и объясняется изумительная склонность сновидения вызывать перед взглядом спящего множество аналогичных или вполне совпадающих между собою объектов. И тогда нам мерещатся стаи птиц, бабочек, рыбы, пестрые камни, цветы и т. п. Сияющие мелкие искры на темном фоне, которые мы при этом

---

[20] Гуингмы – персонажи одного из путешествий Гулливера из книги Джонатана Свифта, достойные разумные существа в облике лошадей. – *Примеч. ред.*

[21] Возникновение гигантских фигур в сновидении наводит на предположения, что это воспоминание о какой-то сцене из детства (см. далее). Кстати говоря, это дополнение эпизодом с «Путешествиями Гулливера» представляет собой яркий пример того, каким не должно быть толкование сновидений. Толкователю сновидений не нужно давать волю своей фантазии, игнорируя ассоциации самого рассказчика о сновидении.

видим, принимают фантастические формы, а светящиеся точки, из которых они состоят, во сне превращаются в различные образы, которые воспринимаются как движущиеся объекты оттого, что этот светящийся хаотичный поток движется. Вот почему во сне мы видим разных животных, потому что субъективным образам, состоящим из светящихся точек, проще принять их разнообразный облик».

Преимущество субъективных чувственных стимулов, порождающих сновидения, заключается в том, что они, в отличие от объективных, не зависят от внешних факторов. С их помощью можно интерпретировать сновидение всякий раз, когда в этом возникает необходимость. Но по сравнению с объективными стимулами у них есть недостаток, который заключается в том, что весьма трудно установить, до какой степени они действительно спровоцировали сновидение, а в отношении внешних стимулов это можно проверить посредством наблюдений или организации эксперимента. Доказать, что субъективные чувственные стимулы могут породить сны – это так называемые гипнагогические галлюцинации, которые Иоганн Мюллер (Müller,1826) обозначил с помощью термина «фантастические зрительные явления». Чаще всего это живые и изменчивые картины, которые видят многие люди в тот момент, когда начинают засыпать и которые остаются у них перед глазами какое-то время после того, как они проснулись. Мори, который часто видел такие образы, провел их тщательное исследование и полагал, что они связаны с тем, что человеку снится, или полностью совпадают с его снами. Иоганн Мюллер утверждал то же самое. Мори уверен, что для того, чтобы у человека возникли такие образы, его психика должна до некоторой степени находиться в пассивном состоянии, его внимание не должно быть напряжено. Но человек может испытать гипнагогическую галлюцинацию при любом состоянии сознания, если оно на какой-то момент отключится, а потом снова вернется в состояние бодрствования, и затем, то входя в это состояние, то выходя из него, он наконец заснет. А если потом он вскоре проснется, то, как указывает Мори, в сновидении этого человека часто удается проследить гипнагогическне образы-галлюцинации, которые у него возникали до того, как он заснул. Мори (Maury, 1878) сообщает о том, как ему привиделись разные странные фигуры с искаженными лицами и странными прическами, пока он засыпал, а потом, после пробуждения, он вспомнил, что они ему явились во сне. А как-то раз, когда он соблюдал строгую диету и очень страдал от голода, ему привиделось, как кто-то с вилкой в руке брал еду с тарелки в одном из гипнагогических образов. Ему снился богато накрытый стол, он слышал, как стучат вилки и ножи. А в другой раз, когда у него устали глаза и он заснул, в форме гипнагогической галлюцинации ему привиделись крохотные значки, которые ему никак не удавалось разобрать; проснувшись через час, он вспомнил, как ему приснилась открытая книга с мелким шрифтом, которую он читал с большим трудом.

Не только образы, но и слуховые галлюцинации, в которых звучат слова, имена и т. д., могут появляться в качестве гипнагогических галлюцинаций, а затем повторяться в сновидении, как увертюра, в которой звучит основная мелодия оперы.

Новый исследователь гипнагогических галлюцинаций Г. Трембелль Лэдд (G. Trumbull Ladd, 1892) придерживается тех же принципов, что Иоганн Мюллер и Мори. После некоторой тренировки ему удалось спустя две-три минуты после постепенного засыпания сразу просыпаться, оставаясь с закрытыми глазами; так он мог сравнивать исчезающие образы, которые фиксировались на сетчатке, со сновидениями, которые он помнил. Он утверждает, что существует взаимосвязь между этими двумя видами образов и что светящиеся точки и линии на сетчатке, так сказать, повторяют общую схему только что закончившегося сновидения. Например, ему приснились печатные строки в виде параллельных линий, он их читал, изучал, следуя расположению световых точек на сетчатке. По мнению Лэдда, маловероятно, чтобы они могли возникнуть независимо от подобных раздражений в области сетчатки. Это в особенности касается сновидений, возникающих сразу вслед за тем, как человек заснул в темной комнате, а на утренние сновидения и те, что возникают накануне пробуждения, влияние оказывает свет, который пробивается в комнату,

выступая в качестве внешнего объективного стимула. Изменчивый и подвижный характер зрительного возбуждения, возникающего от воздействия света на сетчатку, полностью соотносится с последовательностью зрительных образов во сне. Если мы признаем наблюдения Лэдда ценными, то этот субъективный источник стимулов тоже следует считать значимым; поскольку, как нам известно, именно из зрительных образов в основном и состоят наши сны.

3. Внутренние (органические) физиологические стимулы

Если нас интересуют не внешние, а внутренние источники сновидений, то нам следует помнить, что почти все наши внутренние органы, которые почти не напоминают нам о себе, пока мы здоровы, в состоянии возбуждения во время болезни причиняют нам весьма неприятные ощущения, точно так же, как и внешние болевые стимулы. Штрюмпель (Strümpell,1877), например, напоминает о том общеизвестном факте, что: «Во сне душа находится с телом гораздо в более глубоком контакте, чем в состоянии бодрствования; и на нее оказывают воздействие некоторые стимулы, которые провоцируют различные части тела и изменения в них, недоступные в состоянии бодрствования». Даже Аристотель считает вполне вероятным, что сновидение может предупредить человека о начале болезни, совершенно не заметной в состоянии бодрствования (потому что во сне ощущения переживаются острее, а некоторые авторы медицинских трудов, хотя и не верили в пророчества, которые приходят в снах, признавали, что сны – это важно и они помогают поставить диагноз (Simon, 1888 и многие другие исследователи прежних лет)[22].

Похоже, что и в наши дни можно найти достаточно много примеров того, как с помощью сновидений ставится диагноз. Например, Тиссье (Tissié, 1898), цитируя Артига (Artiges, 1884), упоминает об одной 48-летней женщине, которую в течение нескольких лет, хотя она была вполне здорова, преследовали кошмары и у которой затем в ходе медицинского обследования выявили начальную стадию сердечно-сосудистого заболевания, от которого она и страдает в настоящее время.

Серьезные заболевания внутренних органов, безусловно, порождают сновидения в целом ряде случаев. О беспокойных сновидениях тех, кто страдает от заболеваний сердца и легких, знают многие; и роль сновидений здесь так часто подчеркивалась в множестве трудов на эту тему, что я просто хочу сослаться здесь на эти работы (см. труды Radestock, Spitta, Maury, M. Simon, Tissié). Тиссье полагает, что заболевание каждого конкретного органа порождает специфические сновидения. Сны тех, кто страдает от сердечно-сосудистых заболеваний, обычно весьма непродолжительны и заканчиваются пробуждениями от кошмаров, им часто снится, что они погибли при ужасных обстоятельствах. Во сне страдающие от заболеваний легких испытывают удушье, им кажется, что на них сверху упало что-то тяжелое, они с кем-то борются, и очень многим из них снится этот кошмар, который Бернер (Börner, 1855) вызывал у себя во время эксперимента, засыпая, уткнувшись лицом в подушки, закрыв нос и рот. При расстройствах пищеварения спящему снится еда,

---

22 Снам в эпоху Античности приписывалось не только диагностическое значение (например, в работах Гиппократа, о которых мы уже упоминали), но и терапевтическое, и это следует учитывать. У греков существовали оракулы, которые толковали сновидения, и к ним обычно обращались больные, стремившиеся к исцелению. Такой больной отправлялся в храм Аполлона или Эскулапа, там он участвовал в различных церемониях, его купали, умащали маслами, окуривали благовониями. Когда после этих процедур пациент приходил в измененное состояние сознания, его укладывали в храме на шкуру принесенного в жертву барана. Он засыпал, и ему снились целебные средства, в их естественном виде или символически, они представали ему в виде образов, которым затем жрецы должны были дать толкование. Более подробно о терапевтическом значении у древних греков можно прочесть у Леманна (1908), Буше – Леклерка (Bouche – Leclerc, 1879–1882), Херманна (Hermann, 1858, § 41, 1882, § 38), Бетингера (Bottinger, 1795), Ллойд (Lloid, 1887), Делингера (Dollinger, 1857). Комментарий о диагностическом значении сновидений можно найти у Фрейда в одной из его работ (Freud, 1917d).

рвота и т. п. И наконец, всем известно, как именно сексуальное возбуждение влияет на содержание сновидений, что является веским аргументом в пользу теории о том, что содержание снов обусловлено ощущениями во внутренних органах человека.

Более того, если мы изучим труды, посвященные сновидениям, то станет очевидно, как некоторые авторы, например Мори (Maury, 1878, с. 451) и Вейгандт (Weygandt, 1893), стали изучать проблемы сновидений из-за собственных проблем со здоровьем.

Не так важно пытаться обнаружить новые источники подобного рода сновидений, как это могло бы показаться; поскольку в конечном счете сны бывают и у здоровых людей, а возможно, и у всех людей без исключения, и так происходит вовсе не оттого, что эти люди чем-то болеют. Вопрос не в том, что порождает конкретные сновидения, а что же служит импульсом для обычных сновидений обычных людей.

Но стоит сделать лишь шаг вперед, чтобы обнаружить источник значительно большего количества сновидений, источник практически неиссякаемый. Было установлено, что больные внутренние органы порождают сновидения, и если мы согласимся с тем, что когда во сне сознание отключается от внешнего мира и становится более восприимчиво к сигналам, которые ему подают внутренние органы, то признаем, что совершенно не обязательно, чтобы эти органы были поражены болезнью, чтобы порождать сновидения. То, что в состоянии бодрствования мы ощущаем как общее состояние нашего самочувствия, в результате его какой-то конкретной характеристики, и, по мнению врачей, такие ощущения порождают все наши внутренние органы, вместе взятые, во сне воспринимается острее и, под воздействием своих индивидуальных компонентов, выступает в качестве самых ярких и необычных источников сновидений. И нам следует выявить те законы, в соответствии с которыми органические стимулы превращаются в образы из снов.

Именно эта теория происхождения сновидений пользуется наибольшей популярностью среди авторов трудов по медицине. Наше таинственное «я», *«moi splanchnique»* – «внутреннее я», как его обозначает Тиссье, и таинственность, окутывающая источники сновидения, так перекликаются друг с другом, что установить их взаимосвязь просто необходимо. Теория, в соответствии с которой органические ощущения порождают сны, также привлекательна для терапевтов, поскольку дает возможность установить этиологическую взаимосвязь сновидения и душевных расстройств, между которыми так много общего, поскольку изменения в основной массе органических ощущений и в тех стимулах, которые исходят от внутренних органов, также имеют далеко идущее значение для выявления причин психозов. Потому неудивительно, что теория, в которой представлены органические стимулы, возникает благодаря трудам нескольких различных авторов, каждый из которых разрабатывал ее положения самостоятельно и независимо от других авторов.

Целый ряд авторов разделяли мнение Шопенгауэра (Schopenhauer), которое он высказал в 1851 г. Наши представления о вселенной восходят к тем воспоминаниям, которые формируются в наших представлениях о ней под воздействием времени, пространства и причинно-следственных связей. Днем, в состоянии бодрствования, стимулы порождаются симпатической нервной системой, и, в лучшем случае, мы лишь подсознательно ощущаем, как они влияют на наше душевное состояние. А вот ночью, когда на нас больше не оказывают воздействия внешние явления, те впечатления, которые возникают под воздействием внутренних импульсов, привлекают к себе наше внимание; так, ночью нам лучше слышно журчание ручейка, которого днем мы не слышали. Но как же еще может наш интеллект реагировать на эти стимулы, кроме как трансформируя их в соответствии со своими функциями в то, что подчиняется законам времени, пространства и причинно-следственным связям? Вот так и возникают сны. Шернер (Scherner, 1861), а за ним и Фолькельт (Volkelt, 1875) сумели выявить самые тонкие взаимосвязи между физиологическими импульсами и образами из сновидений; их точку зрения мы рассмотрим в главе о теориях сновидений.

Психиатр Краусс (Krauss, 1859) весьма логично проанализировал источники возникновения сновидений, а также психоза и делирия, сведя их к единому элементу –

ощущениям во внутренних органах. Невозможно представить себе часть организма, которая не могла бы породить сновидения и бред. Краусс утверждает, что первичные ощущения «можно разделить на две категории: (1) воздействующие на весь организм и всю систему в целом; (2) специфические ощущения – которые существуют в главных вегетативных системах организма; и те, что можно разделить на пять групп: (а) мышечные, (б) дыхательные, (в) пищеварительные, (г) сексуальные, (д) периферийные. «Краусс убежден, что образы из сновидений формируются из физиологических ощущений следующим образом: появившееся ощущение, в силу некой ассоциации, вызывает представление, которое каким-то образом связано с ним, и они соединяются в одно органическое целое, на которое сознание во сне реагирует не так, как в нормальном состоянии бодрствования. Поскольку оно фиксируется не на самом *ощущении,* а лишь на тех *образах,* которые при этом возникают, связанные с этим факты так долго не были поняты должным образом. Краусс обозначает этот процесс особым термином – «транссубстантивацией ощущений в сновидениях».

Влияние органических физиологических стимулов на формирование сновидений сегодня получило всеобщее признание, но какие законы лежат в их основе, пока неясно, и мнения на этот счет противоречивы. На основании теории физиологического возбуждения особая цель толкования сновидений заключается в том, чтобы связать содержание сновидений и вызывающие его органические стимулы. И если мы не согласны с правилами, которые сформулировал Шернер (Scherner, 1861), то приходится согласиться с неприятным фактом, что органическая природа возбуждения часто проявляется лишь в содержании снов.

Но «типичные» формы сновидений интерпретируются практически одинаково, так как у большинства людей они имеют практически аналогичное содержание. Это такие знакомые всем сновидения, как падение с высоты, выпадение зубов, полеты или чувство стыда, которое человек испытывает во сне оттого, что он голый или одет неподобающе. Последнее сновидение обычно возникает, когда спящий сбрасывает с себя одеяло и спит обнаженным. Сны о выпадении зубов обычно возникают из-за ощущений в полости рта, при этом не обязательно, чтобы у человека болели зубы. Штрумпель (1877), вслед за Шернером, считает, что человеку снится, как он летает во сне, оттого, что его легкие расширяются и сокращаются при дыхании, и при этом он так слабо ощущает кожу грудной клетки, что это не воспринимается сознанием. Потому человеку и снится, будто он парит в воздухе. Падение с высоты снится ему оттого, что во сне вдруг падает рука или неожиданно выпрямляется согнутое колено; когда он начинает постепенно осознавать эти ощущения, постепенно просыпаясь, то в этот момент ему и снится, что он падает. Эти довольно логичные попытки объяснения довольно несостоятельны потому, что при этом считается, что та или иная группа физиологических ощущений может или слабо восприниматься психикой человека, или ускользать от нее вовсе. До сих пор не было получено объяснений, как это происходит. Но далее у меня появится возможность вернуться к этим типичным сновидениям и прояснить их происхождение.

Сравнивая целый ряд похожих сновидений, М. Симон (Simon, 1888) попытался сформулировать некоторые законы о влиянии органических ощущений на сновидения: «Если во сне какая-либо система организма, с помощью которой обычно выражается аффект, по какой-то причине возбуждается до той степени, чтобы возник этот аффект, то в возникающем при этом сновидении появятся репрезентации, которые будут перекликаться с этим аффектом».

Далее он формулирует другое правило: «Если какой-либо орган во сне активно функционирует, стимулируется или его работа нарушается, то в сновидении появится репрезентация, которая отражает эту органическую функцию данного органа».

Моурли Вольд (Mourly Vold, 1896) предпринял попытку экспериментально обосновать предполагаемое влияние телесных ощущений на возникновение сновидений, воздействуя на какую-то конкретную область человеческого тела. Он менял положение конечностей спящего человека и сравнивал изменения в сновидениях с изменением поз спящего. Он

пришел к следующим выводам:

1. Положение частей тела спящего в сновидении приблизительно соответствует их положению в действительности, то есть человеку снится именно такое положение его тела, которое и существует в реальности.
2. Когда человеку снится какое-то определенное движение его тела во сне, то оно соответствует такому в действительности.
3. Поза спящего может во сне приписываться не ему, а другому человеку.
4. Ему может присниться, как что-то мешает совершить такое движение.
5. Конкретное положение какой-то части тела во сне может появиться у какого-то животного или чудовища, при этом может возникнуть аналогия между частью тела и этим существом из сна.
6. Движение частей тела во сне может так или иначе быть связано с этой частью тела. Например, если мы шевелим пальцами на руках, то нам могут присниться числа.

Я бы на основании этого сделал вывод, что даже теория физиологической стимуляции не может абсолютно опровергнуть того, что существует очевидная свобода в том, как и отчего возникают образы в сновидениях[23].

4. Психические источники возбуждения

Размышляя о том, каким образом сновидения связаны с происходящим в состоянии бодрствования и откуда возникают образы в них, мы узнали, что исследователи сновидений со времен древности до наших дней были убеждены, что людям снится именно то, чем они занимались днем и что их интересовало в состоянии бодрствования. Но такие интересы, соединяющие состояние бодрствования и сна, представляют собой не только психическую связь, но и порождают сновидения, и недооценивать важность этой взаимосвязи не следует. Наряду с прочими стимулами, которые активно воздействуют на спящего человека, они объясняют происхождение многих образов в сновидениях. Но есть и противоположное мнение на этот счет, что сновидение отвлекает человека от того, что его интересует днем, и что по ночам нам начинает сниться лишь то, что волновало нас раньше, появляясь в снах лишь когда оно утратило для нас связь с настоящим. И при анализе сновидений нам постоянно приходится сталкиваться с тем, что недопустимо выводить общие правила и законы в толковании снов, не прибегая при этом к таким терминам, как «часто», «обычно», «в большинстве случаев» и т. д., и при этом мы должны быть готовы признать исключения из этих правил.

Если бы этиологию сновидений можно было объяснить исключительно на основе интересов человека в состоянии бодрствования, то можно было бы объяснить все элементы сновидений, эта проблема была бы разрешена, и нам оставалось бы лишь разграничить роль психических и соматических импульсов, порождающих конкретные сновидения. Но в действительности такое исчерпывающее толкование сновидения невозможно, и каждый, кто к этому стремится, столкнется с рядом компонентов сновидения – обычно их бывает много, – обнаружить источники которых исследователь не в состоянии. Интересы человека в состоянии бодрствования как психический источник сновидений, по всей вероятности, не играют настолько значительной роли, чтобы с уверенностью заявить, что во сне человек продолжает переживать именно то, что волновало его в состоянии бодрствования.

Нам неизвестно о других психических источниках сновидений. Поэтому, за исключением теории Шернера, которую мы будем обсуждать далее, все теории сновидений уязвимы для критики везде, где предпринимаются попытки объяснить те образы и идеи, которые чаще всего возникают в качестве материала для сновидений. Сталкиваясь с этой

---

[23] Этот автор изложил описание своих экспериментов в двухтомном труде (1910 и 1912), о котором дальше пойдет речь.

дилеммой, большинство авторов склонны значительно недооценивать сложную роль психики в формировании сновидений. Такие исследователи проводят различие между сновидениями, обусловленными нервными импульсами, и сновидениями-ассоциациями, и утверждают, что сновидения второй категории просто воспроизводят какие-то события (Wundt, 1874), но они не в состоянии развеять сомнений по поводу того, могут ли такие сновидения сформироваться «без каких-либо стимулов органического происхождения» (Volkelt, 1875). При этом исчезает из поля зрения даже характерная особенность сна-ассоциации. Фолькельт указывает: «Нельзя утверждать, что в ассоциативных сновидениях присутствует постоянное ядро. Сама сущность этого сновидения нестабильна и подвижна. Воображаемая жизнь, уже не подвластная рассудку и интеллекту, больше не подчиняется психическим и физиологическим стимулам, которые удерживают ее как нечто целостное, и теперь она существует сама по себе, ничему не подчиняясь, пребывая в беспорядке» (Volkelt). Вундт также не придает психическим факторам первостепенного значения, утверждая, что «неверно считать фантазмы сновидений галлюцинациями в чистом виде. Вероятно, большинство образов в сновидениях в действительности являются иллюзиями: они обусловлены слабыми чувственными впечатлениями, которые во сне никогда полностью не исчезают». Вейгандт разделяет эту точку зрения и обобщает ее. Он полагает, что «непосредственными источниками сновидений являются, в первую очередь, чувственные стимулы, к которым затем присоединяются репродуктивные ассоциации». Тиссье придает психическим источникам сновидений еще меньше значения: «Снов, спровоцированных психическими факторами, не существует», и далее: «Мысли приходят в наши сны из внешнего мира».

Те авторы, которые разделяют умеренную позицию философа Вундта по этому вопросу, уверенно заявляют, что большинство сновидений возникают в результате воздействия на человека комплекса соматических и психических стимулов, которые во время бодрствования или им не осознаются, или отражают его интересы.

Далее мы выясним, что можно понять, как формируются сновидения, если вскрыть самые неожиданные психические источники возбуждения. Пока нам не следует удивляться тому, что стимулам сновидений, не связанным с психической деятельностью, отводилась такая значительная роль. Это происходит не только потому, что они легко доступны наблюдению и могут быть подтверждены экспериментально: мнение о том, что сновидения обусловлены соматическими стимулами, вполне в духе теорий, господствующих в настоящее время в области современной психиатрии. Безусловно, всячески подчеркивается, что именно мозг управляет организмом человека, но все, что указывает на возможность существования психических проявлений, независимых от органических изменений, или спонтанных психических проявлений, кажется современным психиатрам таким опасным, словно, признавая эти явления, мы вернемся во времена натурфилософии и метафизических представлений о природе человеческой души. Психиатры с недоверием относятся к душе, считая, что она, так сказать, должна постоянно быть под контролем, и тогда никакие душевные импульсы не могут существовать автономно. Таким образом, они не верят, что между физическими и психическими аспектами существует прочная причинно-следственная связь. Даже в тех случаях, когда исследование обнаруживает, что психические факторы выступают в качестве основной причины явления, их более глубокое изучение однажды принесет положительные результаты, помогая понять взаимосвязь органических и психических факторов. Но если, в соответствии с нашими знаниями на сегодняшний момент, психические факторы должны восприниматься в качестве основных, сомневаться в том, что это так и есть, не следует.

Г. Почему человек забывает свои сны после пробуждения?

Всем известно, что наутро сны тают, как дым. Правда, мы можем восстановить их в

памяти, поскольку знаем о том, что нам приснилось; но нам часто кажется, что мы о чем-то забыли; ночью нам точно снилось что-то еще; мы можем заметить, как чрезвычайно яркое утреннее воспоминание о сновидении в течение дня постепенно исчезает и о нем остаются лишь самые смутные разрозненные воспоминания. Часто мы помним, что нам что-то приснилось, но что именно – уже не помним, и мы так привыкли забывать свои сны, что нас совсем не удивляет, когда человеку ночью что-то приснилось, а проснувшись утром, он уже ничего не может из этого вспомнить. Но нередко бывает и так, что сновидения надолго остаются в памяти. У моих пациентов мне доводилось анализировать сновидения двадцатилетней давности, и я сам помню сейчас один сон, который видел по меньшей мере тридцать семь лет назад, и он до сих пор так и стоит у меня перед глазами. Все это весьма примечательно и на данный момент непонятно.

Штрумпель (Strümpell, 1877) представляет детальное описание того, как забываются сновидения. Это, очевидно, довольно сложное явление, и Штрумпель считает, что на то существует не одна, а целый ряд причин.

Прежде всего, все те факторы, которые способствуют забыванию чего-либо в состоянии бодрствования, оказывают влияние и на забывание снов. В состоянии бодрствования мы обычно забываем о многих ощущениях и впечатлениях, потому что они незначительны или не вызывают у нас сильных эмоций. Это же относится и к большинству сновидений; они забываются, потому что не оказывают на нас сильного впечатления, а вот нечто значительное нам при этом запоминается. Но сама по себе интенсивность впечатлений здесь не имеет ключевого значения. Штрумпель (Strümpell, 1877), как и другие авторы, например Калькинс (Calkins, 1893), признает, что часто яркие образы из сновидения быстро забываются, а более слабые и незначительные иногда остаются в памяти надолго. Кроме того, когда мы просыпаемся, то склонны забывать о том, с чем столкнулись всего лишь раз, и скорее будем помнить о том, с чем сталкивались неоднократно. Большинство сновидений уникальны и не повторяются[24]; отчасти именно поэтому мы и забываем их. Гораздо важнее третья причина, по которой мы забываем сны. Чтобы чувства, представления, идеи и т. п. произвели достаточное впечатление и остались в памяти, необходимо, чтобы они были не изолированы друг от друга, а сосуществовали или каким-то образом группировались. «Если слова должным образом выстроены по отношению друг к другу и образуют значимый ряд, одно слово помогает другому, и образуемое ими целое, наделенное смыслом, легко уложится в память и надолго останется в ней. Вообще, все сложное и необычное так же трудно запомнить. Как и все запутанное и беспорядочное» (Strümpell, 1877). Итак, сны в большинстве своем невразумительны и не подчиняются какому-то порядку. Композиции, из которых состоят сны, не обладают качествами, которые помогли бы их запоминать, и потому, как правило, такие сны забываются, поскольку они рассыпаются на части спустя какое-то мгновение после пробуждения.

Штрумпель (Strümpell, 1877) убежден, что есть и другие факторы, которые зависят от взаимосвязи сновидений и состояния бодрствования, и благодаря им мы забываем свои сны еще сильнее. То, что сны забывают после пробуждения, очевидно, если вспомнить о том, что мы уже обсуждали [53], – сны не в состоянии победить упорядоченные воспоминания бодрствующего человека, и от сновидений остаются лишь разрозненные детали, вырванные из физического контекста, именно так мы и вспоминаем о них после пробуждения. Поэтому композиции из снов не вписываются в физические цепочки впечатлений, которые заполняют сознание бодрствующего человека. Нам не на что опереться, чтобы их запомнить. «И сновидения словно парят над нашим психическим пространством, как облака на небе, гонимые малейшим дуновением ветра» (Strümpell, 1877). Более того, при пробуждении на наше внимание обрушивается поток ощущений, и сны просто не могут устоять перед ним.

[24] Часто проводились наблюдения за снами, которые снятся снова и снова. Ср. подборку снов, подготовленную Chabaneix (1897).

Сны меркнут при свете дня, как звезды под лучами солнца.

И наконец, следует учесть то обстоятельство, что сновидения забываются оттого, что большинство людей вообще мало интересуется тем, что им снится. Каждый, кто интересуется сновидениями, например ученый, который занимается их изучением, видит сновидений больше, чем обычный человек, и лучше их запоминает.

Существуют еще две причины, по которым мы забываем наши сны, о которых Бенини [1898] упоминает, как об идеях, впервые предложенных Бонателли (Bonatelli, 1880), в дополнение к списку Штрумпеля, которые, похоже, уже охарактеризованы последним исследователем. Они заключаются в том, что: (1) ощущения, возникающие во сне, значительно отличаются от ощущений в состоянии бодрствования; (2) во сне события разворачиваются не в том порядке, что во время бодрствования, и, так сказать, «не поддаются переводу» в сознании проснувшегося человека.

Учитывая все причины, по которым мы забываем сны, кажется особенно примечательным (на чем настаивает Штрюмпель (см. Strümpell, 1877), что столь многие из них сохраняются в памяти. Постоянные попытки сформулировать какие-то правила запоминания сновидений, которые предпринимались рядом исследователей, так и не смогли пролить свет на этот процесс, и он по-прежнему представляется нам загадочным и необъяснимым. Недавно были получены обоснованные описания некоторых особенностей того, как именно мы вспоминаем сны (Radestock, 1879; Tissié), например, когда утром у нас сначала возникает впечатление, что мы полностью забыли свой сон, но затем в течение дня нам удается восстановить его в памяти, если его содержание, о котором мы, казалось бы, забыли, вдруг оживает вновь, под воздействием какого-то случайного впечатления.

Но в целом размышления о процессе воспоминаний о снах постоянно вызывают возражения, и критика в их адрес сводит на нет ценность подобных рассуждений. Поскольку столько снов забываются навсегда, мы не можем быть вполне уверены в том, что то, что от них сохранилось, не подверглось искажению.

Штрюмпель также выражает сомнения по поводу достоверности воспоминаний и сновидениях (Strümpell, 1877): «И может произойти так, что в момент пробуждения наше сознание может невольно оказать влияние на воспоминания о сновидении: мы убеждаем себя в том, что видели во сне нечто такое, чего там на самом деле не было».

Иессен (Jessen, 1855) придает этому особое значение: «Более того, изучая и интерпретируя связные и логичные сновидения, мы должны обратить внимание на то, чему, на мой взгляд, уделялось недостаточно внимания: при этом мы часто отклоняемся от истины оттого, что, вспоминая такие сны, мы практически всегда – невольно и не отдавая себе в этом отчета – сами заполняем пробелы в ткани этих снов. Редко или практически никогда связное сновидение не может обладать той связностью, которой его наделяют наши воспоминания. Даже самому правдивому человеку навряд ли удастся рассказать о том, что ему приснилось, ничем не дополняя или не приукрашивая свое повествование. Стремление человеческого разума придавать всему связность настолько сильно, что память невольно восполняет все несуразности там, где это присуще сновидению».

Некоторые замечания Эггера (Egger, 1895), который, без сомнения, работал самостоятельно, практически слово в слово совпадают с этим мнением Эссена: «Во время наблюдений за сновидениями возникают специфические трудности, и единственный способ избежать их – немедленно записывать содержание сновидения сразу после пробуждения; в противном случае его содержание будет полностью или частично забыто. Если сон забыт полностью, это не представляет проблемы. Но сон, забытый частично, это ловушка: поскольку, если начинают рассказывать о том, что еще не исчезло из памяти, возникает тенденция додумывать и заполнять вымышленными деталями те фрагменты сна, которые представляются бессвязными или разрозненными… рассказчик начинает вдохновенно фантазировать, и его рассказ уже подчиняется его воле, при этом человек представляет все, о чем говорит, как реальное изложение содержания сновидения, которое он сумел передать наилучшим образом…»

Подобные мысли высказывает и Спитта (Soitta, 1882), который считает, что именно в тот момент, когда мы стараемся передать содержание сновидения, мы и навязываем определенный порядок до того разрозненным элементам сновидения: «то, что просто находилось рядом, мы укладываем в последовательный ряд событий или причинно-следственные цепочки, то есть мы вносим логику в бессвязное сновидение».

Поскольку единственным способом убедиться в достоверности наших воспоминаний является объективное подтверждение, а к сновидениям такой способ применить невозможно, то как же нам понять, что в них – наш собственный опыт, единственным источником которого являются наши воспоминания, и насколько ценны наши воспоминания о сновидениях?[25]

Д. Основные психологические особенности сновидений

Мы приступаем к собственному научному исследованию сновидений с предположения, что сновидения – это результат деятельности нашего сознания. Тем не менее, когда мы просыпаемся, наш сон представляется нам каким-то странным и чуждым. Нам настолько не хочется нести ответственность за то, что мы видели во сне, что говорим: «МНЕ приснился сон», когда имеем в виду: «Я видел во сне». Откуда же у нас это чувство, что сновидения приходят к нам откуда-то извне? Возвращаясь к нашему обсуждению источников сновидений, мы должны прийти к выводу, что причина этого странного впечатления кроется не в ткани самого сновидения, поскольку оно соткано из того, о чем мы мечтаем, и из того, что происходит с нами наяву. Вопрос в том, не меняются ли во сне процессы, протекающие в сознании человека, и не потому ли у нас возникает то впечатление, о котором шла речь; а потому нам необходимо предпринять попытку охарактеризовать психологические особенности сновидений.

Г. Т. Фехнер наиболее точно обозначил существенное различие между состояниями сна и бодрствования, а также сделал важные выводы по этому поводу в своей работе «Элементы психофизики» (Fechner, 1889). По его мнению, «ни обычное снижение сознательной психической деятельности по сравнению с состоянием бодрствования», ни отвлечение внимания от внешнего мира, которое происходит во сне, не помогают в полной мере объяснить отличий между тем, что происходит с человеком во сне и в состоянии бодрствования. Но он предполагает, что *мир снов и мир идей в состоянии бодрствования принципиально различны.* «Если бы психофизическая деятельность и во сне, и в состоянии бодрствования лежала бы в одной плоскости, то сны, я полагаю, были бы просто продолжением состояния бодрствования, только мир идей выражался бы в них с меньшей интенсивностью, и, более того, по содержанию и форме они бы совпадали. Но факты убеждают нас в противоположном».

Не совсем понятно, что именно имел в виду Фехнер, считая, что психическая деятельность во сне происходит в совершенно иной области; и, насколько мне известно, никто не развивал эту его мысль в своих исследованиях. Думаю, мы можем отвергнуть мысль о том, что он имел в виду иную область, исходя из анатомии человека, предполагая, что за сон отвечает иная область мозга или гистологические слои коры головного мозга. Вполне возможно, что это предположение окажется плодотворным для дальнейших исследований, если его можно будет применить к структуре мыслительных способностей, которые строятся как набор компетенций, иерархически выстроенных по отношению друг к другу.

Другим исследователям было достаточно просто привлечь внимание к конкретным психологическим особенностям того, что происходит во сне, и на этой основе они строили свои дальнейшие рассуждения.

---

[25] Эта идея принимается в качестве рабочей и развивается в главе VII, раздел В этой книги.

Было справедливо замечено, что одна из принципиальных особенностей того, что происходит во сне, проявляется именно в тот момент, когда человек засыпает, именно здесь и проявляется то явление, которое сигнализирует о наступлении сна. Шлейермахер (Schleiermacher, 1962) полагает, что для состояния бодрствования характерно мышление на основе *понятий,* а не *образов.* Зато во сне мышление оперирует в основном образами; и при подобном подходе к состоянию сновидения мы видим, как по мере того, как совершать управляемые волевым усилием действия становится все сложнее, начинают возникать идеи, не подвластные человеческой воле, и все они выражаются в образах. Подобная потеря сознательного контроля над миром идей и понятий и возникновение зрительных образов (которые обычно ассоциируются с подобными абстрактными состояниями) – вот две основные черты, свойственные сновидениям, и которые, в силу проведенных психологических исследований сновидений, мы неизбежно признаем в качестве основных характеристик того, что происходит во сне. Мы уже имели возможность убедиться, что такие образы – гипногогические галлюцинации – по своему содержанию совпадают с образами снов[26].

Таким образом, сновидения оперируют в основном зрительными образами, но в них есть и нечто другое. Они опираются и на слуховые элементы, и, в меньшей степени, впечатления, которые возникают в результате воздействия на другие органы чувств. Многое из происходящего во сне (как это обычно происходит и в состоянии бодрствования) представляется в форме мыслей или идей – возможно, в качестве, так сказать, отходов вербальных презентаций. Тем не менее истинными элементами сновидений являются лишь те, которые проявляются в форме образов, более напоминая результаты восприятия, то есть это скорее образы из памяти. Оставляя в стороне столь любимые психиатрами дискуссии о природе галлюцинаций, мы просто согласимся с авторитетными источниками, которые утверждают, что сны порождают *галлюцинации,* – и они вытесняют мысли, на смену которым приходят галлюцинации. В этом смысле между визуальным и аудиальным различия не существует; по наблюдениям, если человек, засыпая, вспоминает какие-то ноты, то эти воспоминания превращаются в галлюцинации, в которых звучит точно такая же мелодия; если в этот момент человек снова проснется – и эти два состояния будут сменять друг друга неоднократно в момент засыпания, – то на смену галлюцинации придет образ из памяти, гораздо более слабый и чье качество существенно отличается от исходного образа.

Не только превращение идей в галлюцинации отличает мышление во сне от мышления в состоянии бодрствования. Из этих образов *конструируется* ситуация; в них воссоздается какое-то реальное событие; как указывает Спитта (Spitta, 1882), «с их помощью мысль воплощается в действии». Но эту особенность мышления во сне можно полностью понять, если мы далее признаем, что в сновидениях – как правило, поскольку существуют исключения, которые требуют особого изучения, – мы, похоже, не *мыслим о чем-то,* а *нечто переживаем,* то есть полностью доверяем своим галлюцинациям. Лишь после того, как мы просыпаемся, мы обретаем способность критически осмыслить тот факт, что мы ничего на самом деле не переживали, а просто размышляли об этом каким-то особым образом, или, иными словами, были во власти сновидения. Именно эта отличительная особенность, которая отличает настоящие сны от мечтаний в состоянии бодрствования, которые мы никогда не принимаем за реальные события.

Бурдах (Burdach, 1838) приводит следующее обобщение тех характеристик происходящего в сновидениях, которые мы обсуждали: «Вот каковы основные характеристики сновидений: (а) В состоянии сна наша субъективная психическая деятельность представляется нам в объективной форме, поскольку мы воспринимаем плоды

---

[26] Зильберер (Silberer, 1909) привел замечательные примеры того, как в состоянии опьянения даже абстрактные идеи превращаются в визуальные пластические образы, с помощью которых стремится выразить себя некое особое содержание. У меня еще будет повод вернуться к обсуждению этого открытия в связи с другими соображениями.

нашего воображения так, словно это результаты воздействия чего-то реального на наши органы чувств… (б) заснуть – значит потерять контроль над собой. И потому заснуть – значит до некоторой степени стать пассивным… Образы, сопровождающие сон, могут возникнуть лишь, если ослабевает наш самоконтроль».

Далее нам следует понять, отчего наше сознание подчиняется снам-галлюцинациям, вера в которые возрастает лишь после того, как был до некоторой степени утрачен контроль над собой. Штрюмпель (Strümpell, 1877) считает, что в этом смысле наше сознание функционирует правильно, в соответствии с заложенными в нем механизмами. Представляя собой не просто случайные образы, компоненты сновидения являются истинными и реальными мысленными переживаниями, соответствующими тем, которые человек переживает в состоянии бодрствования, когда все его чувства работают на полную мощность (там же). Бодрствующее сознание мыслит и оперирует с помощью слов, а сновидение – с помощью истинных чувственных образов (там же). Более того, сновидение опирается на пространственное мышление сознание: поскольку ощущения и образы помещаются вовне, как и в состоянии бодрствования (там же). Поэтому необходимо признать, что в сновидениях в сознании проявляется то же отношение к образам и ощущениям, как и в состоянии бодрствования (там же). Если же при этом оно впадает в заблуждения, это происходит оттого, что во сне отсутствует критерий, с помощью которого внутренние ощущения можно отличить от внешних. Сознание спящего не в состоянии подвергнуть образы сновидений проверке, которая бы подтвердила их объективную реальность. Кроме того, оно игнорирует различие между образами, которые могут сменять друг друга в результате волевого усилия спящего человека, и те, в которых подобное волевое усилие отсутствует. Сознание сбито с толку, поскольку оно не в состоянии применить причинно-следственные отношения к содержанию снов (там же). Итак, оттого, что сознание отключилось от внешнего мира, оно и доверяет субъективному миру сновидений.

Дельбеф (Delbouef, 1885) приходит к такому же выводу, но опираясь на иные аргументы из области психологии. Он считает, что мы верим в реальность содержания сновидений оттого, что во сне нам недоступны другие впечатления, с которыми мы могли бы эти сны сравнить, поскольку во сне у нас совершенно нарушен контакт с внешним миром. Но мы верим в то, что эти галлюцинации истинны, не потому, что *во сне* не можем проверить их подлинность. Сон создает иллюзию того, что это возможно: нам кажется, что мы прикасаемся к розе, которую видим, но ведь это все равно только сон. Дельбеф считает, что существует единственный достоверный критерий, с помощью которого мы можем понять, спим мы или бодрствуем, и это эмпирический способ проверки – проснуться. Я пришел к выводу, что все происходящее со мной с момента погружения в сон до пробуждения, – это иллюзии, если, проснувшись, я понимаю, что лежу раздетый в постели. В сне мое сознание воспринимало возникающие образы как реальные, потому что у меня сформировалась такая психологическая привычка (которая никогда не засыпает) – предполагать, что существует внешний мир, который отличается от моего собственного эго[27].

---

[27] Хеффнер (Haffner, 1887), как и Дельбеф, предпринимает попытку объяснить, что происходит во сне, утверждая, что возникновение необычных условий видоизменяет функционирование сознания, которое раньше работало правильно и оставалось целостным; но он объясняет эти условия иначе. Он полагает, что первый признак того, что наступило состояние сна, это независимость пространства и времени, то есть образ возникает из той позиции, в которой в данный момент находится субъект в пространстве и во времени. Вторая основная характеристика сна связана с первой, а именно то обстоятельство, что галлюцинации, фантазии и воображаемые комбинации (образов. – *Примеч. пер.)* человек путает с воздействием на его органы чувств внешних факторов. «Все высшие силы сознания – в особенности формирование понятий и сила суждений и умозаключений, с одной стороны, и свободного волеизъявления, с другой стороны, связаны с сенсорными образами и всегда основаны на подобных образах. Из этого следует, что такие действия высшего порядка также принимают участие в хаотичных образах сновидений. Я использую выражение «принимают участие», поскольку сами по себе наша способность рассуждать и способность к волевым усилиям во сне совершенно не меняются. Наши действия точно так же ясно осознаются и так же свободны, как и наяву. Даже во сне человек не может нарушить законы мысли как таковые – он не в состоянии, например, рассматривать одинаковые вещи

Поэтому следует рассматривать разрыв с реальностью как самый основной показатель того, что человек погрузился в состояние сна. И заслуживают внимания некоторые глубокие замечания Бурдаха, которые он сделал много лет назад, которые проливают свет на взаимодействие сознания спящего человека с внешним миром, не позволяя нам слишком полагаться на вышеизложенные умозаключения. Он указывает: «Сон наступает лишь в том случае, когда сознание человека не возбуждается внешними стимулами… Но самое основное условие погружения в сон – это не столько отсутствие сенсорных стимулов самих по себе, сколько отсутствие интереса к ним[28]. Некоторые сенсорные стимулы на самом деле могут быть необходимы для того, чтобы успокоить сознание. Мельник может заснуть лишь под шум мельничного колеса; тот, кто привык спать при свете свечи, не сможет заснуть в темноте» (Burdach, 1838).

«Во сне душа отключается от внешнего мира и своей собственной периферии… Но связь с внешним миром полностью не прерывается. Если бы мы не могли ничего слышать и чувствовать, погрузившись в сон, а не только после того, как уже проснулись, то нас совсем невозможно было бы разбудить… мы еще больше сможем убедиться в том, что поток ощущений во сне не прекращается, учитывая тот факт, что нас часто будит не ощущение само по себе, а его психический контекст: спящего человека разбудит не просто любое слово, а только если его окликнуть по имени… и потому отсутствие некого сенсорного стимула может разбудить человека, если такой стимул имеет для него какое-то принципиально важное значение: человек просыпается оттого, что погас ночник, а мельник – оттого, что остановилось мельничное колесо. Эти люди просыпаются потому, что прекратилось некое сенсорное воздействие на него, и это значит, что человек воспринимал его, но, поскольку такое воздействие не тревожило его, или, скорее, приносило ему удовлетворение, то это его во сне не волновало» (там же).

Даже если мы не будем принимать во внимание подобные возражения, а они весьма существенны, нам тем не менее следует признать, что все рассмотренные нами свойства сновидений, связанные с отключением от внешнего мира, не могут помочь нам понять, отчего сновидения воспринимаются нами как нечто чуждое нашему сознанию. В противном случае можно было бы создать галлюцинации из снов снова в идеи, а ситуации, которые нам снятся, – в мысли, и мы таким образом научились бы интерпретировать сны. Это мы и делаем, когда, просыпаясь, обращаемся к воспоминаниям о том, что нам приснилось; но независимо от того, сумеем ли мы полностью восстановить содержание сна целиком или лишь частично, сон по-прежнему окутан тайной для нас.

И безусловно, все авторитетные авторы указывают на то, что во сне с идеями, которые были актуальны в состоянии бодрствования, во сне происходят другие, гораздо более глубокие изменения. Штрюмпель (Strümpell,1877) так выразил свои мысли по этому поводу: «Когда чувственное восприятие и сознание перестают работать в нормальном режиме, исчезает психическая основа чувств, желаний, интересов и поступков человека. Тогда и психические состояния – чувства, интересы и ценности, – которые связаны с воспоминаниями о том, что происходило с человеком в состоянии бодрствования… постепенно угнетаются, и в результате нарушается их связь с этими образами; во сне

как нечто различное, и т. д., потому и во сне он может лишь стремиться к тому, что для него хорошо *(sub ratione boni).* Но человеческий дух плутает в мире снов, когда *применяет* законы разума и воли, перепутав одну идею с другой. Вот так мы и запутываемся в самых невероятных противоречиях в мире снов, и при этом мы в состоянии рассуждать разумно, строить самые логичные выводы и находить самые достойные и возвышенные решения… секрет полетов нашего сознания во сне в том, что мы теряем возможность ориентироваться, а отсутствие критического мышления и невозможность общаться с другими людьми – это основной источник невероятного своеобразия и странности, которые свойственны нашим суждениям во сне, нашим надеждам и стремлениям (там же). (Проблема верификации реальности рассматривается далее.)

[28] Ср. «состояние отсутствия интереса» у Claparede (1905), которое этот исследователь рассматривает как механизм погружения в сон.

многократно воспроизводятся образы объектов, людей, мест, событий и действий, которые проникли в него из состояния бодрствования, но ни один из этих образов не сохраняет во сне своей психической ценности. Она утрачена, и потому такие образы свободно и по собственной воле блуждают в человеческом сознании…» Штрюмпель считает, что именно оттого, что эти образы утрачивают свое психическое значение (в силу чего происходит разрыв с окружающим миром), сны и кажутся нам такими странными, разительно отличаясь от наших воспоминаний.

Мы уже упоминали о том, что само по себе погружение в сон предполагает сбой одной из способностей нашего сознания – а именно целенаправленного управления потоком наших мыслей. И теперь мы можем предположить, что сон оказывает воздействие и на область всех психических функций. Похоже, что функции некоторых из них на время перестают действовать; но изменяются ли при этом все остальные функции, *могут ли* они нормально работать в этих условиях? И здесь правомерен вопрос, можно ли объяснить отличительные характеристики сна снижением психической активности спящего человека, что подтверждается нашим восприятием сновидений после того, как мы проснулись. Сны бессвязны, их самое противоречивое содержание не вызывает у спящего ни малейших возражений, в них возможно невозможное, наши знания, на которые мы полагаемся в состоянии бодрствования, здесь теряют всякую ценность, и мы ведем себя, как этически и интеллектуально неполноценные люди. Всякого, кто наяву стал бы вести себя так как он это делает в своих сновидениях, окружающие сочли бы ненормальным. Если бы этот человек стал наяву рассуждать так, как во сне, то его сочли бы глупым или слабоумным. Приходится признать, когда мы низко оцениваем мыслительную деятельность человека в состоянии сна и утверждаем, что во сне высшая нервная деятельность существенно заторможена или, в большинстве случаев, не проявляется в должной мере.

Исследователи единодушно высказывают свое мнение на этот счет, – а исключения мы будем затем обсуждать далее, – именно на основе этих суждений можно сформулировать теорию или толкование происходящего с человеком во сне. Но настал момент от общих рассуждений перейти к обзору мнений различных авторов – философов и врачей – по поводу того, в чем заключаются психологические особенности сновидений.

Лемуан (Lemoine, 1855) считает, что «бессвязность» образов в сновидениях – это единственная их отличительная черта.

Мори (Maury, 1878) разделяет его мнение: «Не существует абсолютно разумных и логичных сновидений, в которых хотя бы отчасти не наблюдались бы некоторые логические несоответствия, некоторая доля абсурда».

Спитта, цитируя Гегеля (Spitta, 1878), выражает свое согласие с ним в том, что снам совершенно не присущи объективность и логическая связность.

Дюга (Dugas, 1897a) утверждает: «Во сне господствует психическая, эмоциональная и умственная анархия, в нем предоставленные самим себе функции ведут бесконтрольную и бесцельную игру. Сознание во сне становится одушевленным автоматом».

Даже Фолькельт (Volkelt, 1875), в теории которого физическая активность во сне отнюдь не рассматривается как совершенно бесцельная, рассуждает об «ослаблении, разъединении и путанице, которые теперь царят в мире идей, которые в состоянии бодрствования представляют собой единое целое, благодаря логике центрального эго».

Цицерон подверг самой жесткой критике абсурдные связи между идеями в сновидении (De divinatione II [XXI, 146]): «Какие только глупости, невероятные небылицы, бред и чушь не приснятся нам!»

Фехнер (Fechner, 1889) считает, что «создается впечатление, что психическая деятельность из мозга разумного человека перекочевала в мозг глупца».

По мнению Радштока (Radestock, 1879), «в сущности представляется сформулировать стройные законы на основании этих безумных поступков. Когда ослабевают разум и внимание, контролирующие блуждающие идеи в состоянии бодрствования, сон кружит их в бешеном вихре, и все они беспорядочно перемешиваются друг с другом, как в

калейдоскопе».

Гильдебрандт (Hidebrandt, 1875) восклицает: «Что за удивительные нелогичности совершает спящий человек, когда он, например, строит выводы! С какой хладнокровностью опровергает он самые крепко выученные уроки жизни и ставит все с ног на голову! Какие только смехотворные противоречия законам природы и общества он ни готов безоговорочно принять, прежде чем наступит полная неразбериха и заставит его проснуться! Во сне мы искренне убеждены, что трижды три – двадцать; нас не удивит, если собака прочтет нам стихи, покойник сам уляжется в могилу или увидим, как скала будет плыть по воде, мы торжественно нанесем визит в герцогство Бернбург или главе государства Лихтенштейн, чтобы проинспектировать их флот; или мы добровольцами отправимся на службу в армию Карла XII незадолго до Полтавской битвы».

Бинц (Binz, 1878) на основе теории сновидений, построенной на таких представлениях, указывает следующее: «Из десяти сновидений как минимум девять абсурдны. Мы воссоединяем в них людей и вещи, которые совершенно друг с другом не связаны. Одно мгновение – и вот, словно в калейдоскопе, одна бессмысленная и безумная комбинация образов сменяет другую, и все становится все более и более запутанным. Мозг, который отчасти погружен в сон, продолжает свою изменчивую игру, но вот мы наконец проснулись, и, хлопнув себя ладонью по лбу, задаемся вопросом, в состоянии ли мы еще мыслить и воспринимать мир рационально».

Мори в своей работе «Le sommeil» («Сон») (1878) проводит такую параллель между образами из снов и мыслями в состоянии бодрствования (что будет особенно интересно врачам): «Создание этих образов во сне, которые у человека в состоянии бодрствования управляются волевым усилием, напоминает, в области сознания, примерно такое явление, которое в сфере двигательных функций наблюдается у страдающих хореей и параличом…» Далее он рассматривает сновидение как целый ряд проявлений, которые свидетельствуют о деградации мыслительных способностей и возможности строить умозаключения (там же).

Я не считаю здесь необходимым цитировать мнения авторов, которые разделяют утверждение Мори по поводу высших форм психической деятельности. Например, Штрюмпель (Strümpell, 1877) отмечает, что в сновидениях – даже тех, которые не кажутся такими абсурдными, наблюдается снижение способности человека строить логические действия, которые основаны на связности и взаимоотношениях между объектами. Спитта (Spitta, 1882) полагает, что идеи в сновидениях абсолютно не подчиняются причинно-следственным отношениям. Радшток (Radestock, 1879) и другие авторы подчеркивают, что в сновидениях ослабевает способность индивида выносить суждения и строить умозаключения. По мнению Иодля (Jodl, 1896), во сне человек не способен критически мыслить, а сознание не участвует в процессе переосмысливания того, что им воспринимается. Тот же автор указывает, что «во сне любая осознанная деятельность проявляется в неполном виде, подавляется и существует изолированно». Штрикер (Stricker, 1879) и многие другие авторы объясняют, что те противоречия, которые возникают между нашим сознанием в состоянии бодрствования и тем, что нам снится, обусловлены тем, что во сне какие-то факты забыты, или тем, что исчезают логические связи между различными идеями. И так далее и тому подобное.

Тем не менее те, кто скептически отзывается о психической деятельности в состоянии сна, согласны, что в сновидениях отпечатки психической деятельности сохраняются. Такую позицию ясно высказывает Вундт, чьи теории оказали существенное влияния на исследования в этой области. Но что же сохраняется от нормальной деятельности сознания, когда человек погружается в сон? Существует единодушное мнение на счет того, что способность воспроизводить события в памяти, похоже, страдает при этом в наименьшей степени (см. раздел В выше), хотя некоторые несообразности в сновидениях можно списать на забывчивость. По мнению Спитты (Spitta, 1882), есть часть сознания, на которую не воздействует сон, – это мир чувств, именно он и управляет сновидениями. Под «чувствами» («Gemut») он понимает «стабильный комплекс чувств, на которых строится субъективная

сущность любого человека».

Шольц (Scholz, 1893) убежден, что один из видов мыслительной деятельности, который функционирует во сне, – это тенденция материала сновидений представать в аллегорическом виде. Зибек (Siebeck, 1877) также полагает, что во сне сознание получает возможность более «широкой интерпретации» чувств и того, что воспринимается человеком. Особенно сложно оценить, как именно функционирует во сне высшая форма психических функций – сознание. Поскольку все наши знания о снах доступны нам только благодаря сознанию, нет сомнения, что его роль во сне велика; однако Спитта (Spitta, 1882) полагает, что во сне активна лишь какая-то часть сознания, а не *самосознание.*

Образы в сновидениях следуют закономерностям, которые подчинены законам об ассоциациях, и это наиболее ярко проявляется в сновидениях. Штрюмпель (Strümpell, 1877) полагает, что «Сны подчиняются своим собственным законам, и в них, судя по всему, главную роль играют или чистые идеи, или органические стимулы, которые сопутствуют подобным идеям, – то есть на них никоим образом не влияют рассуждения или здравый смысл, а также эстетический вкус или нравственные принципы».

Авторы, мнения которых я здесь привожу, характеризуют процесс формирования сновидения следующим образом. Все сенсорные стимулы, которые возникают во сне, имеющие различные источники, о которых мы уже упоминали выше (см. раздел С выше), порождают в сознании в первую очередь, ряд идей, которые предстают в виде галлюцинаций или, как их называет Вундт, в виде иллюзий, поскольку они обусловлены внешними и внутренними воздействиями на органы чувств. Эти идеи соединяются друг с другом по известным законам ассоциаций и, следуя этим законам, порождают ряд идей (или образов). Затем весь материал, насколько возможно, обрабатывается той мыслящей частью сознания, которая действует во сне. (Например, см. Вундт (Wundt, 1874) и Вейнгандт (Weygandt, 1893).) Пока не удается выяснить, какие именно мотивы обусловливают цепочки ассоциаций, в которые будут выстраиваться возникающие из внутренних источников образы из сновидений.

Часто отмечалось, что те ассоциации, которые связывают между собой образы в сновидениях, весьма специфичны и отличаются от тех, которые возникают во время бодрствования. Например, Фолькельт (Volkelt, 1875) утверждает: «Создается впечатление, что в сновидениях ассоциации произвольно располагаются относительно друг друга, на основе случайных совпадений и связей, предсказать которые весьма затруднительно. Все сны переполнены такими неряшливыми и беспорядочными ассоциациями». Мори (Maury, 1878) придает огромное значение этой характерной особенности сновидений – способу связи между идеями в сновидениях, поскольку именно благодаря ей можно провести близкую аналогию между происходящим во сне и некоторыми психическими расстройствами. Он выделяет две основные характеристики такого «delire» («помутнения ума»): (1) спонтанный автоматический акт мыслительной деятельности и (2) ложную болезненную ассоциацию между идеями.

Сам Мори приводит два ярких примера своих собственных сновидений, в которых образы в снах были связаны только на основе сходства в звучании слов. Однажды ему приснилось, что он совершил паломничество в Иерусалим или в Мекку; пережив множество приключений, он оказался вдруг в гостях у химика Пеллетье, они побеседовали друг с другом, а затем тот дал ему цинковую лопату, которая потом во сне превратилась в огромный меч (там же). В другом сне Мори шел по большой дороге, отсчитывая километры по верстовым столбам, и вот он оказался в лавке, где стояли большие весы, а продавец стал укладывать на эти весы килограммовые гири, чтобы взвесить самого Мори; затем он обратился к Мори со словами: «Вы не в Париже, а на острове *Гилоло».* Сон продолжался, и ему приснились цветы *лобелии,* а потом генерал Лопеза, о смерти которого он недавно прочел. Потом ему стало сниться, что он играет в лото, и тут он проснулся (там же).

Мы, без сомнения, должны настроить себя на то, что такая низкая оценка качества работы психики во время сна происходит не без некоторого противоречия, – хотя в данном

случае это противоречие – это весьма непросто. Например, Спитта (Spitta, 1882), который оценивает происходящее во сне весьма критично, настаивает на том, что и в сновидении, и в состоянии бодрствования действуют те же психологические законы. Другой исследователь, Дюга (Dugas, 1897а), заявляет, что «сон – это не помрачение рассудка и не сбой в его работе». Но подобные утверждения не представляют особой ценности, поскольку их авторы не предпринимают попыток соотнести их со своими собственными описаниями физической анархии и нарушения всех функций, которые превалируют в снах. Но, похоже, у некоторых авторов возникла догадка о том, что безумие снов, вероятно, следует неким законам и его даже можно стимулировать, как это делал тот Принц Датский, кого считали безумцем. Эти авторы не могли судить о происходящем только на основе того, что лежало на поверхности; или, иными словами, поверхностное впечатление о снах могло скрывать за собой нечто иное.

Например, Гэвлок Эллис (Havelock Ellis, 1899), не вдаваясь в долгие рассуждения о том, что сны кажутся нам абсурдными, называет их «архаическим миром богатых эмоций и несовершенных мыслей», изучение которых могло бы открыть для нас древние этапы эволюции психической жизни.

Деймс Салли разделяет эту точку зрения (James Sully, 1893), высказываясь еще более категорично и убедительно. Его суждения тем более заслуживают внимания, поскольку из всех психологов именно он был убежден в том, что в сновидениях зашифрован важный смысл. «Ведь наши сны – это способ сохранения множества личностей, одной за другой. *Во сне мы видим мир и переживаем его по-старому, следуя импульсам и совершая действия, которые господствовали над нами раньше».*

Дельбеф (Delboeuf, 1885) прозорливо замечает (хотя совершенно напрасно не приводит опровержений тому, что противоречит его доводам): «Во сне сохраняются в неприкосновенности все способности психики, кроме восприятия: ум, воображение, память, воля, мораль; просто во сне они направлены на нечто воображаемое и переменчивое. Спящий человек напоминает актера, который играет роли то сумасшедших и мудрецов, то палачей и жертв, то карликов и великанов, то демонов и ангелов».

Маркиз д'Эрвей де Сент-Дени (Marquis d'Hervey de Saint-Denis, 1867) яростнее всех спорит с теми, кто утверждает, что психическая деятельность в сновидении угнетается. Мори, книги которого я, несмотря на все свои усилия, не мог раздобыть, вступал с ним в живую полемику. Мори (Maury, 1878) так комментирует его позицию по этому вопросу: «Маркиз д'Эрвей наделяет ум в состоянии бодрствования полной свободой действия и способностью к вниманию, создается впечатление, что он считает основной характеристикой сна лишь то, что все чувства блокированы и закрыты для внешнего мира. И потому, по его мнению, спящий человек лишь незначительно отличается от того, чьи чувства полностью заблокированы и чьи мысли вольно предоставлены самим себе; единственное различие между обычными мыслями и мыслями спящего человека тогда заключалось бы лишь в том, что у спящего эти мысли приобретали бы зримый и объективный облик и не отличались бы от свойств внешних объектов, а воспоминания бы принимали форму событий, которые происходят в данный момент». Далее Мори добавляет следующее замечание, что «здесь есть еще одно существенное отличие, а именно: интеллект спящего человека не обладает тем равновесием, которое ему свойственно в состоянии бодрствования».

Вашид (Vashide, 1911), более подробно рассматривает изложенное в книге Эрвей де Сент-Дени и цитирует отрывок из нее (1867), в котором упоминается об очевидной бессвязности сновидений «Образ во сне – это отображение какой-то идеи. Идея – это самое главное; видение из сна – это только ее внешняя оболочка. Когда это становится ясно, необходимо уметь следовать за идеями, которые выстраиваются одна за другой, нужно осознавать, из какой ткани созданы сны; тогда непоследовательное становится понятным, самые фантастические концепции превращаются в простые и абсолютно логичные факты… самые странные сны поддаются самому логичному объяснению, когда научишься анализировать их (это не точная цитата из книги, а ее свободное изложение Вашидом)».

Йохан Штерке (Johan Starke, 1913) упоминает о том, что похожее замечание о

непоследовательности и нелогичности снов встречалось в работах автора, который жил много лет назад, Вольфа Дэвидсона (Wolf Davidson, 1799): «Странные несоответствия между нашими идеями во сне основаны на законе ассоциаций; но иногда они проглядывают в нашем сознании очень смутно, так что нам кажется, что произошел нелогичный скачок от одной идеи к другой, а на самом деле никакой нелогичности не было».

В литературе на эту тему можно найти множество различных интерпретаций того, что такое сон с точки зрения психологической деятельности. От крайнего отрицания малейшей их ценности, с чем мы уже знакомы, к догадкам о том, что они могут содержать нечто важное, но это пока не удалось обнаружить, к точке зрения, в соответствии с которой сны представляют собой даже большую ценность, чем то, что происходит в состоянии бодрствования. Гильдебрандт (Hildebrandt, 1875), который, насколько нам известно, предоставил полное изложение характеристик сновидения в трех антиномиях, упоминает о двух крайностях по поводу этого вопроса в третьем парадоксе, о котором он рассуждает: «…именно противоречие между повышением интенсивности мыслительной жизни, которое нередко приводит к ее виртуозности, а с другой стороны, ухудшение и ослабление, которое часто приводит к утрате всего человеческого. Что касается первого, то мало кому из нас не известно по собственному опыту, что временами в ткани и образах снов проявляется подлинная глубина эмоций, нежность чувств, ясность зрения, тонкие наблюдения и блеск разума, которые никогда не свойственны нам в состоянии бодрствования. Сновидение поэтично, аллегорично, пропитано непревзойденным юмором, редкостной иронией. В сновидении нам открывается идеализированный мир, и эффект от его восприятия усиливается оттого, что видна его подлинная, глубоко понятая сущность. Сновидение открывает нам земную красоту в райском сиянии, наделяет возвышенное еще большим величием, показывает нам наши повседневные страхи в самом ужасном их обличье, а то, что нам кажется смешным, предстает еще более комичным. Бывает так, что после пробуждения мы еще долго находимся под впечатлением от увиденного, и нам кажется, что в реальном мире не сможем испытать ничего подобного».

Тогда возникает вопрос, как к одному и тому же явлению могут относиться и самые уничижительные ремарки, и самые хвалебные слова? Неужели одни авторы проигнорировали абсурдные сновидения, а другие не заметили тех, в которых был заключен глубокий смысл и тонкие оттенки значения? А если бывают два разных вида снов, которые соответствуют и первому, и второму описанию, может быть, поиск психологических характеристик снов окажется не пустой тратой времени? Но может быть, достаточно будет просто констатировать, что в сновидении возможно *все, что угодно,* – от глубочайшей деградации мыслительной деятельности до ее самых невероятных высот, недоступных в состоянии бодрствования? Каким бы удобным ни казался подобный ответ на этот вопрос, принять его невозможно, поскольку, похоже, все попытки исследования проблемы сновидений исходили из того, что некоторые отличительные различия между снами все же существуют, их основные черты универсальны для всех сновидений и что с их помощью можно устранить все внешние противоречия.

Нет сомнения, что в ту эпоху, когда значительную роль играла философия, а не естественные науки, с большей готовностью признавались положительные результаты психической деятельности в состоянии сна. Так, например, считал и Шуберт (SchÜbert, 1814), полагая, что во сне душа освобождается от оков внешнего мира, и Фихте в молодости (1864)[29], а также все другие авторы, которые считают, что во сне душа воспаряет на новый уровень, но эти взгляды кажутся нам теперь не очень убедительными; в наши дни разделять их будут лишь мистики и люди верующие [30]. Когда большую роль стала играть

---

[29] См. Гаффнер (Haffner, 1887) и Спитта (Spitta, 1882).

[30] Выдающийся мистик Дю Прель, один из немногих авторов, которого я проигнорировал в предыдущих изданиях этой книги, о чем теперь весьма сожалею, заявляет, что путь к метафизике в том, что касается людей,

естественно-научная парадигма научного мышления, она оказала влияние и на интерпретации сновидений. Врачи более, чем кто-либо другой, склонны считать психическую деятельность во сне тривиальной и бесполезной, но философы и наблюдатели без научной подготовки – психологи-любители, мнением которых именно в этой области нельзя пренебрегать, все еще (следуя народным поверьям) продолжают верить в ценность снов. Все, кто склонны недооценивать психологическую ценность того, что происходит в сновидениях, естественным образом склоняются к поддержке тезиса о соматической стимуляции сновидений; а те, кто верят, что во сне сохраняются многие способности из состояния бодрствования, не находят оснований отрицать, что стимулы, порождающие сновидения, могут возникнуть и во время сна.

Даже самое хладнокровное, лишенное всякой сентиментальности сравнение разных видов психической деятельности позволяет отдать особую роль одной из форм высшей нервной деятельности – памяти; и мы уже подробно обсуждали нетривиальные свидетельства в пользу такой точки зрения (раздел В выше). Другое достоинство сновидения, которое возводит его на пьедестал, которому отдавали дань авторы прежних лет – в силу того, что оно способно господствовать над временем и пространством, – можно без труда признать необоснованным. Как указывает Гильдебрандт (Hildebrandt, 1875), это преимущество иллюзорно; поскольку во сне пространство и время воспринимаются точно так же, как в состоянии бодрствования, и причина в том, что и во сне, и наяву это всего лишь некая форма мышления. Существует мнение, что сны обладают еще одним преимуществом над состоянием бодрствования в том, что касается времени, – что они независимы от него. Такие сны, как тот, что привиделся Мори, в котором его отправили на гильотину (см. выше), похоже, доказывают, что во сне в короткий промежуток времени может поместиться целый ряд чувственных идей по сравнению с тем, что доступно нам в состоянии бодрствования. Но это мнение вызывает ряд различных возражений; со времен работ Ле Лоррена (Le Lorrain, 1894) и Эггера (Egger, 1895), посвященных внешним признакам продолжительности снов, развивается долгая и интересная дискуссия по этому вопросу, но представляется маловероятным, но ни за кем еще не осталось последнего слова ни по поводу этого вопроса, ни по поводу того, каковы его последствия[31].

Шабанэ (Chabaneix, 1897) собрал много примеров, которые убедительно доказывают, что во сне сознание продолжает домысливать то, с чем оно не справилось в состоянии бодрствования; что в нем могут быть разрешены сомнения и проблемы и что оно может стать источником вдохновения для поэтов и композиторов. Но хотя сам по себе этот факт не вызывает споров, его смысл и дальнейшие трактовки вызывают множество сомнений, которые затрагивают принципиальные вопросы[32].

И наконец, считается, что существуют вещие сны. Здесь мы встречаемся с конфликтом, в котором сталкиваются категорически выраженный скептицизм и упорное повторение одних и тех же утверждений. Без сомнения, с нашей стороны было бы правильным не настаивать на том, что эти позиции совершенно беспочвенны, поскольку существует вероятность того, что целому ряду случаев, которые здесь упоминаются, можно будет найти объяснения в области естественной психологии.

Е. Нравственность в сновидениях

По причинам, которые станут понятными после того, как будут представлены мои собственные исследования сновидений, я уклонялся от обсуждения одного узкоспециального

можно найти не в состоянии бодрствования, а во сне.

[31] Более подробный список литературы на эту тему и дальнейшее обсуждение этой темы см. в Тобовольска (1900).

[32] Ср. критику в работе Гавелок Эллис (1911).

вопроса, а именно: как и в какой степени нравственные устои и чувства человека проникают в происходящее в сновидениях. Здесь мы также сталкиваемся с теми же противоречивыми взглядами, которые, как ни забавно, мы находим у множества авторов применительно к другим функциям сознания во сне. Некоторые утверждают, что во сне нет места диктату нравственности, в то время как другие авторы убеждены, что нравственные принципы человека сохраняются и когда он погружается в сон.

Призыв учитывать повседневные наблюдения за сновидениями, похоже, убедительно подтверждает правильность первого утверждения. Иессен (Jessen, 1855) указывает: «Во сне мы не становимся ни лучше, ни добродетельнее. Напротив, совесть словно умолкает в сновидениях, поскольку мы не испытываем ни жалости, ни сострадания и способны на совершение самых отвратительных преступлений – воровство, насилие или убийство – безразлично и без малейших угрызений совести».

Радшток (Radestock, 1879) замечает: «Необходимо иметь в виду, что в сновидении ассоциации возникают, а идеи связываются друг с другом без размышлений, без учета здравого смысла, эстетического вкуса или нравственных принципов. Способность к суждению чрезвычайно слабо выражается, и воцаряется этическое безразличие».

Фолькельт (Volkelt, 1875) пишет следующее: «Как мы знаем, в снах сексуального содержания наблюдается особая разнузданность. Сам спящий совершено утрачивает всякий стыд, все нравственные чувства или принципы; более того, все окружающие, в том числе и те, к кому он испытывает искреннее уважение, принимают участие в таких действиях, о которых этому человеку в состоянии бодрствования было бы страшно и подумать».

Диаметрально противоположную позицию по этому поводу занимает Шопенгауэр (1862, 1), считая, что каждый человек во сне ведет себя в полном соответствии со своим характером. Спитта цитирует высказывание К. П. Фишера (Fisher, 1850) о том, что субъективные чувства и стремления, или аффекты и страсти, проявляются в свободном пространстве сна и что в этом проявляются нравственные качества людей.

Гаффнер (Haffner) полагает, что: «Не считая некоторых редких исключений… человек порядочный достойно ведет себя и во сне; он устоит перед искушением и не поддастся ненависти, зависти, гневу и всяческим порокам. А человеку с дурными склонностями приснятся образы и картины, которые сопровождали его и в состоянии бодрствования».

Шольц (Scholz, 1893): «Сны открывают нам истину; в них мы познаем самих себя, сбросив маски, в которых являем себя миру [возвышающие или унижающие нас]… Достойный человек и во сне не способен совершить постыдный поступок, если же это произойдет, то это ужаснет его, поскольку совершенно не свойственно его натуре. Римский император, который приказал казнить одного человека за то, что тому снилось, будто он отрубил ему голову, справедливо полагал, что если человеку снятся подобные сны, то ему могут прийти в голову такие мысли и наяву. Знакомое всем выражение "мне и не снилось" вдвойне важно, когда относится к чему-то такому, что противоречит нашему уму или сердцу». (А вот Платон был уверен, что лучшие из людей – те, кому лишь во сне может привидеться то, чем другие занимаются в состоянии бодрствования.)

Спитта приводит пример того, как Пфафф (Pfaff, 1868), перефразируя известную поговорку, призывает: «Расскажи мне, что тебе приснилось, и я скажу тебе, кто ты такой».

Проблему нравственности в сновидении затрагивает Гильдебрандт, фрагменты из небольшой работы которого я уже цитировал, – поскольку из всех знакомых мне исследований сновидений именно она внесла ценный вклад в изучение этой проблемы, являясь совершенной по форме и предлагая нам плодотворные идеи. Гильдебрандт (Hildebrandt, 1875) также глубоко убежден в том, что чем чище жизнь человека, тем чище его сны, а чем порочнее первое, тем порочнее второе.

«В то время как даже самая грубая арифметическая ошибка, самое романтическое искажение положений науки, самый смехотворный анахронизм может пройти мимо нашего сознания и не вызвать у нас подозрений, различие между добром и злом, между правдой и неправдой, между добродетелью и пороком никогда от нас не ускользнет. Как бы ни оторвались мы во сне от состояния бодрствования, категорический нравственный императив Канта повсюду следует за нами даже во сне… Но причина этому лишь в том, что основа человеческой природы, ее

нравственная сущность достаточно прочна, устоять перед вихрем сновидений, в котором кружатся наши фантазия, разум, память и многое другое» (там же).

Продолжая обсуждать этот вопрос, многие авторы тем не менее начинают существенно менять свою точку зрения и становятся непоследовательными. Те, кто считает, что в сновидении нравственные принципы человека перестают действовать, строго говоря, теряют интерес к снам безнравственного содержания. Они не возлагают на спящего ответственность за то, что ему снится, не пытаясь доказать, что если сны человека порочны, то он порочен и сам, точно так же, как приснившаяся нелепица не является доказательством того, что интеллектуальные способности человека во сне существенно снизились. Те, кто считает, что «нравственный императив» распространяется и на сновидения, должны были бы, по логике вещей, согласиться с критическим отношением дилетантов к спящим, которым снятся безнравственные сны. Мне остается лишь надеяться, ради собственного блага этих людей, что им никогда не приснятся подобного рода грязные сны, чтобы никогда не пошатнулась их вера в собственные строгие нравственные принципы.

Но, вероятно, никто из нас не знает, насколько он хорош или плох, и каждый может вспомнить о том, что ему снилось что-то недостойное. И те и другие авторы, независимо от того, что у них противоположные взгляды на нравственность в сновидениях, стремятся выяснить происхождение безнравственных сновидений; и между ними разгорается новый спор о том, зависят ли подобные сны от функций сознания или от воздействий соматического характера. Неопровержимые факты заставляют сторонников ответственности и безответственности происходящего во сне единодушно согласиться с тем, что существует некий особый психический источник этих снов.

Те, кто считает, что нравственные принципы сохраняются и во сне, тем не менее не готовы признать, что человек способен нести за себя во сне *полную* ответственность. Гаффнер (Haffner, 1887) указывает: «Мы не отвечаем за то, что нам снится, поскольку наше мышление и воля утратили единственную основу, которая помогает нам судить о том, что истинно и что реально в нашей жизни… По этой причине ни одно желание или действие, которые нам приснились, не могут считаться добродетельными или порочными». Но, продолжает Гаффнер, люди несут ответственность за свои безнравственные сновидения, поскольку сами косвенно провоцируют их. На них лежит ответственность нравственно очиститься не только в состоянии бодрствования, но и перед погружением в сон.

Гильдебрандт (Hildebrandt, 1875) предлагает нам более глубокий анализ этой двойственности, когда ответственность за безнравственные сновидения можно и снять с человека, и возложить на него. Он утверждает, что, когда речь идет о безнравственном содержании сновидений, то необходимо учитывать, что это содержание выражается в гипертрофированной форме, поскольку в таких снах самые сложные мыслительные процессы упаковываются в кратчайшие промежутки времени, а также необходимо учитывать тот способ, которым, как он полагает, элементы идей в сновидениях превращаются в неразбериху и утрачивают свое значение. Он признает, что весьма сомневается в том, что с человека можно снять ответственность за те пороки и проступки, которые ему приснились.

«Когда мы изо всех сил стремимся снять с себя какое-либо несправедливое обвинение, особенно в отношении наших намерений и планов, то мы обычно говорим: "Такое нам не снилось"; и тем самым признаем, с одной стороны, что во сне мы в последнюю очередь отвечаем за собственные мысли, поскольку они настолько далеки от нашего истинного "Я", что и нашими-то считаться не могут; но, тем не менее, поскольку мы чувствуем, что вынуждены вслух отрицать сам факт подобных мыслей, мы при этом косвенно признаем, что наше оправдание самих себя было бы неполным, если бы не распространялось и на такую далекую область, как наши сновидения. И мне кажется, что так мы, хотя и бессознательно, говорим на языке истины» (там же).

«Невозможно представить себе ни одного поступка во сне, главнейший мотив которого, до некоторой степени, – будь то какое-то желание, стремление или импульс – не коснулось бы души человека в состоянии бодрствования». Нам следует признать, продолжает Гильдебрандт, что этот исходный импульс зародился не во сне – в сновидении он лишь отразился и получил дальнейшее развитие, в нем лишь предстал в крайне выразительной форме осколок актуального для нас исторического материала; так оживают слова апостола: «Кто ненавидит брата своего, тот убийца

его» (Евангелие от Иоанна, III, 15). И хотя после пробуждения мы, осознавая свою порядочность, с улыбкой вспоминаем о своем изощренном безнравственном сновидении, то едва ли сам его источник располагает к подобному снисходительному отношению. Мы ощущаем собственную ответственность – пусть не за все сновидение в целом, то хотя бы за его часть. «Короче говоря, если мы понимаем весьма спорные слова Иисуса Христа: «Греховные мысли приходят из сердца» [Евангелие от Матфея, XV, 51], то нам не отогнать от себя мысли о том, что каждый совершенный нами в сновидении грех, хотя бы отчасти, говорит о нашей собственной греховности» (Hildebrandt, 1875).

Таким образом, Гильдебрандт полагает, что источник безнравственных сновидений – это зерна греховных импульсов, которые, в форме искушений, посещают наши души в состоянии бодрствования; и он безусловно уверен в том, что это характеризует человека с нравственной точки зрения. Такие же мысли, как мы знаем, и такая же их интерпретация заставляли благочестивых и достойных людей в разные времена каяться в том, что они – презренные грешники[33].

Безусловно, не возникает сомнений в том, что существуют подобные несопоставимые друг с другом идеи; они возникают у большинства людей и в тех сферах, которые не касаются этических вопросов. Но иногда к ним относились менее серьезно. Спитта (Spitta, 1882) приводит цитату из труда Целлера (Zeller, 1818): «Разум редко бывает устроен столь удачно, чтобы постоянно действовать в полную силу, так, чтобы постоянный ясный ход его мыслей не нарушали не только несущественные, но и совершенно бессмысленные идеи. Безусловно, даже величайшие мыслители жаловались на этот призрачный, докучливый и неприятный хаос в мыслях, который отвлекал их от самых глубокомысленных размышлений и самых возвышенных и чистых дум».

Гильдебрандт (Hildebrandt, 1875) также проливает свет на психологическое значение таких противоречивых мыслей, когда он указывает, что сновидение иногда предоставляет нам возможность заглянуть в самые сокровенные глубины нашего «Я», которые в состоянии бодрствования нам недоступны. Кант рассуждает о том же в своей «Антропологии» (Antropologie, 1798), когда заявляет, что сны, вероятнее всего, нужны нам для того, чтобы раскрывать наши скрытые наклонности и показывать нам, кто мы есть, и то, чем мы могли бы стать, если бы получили иное воспитание; Радешток (Radeshtock, 1879) согласен с ним, утверждая, что сны часто лишь открывают нам то, в чем мы сами себе не смели признаться, и потому мы несправедливо считаем их обманчивыми и лживыми. Эрдманн (1852) указывает: «Сны никогда не открывали мне, какого мнения мне следовало бы быть о каком-то человеке; но я часто был вынужден с удивлением признать, что сон помогал мне понять, что же я на самом деле думаю о каком-то человеке и что чувствую к нему». И. Г. Фихте (1852) также замечает: «Наши сновидения гораздо точнее показывают, что мы за люди, по сравнению с тем, что мы можем понять в состоянии бодрствования».

Далее мы убедимся, что возникновение импульсов, противоречащих нашим нравственным принципам, просто соотносится с тем, что нам уже известно, – и это доказывает, что во сне мы получаем доступ к миру идей, который в состоянии бодрствования нам или совершенно недоступен, или играет совсем незначительную роль. Бенини (1898) указывает: «Некоторые наши стремления, которые мы считали на время подавленными или утраченными, снова воскресают; угасшие страсти былого оживают вновь. Вещи и люди, о которых мы никогда не думаем, снова предстают перед нами». А Фолькельт (1875) говорит: «Те идеи, которые практически незаметно проникли в бодрствующее сознание и о которых мы почти никогда не вспоминаем, очень часто заявляют о себе в сновидениях». И вот, наконец, мы можем вспомнить утверждение Шлейермахера [см. выше] о том, что сам процесс погружения в сон сопровождается возникновением «непроизвольных идей» или образов.

«Непроизвольными» мы можем считать те идеи, появление которых в безнравственных и в абсурдных сновидениях так поражает нас. Но у них существует одна отличительная особенность: непроизвольные идеи в области нравственности противоречат нашим обычным убеждениям, а другие идеи просто кажутся нам странными. Пока никто не предпринимал попыток более глубокого изучения причин такого различия.

Тогда возникает вопрос: в чем заключается *значение* непроизвольных образов в сновидениях, а также каким образом эти идеи, возникшие во мраке ночи, несовместимые с нашими

моральными принципами, проливают свет на психологию сознания в состоянии бодрствования и во сне? Здесь мнения авторов снова расходятся, и возникают новые группы единомышленников по этому вопросу. По мнению Гильдебрандта и тех, кто согласен с его фундаментальными идеями, неизбежно напрашивается вывод, что безнравственные импульсы до некоторой степени оказывают влияние на человека и в состоянии бодрствования, хотя они подавлены и не могут спровоцировать на активные действия, а во сне снимаются какие-то ограничения, которые действуют в состоянии бодрствования и не позволяют нам поддаться подобным импульсам. И таким способом сновидение выявляет реальную сущность человека, хотя и не до конца, и оно не является единственным способом проникнуть в самые сокровенные тайники души человека. Только руководствуясь этими соображениями, Гильдебрандт (Hildebrandt, 1875) полагает, что сон – это некое предостережение для человека, которое привлекает наше внимание к нашим тайным порокам, подобно тому как, по свидетельствам, оно может подать сигнал о нездоровье, которое до того момента оставалось незамеченным. Спитта (Spitta, 1882), вероятно, разделял это мнение, когда рассуждал об источниках возбуждения, которые проникают в сознание (например, в пубертатный период), он утешает того, кто видел безнравственный сон, что в часы бодрствования такой человек может направить все свои усилия на то, чтобы вести праведный образ жизни и подавлять порочные мысли, всякий раз, когда они у него возникают, не давая им развиться и вылиться в мерзкие поступки. С этой точки зрения мы можем считать «непроизвольными» все те мысли, которые «подавлялись» в течение дня, и считать их появление исключительно одним из феноменов нашей психики.

Но другие авторы считают последний вывод необоснованным. Например, Иессен (Jessen, 1855) убежден в том, что непроизвольные идеи, которые появляются в сновидениях, а также и в состоянии бодрствования или в бреду и при других состояниях измененного сознания, «являются продуктом волевого усилия, которое какое-то время не было реализовано и представляет собой до некоторой степени механическое воспроизведение образов и представлений, которые спровоцированы внутренними импульсами». В безнравственном сновидении, по мнению Иессена, все эти элементы доказывают, что при определенном условии человек, которому все это снится, понимает, что обозначают все эти идеи, хотя, безусловно, нет доказательств тому, что все это является собственным сознательным импульсом спящего.

Что касается другого автора, Мори, создается впечатление, что он приписывает сновидению некую способность, которая заключается не в произвольном разрушении активности сознания, а в возможности разлагать его на составные части. Вот что он пишет о сновидениях, в которых человек нарушает все нравственные принципы: «Наши склонности – вот что обращается к нам и заставляет нас действовать, а совесть молчит, хотя иногда предупреждает нас об опасности. У меня есть мои собственные недостатки и порочные склонности; в состоянии бодрствования я стараюсь бороться с ними и часто мне удается их контролировать и не поддаваться им. Но в моих снах я всегда поддаюсь им или, точнее, действую под воздействием импульса, который их порождает, не испытывая ни страха, ни угрызений совести… Безусловно, картины, которые предстают мне в сновидении, порождаются моими побуждениями и неподвластны моей ослабшей силе воли» (Maury, 1878).

Никто из сторонников мнения о том, что сновидения помогают выявить безнравственность спящего, которая на самом деле подавлена или скрывается, не сумели выразить свои убеждения так, как это сделал Мори: «Во сне человек полностью проявляет собственную сущность в ее неприкрытой наготе и природной беззащитности. Как только ослабевает его воля, им играют все страсти, от которых в состоянии бодрствования нас защищают совесть и страх» (там же). И далее у него мы читаем: «Во сне проявляется инстинктивная сторона человека… Во сне человек, так сказать, возвращается к своему природному состоянию (там же). Далее Мори приводит примеры того, как в своих снах он сам нередко становится жертвой тех предубеждений, которые сам так яростно критиковал.

Но с позиций проведенных исследований того, что происходит во сне, эти глубокие замечания Мори теряют значимость, поскольку наблюдаемые им феномены, скрупулезные описания которых он приводит, он рассматривал лишь как доказательства «психологического автоматизма», который, с его точки зрения, безраздельно господствует в сновидениях и который, с его точки зрения, является механизмом, противоположным сознательной мыслительной деятельности.

Штрикер (Stricker, 1879) указывает: «Сновидение состоит не только из иллюзий; если, например, спящего напугали во сне разбойники, то, хотя эти разбойники и не существуют на самом деле, но страх, который они внушают, вполне реален». Так мы обращаем внимание на то, что аффекты в сновидениях нельзя считать простым напоминанием о каком-то содержании, которое их спровоцировало; и нам предстоит решить, какие же именно психологические процессы в сновидениях следует рассматривать как реальные, то есть те, которым можно найти место и среди психологических процессов в состоянии бодрствования[34].

Ж. Теории сновидения и его функции

Любые рассуждения, направленные на то, чтобы выявить как можно больше доступных наблюдению характеристик сновидений с конкретной точки зрения, которые бы при этом определяли место сновидений в более широком спектре явлений, заслуживают того, чтобы считаться теориями сновидений. Мы рассмотрим различные теории, различие между которыми будет заключаться в том, что они рассматривают одну или две характеристики сновидений, придавая им особое значение, и на этой основе предлагают объяснения и сравнения таких характеристик. Совсем не обязательно выяснять *функцию* сновидений (утилитарную или какую-либо еще) на основании такой теории. Тем не менее, поскольку мы взяли за правило искать телеологические объяснения, мы с большей готовностью воспримем теории, которые стремятся объяснить функции сновидений.

Мы познакомились уже с несколькими концепциями сновидений, которые в той или иной степени заслуживают того, чтобы их считали теорией сновидений с этой точки зрения. Вера мыслителей Античности в то, что сновидения нам посылают боги, чтобы управлять поступками людей, представляла собой полноценную теорию сновидений, где содержались ответы на все вопросы в отношении снов. С тех пор как сновидения стали объектом научных исследований, был разработан ряд теорий сновидения, многие из которых не были завершены.

Не претендуя на построение всеобъемлющей классификации таких теорий, мы можем предпринять попытку их распределения примерно на три основные группы, в соответствии с их базовыми принципами, в соответствии с объемом и характером психических явлений, которые проявляются в сновидениях.

1. Существуют теории, например та, которую предлагает Дельбеф (Delboeuf, 1885), в которых считается, что все психические явления состояния бодрствования сохраняются и в снах. В таких теориях утверждается, что сознание не спит и сохраняет активность всех своих механизмов; но, поскольку на него оказывают влияние условия погружения в сон, которые отличаются от состояния бодрствования, во сне в естественном процессе функционирования сознания обязательно происходят некоторые изменения. Более того, в таких теориях нет возможности предположить, каковы *функции*сна; в них не объясняется, зачем нам спать, отчего сложный механизм функционирования сознания должен продолжать работать, даже попав в определенные условия, для которых он, похоже, не предназначен. Итак, или сон без сновидений, или, если вмешиваются внешние стимулы, происходит пробуждение, которое, похоже, будет единственной целесообразной реакцией, – а третьей альтернативы сну не рассматривается.

2. Есть теории, в которых, напротив, предполагается, что во сне происходит снижение психической деятельности, ослабление (логических. – *Примеч. пер.)* связей и обеднение (их содержательного. – *Примеч. пер.)* материала. В отличие от таких теорий, предложенных, например, Дельбефом, здесь сновидения наделяются совершенно иными свойствами. Такие теории предполагают, что сон распространяется далеко за пределы сознания спящего человека; здесь сознание не просто отсекается от окружающего мира; здесь сон властно вторгается в механизмы, управляющие сознанием, и на время его отключает. Можно привести сравнение из области психиатрии и сказать, что теории первой группы строят свои рассуждения на основе процессов, которые наблюдаются у больных с диагнозом «паранойя», а теории второй группы напоминают явления, которые наблюдаются у пациентов с умственной отсталостью или с помрачением сознания.

Теории, признающие, что во сне активна лишь часть сознания, которая проявляется в сновидениях, пользуются наибольшей популярностью среди врачей и в целом в научном мире. В той мере, в которой можно предполагать, что существует интерес к толкованию сновидений, подобные воззрения можно считать господствующей научной теорией. Необходимо отметить, с

какой легкостью эта теория уклоняется от обсуждения самой важной проблемы в области толкования сновидений – тех противоречий, которые в них выявляются. При таком подходе сновидение рассматривается как результат частичного пробуждения – «постепенного, частичного и при этом крайне паранормального процесса возвращения в состояние бодрствования», как говорит о снах Гербарт (Herbart, 1892). Итак, такая теория эксплуатирует идею о серии условий, которые постоянно провоцируют частичное пробуждение, которое достигает кульминации, когда человек полностью пробуждается, и на основе таких эпизодов рассматривает ряд различных вариантов эффективности функционирования сознания во сне, от полного его сбоя, который проявляется в разрозненных абсурдных сновидениях, до полноценного процесса функционирования сознания.

Тем, кто полагает, что нельзя игнорировать физиологические аспекты толкования подобных явлений, или кому подобная интерпретация представляется более научной, советуем обратиться к трудам Бинца (Binz, 1878). Он утверждает: «Подобное состояние (оцепенения) к раннему утру постепенно исчезает. Концентрация продуктов утомления, скопившихся в белом веществе мозга, постепенно уменьшается; все большая их часть разлагается или разрушается и уносится с увеличивающимся кровотоком. Во всем организме активизируются отдельные группы клеток, но в целом он все еще находится в состоянии оцепенения. Изолированное функционирование этих разрозненных участков организма теперь доступно нашему затуманенному сознанию; они еще не контролируются работой участков мозга, которые отвечают за ассоциативные связи. А потому возникающие образы, которые в основном связаны с впечатлениями, обусловленными материальным прошлым, соединяются друг с другом беспорядочно и хаотично. Количество освободившихся нейронов постоянно возрастает, и потому бессмысленные сновидения постепенно ослабевают».

Такое представление о состоянии сна как неполноценной разновидности частичного состояния бодрствования, без сомнения, прослеживается даже в трудах современных физиологов и философов. Наиболее подробно такая позиция изложена в работе Мори (Maury, 1878). Складывается впечатление, что автор полагал, что состояние сна или бодрствования может перемещаться из одной анатомической области в другую и что каждая из этих анатомических зон отвечает за конкретную физиологическую функцию. Здесь я лишь замечу, что даже если теория частичного бодрствования подтвердилась бы, ее детали все еще подлежат обсуждению.

При таком подходе нет места рассуждениям о функциях сна. Из этого следует логический вывод о роли и значении снов, который справедливо отметил Бинц (Binz, 1878): «Каждый из наблюдаемых фактов заставляет нас прийти к выводу, что о снах необходимо рассуждать с учетом *соматических* процессов, которые в любом случае бесполезны, а зачастую и являются явно патологическими…»

В отношении снов у термина «соматический», которым пользуется сам Бинц, может быть несколько способов применения. Во-первых, он относится к *этиологии* снов, которые ему представлялись весьма правдоподобными во время их экспериментального изучения с применением токсических субстанций, поскольку теории подобного рода предполагают, что источники снов сводятся к соматическим факторам. Давайте сформулируем это в максимально категоричной форме. Как только мы заставили себя погрузиться в сон, отключив все стимулы, больше нет необходимости и повода спать до утра, когда процессы постепенного пробуждения под влиянием свежих стимулов могут быть отражены в феномене сновидений. Но непрактично освобождать наш сон от стимулов совершенно; они проникают в сознание спящего со всех сторон – как ростки жизни, на которые жаловался Мефистофель[35], – и снаружи, и изнутри, и даже из тех частей тела, на которые мы не обращаем внимания в состоянии бодрствования. И вот наш сон уже нарушен; наше сознание отовсюду подвергается воздействиям, направленным на пробуждение; на краткий миг сознание просыпается, а затем с готовностью снова погружается в сон. Сны – это реакции на раздражители, исходящие от импульсов, – просто некая реакция, весьма поверхностная.

Но описание сновидения – которое в конечном счете прозвучало и свершилось, остается функцией сознания – как соматический процесс, который значит нечто совершенно иное. Оно стремится доказать, что сны не представляют ничего существенного в качестве психических процессов. Погружение в сон часто сравнивают с тем, как «человек, который ничего не знает об игре на фортепиано, бессмысленно блуждает всеми десятью пальцами по клавишам» (Strümpell,

1877); и это сравнение иллюстрирует распространенное мнение о сновидениях, которое высказывают представители точных наук. С этой точки зрения сон – это нечто абсолютно непригодное для интерпретации; потому что каким образом могут десять пальцев человека, не обученного игре на фортепиано, воспроизвести какую-то мелодию?

Даже в отдаленном прошлом было достаточно критиков теории частичного бодрствования. Например, Бурдах (Burdach, 1838) считает: «Когда утверждается, что сны – частичное бодрствование, в первую очередь это не проливает свет ни на то, что такое сон или состояние бодрствования, а во вторую – всего лишь говорит о том, что во сне активны некоторые процессы сознания, а другие пребывают в покое. Но такая вариативность в жизни происходит постоянно».

Итак, господствующая теория сновидения, которая рассматривает его как соматический процесс, выдвигает чрезвычайно интересную гипотезу сновидения, которую впервые сформулировал Роберт в 1886 г. Она чрезвычайно привлекательна оттого, что в соответствии с ее положениями признается, что у сновидений есть некая полезная функция. В основе теории Роберта лежат два факта, полученных в ходе наблюдений, о которых мы упоминали при оценке материала сновидения, а именно: что человеку часто снятся самые незначительные впечатления состояния бодрствования и что в наши сны редко проникают те важные и значительные интересы, которые занимают нас в состоянии бодрствования. Роберт (Robert, 1886) считает, что практически всегда то, что мы тщательно обдумывали, никогда не провоцирует наши сновидения и что нам снится лишь нечто незавершенное или нечто такое, что посетило наши размышления лишь мимоходом: «В большинстве случаев нельзя истолковывать сновидения, поскольку их порождают чувственные впечатления минувшего дня, которые не смогли в достаточной мере привлечь внимание спящего человека в состоянии бодрствования». Итак, условием, от которого зависит, проникнет ли некое впечатление в сон человека, будет то обстоятельство, был ли процесс размышлений о нем прерван или было ли оно настолько незначительным, чтобы заслуживать в принципе внимания к себе.

Роберт представляет сны в качестве «соматического процесса выделения некого содержания, о котором мы узнаем по реакции на него нашего сознания» (там же). Сны представляют в концентрированной форме те мысли, которые были подавлены в зародыше. «Если бы у человека отняли способность погружаться в сон, то он должен был бы потерять рассудок, поскольку в его мозгу накопилось бы огромное множество непродуманных мыслей и поверхностных впечатлений, и это задушило бы те мысли, которые должны накопиться в памяти как нечто законченное» (там же). Сновидения – это своего рода фильтр для перегруженного мозга. Они обладают целительной силой и приносят облегчение.

Мы бы неверно интерпретировали позицию Роберта, если бы поинтересовались у него, как именно образы из снов приносят облегчение сознанию. Но Роберт ясно дает понять, рассуждая о двух этих характеристиках содержания сновидений, что во сне, так или иначе, происходит отбраковка бессмысленных впечатлений в виде соматического процесса и что сон – это не особая разновидность психического процесса, а просто та информация, которую мы получаем, когда происходит подобная отбраковка. Более того, во сне происходит не только такое выделение материала. Сам Роберт добавляет, что, кроме того, перерабатываются стремления, которые были испытаны в состоянии бодрствования, и «любые фрагменты непродуманных мыслей, которые не были выделены, собираются в некое усредненное целое посредством мыслей, которые продиктованы воображением и так попали в память как безобидная картинка-фантазия» (там же).

Но теория Роберта кардинальным образом противоречит господствующей в том, что касается утверждений об *источнике* сновидений. В господствующей теории утверждается, что снов не существовало бы вовсе, если бы сознание не пробуждалось бы постоянно под воздействием внешних и внутренних сенсорных факторов. А с точки зрения Роберта, импульс к сновидениям зарождается в самом сознании – поскольку оно перегружается и ему требуется разгрузка; и он приходит к чрезвычайно логичному выводу, что причины возникновения сновидений, обусловленные соматическими условиями, играют второстепенную роль, а также что подобные причины совершенно не могли бы выступать в качестве причины, провоцирующей сновидения в сознании, в котором бы отсутствовал строительный материал для таких сновидений, связанный с состоянием бодрствования (там же). Он лишь допускает, что фантастические образы, которые возникают в сновидении из глубин сознания, могут быть обусловлены нервными стимулами. Таким образом, Роберт не считает, что сновидения полностью зависят от соматики. Тем не менее

он считает, что сны – это не психические процессы, им нет места среди психических процессов в состоянии бодрствования; они представляют собой соматические процессы, которые начинают действовать каждую ночь в области мыслительной деятельности, и их функция заключается в том, чтобы защитить эту систему от излишнего напряжения – или, если использовать другую метафору, – в том, чтобы убрать из сознания все лишнее[36].

Еще один автор, Ив Делаж, основывает свою теорию на тех же самых характеристиках снов, на что указывает его отбор материала; примечательно, что небольшое отличие его точки зрения на те же самые явления приводит его к совершенно иным выводам.

Делаж (Delage, 1891) сообщает нам, что после смерти близкого человека он лично убедился в том, как обычно человеку снится *не* то, чем были заняты его мысли в течение дня, или эти мысли проявляются в его снах после того, как их вытеснили другие заботы. Его наблюдения за другими людьми еще больше убедили его в собственной правоте. Делаж делает интересное замечание на этот счет, если можно будет доказать, что оно универсально применимо, относительно снов молодоженов: «Если они были очень сильно влюблены друг в друга до брака и во время медового месяца, они практически не снились друг другу, а если они видели во сне любовные сцены, то в них участвовали те, к которым они безразличны или испытывали враждебное чувство» (там же). Но что же нам снится? Делаж полагает, что материал наших сновидений состоит из отрывков и «отбросов» наших предыдущих впечатлений. Все, что возникает в наших сновидениях, даже если мы считаем, что это «просто сон», при ближайшем рассмотрении оказывается неосознанным воспоминанием – «Souvenir inconscient». Но у всех этих идей есть нечто общее: все они возникли из впечатлений, которые, по всей вероятности, скорее затронули наши эмоции, чем разум, или от которых мы отвлеклись вскоре после их появления. Чем меньше мы их осознаем и чем большее впечатление они произвели на нас, тем больше вероятность, что они возникнут в следующем сновидении.

Здесь мы имеем дело с одними и теми же категориями впечатлений, к которым привлекает внимание Роберт: тривиальные впечатления и те, по отношению к которым человек не предпринимал никаких действий. Но Делаж рассуждает об этом иначе, поскольку считает, что впечатления возникают в сновидении именно оттого, что не были осмыслены, а не потому, что они тривиальны и не имеют значения. В определенном смысле верно, что тривиальные впечатления не были осмыслены до конца; поскольку они относятся к свежим впечатлениям, они представляют собой «множественные источники напряжения» и потому освобождаются во сне. Сильное переживание, которое отчего-то не подверглось осмыслению или которое подверглось умышленному подавлению, с большей степенью вероятности проявится в сновидении, чем впечатление слабое, которое осталось практически незамеченным. Психическая энергия, которая была накоплена днем, которая подавлялась и не фиксировалась сознанием, становится мотивом для формирования сновидений ночью. Подавленный психический материал оживает в снах (там же, 1891)[37].

К сожалению, здесь Делаж и останавливается в своих рассуждениях. Он уделяет лишь самую незначительную роль независимой психической деятельности во сне; в результате этого его теория согласуется с господствующей в том, что касается частичного бодрствования мозга: «В целом сновидение – это продукт блуждающих мыслей, бесцельных и бессмысленных, в которых, одно за другим, оживают воспоминания, достаточно сильные, чтобы постоянно возникать в сновидении и нарушать его ход. Иногда они практически не связаны друг с другом и едва различимы; временами – сильны и крепки, в зависимости от того, насколько ослабевает во сне деятельность мозга» (там же).

3. К третьей группе относятся те теории сновидения, в которых предполагается, что спящее сознание обладает способностью к особой психической деятельности, которая в состоянии бодрствования человеку практически не доступна. Функция сновидения и заключается в активизации этих способностей. Большинство авторов трудов по психологии предыдущих лет относятся к этой категории. В качестве примера достаточно привести утверждение Бурдаха (Burdach, 1838), о том, что сновидения представляют собой «естественную деятельность сознания, которая не ограничивается индивидуальностью, на которую не воздействует самосознание или самоопределение, в которой свободно выражают себя живые чувственные силы».

Это пиршество духа, где свободно выражаются все ресурсы сознания, Бурдах и его единомышленники рассматривают как условие, при котором оно получает приток новых сил перед новым рабочим днем, и во сне сознание получает возможность отдохнуть. Например, Бурдах цитирует очаровательные строки поэта Новалиса, который восхваляет царство сновидений: «Сновидения защищают нас от монотонности и повседневности жизни, освобождая от их оков, и потому может перемешать все образы повседневного существования и наполнить детскими играми мрачную серьезность взрослой жизни. Без снов мы бы точно постарели гораздо раньше; и потому мы должны относиться к ним – нет, возможно, как к дару небес – или как к драгоценной передышке, как к дружелюбным попутчикам на нашем долгом пути к могиле» («Генрих фон Офтердинген», 1802).

О возрождающем и целительном воздействии снов еще более убедительно пишет Пуркинье (1846): «Эти функции особенно успешно выполняют продуктивные сновидения. Они представляют собой легкую игру воображения и никак не связаны с дневными тяготами. Сознание не стремится продлевать дневные невзгоды; оно стремится освободиться от них и нуждается в восстановлении. Оно, прежде всего, вызывает состояния, диаметрально противоположные состоянию бодрствования. Печаль оно исцеляет радостью, заботы – надеждами и картинами счастья, ненависть – любовью и дружбой, страх – мужеством и уверенностью в своих силах; сомнения оно развевает убежденностью и непоколебимой верой, напрасные ожидания – их оправданием. Многие душевные страдания, которые постоянно усугублялись в течение дня, сон лечит; он утоляет их и не дает нанести новые душевные раны. В этом, отчасти, и заключается целительное воздействие времени». Все мы ощущаем, что сон восстанавливает наши душевные силы, и подспудно в обыденном сознании существует твердое убеждение, что погружение в сон приносит нам пользу, и отказываться от этого мы не намерены.

Самую оригинальную и плодотворную попытку объяснить сновидение как особую деятельность сознания, которая может свободно осуществляться только во сне, предпринял Шернер в 1861 г. Его неудобочитаемая, преисполненная энтузиазма книга оттолкнет всякого, кто не разделяет воззрений автора. Она воздвигает такие преграды на пути анализа своего содержания, что нам лучше с чувством глубокого облегчения обратиться к более ясному и краткому изложению доктрины Шернера, которое предоставил философ Фолькельт (Volkelt). «Убедительное сияние смысла подобно ослепительному блеску молнии, которая вспыхивает из этих мистических образований, этих великолепных внушительных грозовых туч, – но оно не освещает путь философа». Вот как судит о трудах Шернера даже его преданный ученик (Volkelt, 1875).

Шернер не единственный, кто считает, что во сне функции сознания сохраняются. Сам он [по словам Фолкельта – там же] свидетельствует о том, как централизованное ядро эго – его спонтанная энергия – утрачивает свою нервную силу в сновидениях, как в результате подобной децентрализации изменяются процессы познания, чувства и стремления человека и его способность к восприятию и формированию идей, а также как остаточные явления этих психических функций утрачивают характер мышления и становятся механическими. Но зато мыслительная активность, которая может быть охарактеризована как «воображение», освободившись от диктата рассудка и любого контроля, внезапно совершает скачок в область абсолютной и безграничной свободы. Хотя во сне воображение и подпитывается недавними воспоминаниями из состояния бодрствования, используя их в качестве строительного материала, из них оно выстраивает нечто, далеко не отдаленно напоминающее то, что в состоянии бодрствования происходит; это проявляется в снах не просто как воспроизведение событий, но и обладает *продуктивной* силой (там же). Именно из-за особенностей этого воображения сновидения так необычны. Оно склонно к чрезмерностям, преувеличениям и всяческим ужасам. Но при этом, освободившись от оков мышления, воображение в сновидениях становится более гибким, подвижным и разнообразным. Оно чрезвычайно восприимчиво к тончайшим движениям души и страстным чувствам, мгновенно преображая нашу внутреннюю жизнь в выразительные внешние образы. В сновидениях воображение не прибегает к силе языка, оперирующего понятиями. Оно вынуждено создавать картины происходящего, и, поскольку на него не оказывают действия понятия, сила которых [в сновидениях. – *Примеч. пер.]* ослаблена, то оперирует в основном образами. И потому, как бы ясен ни был этот язык, он кажется расплывчатым, неуклюжим и громоздким. Его особенно трудно понять оттого, что оно

стремится не воспроизводить объект таким, каков он есть, а преувеличивает какие-то его характеристики, которые стремится изобразить. Так и проявляется символизм фантазии… (там же). Крайне важно также, что во сне воображение никогда не рисует нам полный образ вещей, а лишь его поверхностные контуры. Поэтому то, что мы видим, напоминает нам чьи-то вдохновенные наброски. Но, кроме простого изображения объекта, воображению необходимо, в той или иной мере, связать с этим изображаемым объектом спящее эго и так создать *событие.*Например, под воздействием визуального стимула нам могут присниться золотые монеты, разбросанные на улице; человек во сне будет с радостью подбирать их и забирать себе (там же).

Шернер считает, что ткань, на которой воображение в сновидении создает свои причудливые узоры, в основном состоит из органических соматических стимулов, которые недоступны сознанию в полной мере во время бодрствования. (См. выше.) А потому чрезвычайно фантастическая теория Шернера и, возможно, чрезвычайно сухое изложение в теории Вундта и других физиологов, которые в остальных аспектах полностью противоположны друг другу, по данному вопросу совпадают. Но Шернер полагает, что соматические стимулы всего лишь являются источником материала, который сознание затем может использовать для собственных воображаемых целей. По мнению Шернера, формирование сновидений начинается лишь в тот момент, который другие авторы рассматривают как конец сновидений.

Безусловно, все происходящее с сенсорными стимулами под влиянием воображения в сновидении нельзя рассматривать, как нечто полезное. Воображение играет с ними и представляет в виде картин те органические ресурсы, которые породили эти стимулы, посредством своеобразного пластического символизма. Шернер полагает – хотя в данном случае и Фолкельт (Volkelt, 1875), и другие авторы с ним не согласны, – что во сне воображению свойственна одна характерная особенность – представлять организм как нечто целое: а именно как дом. К счастью, его выразительные средства этим не ограничиваются. С другой стороны, оно может изобразить целый ряд домов, чтобы указать на определенный внутренний орган; например, длинная улица, застроенная домами, может символизировать кишечник. А некоторые части дома могут символизировать некоторые части тела; например, если он вызван приступом головной боли, голову может изображать потолок комнаты, к которому прилипли отвратительные существа, то ли жабы, то ли пауки (там же).

Оставив в стороне символику дома, отметим, что любые другие объекты могут изображать части тела, которые провоцируют стимул, порождающий сновидение. «Например, движение легких может символически предстать в образе пламени в очаге, а ревущее пламя будет воплощать движение в них воздуха; сердце будут символизировать пустые коробки или корзины, а мочевой пузырь – круглые объекты, напоминающие сумки, или просто что-то пустое изнутри. Сигналы, поступающие от мужских половых органов, заставят человека увидеть во сне верхнюю часть кларнета, который оказался на улице, или часть курительной трубки, которую помещают в рот, или кусок меха. Кларнет и трубка будут отдаленно напоминать по форме мужской половой орган, а мех – волосы на лобке. Если сексуально окрашенное сновидение посещает женщину, то узкое пространство между ее бедрами будет символизировать узкий двор между домами, а вагина образно предстанет в образе мягкой, скользкой и очень узкой тропинки, которая пересекает этот двор, и спящей нужно будет пройти по этому пути для того, чтобы, например, передать какому-то мужчине письмо» (там же). Особенно примечательно, что под конец сновидения, в котором существует подобный соматический импульс, воображение, действующее во сне, срывает с себя маску, словно открыто признавая, какой орган или телесная функция породили его. Таким образом, «сон, связанный с зубами», обычно завершается, когда спящему привиделось, как он выдирает себе зуб (там же).

Но воображение, действующее во сне, может даже непосредственно не указывать на *форму*органа, который стимулировал это сновидение, оно может символически представить материал, из которого тот состоит. Например, во сне, который спровоцирован стимулом, исходящим от кишечника, человек увидит, как он бредет по грязным улицам, а если такой сигнал исходит от мочевого пузыря, то человеку приснится пенящийся поток. Или может возникнуть символический образ самого стимула, природы возбуждения, которое им спровоцировано. Или спящее эго вступает в конкретные взаимоотношения со своими символами; например, от боли человеку может присниться, что на него напали злые собаки или что он борется с быками, а

женщине в сексуально окрашенном сновидении привидится, что за ней погнался голый мужчина (там же). Независимо от выразительных средств, которые в нем реализуются, воображение в своей символической деятельности остается центральной действующей силой в любом сновидении (там же). Попытку глубже проникнуть в природу воображения и выяснить, какое место оно занимает в системе философской мысли, предпринял Фолькет на страницах своей книги. Но, хотя она написана хорошо и с большим чувством, ее все же чрезвычайно трудно понять всякому, кто в силу своего базового образования не готов принять сложный философский ход мысли.

По Шернеру, у символизирующего воображения не существует утилитарной функции. Во сне сознание играет со стимулами, которые пронизывают его. Можно заподозрить, что оно играет с ними злонамеренно. Но я задаюсь вопросом, нельзя ли использовать в прагматических целях мое детальное изложение теории сновидений Шернера, поскольку его условный характер и нежелание подчиняться установленным правилам исследования кажутся весьма очевидными. Во мне все протестует против того высокомерия, с которым теорию Шернера отвергли и оставили без внимания. Его теория построена на впечатлении, которые сновидения произвели на чрезвычайно внимательного исследователя, и он внес огромный личный вклад в исследование тайн сознания. Более того, речь идет о предмете изучения, который в течение тысяч лет, без сомнения, казался людям таинственным, но важным и имеющим далеко идущие последствия. Представители точных наук сами признают, что им не удалось в значительной степени пролить на него свет (хотя общественное мнение убеждено в обратном), за исключением того, что его признали бессмысленным или бесполезным. И наконец, мы можем честно признать, что при объяснении сновидений легко попасть в область фантазий. Скопление нейронов тоже кажется чем-то фантастическим. Когда я цитировал фрагмент из работы такого здравомыслящего и аккуратного исследователя, как Бинц (Binz), в котором приводится описание того, как дремлющие клетки коры мозга начинают медленно пробуждаться, это тоже кажется не менее фантастическим явлением – и таким же маловероятным, – как и попытки Шернера интерпретировать происходящее во время сновидения. Я надеюсь, что мне удастся продемонстрировать, как второе весьма близко к реальности, хотя едва доступно нашему восприятию, и ему не хватает универсальности, свойственной многим теориям сновидения. При этом различие между теорией Шернера и взглядами представителей медицины продемонстрирует нам те крайности, между которыми колеблются рассуждения о происходящем во сне, вплоть до сегодняшнего дня[38].

3. Сны и душевные болезни

Когда мы рассуждаем о том, каким образом взаимосвязаны сны и душевные болезни, мы можем учитывать следующее: (1) этиологические и клинические связи между ними, например, когда во сне воспроизводится психотическое состояние, или оно появляется в нем впервые, или оно возникает после него; (2) модификации, которым подвергается сновидение из-за душевной болезни спящего; и (3) изначальные взаимосвязи снов и психозов, аналогий, которые указывают на то, что между двумя этими состояниями существует глубокое сходство. Эти многообразные взаимоотношения между этими двумя группами явлений были любимой темой для обсуждения у авторов трудов по медицине в прежние времена, и это происходит снова в наши дни, насколько можно судить по списку научной литературы у Спитты (Spitta, 1882), Радштока (Radestock, 1879), Мори (Maury, 1878) и Тиссье (Tissiér, 1898). Совсем недавно Санктье де Санктис обратил на это внимание[39]. Для моих целей достаточно будет просто упомянуть об этом важном вопросе.

Что касается клинических и этиологических взаимосвязей сновидений и психозов, вот некоторые наблюдения, которые можно привести в качестве примеров. Хонбаум (Hohnbaum, 1830) приводит цитату из работы Краусса (Krauss, 1858), где тот сообщает, что первые проявления расстройства рассудка часто выражаются в беспокойных или кошмарных сновидениях и что основная их идея часто связана с таким сновидением. Санте де Санктис упоминает о похожих наблюдениях применительно к паранойе и заявляет, что в некоторых из подобных случаев «сон является главным обусловливающим фактором безумия». Психоз, по словам де Санктиса, может внезапно развиться вместе с возникновением сна, показательного для такого расстройства, в котором ясно проявится содержание этого безумия; или оно может

постепенно развиваться в серии последовательных сновидений, содержание которых все еще вызывает сомнения. В одном из случаев, пример которых он приводит, за значимым для диагностики душевного расстройства сном последовали слабо выраженные истерические приступы, а впоследствии состояние беспокойной меланхолии. Фере (Fere, 1886) (цитату из работы которого приводит Тиссье (Tissiér, 1898)) рассказывает про сон, после которого развился истерический паралич. В подобных случаях сны являются одним из компонентов этиологии душевного расстройства; но нам следует рассматривать все факты с одинаковой точки зрения, если мы утверждаем, что душевная болезнь сначала проявляется в сновидениях или что психоз проявляется только в области сновидений. В примерах, приводимых далее, или патологические симптомы уже проявляются в состоянии бодрствования, или психоз ограничивается областью сновидений. Так, Томайер (Tomayer, 1897) привлекает внимание к некоторым беспокойным сновидениям, которые, с его точки зрения, должны рассматриваться в качестве эквивалента эпилептических припадков. Радшток цитирует отрывок из работы Эллисона (Allison, 1868), (Radestock, 1879), где приводится пример «ночного безумия», когда пациент, совершенно здоровый в состоянии бодрствования, во сне постоянно страдает от галлюцинаций, припадков безумия и т. д. О похожих наблюдениях рассказывают и де Санктис (de Sanctis, 1899) (например, одному алкоголику приснился сон, который по признакам напоминал приступ паранойи, – ему почудились голоса, которые сообщили о неверности жены), и Тиссье. Последний (1898) приводит подробные примеры того, как патологические поступки, например поведение, основанное на делюзиях и навязчивых импульсах, были спровоцированы снами. Гизлен (Guislain, 1833) приводит пример того, как сон сменился приступами безумного поведения.

Не вызывает сомнений, что в один прекрасный день врачей заинтересует не только психология, но и *психопатология* сновидений.

При выздоровлении у тех пациентов, кто раньше страдал душевными недугами, можно довольно часто заметить, что, несмотря на нормальное поведение днем, ночью они все еще находятся под влиянием психоза. Краусс цитирует Грегори (Krauss, 1859), который первым обратил внимание на этот факт. Макарио (Macario, 1847), цитату из работы которого приводит Тиссье, (Tissiér, 1898), рассказывает о том, как пациент, страдавший от мании, через неделю после своего полного выздоровления во сне все еще страдал от потока идей и бурных страстей, которые были типичными для его заболевания.

Очень мало исследований было проведено в отношении модификаций сновидений под влиянием хронических психозов[40]. С другой стороны, уже давно внимание привлекало родственное сходство снов и душевных болезней, что проявлялось в значительном сходстве наблюдавшихся в них явлений. Мори (Maury, 1834) сообщает, что первым на это обратил внимание Кабанис (Cabanis, 1802), а за ним это же сделали Лелют (Lélut, 1852), Моро (J. Moreau, 1855) и в особенности философ Мейн де Бриан (1834). Без сомнения, такое сравнение проводили и до них. Радшток (Radestock, 1879) в одной из глав своей работы приводит ряд цитат на тему сходства снов и безумия. У Канта (Kant, 1764) мы читаем: «Безумец – это человек, который спит наяву». Шопенгауэр (Schopenhauer, 1862) называет сны кратковременным приступом безумия, а безумие – долгим сном. Хаген (Hagen, 1846) описывает делирий как то, что происходит во сне, но при этом человек не засыпает, а страдает от заболевания. Вундт (Wundt, 1878) пишет от этом так: «Мы сами, в сущности, можем во сне испытать все те явления, которые наблюдаются в сумасшедших домах».

Спитта (Spitta, 1882), так же как и Мори (Maury, 1854), приводит следующий список сходных характеристик, на основании которых можно проводить подобные сравнения: (1) Сознание ослабевает или, по меньшей мере, работает менее эффективно, и потому человек не осознает, в каких условиях находится, и вследствие этого не способен на удивление и утрачивает нравственные принципы. (2) Изменяется восприимчивость органов чувств: в снах она понижена, а в состоянии сумасшествия невероятно возрастает. (3) Идеи взаимосвязаны друг с другом исключительно на основе законов ассоциации и репродукции; поэтому они автоматически следуют друг за другом и никак друг с другом не связаны (содержат преувеличения и иллюзии). И все это приводит к (4) изменению, в некоторых случаях, к искажению личности человека, а иногда и черт его характера (перверсивное поведение)».

Радешток (Radestock, 1879) дополняет этот список еще несколькими характеристиками – аналогиями между *материалом* этих двух состояний: «Большинство галлюцинаций и иллюзий –

слуховые, зрительные и кинестетические. Как в сновидениях, запахи и вкусы реже провоцируют возникновение фрагментов сна. И у тех, кто бредит, и у спящих людей оживают воспоминания далеких дней; и больные, и здоровые погружаются в давно забытые воспоминания». Аналогию между сновидением и психозом можно полностью оценить, лишь когда проявляются мельчайшие совпадения между ними, например, в деталях мимики и выражении лица.

«Когда человек страдает физическими и душевными недугами, в сновидении он получает то, что ему недоступно в реальной жизни: здоровье и счастье. И у душевнобольных бывают счастливые минуты, когда они ощущают собственную значимость и достоинство, наслаждаются благополучием. Иллюзия обладания чем-то ценным и воображаемое осуществление желаний, отказ от которых привел к безумию, часто и составляет психологическое содержание делирия. Женщине, которая недавно потеряла своего ребенка, мерещатся радости материнства; разорившийся человек воображает себя невероятно богатым; преданная любимым девушка чувствует, что ее нежно любят».

(Эта цитата из работы Радештока вкратце излагает проницательные наблюдения Гризингера (Griesinger, 1861), который убедительно доказывает, что идеи в сновидениях и психозах обладают похожими характеристиками, – представляя собой воплощение желаний. По моим собственным наблюдениям, именно в этом – ключ к психологической теории и сновидений, и психозов.)

«Основная характеристика безумия и сновидений заключается в эксцентричности мыслей и несостоятельности рассуждений». Мы можем убедиться в том, что обоим состояниям (как далее указываем Радшток) свойственны такая переоценка человеком продуктов собственных мыслительных усилий, которая в состоянии бодрствования кажется абсолютно бессмысленной; быстрая смена мыслей во сне напоминает быстрый полет мыслей при психозах. В обоих состояниях совершенно отсутствует чувство времени. Во время сновидения личность может расщепляться – когда, например, знание человека раздваивается, и в сновидении внешнее эго вносит коррективы в эго в сновидении. Это в точности напоминает раздвоение личности при паранойе с галлюцинациями; сам спящий тоже слышит, как чужими голосами звучат его собственные мысли. Даже хронические идеи при делюзии имеют соответствие в стереотипных повторяющихся снах при паранойе (le reve obsedant) – нередко происходит так, что после восстановления от делирия пациенты сообщают, что все время, когда они болели, кажется им теперь долгим неприятным сном: безусловно, они иногда расскажут нам о том, что даже во время болезни у них иногда возникало чувство, будто все это им только снится, – как это часто бывает во время обычных ночных сновидений.

Учитывая все это, неудивительно, что Радшток подводит итог размышлениям, выражающим его точку зрения, и мыслям других авторов, заявляя, что «безумие, патологическое отклонение от нормы, следует рассматривать как усиление периодически наступающего нормального состояния, которое возникает у человека во сне» (там же).

Краусс (Krauss, 1859) стремился выяснить, что лежит в основе еще большего сходства снов и безумия, за исключением общих характеристик, которые свойственны их внешним проявлениям. Такую взаимосвязь он усматривает в их этиологии, или, скорее, в источниках возбуждения при этих двух состояниях. Фундаментальная общая характеристика этих двух состояний, по его мнению, заключается в том, что, как мы и сами уже могли убедиться, у органически и соматически обусловленных ощущений возникает синестезия деятельности различных органов тела (ср. Peisse, 1857; цит. по: Maury, 1878).

Бесспорная аналогия между сновидением и душевным расстройством, которая распространяется и на их характеристики, где сновидение считается бесполезным и свидетельствует о деградации умственной деятельности. Тем не менее мы не можем ожидать, что наиболее полное толкование сновидений может быть получено с помощью их сравнения с душевными расстройствами; поскольку наши знания во второй области еще весьма неполны, и это широко признано. Тем не менее вполне возможно, что изменение нашего отношения к сновидениям повлечет за собой и изменение наших взглядов на механизмы душевных расстройств, и что мы достигнем большего прогресса в области изучения психозов, пытаясь до некоторой степени пролить свет на тайну сновидений[41].

Преамбула

Летом 1895 г. я проводил психоанализ с одной молодой женщиной, которая была в приятельских отношениях со мной и членами моей семьи. Очевидно, что, смешивая личные и врачебные отношения, врач, а тем более психотерапевт, может испытывать и смешанные чувства. Чем больше личный интерес врача, тем меньше его авторитет; в случае неудачи он рискует потерять дружеское расположение семьи пациента. Мое лечение отчасти завершилось успехом, пациентка избавилась от истерического страха, некоторые соматические симптомы сохранились. В то время я еще не был совершенно уверен в том, какие именно критерии знаменуют полное излечение от истерии, и предложил пациентке такое решение проблемы, которое она сочла неприемлемым. Поскольку наши мнения разошлись, в середине лета мы сделали перерыв в лечении. Однажды ко мне пришел в гости мой молодой коллега, один из моих близких друзей, посетивший недавно дом моей пациентки Ирмы и ее семьи. Я поинтересовался, как у нее дела, и узнал, что ей уже значительно лучше, но некоторые проблемы еще остались. Я понял, что эти слова моего друга Отто, или, вернее, то, каким тоном он это сказал, вызвало у меня раздражение. Мне почудился в них упрек, словно я не сдержал данного пациентке обещания; и, не знаю, обоснованно или нет, я подумал, что у Отто сформировалось такое мнение под влиянием мнения родителей моей пациентки, которые, как мне казалось, никогда не одобряли это лечение. Но мне самому не были вполне понятны мои чувства, поэтому я никак не проявил их. В тот же вечер я подробно записал историю болезни Ирмы, поскольку решил посоветоваться об этом с доктором М. (который был нашим общим другом и чей авторитет мы безусловно признавали). В эту же ночь (или, скорее всего, ближе к утру) мне приснился вот этот сон, который я подробно записал сразу после пробуждения[58].

Сновидение 23/24 июля 1895 г.

Мне снится большой зал – и в нем наши гости. Среди них Ирма. Я беру ее под руку, словно собираясь ответить на ее письмо и упрекнуть ее в том, что она не согласилась на предложенное мной «решение». Я говорю ей: «Если у вас есть еще боли, то это – ваша вина». Она отвечает: «Если бы вы знали, как у меня болят теперь горло, желудок и живот, – я просто задыхаюсь». Я встревожился и посмотрел на нее. Лицо у нее бледное и опухшее. Я встревожился оттого, что мог просмотреть симптомы какого-то органического заболевания. Я подвожу ее к окну, осматриваю горло. Она слегка противится этому, как это делают женщины со вставными зубами. Я думаю, что ей это ни к чему. Наконец, она открывает рот так, что я могу осмотреть ее горло, и я вижу в нем с правой стороны большое белое[59] *пятно на неровных наростах, которые находятся на внутренней части нёба. Я тут же обращаюсь к доктору М., который повторяет исследование и соглашается с его результатами… Доктор М. сам на себя не похож. Он очень бледен, хромает, и его подбородок гладко выбрит… Мой друг Отто стоит теперь подле меня, а мой друг Леопольд проводит перкуссию ее легких и говорит: «У нее приглушенные тоны слева внизу». Он указывает еще на кожу левого плеча и говорит, что там есть инфильтрат (хотя на этой женщине надето платье, я тоже заметил этот инфильтрат)… М. говорит: «Нет сомнений, это инфекция, но это не страшно, у нее будет дизентерия, и токсины выйдут из организма…» Мы сразу понимаем, откуда у нее эта инфекция. Друг Отто недавно, когда она почувствовала себя нездоровой, впрыснул ей препарат пропила… пропилен… пропиленовую кислоту… триметиламин (во сне я отчетливо вижу его формулу, напечатанную крупным жирным шрифтом)… Такие инъекции нужно делать осторожно… И вероятно, шприц не был тщательно простерилизован.*

С этим сном все понятнее, чем с остальными. Сразу было понятно, какие именно события минувшего дня его спровоцировали. Это становится понятно из моей преамбулы. Новости относительно здоровья Ирмы, которые принес мне Отто, и ее история болезни, которую я составлял до позднего вечера, занимали меня и во сне. Но никто, прочитав преамбулу и описание содержания сновидения, все же не сможет понять, что означало мое сновидение. Я и сам этого не знаю. Меня удивили симптомы болезни, о которых сообщила мне Ирма в сновидении, поскольку они полностью отличались от тех, с которыми имел дело я. Меня забавляет бессмыслица об инъекции пропиленовой кислоты и то, как меня утешал доктор М. Окончание сновидения кажется мне еще более туманным и непонятным, чем его начало. Чтобы понять, что все это обозначало, необходимо было провести его подробный анализ.

Анализ

Мне снится большой зал – и в нем наши гости. То лето мы проводили на улице Бельвю в особняке на холмах, недалеко от Каленберга[60]. Когда-то в этом здании был ресторан, и потому там очень просторные гостиные, напоминающие залы. Именно в этом особняке мне это и приснилось, за несколько дней до дня рождения моей жены. Днем жена говорила мне, что на день рождения ждет много гостей, среди них и Ирму тоже. Мой сон приснился мне до этого события: день рождения жены, много гостей, среди них Ирма, мы их всех принимаем в большом зале особняка на Бельвю.

Я говорю ей: «Если у вас есть еще боли, то это – ваша вина». Я мог бы сказать ей это и наяву, может быть, даже слово в слово. Тогда я полагал (затем мои взгляды изменились), что мне непременно нужно сообщать пациенту, каков скрытый смысл его симптомов: я считал, что не отвечаю за то, согласны ли они с предлагаемым способом их лечения или нет, – хотя весь успех лечения зависел именно от этого. Моим успехом я обязан именно этому заблуждению, от которого я теперь, к счастью, избавился, потому что тогда оно во многом облегчило мне жизнь, когда, несмотря на мое неизбежное невежество, мое лечение должно было заканчиваться успешно. Тем не менее я заметил, что те слова, с которыми я обратился к Ирме во сне, показали, что я очень беспокоился за то, чтобы не отвечать за те боли, которые ее все еще беспокоили. Если это была не ее вина, то уж точно не моя. Может быть, смысл сновидения был именно в этом?

Жалобы Ирмы: боль в горле, желудке, животе; она задыхается. Боли в желудке были обычными симптомами болезни моей пациентки, но раньше они ее так не беспокоили, она жаловалась только на тошноту и рвоту. На боли в горле и спазмы в животе она не жаловалась. Я удивляюсь, почему в сновидении речь шла именно об этих симптомах, но пока мне это непонятно.

У нее бледное и опухшее лицо. У моей пациентки был всегда розовый цвет лица. Я предполагаю, что мне приснился вместо нее кто-то другой.

Я встревожился оттого, что мог просмотреть симптомы какого-то органического заболевания. Это, как легко можно поверить, постоянный страх врача, который в основном работает с невротиками и привык считать симптомами истерии почти все явления, которые другие врачи рассматривают как органические. С другой стороны, мною овладевает – я и сам не знаю, откуда легкое сомнение в том, что мой испуг не совсем добросовестен. Если боли у Ирмы имеют органическую подкладку, то опять-таки я не обязан лечить их. Мое лечение устраняет только истерические боли. Мне чуть ли не кажется, будто я хочу такой ошибки в диагнозе; тем самым был бы устранен упрек в неудачном лечении.

Я подвожу ее к окну, осматриваю горло. Она слегка противится этому, как это делают женщины со вставными зубами. Я думаю, что ей это ни к чему. Я никогда не осматривал ротовую полость Ирмы. То, что произошло во сне, напомнило мне о том, как я недавно проводил осмотр одной гувернантки: на первый взгляд она показалась юной и красивой, а когда пришло время осмотра, она попыталась скрыть, что у нее вставные зубы. Это напомнило мне о других медицинских осмотрах и тех секретах, о которых в это время узнаешь. «Я думаю, что ей это ни к чему», – такая мысль была в первую очередь, комплиментом для Ирмы. Но мне пришла в голову мысль, что это имело и другое значение. (При проведении тщательного исследования всегда понимаешь, получены ли ответы на все подспудно возникающие при этом вопросы). Поза Ирмы у окна неожиданно напоминает мне о другой ситуации. У Ирмы есть близкая подруга, к которой я отношусь уважительно. Когда я однажды вечером пришел к ней, я увидел, как она точно так же стоит у окна, а ее врач, тот же самый доктор М., сообщил мне, что обнаружил у нее в горле дифтеритную мембрану. И доктор М., и проблемы в горле появляются потом в моем сне. Я осознал, что за последние месяцы мне приходила в голову мысль, что эта подруга Ирмы тоже страдает истерией. Более того: Ирма сама рассказывала мне об этом по секрету. Что мне было известно о состоянии ее здоровья? В точности лишь одно – что она тоже страдает от истерического комка в горле, а Ирма в моем сновидении жаловалась, что задыхается. Таким образом, в моем сновидении вместо моей пациентки фигурировала ее подруга. Теперь я вспоминаю, что был морально готов к тому, что и эта подруга обратится ко мне за медицинской помощью по поводу симптомов, которые ее беспокоили. Но это казалось мне маловероятным, поскольку она отличалась крайней сдержанностью. Она сопротивлялась, это проявилось в сновидении. Другая причина состояла в том, что такая помощь была ей не нужна, она

действительно самостоятельно справлялась со своим состоянием безо всякой посторонней помощи. Фальшивые зубы напомнили мне о гувернантке, про которую я уже рассказывал; я уже был готов согласиться с тем, что воспоминание было связано с этим эпизодом с плохими зубами. И вдруг я вспоминаю еще об одном человеке, к кому могли относиться все эти признаки. Эта женщина тоже не принадлежит к числу моих пациенток, и мне бы этого не хотелось, так как я заметил, что она меня стесняется, а потому лечить ее будет трудно. Она обычно очень бледна, и как-то раз, когда никаких проблем со здоровьем у нее не наблюдалось, я заметил, что у нее было припухшее лицо[61]. Итак, во сне я сравнивал мою пациентку Ирму с двумя другими людьми, которые тоже сопротивлялись моему лечению. Но отчего же во сне вместо Ирмы мне приснилась ее подруга? Быть может, мне хотелось, чтобы вместо Ирмы была она. Подруга Ирмы мне больше нравилась, или я был более высокого мнения об ее интеллекте. Дело в том, что я считаю Ирму глуповатой, оттого что она осталась недовольной моим лечением. Ее подруга была бы мудрее и, вероятно, согласилась бы с предложенным мной лечением. Она бы согласилась показать мне рот как следует и рассказала бы больше, чем Ирма[62].

Что я увидел в ротовой полости: белое пятно и наросты на нёбе. Белый налет напоминает мне о дифтерите и о подруге Ирмы, кроме того, однако, и о тяжелой болезни моей старшей дочери почти два года назад, и о том страхе за ее жизнь, который я пережил в те нелегкие дни. Нарост на нёбе напоминает мне о проблемах с моим собственным здоровьем. Тогда я часто прибегал к использованию кокаина, чтобы снять проблемы с опуханием носа, и несколько дней назад услышал, что у одного из моих пациентов это привело к ярко выраженному некрозу носовой мембраны. Именно я первым рекомендовал использование кокаина в 1885 г.[63], и эта рекомендация навлекла на меня серьезные упреки. Злоупотребление этим лекарством ускорило смерть одного моего близкого друга незадолго до 1895 г.

Я тут же обращаюсь к доктору М., который повторяет исследование и соглашается с его результатами… Это вполне естественно, учитывая репутацию доктора М. в нашем кругу. Но моя *поспешность* при этом требует особого объяснения. Это напоминает мне об одном трагическом происшествии в моей практике. Однажды, прописав одной пациентке прием лекарства, которое в то время считалось вполне безвредным (сульфонала), я вызвал у нее тяжелую интоксикацию и поспешно обратился по этому поводу за консультацией к более опытному пожилому коллеге. Есть одна деталь, которая подтверждает эту догадку. Моя пациентка, у которой развилась интоксикации, носила то же имя, что и моя старшая дочь. Раньше мне никогда это не приходило в голову, а теперь это кажется просто рукой судьбы: одна Матильда вместо другой. Создается впечатление, что я ищу всевозможные прецеденты собственной врачебной добросовестности.

*Доктор М. сам на себя не похож. Он очень бледен, хромает, и его подбородок гладко выбрит…*Действительно, вид доктора М. в последнее время вызывал у его друзей беспокойство. Две другие особенности его внешности в этом моем сне, должно быть, относились к кому-то другому. Мне это напомнило о старшем брате, который живет за границей: у него тоже нет бороды и он очень напоминает доктора М. в моем сне. За несколько дней до того, как мне приснился тот сон, я получил от него письмо, в котором он сообщал, что у него заболела нога и что он хромает. Я подумал, что должна существовать какая-то причина, по которой два этих человека слились в один образ из моего сна. Я вспомнил, что у меня был одинаковый повод сердиться на них обоих за то, что каждый из них отказался от какого-то моего предложения.

Мой друг Отто стоит рядом с моей пациенткой, а мой друг Леопольд осматривает ее и упоминает о глухих тонах в груди слева. Мой друг Леопольд, тоже врач-терапевт, родственник Отто. Поскольку оба специализировались в одной и той же области медицины, то их часто сравнивали друг с другом. Они оба были моими постоянными ассистентами в течение долгих лет, с тех пор как я вел амбулаторный прием детей, проходивших лечение при неврологическом отделении в детской клинике[64]. Сцены, подобные той, что я видел во сне, тогда происходили довольно часто. Пока я обсуждал диагноз какого-нибудь ребенка с Отто, Леопольд проводил его повторное обследование и мог добавить новое неожиданное наблюдение к нашему разговору. По характеру братья были столь же различны, как инспектор Брезиг и его друг Карл[65] – один славился находчивостью и быстротой реакций, другой был основательным и надежным. Если во сне я сравнивал Отто с осторожным Леопольдом, то это сравнение было в пользу второго из них. Точно так же я сравнивал свою непокорную пациентку Ирму с ее подругой, которая казалась мне

более благоразумной. И вот я замечаю еще одну траекторию мыслей в сновидении: от ребенка-пациента – к детской клинике. *Глухие тоны в левом легком* во многом напомнили мне тот случай, когда осторожность Леопольда произвела на меня большое впечатление. Мне тоже приходили в голову невнятные мысли о метастазах, но они скорее относились к пациентке, которую мне бы хотелось видеть вместо Ирмы. Насколько я мог заметить, эта пациентка имитировала туберкулез.

Инфильтрат на левом плече. Я сразу же подумал, что это – ревматизм моего плеча, который беспокоит меня всякий раз, когда я по ночам мучаюсь бессонницей. Более того, на эту мысль меня наводят непонятные слова в этом сне: *что я… как и он, тоже это заметил.* То есть речь идет о моих собственных ощущениях. И какие странные слова мне приснились: *«Там есть инфильтрат»!* Мы привыкли использовать выражение «инфильтрация слева сзади и сверху»; оно относится к легкому и этим указывает на туберкулез.

«Хотя на этой женщине надето платье…» Эта фраза представляет собой интерполяцию. В детской клинике мы, конечно, осматриваем детей раздетыми, взрослых пациенток мы обследуем совершенно иначе. Я помню одного выдающегося врача, который проводил обследование своих пациентов, никогда их не раздевая. Дальше мне ничего не понятно, и продолжать рассуждения на эту тему, мне, честно говоря, не хочется.

Доктор М. говорит: *«Нет сомнений, это инфекция, но это не страшно, у нее будет дизентерия, и токсины выйдут из организма…»* Сначала эта фраза меня просто рассмешила. Но и ее, как и остальные фрагменты сновидения, необходимо подвергнуть тщательному анализу. Когда я задумался над ней, то некоторый смысл обнаружить все же удалось. У пациентки при осмотре был выявлен локальный дифтерит. Еще со времени болезни моей дочери я помню о дискуссии, посвященной дифтериту и дифтерии, где прозвучала мысль, что второе заболевание – это общая инфекция, которая развивается из локального дифтерита. Леопольд предположил, что симптомом инфекции такого рода могут быть глухие тоны в левой половине груди, выявленные им при осмотре, и это может быть проявлением метастаз. Я, похоже, действительно считал, что такие метастазы не сопровождают дифтерию: это скорее напоминало гнойное заражение крови.

«Но это не страшно» — так говорят, когда хотят утешить. Думаю, контекст этого утверждения вот каков. Из содержания предыдущей части сновидения было понятно, что боли пациентки обусловлены серьезным органическим расстройством. У меня было ощущение, что во сне я стараюсь снять с себя всякую ответственность за это. Психологическая помощь не может быть направлена на лечение болей при дифтерите. Тем не менее мне как-то не по себе оттого, что в моем сне я подозреваю у Ирмы такое тяжелое заболевание лишь для того, чтобы оправдать себя. Это выглядело так жестоко. Поэтому мне было необходимо, чтобы кто-то утешил меня, и, похоже, это звучит из уст доктора М. – неплохой выбор! Но в этом эпизоде я, так сказать, вмешиваюсь в сновидение, но это само по себе объяснение.

И почему прозвучало такое нелепое утешение?

Дизентерия. Где-то мне попадалось теоретическое утверждение, что вредные вещества могут быть выделены из организма через кишечник. Быть может, я таким образом посмеялся над склонностью доктора М. давать пространные объяснения, где он излагал свои взгляды на далеко идущие последствия? Но мне вспомнилось кое-что другое на тему дизентерии. Несколько месяцев тому назад я лечил одного молодого человека, у которого возникали своеобразные проблемы с дефекацией, которого другие врачи лечили от «анемии, сопровождающейся недоеданием». Я поставил ему диагноз «истерия», но решил не проводить с ним курса психотерапии и рекомендовал ему отправиться в путешествие по морю. За несколько дней до того, как мне приснился этот сон, я получил от него отчаянное письмо из Египта; там ему стало совсем плохо, и врач обнаружил у него дизентерию. Я подозревал, что этот диагноз был ошибочен, в силу отсутствия опыта у коллеги, который принял истерию за серьезное органическое заболевание. Но при этом меня терзали сомнения, не заразился ли этот пациент еще и инфекционным заболеванием на фоне серьезного истерического расстройства. Слово «дизентерия» не так уж отличается от слова «дифтерия», о которой во сне упоминаний нет.

Да, похоже, я так подшутил над доктором М., когда вложил в его уста утешительный диагноз о дизентерии, которая разрешит проблему: мне вспомнилось, как несколько лет тому назад он сам с юмором рассказал о своем коллеге, с которым произошел похожий случай. Тот коллега пригласил его на консультацию к больной, у которой обнаружили серьезное заболевание, и он

вынужден был опровергнуть слишком оптимистический прогноз своего коллеги, указав ему на то, что у пациентки был обнаружен белок в моче. Коллега не смутился и ответил спокойно: *«Ничего страшного,* коллега, этот белок будет выведен из организма». Нет сомнений, что здесь в сновидении проявляется ироничное отношение к коллегам, которые не являются компетентными в области лечения истерии. И, словно в подтверждение этой мысли, мне приходит в голову вопрос: а знает ли доктор М., что симптомы заболевания его пациентки (подруги Ирмы), которые дают основания опасаться, что она больна туберкулезом, также характерны и для истерии? Смог ли он распознать истерию? Или ее симптомы подтолкнули его к неверному диагнозу?

Но отчего же я так скверно обошелся со своим коллегой? Все объясняется просто: доктор М. так же не поддерживал мое психоаналитическое «решение» для исцеления Ирмы, как и она сама. Так я и отомстил в этом сновидении уже им двоим: Ирме, сказав ей, что она сама виновата в своих проблемах, и доктору М., заставив его утешить меня столь абсурдным образом.

Мы понимаем, откуда взялась инфекция. Примечательно, что во сне мы тотчас во всем разобрались. А только что не знали, что произошло, поскольку инфекцию в первый раз выявил Леопольд.

Когда она чувствовала себя плохо, мой друг Отто сделал ей укол. Отто рассказал мне, что, когда он был в гостях у Ирмы, его срочно вызвали в гостиницу неподалеку и там он сделал укол одной даме, которая вдруг почувствовала себя плохо. Эти рассказы об уколах снова напомнили мне о моем злополучном друге, которого погубил кокаин. Я прописал ему это средство лишь для внутреннего употребления (то есть через рот); а он начал делать себе инъекции.

Препарат пропила… пропилен… пропиленовая кислота. Почему мне это приснилось? Накануне вечером, когда я записывал историю болезни, моя жена раскрыла бутылку ликера, на этикетке которой стояло название «Ананас»[66], который нам подарил наш друг Отто; он любит дарить подарки по любому поводу. Я все надеялся, что он когда-нибудь женится и его избранница положит конец этой привычке[67]. Этот ликер так отдавал сивушным маслом, что я отказался даже его пробовать. Моя жена хотела отдать бутылку слугам, но я – проявив еще большее благоразумие – наложил на эту инициативу вето, проявив себя филантропом, и заявил, что *их* травить тоже незачем. Запах сивухи (амил…), безусловно, напомнил мне ряд химических веществ: пропил, метил и т. д. … и потом во сне появилось упоминание о пропиле. Правда, во сне произошло изменение: мне снился пропил после того, как я почувствовал запах амила. Но такие замены правомочны даже в органической химии.

Триметиламин. Мне приснилась химическая формула этого вещества, что свидетельствует о том, что моя память во сне работала довольно напряженно, и эта формула была напечатана жирным шрифтом, словно эта деталь была особенно важна. Отчего же я должен был обратить особое внимание на триметиламин? Мне припомнился разговор с одним из моих друзей, который в течение многих лет внимательно читал мои работы еще на их подготовительном этапе, а я читал работы, над которыми трудился он[68]. Он рассказал мне тогда о некоторых своих идеях в области химии сексуальных процессов и упомянул о триметиламине как одном из продуктов сексуального метаболизма. Это вещество наводит меня на размышления о сексуальности, которой я придаю наибольшее значение как важному фактору, влияющему на развитие нервных болезней. Моя пациентка Ирма была молодая вдова; если бы я хотел оправдаться за свою неудачу в ее лечении, то к чему же еще мне апеллировать, как не к этому обстоятельству – вдовству, – а ее друзья были бы рады, если бы ее семейные обстоятельства изменились. И как странно все это сплелось в одном сновидении, подумал я! Другая пациентка, которую в сновидении мне бы хотелось увидеть вместо Ирмы, – тоже молодая вдова.

Теперь я начинаю понимать, отчего мне так ясно привиделась во сне формула триметиламина. Так многое зависело от него! Триметиламин не только указывает на важную роль сексуальности, но и напоминает мне об одном человеке, чье согласие со мной так вдохновляет меня, когда чувствую себя одиноким и непонятым. Безусловно, именно этот коллега, сыгравший в моей жизни такую важную роль, должен где-то появиться в цепи моих рассуждений. Так и оказалось. Он знал о некоторых особенностях заболеваний носа и носовых пазух, а также изучал удивительные факты взаимосвязи между заболеваниями носовых пазух и женских половых органов. (Вспомним о трех наростах, которые я обнаружил при осмотре Ирмы.) Я направил Ирму к нему на обследование, полагая, что ее боли в желудке могут быть

связаны с лор-заболеваниями. Сам он страдает гнойным ринитом; это меня беспокоит; потому, наверное, в моем сновидении и возникли образы метастаз и гнойного заражения[69].

Такие инъекции нужно делать осторожно… Здесь я упрекаю в неосторожности моего друга Отто. Похожая мысль пришла мне в голову, когда Отто на словах и намеками дал мне понять, что не согласен с моим лечением. Должно быть, мысль в сновидении заключалась в том, что он легко поддавался чужому влиянию и был склонен к скоропалительным суждениям. Кроме того, эта фраза вновь напоминает мне о покойном друге, который делал себе инъекции кокаина. Как я уже говорил, я не рекомендовал ему применять это средство в инъекциях. Я заметил, что, упрекая Отто в легкомысленном обращении с химическим веществом, я снова вспомнил историю несчастной Матильды, которая тоже могла меня упрекнуть в этом. Здесь я, по всей вероятности, стремлюсь доказать свою добросовестность, но все получается наоборот.

И вероятно, шприц не был тщательно простерилизован. Еще один упрек в адрес Отто, но этот фрагмент связан с другим источником воспоминаний. За день до того, как мне приснился этот сон, я встретил старшего сына одной 82-летней дамы[70], которой я дважды в день делал впрыскивания морфия. Он рассказал мне, что она жила за городом и страдает флебитом. Мне тут же пришла в голову мысль, что это связано с плохо простерилизованным шприцем. Я тут же с гордостью подумал, что за два года инъекций я ни разу не спровоцировал у нее инфильтратов; я постоянно тщательно стерилизовал шприц. История с флебитом напомнила о моей жене, которая во время своих беременностей страдала от венозного тромбоза; и вот в моей памяти уже всплывают три образа, похожих один на другой: моя жена, Ирма и покойная Матильда. В этих трех ситуациях так много общего, что во сне они, скорее всего, соединились и заменили друг друга.

Толкование этого сновидения завершено[71], и мне было нелегко упоминать обо всех деталях, которые всплывали при сравнении содержания сна и тайных мыслей, которые за ним скрывались. При этом для меня постепенно раскрывалось «значение» сновидения. Я осознал собственные намерения, которые реализовались в сновидении и которые, скорее всего, его и спровоцировали. В этом сне осуществились несколько желаний, которые возникли у меня благодаря некоторым событиям накануне (новости от Отто и моя работа над историей болезни). Сновидение убедило меня в том, что я не несу ответственности за боли, от которых продолжает страдать Ирма, что это вина Отто, который вызвал у меня такое раздражение своим замечанием о незавершенном курсе лечения Ирмы, а во сне я с ним сквитался. Сновидение сняло с меня ответственность за самочувствие Ирмы, из него стало понятно, что оно было обусловлено другими факторами – по целому ряду причин. Во сне ситуация представилась мне именно так, как я бы этого хотел. *Таким образом, в содержании этого сновидения сбылось какое-то мое желание, которое и было мотивом этого сновидения.*

Все это бросается в глаза. Но многие фрагменты сновидения остаются непонятными с точки зрения реализации моих желаний. Я не только сквитался с Отто за его поверхностное суждение о курсе моего лечения, приписав ему небрежно сделанную пациентке инъекцию, но и за скверный ликер, который отдавал сивухой. А в этом сновидении оба упрека сливаются в один его фрагмент: упоминание об инъекции пропила. Но этого мне во сне показалось мало, и я призываю на помощь его коллегу, который кажется мне более достойным доверия, словно хочу намекнуть *Отто,* что *тот*нравится мне больше. Но мое возмездие обрушилось не только на Отто. Досталось и моей строптивой пациентке, вместо которой мне приснилась другая, более благоразумная и не такая строптивая. Доктор М. тоже поплатился за то, что противоречил мне, и я недвусмысленно намекаю ему, что он здесь проявляет свою некомпетентность («будет дизентерия» и т. д.). Словно я здесь обращаюсь к более компетентному специалисту (моему другу, который рассказал мне про триметиламин), – точно так же, как вместо Ирмы в моем сне появилась ее подруга, а вместо Отто – Леопольд. Словно я тем самым хотел сказать: «Уберите их от меня! Хочу вон тех троих! Тогда я избавлюсь от этих незаслуженных упреков». Из сновидения становится очень понятно, что эти упреки необоснованны. В болезни Ирмы *я* не виноват: ответственность лежит на ней, оттого что она не согласилась на рекомендованное ей «решение» проблемы. Ее боли – тоже не моя ответственность, поскольку у них органическое происхождение, и с помощью психотерапии излечить их нельзя. Она страдает оттого, что овдовела (триметиламин), и на это *я,* безусловно, повлиять не в состоянии. Ее боли являются результатом неправильно сделанной инъекции препарата, который неправильно выбрал Отто, а я

таких рекомендаций никогда не давал. Боли у Ирмы возникли в результате использования плохо простерилизованной иглы, точно так же, как и у моей пожилой пациентки, которая вследствие этого стала страдать флебитом, – а когда я делал инъекции, проблем не возникало. Но я обратил внимание на то, что эти объяснения болей Ирмы (призванные оправдать меня) очень отличаются друг от друга и даже являются взаимоисключающими. Вся эта путаница – а это сновидение таким и было – напоминает мне, как пытался оправдываться один человек, которого сосед обвинил в том, что тот брал у него напрокат чайник, а вернул испорченным. Во-первых, он вернул его целым; во-вторых, чайник уже был в негодном состоянии, когда он его взял, а в-третьих, он вообще не брал у него никакого чайника. Но так даже лучше: если хоть одно из этих оправданий соответствует действительности, то обвинять этого человека не в чем[72].

В этом сновидении были и другие важные фрагменты, не так явно связанные с моим стремлением оправдать себя за то, что Ирма не смогла полностью излечиться: болезнь моей дочери, трагедия пациентки, которую звали так же, как и мою дочь, разрушительные последствия употребления кокаина, заболевание моего пациента, который отправился в Египет, мое беспокойство по поводу здоровья жены и брата, а также доктора М., мои собственные недомогания, мое беспокойство о друге, страдавшем гнойным ринитом, который был далеко от меня. Но если я подумаю обо всем этом, то смогу убедиться, что все эти идеи можно собрать воедино и обозначить как «беспокойство о собственном здоровье и здоровье других людей», что связано с добросовестностью врача. Я вспоминаю, как мне вдруг стало неприятно узнать от Отто о состоянии здоровья Ирмы. Подобные мысли, игравшие определенную роль в этом сновидении, помогли мне облечь в слова мимолетные мысли, которые посещали меня. Словно Отто сказал мне: «Ты был недостаточно добросовестен как врач, ты не выполняешь своих обещаний». И потому я снова вернулся к этим мыслям, чтобы доказать, насколько скрупулезно я выполнял все, что требуется, и как ответственно я отношусь к здоровью своих близких, друзей и пациентов. Интересно, что здесь проявились и неприятные воспоминания, которые, скорее, свидетельствовали о том, что упреки Отто были обоснованными, а мои попытки оправдываться – нет. Можно сказать, что само по себе сновидение было, так сказать, беспристрастным, но оно безошибочно указывает на те явно выраженные мысли, которые провоцировали этот сон и его конкретное содержание, в котором проявлялось мое желание снять с себя обвинения в болезни Ирмы.

Я не считаю, что полностью раскрыл смысл этого сновидения и в его толковании не осталось пробелов. Я бы мог уделить его анализу гораздо больше времени, почерпнуть из него еще больше информации и обсудить те проблемы, которые были бы в связи с этим выявлены. Лично мне понятно, по какому пути должны пойти мои дальнейшие рассуждения на эту тему. Но соображения личного характера удерживают меня от такого направления его дальнейшей интерпретации. Если у кого-то возникнет желание поспешно упрекнуть меня в том, что от этого воздерживаюсь, то я бы посоветовал ему самому проделать подобный эксперимент с большей степенью откровенности, чем это сделал я. На тот момент мне было достаточно новых знаний, которые я таким образом сумел получить. Если мы применим описанный здесь способ интерпретации сновидений, то придем к выводу, что у сновидений есть значение и что в них не просто проявляются какие-то фрагменты активности мозга, как это заявляли многие авторитетные исследователи. Когда была закончена работа над интерпретацией сновидения, мы приходим к выводу, что в сновидении воплощается какое-то желание[73].

Глава III. Осуществление желаний в сновидениях

Совершив путь сквозь тесное ущелье и неожиданно оказавшись на высоком холме, где пути расходятся и куда ни глянь нам открывается прекрасный вид, можно на минуту остановиться и подумать, куда же направиться дальше[74]. Так происходит и с нами, когда мы успешно завершили первый анализ сновидения. Мы оказываемся при свете дня – совершив неожиданное открытие. Сновидения не похожи на ту какофонию, которая слышна, когда музыкального инструмента коснулась не рука профессионального музыканта, а некая внешняя сила; они вовсе не лишены смысла, не абсурдны; нельзя сказать, что в них одна часть нашей души спит, а другая начинает просыпаться. Совсем наоборот: сновидения представляют собой заслуживающие

внимания психические явления, в которых сбываются наши желания; их можно учитывать как одно из звеньев осознанных мыслительных актов в состоянии бодрствования; они являются продуктом деятельности творческих сил сознания самого высокого порядка.

Но как только мы совершили это открытие, перед нами сразу же возникает целый ряд вопросов. Если толкование сновидения убеждает нас в том, что во сне нам является осуществление какого-то нашего желания, то почему же оно приобретает такую странную и причудливую форму? Как именно видоизменяются мысли во сне, прежде чем обретают именно ту форму, которую мы помним после пробуждения? Откуда проистекает тот материал, который перерабатывается в сновидении? Откуда берется материал, из которого выстраивается сновидение? Откуда все те странности, которые мы видим во сне, – например, то обстоятельство, что мыслеобразы во сне противоречат друг другу? (См. пример про взятый напрокат чайник в предыдущей главе.) Может ли сновидение рассказать нам нечто новое про наши внутренние физиологические процессы? Может ли его содержание изменить наше незыблемое мнение о чем-либо, которое сформировалось у нас в состоянии бодрствования?

Я предлагаю пока не отвечать на все эти вопросы и пойти по другому пути. Мы уже убедились, что в снах мы видим осуществление какого-то нашего желания. Теперь нас интересует, свойственна ли эта черта всем сновидениям или это просто произошло в одном конкретном сне, с которого мы начали их анализ. Поскольку, даже если бы мы пришли к убеждению, что в каждом сновидении есть свой смысл и все они ценны с точки зрения отношения к нашей психической деятельности, существует вероятность того, что этот смысл будет различным в разных сновидениях. В нашем первом сновидении сбылось какое-то желание, а в другом станет реальностью то, чего человек боится, третье будет наполнено размышлениями о чем-то, в четвертом оживет какое-то воспоминание и т. д. Найдем ли мы другие сновидения, в которых сбываются какие-то желания? Или вообще существуют лишь такие сны, где обязательно должно осуществиться какое-то желание?

Легко доказать, что сны так часто становятся примером реальных желаний, что невольно удивляешься, отчего раньше язык сновидений не был расшифрован. Например, вот сновидение, которое я могу вызвать у себя когда угодно, так сказать, экспериментальным путем. Если я вечером ем анчоусы, или оливки, или другую соленую пищу, то ночью мне захочется пить, и я от этого проснусь. Но перед тем, как проснуться, мне постоянно снится одно и то же: я что-то пью. Я жадно, большими глотками, пью воду; она кажется мне невероятно вкусной, что всегда бывает, когда очень измучила жажда. Потом я просыпаюсь, и мне действительно нужно пить. Сновидение возникло от жажды, которую я осознал, когда проснулся. Из-за этого возникают мысли о том, что я хочу пить, и во сне я вижу, что мое желание осуществилось. Так сон выполняет свою, почти божественную, функцию. Я обычно крепко сплю и не сразу просыпаюсь, если в этом возникает какая-то физиологическая потребность. Если мне достаточно удовлетворить свою потребность в утолении жажды, *только увидев сон на эту тему,* то мне тогда и не нужно просыпаться, чтобы наяву удовлетворить ее. То есть такой сон удобен. Мы часто видим какое-то действие во сне, вместо того чтобы совершить его наяву. К сожалению, недостаточно просто увидеть во сне, что ты пьешь, вместо того, чтобы утолить жажду наяву, подобно тому как я в своем сне сквитался со своими друзьями Отто и доктором М., но в обоих случаях проявилось мое намерение сделать это. Не так давно я снова увидел этот мой сон, но несколько видоизмененный. Перед сном мне захотелось пить, и я осушил стакан воды, стоявший на моем прикроватном столике. Ночью, пару часов спустя, мне снова захотелось пить, и в результате этого я испытал неудобство. Чтобы налить воды, мне нужно было встать и взять стакан со столика у постели жены. И вот тут мне приснилось, что жена напоила меня водой из вазы; это была этрусская погребальная урна, которую я привез из Италии и потом кому-то подарил. Но вода в ней оказалась такой соленой (должно быть, оттого, что там был кремированный прах умершего), что я проснулся. Обратим внимание на то, насколько внутренне логично было это сновидение. Поскольку моя цель состояла в том, чтобы удовлетворить это желание, оно могло быть абсолютно эгоистичным. Любовь к комфорту и удобству не очень совместима с заботой об окружающих. А урна намекала на осуществление другого желания. Мне было жаль, что я расстался с этой урной и что стакан с водой стоит рядом с кроватью жены. Мысль о том, что в урне был прах, согласуется с соленым вкусом воды из нее, который я ощутил во рту, этот вкус усилился, что, как я понимаю, и заставило меня проснуться[75].

Такого рода сновидения-выручалочки часто посещали меня в дни юности. Я припоминаю, что у меня была привычка засиживаться за работой до поздней ночи и потому я всегда просыпался с трудом. Мне тогда часто снилось, что я поднимаюсь с постели и встаю над умывальником; а потом не мог отделаться от чувства, что я при этом все равно лежу в постели, при этом я все еще мог поспать немного. О подобном «ленивом» сне, но более смешном и выраженном в более элегантной форме, мне рассказал один молодой врач, который, как и я, тоже любил поспать. Хозяйка его съемной квартиры, расположенной неподалеку от больницы, где он работал, завела за правило будить его по утрам в одно и то же время, но вытащить его из постели было не так-то просто. Однажды утром он особенно сладко спал. Хозяйка стала кричать ему через дверь: «Вставайте, господин Пепи! Время идти на работу в больницу!» От этого он не проснулся, но ему приснилось, что он лежит на койке у себя в больнице, а на ней прикреплена табличка, где написано «Пепи Х., студент медицинского факультета, возраст 22 года». Во сне он сказал себе: «Раз я уже *в* больнице, то незачем вставать и идти куда-то» – повернулся на другой бок и стал спать дальше. Таким образом, он открыто признался в том, каков был истинный мотив его сновидения[76].

Вот еще одно сновидение, в котором снова стимул срабатывает, но человек не просыпается. Одна из моих пациенток, которой пришлось сделать операцию на челюсти и закончилась она неудачно, получила от врача предписание днем и ночью ходить в охлаждающей накладке на челюсть. Но во сне эта женщина тут же сбрасывала ее. Однажды, когда эта накладка снова оказалась на полу, я обратился к пациентке с просьбой обсудить все серьезно. «В этот раз я просто не смогла удержаться», – ответила она. «Мне приснилось, что я сижу в ложе в опере и наслаждаюсь спектаклем. Но господин Майер был в доме престарелых и горько жаловался на боли в челюсти. И я сказала себе, что если у меня ничего не болит, то эта накладка мне не нужна, вот я и сбросила ее». Сновидение этой бедной женщины практически полностью воспроизводит ситуацию, когда люди в неприятной ситуации говорят: «Можно придумать и что-то поприятнее!» Ей приснился очень приятный сон. Этот господин Карл Майер, которому она приписала свои болевые ощущения, был самый безразличный человек из ее окружения, который мог прийти ей на ум.

Можно без труда найти примеры осуществления желаний в некоторых других сновидениях, о которых мне рассказали здоровые люди. Один мой друг, знакомый с моей теорией сновидений, рассказавший о ней своей жене, однажды сообщил мне: «Моя жена попросила рассказать тебе, что вчера ей приснился сон, будто у нее начались критические дни. Ты понимаешь, о чем я». И я понял, почему это было так важно. Если молодой женщине снится, что у нее начались критические дни, значит, у нее задержка. Я вполне мог понять, что она была бы рада еще «погулять на свободе», пока на нее не легло бремя материнства. Так она деликатно намекнула на то, что беременна на раннем сроке. Другой мой друг написал мне и сообщил в личном разговоре, что незадолго до того его жене приснились струйки молока, стекающие по ее груди. Это тоже было признаком беременности, но не первой по счету. Молодая мать мечтала, что сможет в этот раз лучше кормить грудью своего второго ребенка, что у нее не получилось с первым.

Одна молодая женщина была вынуждена надолго остаться дома и не могла ни с кем общаться, оттого, что у ее ребенка было инфекционное заболевание. После того как ее ребенок выздоровел, ей приснилось, что она приглашена на вечеринку, а среди гостей – Альфонс Доде, Поль Бурже и Марсель Прево (три знаменитых в то время французских писателя). Все они были с ней очень любезны и развлекали ее изо всех сил. Все писатели были точь-в-точь как на своих портретах, кроме Пруста, портрета которого она никогда не видела; и он был похож на… санитара, который накануне проводил дезинфекцию в комнате больного ребенка, единственный, кто за все это время пришел в ее дом. Ее сон полностью поддается расшифровке: «Пора бы уж заняться чем-то более приятным, чем этот бесконечный уход за больным ребенком».

Этих примеров, вероятно, будет достаточно для того, чтобы доказать, что те сны, которые можно понять лишь в качестве демонстрации осуществления желания и которые могут передать этот смысл лишь в завуалированной форме, встречаются довольно часто и при самых разных обстоятельствах. В основном они короткие и простые и разительно отличаются от тех путаных и красочных композиций, которые в основном привлекли внимание авторитетных исследователей. Тем не менее мы будем правы, если на какой-то момент отвлечемся от этих простых сновидений. Мы можем найти самые простые формы снов у *детей,* поскольку нет сомнения в том, что

результаты их психической деятельности гораздо проще тех, что наблюдаются у взрослых людей. Детская психология, по моему мнению, такая же важная область изучения по сравнению с психологией взрослых, какой представляется изучение низших животных, когда поставлена дальнейшая цель изучать высших животных. Для того чтобы разрешить эту задачу, были предприняты несколько попыток изучать детскую психологию с этой целью.

Сновидения маленьких детей часто[77] представляют собой осуществления желаний в чистом виде, и, в этом смысле, по сравнению со сновидениями взрослых, почти не представляют интереса. В них нет проблем, достойных внимания, но все же они представляют определенную ценность в качестве доказательства того, что основное значение сновидения – показать осуществление какого-то желания. Мне удалось собрать несколько подобных сновидений моих собственных детей, которые я приведу в качестве примера.

Мне припоминается одна поездка в живописную деревеньку Галлыптатт 3 летом 1896 г., под впечатлением от которой моей дочери, восьми с половиной лет, и моему сыну, пяти с половиной лет, приснились вот какие сны. Мне нужно сначала пояснить, что в то лето мы жили в горах неподалеку от озера Аусзее, откуда в хорошую погоду нам открывался потрясающий вид на горный массив Дахштейн. В подзорную трубу можно было отчетливо разглядеть домик для отдыха в горах под названием Симонихютте. Дети частенько смотрели на него в подзорную трубу – уж не знаю, что именно им там удавалось разглядеть. Перед прогулкой я рассказал детям, что деревня Галлыптатт расположена у подножия горной цепи Дахштейн. Детям не терпелось поскорее отправиться туда. Из Галлынтатта мы отправились пешком в Эхернталь, и там дети пришли в восторг от того, что ландшафт постоянно менялся. Но мой пятилетний сын вдруг стал проявлять нетерпение. Как только мы видели новую гору, он спрашивал: «Это и есть Дахштейн?», а я снова и снова отвечал ему: «Нет, это не он». После того как он несколько раз задавал этот вопрос, сын с надутым видом замолчал и наотрез отказался идти по тропинке к водопаду. Я решил, что он устал. Но на следующее утро он пришел ко мне с сияющим видом и сказал: «Сегодня ночью мне приснилось, что мы дошли до горного домика в Симонихютте». И я понял, в чем было дело. Когда я говорил о Дахштайне, он думал, что мы будем забираться на гору по пути в Галынтатт и вплотную подойдем к тому домику, о котором столько разговоров было, когда дети рассматривали склон горы в подзорную трубу. А когда он понял, что никакой горы не будет, то почувствовал себя обманутым и, когда мы подошли к водопаду, раскис окончательно. А во сне его мечты сбылись. Я стал расспрашивать его о том, что именно ему приснилось, но он мало что мог рассказать: «Туда надо идти шесть часов подряд» – вот и все, что он смог мне сообщить.

У моей восьмилетней дочери в связи с этой прогулкой тоже появились желания, которые сбылись во сне. На этой прогулке в Галлыптатт нас сопровождал двенадцатилетний сын наших соседей. Этот взрослый благородный юноша произвел неотразимое впечатление на мою дочь. На следующее утро она рассказала мне свой сон: «Представляешь, мне снилось, что Эмиль теперь живет в нашей семье, что он говорит вам "папа" и "мама" и спит вместе с нами в большой комнате, с остальными мальчиками. Потом в комнату вдруг вошла мама и бросила нам под кровати целую горсть шоколадок в голубых и зеленых бумажках». Ее братья, которые не обладали наследственным качеством толковать сновидения, как и наши уважаемые исследователи, заявили, что это глупый и бессмысленный сон. А девочка смогла обосновать как минимум одну часть сновидения, и с точки зрения теории неврозов будет интересно, *какую именно:* «Про Эмиля – ерунда, а про шоколадки – нет!». Здесь уже я совершенно запутался, но наша мама все объяснила. По дороге с вокзала домой дети остановились перед автоматом, продававшим такие шоколадки в блестящих разноцветных обертках, и попросили маму бросить в него монетку. Но мама решила, что на сегодня им уже достаточно удовольствий, вот во сне-то они и сбылись. Меня там с ними не было. А другую часть сновидения моей дочери, с абсурдностью которой она согласилась, я расшифровал сразу. Во время прогулки наш благовоспитанный спутник Эмиль говорил моим детям, что нужно остановиться и подождать, пока папа и мама их не догонят. Он только в этой ситуации назвал нас папой и мамой, хотя мы не были его родителями, но во сне моей дочки мальчик и правда стал нашим сыном. В силу своего юного возраста она не могла себе представить каких-то других форм более близких отношений, кроме тех, что ей тогда приснились, и в которых Эмиль тоже стал одним из ее братьев. А вот почему шоколадки полетели под кровати, так и осталось непонятно.

Один из моих друзей рассказал мне про сон его восьмилетней дочки, напоминавший тот, что приснился моему сыну. Этот знакомый вместе с несколькими детьми отправился на прогулку в Дорнбах[78], чтобы посетить домик в горах под названием Рорерхютте; но было уже поздно, и он решил вернуться домой, но он обещал непременно посетить этот домик с детьми как-нибудь в другой раз. На обратном пути они прошли мимо указателя на дороге по направлению к Гамо. Дети захотели немедленно отправиться туда, но отец отложил и эту прогулку до следующего раза. На следующее утро эта восьмилетняя девочка рассказала отцу: «Папа, сегодня ночью мне снилось, что ты пошел с нами в Рорерхютте и на Гамо». Ее так хотелось побывать там, и вот во сне обещания ее отца сбылись.

Вот еще одно сновидение, где все предельно ясно, которое приснилось моей маленькой дочке трех с половиной лет под впечатлением от красивого вида на курорте Аусзее. Девочка в первый раз совершала прогулку на лодке по озеру, и ей показалось, что все слишком быстро закончилось. Когда мы причалили к берегу, она ни за что не хотела выходить из лодки и горько расплакалась. На следующее утро она рассказала: «Сегодня ночью я каталась по озеру на лодке». Будем надеяться, что во сне она провела там столько времени, сколько ей захотелось.

Моему старшему сыну, которому тогда было восемь лет, уже снилось, как его мечты сбываются: он управлял колесницей вместе с Ахиллом, а Диомед был у них самым главным. Легко можно догадаться, что накануне на него произвели глубокое впечатление мифы Древней Греции, книгу с которыми подарили его старшей сестре.

Если считать, что слова, произнесенные детьми во сне, тоже относятся к снам, то могу привести пример из моей коллекции сновидений от самого младшего их «поставщика». Однажды утром у моей младшей дочери, которой было 19 месяцев, началась рвота, и поэтому в течение этого дня ей не давали ничего есть. На следующую ночь она громко кричала во сне: «Анна Фрейд, зем-я-я-ни-и-и-ка, квуб-ни-и-и-ка, омлет, пудинг!!» В этом возрасте она всегда называла себя по имени, если хотела сказать, что ей что-то принадлежит. В это меню она включила свои любимые блюда. Два вида ягод фигурировали в ее сне в знак протеста против домашнего насилия, которое над ней учинили, и отражало ее воспоминания о том, как однажды ее няня предположила, что девочка отравилась клубникой. И вот во сне она яростно протестовала против такого несправедливого вывода[79].

Хотя мы полагаем, что детство наполнено беззаботным счастьем оттого, что детям неведомы сексуальные желания, мы не должны забывать, какие глубокие чувства разочарования и отверженности, что, в свою очередь, становится стимулом для сновидений, могут возникать из-за двух других жизненно важных инстинктов[80]. Вот еще один пример. Моему племяннику, которому было 22 месяца от роду, поручили поздравить меня с днем рождения и подарить мне корзиночку с вишнями, которые в это время года еще были редким деликатесом. Это давалось ему с трудом, потому что он все повторял: «Ввыффенки там… ввыффенки…», и все никак не мог вручить мне этот подарок. Но он понял, как вознаградить себя за выполнение этой задачи. Каждое утро он обычно рассказывал своей маме, что ему снился «белый солдат» – гвардейский офицер в белом плаще, которого он когда-то увидел на улице. Но на следующий день после того, как в день моего рождения ему не досталось вкусное содержимое корзинки, он радостно воскликнул, проснувшись наутро: «Герман все ввыффенки нам-ням!»[81]

Я не знаю, что снится животным. А вот в пословице, о которой мне рассказали мои студенты, об этом говорится вполне определенно. «Что снится гусям?» – «Кукуруза»[82]. В этой простой фразе – вся суть теории исполнения сновидений во сне. Вся теория, утверждающая, что сновидение представляет собою желания, содержится в этих двух фразах[83].

Мы вскоре убедимся, что теорию, объясняющую скрытый смысл сновидений, можно было бы создать просто на основе следующих оборотов речи. В крылатых фразах, выражающих обывательское мнение о снах, чувствуется презрение. («Сны – это пена морская» (Träume sind Schaume) – и в этом обывательское мнение совпадает с научной точкой зрения.) Но чаще всего считается, что именно в снах сбываются наши самые заветные желания. Если какое-то событие превзошло наши самые смелые ожидания, мы с восторгом восклицаем: «Вам и не снилось!»[84].

Глава IV. Искажение реальности в сновидениях

Если я продолжу утверждать, что *абсолютно в каждом* сне фигурирует осуществление какого-то желания, то есть что не бывает никаких других снов, кроме тех, в которых обязательно сбывается какая-то мечта, то предчувствую, что эта мысль вызовет самые решительные возражения.

Мне скажут: «Нет ничего нового в том, что в *некоторых* снах сбываются желания, на это уже давно указывали многие авторы». (См. Radestock (1879), Volkelt (1875), Purkikie (1846), Tissié (1890), Simon (1888) – описание снов барона Тренка, страдавшего от голода в заточении, а также у Гризингера (Griesinger, 1845)[85].) Но утверждать, что не существует никаких иных сновидений, кроме тех, в которых осуществляются желания, – это всего лишь одно из необоснованных обобщений, которое, к счастью, легко опровергнуть. В конце концов, встречается множество пренеприятнейших сновидений, в которых нет и намека на осуществление желаний. Эдвард фон Гартман, представитель философии пессимизма, занимает позицию, которая полностью противоречит концепции сновидения как воплощения сбывшихся желаний. В своей «Философии бессознательного» («Philosophie des Undewussten» (1890) он выражает свое мнение на этот счет: «Когда речь заходит о снах, то в них мы сталкиваемся со всеми неудовольствиями, которые из состояния бодрствования перенеслись в мир снов; единственное, чего там *недостает,* это радости науки и искусств, которые, до некоторой степени, в состоянии примирить образованного человека с этой жизнью…» Но и менее пессимистично настроенные наблюдатели настаивали на том, что в сновидениях мы чаще всего сталкиваемся с болью или чем-то неприятным, а не с чем-то таким, что нас радует. Об этом упоминают такие авторы, как Scholz (1893), Volkelt (1875) и другие. Две исследовательницы, Флоренс Халлам и Сара Вид (Florence Hallam, Sarah Weed), произвели статистический учет своих собственных сновидений и пришли к выводу, что в этих снах превалирует неприятное содержание. Они выяснили, что 57,2 % сновидений можно было квалифицировать как «неприятные» и лишь 28,6 % – как безусловно «приятные». Кроме тех сновидений, в которых воспроизводятся различные неприятные ощущения, пережитые человеком в состоянии бодрствования, бывают еще и сны, в которых человек испытывает беспокойство, и самые ужасные и неприятные чувства, которые при этом человек переживает, надолго сохраняются в его памяти после пробуждения. Чаще всего именно дети[86] страдают от подобных сновидений, хотя именно их снам мы приписали исполнение самых заветных желаний.

В сущности, действительно создается впечатление, что существование беспокойных кошмарных снов ставит под вопрос тезис (который я развивал в предыдущей главе) о том, что сновидения – это воплощение сбывшихся желаний; безусловно, такие неприятные сны заставляют считать подобный тезис абсурдным.

Тем не менее эти возражения, на первый взгляд обоснованные, несложно опровергнуть. Достаточно обратить внимание на то, что моя теория основана не на рассмотрении доступного непосредственному наблюдению содержания сновидений, а представляет собой размышления в связи с интерпретацией их скрытого содержания. Нам необходимо противопоставить явное и глубинное содержание сновидения. Очевидно, что содержание многих сновидений может быть весьма неприятным. Но кто прежде предпринимал попытки их интерпретации? Вскрывал их глубинное содержание? Если этого не было, то эти два возражения сразу же оказываются несостоятельными: ведь вполне возможно, что и неприятные, и беспокойные сновидения после интерпретации могут стать примером осуществления желаний[87].

Когда в ходе научного исследования мы сталкиваемся с трудноразрешимой проблемой, бывает полезно приняться при этом за разрешение еще какой-то проблемы – ведь проще расколоть одним ударом не один орех, а два. Итак, нам предстоит теперь ответить не только на вопрос «Каким образом сбываются желания в неприятных или беспокойных снах?», но ход наших размышлений приведет нас еще и ко второму вопросу: «Отчего в нейтральном содержании сновидений, в которых после интерпретации выявляется исполнение какого-то желания, это не просматривается в явной форме?» Например, сновидение про Ирму, которое я подверг столь подробному анализу. В нем нет ничего неприятного, а его толкование демонстрирует, что в этом сновидении сбылось некое желание. Но для чего тогда требуется интерпретация? Почему бы в сновидении прямо ни указывалось, что именно оно обозначает? На первый взгляд в сновидении про Ирму нет указаний на то, что оно изображает, как сбылось какое-то желание спящего. Читатели тоже так подумают, такое же мнение складывалось и у меня, пока я не произвел анализ сновидения. Предлагаю обозначить такой ход сновидений,

который заставляет нас толковать их, «феноменом искажения реальности в сновидениях». Итак, вот вторая проблема, которая стоит перед нами: каковы источники искажения реальности в сновидениях?

Существует множество ответов на этот вопрос: например, что во сне человек не в состоянии непосредственно выразить собственные мысли. Но в ходе анализа некоторых сновидений находится другое объяснение причин искажения реальности в сновидении. Я приведу примеры этого в ходе интерпретации второго моего сновидения. Мне снова придется откровенно рассказать о некоторых интимных деталях моей жизни; но я приношу себя в жертву ради научной интерпретации этой проблемы.

Преамбула. Весной 1897 г. два профессора нашего университета внесли предложение о присвоении мне статуса professor extraordinarius (внештатного профессора)[88]. Эта новость обрадовала меня, поскольку это свидетельствовало об уважительном и беспристрастном отношении ко мне двух выдающихся ученых. Но я решил не слишком радоваться этому раньше времени. За последние несколько лет Министерство образования отклонило ряд подобных ходатайств, и несколько моих старших коллег, чьи заслуги были ничуть не меньше моих, за долгое время так и не дождались назначения. Я не надеялся, что мне повезет больше, и решил особенно ни на что не рассчитывать. Я знаю, что не отличаюсь особым честолюбием; моя успешная врачебная практика приносила мне удовлетворение без всяких громких званий. Но, «зелен был виноград или нет», все равно он висел слишком высоко для меня.

Однажды вечером меня навестил мой коллега, один из тех, чья участь заставила меня отказаться от надежд на назначение профессором. Он уже долгое время состоит кандидатом в профессора, должность, которая заставляет пациентов считать врача почти полубогом; он менее скромен, чем я, и временами посещает министерство, стараясь ускорить свое назначение. После одного из таких посещений он и явился ко мне. Он сообщил, что на этот раз ему удалось загнать в угол одного чиновника очень высокого ранга и спросить у него, правда ли, что его назначению препятствует исключительно его «вероисповедание». Тот стал что-то бормотать невнятное про теперешнее настроение его превосходительства, про его занятость и т. д. «Теперь мне, по крайней мере, понятно, в чем дело», – закончил мой друг свой рассказ. Меня это не удивило, хотя мне это было и неприятно, поскольку проблема с пресловутым «вероисповеданием» касалась и меня.

Наутро после этого посещения мне приснился этот сон, чрезвычайно интересный и по форме; он состоял из двух мыслей и двух образов, так что одна мысль и один образ заменяли друг друга. Я привожу здесь, однако, лишь его первую половину, так как другая не имеет ничего общего с той целью, ради которой я рассказываю здесь о своем сновидении.

I. *...Во сне выяснилось, что мой друг Р. – это мой дядя. Я испытываю к нему очень теплые чувства.*

II. *Его лицо возникает передо мной, и что-то в его внешности изменилось, словно его вытянули снизу вверх. Особенно бросается в глаза его светло-рыжая борода.*

Следующие два фрагмента сна я не буду упоминать – там еще была одна мысль, которая возникла вслед за образом в сновидении.

Вот мое толкование этого сновидения.

Когда, проснувшись наутро, я вспомнил про этот сон, то лишь рассмеялся и подумал: «Что за ерунда приснилась!» Но воспоминания об этом сновидении неотступно преследовали меня весь день, пока вечером я не подумал с упреком: «Если бы кто-нибудь из твоих пациентов назвал сон бессмысленным, ты бы, наверное, рассердился на него или подумал, что за этим скрывается какая-то неприятная мысль, которую он гонит от себя. Отнесись к себе как к своим пациентам. Ты считаешь сон дурацким лишь потому, что в тебе что-то восстает против его интерпретации. Не раскисай». Я приступил к толкованию этого сна.

«Друг и коллега Р. – это мой дядя». Что бы это значило? Дядя у меня только один – это дядя Иосиф[89]. С ним произошла печальная история. Однажды – уже больше тридцати лет назад – он, поддавшись корыстным соображениям, совершил серьезное правонарушение и за это был наказан по закону. Мой отец тогда за несколько дней поседел от горя и потом часто говорил, что дядя Иосиф не плохой человек, а простофиля, так он его называл. Но что же это за длинное лицо с мужественной рыжеватой бородой, которое мне приснилось? Мой друг и коллега Р. был темноволосым, но когда брюнеты начинают седеть, то утрачивают яркую внешность времен

своей молодости. Волосок за волоском, их темные бороды меняют цвет самым неприятным образом: сначала становятся рыжевато-каштановыми, потом желтовато-русыми, а затем уж совершенно седыми. Это происходит и с моим другом Р., да, кстати, и со мной тоже, к большому моему сожалению. Мне приснилось одновременно и лицо моего друга Р., и лицо моего дяди. Что-то вроде совмещенного изображения нескольких лиц на фотографии Гальтона, который велел сфотографировать несколько лиц на одной и той же пластинке, чтобы установить черты семейного сходства (Galton, 1907). Нет никаких сомнений: я действительно придерживался мнения, что мой друг Р. – простак, как и мой дядя Иосиф.

Я все еще не понимал, зачем я произвел во сне такое сравнение, против которого все во мне восставало. Оно было весьма поверхностно, так как мой дядя был преступником, а мой друг Р. никогда не преступал закон, хотя однажды его привлекали к суду за то, что он сбил велосипедом какого-то мальчика. Может быть, дело в этом эпизоде? Но что же это тогда было бы за сравнение? В этот момент мне вдруг вспомнился разговор, за несколько дней до этого сновидения, с другим моим знакомым, коллегой Н., который, как я теперь понимаю, имел к этому сну самое непосредственное отношение. Я встретил Н. на улице. Ему тоже предлагали присудить звание профессора; он узнал о сделанном мне предложении и поздравил меня, но я решительно отклонил его поздравление. «Уж вам-то не следовало бы так шутить, – сказал я. – Вы же знаете цену этим рекомендациям по своему собственному опыту». Он ответил, по-видимому, не очень серьезно: «А откуда мне знать?» – сказал он с шутливым видом. «Против *моей кандидатуры* ведь есть серьезное возражение. Разве вы не знаете, что одна дама когда-то подавала на меня в суд? Понятно, что дело развалилось. Это была самая мерзкая попытка шантажа, мне потом пришлось самому спасать обвинительницу от встречного иска в недобросовестном обвинении. Но, быть может, в министерстве знают об этом и это как-то повлияло на их решение. А ваша репутация безупречна». Вот преступник и нашелся, и сновидение открылось для толкования, при этом, стала понятной и его цель. Мой дядя Иосиф символизирует двух коллег, которых выдвигали на должность профессора, один – простофиля, а другой – преступник. Теперь понятно, отчего они совместились именно таким образом. Если моим коллегам Р. и Н. должность не дали из-за их «вероисповедания», то и на мое назначение надеяться нечего; если же обоих не утвердили по другим причинам, не имеющим ко мне никакого отношения, то для меня еще не все потеряно. В моем сновидении один из них, Р., предстает в образе простофили, а другой, Н., в роли преступника; а *я* — ни тот ни другой; итак, у нас нет ничего общего; я могу радоваться своему выдвижению на профессорскую должность и могу избежать огорчительного вывода, что вердикт начальства в отношении Р. может касаться и меня.

Но я чувствовал, что необходимо продолжить интерпретацию этого сновидения; я еще не совсем в нем разобрался. Меня тревожит собственное поверхностное и унизительное отношение к моим двум столь уважаемым коллегам, которые предстали во сне хуже чем есть, лишь бы дать мне надежду на получение профессорской должности. Но я стал относиться к собственному поведению менее критично, как только понял, что именно оно обозначает. Я абсолютно не считал коллегу и друга Р. простофилей и не верил в грязные обвинения в адрес коллеги Н. Я же не верил в то опасное заболевание Ирмы из-за инъекции препаратом пропила, которую сделал Отто; и здесь, и там, мое сновидение лишь отражает мое желание, *чтобы дело действительно обстояло именно так.*Утверждение о моем сбывшемся желании во втором сновидении представляется более абсурдным, чем в первом; реальные факты в процессе их становления вплетаются в него более разумно, напоминая удачно выполненный макет, который кажется людям реальным предметом. Дело в том, что один из профессоров на своем собственном факультете голосовал против моего друга Р., и это был не кто иной, как мой коллега Н., который сам нечаянно предоставил мне материал для моих догадок. Тем не менее я снова утверждаю, что это сновидение нуждается в дальнейшем толковании.

И мне тогда пришло в голову, что в этом сновидении был еще один фрагмент, который не был мной проанализирован. Во сне, после того как я понял, что Р. – это мой дядя, я испытал к нему теплые чувства. Как это могло быть? К своему дяде Иосифу я, естественно, никогда не испытывал теплых чувств. С моим коллегой Р. я давно дружил и искренне уважал его, но если бы я подошел к нему и выразил словами свои теплые чувства, которые испытывал во сне, вот бы он удивился! Мои теплые чувства по отношению к нему показались мне неискренними и

преувеличенными, как и мое мнение о его умственных способностях, причем я думал о нем *хуже, а не лучше,* поскольку образ в моем сновидении слился с образом моего дяди. И тут меня осенило, что именно происходит. Нежные чувства в сновидении относятся не к непосредственно наблюдаемому содержанию сна, а к мыслям, которые лежат в его основе; они противоречат этому содержанию, скрывая подлинный смысл сновидения. *И вот в этом-то и заключался его смысл.* Я вспоминаю, как мне не хотелось интерпретировать это сновидение, как я откладывал его толкование и думал, что мое сновидение абсолютно лишено смысла. Проводя психоанализ, я осознал, как следует интерпретировать такого рода сопротивление: оно ничего не говорило о суждениях человека, но было простым проявлением эмоций. Если моя маленькая дочь отказывается от яблока, которым ее угощают, то она говорит, что оно кислое, даже не попробовав его. Когда мои пациенты ведут себя совсем как моя маленькая дочь, то я знаю, что их беспокоит мысль, которую они хотели бы подавить. То же самое касается и моего сна. Я не хотел его интерпретировать, поскольку это толкование могло выявить нечто такое, чего я не хотел признавать. Проведя интерпретацию этого сновидения, я понял это мое утверждение, что мой друг и коллега Р. – «простофиля». Теплые чувства, которые я питаю к коллеге Р., относились не к лежащему на поверхности содержанию сновидения, а выросли из моей внутренней борьбы с самим собой. Если в этом смысле содержание моего сновидения подверглось искажению – и содержание сна превратилось в нечто ему противоположное, – то теплые чувства, которые я испытал в этом сне, были средством подобного искажения. Иными словами, искажение содержания сновидения было умышленным и служило средством *диссимуляции.* Мои мысли во сне были унизительными для Р., и я, для того чтобы скрыть это, испытал во сне нечто противоположное – то есть теплые чувства.

Похоже, что здесь прослеживается некая общая закономерность. Примеры в главе III доказывают, что существуют сновидения, которые явно и недвусмысленно изображают осуществление какого-то желания. Но в тех случаях, когда трудно понять, какое именно желание сбывается и что именно подверглось искажению, должна проявиться склонность спящего защититься от этого желания, и потому картина его осуществления представляется в искаженном виде. Я хотел бы найти параллели с этой ситуацией в области правил общения людей друг с другом. Где в общении можно найти похожее искажение психического акта? Лишь там, где речь идет о двух людях, из которых один обладает определенной властью, а другой вынужден это учитывать. В этом случае второй человек будет искажать свои психические акты таким образом, или, как мы бы назвали это, диссимулировать их. Моя вежливость, которую я проявляю каждый день, – следствие именно такой диссимуляции; и в тех случаях, когда я интерпретирую сны для моих читателей, я также должен прибегнуть к подобной диссимуляции. Поэт сожалеет о том, что приходится прибегать к подобным искажениям:

Das Beste, was du wissen kannst,
Darfst du den Buden doch nicht sagen.

Все лучшие слова, какие только знаешь,
Мальчишкам ты не можешь преподнесть[90].

С подобной трудностью сталкивается и какой-нибудь автор статей на политические темы, когда ему приходится говорить нелицеприятную правду тем, кто наделен властью. Если он прямо говорит то, что думает, и собирается выступить с речью, то власти наложат на нее запрет, если он выразит свое мнение в устном выступлении, или запретят их публикацию. Автор должен понимать, что существует цензура,[91] и поэтому он должен будет выражать свое мнение в завуалированном и искаженном виде. В зависимости от того, насколько жесткой является такая цензура, ему придется или совершенно воздержаться от каких-то нападок на власти, или говорить намеками, вместо того чтобы называть вещи своими именами, или найти невинный способ замаскировать свои мнения, противоречащие общепринятым: например, он придумает историю о споре двух китайских чиновников-мандаринов в Поднебесной, намекая на чиновников своей собственной страны. Чем жестче цензура, тем изысканнее будет эта

маскировка и тем изобретательнее будут способы, с помощью которых автор постарается донести до читателя подлинный смысл своего послания[92].

Такие явления, как цензура и искажение, в сновидении совпадают до мельчайших деталей, и это дает нам основания предполагать, что они обусловлены одними и теми же факторами. Поэтому мы рискнем предположить, что сны обретают свою форму для каждого конкретного человека под воздействием двух движущих психологических сил (потоков сознания или систем) и что одна из них конструирует желание, которое проявляется во сне, а другая сила осуществляет цензуру этого выраженного во сне желания и, посредством такой цензуры, насильственно искажает то, как это желание выражается во сне. Когда мы осознаем, что доступные непосредственному наблюдению мысли не осознаются человеком, пока не будет произведен их анализ, или человек не сможет осознать содержания этого сна, то кажется вполне вероятным, что вторая действующая сила позволяет мыслям вторгнуться в сознание человека. Похоже, что ни одно из явлений, связанных с первой, формирующей выражение во сне желаний силой, не может пройти незамеченным со стороны второй силы, которая проявляет свою власть и производит такие изменения, которые полагает уместными в отношении мыслей, стремящихся получить доступ к сознанию спящего. Между прочим, именно поэтому мы можем сформировать вполне законченный взгляд на «сущность» сознания: мы видим процесс превращения вещей в специфический психический акт, который отличается от процесса формирования идеи или ее появления перед нашим мысленным взором, и мы рассматриваем сознание как орган чувств, который воспринимает новые данные, которые доступны ему. Можно показать, насколько все эти базовые утверждения важны для психопатологии. Но пока мы отложим их обсуждение и вернемся к нему позднее [см. главу VII, в особенности раздел E].

Если согласиться с тем, что существует две такие психические движущие силы, и принять нашу трактовку того, что представляет собой сознание, то можно провести полную аналогию между событиями в области политической жизни и теми теплыми чувствами, которые я испытывал в сновидении к моему другу и коллеге Р., чьи качества получили такую презрительную оценку при толковании того сновидения с его участием. Давайте представим себе общество, во главе которого стоит правитель, ревниво относящийся к своей власти и в котором общественное мнение не дремлет. И тут народ восстает против какого-то непопулярного представителя власти и требует его отставки. Правитель, чтобы не создалось впечатления, что он пошел на поводу у народных масс, в этот же самый момент решает поощрить этого непопулярного представителя власти, хотя для этого нет ни малейших оснований. Точно так же и вторая моя движущая психическая сила, которая охраняет подступы к моему сознанию, приписывает мне какие-то теплые чувства к моему другу и коллеге Р., просто оттого, что импульсы, связанные с желаниями, исходящими от первой психической силы, в данный момент, стремятся заклеймить его как простофилю[93].

Все эти соображения могут навести нас на мысль о том, что с помощью интерпретации сновидений мы можем многое узнать о том, как работает наше сознание, вопрос, на который не смогли ответить философы. Но я не предлагаю продолжить этот ход мыслей (к этой теме мы вернемся в главе VII); зато, выяснив проблему искажения в сновидениях, я собираюсь вернуться к проблеме, с которой мы начали наши рассуждения. Нас интересовал вопрос о том, каким образом неприятные сны могут квалифицироваться как сновидения об осуществлении какого-то желания. Теперь мы убедились, что это возможно, если произошло искажение в сновидении и если его неприятное содержание просто маскирует то, к чему человек стремится. Учитывая наше утверждение о двух движущих психических силах, мы можем утверждать, что в неприятных снах, в сущности, нет ничего неприятного с позиций *второй* движущей психической силы, но при этом нечто выражает то желание, которое вписывается в действие *первой* движущей силы. Сны связаны с осуществлением желания человека, поскольку каждый сон возникает в результате воздействия первой силы, а вторая сила выполняет *защитную, а не творческую* функцию[94]. Если бы мы рассматривали лишь результаты воздействия на сновидения второй движущей силы, то мы бы никогда не смогли разобраться в них, поскольку вся та путаница, которую наблюдали в сновидениях авторитетные исследователи, так и останется неразрешимой загадкой.

В каждом конкретном случае анализа сновидения можно без труда доказать, что у снов действительно есть тайное значение, в котором воплощаются исполнения какого-то желания. Поэтому я выберу несколько примеров неприятных сновидений и попытаюсь проанализировать

их. Некоторые – это сновидения пациентов, страдавших истерией, и необходимы подробные преамбулы и экскурсы в обстоятельства происходящего, чтобы дать характеристику психическим процессам при истерии. Но я не могу уклониться от этих сложностей, представляя вашему вниманию мои аргументы.

Как я уже объяснял, когда я провожу лечение с помощью анализа психоневротика, его сновидения обязательно становятся предметом нашего обсуждения. Во время этих обсуждений я вынужден предоставить ему все психологические объяснения, которые помогли мне понять суть симптомов его болезни. Этим я постоянно навлекаю на себя критику, весьма суровую, чего и следовало ожидать от представителей моей профессии. А все мои пациенты неизменно противоречат моему утверждению, что все мечты – это иллюстрация осуществления какого-то желания. Вот некоторые примеры фрагментов сновидений, которые стали основаниями для критики в мой адрес, но сами убеждают в противоположном.

«Вот вы всегда утверждаете, что сновидение – это осуществление какого-то желания», – спорит моя интеллектуальная пациентка. «Я расскажу вам сейчас про одно сновидение, которое, наоборот, доказывает, что мое желание *не* сбылось. Как вы впишете его в свою теорию? А приснилось мне вот что:

Я хочу устроить званый ужин, но у меня в доме нет ничего, кроме копченого лосося. Я хотела пойти купить что-нибудь из еды, но вспоминаю, что сегодня воскресенье и все магазины будут закрыты. Я попыталась обратиться по телефону к организаторам обедов, но телефон не работал. Вот и не состоялся мой званый ужин».

Я, конечно, ответил ей, что подлинный смысл этого сна можно выявить лишь с помощью анализа, хотя признаю, что сновидение это на первый взгляд вполне логично и связно и на первый взгляд действительно, не вписывается в теорию сновидений как иллюстрацию осуществления желаний. «Откуда же сновидение взялось? Вы же знаете, что повод к сновидению – это события, которые произошли накануне».

Анализ. Муж пациентки, добросовестный и пожилой оптовый торговец мясом, заявил ей накануне, что он слишком располнел и хочет начать бороться с лишним весом. Он будет рано вставать, делать зарядку, соблюдать строгую диету и, прежде всего, не будет никогда принимать приглашений на званые ужины. Дальше она со смехом рассказывает, что ее муж в своем излюбленном заведении, где он всегда обедает, познакомился с одним художником, который уговорил его позировать для портрета, поскольку он еще никогда не видел таких выразительных черт лица. Но ее муж, что ему свойственно, довольно категорично, хотя и вежливо, отказал ему, сказав, что филейная часть юной красавицы будет лучшей натурой для художника, чем его лицо[95]. Моя пациентка была очень влюблена в своего мужа и часто поддразнивала его и просила, чтобы тот не угощал ее икрой.

Я попросил ее объяснить, что она имела в виду, и она рассказала, что ей уже давно хотелось есть по утрам бутерброды с икрой, но это дорого. Конечно, муж тотчас же купил бы ей икры, если бы она его об этом попросила. Но ведь она просила икры не покупать, чтобы потом поддразнивать его из-за этого.

Меня такое объяснение не убедило. Такие несостоятельные объяснения обычно маскируют мотивы, в которых человек не хочет сознаваться. Вспомним пациентов, которых Беренгейн погружал в состояние гипноза. Когда они выполняли инструкции, которые получили под гипнозом, и их спрашивали о мотивах этих поступков, они не говорили: «Я не знаю, почему я так поступил», а придумывали весьма неправдоподобные объяснения. Вот и в рассказе моей пациентки про с икру, похоже, дело обстоит именно так. Я замечаю, что ей пришлось придумывать для себя неосуществленное желание в реальной жизни; а во сне этот отказ от желания сбылся. Но зачем ей понадобилось такое несбывшееся желание?

Ассоциаций, о которых она рассказала, для толкования сновидения недостаточно. Я настоятельно попросил ее рассказать мне больше. Она помолчала немного, словно боролась с собой, и рассказала, что вчера ходила в гости к одной своей подруге, которую ревнует к своему мужу: он постоянно делает ей комплименты. К счастью, подруга эта худая и костлявая, а ее мужу нравятся пышечки. Я стал расспрашивать, о чем же они разговаривали с этой подругой? Та, естественно, хотела бы немного пополнеть и спросила у моей пациентки: «Когда вы нас пригласите к себе? У вас все всегда так вкусно».

Вот и стал понятен смысл ее сновидения, и я сообщил пациентке: «Вы словно сказали своей подруге: «"Ишь, какая! Я тебя в гости позову, ты у нас отобедаешь, располнеешь и станешь моего мужа завлекать! Да лучше я вообще никогда не буду устраивать званых обедов". Ваш сон говорит о том, что вы больше не можете устраивать званых обедов, и так сбывалось ваше желание не помогать подруге располнеть. Вы решили поддержать решение мужа и не принимать больше таких приглашений, чтобы он смог похудеть». Теперь надо выяснить смысл одного совпадения. Мы не поняли, при чем тут копченая лососина. «Почему вам приснилась именно лососина?» – спросил я у нее. «Копченую лососину обожает эта моя подруга», – отвечает она. Я действительно знаком с этой ее подругой, и могу подтвердить, что она так же любит лососину, как моя пациентка – икру.

В этом же сне есть основа для еще одного, более деликатного направления толкования, от которого никуда не денешься, если мы примем во внимание еще одну важную мелочь. (Эти две интерпретации не противоречат друг другу, у них одна и та же основа, и они подтверждают то обстоятельство, что мечты, как и любые другие психопатологические явления, часто бывают многозначны.) Нужно помнить о том, что эта моя пациентка, которая во сне отказалась от исполнения определенного желания, и в реальной жизни отказывалась от реализации другого своего желания (поесть икры). Ее подруга тоже отказала себе в желании – пополнеть, – и будет неудивительно, если моей пациентке вдруг приснится, что мечта ее подруги (набрать вес) тоже не сбылась. Поэтому у сна будет иная интерпретация, если мы предположим, что во сне моя пациентка увидела не саму себя, а свою подругу, оказавшись на ее месте, или, так сказать, «идентифицировала» себя с ней. Я убежден, что она так и поступила: и то, что в реальной жизни она отказалась от исполнения своего желания, только подкрепляет эту идентификацию.

В чем же заключается смысл истерической идентификации? Для этого необходимо обстоятельное объяснение. Идентификация – это чрезвычайно важный фактор для механизма формирования истерических симптомов. С помощью своих симптомов пациенты выражают не только то, что с ними происходит, но и то, что происходит с окружающими: они, так сказать, хотят выстрадать и за себя, и за других, все роли в этой пьесе – и сделать это единолично. Мне возразят, что это – всего лишь знакомое всем явление истерической имитации, в которой проявляется способность людей, страдающих истерией, имитировать все симптомы, которые они наблюдают у других людей, и так проявляется их сострадание к окружающим, – сострадание, которое, так сказать, разрастается до степени воспроизводства этих симптомов. Но это всего лишь указывает нам путь, по которому следует психический процесс истерической имитации, и он несколько отличается от мыслительного акта, который его сопровождает и который несколько сложнее обычной имитации пациентов, страдающих истерией. При этом человек бессознательно приходит к какому-то выводу, как мы увидим на примере. Предположим, что терапевт проводит лечение пациентки от каких-то спазмов в больничной палате, где кроме нее есть и другие пациенты. Его не удивит, если однажды утром он узнает о том, что этот симптом имитируют и некоторые другие пациенты. Он просто заметит: «Другие пациенты стали свидетелями этих симптомов и стали их имитировать; это явный случай психического заражения». Верно, но психическое заражение распространяется примерно по такому принципу: пациенты обычно больше знают друг о друге, чем врач про каждого из них по отдельности, и они весьма интересуются болезнями друг друга после окончания обхода. Представьте, что у одной из пациенток произошел приступ и другие скоро узнают, что это произошло после того, как она получила письмо из дома, или оттого, что она оказалась снова вовлечена в травмирующие ее любовные переживания. Они станут ей еще больше сочувствовать и придут к следующему выводу, хотя он может и не осознаваться ими: «Если подобная причина может вызвать подобный приступ, то и у меня он может произойти, поскольку у меня для этого есть те же самые причины». Если подобный вывод будет осознаваться, то он может спровоцировать *страх* у другого человека, который решит, что и с ним может произойти нечто подобное. Поэтому идентификация – это не просто имитация чего-то, а ассимиляция, которая происходит на основе этиологических притязаний; в ней выражается сходство с неким общим элементом и обусловлено им, что остается в области бессознательного.

При истерии в идентификации чаще всего проявляется некий общий элемент *сексуальной* направленности. Женщина, страдающая от истерии, в симптомах своей болезни преимущественно идентифицирует себя с теми людьми, с которыми она вступала в

сексуальный контакт, или с теми, кто вступал в такие отношения с этими людьми. Подобная мысль отражается и в крылатых выражениях нашего языка, когда говорят, что двое любящих живут «душа в душу». И в истерических фантазиях, и в сновидениях идентификация возникает лишь при одной мысли о сексуальных взаимоотношениях, которых в реальной жизни могло и не быть. Пациентка, сон которой я подверг интерпретации, просто подчиняется закономерностям истерического мышления, когда ревнует мужа к своей подруге (хотя и считает, между прочим, что для этой ревности нет оснований), и во сне оказывается на ее месте, идентифицируя себя с ней, создавая некий симптом – неосуществленное желание. На словах этот процесс можно охарактеризовать следующим образом: в сновидении она занимает место подруги, потому что та может занять ее место рядом с мужем и потому что ей хотелось бы получить от мужа такой же комплимент, как тот, что он адресовал ее подруге[96].

Другая из моих пациенток (одна из самых высокоинтеллектуальных) предоставила информацию, противоречащую моей теории сновидений как демонстрации исполнения желаний, и это противоречие разрешилось еще более просто, но следуя тому же шаблону: что одно несбывшееся желание демонстрирует, как сбылось какое-то другое. Однажды я объяснял ей, что в сновидениях мы можем видеть, как сбываются какие-то желания; на следующий день она рассказала мне, что ей приснилось, будто они со своей свекровью поселились в загородном доме, чтобы вместе провести лето. А мне было известно, что ей не хотелось провести лето со свекровью, знал я и то, что она в последнее время сумела избежать неприятного ей общества свекрови, сняв себе летний дом подальше от того места, где жила свекровь. А во сне ее удачный план, к которому она стремилась, был разрушен: разве не явное противоречие моей теории о сбывшихся желаниях? Без всяких сомнений, достаточно просто последовать логике этого сновидения, чтобы прийти к такому толкованию. Сновидение должно было доказать мою неправоту; то есть ее желание заключалось в том, чтобы я оказался неправ, сновидение именно ее желание и осуществило. *Итак, ее желание заключалось в том, чтобы я оказался неправ, и во сне оно сбылось.* Но ее стремление к тому, чтобы я оказался неправ, было связано и с ее летним отдыхом, и с другим, более серьезным вопросом. Поскольку к тому времени в моем распоряжении уже был собранный материал, который я получил в ходе ее психоанализа, и давал основания полагать, что в ее жизни произошло нечто такое, что послужило толчком к ее заболеванию и спровоцировало его. Она это отрицала и не могла припомнить ничего подобного. Но вскоре мы убедились, что я был прав. И вот ее желание, чтобы я оказался неправ, которое проявилось в ее сновидении о том, что она провела лето вместе со свекровью, соответствовало ее обоснованному желанию, чтобы тех событий, о которых я догадывался, никогда бы на самом деле не происходило.

Я сумел проинтерпретировать, – не прибегая к анализу, просто путем догадки, – один небольшой эпизод из жизни одного моего друга-одноклассника. Однажды он слушал мою лекцию перед немногочисленной аудиторией и из нее узнал, что, на мой взгляд, сновидение представляет собою осуществленное желание. После моей лекции ему приснилось, что *он проиграл все свои процессы*(он был адвокатом), и после этого обратился ко мне с вопросом, что бы это могло означать. Я постарался уклониться от прямого ответа и ответил, что нельзя же выиграть *все* процессы подряд. Но про себя я подумал: «Учитывая то обстоятельство, что в течение восьми лет я был в гимназии первым учеником, а он – весьма средним, то, скорее всего, он с детства мечтал о том, чтобы *я* когда-нибудь попал впросак».

О другом, более мрачном сновидении мне рассказала одна из моих пациенток, молодая девушка: «Насколько вам известно, у моей сестры теперь остался лишь один сын, по имени Карл; ее старший сын Отто умер, когда я еще жила вместе с ней. Отто был моим любимцем, я принимала активное участие в его воспитании. Младшего я тоже очень любила, но меньше, чем того, который умер. А сегодня ночью мне вдруг приснилось, *что Карл умер. Он лежит в маленьком гробу, сложив на груди руки; вокруг него горят свечи, как тогда вокруг Отто, смерть которого так потрясла меня.*Скажите же мне, что это значит? Вы ведь меня знаете, неужели я такая дурная, что могла бы пожелать смерти единственному ребенку своей сестры? Или же мое сновидение означает, что мне бы хотелось, чтобы лучше умер Карл, чем Отто, которого я гораздо больше любила?»

Я уверил ее, что это последнее толкование полностью исключается. Подумав немного, я дал ей верное толкование сновидения, которое она позднее подтвердила. Я смог справиться с этим, потому что знал, что происходило с моей пациенткой раньше.

Эта девушка рано осиротела и воспитывалась в доме своей старшей сестры. Один из знакомых семьи, который часто бывал у них в гостях, произвел на нее неизгладимое впечатление. По мнению многих, дело даже шло к браку, но этому по какой-то причине помешала ее сестра, которая так и не объяснила, в чем там было дело. После того как надежда на брак была расстроена, этот человек, в которого влюбилась моя пациентка, перестал бывать в доме ее сестры. Сама же моя пациентка после смерти маленького Отто, на которого она перенесла тем временем всю свою нежность, ушла от сестры. Но она не смогла совсем вырвать этого человека из своего сердца. Из гордости она избегала его; но отвергала всех претендентов на свою руку и сердце. Когда она узнавала, что ее любимый, который был ученым, читал где-нибудь лекцию, она обязательно приходила ее послушать и пользовалась любой возможностью увидеть его где-то «на нейтральной территории». Я вспомнил, что на днях она мне рассказывала, что профессор идет на концерт и она тоже собирается пойти туда, чтобы опять его увидеть. Это было как раз накануне того, как ей приснился этот сон про Карла, и концерт должен был состояться именно в тот день, когда она пришла ко мне. Поэтому мне удалось без труда истолковать ее сновидение, и я задал ей вопрос, не помнит ли она о каком-либо событии, тесно связанном со смертью маленького Отто. Она ответила тотчас же: «Конечно, в тот день к нам в дом пришел профессор, и я впервые после долгого перерыва встретилась с ним у гроба мальчика». Чего-то подобного я и ожидал, и я истолковал ее сновидение следующим образом: «Если бы теперь умер второй мальчик, то ситуация бы повторилась. Вы бы провели весь день у сестры; к ней, наверное, пришел бы этот профессор, чтобы выразить соболезнование, и вы бы увидели его совершенно в той же обстановке, что и в тот день. Сновидение означает именно ваше желание снова увидеться с ним, желание, с которым вы боретесь. Я знаю, что у вас в кармане билет на сегодняшний концерт. Этот сон выражает ваше нетерпение, ведь вы снова увидитесь с этим человеком, сегодня через несколько часов».

Чтобы скрыть свое заветное желание, она, по всей вероятности, вообразила себе ситуацию, в которой такие желания легче всего подавляются: ту ситуацию, в которой человека настолько захватило чувство скорби, что мысли о любви в голову не приходят. Но вполне возможно, что и в реальной ситуации, которую правильно воспроизвело сновидение, – у гроба того мальчика, которого она так любила, она не сумела подавить своих нежных чувств к этому профессору, с которым так давно не встречалась.

Другой женщине приснился похожий сон, и я интерпретировал его совершенно иначе. В молодости она была необычайно живой, сообразительной и веселой. И эти ее свойства характера все еще проявлялись в ее мыслях во время нашего лечения. Ей приснился очень длинный сон, будто ее единственная 15-летняя дочь умерла и лежит перед ней «в ящике». Она отчасти считала, что этот ее сон опровергает мою теорию о том, что во сне сбываются заветные желания, хотя и догадывалась, что то, как именно выглядел этот «ящик», подскажет ей, в чем разгадка ее сновидения[97]. Во время анализа она вспоминала, как накануне вечером была в гостях и там зашла речь об английском слове «box», которое можно очень по-разному перевести на немецкий язык: как «Schachtel» («коробка»), «Loge» («ложа в театре»), как «Kasten» («сундук»), «Ohrfeige» («затрещина») и т. д. Некоторые другие детали этого сновидения наводили на мысли о том, что у нее возникли ассоциации между английским словом «box» и немецким словом «Buchse» (жестянка), которое еще грубо используется для обозначения женских половых органов. Учитывая ее скромные познания в сфере топографической анатомии, можно было предположить, что ребенок в «коробке» обозначал «плод в материнском чреве». Она с этим согласилась и не стала отрицать, что это сновидение действительно соответствует одному из ее желаний. Как многие молодые женщины, она не особенно обрадовалась беременности и не раз признавалась себе, что хотела, чтобы ребенок родился мертвым. Однажды после ссоры с мужем она в припадке бешенства стала колотить кулаками по животу, чтобы причинить ребенку вред. Таким образом, она действительно мечтала о том, чтобы ребенок оказался мертвым, но это было желание, от которого она отказалась пятнадцать лет назад. Стоит ли удивляться, что она не узнала изображение желания, которое испытывала пятнадцать лет назад. С тех пор очень многое изменилось[98].

Я вернусь к той группе сновидений, примерами которых послужили два приведенных мною сна (где человеку снится смерть очень близких и любимых им людей) при обсуждении «типичных сновидений», тогда я сумею с помощью других примеров продемонстрировать, что несмотря на то, что они имеют нежелательное для человека содержание, все они могут интерпретироваться как сны с демонстрацией осуществления желания спящего.

Про этот сон мне рассказал не мой пациент, а один знакомый, юрист с чрезвычайно высоким интеллектом. Он хотел таким образом предостеречь меня от поспешных выводов при создании теории сновидений как проявления сбывшихся желаний. *«Мне приснилось, что я подхожу к моему дому под руку с дамой. Там меня ждет закрытая карета, ко мне подходит какой-то человек, предъявляет мне свои документы полицейского и говорит, чтобы я проследовал за ним. Я прошу дать мне время привести в порядок мои дела.* По-вашему, мне хотелось бы, чтобы меня арестовали?» – «Конечно нет», – с неохотой соглашаюсь я. – «А за что вас хотели арестовать?» – «По-моему, за убийство новорожденного». – «Но ведь за такое преступление могут привлечь к ответственности лишь мать новорожденного младенца». – «Верно»[99]. – «А что происходило незадолго до того, как вам это приснилось? Что вы делали вчера вечером?» – «Мне не хотелось бы вам рассказывать, это довольно деликатный вопрос». – «Или вы мне об этом расскажете, или мне придется отказаться от толкования вашего сновидения». – «Хорошо, я ночевал не дома, а у одной дамы, которая много значит для меня. Под утро я крепко уснул, и мне вот это и приснилось». – «Она замужем?» – «Да». – «А вам хотелось ребенка от нее?» – «Нет, нет, это бы выдало тотчас же нашу тайну». – «Вы практикуете прерванный половой акт?» – «Да, мы применяем coitus interruptus (прерванный половой акт)». – «Я рискну предположить, что за эту ночь у вас несколько раз был такой coitus и вы заснули, беспокоясь о том, что у вас может родиться ребенок?» – «Пожалуй, да». – «Тогда ваше сновидение – это бесспорный пример осуществления желания, благодаря ему вы успокоились: ребенка у вас нет, или, что почти то же самое, вы во сне убили этого ребенка. Вот все и логично. Вспомните: несколько дней тому назад мы с вами говорили о том, что предохранительные средства от беременности вполне дозволены, между тем как всякие искусственные действия, предпринятые после того, как произошло оплодотворение, считаются преступлением и караются по закону. В связи с этим мы вспомнили об одном средневековом споре, когда стремились выяснить, в какой именно момент душа вселяется в зародыш, потому что именно этим определяется, когда можно рассуждать об убийстве ребенка. Вы знаете, наверное, отвратительное стихотворение Ленау ("Das tote Gluck"), где предотвращение беременности и детоубийство приравниваются друг к другу». – «Как странно, я именно о нем и вспомнил сегодня утром». – «Отголосок вашего сновидения, в том нет сомнений. Теперь я попробую найти в вашем сновидении осуществление еще одного желания… Вы подходите к своему дому под руку с этой дамой. Вы привели ее к себе в дом[100] вместо того, чтобы провести ночь у нее, что вы сделали на самом деле. Поэтому может быть еще одна причина для того, почему ваше желание сбылось в такой неприятной форме. Возможно, вы узнали из моей статьи об этиологии невроза страха, что *coitus interruptus (технику прерванного сношения)* я считаю одной из важнейших причин развития невротических страхов. Нет ничего удивительного в том, что после такого сношения вы ощутили беспокойство, которое вплелось в ткань вашего сновидения (ср. с. 492). Кстати, вы не дали объяснений в связи с преступлением, в котором вас обвинили. Как вам пришло в голову такое чисто женское преступление?» – «Должен признаться вам, что несколько лет тому назад я был замешан в подобную историю, одна девушка сделала от меня аборт, и на меня возложили ответственность за это. Конечно, я не подталкивал ее к подобному решению, но очень долго опасался, что вся эта история станет предметом огласки». – «Вполне это понимаю. Из-за этого воспоминания вы, должно быть, и беспокоились из-за прерванного сношения, опасаясь, что оно могло не решить проблемы»[101].

Один молодой терапевт, который слышал, как я рассказывал об этом сновидении на лекции, должно быть, был под таким впечатлением от него, что ему в ту же ночь приснилось другое, аналогичное сновидение, но совершенно из другой области. Накануне он подал в магистрат декларацию о своих доходах; они были вполне правдивы, поскольку декларировать ему было особенно нечего. Ему приснилось, однако, что *к нему приходит знакомый, который присутствовал на заседании налоговой комиссии, и рассказывает, что все сведения были признаны правильными и лишь поданная им декларация вызвала всеобщее недоверие, и потому на него наложили серьезный штраф.* В том сновидении прослеживается желание произвести

впечатление врача с высоким доходом. Мне это напоминает широко известную историю о том, как девушке пытались отсоветовать выходить замуж за одного ее поклонника, потому что он обладал буйным нравом и точно стал бы бить ее, когда они поженятся. «Вот бы уже сейчас он меня побил!» – мечтательно ответила на это девушка. Она так хотела замуж, что уже воспринимала эту угрозу как непременное условие брака, и даже захотела, чтобы это поскорее произошло.

Самые распространенные сновидения, которые на первый взгляд противоречат моей теории, поскольку в них человек видит или несбывшееся желание, или происходит нечто такое, к чему он не стремился, можно классифицировать как «сны про антижелания». Если проанализировать их все, то можно прийти к выводу, что они строятся на двух основных принципах; я еще не упоминал ни об одном из них, хотя они играют важную роль не только в сновидениях людей, но и в их жизни в целом. Одна из движущих сил таких сновидений заключается в желании доказать мне, что моя теория сновидений как осуществления желаний оказалась несостоятельной. Такие сны посещают моих пациентов, когда они переживают этап сопротивления моему воздействию на них; и я могу быть абсолютно уверен в том, что они им приснятся после того, как я расскажу о том, что в снах сбываются желания[102]. Думаю, то же самое произойдет и с читателями этой книги: они должны быть готовы к тому, что у них не сбудется какое-то желание во сне, если им бы захотелось, чтобы моя теория сновидений оказалась несостоятельной.

Это же доказывает последний сон подобного рода, который приснился одной девушке, проходившей у меня лечение, которая продолжала его, несмотря на противостояние со своими родными и авторитетными консультантами. *Ей приснилось, что родные запретили ей приходить ко мне на прием. Она напоминает мне, что в крайнем случае я обещал лечить ее бесплатно. А я на это ей ответил: «Я не иду на компромиссы в том, что касается материальной стороны дела».*Приходится признать, что в этом сновидении трудно выявить осуществление желания. Но в подобных случаях за первой загадкой следует вторая, и, разрешив ее, можно найти ответы на обе из них. Откуда взялись слова, которые она приписала мне во сне? Я же никогда не говорил ничего подобного, а вот один из ее братьев, именно тот, под влиянием которого она в основном и находится, именно такое отношение мне и приписывал. Сновидение подтверждает его правоту. Наяву она тоже настаивала, что ее брат прав, с таким отношением она жила всю жизнь, и в этом – одна из причин ее болезни.

Вот о каком сне, который на первый взгляд явно противоречит теории осуществления желаний во сне, приснился врачу Августу Штерке (August Starke, 1911) и был им интерпретирован: *«Я вижу у себя на левом указательном пальце первые признаки сифилитической язвы на последней фаланге».*Может показаться, что, если не учитывать нежелательное содержание, которое в нем содержится, этот сон вполне ясен и логичен и анализировать в нем нечего. Но если не искать легких путей в анализе, то мы заметим, что звучание фразы «первичная язва» («Primaraffekt») напоминает звучание другой фразы: «prima affectio» («первой любви»), и вот отвратительная язва оказывается, по словам Штерке, «заменой исполнения желаний, связанных с ярким аффектом».

Другой мотив сновидений про антижелания настолько очевиден, что его чрезвычайно легко не заметить, как это было и со мной в течение некоторого времени. В сексуальной конституции очень многих людей часто присутствуют мазохистские компоненты, когда агрессивные садистские компоненты превращаются в свою противоположность[103]. Подобных людей называют «идейными» мазохистами, если они ищут наслаждения не в причиняемых им *физических* страданиях, а в унижении и душевных мучениях. Сразу можно убедиться в том, что таких людей посещают сновидения про неосуществленные желания, но им кажется, что их желания как раз и сбылись, и это удовлетворяет их мазохистские наклонности. Вот пример подобного сновидения: молодой человек в ранние годы жестоко относился к своему старшему брату, к которому испытывал гомосексуальное влечение. После того как у него существенно изменился характер, видит вот такой сон из трех частей: I. *Его старший брат «докучает» ему. II. Два взрослых мужчины гомосексуально ласкают друг друга. III. Его брат продал предприятие, которое мой пациент сам хотел возглавить в будущем.* Когда он проснулся после последней части сна, ему было очень противно. Но это было типичное мазохистское сновидение об осуществившемся желании, и трактовать его можно было бы следующим образом: «Так мне и

надо, брат наказал меня тем, что продал предприятие, потому что он столько всего натерпелся от меня».

Я надеюсь, что до того, как возникнут следующие возражения, этих примеров и разъяснений будет достаточно, чтобы доказать, как в сновидениях с неприятным содержанием желания спящего сбываются: впрочем, я в дальнейшем вернусь еще к сновидениям, содержанием которых являются неприятные переживания[104]. Также никто не будет считать простой случайностью, что в ходе интерпретации таких сновидений мы часто сталкивались с такими темами, о которых люди не хотят ни говорить, ни думать. Неприятное впечатление от таких снов сродни тому отвращению, которое удерживает нас от обсуждения подобных тем и даже от размышления над ними и которое должен преодолеть каждый из нас, если мы все-таки хотим разрешить связанные с ними проблемы. Но хотя эти сновидения так неприятны, в них все равно сбывается какое-то желание спящего. У каждого человека есть тайные желания, о которых он не расскажет окружающим, и желания, в которых не сознается даже себе самому. Но мы делаем правильный вывод о том, что неприятный характер таких сновидений искажает изображение в них сбывшегося желания до такой степени, что его просто невозможно узнать, оттого, что мы испытываем отвращение к теме сновидения или к тому желанию, которое можно в нем распознать, а также к желанию подавить его. Искажающая деятельность сновидения оказывается в действительности деятельностью цензуры. Необходимо учесть все, что мы узнали во время нашего анализа неприятных сновидений, если мы хотим свести все полученные нами признаки в ту формулу, которую мы стремились вывести в отношении сновидений: что *сновидения – это (замаскированное) осуществление (подавленного или вытесненного) желания*[105].

Теперь нужно обсудить тревожные сновидения как особую разновидность неприятных сновидений. Неподготовленный читатель встретит в штыки утверждение о том, что и в таких снах тоже сбываются желания. Но я сейчас вкратце коснусь таких сновидений. Такие сны не привносят ничего нового в изучение сновидений, здесь просто идет речь о невротической тревожности в целом. Страх, который человек испытывает в сновидении, лишь *на первый взгляд* обусловлен его содержанием. При толковании такого сновидения мы выясняем, что беспокойство, которое человек переживает во сне, так же мало связано с логикой событий самого сновидения, как страх при фобиях мало связан с навязчивой идеей самой фобии. Конечно, есть опасность, что человек может выпасть из окна, и поэтому ему следует соблюдать осторожность рядом с окном, но совершенно невозможно понять, почему при фобии на эту тему страх так велик, что пациент вообще боится подходить к нему. Мы можем убедиться в том, что то же самое можно со всеми основаниями применить и к фобиям, и к тревожным снам: в обоих случаях только на первый, поверхностный взгляд кажется, что беспокойство связано с темой сна, на самом деле у него совершенно другой источник.

Поскольку тревожные сны и беспокойство при неврозах тесно взаимосвязаны, при обсуждении первого вопроса я обязательно должен коснуться и второго. Некоторое время назад, в краткой статье на тему беспокойства и неврозов (Freud, 1895b) я коснулся вопроса о том, каким образом невротическая тревожность обусловлена сексуальной сферой жизни и как она взаимосвязана с либидо, которое отклонилось от своей непосредственной цели и не находит себе применения[106]. С тех пор эта формула прошла испытание временем, и она позволяет нам теперь выяснить, каким образом в тревожных снах проявляется сексуальный компонент, либидо, которое породило тревожность. Далее у нас будет возможность убедиться в обоснованности этого утверждения в ходе анализа сновидений некоторых пациентов, страдающих неврозом[107]. Развивая далее теорию сновидений, я еще воспользуюсь возможностью снова обсудить источники тревожных снов и то, каким образом они соотносятся с теорией сновидений как осуществления желаний.

Глава V. Материал и источники сновидений

Когда во время анализа сновидения об Ирме и сделанной ее инъекции мы выяснили, что сновидение изображает осуществление какого-то желания, нас в первую очередь интересовало, удалось ли нам вывести общие характеристики сновидений, и мы оставили на какое-то время в стороне другие связанные с этим научные вопросы. Пройдя этот путь до конца, теперь мы можем вернуться по своим следам к его исходной точке и выбрать новую цель в изучении сновидений: в

данный момент мы можем отложить обсуждение осуществления желаний в сновидениях, хотя мы еще не ответили на все связанные с этим вопросы.

Теперь применение нашего метода интерпретации сновидений позволяет нам вскрывать *тайный*смысл их содержания, которое несет в себе гораздо больший смысл, чем то, что в них лежит *на поверхности,* и перед нами возникает очень важная задача: обрести новый взгляд на многие проблемы, связанные со сновидениями, выяснить, сумеем ли мы найти удовлетворяющие нас решения запутанных и противоречивых вопросов, которые так и оставались неразгаданными, пока мы имели дело с явным, лежащим на поверхности содержанием сновидений.

В первой главе этой книги я подробно изложил взгляды уважаемых авторов на то, как связаны друг с другом сон и состояние бодрствования (раздел А), и на факторы, которые обусловливают сновидения (раздел С). Безусловно, мои читатели помнят и о характеристиках памяти в сновидениях (раздел В), о которых мы часто упоминали, но которые не объяснялись подробно:

1. В сновидении в основном отражаются впечатления нескольких предыдущих дней (см. Robert, 1886; Strümpell, 1877; Hildebrandt, 1875 и Hallam & Weed, 1896).

2. Принципы работы памяти во сне не те, что в состоянии бодрствования, поскольку в ней проявляется не то, что важно и существенно, а нечто второстепенное, что раньше оставалось незамеченным.

3. Во сне всплывают в памяти наши ранние детские впечатления, и мы вспоминаем даже такие детали из нашей прошлой жизни, которые кажутся нам тривиальными и о которых мы, казалось бы, давно позабыли в состоянии бодрствования[108].

Все эти особенности, которые проявляются в ткани сновидений, безусловно, становились предметом изучения исследователей предыдущих лет в связи с *лежащим на поверхности*содержанием сновидений.

А. События недавнего времени и нейтральный материал в сновидениях

Обратившись к моему собственному опыту в стремлении понять происхождение элементов сновидения, я прежде всего должен начать с утверждения, что в каждом сновидении можно найти связь с переживаниями прошедшего дня. Я пришел к этой точке зрения, анализируя как собственные сновидения, так и сновидения других людей. Учитывая это обстоятельство, я теперь могу приступить к толкованию сновидения, начиная с изучения событий минувшего дня, которые продолжают активно жить в сновидении; во многих случаях это самый простой способ[109]. В двух сновидениях, которые мы подробно проанализировали в предыдущей главе (об Ирме и о моем дяде с рыжеватой бородой), связь с дневными впечатлениями настолько очевидна, что дальнейших комментариев не требуется. Но, чтобы доказать закономерность такой взаимосвязи, я воспользуюсь дневниками моих собственных сновидений и приведу несколько примеров из них. На собственные сновидения я ссылаюсь здесь лишь для того, чтобы указать источник используемого здесь материала.

1. *Я прихожу в дом, куда я с трудом добился приглашения… пока я был там, я заставил какую-то женщину* ЖДАТЬ МЕНЯ.

Источник сновидения: Вечером я разговаривал со своей родственницей и сказал, что ей придется подождать, пока она сможет купить то, чего ей хотелось, пока…

2. *Я написал МОНОГРАФИЮ о каком-то (неразборчиво) растении.*

Источник: Утром накануне в витрине одного книжного магазина я видел монографию о цикламене (см. далее).

3. *Я вижу на улице двух женщин, МАТЬ И ДОЧЬ, дочь – моя пациентка.*

Источник: Одна из моих пациенток накануне вечером рассказала мне, что ее *мать* не хочет, чтобы та продолжала лечиться у меня.

4. *Я подписался на периодическое издание в книжном магазине «С. и Р»., которое стоит двадцать флоринов в неделю.*

Источник: Моя жена накануне напомнила мне, чтобы я дал ей еще двадцать флоринов на ежемесячные хозяйственные расходы.

5. *Мне пришло* СООБЩЕНИЕ *от Комитета социал-демократов, из которого понятно, что я вхожу в этот комитет.*

Источник: Я получил циркуляр от либерального избирательного комитета и от президиума Гуманитарного союза, в состав которого я действительно вхожу.

6. Какой-то человек стоит НА КРУТОМ УТЕСЕ В МОРЕ, КАК НА КАРТИНЕ БЕКЛИНА

Источник: Я узнаю от моих родственников из Англии про ссылку *Дрейфуса* на *Чертов остров…*

Возникает вот какой вопрос: всегда ли сновидение связано с событиями дня, которые произошли *непосредственно накануне,* или же оно охватывает события более значительного промежутка последнего недавнего прошлого. Этот вопрос не имеет существенного теоретического значения, но все же мне кажется, что в основном в сны проникают события дня накануне – и я назову этот день «днем перед сновидением». Всякий раз, когда создается впечатление, что сон спровоцировали события за два-три дня до того, при более пристальном изучении ситуации я убеждаюсь, что об этих событиях снова вспоминали накануне сновидения и что воспоминания об этих событиях могут посетить человека в период между самим состоявшимся событием и сновидением, в котором оно воспроизводится, более того, можно указать связь с событиями дня накануне сновидения, которые заставили вспомнить о самом событии, произошедшем гораздо раньше.

С другой стороны[110], я совсем не уверен, что существует какой-то биологически значимый интервал между событиями какого-то дня и их воспроизведением в сновидении. (Свобода (Swoboda, 1904), как я уже упоминал в первой главе, в связи с этим упоминает об интервале в 18 часов.)[111]

Гэвлок Эллис (Havelock Ellis, 1911), который тоже интересовался этим вопросом, указывает, что он не смог выявить периодичности в воспроизведении дневных событий в своих сновидениях, «несмотря на то, что он учитывал ее возможность». Он записал содержание сновидения: он находится в Испании и хочет поехать в какое-то место под названием то ли Дараус, то ли Вараус или Цараус. Проснувшись, он не мог вспомнить, как именно оно называлось, и обо всем забыл. Несколько месяцев спустя он действительно нашел наименование Цараус: это было наименование станции между Сан-Себастьяном и Бильбао, где он проезжал на поезде за 250 дней до того, как ему это все приснилось.

Итак, я полагаю, что для каждого сновидения существует некий провоцирующий фактор, который относится к тем событиям из жизни человека, которые он еще не пережил во сне. Таким образом, нет никакого различия между впечатлениями от событий недавнего прошлого (за исключением событий непосредственно накануне сновидения) и теми впечатлениями, которые относятся к более отдаленному периоду жизни.

Но отчего же свежим впечатлениям отдается приоритет? Нам могут прийти в голову некоторые идеи на этот счет, если мы проведем детальный анализ одного из сновидений, о которых уже шла речь.

Сновидение о монографии по ботанике

Я написал монографию об одном растении. Книга лежит передо мною, я переворачиваю страницу с красочными изображениями и схемами. В каждой книге лежит засушенный экземпляр растения, словно его взяли из гербария.

Анализ

Накануне утром в витрине одного книжного магазина я увидел новую книгу с заглавием: *«Виды цикламена»* — скорее всего, это была монография, посвященная этому растению.

Насколько я помню, цикламены – *любимые цветы* моей жены, и я упрекнул себя за то, что так редко *дарю* ей *цветы,* которые она любит. При мысли *«дарить цветы»* я вспоминаю об одном эпизоде, о котором я недавно рассказывал в кругу друзей в качестве доказательства моего утверждения, что если о чем-то забывают, то тем самым бессознательно преследуют некую цель, и так можно догадаться о скрытых намерениях того, кто о чем-то забыл. Одна молодая женщина

привыкла, что на день рождения ее муж всегда дарит ей цветы, а в этом году букета не было, и она горько расплакалась. Пришел ее муж и не смог понять, отчего она плачет, пока она ему не сказала: «Сегодня же мой день рождения». Он хлопает себя по лбу и восклицает: «Прости, я совершенно забыл, сейчас пойду куплю *цветы»*. Но это ее не утешает, потому что забывчивость ее мужа доказывает, что он больше не думает о ней так, как прежде. Моя жена на днях повстречалась с этой дамой, та рассказала ей, что чувствует себя хорошо, и спросила, как мои дела. Несколько лет тому назад она была моей пациенткой.

Теперь раскручиваем этот клубок заново: я действительно когда-то написал что-то *вроде монографии об одном растении* — исследование свойств растения «кока» (Freud, 1884e), и эта работа привлекла внимание К. Коллера, который заинтересовался анестезирующими свойствами кокаина. Я упомянул об этом применении алкалоида в своей работе, но не провел детального исследования. Я вспомнил, что наутро после того, как мне это приснилось, – до вечера у меня не было времени на толкование этого сновидения, – я размышлял о кокаине, погрузившись в некое подобие сновидения. Я думал о том, что если бы у меня обнаружили глаукому, то я бы отправился в Берлин к своему другу [Флиссу], чтобы в его доме меня прооперировал врач, которого он мне рекомендовал, и при этом остался инкогнито. Врач бы не знал, кого именно он оперирует, и он стал бы, наверное, говорить о том, как просто теперь оперировать с того момента, как стали использовать кокаин; я не подал бы и виду, что сам имею отношение к этому открытию. Потом меня посетили мысли о том, как неловко врачу обращаться за помощью к своим коллегам. Офтальмолог в Берлине со мной бы не был знаком, и я в состоянии был бы оплатить лечение у него. Именно после того, как я так замечтался наяву, мне стало понятно, какое именно событие спровоцировало эти размышления. Вскоре после открытия Коллера у моего отца обнаружили глаукому, и его друг-офтальмолог, доктор Кенигштейн, сделал ему операцию; а доктор Коллер отвечал за анестезию с помощью кокаина, заметив, что в этой операции принимают участие все, кто внес свой вклад в открытие анестезирующих свойств кокаина.

Я продолжаю вспоминать, когда же я в последний раз вспомнил об этой истории с кокаином. Это произошло несколько дней тому назад, когда я читал сборник работ студентов, выпущенный к юбилею их учителя и заведующего лабораторией. В числе прочих заслуг этой лаборатории я обнаружил, что именно в этой лаборатории Коллер открыл анестезирующие свойства кокаина. Я вдруг понимаю, что мое сновидение связано с одним из событий предыдущего вечера. Мы возвращались домой вместе с доктором Кенигштейном и вели разговор по поводу одного вопроса, который всегда вызывает у меня живой интерес. В дверях его дома к нам присоединился профессор Гертнера («*Gartner»* в переводе с немецкого языка означает «садовник») и его молодая жена. Я не удержался от комплимента, выразив восхищение их *цветущим* видом. Но профессор Гертнер был одним из авторов того сборника, о котором я только что упоминал; из-за него я, наверное, об этом сборнике и вспомнил. Про госпожу Л., об испорченном дне рождения которой я уже рассказывал, мы с доктором Кенигштейном тоже разговаривали, но речь там шла совсем не об этом.

Я попробую интерпретировать и другие элементы моего сновидения. В томике этой монографии были *засушенные экземпляры растений,* как в *гербарии.* Это напомнило мне про мои школьные годы. Директор нашей гимназии однажды собрал учеников старших классов и поручил навести порядок в гербарии нашего кабинета по ботанике. Там завелись книжные черви. Мне он не особенно доверял и потому поручил проверить лишь несколько страниц. Я до сих пор помню, что это был раздел, посвященный крестоцветным. Ботаникой я никогда особенно не интересовался. На экзамене по этому предмету я вытащил билет про крестоцветные, и я их не смог идентифицировать. Я, наверное, провалился бы, если бы меня не выручили мои теоретические познания. От крестоцветных я перехожу к сложноцветным. Артишоки, которые могу считать своими *любимыми растениями,* тоже сложноцветные. Моя жена более щедрая, чем я, и она часто покупает их для меня на рынке.

Я вижу *перед собой* мою собственную монографию. И это тоже наводит меня на мысли. Один мой друг [Флисс] прислал мне вчера письмо из Берлина, где проявил свой талант к визуализации: «Твоя книга о сновидениях страшно интересует меня, я так и вижу ее уже перед собой, мне кажется, что я даже ее перелистываю»[112]. Как я завидовал этому его дару ясновидения! Вот бы мне увидеть ее уже в напечатанном виде!

Складные цветные изображения растений. В студенческие годы я постоянно старался изучать медицину не по учебникам, а по *монографиям,* у меня в то время, несмотря на стесненные средства, было много медицинских атласов, и меня неизменно восхищали цветные *иллюстрации и схемы.* Я гордился тем, какой я старательный и добросовестный студент. Когда я сам стал публиковать свои труды, то пришлось самому рисовать таблицы, и я помню, что одна из них получилась так ужасно, что один мой коллега от души потешался надо мной. Здесь же, непонятно как, всплывает и еще одно мое раннее детское воспоминание. Мой отец для смеху отдал мне и моей старшей сестре книгу с *цветными иллюстрациями* (где речь шла о путешествии в Персию) и велел нам разорвать ее. Непонятно, из каких воспитательных соображений! Мне было тогда пять лет, а сестре три года, и этот эпизод, когда мы, дети, беззаботно распотрошили книгу (лист за листом, как артишоки, я бы сказал), был почти единственным динамичным воспоминанием тех лет. Став студентом, я полюбил собирать книги, и это стало такой же моей страстью, что и чтение монографий: моим *любимым хобби. (Любимыми* были уже цикламены и артишоки.) Я превратился в *книжного червя.* Да я всегда им и был, с тех пор как себя помню, с самого раннего детства. Но в будущем эта сцена из детства стала «фоновым воспоминанием», а потом я стал самым настоящим библиофилом[113]. Когда мне было 17 лет, я задолжал в книжном магазине и не смог расплатиться; мой отец с трудом воспринял мои оправдания, что я потратился именно на книги, а не на что-то менее достойное. Это воспоминание ранних лет юности напомнило мне о разговоре с моим другом, доктором Кенигштейном, поскольку мы обсуждали тот же самый вопрос – как я полностью отдался *своим излюбленным увлечениям.*

По некоторым причинам я не буду продолжать толкование этого сновидения, а лишь намечу его дальнейшие этапы. Разговор с д-ром Кенигшгейном подсказал мне еще одно направление для размышлений. Когда я вспоминаю, о чем мы с ним разговаривали, я начинаю понимать смысл моего сновидения. Все темы сновидения: увлечения моей жены и мои собственные, кокаин, неловкое чувство, возникающее оттого, что обращаешься за медицинской помощью к коллегам, мое увлечение монографиями и отсутствие интереса к некоторым отраслям науки, например к ботанике, – все эти темы для размышления, когда даешь им дальнейшее развитие, так или иначе возвращают меня к воспоминаниям о разговоре с доктором Кенигштейном. И снова это сновидение – как и то, про инъекцию Ирме, – приобретает оправдательный характер, защищая мои права. В нем, безусловно, развивается та тема, которая проявилась в более раннем сне, и осмысливается применительно к тому свежему материалу, который был получен в промежуток времени между двумя этими сновидениями. Похоже, что даже сама по себе нейтральная форма этого сновидения приобретает особый смысл. И он заключается вот в чем: «В конце концов, я – автор довольно ценного исследования (о кокаине), и, точно так же, как и в том первом сне, я словно говорю о себе: я – способный и прилежный студент». В обоих этих случаях я словно утверждаю: «Я имею на это право». Я не буду продолжать толкование этого сновидения, так как я лишь стремился на его примере продемонстрировать взаимоотношение сновидения и событий предыдущего дня, которые его спровоцировали. Пока я осознавал лишь *лежащее на поверхности* содержание этого сновидения, оно указывало на *одно-единственное*событие дня накануне сновидения; после же анализа нашелся и другой его источник в другом переживании того же дня. Но, продолжив анализ, я обнаружил *второй* источник сновидения, который был связан с другими событиями дня накануне. Первое из этих двух впечатлений, с которыми был связан сон, было нейтральным, второстепенным: когда я увидел книгу в витрине магазина, прочел ее заглавие, но ее содержание меня не заинтересовало. А вот второе переживание имело гораздо большее психологическое значение: я почти целый час беседовал с моим другом, хирургом-офтальмологом, в этом разговоре мы обсудили важнейший вопрос, который касался нас обоих, в связи с которым в моей памяти всплыло одно давно забытое воспоминание. Более того, этот разговор прервала встреча с нашими знакомыми.

Возникает вопрос, как же связаны оба эти впечатления прошедшего дня друг с другом и с тем, что мне приснилось в эту ночь? В лежащем на поверхности содержании сновидения содержится намек только на *нейтральное* впечатление, что, похоже, подтверждает предположение о том, что мечты в основном строятся из ничего не значащих деталей, связанных с состоянием бодрствования. Но все направления интерпретации привели меня к *важному* впечатлению, которое, по всей видимости, глубоко затронуло мои чувства. В том

смысле, в котором производится интерпретация сновидения, насколько это может быть справедливым, на основе его латентного содержания, вскрытого при его анализе, неожиданно выяснилась одна новая и неожиданная подробность. Потерял смысл вопрос о том, отчего в снах всплывают лишь бессмысленные фрагменты чего-то, пережитого в состоянии бодрствования; и теперь нельзя утверждать, что все происходящее в состоянии бодрствования не продолжает жить в снах и что поэтому сны – это чисто физиологическая деятельность, в которой задействован бессмысленный материал. Верно как раз обратное: наши мысли в сновидениях управляются тем же самым материалом, что и в состоянии бодрствования, который представлялся для нас значимым, и мы видим лишь те сновидения, которые спровоцированы нашими размышлениями в состоянии бодрствования.

Отчего же тогда, если мое сновидение было спровоцировано впечатлениями прошедшего дня, которые меня так взволновали, мне, тем не менее, приснилось что-то совершенно другое? Без сомнения, самое очевидное объяснение заключается в том, что здесь мы снова сталкиваемся с феноменом искажения в сновидении, которое я в предыдущей главе связал с психическими силами, которые устанавливают цензурные ограничения. Мое воспоминание о монографии про цикламен, которую я увидел в витрине, просто должно было *навести меня на воспоминания* о моем разговоре с коллегой, – как в сновидении о несостоявшемся званом ужине, когда вместо подруги женщине снится «копченая лососина». Остается только восполнить недостающие логические звенья в моих рассуждениях, благодаря которым образ монографии обретает связь с моим разговором с коллегой: потому что пока не прослеживается их явной взаимосвязи. В примере о несостоявшемся ужине взаимосвязь более очевидна; поскольку «копченая лососина» – это любимое блюдо подруги, то оно относится непосредственно к тем ассоциациям, которые связаны с подругой у дамы, которой снится этот сон. В последнем примере речь идет о двух впечатлениях, которые не связаны между собой, их объединяет лишь то, что они произошли в один и тот же день: утром мне попалась на глаза монография, а вечером состоялся тот разговор с другом. В ходе анализа удалось установить следующее: подобного рода связи, если они не очевидны на первый взгляд, сплетаются друг с другом ретроспективно в области содержания идей первого и второго впечатления. Я уже привлек внимание читателя к связующим элементам этого сновидения и впечатлений, которые его породили, выделяя курсивом некоторые слова в ходе анализа. Если бы у меня не возникло других ассоциаций, то мысль о цикламенах в монографии возникла бы у меня лишь в связи с тем, что это любимые цветы моей жены, и, возможно, навело бы меня на мысль о госпоже Л., которой забыли подарить букет на день рождения. Но, как говорится в «Гамлете»:

Не стоит призраку вставать из гроба,
Чтоб это нам поведать[114].

Но вот какая штука! – выполняя анализ этого сновидения, я вдруг вспоминаю о том, что фамилия человека, нарушившего наш разговор, была *Гертнер* (что переводится с немецкого языка как «садовник». – *Примеч. пер.)* и что я отметил, какой *цветущий* вид у его жены; сейчас я вспоминаю, что мы обсуждали одну из моих пациенток с красивым именем Флора. Нет сомнений, что именно эти связующие звенья из области ботаники связали оба переживания в течение дня накануне сновидения, и нейтральное, и значительное. Было и еще нечто общее – кокаин, воспоминание о котором наводит меня на мысли о докторе Кенигштейне и о моей монографии по ботанике, объединяя одну идею с другой, потому что один элемент первого переживания может теперь наводить на мысли о втором.

Это объяснение может быть воспринято как произвольное или даже искусственное, и я к этому готов. Можно спросить, что бы произошло, если бы вдруг к нам не подошел профессор Гертнер со своей цветущей супругой и если бы мою пациентку звали не Флора, а Анна? Ответ прост. Если бы не было этих связующих звеньев, то сновидение нашло бы другие. Такие логические цепочки построить очень легко, как это доказывают шуточные вопросы и загадки, которые люди часто придумывают для забавы. Шутки неисчерпаемы. Или, продолжая рассуждения на эту тему: если бы между обоими впечатлениями в состоянии бодрствования не было бы достаточно связующих звеньев, то и сновидение приняло бы иную форму: другие нейтральные впечатления дня, которых всегда бывает целое множество и о которых мы всегда

забываем, появились бы в сновидении вместо «монографии», соединились бы с содержанием разговора и заняли бы ее место в сновидении. Поскольку именно монография проникла в сновидение, а не что-то другое, значит, именно она больше всего подходила для установления этой логической связи. Не будем же мы, подобно Генсену Шлау – персонажу Лессинга, удивляться «что только у богатых больше всего денег»[115].

Психологический процесс, с помощью которого, по нашему мнению, нейтральное события переплетаются с теми, которые важны с психологической точки зрения, должен казаться нам весьма странным и непонятным. Впоследствии мы постараемся разъяснить особенности этой на первый взгляд нелогичной операции (глава VI, раздел В). В данный момент нам интересен лишь *результат*этого процесса, в реальности которого я убедился, проводя наблюдения и анализ сновидений. Происходящее напоминает своеобразное смещение – физиологический акцент, так сказать, – с помощью промежуточных связующих элементов, и так идеи, которые были очень *слабо* выражены, побеждают те идеи, которые поначалу проявлялись более интенсивно, и в последний момент они приобретают *такую силу*[116], что проникают в сознание человека. Такие смещения не вызывают у нас удивления, когда речь идет о количественных изменениях *аффектов* или в целом моторной активности. Когда старая дева отдает свою любовь животным, когда старый холостяк становится страстным коллекционером, когда солдат проливает кровь за кусок яркой материи под названием знамя или когда Отелло приходит в ярость при виде потерянного носового платка Дездемоны, – все это примеры психического смещения, и это не вызывает у нас протеста. Но когда мы слышим о том, что именно таким образом какое-то решение пытается достичь нашего сознания или что пытается остаться вне его, – короче говоря, речь идет о том, что мы должны *подумать,* – и этот процесс происходит по такой же схеме и подчиняется таким же принципам, нам это отчего-то кажется патологией, и, если подобное происходит наяву, мы считаем, что чего-то не поняли. Заранее скажу, предваряя те выводы, к которым мы придем, что психический процесс, который мы выявили при смещении, которое проявляется в сновидениях, хотя не представляет собой патологического явления, но все же является отклонением от нормальной душевной деятельности, и его следует рассматривать как явление из области *первичных* процессов (см. далее, глава VII, раздел Е).

Итак, обстоятельство, что в сновидении в остаточном состоянии сохраняются фрагменты тривиальных событий, может объясняться тем, что во сне присутствует искажение содержания (за счет смещения); и мы можем вспомнить про сделанный нами вывод о том, что искажение в сновидениях является продуктом воздействия цензорской функции одной движущей психической силы на другую. Можно предвидеть, что анализ сновидения будет постоянно находить новые подтверждения их истинному, значимому источнику для психики из области бодрствования, хотя воспоминания человека смещены с их истинного источника на другой, нейтральный. Подобное объяснение полностью противоречит теории Роберта, и потому она становится для нас совершенно бесполезной, поскольку Роберт дает объяснения тому, чего не существует в действительности. Его точка зрения основана на ложном представлении, и он не в состоянии заменить *видимое* содержание сновидений их *реальным* значением. Против теории Роберта можно выдвинуть еще одно возражение. Если бы роль сновидений заключалась в том, чтобы освобождать нашу память от «отбросов» дневных воспоминаний с помощью особой психической деятельности, то во сне наше сознание работало бы гораздо более напряженно и испытывало бы большую психологическую нагрузку, чем в состоянии бодрствования. Поскольку наша память нуждается в защите от огромного количества различных, не существенных для нее впечатлений: целой ночи не хватит, чтобы переработать этот огромный поток. Гораздо более вероятно, что процесс забывания о несущественных впечатлениях развивается без значительного воздействия на него наших психических сил.

Тем не менее не следует поспешно отбрасывать идеи Роберта, не уделив им достаточного внимания. Мы все еще не объяснили, отчего несущественные впечатления, проникшие в сны из прожитого накануне дня, а одно даже произошедшее задолго до дня накануне сновидения, постоянно оказывают влияние на содержание сновидения. Связь между этим впечатлением и подлинным источником сновидения в области бессознательного не всегда лежит на поверхности; как мы уже убедились, их можно выявить лишь при ретроспективном анализе, рассматривая происходящее в сновидении[117] таким образом, чтобы, так сказать, продемонстрировать выполнимость подобного смещения. Поэтому должна существовать некая сила, которая

заставляет устанавливать связи именно с недавним, хотя и не существенным, нейтральным впечатлением; и такое впечатление должно обладать качествами, благодаря которым эта цель может быть достигнута. Потому что, в противном случае, мысли, возникающие в сновидении, вполне могут быть нацелены на какой-то несущественный компонент в *их собственном* круговороте идей.

Следующие наблюдения помогут нам внести ясность в этот вопрос. Если в течение одного и того же дня с нами происходят одно или два события, которые смогут спровоцировать сновидение, то в этом сновидении они могут слиться воедино; они *непременно должны объединиться.* Вот пример этому. Однажды летним днем я вошел в купе, где сидели двое моих знакомых, которые друг с другом знакомы не были. Один из них был моим выдающимся коллегой – врачом, а другой был из уважаемой семьи, с которой у меня были профессиональные отношения. Я познакомил этих уважаемых людей друг с другом, но всю дорогу они общались друг с другом, обращаясь ко мне в качестве посредника, так что мне пришлось каждую из возникавших тем разговора обсуждать дважды, сначала – с одним, а потом – с другим. Я попросил моего коллегу посодействовать одному нашему общему знакомому, который только начинал работать врачом. Мой коллега на это ответил, что он не сомневается в высоком профессионализме этого молодого врача, но из-за его простоватой внешности он не сможет добиться успеха в работе с пациентами из высших слоев общества, а я на это ответил, что как раз потому и прошу помочь ему. Повернувшись к моему другому попутчику, я осведомился о здоровье его тетушки – матери моих пациентов, – которая тогда была серьезно больна и прикована к постели. Когда наступила ночь, то, лежа в купе, я увидел во сне, что мой молодой коллега, о котором я хлопотал, сидит в роскошной гостиной в окружении лучших представителей общества, среди которых много моих знакомых, держится с непринужденностью, свойственной сильным мира сего, и произносит траурную речь на похоронах той самой дамы (которая в моем сне, как я понимаю, умерла), тетушки моего попутчика. Вот так в моем сновидении снова соединились, в одной и той же ситуации, ассоциации и впечатления минувшего дня.

Многие подобные ситуации убеждают меня, что в том, что происходит во сне, какая-то мощная сила объединяет все источники, которые послужили стимулами для возникновения этого сновидения[118].

Теперь я перейду к рассмотрению вопроса о том, обязательно ли движущая сила формирования сновидения, которая выявляется во время анализа, должна быть связана с недавним (и существенным) событием, или она обусловлена каким-то внутренним переживанием, то есть воспоминанием о том событии, которое было важно для психической сферы спящего, – своеобразным ходом его мыслей, – и может ли она являться стимулом для этого сновидения. Мой ответ, который был получен, опираясь на данные множества проанализированных сновидений, безусловно – в пользу второго варианта. Сновидение может быть спровоцировано внутренним процессом, который, так сказать, и становится этим недавним событием, из-за того, о чем размышлял человек накануне посетившего его сновидения.

Похоже, настал подходящий момент для четкой формулировки различных условий, при которых мы вскрываем источники сновидений. Источником сновидения могут быть:

а) недавнее психологически значимое событие, которое непосредственно наблюдается в сновидении[119] или

б) несколько недавних, значимых для спящего событий, которые во сне сливаются воедино[120],

в) несколько недавних и значимых событий, которые представлены в содержании сновидения, когда в нем всплывает упоминание о происходящем в данный момент, но нейтральном и не существенном событии[121] или

г) какое-то внутреннее, значимое для спящего переживание (например, воспоминание или цепь мыслей), которое тогда обязательно представлено в сновидении как образ недавних, но не существенных впечатлений[122].

Мы вскоре убедимся в том, что при интерпретации сновидений всегда выполняется одно условие: один компонент содержания сновидения воспроизводит какое-то недавнее впечатление дня накануне сновидения. Оно может касаться или тех идей, которые сгруппированы вокруг непосредственного стимула сновидения – как его основная или не существенная часть, – или

могут отсылать нас к тем незначительным впечатлениям, которые стали связаны с более или менее многочисленными идеями-связками, непосредственно сгруппированными вокруг стимула сновидения. Внешнее разнообразие условий, которые управляют сновидением, фактически просто зависит от двух вариантов развития событий: произошло смещение или нет; и следует обратить внимание на то, что эти варианты позволяют нам объяснить весь спектр различий между разными сновидениями с такой же легкостью, с которой это можно сделать на основании медицинской теории об этапах частичного или полного пробуждения клеток мозга (см. выше).

Далее мы убедимся, если будем рассматривать эти четыре условия, что значимые для психики, но не относящиеся к недавнему времени элементы (последовательность мыслей или воспоминание) при формировании сновидения могут вытесняться недавним, но психологически нейтральным элементом, но в таком случае должны соблюдаться два условия: (1) содержание сновидения должно быть связано с недавними событиями; (2) источник сновидения должен представлять собой психически ценное переживание. Лишь в случае (а) обоим условиям соответствует одно и то же впечатление. Более того, необходимо отметить, что нейтральные впечатления, которые выступают в качестве материала для сновидения, пока они соответствуют недавним событиям, теряют это свойство через несколько дней. Из этого можно сделать вывод, что свежесть впечатления придает им ту самую психическую ценность, которая необходима для формирования сновидений, которые некоторым образом соответствуют эмоционально окрашенным воспоминаниям или последовательности мыслей того, кому снится сон. В чем именно заключается ценность этих недавних впечатлений, благодаря которым они могут устанавливать связи со сновидениями и служить для них материалом, станет очевидно лишь в процессе дальнейшего обсуждения их психологических аспектов[123].

В связи с этим обратим внимание на то, что, кроме этого, ночью все наши воспоминания и мысли выходят из-под контроля нашего сознания. Нам часто советуют не торопиться и отложить решение какого-то важного вопроса до утра, по пословице: «Утро вечера мудренее», безусловно, и это правильно. Но здесь мы уже рассуждаем о психологии сна, а не о психологии сновидений, и у нас еще много раз возникнет подобное желание[124].

Но все эти выводы могут встретить одно серьезное возражение: если нейтральные и не существенные впечатления могут проникнуть в сновидения, только пока они связаны с недавними событиями, откуда же берутся в сновидении элементы из прошлого человека, которые в тот момент – как утверждает Штрюмпель (Strümpell, 1877) – не были для человека значимы и должны были быть давно забыты, – то есть такие фрагменты сновидения, которые и не связаны с недавними событиями, и больше не актуальны?

Можно полностью опровергнуть это возражение, если обратиться к тому, что было выявлено в результате психоанализа у пациентов, страдающих неврозами. Дело в том, что процесс смещения, во время которого психически значимый материал вытесняется материалом нейтральным (как в сновидении, так и в мышлении), в этих случаях уже состоялся в тот, предыдущий, период жизни и с тех пор зафиксировался в памяти. Те элементы, которые вначале не имели значения, теперь его обретают, с того момента, как возрастает ценность (за счет процесса смещения) психологически значимого материала. В сновидении не сохраняется ничего такого, что не имело бы *на самом деле*никакой ценности.

Из всего этого читатель может справедливо сделать вывод, что я утверждаю следующее: не бывает незначимых источников сновидения, а следовательно, и «невинных» сновидений тоже не бывает. Это и есть, в прямом и самом категоричном смысле, мое мнение на этот счет, но это не касается детских сновидений и, возможно, того, что снится человеку под воздействием кратких реакций на какие-то ощущения в его теле, которые он ощущает ночью. Кроме того, все, что снится человеку, либо обладает очевидной психической ценностью, либо подвергается искажению и становится доступным пониманию лишь в результате психоанализа, в котором выявляется его значение. В сновидениях пустяков не бывает; мы не позволяем незначительным мелочам тревожить наш сон[125]. Сновидения, которые на первый взгляд кажутся невинными, производят прямо противоположное впечатление после их толкования; это «волки в овечьей шкуре». Поскольку и это мнение может вызвать возражения и поскольку я рад возможности проиллюстрировать на примере, как происходит искажение в сновидении, я познакомлю вас с анализом нескольких таких, на первый взгляд «невинных» сновидений.

I

Благоразумная и воспитанная молодая дама, сдержанная и не склонная к экзальтации, рассказывает вот про какой сон: *«Мне снится, что я прихожу на базар слишком поздно и потому у мясника, у женщины, торгующей овощами, все уже распродано».* Конечно, это сновидение кажется невинным, но все не так просто, поэтому я прошу рассказать о нем подробнее. Тогда она рассказывает мне вот что. *Она идет на базар со своей кухаркой, которая несет корзину для покупок. Она что-то хочет купить у мясника, который говорит ей: «Я все распродал» и хочет дать ей что-то другое, замечая: «Это тоже хорошее». Она отказывается и идет к продавщице, торгующей овощами. Та предлагает ей какие-то странные овощи черного цвета, связанные в пучки. Дама говорит: «Я не знаю, что это, я это не возьму».*

Связь сновидения с дневными переживаниями очевидна. Она и правда пошла на базар очень поздно, и все было распродано. Мясная лавка была уже закрыта, так говорят. Тут мне вспомнился один оборот речи, который – или, вернее говоря, противоположность которого – употребляется, чтобы указать на неприличную неопрятность определенного сорта в одежде мужчины[126]. Но эта дама подобных слов не произносила, возможно, она старалась их не использовать. Проведем толкование деталей этого сновидения.

Прямая речь в сновидении, то есть когда кто-то что-то говорит или слышит, а не просто думает (а одно в большинстве случаев можно с уверенностью отличить от другого), обусловлено тем, что произносится вслух в состоянии бодрствования, – хотя, конечно, используется как сырой материал для сновидения, разбивается на части и слегка видоизменяется и, что особенно важно, отрывается от исходного контекста[127]. Можно продолжать толкование сновидения, начиная с таких разговоров. Отчего мясник сказал: «Я все распродал»? Это я сам подсказал такую мысль. Несколько дней назад я объяснил этой даме, что самых ранних детских переживаний как таковых больше не существует, но в анализе вместо них появляются «переносы» и сновидения[128]. Следовательно, это у меня, как у мясника, чего-то не было и она отвергает перенос в свое настоящее своего старого привычного мышления и прежних чувств. Откуда в сновидении ее слова: «Я не знаю, что это, я это не возьму». Для проведения анализа эту фразу нужно разбить на несколько частей. «Я не знаю, что это», – сказала она сама за день до этого сновидения своей кухарке, с которой она спорила, и тогда же она прибавила: *«Ведите себя прилично!»* Здесь явно присутствует смещение. Из двух предложений, которые она произнесла в разговоре со своей кухаркой, в сновидении она воспроизвела то из них, которое не имеет никакого значения; а подавленное предложение «Ведите себя прилично» согласуется с остальным содержанием сновидения. Так можно было бы сказать каждому, кто требует чего-то неприличного и кто «забывает закрыть свою мясную лавку». Созвучность с намеками, содержащимися в приключении с продавщицей овощей, указывает на то, что мы действительно напали на верный след в толковании. Овощ, который в ее сновидении продавался в пучках (продолговатый, как она сказала), представляет собой нечто другое: это может быть и спаржа, и черная редька (Rettig), образы которых, объединенные в сновидении, совпали. Элемент «спаржа» (Spargel) настолько понятен, что я не считаю нужным толковать его, но и другой овощ – в виде возгласа: «Schwarzer Rettdich» [черная редька] может напомнить возглас «Schwarzer, rett dich!» (Черный! Беги!)[129]. И он указывает, как мне кажется, на сексуальный подтекст, о котором мы подозревали с самого начала, когда применили к рассказу о сновидении грубую фразу про закрытую мясную лавку. В данный момент нас не интересует смысл этого сновидения полностью; нам достаточно того, что оно остроумно и отнюдь не невинно[130].

II

Вот другое невинное сновидение, которое посетило эту пациентку, в некотором смысле полностью противоположное первому. *Муж спрашивает у нее: «Не пора ли настроить фортепиано?» Она отвечает: «Незачем, надо сначала отремонтировать молоточки».*

Это сновидение тоже связано с событиями дня накануне. Муж действительно задавал ей такой вопрос, и она ему примерно так и ответила. Но почему ей это приснилось? Она рассказала мне, что это фортепиано – *мерзкий* старый *ящик,* который издает *гадкие звуки,* что оно было у мужа еще до того, как они поженились[131], и т. д. Но ключевая фраза – *«Незачем».* Эти слова

связаны с ее вчерашней встречей с подругой. Там ее попросили снять пальто, но она отказалась: «Благодарю вас, *незачем,* я только на минутку». И я вспомнил, что, когда она рассказывала мне об этом вчера во время психоаналитического сеанса, то вдруг неожиданно схватилась за пальто, у которого расстегнулась пуговица; словно хотела сказать: «Пожалуйста, не смотрите, *незачем».* И вот уже ящик (Kasten) превращается в грудную клетку (Brustkasten), и толкование сновидения приводит нас в прошлое, к ее вступлению в пубертатный возраст, когда она была недовольна своим телом. Мы навряд ли можем сомневаться в том, что оно ведет нас еще к более ранним дням ее жизни, если мы обратим внимание на элементы *«мерзкий»* и *«гадкие звуки»* и вспомним о том, как часто, в двусмысленных выражениях и в снах, упоминают о маленьких округлостях женского тела вместо больших округлостей.

III

Отвлечемся от сновидений этой пациентки и обратимся к небольшому невинному сновидению одного молодого человека. *Ему приснилось, что он снова надевает свое зимнее пальто, и это ужасно.* Это сновидение посетило его в связи с тем, что вдруг ударил мороз. Но при более пристальном рассмотрении этого сновидения мы замечаем, что обе части его не совсем соответствуют друг другу. Что такого «ужасного» в том, что человек зимой надевает теплое пальто? Более того, это сновидение перестает казаться таким невинным при первой же ассоциации, которая возникла у пациента во время психоанализа. Накануне одна дама откровенно рассказала ему, что ее последний ребенок появился на свет оттого, что порвался презерватив. Здесь он смог восстановить логику своих мыслей. Тонкий презерватив был опасен, а толстый – плох. Презерватив, что логично, напоминает пальто, его тоже надевают. Неприятность, про которую ему рассказала эта дама, для него, неженатого мужчины, действительно была бы «ужасным» событием.

А теперь давайте вернемся к нашей знакомой даме, которой снятся невинные сны.

IV

Она ставит свечу в подсвечник, но та ломается и как следует установить ее не получается. Одноклассницы дразнят ее, что она криворукая, но учительница говорит, что она не виновата.

Вот снова повод связать сон и реальное происшествие. Она действительно вставляла вчера в подсвечник свечу, но эта свеча не поломалась. Символика этого сна лежит на поверхности. Свеча – это предмет, который может вызвать возбуждение женских половых органов; если она сломана и не держится хорошо, то это символизирует, что муж – импотент *(«она не виновата»).* Но откуда этой хорошо воспитанной, утонченной молодой даме может прийти в голову, что свечу можно использовать в таком качестве? Она случайно объяснила, откуда. Когда она каталась на лодке по Рейну, мимо проплывала другая, в которой сидели студенты и распевали во все горло непристойную песню:

Когда шведская королева,
За закрытыми ставнями… та-та-там…
Аполлоновой свечой…

Последнего слова она не расслышала или не поняла и попросила мужа объяснить, что это за слово. Эта песня заменилась в сновидении невинным воспоминанием о поручении, которое она так неловко выполнила однажды в пансионе; ставни в тот день как раз были закрыты. Связь темы онанизма с импотенцией достаточно ясна. «Аполлон»[132] в скрытом содержании сновидения связывает это сновидение с прежним сновидением, в котором была речь о девственной Палладе. Сновидение получается совсем не невинное.

V

Чтобы не делать слишком поспешных выводов о том, как именно сны связаны с реальной жизнью человека, я приведу здесь в пример еще одно сновидение этой пациентки, которое тоже

поначалу кажется невинным. *Мне снилось, – рассказывает она, – что я положила в сундук так много книг, что он не закрывается, и мне приснилось именно то, что произошло в действительности.* Здесь пациентка сама обращает внимание на совпадение сновидения с реальной жизнью. Все подобные суждения о сновидении и относящиеся к ним комментарии, хотя и обусловлены тем, что происходило в состоянии бодрствования, обязательно встраиваются в латентное, на первый взгляд не доступное пониманию содержание сновидения. Итак, нам говорят, что человеку приснилось именно то, что произошло с ним накануне. Подробные объяснения о том, как я додумался до этого, заняли бы у нас слишком много времени, но мне пришло в голову при толковании этого сновидения кое-что из английского языка. Скажем так, здесь снова идет речь о маленьком ящике (см. описание сновидения о мертвом ребенке в коробке выше), который так забит содержимым, что туда больше ничего не входит. Ничего такого страшного на этот раз.

Во всех этих, так сказать, «невинных» сновидениях цензуре подвергается именно их сексуальный компонент. Это чрезвычайно важный вопрос, который мы пока обсуждать не будем.

Б. Детские впечатления как источник материала для сновидений

Как и любой исследователь этой темы, за исключением Роберта, в качестве третьей характеристики содержания сновидений я указываю впечатления первых лет жизни человека, которые не проникают в его память в состоянии бодрствования. Естественно, довольно сложно определить, насколько часто такое происходит, поскольку после пробуждения установить источники таких элементов сновидения очень сложно. Доказательство того, что речь идет именно о детских впечатлениях, нужно выявить с помощью свидетельств извне, и для этого редко представляется возможность. Особенно показательной в этом отношении представляется рассказанная Мори история одного человека, который решил после 20-летнего отсутствия вернуться в свои родные места. В ночь накануне этой поездки ему приснилось, что он находится в незнакомом городе и встречает на улице незнакомого господина, с которым вступает в разговор. Приехав на родину, он убеждается, что эта улица находится неподалеку от того дома, где он провел детство, а незнакомый господин из сновидения оказался живущим там другом его умершего отца, и этот человек до сих пор там и жил. Это убедительно доказывает, что и улицу, и этого человека он помнит с детства. Это сновидение относится к категории «сновидений нетерпения», как и то, что приснилось девушке с билетом на концерт в кармане, или в сновидении ребенка, отец которого обещал съездить с ним в Гамо, и тому подобных сновидений. Мотивы, из-за которых это впечатление детства проникло в сновидение, безусловно, могут быть выявлены посредством подробного анализа.

Один из слушателей моих лекций, который гордо заявлял о том, что его сновидения редко подвергались процессу искажения, сообщил мне, что ему недавно приснилось, будто *его бывший учитель лежит в постели с его няней,* жившей у них в доме, пока рассказчику этого сновидения не исполнилось одиннадцати лет. Во сне он ясно видел, где именно это происходило. Ему стало интересно, откуда взялся такой сон, он рассказал о нем своему старшему брату, который, смеясь, подтвердил ему, что все так и было. Ему в то время было шесть лет. Любовники обычно поили старшего мальчика пивом, чтобы тот опьянел, когда у них возникала возможность провести ночь вместе. А младший мальчик (кому, когда он стал взрослым, приснился этот сон), которому в то время было три года, спавший в комнате бонны, был не в счет.

Есть еще один способ, с помощью которого можно, даже не полагаясь на толкование сновидения, прийти к выводу, что оно содержит фрагменты детских воспоминаний, – если сновидение носит повторяющийся характер, когда то, что сначала приснилось человеку в детстве, продолжает ему сниться и в будущем[133]. К подобным примерам я могу добавить еще несколько снов, о которых мне рассказали мои пациенты, хотя лично мне такие повторяющиеся сновидения, насколько я помню, не снились. Один тридцатилетний врач рассказал мне, что с детства и до настоящего времени часто видит во сне какого-то желтого льва; он может до малейших деталей описать, как тот выглядит. Этот лев из его сновидений однажды нашелся «во плоти», оказалось, что это фарфоровая статуэтка, и мать пациента рассказала ему, что в детстве он очень любил играть с этим львом, а потом совсем забыл об этом[134].

Если мы теперь перейдем от явного содержания сновидений к тем мыслям в них, которые можно выявить лишь посредством анализа, то с удивлением обнаружим, что детские впечатления играют важную роль даже в тех сновидениях, связь которых с детством человека поначалу в голову не приходит. Моему уважаемому коллеге, которому снился «желтый лев», я обязан чрезвычайно ярким примером такого сновидения. После того как он прочел книгу Нансена о путешествии на полюс, ему приснилось, что он находится в зимних льдах и лечит этого отважного путешественника от ишиаса гальваническим методом электростимуляции. Во время анализа этого сновидения ему вспомнился один эпизод из его детства, без которого это сновидение так и осталось бы непонятным. Когда ему было три или четыре года, он однажды с любопытством слушал, как взрослые рассказывали о полярных экспедициях: он спросил отца, тяжелая ли это болезнь – «экспедиция». Он, должно быть, перепутал слова «Reisen» («путешествие») и «ReiBen» («боль»). Его братья и сестры постоянно потешались над ним из-за этого неловкого случая, так что он об этом уж точно не забыл.

То же самое происходит и в процессе моего анализа сновидения о «монографии, посвященной цикламену», когда я мысленно «споткнулся» об эпизод из моего детства, где отец отдал мне, пятилетнему мальчику, книгу с картинками, чтобы я ее разорвал. Возможно, вызывает сомнение, оказало ли это воспоминание какое-то влияние на ту форму, в которую облеклось содержание сновидения, или оно просто пришло мне в голову во время процесса анализа. Но разнообразные ассоциации между его элементами свидетельствуют о том, что справедливо мое первое предположение: цикламен – любимый цветок – любимое кушанье – артишоки – разрывание лист за листом, как артишоки (такое выражение используют, обсуждая разрушение Китайской империи), – гербарий – книжный червь, который любит питаться книгами. Более того, я хочу заверить моих читателей, что глубокий смысл сновидения, о котором я решил ничего не рассказывать, непосредственно связан с содержанием этого эпизода из моего детства.

Что касается другой группы сновидений, то анализ доказывает, что желание, которое спровоцировало сновидение и в нем сбылось, связано с воспоминаниями детства; и вот, к нашему удивлению, мы обнаруживаем, что в этом сновидении *продолжают жить ребенок и его детские импульсы.*

Обратимся здесь к толкованию сновидения, из которого мы уже однажды сделали один ценный вывод, про то, что мой друг и коллега Р. – это мой дядя (см. выше). Толкование доказало нам, что в основе этого сновидения лежит явное желание быть назначенным профессором; нежные чувства, проявленные в сновидении к коллеге Р., мы объяснили моим протестом против унижения и оскорбления, которое нанесли обоим моим коллегам, что отразилось в мыслях во время сновидения. Так как это снилось мне, то я могу продолжить анализ, сказав, что отнюдь не был удовлетворен полученной интерпретацией. Я знал, что мое суждение о коллегах в этом сновидении на самом деле было совершенно иным; желание не разделить их судьбу в том, что касается присвоения профессорского звания, казалось мне чересчур незначительным, чтобы оно могло обосновать противоречие между моим мнением об этих коллегах в состоянии бодрствования и в сновидении. Если мое стремление получить это звание настолько сильно, то оно свидетельствует о болезненном честолюбии, которое мне не свойственно. Не знаю, что бы сказали по этому поводу мои друзья и знакомые; может быть, я и правда честолюбив; но если бы это было так, то мое честолюбие давно уже обратилось бы на другие объекты, а не на должность *внештатного профессора.*

Откуда же это честолюбие, которое проявилось в этом сновидении? Я вспоминаю одну историю. В детстве мне часто рассказывали, что, когда я родился, какая-то старуха-крестьянка предсказала моей матери, что ее первенец станет великим человеком. Таких предсказаний не счесть; на свете так много матерей, которые надеются на лучшее для своих детей, и так много старых крестьянок и других старых женщин, которые уже утратили власть над настоящим и потому мыслями устремились в будущее! А прорицательнице от ее слов будет только лучше. Может быть, в этом источник моего честолюбия? Но я вспомнил еще об одном событии конца моего детства, которое, пожалуй, звучит еще правдоподобнее. Когда мне было одиннадцать или двенадцать лет, родители взяли меня, как обычно, в ресторан знаменитого парка Пратер. Там один человек ходил от стола к столу и за небольшой гонорар импровизировал стихотворения на тему, которую ему подсказывали посетители. Родители послали меня пригласить импровизатора к нашему столу; он оказался благодарным. Прежде чем его успели попросить о чем-нибудь, он

посвятил мне несколько рифм и даже предрек мне, что я стану когда-нибудь «министром». Впечатление от этого второго пророчества я очень ярко помню. Это было время «бюргерского» министерства[135]; отец незадолго до этого события принес домой портреты новых министров, представителей среднего класса – Гербста, Гискра, Унгера, Бергера и всех остальных, и мы устроили в их честь иллюминацию в доме. Среди них даже были евреи. Так что все талантливые еврейские мальчики уже грезили министерским портфелем. Именно эти события побудили меня готовиться к поступлению на юридический факультет, и лишь в последний момент я передумал. Врач вообще не может стать министром. Но я вновь возвращаюсь к своему сновидению. Я начинаю понимать, что оно перенесло меня из печального настоящего в полное надежд время бюргерского министерства и воплотило мое желание тех лет. Оскорбив обоих своих уважаемых коллег лишь за то, что они евреи, и одного увидев во сне «дураком», а другого – «преступником», я попросту занял во сне министерское кресло. Что за месть его превосходительству! Он отказывается назначить меня внештатным профессором, а я за это занимаю в сновидении его кресло[136].

В другом сновидении стало очевидно, что желание, которое его спровоцировало, хотя и относилось к настоящему времени, тем не менее корнями уходило в воспоминания детства. Мне вспомнились многочисленные сновидения, где мне хочется поехать в Рим. Мне еще долго придется видеть это лишь во сне, потому что в то время года, когда я могу туда поехать, пребывание в Риме вредно для моего здоровья[137]. Однажды мне приснилось, что из окна вагона я вижу реку Тибр и мост Понте Сант-Анжело. Поезд трогается, и я понимаю, что так и не видел города. Вид в сновидении напоминал известную гравюру, которую я увидел накануне этого сновидения в гостиной одной моей пациентки. В другой раз мне снится, будто я поднимаюсь на гору вслед за каким-то человеком, который показывает мне Рим, окутанный туманом: город так далеко от меня, что я удивляюсь, как хорошо все вижу. Мне приснилось и еще кое-что, о чем я умолчу; но тема желанного для меня города там явно присутствовала. Город, так окутанный туманом, который я впервые увидел, – это Любек. Гора похожа на другую, Глейхенберге (по-немецки Berg – гора). В третьем сновидении я наконец оказался в Риме; но я был разочарован, потому что вместо города мне открылся деревенский пейзаж, на городской совсем не похожий. *Там была речушка с темной водой: на одном берегу – черная скала, на другом – луга, поросшие крупными белыми цветами. Я заметил какого-то господина Цукера (с которым немного знаком) и собираюсь спросить у него, как пройти в город.* Понятно, что я не смогу увидеть в сновидении город, которого не видел в реальной жизни. Но если проанализировать отдельные элементы этого сновидения, то можно вспомнить, что такие белые цветы я видел в Равенне, которая в давние времена была объявлена столицей вместо Рима. В болотах в окрестностях Равенны мы обнаружили в черной воде потрясающие водяные лилии; поскольку мы с таким трудом выдирали их из воды, в моем сне они росли на лугах, как нарциссы на нашем родном Аусзее. Темная скала на берегу весьма напоминала долину Тепль близ Карлсбада. *«Карлсбад»* помог мне объяснить, отчего я спрашиваю господина Цукера, как пройти в город. В мое сновидение вплелись два забавных еврейских анекдота, по-житейски мудрых и печальных, которые мы так охотно цитируем в разговорах и в письмах[138]. Вот первый из них, о конституции, то есть о здоровье. Один бедный еврей сел без билета в скорый поезд, который направлялся в Карлсбад; на каждой станции его высаживали и, наконец, на одной, встретив знакомого, который спросил его, куда он едет, он ему ответил: «Если моя конституция выдержит, – то в *Карлсбад»*. Мне приходит на память еще один анекдот о еврее, который не говорил по-французски и приехал в Париж, где ему нужно было узнать, как попасть на улицу Ришелье. Я долго мечтал поехать в Париж и, ступив на его мощеные улочки, пережил такое счастье, что это показалось мне добрым знаком – что и другие мои заветные мечты сбудутся. «Спросить, как пройти» – наводит на мысли о Риме, поскольку все дороги ведут в Рим. А фамилия Цукер (сахар) это намек на Карлсбад, куда мы рекомендуем отправиться на лечение всем больным, которые страдают конституциональной болезнью – диабетом. Это приснилось мне после того, как мой берлинский друг предложил отпраздновать Пасху в Праге – нам предстояло с ним выяснить некоторые вопросы относительно сахара (Zucker) и диабета[139].

Четвертое сновидение, которое мне приснилось вскоре после третьего, снова перенесло меня в Рим. Мне снится, что я стою на углу улицы и удивляюсь, как там много расклеенных немецких плакатов[140]. Накануне, словно предвидя будущее, я заметил в письме моему другу, что немцу

гулять по Праге может быть неприятно. Итак, в моем сновидении отражается и мое желание встретиться с ним в Риме, а не в столице Богемии, и желание времен моей студенческой молодости, чтобы в Праге относились с большей терпимостью к немецкому языку. Кстати, в раннем детстве я немного понимал чешский язык, потому что я родился в маленьком городке в Моравии, где жило много славян. До сих пор помню один детский стишок и могу прочесть его наизусть, хотя не понимаю, о чем он. Итак, и эти сны прочно связаны с впечатлениями моего раннего детства.

Во время моего последнего путешествия в Италию, когда я проезжал и мимо озера Транзимено, я увидел Тибр, и – после того, как мне, к сожалению, пришлось вернуться обратно, не доехав восьмидесяти километров до Рима, – я смог установить, как именно страстное желание увидеть вечный город усилилось в моих сновидениях впечатлениями, связанными с моей юностью. Я планировал в будущем году поехать в Неаполь в обход Рима, и мне неожиданно вспомнилась фраза, которую я прочел у кого-то из наших классиков: «Кто же из них бегал с большим нетерпением по комнате, решив поехать в Рим, – вице-президент Винкельман или полководец Ганнибал?»

Я последовал за Ганнибалом, как и ему, мне не суждено было увидеть Рим, он также отправился в Кампанью в то время, как весь мир ожидал его в Риме. Но Ганнибал, которому я во всем стремился подражать, в детстве был для меня кумиром; когда я читал о Пунических войнах, мои симпатии, как и у многих юношей, были не на стороне римлян, а на стороне карфагенян. Когда потом в старших классах я стал понимать, что такое быть инородцем, и когда антисемитизм моих одноклассников заставил меня окончательно осознать мои убеждения, мое уважение к этому семитскому полководцу только выросло. В моих юношеских мыслях Ганнибал и Рим воплощали собой противоречие между стремлением евреев выжить и организацией католической церкви. И чем больше я понимал, какое влияние оказывает антисемитизм на наши чувства, тем больше укоренялись во мне мысли и эмоции тех дней. Вот и желание поехать в Рим стало таинственной темой моих сновидений и символом многих других страстных стремлений. Я, как этот герой Карфагена, должен был упорно и самоотверженно добиваться их осуществления, хотя в тот момент казалось, что судьба не благосклонна ко мне, как к Ганнибалу, который всю жизнь мечтал попасть в Рим.

Тогда я вспомнил еще об одном юношеском переживании, влияние которого ощущается во всех этих эмоциях и сновидениях. Мне, наверное, было десять или двенадцать лет, когда отец начал брать меня с собою на прогулки и делиться со мной своими взглядами на то, как обстоят дела в мире, где мы живем. Однажды он рассказал мне историю, чтобы наглядно продемонстрировать, что сейчас настали лучшие времена по сравнению с днями его молодости. Он рассказал: «Однажды в субботу я шел по родному городу, нарядно одетый, в новой меховой шапке.[141] Тут ко мне подскакивает какой-то христианин, одним ударом кулака сбивает с меня шапку, она падает в грязь, а он орет мне в лицо: "Ну-ка, ты, жид, прочь с дороги!"» – «И что ты сделал?!» – «Я перешел с тротуара на проезжую часть и подобрал свою шапку», – ответил отец. Мне показалось, что этот большой, сильный человек, который вел меня, совсем маленького, сейчас за руку, поступил в этой ситуации совсем не по-геройски. А вот отец Ганнибала Гамилькар Варка[142], напротив, заставил своего сына принести клятву перед алтарем, что отомстит римлянам. С тех пор Ганнибал стал занимать все мои мысли.

Мое увлечение карфагенянами началось еще в более ранние годы моего детства; и снова возникает вопрос о переносе уже существовавшего эмоционального отношения на новый объект. Как только я научился читать, одной из моих первых книг стала «История Консулата и Империи» Тьера; я помню, что на своих оловянных солдатиков я наклеил маленькие ярлычки с именами первых императорских маршалов, и уже тогда Массена (аналогия с еврейским именем Менассех[143]) стал моим любимцем. (Это произошло еще и потому, что у нас день рождения был в один и тот же день, только я родился на сто лет позже.) Наполеон считал, что он похож на Ганнибала, потому что тоже перешел через Альпы. Может быть, это увлечение возникло еще раньше, потому что, когда мне было три года, у меня были дружеские, но исполненные воинственности взаимоотношения с одним мальчиком, который был на год старше меня, и, возможно, я, как более слабый, испытывал чувства, похожие на те, что обуревали Ганнибала.

Чем в большие глубины мы проникаем, проводя анализ сновидений, тем чаще мы находим там следы детских переживаний, которые провоцируют внешнее содержание сновидений, которое доступно непосредственному наблюдению.

Мы уже убеждались в том, что во сне эти воспоминания редко возникают без сокращений или модификаций, *в своей целостности,* непосредственно доступной восприятию. Но можно найти несколько примеров этого явления; вот еще несколько сновидений, связанных с воспоминаниями детства. У одного из моих пациентов одно из сновидений было почти неискаженным воспроизведением одного эпизода сексуального содержания; это воспоминание, как оказалось, воспроизводило эпизод из реальной жизни. Хотя это воспоминание не исчезало из памяти, но с течением времени стерлось и снова ожило в результате проведенного психоанализа. Когда этому пациенту было 12 лет, он однажды навестил своего больного товарища; тот случайно сбросил с себя одеяло, и оказалось, что тот лежит в постели голым. При виде его полового органа мой пациент, повинуясь внезапному инстинкту, тоже обнажил свой пенис и прикоснулся к пенису товарища. Тот был рассержен и удивлен, а гость смутился и удалился. Эта сцена приснилась ему 23 года спустя, но мой пациент играл в ней не активную, а пассивную роль, и вместо школьного товарища там фигурировал один из его нынешних знакомых.

Верно, что, как правило, эпизоды из детства в явном поверхностном содержании сновидения проявляются лишь как отдельные намеки и могут быть выявлены лишь с помощью толкования. Когда подобные случаи записываются, они не кажутся слишком убедительными, поскольку, как правило, сложно найти доказательства того, что этот эпизод из детства действительно происходил в реальной жизни: если это случилось в раннем детстве, то в памяти он не сохранится. Обоснование таким детским переживаниям можно найти во время психоанализа, опираясь на целый ряд обоснованных и достоверных факторов. Если я запишу некоторые из таких рассказов о событиях, произошедших в детстве, с целью интерпретировать их, то это, скорее всего, не произведет нужного впечатления на читателя, особенно учитывая то обстоятельство, что я не смогу привести здесь весь материал, на котором строится их интерпретация. Тем не менее я не считаю, что из-за этого на них нельзя опираться.

I

Одной моей пациентке постоянно снилось, что ей надо куда-то торопиться: например, она страшно торопится, чтобы не опоздать на поезд, и т. д. *Однажды ей приснилось, что она собирается в гости к одной своей знакомой; мать велела ей вызвать экипаж, а не идти пешком, но она не послушалась и побежала по улице, при этом постоянно падала.* Во время психоанализа был собран материал, из которого следовало, что в детстве она постоянно куда-то *торопилась* и играла в подвижные игры. В одной из таких детских игр звучала фраза *«Die Kuh rannte, bis sie fiel»* — «Корова так бежала, что свалилась» – и эту фразу произносили так быстро, что она слилась в одно слово – *«rush»* — торопиться. Все эти шумные и подвижные игры детства так запоминаются оттого, что на смену им приходят другие подвижные игры, уже не такие невинные.

II

Вот сон другой моей пациентки. *Она находится в большой комнате, где стоят какие-то машины, похожие на оборудование из Института ортопедии. Ей сказали, что я занят и буду принимать ее одновременно с другими пятью пациентками. Она отказалась – и не легла в постель или делать что-то еще, что от нее требовалось. Она встала в угол и ждет меня, чтобы я сказал, что все это совсем не так. А другие смеются над ней и говорят, что это просто ее причуда. При этом ей кажется, что она рисует какие-то маленькие квадраты…*

Первая часть этого сновидения связана с лечением и с переносом на мою личность. Вторая часть сна относится к какой-то сцене из детства; общее в них – это упоминание о постели.

«Институт ортопедии-» связан с фразой, которую я произнес во время сеанса нашего лечения: когда я сравнил наше лечение с лечением у *ортопеда* в том, что касается продолжительности и характера процедур. В начале ее лечения я предупредил ее, что пока у меня мало времени, но позднее я сумею посвящать ей целый час каждый день. Это возбудило в

ней прежнюю чувствительность, что свойственно детям, склонным к истерии: им нужно много любви, и этой любви им всегда мало. Моя пациентка была самой младшей из шести сестер (вот откуда *«вместе с пятью другими»),* и потому отец любил ее больше всех. Но ей все равно казалось, что отец уделяет ей слишком мало времени и внимания. Эпизод ее сновидения, когда *она ждет меня, чтобы я сказал, что все это совсем не так,* объясняется следующим образом. Недавно портной прислал ей платье, которое сшил для нее, со своим помощником, и ему она отдала деньги за работу. Потом она спросила своего мужа, не придется ли ей еще раз заплатить деньги, если подмастерье вдруг их потеряет. Желая ее подразнить (в сновидении ее тоже *дразнят),* муж сказал, что придется. Она все спрашивала его, надеясь, что он признает, *что это не так.* Скрытое содержание сновидения может заключаться в том, что она опасается, как бы не пришлось заплатить мне двойной гонорар, если я буду посвящать ей вдвое больше времени, и ей кажется, что это очень неприятные мысли, в которых проявляется ее скупость. (Детские воспоминания о чем-то грязном часто принимают вид скупости в сновидениях; и про то, и про другое говорят, используя общее понятие «грязный»)[144]. Если фрагмент, связанный с ожиданием в сновидении, связан с понятием «грязный», то встать в угол и отказаться лечь в постель относятся к тому же воспоминанию: в детстве она однажды испачкала постель, и в наказание за это ее поставили в угол; ей угрожали тем, что папа разлюбит ее, а сестры над ней потешались. Маленькие квадраты связаны с воспоминанием о том, как ее маленькая племянница показывала ей арифметическую задачу, где надо было расположить в девяти квадратах цифры так, чтобы при сложении во всех направлениях в сумме получалось 15.

III

Одному мужчине приснилось вот что: *он видит двух мальчиков, которые борются друг с другом, судя по инструментам, лежащим на земле, – это сыновья бондаря; один из них повалил другого, на том, который упал на землю, – сережки с синими камнями. Тот, кому снится сон, быстро идет к мальчику, повалившему другого, с поднятой палкой в руках, чтобы наказать его. Тот убегает к какой-то женщине, которая стоит у деревянного забора, как будто она его мать. Она похожа на жену рабочего и стоит спиной к тому, кому приснился этот сон. Наконец, она поворачивается к нему и так страшно смотрит на него, что он в испуге убегает. Видно, как выпячивается красная внутренность ее нижних век.*

В сновидении ярко запечатлелись обычные события предыдущего дня. Он вчера действительно видел, как на улице два мальчика боролись друг с другом и один повалил на землю другого. Когда он поспешил к ним, чтобы разнять их, они оба убежали прочь.

• *Сыновья бондаря:* этот элемент выяснился лишь после следующего сновидения, в анализе которого он употребляет оборот речи «все испортить» (что по-немецки звучит как *«выбить из бочки дно»).*

• *Сережки с синими камнями* носят, насколько он знает, в основном проститутки. Таким образом, сюда присоединяется известный стих о *двух мальчиках.* «Другой мальчик, которого звали Мария…» (то есть был девочкой).

• *Стоящая женщина:* после эпизода с двумя мальчиками он пошел погулять на берег Дуная и, поскольку там никого не было, помочился, *повернувшись к деревянному забору.* Когда он пошел дальше, он встретил респектабельно одетую немолодую даму, которая приветливо улыбнулась и хотела вручить ему свою визитную карточку с адресом.

Так как женщина стоит в сновидении в такой позе, как мужчина, который мочится у стены, то, возможно, речь идет о женщине, которая мочится, и отсюда *ужасная картинка красной внутренности* век, напоминающая внутренность женских половых органов, когда женщина сидит на корточках; он видел нечто подобное в детстве, и в позднем воспоминании это зафиксировалось как *масса избыточных грануляций на раневой поверхности* — как *ужасная рана.* В сновидении объединяются две ситуации, в которых маленький мальчик может видеть половые органы маленькой девочки: когда *ее бросили* на пол и при мочеиспускании, и, как позже выяснилось, он помнит о том, как его отец наказал его или пригрозил, что сделает это, если в таких случаях он проявит любопытство.

IV

В этом сновидении, которое посетило немолодую даму, заключен целый комплекс детских воспоминаний, объединившихся в одну фантазию.

У нее много срочных дел, и она страшно спешит. Дойдя до торгового центра на улице под названием Грабен, она вдруг падает на колени как подкошенная. Вокруг нее собирается толпа, среди них много кучеров экипажей, но никто не помогает ей. Она пытается встать, но у нее ничего не получается. Наконец она встает, и ее сажают в экипаж, который должен отвезти ее домой. В окно ей бросают большую переполненную корзину, с какими обычно ходят за покупками.

Это сон той самой дамы, которая в сновидениях вечно куда-то спешит, как в детстве, когда она все время куда-то мчалась и играла в подвижные игры (см. пример выше). Первая половина сновидения, скорее всего, объясняется тем, что она недавно видела, как упала лошадь, а фраза *«подкошенный»* может быть связана со скачками. В юности она увлекалась верховой ездой, в детстве, наверное, изображала из себя лошадь. Падение связано с другим ее воспоминанием о 17-летнем сыне швейцара, с которым на улице произошел приступ эпилепсии, он упал, и его привезли домой в экипаже. Она только *слышала* рассказ об этом, но она представила себе приступ эпилепсии, *«падение»,* и это впоследствии оказало влияние на ее собственные истерические припадки. Когда женщине снится падение, то в этом почти всегда присутствует сексуальный подтекст, она представляется себе *«падшей».* В этом сновидении именно так и происходит, потому что она падает на Грабене, где часто прогуливаются в поисках клиента проститутки. *Корзина для покупок* (по-немецки *Korb)* вызывает множество ассоциаций для толкования: она напоминает о том, как *отказала (Korbe* — по-немецки «отказ») многим женихам, и о том, как отказывали ей. Потому никто и не хочет ей помочь, что она сама связывает с пренебрежительным отношением к себе. *Корзина для покупок*напоминает ей о фантазиях, которые были уже подвергнуты анализу, в которых она выходит замуж за человека, социальный статус которого ниже, чем ее собственный, и теперь ей нужно самой ходить на рынок. А корзина для покупок может быть истолкована как нечто такое, с чем имеет дело прислуга. В этот момент снова проявляются воспоминания ее детства: кухарку увольняли за воровство, а она *упала на колени* и просила прощения. Даме, которой это приснилось, тогда было двенадцать лет. Потом уволили горничную за то, что она завела роман с кучером, но за которого потом вышла замуж. Вот откуда появились в ее сновидении *кучера* экипажей (которые не помогли ей, когда она во сне упала, чего в реальной жизни произойти не могло). Нам остается только понять, что за *корзину кидают ей в окно.* Это напоминает ей, как сгружают в багажный вагон ту поклажу, которую отправляют по железной дороге, *бросая ее в окно,* и о некоторых эпизодах ее деревенской жизни: как один человек кидал знакомой даме синие сливы *в окно,* как ее маленькая сестра была в ужасе, оттого что деревенский дурачок заглянул *ей в окно.* Она смутно вспоминает о бонне, которая была у нее, когда ей было около десяти лет, которая жила у них в доме и завела амуры с лакеем; эту бонну *«отправили прочь», «выбросили за дверь»* (в сновидении – *«бросили внутрь»)* – мы этот эпизод уже рассмотрели с разных точек зрения. В Вене есть просторечный оборот, с помощью которого обозначают пожитки прислуги: «семь *слив»: «Забирай свои семь слив и убирайся».*

У меня есть целая коллекция таких сновидений, в результате анализа которых всплывают полузабытые воспоминания детства, часто такие, которые человек пережил до трехлетнего возраста. Но не стоит строить на этом материале обобщение обо всех снах в целом. Все они принадлежат людям, страдающим неврозами и в особенности истерией, и роль детских воспоминаний в их сновидениях может быть обусловлена сущностью их заболевания, а не сущностью самих сновидений. Но тем не менее в толковании моих собственных сновидений – а я совершаю их не оттого, что я чем-то серьезно болен, – их скрытый смысл часто выводит меня на эпизоды из моего детства; иногда целый ряд сновидений спровоцирован каким-либо детским переживанием; я уже приводил примеры и сделаю это еще не раз в связи с обсуждением целого ряда вопросов. Может быть, лучше всего завершить эту главу примерами нескольких моих собственных сновидений, в которых переплетаются и несут в себе глубокий смысл и недавние впечатления, и давно забытые события детских дней.

I

Уставший и проголодавшийся после путешествия, я лег спать, во сне мой организм властно заявляет о своих насущных потребностях, и вот что мне снится:

Я иду в кухню за пудингом. Там стоят три женщины, одна из них – хозяйка; она что-то вертит в руках, точно собирается делать клецки (Knodel). Она просит меня подождать, пока они будут готовы (слов не разобрать). Мне срочно нужно поесть, и я сердито выхожу из кухни. Я надеваю пальто, но оно слишком длинное. Я снимаю его и удивляюсь, что оно подбито мехом. На втором пальто – длинный кусок ткани с турецким орнаментом. Тут появляется какой-то незнакомый человек с продолговатым лицом и маленькой бородкой и мешает мне, говоря, что это – его пальто. Я показываю, что оно все сплошь вышито турецкими орнаментами. Он парирует: «А вам-то какое дело до турецких (орнаментов, тканей…)?» Но потом мы вполне дружелюбно общаемся друг с другом.

Когда я приступил к анализу этого сновидения, то мне вдруг вспомнился первый роман, который я прочел, когда мне было, наверное, лет тринадцать. Я начал читать его с конца первого тома. Название этого романа и автора я никогда не знал, но развязку его прекрасно помню. Его главный герой теряет рассудок и твердит имена трех женщин, принесших ему в жизни высшее счастье и высшее горе. Одно из этих имен – Пелаги. Однако мне еще не понятно, какова роль этого воспоминания для хода моего анализа. Вдруг три женщины из моего сна превращаются в моих мыслях в трех Парок[145], которые прядут судьбу человека, и я знаю, что хозяйка гостиницы в этом сновидении – это мать, дающая жизнь, а иногда, как, например, в моем сновидении, первую в жизни пищу. Мне подумалось: и любовь, и голод ведут к женской груди. Один молодой человек, большой ценитель женской красоты, однажды заметил, когда разговор зашел об его красивой кормилице: «Как жаль, что я не воспользовался как следует тем удобный случаем, который мне представился, когда я лежал у нее на груди». Я часто пользовался этой шуткой, когда разъяснял механизм запаздывания при психоневрозах[146]. Одна из Парок вертит что-то в руках, точно делает клецки, – какое странное занятие для Парки – его необходимо разъяснить. Объяснения я нахожу в другом, более раннем воспоминании детства. Когда мне было шесть лет, мама обучала меня на дому и рассказала мне, что мы вышли из земли и должны вернуться в землю. Мне это не понравилось, и я выразил сомнение. Тогда она потерла руку об руку подобно тому, как хозяйка в сновидении, когда лепила клецки, но у нее в руках не было теста, и она показала мне черные частички *эпидермиса,* которые отделяются при трении ладони о ладонь. Так она наглядно продемонстрировала мне, что мы сделаны из земли. Меня эта наглядная демонстрация просто поразила, и я усвоил то, о чем впоследствии говорила одна мудрая фраза: «Ты обязан природе смертью»[147]. Итак, я действительно столкнулся на кухне с богинями судьбы – Парками, – как это часто бывало и в моем детстве, когда я забредал туда, когда был голоден, а моя мама, стоя у плиты, строго говорила мне, что нужно подождать до обеда, пока все будет готово. А теперь перейдем к клецкам *(Kriddet)!* Воспоминания об одном из моих профессоров в университете – именно о том, которому я обязан своими гистологическими познаниями (например, знаниями об *эпидермисе),* приводят меня к слову *«Knodel».* Он был вынужден подать в суд на человека, которого обвинил в *плагиате* своих трудов, а фамилия того человека была *Кнедль.* Мысль о плагиате, присвоении всего, что попадается под руку, приводит нас ко второй части сновидения, в которой я вроде бы украл пальто; это напоминает мне о воре, который долгое время похищал пальто студентов в лекционных залах. Я записал слово «плагиат» автоматически, поскольку знал о той истории с профессором, а сейчас понимаю, что оно перекидывает мостик (Brucke) от одного фрагмента явного поверхностного содержания сновидения к другому. Цепочка ассоциаций: *Пелаги – плагиат – плагиостомы*[148], или акулы (Haifische), – рыбий пузырь (Fischblaze) – связывает прочитанный мною в юности первый роман с делом о плагиате Кнеделя и с пальто («Überzieher» переводится и как «пальто», и как «презерватив»), что имеет, видимо, сексуальный подтекст. (Ср. сновидение-намеки, описания которых приводит Мори.) Конечно, подобная цепь рассуждений может завести нас довольно далеко и может показаться необоснованной; но в состоянии бодрствования у меня бы они не сложились воедино так, как это произошло в сновидении. И, словно для логики сновидения нет ничего святого, здесь появляется дорогое моему сердцу упоминание о Брюкке (мост) (про Брюкке и Флейшль – см. выше), которое напоминает мне об институте, где я провел свои самые счастливые минуты студенческой жизни, не помышляя ни о чем другом:

А мудрости божественная грудь
Что день, то больше даст вам наслажденья.

(Гете «Фауст». Пер. Б. Пастернака)

Там нет и намека на алчность, которая *отравляет* мне жизнь в этом сновидении. И наконец, всплывает воспоминание о другом моем любимом преподавателе, со «съедобной» фамилией Fleischl («Fleisch» – мясо), и о другой неприятной сцене с *чешуйками эпидермиса* (вспомним про мою мать – хозяйка), и о *душевной болезни* (вспомним прочитанный мной роман), и о наркотике из благотворительной аптеки (по-немецки аптека – «lateinishe Ktiche», то есть «латинская кухня»), который утоляет *голод:* о кокаине.

Можно последовать за этим запутанным ходом мыслей и дальше и полностью разъяснить все содержание сновидения, но я не стану этого делать, потому что это слишком дорого мне обойдется. Я дерну лишь за одну ниточку, которая связывает нас именно с той мыслью, которая проливает свет на всю эту неразбериху. Незнакомец с продолговатым лицом и маленькой бородкой, помешавший мне одеться, напоминает мне одного купца в Спалато, у которого моя жена купила множество *турецких* материй. У него была забавная фамилия Попович[149], по поводу которой юморист Штеттенгейм пошутил: «Он назвал мне свою фамилию и, покраснев, пожал мне руку». И здесь тоже я искажаю фамилию и играю с ней – Пелаги, Кнедель, Брюкке, Флейшль. Так обычно шутят дети. Но если я переборщил с этой игрой слов, меня можно простить за это: ведь и мою фамилию столько раз склоняли в глупых шутках[150]. Гете как-то раз заметил, что человек очень чувствителен к тому, как обращаются с его именем: мы врастаем в свои имена. Словно они становятся нашей второй кожей. Он высказался так о строках, написанных по поводу его имени Гердером:

Der du von Gottern abstammst, vom Goten oder vom Kote —
So seid ihr Gotterbilder audh zu Staub[151].

Я заметил, что это лирическое отступление по поводу неправильного использования фамилий всего лишь привело нас к этой жалобе. Но здесь нужно поставить точку. Покупки моей жены в Спалато напомнили мне о других покупках в Каттаро[152], когда я так скупердяйничал, что не купил несколько действительно стоящих вещей (вспомним, как молодой человек сожалел об упущенных возможностях в общении с красивой кормилицей). Одна из мыслей, которые возникли у меня в сновидении от голода, могла бы быть сформулирована так: «Хватайся за любую возможность, бери все, что сможешь, даже если это и нечестно. Пользуйся всеми возможностями, ведь жизнь коротка, а смерть неизбежна». Поскольку в этом уроке *«carpe diem»* (лови момент. – *Примеч. пер.)* присутствует и сексуальный подтекст и поскольку в удовлетворении желаний можно переступить и через нравственные запреты, здесь есть все основания опасаться цензуры и прятаться за обманчивым сновидением. Здесь в полный голос звучат прямо противоположные этим желаниям мысли, напоминая спящему о тех временах, когда ему было достаточно пищи *духовной,* ему напоминают про ограничения и даже угрожают наказанием за самые отвратительные сексуальные проступки.

II

Для следующего сновидения нужна более подробная преамбула.

Я поехал на Западный вокзал в Вене, чтобы сесть на поезд и отправиться в летний отпуск к озеру Аусзее, но вышел на платформу, где стоял поезд, который отправлялся в курортный городок Ишль. Там я вижу графа Туна[153], который тоже едет в Ишль к императору. Несмотря на дождь, он приехал в открытом экипаже. Он сразу вышел на перрон. Контролер не узнал его и попытался проверить билет, но тот просто царственно отмахнулся от него без всяких объяснений. После отправления поезда в Ишль мне снова приходится уйти с перрона и вернуться в душный зал. Я с трудом добился разрешения остаться на платформе. Я провожу время, глядя, как кто-то пытается проникнуть в зарезервированное другими купе, прибегая к незаконным уловкам. Если бы так поступили со мной, я бы громко заявил о своих правах. При этом я что-то напеваю, вроде бы каватину Фигаро из «Женитьбы Фигаро»:

Se vuol ballare, signor contino
Se vuol ballare, signor contino
Il chitarino le suonerò.

Если захочет барин попрыгать,
Если захочет барин попрыгать,
Я подыграю гитарой ему.

(Сомневаюсь, что эту мелодию в моем исполнении кто-то смог бы узнать…)

Весь вечер я был в отличном и слегка воинственном настроении. Я поддразнивал официанта, а потом – кучера, надеюсь, они не обиделись на меня за это. В голове у меня вертелись всякие высокомерные и революционные идеи, вторя словам из каватины Фигаро, вдохновленные воспоминаниями о комедии про него, которую я видел в Comedie francaise. Мне припоминаются слова об аристократах, которые «соизволили родиться на свет»; право первой ночи, которое Альмавива хочет использовать с Сюзанной, мне вспоминается, как оппозиционные журналисты издеваются над графом Туном, называя его «Nichtsthun»[154]. Ему не позавидуешь, потому что ему предстояла сложная аудиенция у императора, а бездельником-то был как раз я – ведь это у меня был отпуск и я отправлялся в путешествие. Я уже предвкушал всяческие удовольствия. В этот момент ко мне подошел один господин; я с ним знаком: он правительственный депутат на экзаменах на медицинском факультете, он так вел себя при исполнении своих обязанностей, что мы в шутку говорили, что он «спит с правительством», оттого что на наших экзаменах он обычно дремал. Ссылаясь на свой высокий статус, он требует себе половину купе первого класса, и я слышу, как один из чиновников говорит другому: «Куда мы посадим этого господина?»[155] Вот какой блатной, подумал я, ведь мне пришлось оплатить стоимость полностью. Я добиваюсь наконец купе и для себя, но в таком вагоне, где всю предстоящую ночь буду лишен возможности пользоваться уборной. Я жалуюсь чиновнику – у меня ничего не получается; я мстительно предлагаю ему проделать в полу купе дыру для удобства пассажиров. В три часа ночи я действительно просыпаюсь, оттого что мне нужно в уборную. Перед этим мне снится:

Толпа народу, собрание студентов. Граф (Тун или Тааффе) держит слово. В ответ на предложение высказать свое мнение о немцах он презрительно говорит, что их любимый цветок – это мать-и-мачеха, и засовывает себе в петлицу что-то зеленое, похоже сорванный и искореженный листик. Я выхожу из себя – страшно злюсь[156]*, – при этом меня удивляет такое мое отношение к немцам.*

Потом не так отчетливо: *Я нахожусь в главном актовом зале университета; все выходы оцеплены, мне нужно оттуда бежать. Я убегаю через какие-то красивые, роскошно обставленные комнаты с красновато – лиловой мебелью и наконец оказываюсь в коридоре, где сидит пожилая полная женщина, привратница. Я не хотел с ней заговаривать, но она, видимо, считает, что я могу пройти здесь, потому что спрашивает, не посветить ли мне лампой. Я даю ей понять, словом или жестом, чтобы она осталась на лестнице, и сам удивляюсь своей хитрости, которая помогает мне избежать проверки на выходе. Я спускаюсь вниз, нахожу узкий, круто поднимающийся кверху проход и иду по нему.*

Снова картина нечеткая. *Вторая проблема заключается в том, чтобы так же без проблем покинуть город. Я сел в экипаж и велел кучеру ехать на вокзал. «Дальше с вами вдоль железнодорожных путей я ехать не могу», – говорю я после того, как он отказался ехать со мной, словно я требовал от него больше, чем в его силах. Но мне кажется, что я уже проехал с ним часть пути, которую обычно ездят по железной дороге. Весь вокзал был оцеплен. Я пытаюсь решить, ехать ли мне в Креймс или в Цнайм*[157]*, но вспоминаю, что сейчас там находится резиденция двора, и решаю отправиться в Грац. Я сижу в вагоне, похожем на пригородный поезд, а в петлице у меня какой-то странный длинный стебель, и на нем – красновато-лиловая фиалка из упругого материала, которая очень привлекает внимание окружающих.* Здесь сновидение обрывается.

Я снова стою напротив вокзала, но на этот раз в компании какого-то пожилого господина; я напряженно думаю, как же остаться незамеченным, но замечаю, что это и так уже

происходит. У меня такое чувство, что мысли и переживания здесь слиты воедино. Оказывается, что этот человек мой слеп, по крайней мере на один глаз, и я держу перед ним склянку для анализа мочи (склянку мы должны были купить или уже купили в городе). Получается, что я – его санитар и должен держать перед ним склянку, потому что он слепой. Если бы кондуктор увидел нас в таком положении, он должен был бы позволить нам незаметно уйти. При этом я практически вижу позу моего спутника и его член при мочеиспускании. Я пробуждаюсь и испытываю позыв к мочеиспусканию.

Все сновидение словно переносит меня в революционный 1848 г. Об этом мне напомнил юбилей Франца Иосифа в 1898 г., и небольшая прогулка в *Вахау,* когда я увидел Эмерсдорф[158], на что указывают некоторые фрагменты этого сновидения. Я по ассоциации представил себе Англию, дом моего брата, который дразнил свою жену фразой «Fifty years ago» – так называлась поэма Теннисона[159], а дети обычно поправляли его: *«Fifteen years ago».* Возможно, на эти мысли меня навела встреча с графом Тупом, и моя фантазия так же мало была связана со сновидением, как фасады итальянских церквей не имеют ничего общего с самим зданием. В отличие от этих фасадов, в моем сновидении царит неразбериха, и в нем много пробелов, а его архитектурные элементы то здесь, то там пробиваются сквозь его внешнюю оболочку.

В первой ситуации, которая возникает в этом сновидении, я могу выделить несколько эпизодов. Высокомерное настроение графа в моем сновидении напоминает мне одну историю из моей гимназической жизни, которая случилась, когда мне было пятнадцать лет. Мы взбунтовались против одного нелюбимого и невежественного учителя, а душой этого заговора был один мой одноклассник, который с тех пор возомнил себя последователем *Генриха VIII Английского.* Я был там главной действующей силой; мы должны были завязать спор о том, как важен Дунай для Австрии (ср. Вахау). В заговоре был замешан и единственный в классе аристократ, к которому из-за его высокого роста прилипла кличка «жираф». Когда его вызвал к доске ненавистный нам тиран-учитель, этот парень стоял у доски, как граф из моего сновидения. Упоминание о любимом цветке и то, что граф засовывает в петлицу что-то вроде цветка (он напоминает орхидею, которую я в тот самый день принес одной коллеге, и, кроме того, иерихонскую розу[160]), поразительно напоминает сцену из королевской трагедии Шекспира, которая начинается со сцен гражданской войны Алой и Белой розы; на эти воспоминания навела мысль о Генрихе VIII. Где розы – там и красные гвоздики, и белые. (Два стихотворения, одно – немецкое, другое – испанское, вдруг вплетаются в анализ этого сновидения:

Rosen, Tulpen, Nelken,
alle Blumen welken.
(Розы, тюльпаны, гвоздики – все цветы вянут.)

Isabelita, no llores,
que se marchitan las flores.
(Изабелла, не плачь о том, что все цветы увядают.)

(Испанское стихотворение снова напоминает о женитьбе Фигаро.[161]) Белая гвоздика у нас в Вене – это символ антисемитов, а красная – социал-демократов, они напоминают мне об антисемитской выходке во время одной моей поездки в прекрасную Саксонию (англосаксы). Третий эпизод, давший повод к образованию первой ситуации, относится к моему студенчеству. В одном *немецком* студенческом клубе состоялась дискуссия, посвященная взаимосвязи философии и естествознания. Я, зеленый юноша, убежденный материалист, стал проповедовать одну в высшей степени одностороннюю точку зрения. После меня слово взял старший товарищ, позднее ставший видным политиком и лидером, – фамилия его напоминала название одного животного[162] – и как следует отчитал нас, сказав, что он тоже в молодости «свинячил», но потом, как блудный сын, раскаялся и вернулся в отчий дом. Я вышел из себя (как и в сновидении), нагрубил ему (saugrob) (Sau – свинья) и заявил, что теперь, узнав, что он *свинячил,* я нисколько *не удивляюсь* тону его речи (в сновидении я удивляюсь своему германофильскому настроению). Все были возмущены; мне предложили взять свои слова

обратно, но я отказался. Оскорбленный был слишком умен, чтобы принять близко к сердцу мой выпад, и не обратил на него внимания.

Остальные элементы первой ситуации сновидения относятся к более давним воспоминаниям. Какое значение имеет упоминание графа о «мать-и-мачехе»? Я обращаюсь к ряду ассоциаций. «Мать-и-мачеха» – по немецки «Huflattich» – lattica салат – Salathund – «салатная собака», «собака на сене». Вот и целая коллекция ругательств готова; жираф, свинья, собака – и я мог бы дойти и до «осла», если бы захотел обидеть одного знакомого профессора (в слове «Giraffe» есть слово «affe» – обезьяна). Далее я перевожу – сам не знаю, правильно или нет, «мать-и-мачеха» (Huflattich) – французским «pisse-en-lit»[163]; так он называется в романе Золя «Жерминаль», в котором дети приносят это растение. Собака – chien – напоминает мне по созвучию другую функцию человеческого организма («chier» по-французски значит испражняться, а «pisser» – «мочиться»). Мы сможем сейчас разъяснить все эти циничные выражения; в романе «Жерминаль», который посвящен грядущей революции, описывается весьма специфическое соревнование, имеющее отношение к выделению газообразных экскреций, называемых Flatus[164]. Кроме того, я обращаю внимание на одинаковые буквы в словах Huflattich и Flatus. Я замечаю, что по пути к этому flatus я иду уже издалека – от цветов, испанского стишка, Изабеллы и Фердинанда и английской истории периода нападения Великой Армады на Англию, после победного окончания которой англичане выбили медаль с надписью: Flavit et dissipati sunt[165], так как испанский флот был потоплен бурей. Это изречение я хотел как-то использовать полушутливо-полусерьезно для эпиграфа к главе «Терапия», если бы смог когда-нибудь представить точное и подробное описание своего метода лечения истерии.

По цензурным соображениям я не могу представить подробного описания второй ситуации из этого сновидения. Поскольку я ставлю здесь себя на место одного высокопоставленного лица того революционного периода, который тоже пережил приключение с орлом (Adler) и который страдает от проблем с дефекацией. На мой взгляд, я *был бы неправ, если бы пренебрег цензурой,* хотя большую часть этих историй рассказал мне один советник (аудитория, Aula, consiliariusaulicus). Анфилада комнат в этом сновидении, наверное, появилась под впечатлением от вагона его превосходительства, в который мне удалось на какой-то момент заглянуть, но ряд этот обозначает, как это часто бывает в сновидениях, женщин (Frauenzimmer), и, как это часто бывает в таких случаях – публичных женщин (ararische Frauenzimmer). Привратница напоминает мне умную пожилую женщину, за угощение и множество прекрасных историй, которые я слышал в ее доме, я проявил такую черную неблагодарность, заставив ее появиться в моем сне. Когда я иду с лампой, это напоминает мне Грильпарцера, у которого мы можем найти прелестный эпизод аналогичного содержания, использованный затем в «Геро и Леандре» («Волны моря и любви» – испанская Армада и буря)[166].

Я должен отказаться и от подробного анализа обоих последних отрывков этого сновидения[167]; мы рассмотрим лишь те элементы, которые относятся к двум эпизодам из детства, которые спровоцировали это сновидение. Читатель вполне справедливо предположит, что к отказу от анализа меня побуждает сексуальный подтекст этого материала; но дело здесь не только в этом. Человек часто не кривит душой перед самим собой в том, что скроет от других людей; но здесь речь идет не о причинах, вынуждающих меня скрывать результаты анализа, а о мотивах внутренней цензуры, скрывающих от меня самого истинное содержание этих сновидений. Поэтому я должен сказать, что анализ всех этих трех отрывков моего сновидения вскрывает в них неприятное хвастовство и довольно смехотворную манию величия, которая мне уже давно не свойственна в состоянии бодрствования и которая явно прослеживается даже в явном содержании этого сновидения (ну и хитрец же я!) и объясняет мое заносчивое поведение вечером накануне сновидения. Это хвастовство проявляется во всех отношениях; например, упоминание о Граце приводит нас к обороту речи: «Was kostet Graz?» – так говорят те, кто хвастается своим богатством. Кто вспомнит о бесподобном описании жизни и деяний Гаргантюа и его сына Пантагрюэля у Франсуа Рабле, тот сможет считать это хвастовством.

К этим двум эпизодам из детства относится вот что: я купил себе для путешествия новый чемодан, цвет которого – коричнево-фиолетовый – несколько раз проявляется в сновидении. Фиалки такого цвета из плотного материала, подле вещи, которую называют «прибор для ловли девушек»[168], и меблировка в министерских апартаментах. Все новое *привлекает* внимание людей, так считают *дети.* Мне как-то рассказывали следующий эпизод из моего детства, и мое

воспоминание о самом этом рассказе вытеснило из моей памяти само происшествие. Когда мне было два года, я иногда еще ненарочно *мочился* в постель, и, когда отец стал ругать меня, я пообещал купить в Н. (ближайший большой город) *хорошую новую красную кровать,* любого размера. Вот отсюда в сновидении эпизод о том, что мы купили в городе емкость для анализов или должны были купить ее – ведь я дал слово. (Заметьте, рядом в сновидении возникают упоминания о мужской емкости для анализов и символа женщины – чемодана, box.) В этом обещании заключена вся мания величия ребенка. Значение недержания мочи у ребенка в сновидении мы подвергаем толкованию уже в одном из предыдущих сновидений. Из психоанализов людей, страдающих неврозами, мы узнали также о тесной взаимосвязи между недержанием мочи и честолюбием как чертой характера[169].

Вспоминаю о еще одном эпизоде моего детства, когда мне было 7 или 8 лет, я его помню очень отчетливо. Однажды вечером, перед тем как укладываться спать, я, в присутствии родителей, удовлетворил свою естественную потребность в их спальне. Отец отругал меня и сказал: «Из него ничего не выйдет». Это было, по-видимому, страшное оскорбление для меня, так как воспоминание об этом эпизоде постоянно всплывает в моих сновидениях и связано обычно с перечислением моих заслуг и успехов, словно я хочу этим доказать отцу: «Видишь, из меня все-таки кое-что *вышло».* Этот детский эпизод дает материал для последней ситуации в этом сновидении, в которой, разумеется, из мстительных соображений роли перемешаны. Пожилой господин – это явно мой отец, а его слепота на один глаз объясняется тем, что у моего отца была глаукома, и теперь именно он мочится в моем присутствии, как я это сделал когда-то в детстве в его присутствии[170]. Это еще и напоминание ему о кокаине, который очень помог ему при операции по поводу глаукомы, – и этим я символически исполняю свое обещание (про покупку кровати. – *Примеч. пер.).* Более того, я в этой сцене насмехаюсь над ним; он слеп, и я держу перед ним склянку, – это намек на мои успехи в области изучения истерии, предмет моей особой гордости[171].

Оба этих эпизода моего детства указывали, в любом случае, на манию величия, но их пробуждению в моих воспоминаниях во время путешествия в Аусзее способствовало еще и то случайное обстоятельство, что в моем купе не было уборной и я должен был испытывать неудобство во время поездки, что и произошло утром. Я проснулся с ощущением, что мне необходимо удовлетворить естественную потребность. Я считаю, что эти ощущения могут рассматриваться как естественный стимул к возникновению сновидения, но я предпочитаю думать, что мысли, скрытые в сновидении, вызваны не только потребностью в опорожнении мочевого пузыря. Я никогда не просыпаюсь из-за этого, особенно так рано, как на этот раз: всего в три часа утра. В пользу этого говорит еще и то обстоятельство, что во время других, более комфортабельных поездок я почти никогда не испытывал позывы к мочеиспусканию так рано утром. Но можно оставить этот момент без толкования, он не имеет особого значения[172].

Мой опыт анализа сновидений убедил меня, что даже в сновидениях, толкование которых кажется на первый взгляд исчерпывающим, так как источники выраженных в них желаний вполне доступны и очевидны, содержатся мысли, которые возникли в далеком детстве; поэтому у меня возникает вопрос, не является ли это основной характеристикой любого сновидения. В целом я говорю, что явное содержание каждого сновидения связано с недавними переживаниями, а его скрытое содержание связано с более ранними переживаниями, которые, например, при анализе истерии, остаются в памяти надолго. Но такое утверждение доказать непросто; у меня еще будет возможность рассмотреть роль ранних детских переживаний для формирования сновидений (см. главу VII).

Мы объяснили, что из всех трех особенностей памяти в сновидении, перечисленных нами в начале этой главы, одна – преобладание в сновидении несущественных элементов – является результатом искажающей деятельности сновидения. Нам удалось получить подтверждения того, что существуют две другие особенности сновидения – присутствие недавних впечатлений и воспоминания детства, но у нас не получилось выявить их роль в качестве источников сновидения. Две эти характеристики, суть которых пока оставим без комментариев, необходимо учитывать, они должны занять свое место – или в психологии сна как особого физиологического состояния, или когда мы будем рассуждать о том, как устроен наш разум, что мы вскоре и сделаем, после того как мы выяснили, что интерпретация сновидений подобна открытому окну, через которое нам видно, как они устроены (см. главу VII).

Сейчас необходимо обратить внимание на один из выводов, которые можно сделать из примеров нашего анализа сновидений. Дело в том, что сновидения многозначны. Как продемонстрировали приведенные нами примеры, они не только выявляют осуществление нескольких желаний одновременно, но могут содержать в себе целую цепочку смыслов, которые корнями уходят в самое раннее детство. И вот в чем вопрос: не правильнее ли будет сформулировать утверждение, что это происходит «не часто, а всегда»[173].

B. Соматические источники сновидений

Если мы попробуем заинтересовать образованного обывателя проблемами сновидений и поинтересуемся у него, откуда они берутся, то чаще всего он будет уверен, что знает точный ответ на этот вопрос. Он расскажет о том, какие сновидения бывают от расстройства пищеварения – «сновидения от несварения желудка», от разных поз, которые мы принимаем во время сна, и от прочих мелких происшествий. Ему и в голову не приходит, что, даже учитывая все эти факторы, остается еще нечто такое, что озадачивает и требует разъяснений.

В первой главе этой книги (раздел C) я уже подробно обсуждал позицию ученых по поводу соматических источников сновидений; поэтому здесь я лишь упомяну об их основных результатах. Мы выявили три соматических источника стимулов сновидений: объективные чувственные стимулы, полученные извне, субъективные внутренние стимулы, поступающие от органов чувств, и физиологические стимулы, получаемые от внутренних органов; мы обратили внимание на то, что почти все ученые, которые признают существование подобных стимулов сновидений, не придают значения их возможным *психическим* источникам или считают таковые не стоящими внимания. Когда мы провели исследование соматических стимулов, которые провоцируют сновидения, то пришли к следующим выводам: значение *объективного* возбуждения, исходящего от органов чувств (в основном случайных стимулов во время сна, а частично – таких источников раздражения, которые не проникают в сознание спящего), может быть выявлено путем проведения многочисленных наблюдений и было подтверждено экспериментально. Какую роль играют *субъективные* сенсорные стимулы, вероятно, демонстрируют повторяющиеся в сновидениях гипнагогические сенсорные образ. И наконец, похоже, что хотя невозможно доказать, что образы и идеи в наших сновидениях связаны с *внутренними* соматическими стимулами до такой степени, чтобы это можно было утверждать наверняка, тем не менее их происхождение повсеместно признается и подтверждается тем, что они оказывают влияние на наши сновидения, провоцируя возбуждение нашей пищеварительной, мочеиспускательной системы и половых органов.

На первый взгляд может показаться, что и «неврологическая», и «соматическая стимуляция» – это соматические источники сновидений, то есть, как полагают многие исследователи, их единственный источник.

С другой стороны, мы уже столкнулись с рядом мнений, в которых выражаются сомнения и критика подобной точки зрения, где можно усомниться не в *правильности,* а в *адекватности* теории соматической стимуляции.

Хотя сторонники этой теории считают полученные ими факты неопровержимыми, – особенно в том, что касается случайных и внешних нервных стимулов, поскольку их нетрудно обнаружить в содержании сновидений, – тем не менее никто не отрицает того, что все проявляющиеся в сновидениях идеи не могут возникать лишь под воздействием внешних стимулов. Мисс Мэри Уайтон Калькинс (Mary Whiton Calkins, 1893) в течение шести недель изучала свои собственные сновидения и сновидения другого человека, пытаясь получить ответ на этот вопрос. Лишь в 13,2 % ее сновидений и 6,7 % сновидений другого человека можно проследить элементы внешнего чувственного восприятия; лишь два случая из ее коллекции были обусловлены органическими ощущениями. В данном случае статистика подтверждает то, что мы подозревали, когда рассматривали результаты, полученные мной.

Часто предлагают отделить «сновидения, вызванные нервной стимуляцией» от других видов сновидений. Например, Спитта (Spitta, 1882) разделяет сновидения на те, которые обусловлены нервными стимулами, и сновидения, связанные с ассоциациями. Но этого недостаточно, пока не будет выявлена связь между соматическими источниками сновидений и комплексом представлений в них.

Наряду с первым возражением относительно постоянной наличности внешних источников раздражения можно выставить и второе – относительно недостаточности этой теории для объяснения сновидений, которая получается при введении этого рода источников сновидений. Мы имеем право потребовать от последователей этой теории объяснить нам, во-первых, почему внешние стимулы в сновидении не воспринимаются так, каковы они есть, а постоянно подвергаются искажению (вспомним пример сновидения со звоном будильника), а во-вторых, почему в ответ на такие искаженно воспринимаемые стимулы возникает такое непредсказуемое разнообразие реакций.

Штрюмпель (Strümpell, 1877) на это отвечает, что поскольку сознание спящего человека утрачивает связь с окружающим миром, оно не в состоянии адекватно интерпретировать объективные чувственные стимулы, и ему приходится конструировать иллюзии на основе весьма и весьма расплывчатых впечатлений. Вот его мнение на этот счет:

«Как только ощущение или целый комплекс ощущений, чувства или вообще какие-либо психические процессы во время сна возникают в результате какого-то внешнего или внутреннего стимула и воспринимаются сознанием, этот процесс порождает чувственные образы, которые связаны с остаточными воспоминаниями, связанными с состоянием бодрствования, – то есть более ранними представлениями, которые или лишены характерной для них психической ценности или сохраняют ее. Этот процесс, так сказать, обрастает большим или меньшим количеством подобных образов, которые придают психическую ценность нервным стимулам, которые приобретают психическую ценность. Здесь речь идет (как мы обычно и поступаем в отношении поведения в состоянии бодрствования) о том, что спящее сознание «интерпретирует» впечатления от нервных стимулов. В результате подобной интерпретации мы и получаем так называемые «сновидения, вызванные нервным стимулом», то есть те сновидения, компоненты которых обусловлены нервной стимуляцией, оказывающей свое физическое воздействие на сознание в соответствии с законом репродукции».

Вундт (1874) считает точно так же, когда утверждает, что мысли, возникающие в сновидениях, обусловлены в основном сенсорными стимулами, в особенности кинестетическими, и потому представляют собой в основном иллюзии и, возможно, лишь отчасти в чистом виде идеи, связанные с воспоминаниями, которые усиливаются, формируя галлюцинации. Штрюмпель (Strümpell, 1877) сравнивает эту ситуацию «с тем, как человек, не обученный музыке, всеми десятью пальцами барабанит что-то по клавишам фортепиано». С этой точки зрения сновидение – это не феномен в области сознания, которым управляют психические мотивы, а результат воздействия физиологического стимула, который проявляется как ряд психических симптомов, поскольку на другие реакции система, на которую этот стимул воздействует, не способна. На этом же построено сравнение, которое Мейнерт пытается использовать, чтобы объяснить навязчивые идеи, говоря, что они напоминают циферблат, где одни цифры видны лучше, чем другие[174].

Какой бы популярной ни казалась эта теория соматических стимулов и как бы ни подкупала она своей простотой, подметить ее слабые стороны легко. Любой соматический стимул, который провоцирует образование иллюзий во сне, может породить бесчисленное множество таких попыток интерпретаций, то есть отразиться на содержании сновидения в бесконечно разнообразных формах[175]. Но теория, которую разрабатывали Штрюмпель и Вундт, не в состоянии дать объяснение тому, как соотносятся поступающий извне импульс и идеи, которые он провоцирует в сновидениях, – таким образом, не дает объяснения тем «странностям, которые порождаются этими стимулами в процессе своей созидательной деятельности» (Lipps, 1883). Возникают возражения и против предположения, на котором построена вся теория иллюзий, которое заключается в том, что спящее сознание не в состоянии распознать истинную природу объективных сенсорных стимулов. Физиолог Бурдах уже давно нашел доказательства тому, что даже во сне сознание в состоянии очень правильно интерпретировать впечатления, которые получает от органов чувств, и реагирует в соответствии с этой верной интерпретацией; он приводит в подтверждение этой мысли тот факт, что конкретные чувственные впечатления могут выделяться сознанием, а другие – игнорироваться им (например, кормилица спит чутко и настроена на малыша, о котором заботится), и что человек чаще просыпается, когда произносят его имя, по сравнению с теми случаями, когда произносят не значимые для него слова; это означает, что сознание и во сне по-разному реагирует на различные сигналы, воспринимаемые

органами чувств. Из этих наблюдений Бурдах делает вывод, что дело не в том, что во время сна сознание *не теряет способность интерпретировать чувственные стимулы,* а просто *не испытывает к ним интереса.* Те же аргументы, которые приводил в 1830 г. Бурдах, мы видим у Липпса в 1833 г. в его работе, посвященной критике теорий соматических импульсов. Сознание ведет себя, как спящий человек в анекдоте, который на вопрос: «Ты спишь?» отвечает: «Нет, не сплю», когда его просят: «Тогда одолжи мне денег» – отвечает: «Я сплю».

Несостоятельность теории соматических импульсов заключается еще и вот в чем. Как показывают наблюдения, внешние стимулы не всегда провоцируют у нас сновидения, хотя и появляются в их содержании, если нам что-то снится. Допустим, на меня воздействует какой-то тактильный стимул, пока я сплю. Я могу его не заметить и увидеть, когда проснусь, что, например, у меня сползло одеяло с ноги или неправильно согнута рука; есть много примеров того, как, при наличии патологии, на спящего человека не воздействуют самые яркие и возбуждающие стимулы. Я могу ощутить их сквозь сон, что обычно и происходят с болезненными ощущениями, – но это ощущение не спровоцирует сновидения. Или, во-вторых, во сне я могу что-то почувствовать – как говорят, «сквозь сон» (что обычно происходит с болевыми стимулами-ощущениями), но эта боль не вплетется в ткань моего сновидения. Для каждого наблюдателя существуют очевидные и исполненные смысла действия спящего человека. Спящий не абсолютно слабоумен; наоборот, он может совершать логичные и волевые действия. В-третьих, я могу отреагировать на такой стимул и от этого проснуться, чтобы избавиться от источника раздражения[176]. И, лишь в-четвертых, нервный импульс может сформировать у меня сновидение. Первые три ситуации возникают не реже, чем четвертая, но и она не существовала бы, если бы ее спровоцировал лишь источник соматического раздражения.

Некоторые другие исследователи – например, Шернер (Scherner, 1861) и, впоследствии, философ Фолькельт (Volkelt, 1875), который разделял его точку зрения, – точно обозначили те пробелы в рассуждениях при объяснении сновидений как результата соматических импульсов, на которые я указывал. Эти авторы стремились более точно определить, какие именно виды деятельности сознания провоцируют такие разнообразные образы в сновидениях, возникающих под воздействием соматических стимулов при образовании сновидения; иными словами, они тоже стремились рассматривать сновидение как нечто связанное с *деятельностью сознания* – как психическую деятельность. Шернер не просто изображал психические характеристики сновидений как нечто поэтичное и исполненное жизни; он также полагал, что ему удалось выявить тот принцип, в соответствии с которым сознание обрабатывает воспринимаемые им стимулы. Он создает что-то вроде «книги сновидений», руководства по их исследованию, благодаря которому можно соотнести образы в сновидениях с соматическими стимулами, с состоянием внутренних органов и характером поступающих стимулов. «Так, например, когда снится кошка, то это выражает дурное настроение, светлый мягкий хлеб символизирует наготу человеческого тела» (Volkelt, 1875). «Все человеческое тело в целом в сновидении символически является в виде дома. В сновидениях, связанных с ощущениями в зубах, высокий сводчатый потолок символизирует свод нёба, а переход глотки в пищевод снится в образе лестницы; в сновидении, вызванном головной болью, фигурирует фантастический образ потолка комнаты, по которому ползают мерзкие пауки, напоминающие жаб» (там же). Многие подобные образы в сновидениях символизируют один и тот же орган. «Например, дышащие легкие предстают в образе горящей печки с бушующим внутри пламенем; сердце – как пустые ящики и корзины, мочевой пузырь – как круглые мешки или полые предметы. Особенно интересно, что в конце сновидения орган или его функция представляются в истинном виде и даже большей частью на собственном теле спящего. Так, например, когда снится зубная боль, то спящему снится, будто он вырывает себе зуб» (там же).

Такая теория сновидений не нашла сторонников среди большинства других исследователей. Она показалась им прежде всего слишком необычной; в ней не заметили даже той доли истины, которая в ней, несомненно, присутствует. В ней сновидения подвергаются *символическому* толкованию, как это было свойственно в античные времена, но толкование основано на том, что происходит в области физиологии человека. Шернеру не хватает научной методологии в толковании, и это слабая сторона его учения. Здесь многие толкования могут получиться произвольными, в особенности потому, что каждый стимул может проявляться в сновидении по-разному; например, уже последователь Шернера Фолькельт не

соглашался с его утверждением, что человеческое тело изображается в сновидении в виде дома. Несомненно, вызывает возражения и трактовка сновидения как бесполезной, не имеющей цели душевной деятельности, так как в соответствии с теорией, которую мы обсуждаем, сознание просто порождает фантазии по отношению к тому стимулу, который их спровоцировал, и ни в малейшей степени не стремится активно воздействовать на этот стимул.

Но существует одно серьезное возражение в отношении воззрений Шернера на символические изображения соматических стимулов в сновидении. Подобные стимулы существуют всегда, и считается, что сознание во сне получает к ним непосредственный доступ, чего не происходит в состоянии бодрствования. Тогда непонятно, почему сновидения не посещают человека всю ночь и почему ему постоянно не снятся все его органы. На это можно возразить, что глаза, уши, зубы, кишечник и другие органы должны подавать *особые сигналы,* которые и спровоцируют такие сновидения. Если нам снится, что мы летим, оттого что у нас расширяются и сжимаются стенки легких, то такое сновидение должно нас посещать чаще, как это уже отметил Штрюмпель (Strümpell, 1877), или во время такого сновидения легкие должны работать в усиленном режиме. Но возможен еще третий случай, наиболее вероятный: что иногда действуют особые мотивы, которые привлекают внимание к постоянно существующим висцеральным ощущениям; но это уже лежит за пределами теории Шернера.

Ценность теории Шернера и Фолькельта заключается в том, что она привлекает внимание к целому ряду таких характеристик содержания сновидений, которые требуют разъяснения и готовят почву для новых открытий. Сновидения действительно символически отражают органы тела и их функции; например, вода в сновидении часто означает потребность освободить мочевой пузырь, мужской половой орган изображается с помощью насоса, палки или колонны и т. д. Яркие сновидения, в отличие от тусклых сновидений, вряд ли могут объясняться чем-то, кроме воздействия на органы зрения, а слуховые раздражения могут спровоцировать формирование иллюзий в тех же сновидениях, где спящему слышатся шум и множество голосов. Шернер (Scherner, 1861) рассказывает о сновидении, в котором на мосту стоят в две шеренги красивые белокурые мальчики, которые дерутся друг с другом, а потом возвращаются на свои места, пока спящему не снится, будто сам он садится на мост и выдергивает из челюсти больной зуб. Подобное формирование сновидений, бесчисленное множество свидетельств о которых приводят другие авторы, не позволяют нам отнестись к теории Шернера как к бессмысленной игре ума, не видя в ней зерна истины. Итак, перед нами поставлена задача найти другое объяснение той символизации, которая возникла под влиянием ощущений в зубах[177].

Во время обсуждения теории соматических источников сновидения я воздерживался от использования аргументов, к которым пришел во время анализа моих собственных сновидений. Если мы сможем доказать, полагаясь на метод, не используемый другими исследователями, что сновидение само по себе представляет ценность как психический акт и что желания человека становятся мотивами, провоцирующими сновидения, а события и переживания предыдущего дня дают основной материал для его содержания, то любая другая теория сновидений, которая пренебрегает такой важной исследовательской процедурой и в которой сновидения предстают как бесполезные и загадочные психические реакции на соматические стимулы, представляется настолько несостоятельной, что для ее опровержения не требуется никакой специальной критики. Иначе – что представляется совершенно невероятным – должны были бы существовать два различных типа сновидений, одни из которых видели только мы, а другие – прежние их исследователи. Итак, нам остается лишь найти место в моей теории сновидений для тех фактов, на которых строится современная теория соматической стимуляции сновидений.

Мы уже сделали первый шаг в этом направлении, выдвинув тезис о том, что в сновидении все его стимулы обязательно объединены в одно целое и при этом они все действуют одновременно. Мы обнаружили, что два или больше важных события, которые могли произвести на человека впечатление накануне, заставляют связанные с ними желания объединиться в сновидении и что впечатления, имеющие психическую ценность для материала сновидения, объединяются с несущественными переживаниями минувшего дня, если между ними есть нечто общее. Таким образом, оказывается, что сновидения – это реакция на все, что в данный момент волнует спящего человека. Анализ предыдущих сновидений демонстрирует, что их материал представляет собой ряд психических рудиментов и остаточных воспоминаний, в отношении которых (учитывая приоритет недавних и детских впечатлений) мы можем утверждать, что они

«актуальны в данный момент» для спящего человека. Нетрудно предсказать, что именно произойдет, если к этому материалу, связанному с актуальными переживаниями, во время сна добавятся свежие впечатления. Их ценность в сновидении объясняется тем, что они актуальны; они объединяются с другими психически актуальными переживаниями и вместе с ними образуют материал сновидений. Иными словами, стимулы, возникающие во время сновидения, трансформируются в образы, иллюстрирующие осуществление желания, перерабатывая в качестве строительного материала уже знакомые нам остаточные психические явления, связанные с только что прожитым днем. Такое соединение возникает *не всегда;* как я уже указывал, возможны самые разнообразные реакции на стимулы во время сна. Но когда это *происходит,* это значит, что были найдены идеи, которые стали материалом для сновидения, и они наполнили его содержанием такого рода, что оно соответствует и соматическим, и психическим стимулам этого сновидения.

Соматический материал не изменяет психическую сущность сновидения; оно по-прежнему иллюстрирует осуществление желания, и это не зависит от формы его выражения с помощью актуального и значимого на сегодняшний момент материала.

Здесь я готов признать существование самых различных факторов, которые придают значение разнообразным внешним источникам, провоцирующим возникновение сновидений. Я полагаю, что соотношение в них индивидуальных, физиологических и случайных моментов обусловлено тем, как человек в отдельных случаях воспринимает интенсивные объективные раздражения во время сна; обычная или случайная глубина сна в связи с интенсивностью стимула иногда позволяет подавить реакцию на него настолько, что он совершенно не нарушает сна, но в другом случае то же самое раздражение может заставить человека проснуться или окажется вплетенным в его сновидение. Потому внешние объективные импульсы у одного человека могут проявляться в сновидении чаще, чем у другого. Лично я крепко сплю, и разбудить меня довольно сложно; внешние впечатления чрезвычайно редко проявляются в моих сновидениях, а вот психические мотивы чрезвычайно провоцируют у меня сновидения. Я запомнил лишь одно мое сновидение, в котором можно заметить объективный и болезненный стимул, именно на примере этого сновидения легко продемонстрировать, какой эффект может произвести стимул извне.

Мне снится, что я еду верхом на серой лошади, вначале робко и нерешительно, словно я просто двигаюсь с лошадью в такт. Я встречаю одного своего коллегу П.; он прямо сидит в седле, одет в твидовый костюм и что-то мне показывает (может быть, хочет дать мне понять, что я плохо сижу в седле). Я устраиваюсь поудобнее на моей весьма ученой лошади и вдруг замечаю, что мне очень комфортно. У меня мягкое седло, похожее на диван; оно заполняет собою весь промежуток между шеей лошади и крупом. Удобно на нем устроившись, я протискиваюсь между двумя ломовыми телегами. Проехав по улице, я поворачиваю и хочу слезть с лошади возле уютной открытой часовни, которая там находится. Потом я спешился у другой часовни. Моя гостиница находится на той же улице, я мог разрешить лошади свободно бродить по ней, но я предпочел завести ее за эту часовню. Мне как-то неловко оттого, что я приехал туда верхом. Перед гостиницей стоит мальчик, он показывает мне записку, которую я уронил, и смеется надо мной; в записке написано и дважды подчеркнуто: «Никакой еды». И вторая фраза (неразборчиво), что-то вроде: «Никакой работы». Мне как-то не по себе оттого, что я один в чужом городе и мне нечем заняться.

На первый взгляд не понять, что это сновидение было спровоцировано каким-то внешним импульсом. Накануне я страдал от фурункулов, которые мешали мне двигаться; самый большой фурункул величиною с яблоко был у меня на мошонке и причинял мне при малейшем шаге нестерпимую боль. Меня лихорадило, я потерял аппетит, но, несмотря на болезнь, усиленно работал – и при этом мучился от боли, так что все это очень утомило меня. Мне было трудно принимать больных, но, конечно, это было не так трудно для меня, учитывая характер и локализацию моей болячки, чего не скажешь о верховой езде. Но именно это мне и приснилось; это был самый энергичный протест против моих страданий, какой только можно себе было представить. Я вообще не езжу верхом, верховая езда никогда мне не снится; я всего один раз сидел на лошади, и то на неоседланной; верховая езда мне не понравилась. Но в этом сновидении я еду верхом, словно у меня и в помине нет никаких фурункулов в области промежности, – вернее, как раз потому, *что я не хотел, чтобы они у меня были.* Мое седло символизирует

согревающий компресс, благодаря которому только я и смог уснуть. Вероятно, вначале во сне я не чувствовал боли. Затем у меня появилось болезненное ощущение и стало мешать мне спать; но вот сформировалось сновидение и стало меня убаюкивать: «Нет! Продолжай спать; зачем тебе просыпаться?! Нет у тебя никаких фурункулов, ты едешь верхом на лошади. Ведь если бы у тебя были боли в таком месте, ты бы не мог сидеть в седле!» Сновидение убаюкало меня: боль прошла, и я мирно спал.

Мало того что это сновидение внушило мне, что фурункулов нет, навязав мне образы, совершенно несовместимые с моей болезнью; при этом оно, словно мать, которая потеряла своего ребенка, и в бреду ей кажется, что это не так; или как торговец, который потерял все свое состояние, а ему кажется, что все в порядке[178]. Детали подавляемых ощущений и образ, который я использовал для подавления этих ощущений, также служили в этом сновидении связкой с *другим*материалом, который ассоциировался с недавними событиями и из которого и были выстроены эти образы. Я ехал на *серой* лошади; цвет лошади соответствует в точности коляске цвета *«соль с перцем»,* в которой я недавно встретил моего коллегу П. *Острая пища* мне запрещена из-за фурункулеза; я предпочитаю считать этиологическим моментом именно ее, а не сахар, о котором можно думать при фурункулезе. Коллега П. немного задирает передо мною нос, особенно с тех пор, как он переманил у меня одну пациентку, в лечении которой я применял весьма интересные *приемы.*В сновидении я вначале сижу на лошади в странной позе, как клоун в цирке, то есть применяю разные *приемы* верховой езды; но эта пациентка, как норовистая лошадь в анекдоте[179], во время нашего лечения «брыкалась». Таким образом, лошадь символизирует мою пациентку (она в моем сновидении *очень умна). «Я чувствую себя совершенно комфортно»,* так я чувствовал себя в семье, из которой меня вытеснил коллега П. «Я думал, вы хорошо держитесь в седле», – сказал мне недавно по этому поводу один известный венский врач, один из моих немногих доброжелателей. С такими болями, как у меня, нужны были особые приемы, чтобы по 8–10 часов проводить сеансы психотерапии, но я знаю, что не смогу долго продолжать работать из-за болезни, и сновидение мрачно намекает мне на эту угрожающую ситуацию. (Когда неврастеники приходят к врачу, они показывают ему записку, которую принесли с собой: *«Никакой работы, никакой еды».)* Продолжая этот анализ, я замечаю, что сновидение от желания избавить меня от болезни, рисуя мне картину верховой езды, переходит к эпизоду моего детства: к ссоре, которая произошла между мной и одним моим племянником, который на год старше меня и сейчас живет в Англии. Кроме того, в нем содержатся эпизоды моих путешествий по Италии; улица в этом сновидении похожа на те, что я видел в Вероне и Сиене. Более глубокий анализ приводит меня к мыслям сексуального характера; я вспоминаю, что обозначал намек на прекрасную страну в сновидении одной пациентки (gen Italien – ехать в Италию, genitalien – гениталии); это связано и с домом, где я лечил пациентку до того, как коллега П. занял мое место, и о том, где именно у меня вскочил фурункул.

В другом сновидении[180] я так же успешно защитился от внешнего воздействия, которое могло прервать мой сон. В этот раз я лишь случайно обнаружил взаимосвязь между этим сновидением и случайным стимулом. И так смог понять это сновидение. Однажды утром, в жаркий летний день, я проснулся в тирольском городке и вспомнил, что мне приснилось: *папа римский умер.* Я никак не мог понять этот сон – в нем не было образов, – лишь незадолго до этого в газете появилось сообщение о легком недомогании понтифика. Но во время завтрака моя жена спросила у меня: «Ты слышал сегодня утром, как громко звонили колокола?» Я и не думал, что слышал это, но теперь понял, о чем было это сновидение. Так во сне я отреагировал на этот шум, стараясь не проснуться, а набожные тирольцы хотели меня разбудить. В моем сновидении я отомстил им тем, что именно мне приснилось, и продолжил мирно спать, не проявляя никакого интереса к их колокольному звону.

В сновидениях, о которых шла речь в предыдущих главах, можно найти несколько ярких примеров переработки так называемых нервных стимулов. Таким примером может служить сновидение о питье залпом; в нем соматическое раздражение является, по-видимому, единственным источником сновидения, а желание, вызванное ощущением, – жажда – единственным его мотивом. Точно так же обстоит дело и в других простых сновидениях, когда соматическое сновидение само по себе способно осуществить желание. Сновидение больной, которая ночью срывает у себя со щеки охлаждающий аппарат, изображает довольно

необычайную реакцию, когда осуществляется желание, связанное с болезненным ощущением. Создается впечатление, что больной женщине удалось на некоторое время преодолеть боль, причем свои боли она приписала другому человеку.

Мое сновидение о трех Парках, очевидно, спровоцировано чувством голода, но оно образно представляет его как потребность ребенка в материнской груди и так камуфлирует с помощью невинного желания более взрослую потребность лишенной возможности проявиться в таком неприкрашенном виде. В сновидении о графе Туне мы видели, каким образом случайная физическая потребность может совпадать с наиболее сильными, но и с наиболее подавленными стремлениями. В примере Гарнье первый консул в сновидении принял взорвавшуюся адскую машину за взрыв во время сражения, и здесь чрезвычайно ясно обнаруживается единственный мотив, который управляет чувствами во время сна. Молодой адвокат, уснувший после обеда в день своего первого большого выступления, ведет себя, как Наполеон. Ему снится какой-то Г. Рейх из Гуссиятина (Hussiatyn), с которым он столкнулся в деле о банкротстве, но элемент сновидения «Гуссиятин» снова и снова повторяется в сновидении; он просыпается и слышит, что его жена, страдавшая бронхитом, сильно кашляет (по-немецки звучит похоже – «husten»).

Давайте сравним это сновидение Наполеона, который, кстати, отличался крепким сном, с другим сновидением этого студента, которому вслед за словами хозяйки, которая стучала в его дверь и говорила, что пора идти на работу в больницу, приснилось, будто он спит в госпитале, и он продолжает спать, сказав себе: «Раз я уже в больнице, то мне и вставать не нужно». Последнее сновидение было вызвано, очевидно, стремлением к удобству; спящий сознает мотив своего сновидения, но при этом помогает и раскрыть загадку сновидения в принципе. В некотором смысле все сновидения вызваны стремлением к удобству, желанием продолжить сон и не вставать. Сновидения СТОЯТ НА СТРАЖЕ сна, а не разрушают его. У нас будет возможность доказать этот тезис в отношении *психических* факторов, которые присутствуют при пробуждении; но уже сейчас мы в состоянии доказать это в отношении объективных внешних стимулов. Сознание либо совершенно не реагирует на чувственные импульсы во время сна, насколько только это возможно, учитывая интенсивность и придаваемое им значение этих стимулов, или с помощью сновидения отрицает сам факт того, что подобные импульсы существуют, или же, в-третьих, признавая их, старается истолковать их таким образом, чтобы актуальные ощущения вплелись в ситуацию, которая создана в сновидении. То ощущение, которое испытывает спящий, вплетается в сновидение, *чтобы утратить свою реальность.* Ощущение вплетается в сновидение и тем самым лишается своей реальности. Наполеон может спать дальше – твердо убежденный в том, что его может разбудить лишь взрыв под Арколе[181].

Итак, стремление спать *(на котором сконцентрировано сознательное эго и которое вместе с действующей в сновидении цензурой и «вторичным переосмыслением», о котором я упомяну позже, составляют долю «эго» в сновидении)* согласуется с другими желаниями, из которых то одно, то другое сбывается во сне[182]. Но мы обнаружили в желании спать тот фактор, который может заполнить пробел в теории Штрюмпеля и Вундта и объяснить, отчего внешние стимулы в сновидении интерпретируются столь причудливым и странным образом. Если нужно интерпретировать их правильно, то для этого необходимо, чтобы спящее сознание проявило к ним интерес, а тогда придется проснуться; поэтому сознание выбирает из числа всевозможных интерпретаций лишь те, которые согласуются с абсолютным цензурным требованием – продолжать спать. «Это соловей, а не ласточка». Потому что если это – ласточка, то ночи любви пришел конец[183]. Из всех возможных толкований того импульса, который воспринимается сознанием, выбирается именно тот, который больше всего согласуется с желаниями человека. Итак, все заранее решено, и ничего произвольного или случайного не существует. Неправильное толкование – это не иллюзия, а, если угодно, только предлог. И здесь снова проявляется цензура в сновидении, замена одного на другое происходит посредством смещения, и мы вынуждены признать, что здесь мы сталкиваемся с действием, которое отклоняется от психической нормы.

Если внешние и внутренние физические стимулы достаточно интенсивны для того, чтобы вызвать психическую реакцию, – при условии, что в результате этого продолжается сон и человек не просыпается, – они представляют собой стартовую точку для образования сновидений и становятся его ядром, осуществление желания затем подгоняется под него таким же образом, как и (см. выше) представления-посредники, которые соединяют друг с другом два

психических стимула сновидений. Это справедливо для некоторых сновидений, поскольку их содержание посвящено какому-то конкретному соматическому элементу. Это крайний случай, и тогда в качестве материала для сновидения может быть выбрано даже неактуальное желание. Но у сновидения выбора нет – оно должно изображать осуществленное желание; оно, так сказать, должно отыскать такое желание, чтобы изобразить, как оно сбылось, используя те ощущения, которые человек переживает в данный момент. Если такой актуальный материал связан с болью или чем-то неприятным, то это вовсе не означает, что он не годится для формирования сновидения. В сознании отражаются такие желания, осуществление которых неприятно. В этом заключено какое-то противоречие; но мы понимаем, в чем тут дело, когда принимаем во внимание существование двух движущих сил и цензуры, которую одна из них осуществляет в отношении второй.

Мы знаем о существовании подавленных желаний, которые связаны с первой системой, а вторая система мешает им осуществиться. Когда я делаю утверждение о том, что подобные желания существуют, я не считаю, что они когда-то были, а затем их уничтожили. Теория подавления желаний, которая принципиально важна для исследования психоневрозов, утверждает, что подавленные желания *продолжают* существовать – хотя при этом они продолжают подавляться. В языке существует фраза «подавление» (то есть давление вниз), которую применяют по отношению к подобным импульсам. Физиологически такие импульсы стремятся к тому, чтобы сохраниться в сознании и продолжать действовать. Если произойдет так, что подобное подавляемое желание будет реализовано, а цензура, которую осуществляет вторая движущая психическая сила (отвечающая за сознание), будет разрушена, это поражение второй системы выразится как неудовольствие. Итак, если человека беспокоят во сне неприятные ощущения соматического происхождения, то это вплетается в процессы формирования этого сновидения, чтобы продолжить до той или иной степени подвергать цензуре реализацию того желания, которое до того обычно подавлялось[184].

Именно поэтому возникает целая группа сновидений, которые вызывают беспокойство, потому что в таких сновидениях присутствуют такие структуры, которые с точки зрения теории желаний существовать не могут. Во второй группе сновидений действует иной механизм; поскольку у беспокойства, которое спящий ощущает, могут быть психологические невротические причины; оно может быть обусловлено психологическим сексуальным возбуждением, а в этом случае оно связано с вытесненным либидо. В таких случаях чувство беспокойства, как и весь беспокойный сон в целом, указывает на неврологическую симптоматику, и здесь недалеко до того рубежа, за которым теория осуществления желаний в сновидении не применима. Но существуют такие сновидения, где причины беспокойства – соматические, например у легочных и сердечных больных, когда у них возникают затруднения при дыхании; и в подобных случаях в сновидении возникают в образном виде такие энергично подавленные желания, проявление которых психологически могло бы обосновать это ощущение страха. Нетрудно отметить общие черты двух этих на первый взгляд различных групп. В обеих группах участвуют два психических фактора: стремление к аффекту и те идеи, которые присутствуют в содержании; они переплетены друг с другом. Если один из них в данный момент начинает активно действовать, то он провоцирует и другой, который возникает в сновидении; в первом случае соматически обусловленное беспокойство вызывает к жизни подавляемые мысли, а во втором – мысли с сексуальным подтекстом, которые больше не подавляются, вызывают приступ беспокойства. Нам трудно осознать это не потому, что все это происходит в сновидениях, а потому, что здесь мы сталкиваемся с проблемой источников беспокойства и проблемой подавления (импульсов и аффектов. – *Примеч. пер.).*

Нет никаких сомнений в том, что кинестетика (или общая диффузная чувствительность) – это один из внутренних соматических стимулов, от которых зависит содержание сновидений, которое не оказывает прямого воздействия на содержание сновидения, но заставляет его так сортировать материал образования сновидений, чтобы выбрать из него те идеи, которые соотносятся со специфическими свойствами этого стимула, а другой материал отбраковать. Кроме того, остаточные ощущения дня накануне сновидения, без сомнения, переплетаются с остаточными психическими явлениями, которые так важны для сновидений. В сновидении основное настроение спящего может сохраниться, и, таким образом, если оно человеку неприятно, может превратиться в свою противоположность.

Я полагаю, что соматические источники стимуляции в состоянии сна (то есть ощущения во время сна) при обычной интенсивности в формировании сновидений играют почти такую же роль, как и незначительные для спящего человека недавние впечатления дня накануне этого сновидения. Я считаю, что они способствуют формированию сновидения, если вписываются в те мысли, которые возникают у спящего в силу психологических причин, иначе этого просто не происходит. С ними обращаются, как с дешевым материалом, который всегда под рукой и которым можно пользоваться, когда захочешь, в отличие от дорогого материала, который сам диктует мастеру свои условия. Можно сравнить это с ситуацией, когда состоятельный заказчик приносит художнику какой-нибудь редкий камень, например кусок оникса, и поручает сделать из него что-то красивое – в этом случае размер камня, его окраска и текстура подсказывают, какой бюст или какую скульптурную композицию необходимо из него выполнить. Если же это обычный материал, которого всегда достаточно, – например мрамор или песчаник, то скульптор просто воплощает в нем свою собственную идею. Я полагаю, что именно этим мы можем объяснить то обстоятельство, что содержание сновидения, вызванного обычными по интенсивности соматическими стимулами, не повторяется во всех сновидениях и каждую ночь[185].

Я постараюсь проиллюстрировать свою точку зрения примером, который, кроме всего прочего, вернет нас к толкованию сновидений. Однажды я постарался понять, что означает ощущение скованности, невозможности сдвинуться с места, невозможности совершить какое-то действие, которые так часто снятся человеку и так связаны с беспокойством. Однажды ночью, после того как я размышлял на эти темы, мне приснилось вот что:

Я полуодетый поднимаюсь из квартиры в нижнем этаже по лестнице на верхний этаж. Я перепрыгиваю через три ступеньки и радуюсь, что могу так легко подниматься по лестнице. Внезапно я вижу, что навстречу мне вниз по лестнице идет горничная. Мне становится стыдно, я спешу и вдруг чувствую, что меня не слушаются руки и ноги, меня словно приковывают к ступенькам, и я не могу тронуться с места.

Анализ сновидения. На эту ситуацию повлияла реальная ситуация из жизни. У меня в Вене есть две квартиры в одном доме, соединенные между собою только лестницей. На первом этаже у меня расположены приемная и кабинет, а на втором этаже находятся жилые комнаты. Когда я поздно вечером засиживаюсь за работой, я поднимаюсь ночью по этой лестнице к себе в спальню. Вечером накануне сновидения я действительно поднялся по лестнице не совсем одетый: я снял воротник, галстук и манжеты; в сновидении же я был практически голый, но, как это часто бывает во сне, картинка была нечеткая. У меня есть привычка перепрыгивать через ступеньки; в этом сновидении и сбывается одно из моих желаний: то, что я с такой легкостью преодолеваю ступеньки, убеждает меня в том, что у меня все в порядке с сердцем. Далее, такой способ передвижения вверх по лестнице резко противоречит ощущению скованности во второй половине этого сновидения. Это доказало мне – на что, собственно, доказательств и не требуется, – что в сновидениях очень легко изображаются моторные навыки, доведенные до совершенства. (Вспомните хотя бы те сны, где мы летаем.)

Но та лестница, по которой я поднимаюсь, не похожа, на лестницу моего дома; сначала я ее не узнаю, и только увидев, как горничная идет мне навстречу, я понимаю, где именно я нахожусь. Это горничная одной пожилой дамы, которой два раза в день я делаю инъекции; лестница в сновидении очень похожа именно на ту, по которой я поднимаюсь к этой даме два раза в день.

И как же эта лестница и эта дама попали в мое сновидение? У чувства стыда за беспорядок в моей одежде, безусловно, есть сексуальный подтекст; а горничная, которая мне приснилась, гораздо старше меня, ворчлива и далеко не привлекательна. По этому поводу мне приходит в голову только следующее: когда я утром прихожу в этот дом, у меня обычно на лестнице начинается кашель и выделяется мокрота; мокроту я обычно сплевываю на лестницу. На ней нет ни одной плевательницы, и я думаю, что лестница скорее станет чище, если владелец дома поставит там плевательницы. Но у привратницы, чистоплотной, старой и ворчливой, другая точка зрения. Она пытается поймать меня на месте преступления, и я всякий раз слышу, как она ворчит на меня. Обычно несколько дней после этого она со мной не здоровается при встрече. Накануне этого сновидения к этой привратнице присоединилась и горничная. Я, как всегда, торопился закончить свой визит и уже собирался уходить, когда в передней меня остановила

горничная и сказала: «Надо было бы вытереть ноги, господин доктор, прежде чем входить в комнаты. Посмотрите, как вы опять наследили на красном ковре». Вот откуда взялись в моем сновидении лестница и горничная.

Мои скачки через ступени и плевки на лестнице тоже связаны между собой. Катар горла и сердечная болезнь – это наказание за мою пагубную привычку курить, за что мне тоже часто достается от моей жены; и в моем доме, и в другом со мной неласковы; в сновидении два этих образа совпали.

Я должен отложить дальнейшее толкование этого сновидения, пока не объясню происхождение распространенных сновидений, в которых человек полуодет. Замечу только, до того как обобщить результат этого сновидения, что ощущение скованности в сновидении появляется каждый раз, когда этого требует конкретный контекст. Источник содержания этой части сновидения не может быть связан с какими-то особенностями моей манеры передвижения, поскольку буквально пару минут назад (словно в подтверждение тому) я легко несся вверх, перепрыгивая через ступеньки[186].

Г. Типичные сновидения

Вообще-то, мы не можем истолковать сновидение другого человека, если он не готов поделиться с нами теми бессознательными мыслями, которые лежат в его основе. Это значительно ограничивает область применения нашего метода[187]. Мы уже могли убедиться, что, как правило, каждый человек произвольно конструирует мир своих сновидений, и потому они не очень понятны другим людям. Тем не менее существуют некоторые виды сновидений, которые снятся почти всем людям и значение которых, как мы привыкли считать, для всех одинаково. Эти типичные для всех сновидения особенно интересны тем, что их источники, скорее всего, одинаковы для всех людей, и на их примере можно попробовать пролить свет на источники сновидений в целом.

Итак, исполненные особых надежд, мы попробуем применить наши техники толкования сновидений к этим типичным сновидениям и с неохотой признаемся в том, что именно этот материал не оправдает наших ожиданий. Если мы приступим к толкованию типичного сновидения, то тот, кому оно приснилось, не сможет, как правило, предоставить нам ассоциаций, которые в отношении других типов сновидений помогли бы их интерпретировать. Отчего так происходит и как мы разрешаем это затруднение, мы выясним в другой части нашей книги. Тогда читателю станет также понятно, отчего я могу обсуждать здесь лишь некоторые из типичных сновидений и почему я откладываю обсуждение других образцов типичных сновидений на потом[188].

α. Сновидения о наготе, вызывающие смущение

Бывает так, что в сновидении о том, что голый или неряшливо одетый человек разгуливает в присутствии других, чувства стыдливости не возникает. Нас же здесь интересуют именно те сновидения, в которых человек во сне ощущает стыд и смущение, хочет убежать или спрятаться и при этом испытывает особое чувство скованности: он не может двинуться с места или изменить неприятную ситуацию, в которой оказался. Лишь в этом смысле сновидение можно считать типичным: его основное содержание может раскрываться в самых разных контекстах и с самыми разными индивидуальными особенностями. В основном (в своей типичной форме) во всех этих снах люди страдают от чувства стыда из-за своей наготы, пытаясь скрыться. Но у них это не получается. Я думаю, что большинству моих читателей такое снилось.

Весьма непросто понять, почему человеку снится, что он голый. Тот, кому такое приснилось, может сказать: на мне была рубашка», но картина обычно нечеткая. Обычно беспорядок в одежде настолько неконкретен, что это описание представляет собой некую альтернативу увиденному во сне: «На мне была рубашка или нижнее белье». Обычно беспорядок в одежде не настолько существенный, чтобы чувство стыда, которое человек в связи с этим испытывает, было бы оправданным. Например, человеку снится, что он был одет, как император, и вместо наготы ему снится какой-то недочет в его одежде: «Я шел по улице без сабли и повстречал офицеров, которые шли мне навстречу», или «На мне не было галстука», или «На мне были не военные галифе, а обычные брюки, какие носят гражданские люди».

Люди, в чьем присутствии человеку становится стыдно, обычно незнакомцы, и черты их лица не разобрать. В типичном сновидении никогда не бывает так, чтобы этот беспорядок в одежде, от

которого человеку так неловко, навлек бы на него критику или был бы замечен окружающими. Наоборот, у них безразличное, а может быть, торжественное или чопорное выражение лица (мне однажды именно это и приснилось). Это заставляет задуматься.

Чувство смущения у спящего и безразличие окружающих противоречат друг другу, и так в сновидениях происходит довольно часто. Было бы понятно, если бы незнакомцы с удивлением смотрели на него, воспринимали бы его вид с осуждением или негодованием, но я считаю, что эта, вызывающая подобные возражения, характеристика такой ситуации связана с тем, что в ней нет изображения сбывшегося желания, и при этом какая-то сила заблокировала все другие ее характеристики, поэтому две части сновидения противоречат друг другу. У нас есть одно интересное доказательство того, что сновидение в той форме, в которой оно здесь возникает, – частично искаженное с точки зрения теории об осуществившемся желании – было понято неправильно. Именно оно стало основой одной сказки, известной в изложении Андерсена («Новое платье короля»), и было поэтически использовано Людвигом Фульдой[189] в его драматической сказочной истории «Талисман». В сказке Андерсена рассказывается о двух обманщиках, которые соткали для короля драгоценное платье, которое видели лишь добрые и верные подданные. Король выходит на улицу в этом невидимом платье, и все, из опасения, что волшебное платье выдаст отсутствие у них должных качеств подданного, делают вид, что не замечают наготы короля.

Именно это мы и видим в таком сновидении. Мы можем смело утверждать, что непонятное содержание сновидения, в том виде, в котором оно отразилось в нашей памяти, воспроизводится в той форме, которая и делает ситуацию понятной. Но первоначальное значение этой ситуации утрачивается, и она начинает выполнять несвойственные ей функции. Далее мы сможем убедиться в том, что сознательная мыслительная деятельность, которая является неотъемлемой частью второй движущей психической силы, часто неверно интерпретирует значение сновидения таким образом, именно в результате подобного непонимания и создается окончательная форма сновидения[190]. Более того, мы узнаем, что подобное заблуждение (которое происходит в психическом пространстве одной и той же личности) играет основную роль в формирований навязчивых идей и фобий.

Мы можем сказать, откуда наше сновидение черпало материал для этих превращенных форм. Обманщики – это сновидение, король – это сам спящий человек, нравственная цель этого сновидения выявляет неявное знание того, что в этом сновидении есть латентное содержание, связанное с запретными желаниями, которые подверглись процессу вытеснения. Контекст, в котором появляются такие сновидения в моей аналитической работе с невротиками, безусловно, связан с воспоминаниями раннего детства. Лишь в детстве мы показывались полураздетыми в обществе наших родных, воспитателей, прислуги и гостей, и тогда мы не стыдились своей наготы[191]. У многих детей, даже в старшем возрасте, раздевание вызывает какое-то странное удовольствие, а не стыд. Они смеются, прыгают, хлопают себя по телу – мать или кто-либо другой, кто это видит, запрещает им делать это, приговаривая: «Фу, безобразие! Стыд какой!» У детей часто проявляются эксгибиционистские наклонности. Пройдитесь по любой деревне, и обязательно увидите 3–4-летнего ребенка, который как бы в честь вашего прихода обязательно задерет рубашку. У одного из моих пациентов сохранилось воспоминание об одном эпизоде времен его раннего детства: ему было восемь лет, и однажды, раздевшись перед сном, он захотел было отправиться в рубашке к своей маленькой сестренке в соседнюю комнату, но няня его туда не пустила. В рассказах невротиков об их детстве раздевание перед детьми другого пола имеет большое значение; с этим тесно связан бред параноиков, им кажется, что, когда они переодеваются, за ними кто-то наблюдает; среди тех личностей, кто застыл именно на этой извращенной фазе развития, есть одна категория людей, у которых подобное поведение так ярко выражено, что стало симптомом неблагополучия, – это эксгибиционисты[192].

Когда мы оглядываемся на этот период детства, не омраченный стыдом, он кажется нам раем, а что такое рай? Это всего лишь коллективная фантазия о детстве человека. Потому в раю люди и ходят обнаженными и не стыдятся друг друга до того момента, когда в них пробуждается стыд и страх, после этого происходит изгнание из рая, начинается сексуальная жизнь и погружение в культуру. Но каждую ночь в этот рай нас переносит сновидение. Я уже высказывал предположение, что впечатления раннего детства (с его доисторических времен до третьего года жизни) стремятся возродиться в настоящий момент, а их появление снова и снова рисует картину

осуществившегося желания. Итак, получается, что сны о наготе – это сны эксгибиционистской направленности[193].

В центре эксгибиционистского сновидения образ самого спящего, но не в детстве, а в настоящий момент, и беспорядок в одежде (образ его расплывчат или в силу влияния многочисленных поздних воспоминаний, или в силу влияния цензуры). В нем возникают и образы людей, перед которыми спящий испытывает неловкость. Я не знаю ни одного примера, где спящий видел бы реальных свидетелей своих детских эксгибиционистских поступков. Сновидение не представляет собой простого воспоминания. Интересно, что те, кто в детстве вызывает у нас сексуальный интерес, никогда не фигурируют ни в сновидении, ни в истерии, ни в неврозах. Они снова появляются лишь в бреду при паранойе, и, хотя их не видно, пациент фанатично верит в их присутствие. Вместо них в сновидении появляется «множество чужих людей», которые не обращают никакого внимания на наготу, которая предстает их взорам, в отличие от того, кому спящий демонстрировал свое тело на самом деле. Кстати, элемент сновидения «множество чужих людей» может возникнуть в них и в других контекстах; он всегда выражает желание, которое намеренно разрушает «интимность и тайну»[194]. Необходимо отметить, что, даже при паранойе, где восстанавливается исходная ситуация, наблюдается подобная инверсия, когда образы переходят в собственную противоположность. Человек больше не чувствует себя одиноким, у него нет сомнений, что на него смотрят, но наблюдатели – это «множество незнакомцев», и непонятно, что это за люди.

Кроме того, процесс вытеснения играет важную роль в эксгибиционистских сновидениях. Мучительное ощущение в сновидении представляет собой реакцию второй движущей психической силы на то, что устраненное ею содержание эксгибиционистского эпизода проявилось снова. Если человеку необходимо спастись от неприятных чувств, эта сцена больше никогда не должна повториться.

Далее мы снова вернемся к обсуждению чувства скованности. В сновидении оно прекрасно выражает конфликт в волевой сфере или что-то отрицательное. Существует неосознанная цель, которая заставляет человека продолжать предаваться эксгибиционизму, но по цензурным соображениям такое поведение должно прекратиться.

Нет сомнения, что существует множество отнюдь не случайных связей между нашими типичными сновидениями и сказками, а также другими плодами творческой мысли. Очень часто проницательный взгляд поэта замечает процесс превращения и служит средством его воплощения. Он воспроизводит этот процесс в обратном виде, и поэзия стремится превратиться в сновидение. Один мой коллега обратил мое внимание на следующее место из «Зеленого Генриха» Готфрида Келлера (часть III, глава 2):

«Я надеюсь, мой дорогой Ли, что вы никогда не испытаете на себе то чрезвычайно *пикантное*положение, когда Одиссей, голый, покрытый лишь мокрой тиной, предстает пред Навсикаей и ее подругами! Хотите знать, как это происходит? Давайте рассмотрим этот пример. Вы вдали от родного дома, от всего, что вам дорого; вы много видели, много слышали, вы опечалены и озабочены. Вы одиноки, вас покинули, и в этом состоянии вам, наверное, ночью приснится, что вы приближаетесь к своей родине; вот она предстает перед вами, яркая и сияющая; навстречу вам выходят красивые, дорогие вам, родные люди. А вы – в лохмотьях, голый, покрытый слоем пыли и грязи. Вам так стыдно и страшно, вы стараетесь прикрыться, спрятаться и просыпаетесь весь в поту. Вот что снится несчастному страннику с начала сотворения мира, а Гомера на описание этой картины вдохновили самые глубины человеческой души».

Эти глубины человеческой души, к которым обычно взывает поэт, обращаясь к своим слушателям, связаны с импульсами сознания, которые корнями уходят в дни самого раннего детства и воспринимаются как события доисторических времен. В основе сознательных и не вызывающих возражений желаний людей, которые находятся вдали от родины, в сновидении выплывают подавленные запретные желания детства, и потому это сновидение, как в легенде о Навсикае, почти всегда вызывает беспокойство.

Мое собственное сновидение, где я перепрыгиваю через несколько ступенек, в котором потом появилось ощущение скованности, тоже носит эксгибиционистский характер, так как обладает его основными характеристиками. Потому оно связано с переживаниями детства, и в них хорошо бы разобраться, поскольку поведение горничной и ее упрек в том, что я наследил на ковре,

перенесли ее в мое сновидение. Я мог бы действительно выяснить все необходимые для этого толкования детали. В психоанализе мы учимся связь одновременных событий трактовать как причинно-следственную; две мысли, по-видимому, не связанные друг с другом, представляют собой единое целое, которое необходимо выявить, – как буквы *а* и *б,* написанные рядом, образуют слово *«аб»*. То же касается и сновидений. Это сновидение о лестнице – лишь одно из многих таких сновидений, которые следовали одно за другим; и мне стали понятны и все остальные из них. Поскольку одно сновидение связано с другими, все они должны касаться одного и того же предмета. Все они связаны с воспоминаниями о няне, которая растила меня до двухлетнего возраста; я ее очень смутно помню; недавно моя мама рассказала, что няня была старая и некрасивая, но очень умная и добросовестная. Из анализа моих сновидений я знаю, что она не всегда относилась ко мне ласково и нежно, иногда даже ругала, когда я не был достаточно чистоплотен и опрятен. Стараясь, таким образом, продолжить мое воспитание, горничная в моем сновидении претендует на то, чтобы я относился к ней, как к моей «доисторической» няне. Думаю, что, хотя она и была со мной строга, я все же любил ее, потому что она преподала мне первые важные уроки[195].

β. Сновидения о смерти близких людей

Другая группа так называемых типичных сновидений связана с картинами смерти близких, родных, родителей, братьев, сестер, детей и других дорогих нам людей. Бывают два вида таких сновидений: одни не вызывают у спящего тяжелой скорби, и по пробуждении он удивляется собственной бесчувственности, и другие, во время которых от горя и щемящего чувства утраты спящий может горько расплакаться.

Сновидения первого рода мы пока рассматривать не будем; они не относятся к числу типичных. Во время их анализа мы убеждаемся, что они означают нечто совершенно не связанное и что они предназначены исключительно для прикрытия какого-либо другого желания. Такое сновидение посещает молодую даму, которая увидела своего племянника, единственного сына своей сестры, лежащим в гробу (см. выше). Это не значит, что она желает смерти своему маленькому племяннику, а лишь скрывает в себе желание после долгого промежутка увидеть любимого человека, которого она как-то раз увидела у гроба другого своего племянника, после того как они долго не встречались. Это желание, выражающее подлинное содержание сновидения, не вызвано чувством скорби, и спящая женщина его не испытывает и в этом сне. Становится понятно, что ощущение в этом сновидении относится не к его содержанию, доступному непосредственному наблюдению, а к скрытому содержанию и *аффективное* содержание сновидения не было подвержено тому искажению, которое изменило *содержание идей* в нем[196].

Иначе обстоит дело со сновидениями, в которых изображается смерть любимого родственника и которые вызывают болезненный аффект. В этих сновидениях выражается пожелание смерти такому близкому человеку. Поскольку подобная мысль вызовет яростное сопротивление многих моих читателей, я должен как можно подробнее объяснить, что именно я имею в виду.

Я уже обсуждал сновидение, в котором выяснилось, что желания, которые в нем сбылись, не всегда изображают то, к чему мы стремимся в данный момент. В сновидении могут осуществляться и давно забытые, не актуальные и вытесненные желания; поскольку они снова возникают в сновидении, мы должны признать, что они все еще существуют. Это не мертвые желания в полном смысле этого слова, они, как тени в «Одиссее», которые, напившись крови, вновь пробуждаются к жизни. В сновидении о мертвом ребенке в ящике речь шла о желании, которое было актуально пятнадцать лет тому назад, и с тех пор в нем откровенно признавались. Я добавлю – и это имеет принципиальное значение для теории сновидений, – что даже в основе этого желания скрывается воспоминание самого раннего детства. Еще маленьким ребенком – мне не удалось точно установить, когда именно, – пациентка моя слышала, что ее мать, будучи беременна ею, страдала меланхолией и от всей души желала смерти ребенку, которого носила. Когда моя пациентка стала взрослой и ждала своего ребенка, она повела себя так же, как и ее мать.

Если кто-то страдает во сне оттого, что его отец, мать, брат или сестра умирают, то я не воспользуюсь этим сновидением в качестве доказательства того, что этот человек

именно *теперь*желает им смерти. Теория сновидения этого не предполагает до такой степени; в соответствии с ней достаточно лишь того, что он *когда-то* желал – когда-нибудь в детстве – их смерти. Я боюсь, однако, что и это пояснение все еще недостаточно успокоит моих читателей; они, наверное, так же энергично будут протестовать против того, что они даже в детстве когда-нибудь могли испытывать подобные желания. Мне придется поэтому воссоздать здесь часть погибшей душевной жизни ребенка по их отголоскам в наши дни[197].

Давайте обратимся к взаимоотношениям детей и их братьев и сестер. Я не знаю, отчего мы утверждаем, что они полны любви друг к другу; у нас есть достаточно примеров вражды между братьями и сестрами в зрелом возрасте, и мы часто можем констатировать, что эта вражда начинается с детства или даже наблюдается с самого их рождения. Но, с другой стороны, есть много взрослых, которые с нежностью относятся к своим братьям и сестрам, а в детстве они постоянно враждовали с ними. Старший ребенок плохо относился к младшему, дразнил его, бил, отнимал у него игрушки; младший питал бессильную злобу к старшему, завидовал ему и боялся его, и в его отношении к старшему выражалось первое в жизни стремление к свободе и желание защитить свои права. Родители говорят, что дети терпеть не могут друг друга, но не понимают, отчего так происходит. Нетрудно убедиться в том, что характер «хорошего ребенка» несколько иной, чем у взрослого. Ребенок абсолютно эгоистичен, он интенсивно переживает свои потребности и яростно стремится к их удовлетворению, особенно в отношениях со своими соперниками, другими детьми и, прежде всего, своими братьями и сестрами. Но от этого мы не считаем этого ребенка «злым», мы говорим, что он «безобразник», мы не считаем его ответственным за его проступки или преступником. И это вполне справедливо: мы имеем основания надеяться, что еще в период детства в маленьком эгоисте проснутся альтруистические наклонности и нравственность, как говорил об этом Мейнерт (Meynert, 1892), вторичное «Я» окажет влияние на первичное «Я» и подавит его. Правда, нравственное чувство пробуждается не сразу и не во всем, и у разных детей период пренебрежения нормами морали длится разное количество времени. Если нравственное чувство так и не разовьется, то мы называем таких людей «дегенератами», хотя на самом деле речь идет о сбое в развитии. После того как характер маленького ребенка претерпел изменения в ходе его дальнейшего развития, он снова может проявиться в своем первозданном виде, например при истерии. В поведении непослушного ребенка и человека, страдающего истерией, весьма много общего. А невроз навязчивых состояний, напротив, является проявлением преувеличенного развития нравственности, которая тяжким бременем упала на неокрепшую душу человека, характер которого еще не сформировался.

И потому многие из тех, кто сейчас любит своих братьев и сестер и кто не вынес бы их смерти, бессознательно носят в себе злые желания давних лет, которые могут возникать в сновидениях. Чрезвычайно интересно наблюдать за отношением маленьких детей до трех лет и младше к их младшим братьям и сестрам. Ребенок до появления на свет младших детей был единственным в семье; а теперь ему говорят, что аист принес ему братца или сестрицу. Ребенок смотрит на пришельца и говорит категорическим тоном: «Аист может унести его обратно!»[198] Я совершенно серьезно верю в то, что у ребенка может сформироваться адекватная оценка событий, которых он может ожидать в связи с появлением в его жизни маленького незнакомца – братика или сестрички. Одна моя знакомая дама, у которой сейчас прекрасные отношения с сестрой, на четыре года ее младше, рассказала мне, что, когда ей показали новорожденную сестричку, она упрямо воскликнула: «Но все равно я не отдам ей мою красненькую шапочку!» Если ребенок начинает сознавать лишь впоследствии, к каким осложнениям приведет это событие в его жизни, то и враждебные его чувства проявляются лишь позднее. Я знаю один случай, когда трехлетняя девочка пыталась задушить своего маленького брата в колыбельке, потому что была уверена, что его дальнейшее присутствие не сулило ей ничего хорошего. Дети в этом возрасте способны на явную ревность, иногда довольно ярко выраженную. Может случиться и так, что новорожденная сестричка действительно вскоре умрет, тогда старший ребенок снова станет единственным объектом любви своих родителей. Если же аист снова приносит малыша, у ребенка появляется обоснованное желание, чтобы нового конкурента постигла та же участь и чтобы ему снова было так же хорошо, как в тот промежуток между смертью первого ребенка и рождением второго[199]. Обычно подобное отношение ребенка к младшим братьям и сестрам обусловлено просто разницей в возрасте. Если она более

значительная, то в старшей девочке могут, наоборот, проснуться материнские инстинкты по отношению к беспомощному новорожденному малышу.

Взрослым может быть и не заметно со стороны, до какой степени в детстве распространена враждебность между братьями и сестрами[200].

Я не успел понаблюдать за своими собственными детьми, которые быстро рождались, один за другим; но теперь я тороплюсь наверстать упущенное, наблюдая за моим маленьким племянником, единоличной власти которого пришел конец через пятнадцать месяцев, когда у него появилась крошечная конкурентка; хотя я и слышу, что мальчик относится к своей сестренке по-рыцарски, целует ей руку и гладит ее, я замечаю, что он, не достигнув еще двух лет, часто пользуется своим умением говорить, чтобы критиковать этого, совершенно лишнего, с его точки зрения, человека. Как только разговор заходит о ней, он тотчас же вмешивается и говорит недовольным тоном: «Такая кроха, такая кроха!» В последнее время, когда эта девочка уже порядком подросла и за то, что она маленькая, критиковать ее не получится, мальчик уже по-другому объясняет, отчего она не заслуживает такого внимания со стороны взрослых, по любому поводу он говорит: «У нее нет зубов»[201]. Старшая девочка другой моей сестры, когда ей было шесть лет, несколько раз приставала к своим тетушкам с вопросом: «Правда же, Люси еще ничего не понимает?» Сестра Люси, ее соперница, была моложе ее на два с половиной года.

Ни у одной из моих пациенток, например, мне не удалось столкнуться со сном о смерти брата или сестры, который бы сопровождался приступом враждебности. Мне пришлось встретиться с одним только исключением, которое во время анализа лишь подтвердило общее правило. Когда я однажды во время приема сообщил ей о том, что каждому человеку снится нечто подобное (на мой взгляд, это прямое отношение к тому симптому, с которым мы работали), она удивила меня ответом, что ей никогда не снилось ничего подобного. Она вспомнила про другой сон, который вроде бы не имел отношения к теме, которую мы обсуждали, – он посетил ее в возрасте примерно четырех лет, она была самым младшим ребенком в семье; с тех пор он несколько раз снился ей: *целая толпа детей – все ее братья, сестры, двоюродные братья и сестры играют на лугу. Вдруг за спинами у них вырастают крылья, они взмывают вверх и исчезают.* Она понятия не имела о том, что значил этот сон. Но нетрудно понять, что он символизировал смерть ее братьев и сестер и весьма незначительно подвергся цензуре. Я приступаю к анализу этого сновидения. Когда умер один из ее двоюродных братьев (в ее семье дети двух братьев росли вместе, как родные братья и сестры) – моей пациентке было тогда четыре года, и она спросила у одной своей взрослой родственницы, куда деваются дети, которые умерли. Ей ответили: «У них вырастают крылышки, и они превращаются в ангелов». В этом сновидении у всех братьев и сестер вырастают крылышки, как у ангелов, и – что самое важное – они улетают. Наша малышка во сне избавилась от всех других детей, осталась одна, и, что самое удивительное – она-то выжила, одна из всей детской толпы! Играющие на лугу дети, которые потом взлетают в небо, символизируют бабочек, словно этот маленький ребенок рассуждал точно так же, как и древние, которые наделили душу крыльями бабочки.

Здесь мне, возможно, возразят: «Допустим, детям свойственна враждебность по отношению к своим братьям и сестрам, но как ребенок может в одночасье вдруг сделаться настолько дурным, чтобы желать *смерти* своим конкурентам или более сильным товарищам по играм, словно смерть – это единственно возможное наказание для них? Все, кто утверждает подобное, не знают, что ребенок слабо представляет себе, что такое смерть на самом деле. Ребенок ничего не знает, как ужасны тление, могильный холод, бесконечное небытие – все, что связано со словом «смерть» у взрослых и о чем повествуют мифы о потустороннем мире. Страх смерти чужд детям, оттого они так легко произносят это страшное слово и желают смерти другому ребенку: «Если ты еще раз это сделаешь, то умрешь, как Франц!» А несчастная мать вздрагивает от ужаса, наверное зная о том, что большая часть человечества не доживает до зрелого возраста. Даже восьмилетний ребенок, вернувшись домой из какого-нибудь естественно-исторического музея, заявляет: «Мама, я тебя очень люблю. Когда ты умрешь, я из тебя сделаю чучело и поставлю здесь в комнате, чтобы тебя видеть всегда». Как отличается детское представление о смерти от нашего![202]

Для детей, которые не присутствуют при предсмертной агонии, «умереть» – значит примерно то же самое, что и «навсегда уйти», – просто больше не причинять окружающим беспокойства. Ему неважно, отчего это произойдет – оттого, что человек уехал, или оттого, что он умер[203].

Если няню малыша уволили и он расстался с ней в самом раннем детстве, а вскоре за тем умирает его мать, то в его воспоминаниях оба этих события накладываются друг на друга. Когда люди в отъезде, дети по ним особенно не скучают: многие матери с огорчением узнают, что, пока они были в отъезде несколько недель или уезжали на летний отдых, дети о маме ни разу не спросили. И, если она действительно отправляется туда, откуда нет возврата, дети поначалу совсем о ней забывают и лишь потом начинают вспоминать.

Таким образом, если у ребенка есть причины желать, чтобы другого ребенка не было, то он вполне может пожелать ему смерти. А психическая реакция на такие сновидения о смерти доказывает, что, несмотря на существующие различия, в сущности, когда ребенок желает кому-то смерти, он имеет в виду то же самое, что и взрослый человек[204].

Но если ребенок желает смерти своим братьям и сестрам в силу детского эгоизма, когда он считает их своими соперниками, как же мы можем объяснить его пожелания смерти собственным родителям, которые окружают его любовью и заботой, и в сохранении их жизни он должен быть эгоистически заинтересован?

Разрешить эту трудную загадку можно, если вспомнить, что сновидения о смерти родителей в огромном большинстве случаев касаются родителя одного пола, что и тот, кому они снятся: мужчине в большинстве случаев снится смерть отца, а женщине – смерть матери. Я не могу утверждать, что это универсальный закон, но подавляющее большинство примеров здесь настолько убедительно, что эта тенденция очевидна, и это чрезвычайно важно[205]. Похоже, что – вкратце – в раннем возрасте у ребенка проявляется сексуальное предпочтение: мальчики рассматривают своих отцов как соперников в любви, то же самое у девочек в отношении их матерей, и, если родитель одного с ними пола куда-то денется, это будет ими восприниматься как нечто положительное.

Прежде чем отвергнуть это утверждение, которое кажется чудовищным, необходимо провести анализ существующих в действительности взаимоотношений родителей и детей. Необходимо отличать культурную установку на почитание детьми родителей от того, что нам показывают ежедневные наблюдения. Между родителями и детьми имеется немало поводов для враждебности, немало условий для возникновения желаний, которые не соответствуют требованиям цензуры.

Рассмотрим вначале взаимоотношения между отцом и сыном. На мой взгляд, пиетет перед десятью заповедями притупляет наше понимание того, что происходит в действительности. Мы не решаемся признаться самим себе, что большая часть человечества нарушает четвертую заповедь. Как в высших, так и в низших слоях человеческого общества почитание родителей отступает на задний план, и другие интересы воспринимаются как более важные. Туманные сведения, дошедшие до нас из мифов и легенд давних времен, рисуют довольно мрачную картину безраздельной власти отца и его произвола. Хронос пожирает своих детей, как боров пожирает новорожденных поросят, а Зевс оскопляет своего отца[206]. Чем деспотичнее был отец в семье в стародавние времена, тем больше оснований было у сына как у его законного наследника, чувствовать к нему враждебность, тем сильнее было его нетерпение начать править самому, убив отца. Даже в наших современных семьях представителей среднего класса отцы, как правило, ограничивают самостоятельность сыновей и тем самым сеют вражду во взаимоотношениях с ними. Врач часто становится свидетелем того, как скорбь о потере отца не мешает сыну радоваться долгожданной свободе. В нашем обществе сегодня отцы отчаянно цепляются за свое печально известное и устаревшее право potestas patris familias[207], и те авторы, которые, как Ибсен[208], повествуют о вечном конфликте отцов и детей, могут не сомневаться, что им удается произвести впечатление.

Конфликты между дочерью и матерью возникают, когда дочь подрастает и стремится к сексуальной свободе, но мать держит ее под жестким контролем; и взросление дочери напоминает самой матери о том, что пришло время отказаться от собственных сексуальных притязаний.

Все это очевидно. Но это не помогает нам объяснить, отчего сны о смерти родителей снятся тем людям, чья почтительность к родителям не вызывает никаких сомнений. То, что мы уже обсуждали, наводит на мысль о том, что пожелания смерти родителям уходят корнями в далекое детство.

Во время психоанализа пациентов, страдающих неврозами, это предположение подтверждается. Выясняется, что сексуальные желания ребенка – насколько можно их считать таковыми в их зачаточном состоянии – проявляются очень рано и что первой привязанностью девочки становится отец, а первой привязанностью мальчика – мать. Тогда отец становится для сына соперником, а мать – соперницей для дочери, а как мало нужно для того, чтобы ребенок захотел пожелать кому-то смерти, мы уже убедились, рассматривая его взаимоотношения с братьями и сестрами. Сами родители тоже дают основание для таких предпочтений; обычно отец балует дочь, а мать – своих сыновей, но оба они с одинаковой строгостью относятся к воспитанию детей, если к этим отношениям не примешиваются сексуальные мотивы. Когда кто-то из родителей любит ребенка, он не просто удовлетворяет его потребность в этом, это также означает, что удовлетворяется его потребность в чем-то большем. Таким образом, ребенок повинуется собственному сексуальному инстинкту и при этом наполняет новыми силами склонность родителей друг к другу, если его выбор не отличается от того, что свойственно им.

Такие детские предпочтения не всегда сразу заметны, но некоторые из них обнаруживаются уже в самом раннем детстве. Одна моя знакомая восьмилетняя девочка каждый раз, когда мать выходит в кухню из-за стола, гордо говорит: «Теперь *я* буду мамой! Карл, хочешь еще зелени? Возьми, пожалуйста!» – и так далее… Одна способная, очень живая девочка восьми лет, яркий пример обсуждаемого нами психологического явления, так и заявляет: «Пусть мамочка умрет, папочка женится на мне, и я буду его женой». В детской жизни это желание отнюдь не противоречит тому, что ребенок нежно любит свою мать. Если маленький мальчик может спать рядом с матерью, как только отец уезжает, а после его возвращения должен вернуться в детскую к няне, которая нравится ему гораздо меньше, то у него очень легко может возникнуть желание, чтобы отец постоянно отсутствовал и чтобы он сам сохранил бы свое место рядом с милой мамой; а для этого, наверное, надо, чтобы отец умер, потому что ребенок знает: «мертвых», как, например, дедушки, никогда нет, они никогда не возвращаются.

Если такие наблюдения за маленькими детьми и приводят нас к подобным заключениям, все же они не предоставляют нам тех убедительных данных, которые можно получить, когда врач наблюдает пациентов, страдающих неврозом. Во втором случае подобные сновидения становятся частью анализа в таком контексте, что их невозможно интерпретировать иначе, кроме как сновидения об *осуществленном желании.*

Одна моя пациентка во время сеанса психоанализа была очень огорчена, и глаза у нее были на мокром месте. «Я не хочу больше видеть своих родных, наверное, они считают меня ужасным человеком». И сразу начинает рассказывать мне о том, что вспомнила одно свое сновидение, значения которого она не понимает. Это приснилось, когда ей было четыре года: *по крыше идет какое-то животное, рысь или лиса (по-немецки звучат похоже: «Luchs» и «Fuchs»), потом что-то падает или это падает она сама. А потом вдруг из дома выносят мертвую мать,* – и тут она заливается слезами. Я объяснил ей, что это сновидение, скорее всего, символизирует детское желание, чтобы мать умерла, именно потому она и думает, что родные плохо думают о ней. Как только я сказал это, она сразу же восстановила материал, из которого построено это сновидение. «Luchsaug» (пройдоха) – так ее обозвал какой-то уличный мальчишка; а когда ей было три года, на мать с крыши свалился кусок черепицы и до крови поранил ей голову.

Однажды у меня была возможность в течение продолжительного времени наблюдать за одной молодой женщиной, психические проблемы которой проявлялись очень разнообразно. Ее болезнь началась с приступов крайнего возбуждения и спутанного сознания, потом у нее стало проявляться болезненное отвращение к собственной матери, она поднимала на нее руку и ругала, как только та приближалась к ее постели, а со своей старшей сестрой у нее были нежные и теплые отношения. Потом у нее наступал более благополучный период, в котором она становилась апатичной и у нее были большие проблемы со сном; в этой фазе ее болезни я и приступил к лечению и стал анализировать ее сновидения. Большая часть их была связана, явно или неявно, со смертью матери: она то присутствовала на похоронах какой-то пожилой дамы, то видела себя и свою сестру сидящими за столом на поминках, одетыми в черное. Содержание ее сновидений было очевидным. По мере улучшения ее состояния у нее стали развиваться истерические фобии. Самая мучительная была связана с навязчивой идеей, что с ее матерью произошло несчастье. Где бы она ни была, она спешила домой, чтобы убедиться, что ее мать еще жива. Этот и другие похожие случаи весьма примечательны: здесь налицо различные способы

реакции психики на одну и ту же идею, которая тревожит пациента. В состоянии возбуждения и спутанного сознания, при котором, как я считаю, вторая движущая психическая сила подавляется первой, которая обычно не активна, бессознательная враждебность по отношению к матери проявлялась в *моторных* действиях; в более спокойный период внутренний протест был подавлен и снова активно действовала цензура, и тогда эта враждебность проявлялась лишь в сновидениях, чтобы там осуществилось желание о смерти матери; по мере выздоровления проявлялась истерическая контрреакция, которая выражалась в чрезмерном беспокойстве за мать. В этом смысле вполне понятно, почему истерические девушки так преувеличенно выражают любовь к своим матерям.

В другой раз у меня была возможность проникнуть в бессознательную душевную жизнь одного молодого человека, который страдал неврозом навязчивых состояний и не мог выходить на улицу, так как его мучила мысль, что он может убить всех людей, которых встретит. Он тратил все свое время на то, что собирал доказательства своего алиби в случае, если против него вдруг будет возбуждено обвинение в каком-либо убийстве, совершенном в его городе. Думаю, уже понятно, что он был чрезвычайно нравственным и образованным человеком. В ходе психоанализа (благодаря которому он полностью излечился) вскрылась причина этой мучительной навязчивой идеи – его желание убить своего чрезмерно строгого отца; он осознавал это желание, к его удивлению, вполне сознательно, когда ему было около семи лет, но оно уходит корнями в еще более ранний период детства. После тяжелой болезни и смерти отца на тридцать первом году жизни больного у него стало появляться навязчивое чувство вины, которое в форме вышеупомянутой фобии было перенесено на чужих людей. Он чувствовал, что, раз он стремился низвергнуть своего отца, то ему не будут доверять близкие люди, и потому считал, что у него есть все основания вести затворнический образ жизни, и боялся выйти на улицу.

По моим многочисленным наблюдениям, родители оказывают самое существенное влияние на жизнь тех детей, у которых впоследствии развивается психоневроз. Любовь к одному из них и ненависть к другому и образуют те основные психические импульсы, которые формируются именно в этот период времени и которые играют такую важную роль, порождая симптомы невроза, который у них впоследствии разовьется. Но я не считаю, что те, кто страдает неврозами, значительно отличаются в этом от других здоровых людей. Гораздо более вероятно – и это подтверждается случайными наблюдениями за здоровыми детьми, – что их дружелюбные или враждебные желания по отношению к своим родителям лишь более преувеличенно демонстрируют тот процесс, который в той или иной степени проявляется в сознании большинства детей.

Это подтверждает легенда, которая дошла до наших дней со времен Античности: ее глубокий и универсальный смысл может быть понят лишь в том случае, если выдвинутая мной гипотеза в отношении психологии детей также универсальна. Я имею в виду миф о царе Эдипе и одноименную трагедию Софокла.

Эдип, сын Лая, фиванского царя, и Иокасты, был покинут своими родителями вскоре после рождения на свет, так как оракул возвестил отцу, что его еще не рожденный сын станет его убийцей. Эдипа спасают, и он воспитывается при дворе другого царя, пока однажды, сомневаясь в своем происхождении, не спрашивает об этом оракула и не получает от него совет избегать родины, так как он должен стать убийцей своего отца и супругом своей матери. По дороге с мнимой родины он встречает царя Лая и убивает его во внезапно разгоревшемся сражении. Потом подходит к Фивам, разрешает загадку преграждающего путь Сфинкса и в благодарность за это избирается на фиванский престол и получает в жены Иокасту. Долгое время он правит в покое и мире, и его жена-мать рожает ему двух дочерей и двух сыновей, как вдруг разражается чума, заставляющая фиванцев вновь обратиться к оракулу с вопросом о том, в чем причина этого бедствия. Здесь и начинается трагедия Софокла. Гонец приносит ответ оракула, что чума прекратится, когда из города будет изгнан убийца Лая. Где же он?

«Кто след найдет столь древнего злодейства?» (пер. Мережковского).

В трагедии все действие сводится к тому, что постепенно, с задержками и с постоянно нарастающим волнением, – как и в процессе психоанализа, – выясняется, что сам Эдип – это и есть убийца Лая и в то же время сын убитого и Иокасты. Потрясенный своим страшным злодеянием, Эдип ослепляет себя и покидает родину. Предсказание оракула сбылось.

«Царь Эдип» – это так называемая трагедия судьбы. Ее трагизм заключается в противоречии между высшей волей богов и напрасным стремлением людей избежать предначертанного несчастья. Из этой трагедии потрясенный зритель должен извлечь урок – что нужно подчиняться воле богов и осознать собственное бессилие. Современные писатели стремились к той же цели, изображая в своих поэтических творениях подобное противоречие, но развивая его на собственный манер. Но зритель лишь безучастно смотрел, как, несмотря на все свое сопротивление, невинные люди становились жертвами тяготевшего над ними проклятия; позднейшие трагедии рока успеха не имели.

Но если «Царь Эдип» производит на современного человека не меньшее впечатление, чем на античного грека, то причина этого не в том, что эта греческая трагедия изображает противоречие между судьбой человека и человеческой волей, а в особенностях самой темы, которая становится материалом для изображения этого противоречия. В нашей душе что-то откликается на неотразимую волю рока в «Эдипе», а в «Родоначальнице» или в других трагедиях рока мы не верим в то, что нам показывают. В истории самого царя Эдипа присутствует такая особенность. Судьба этого героя волнует нас потому, что она могла бы быть и нашей судьбой, потому что оракул предсказал и нам до нашего рождения такое же проклятие, как и Эдипу. Всем нам, быть может, суждено направить наше первое сексуальное чувство на мать, а первую ненависть и стремление к насилию – на отца; наши сновидения это доказывают. Царь Эдип, беззаконно убивший своего отца Лая и женившийся на своей матери Иокасте, лишь воплощает осуществление желания нашего детства. Но мы счастливее его, мы сумели перенести наше сексуальное чувство с матери на другого человека и забыть о своей ревности по отношению к отцу. Человек, осуществивший такое первобытное детское желание, внушает нам ужас, мы отворачиваемся от него со всей силой, которую нам диктует процесс вытеснения, который с самого детства был связан с подобными желаниями. Рассказывая о преступлении Эдипа, поэт помогает нам познать наше собственное «я», в котором все еще живы те же самые импульсы, но они подлежат подавлению. Хор в конце трагедии повествует нам об этом противоречии:

…Посмотрите на Эдипа,
На того, кто был великим, кто ни зависти сограждан,
Ни судьбы уж не боялся, ибо мыслью он бесстрашной
Сокровеннейшие тайны сфинкса древнего постиг.
Посмотрите, как низвергнут он судьбой[209]

Это напоминает о нас самих и о нашей гордости, о тех, кто, расставшись с детством, обрел мудрость и так возвеличился в своих собственных глазах. Мы, как и Эдип, живем, не сознавая своих безнравственных желаний, в которых говорит в нас Природа, а когда осознаем их, нам хочется закрыть глаза и никогда не видеть сцен нашего детства[210].

В самом тексте трагедии Софокла присутствует абсолютно точное описание эдипова комплекса, что доказывает его происхождение из древнейших снов, в которых присутствуют вызывающие у ребенка беспокойство образы его взаимоотношений с родителями, в которых проявляется его пробуждающаяся сексуальность. Когда Эдип вдруг начинает испытывать беспокойство, хотя еще не понял, что с ним происходит, Иокаста утешает его, она напоминает ему о сновидении, которое посещает многих людей, но которому не стоит придавать значения:

Ведь до тебя уж многим людям снилось,
Что с матерью они – на ложе брачном,
Но те живут и вольно, и легко,
Кто в глупые пророчества не верит.

И в наши дни люди с возмущением и удивлением рассказывают о сексуальных отношениях с матерью, которые им приснились. В этом и заключается ключ к трагедии и объяснение смысла сновидений о смерти отца. История об Эдипе – это реакция воображения на оба эти типичных сновидения, и, подобно тому как сновидения эти вселяют во взрослых чувство отвращения, так и этот миф должен внушать ужас, чувство вины и желание понести за нее наказание. Ее дальнейшие модификации коренятся в неправильном вторичном переосмыслении материала, что

было использовано в теологических целях. Эта попытка привести всемогущество богов в гармонию с чувством ответственности человека за свои поступки должно естественным образом нарушить связь с основным содержанием пьесы и со всем остальным.

Еще одно величайшее поэтическое произведение – шекспировский «Гамлет» – восходит к той же основной мысли, что и «Царь Эдип»[211]. Но, хотя материал здесь совершенной другой, здесь выявляются все различия в психической жизни этих двух столь отдаленных друг от друга культурных периодов развития человечества, весь вековой прогресс процесса вытеснения в его душевной жизни. В основе мифа об Эдипе желание ребенка становится явным и осуществляется, как это и происходит в сновидении. В «Гамлете» оно подавляется, и мы узнаем о том, что оно существует, – как и при неврозе, – лишь по тем последствиям, которые повлекло за собой его подавление. Что странно: более современная трагедия производит на зрителя такое сильное впечатление, что люди совершенно не понимают сути характера главного героя. Драма построена на том, что Гамлет не уверен, стоит ли ему выполнять обещание отомстить; о причинах или мотивах этих сомнений в тексте не сказано ничего, и многочисленные попытки толкования драмы не принесли результатов. Согласно господствующему еще и теперь толкованию Гете, Гамлет воплощает тип человека, жизненная энергия которого парализована склонностью к излишним рассуждениям («Он болен бледностью мыслей»). Другая точка зрения заключается в том, что Шекспир стремился изобразить человека со слабым, нерешительным характером, склонного к неврастении. Но сюжет пьесы доказывает, что Гамлет далеко не тот, кто не способен на решительные действия. Мы дважды убеждаемся в его решительности: в первый раз, когда он в порыве чувств закалывает подслушивающего за портьерой Полония, а во второй раз – когда он со всем коварством принца эпохи Возрождения отправляет на смерть тех двух придворных, которые замысливали убить его самого. Отчего же он не решается привести в исполнение месть, о которой умолял его призрак отца? Ответ в том, что ему необходимо выполнить особенную миссию. Гамлет способен на все, но только не на месть человеку, который убил его отца и занял его место у матери, человеку, воплотившему его вытесненные детские желания. Вместо того чтобы испытывать ненависть, которая должна была бы побудить его к мести, он упрекает себя и даже мучается угрызениями совести, оттого что и он сам не лучше, чем этот преступник, которого он должен покарать. Здесь я использую формулировки, имеющие отношение к сознанию, изучая то, что бессознательно и что дремлет в душе этого героя; если кто-нибудь скажет, что Гамлет страдал истерией, то я буду считать, что этот вывод сделан на основе моего толкования. Сексуальное отвращение, которое Гамлет выражает в разговоре с Офелией, играет здесь принципиально важную роль, и это сексуальное отвращение, которое в последующие годы все больше и больше овладевает самим Шекспиром, которое в полной мере выразилось в «Тимоне Афинском». В «Гамлете» перед нами открывается собственная душевная жизнь поэта; из книги Георга Брандеса о Шекспире (1896) мы узнаем, что эта трагедия написана вскоре после смерти его отца (1601), то есть под впечатлением от недавно пережитого горя, когда воскресли все детские чувства по отношению к отцу. Известно также и то, что рано умершего сына Шекспира звали Гамнет (звучит похоже на Гамлет). В драме «Гамлет» речь идет об отношении сына к родителям, а в «Макбете», который был создан примерно в это же время, поднимается тема бездетности. Все невротические симптомы, и потому также и сновидения, могут быть подвергнуты «сверхинтерпретации», и это так и должно быть, чтобы их можно было полностью понять, но и все гениальные произведения тоже являются продуктом более чем одного мотива и более чем одного импульса поэта, потому для них возможна не только одна-единственная интерпретация, а гораздо большее их количество. Здесь я лишь попытался вскрыть один из глубочайших пластов жизни, связанных с импульсами этого великого писателя[212].

Завершая обсуждение типичных сновидений и сновидений о смерти близких, я непременно должен сказать несколько слов, которые позволяют пролить свет на их значение для теории сновидения в целом. В этих сновидениях мы обнаруживаем весьма необычное состояние мыслей, которое формируется в результате воздействия подавляемых мыслей, с которыми цензура совершенно не в состоянии справиться, и потому они проникают в сны совершенно не подвергаясь изменениям. На это должны быть особые причины, и я считаю, что возникновение этих снов происходит при активном участии двух факторов. Прежде всего, трудно представить себе желание, корни которого уходят в такое далекое прошлое по отношению к сегодняшнему

дню: «Нам такое и не снилось» – так мы считаем по поводу подобных желаний. Потому наша внутренняя цензура не готова к встрече с такими чудовищными вещами. Например, в античном кодексе Солона не было предусмотрено наказания за отцеубийство. Во-вторых, в этом случае подавляемое желание, о котором спящий даже не подозревает, часто в процессе формирования сновидения сталкивается с остаточными воспоминаниями минувшего дня, и так формируется *беспокойство* за того близкого человека, о котором ему снится этот сон. Такое беспокойство может проникнуть в этот сон, лишь опираясь на соответствующее желание; хотя оно может принять облик беспокойства, которое человек испытывал в течение дня накануне сновидения. Мы склонны считать, что все обстоит гораздо проще и что человек продолжает во сне думать о том, что занимало его мысли в состоянии бодрствования; но в этом случае нам нужно совершенно оставить в стороне те сны, в которых человек видит смерть своих близких, и не рассматривать их применительно к нашему объяснению происходящего в сновидениях в целом, и, таким образом, мы будем считать абсолютно загадочным то явление, для которого можно найти разгадку.

Весьма поучительно также проследить, как связаны такие сновидения с тревожными сновидениями. В сновидениях о смерти близких людей, которые мы обсуждаем, вытесненное желание находит способ обойти цензуру и то искажение, которое она вызывает. При этом спящий человек постоянно страдает во сне. Точно так же и тревожное сновидение возникает лишь если цензура полностью или частично подавляется, а этому способствует то, что беспокойство уже возникает в силу соматических провоцирующих факторов. Итак, мы ясно видим, к какой цели стремится цензура, искажающая то, что происходит в сновидении: она *стремится предотвратить появление беспокойства или других аффектов, доставляющих страдания.*

Я уже упоминал об эгоизме, присущем детскому сознанию, и сейчас могу к этому добавить, ссылаясь на возможную взаимосвязь между этими двумя фактами, что на сны тоже распространяются эти характеристики. Все они абсолютно эгоистичны[213]: во всех них предстает их любимое Эго, даже если оно меняет свое обличье. Те желания, которые в них сбываются, – это неизменно желания самого Эго, и, если кажется, что такое сновидение порождается альтруистическими соображениями, то нас просто сбил с толку их обманчивый облик.

I

Один четырехлетний мальчик рассказал вот про какой сон: *ему приснилось большое блюдо, на котором лежит большой кусок жареного мяса с овощным гарниром. И вдруг кто-то его – раз! – и съел, даже не разрезав на кусочки. Он даже не видел того человека, который сделал это*[214].

Кто же был этот человек, который съел всю большую порцию еды с тарелки в этом детском сне? Ответ на этот вопрос мы найдем, изучив переживания предыдущего дня. Мальчику в течение нескольких дней была прописана молочная диета; вечером накануне этого сновидения он плохо вел себя и в наказание за это был лишен ужина. Раньше уже его наказывали подобным образом, и он перенес это очень мужественно. Он знал, что ничего не получит, но ни одним словом не намекнул на то, что голоден. Воспитание уже начинает оказывать на него свое действие; оно проявляется уже в сновидении, где присутствуют элементы его искажения. Безусловно, что он и есть тот человек, который мечтает о сытном ужине. Но он знает, что наказан и не имеет права ничего есть, потому во сне он не решается даже сесть за стол и съесть это вкусное блюдо, как это бывает в сновидениях с голодными детьми (вспомним про сновидение о землянике, которое приснилось маленькой Анне Фрейд). А кто именно съел обед этого мальчика, так и не удалось выяснить.

II

Однажды мне приснилось, что в витрине одного книжного магазина выставлен новый выпуск той серии книг в роскошных переплетах, которые я обычно покупаю (монографии о художниках, по истории, по вопросам искусства и т. п.). *Новая серия называлась «Знаменитые ораторы» или «Речи», и первый выпуск посвящен доктору Лехеру.*

Когда я стал анализировать это, мне показалось маловероятным, что в мои сновидения мог проникнуть доктор Лехер, знаменитый долгими оппозиционными речами в парламенте. Накануне, за несколько дней до того, как мне это приснилось, я приступил к лечению нескольких новых пациентов и вынужден был говорить без остановки от десяти до одиннадцати часов в сутки. Таким образом, я сам побил рекорд по длинным выступлениям.

III

В другой раз мне приснилось, что один мой знакомый университетский преподаватель говорит: *«Мой сын, Миопс».* Затем последовал диалог из коротких вопросов и ответов. Вслед за этим я вижу себя самого и своих сыновей. Что касается подоплеки этого сновидения: профессор М. и сын просто символизируют меня самого и моего старшего сына. К анализу этого сновидения я еще вернусь, поскольку в нем есть одна интересная особенность.

IV

Сновидение, в котором проявляются низменные эгоистические чувства под маской искренней заботы и беспокойства о другом человеке.

Мой друг Отто очень плохо выглядит. У него лицо коричневого оттенка и выпучены глаза.

Отто – мой семейный врач, я стольким ему обязан, что даже не знаю, смогу ли отплатить ему за все, что он сделал для меня: уже несколько лет он занимается здоровьем моих детей и очень успешно лечит их; а еще он делает им подарки по поводу и без повода. Накануне этого сновидения он был у нас, и моя жена заметила, что он устал и плохо выглядит. Ночью я вижу сон, в котором у него наблюдаются некоторые признаки базедовой болезни. Те, кто не знаком с моими принципами толкования сновидений, истолкует это сновидение в том смысле, что я волнуюсь о здоровье моего друга и это проявляется во сне. Это не только противоречило бы моему утверждению, что в сновидении мы видим осуществление желания, но и другое мое утверждение о том, что такие желания воплощают исключительно эгоистические импульсы. Но я был бы рад, если бы кто-то, воспринимающий это сновидение именно так, объяснил мне, отчего я нашел у Отто симптомы именно *базедовой* болезни, хотя для такого диагноза у меня нет ни малейшего основания. Благодаря анализу я нашел следующий материал, связанный с эпизодом, который произошел лет шесть назад. В компании знакомых, среди которых был, между прочим, и профессор Р., мы ехали ночью по лесу, в нескольких часах езды от нашей дачи. Кучер был навеселе, экипаж перевернулся, и лишь по счастливой случайности мы все остались целы. Но нам пришлось переночевать в ближайшей гостинице, где известие об этом происшествии вызвало живое сочувствие. Какой-то господин с весьма отчетливыми признаками базедовой болезни – впрочем, у него был только коричневый цвет кожи и глаза навыкате, струмы, как и в сновидении, не наблюдалось, – предложил свои услуги и спросил, не может ли он быть нам чем-нибудь полезен. Профессор Р. в своей обычной манере ответил: «Разве что одолжите мне ночную сорочку». На это благородный человек сказал: «Увы, нет», – и удалился.

Продолжая анализ, я вспоминаю, что Базедов – это не только фамилия врача, но и одного из известнейших педагогов (в состоянии бодрствования я в этом не совсем уверен[215]). Но именно коллегу Отто я просил в случае, если со мною что-нибудь случится, взять на себя заботу о физическом развитии моих детей, особенно когда они войдут в подростковый возраст (ночная сорочка, наверное, символизировала именно это). Когда в моем сновидении у коллеги Отто появились симптомы этой болезни того благородного человека, я хочу, по-видимому, этим сказать: «Если со мною что-нибудь случится, от него помощи не дождешься, как и от того барона Л., несмотря на его любезное предложение». Так проявляется эгоистическая подоплека моего сновидения[216].

Но где же здесь осуществление желания? Конечно, не в мести коллеге Отто, которому я отвожу такую незавидную роль в моих сновидениях[217]; мое желание заключается совершенно не в этом. Заменяя коллегу Отто в сновидении благородным человеком из той истории про сорочку, я при этом отождествляю себя с другим человеком, а именно с профессором Р., поскольку требую от Отто того же, что по другому поводу потребовал профессор Р. от барона Л. Вот и разгадка. Профессор Р., как и я, сделал карьеру не в университете, и лишь в пожилом возрасте получил давно заслуженное им звание. Так что я снова хочу стать университетским профессором. Даже указание на пожилой возраст представляет собою осуществление желания,

поскольку здесь содержится намек на то, что я проживу достаточно долго, чтобы самому позаботиться о своих детях, когда они подрастут.

γ. Другие типичные сновидения

Лично меня другие виды типичных сновидений не посещали, например, такие, в которых спящий с наслаждением летит по воздуху или стремительно падает вниз с огромной высоты, и все замирает у него внутри; так что все, что я могу утверждать по поводу таких сновидений, я смог почерпнуть из моих сеансов психоанализа[218].

Эти мои наблюдения убеждают меня в том, что и в этих снах воспроизводятся впечатления детства, они могут быть связаны с подвижными играми, которые так любят дети. Разве найдется такой дядюшка, который бы не поднимал малыша высоко к потолку и не бегал бы с ним по комнате, держа ребенка на вытянутых руках, или кто бы не сажал бы его к себе на колени, подбрасывая вверх, а потом резко отодвигая ногу в сторону, делая вид, будто хочет, чтобы малыш упал, но при этом крепко держал бы его. Детям такие забавы по душе, и они просят повторять их снова и снова, особенно потому, что все страшное и волнующее притягивает их к себе, как магнит. Проходит время, и ощущения, которые они испытывали во время таких игр, начинают им сниться; но в этих снах уже нет тех надежных рук, которые держали их, а потому спящий словно парит в воздухе или стремительно несется вниз, без страховки. Все знают, как детям нравятся разные качели, а когда они видят в цирке акробатические номера, воспоминания об этом снова оживают. Истерические припадки у мальчиков иногда заключаются в том, что они просто воспроизводят подобные переживания, весьма мастерски. Далеко не всегда бывает так, что такие подвижные игры, какими бы невинными они ни были, вызывают сексуальные чувства[219]. Ощущения, возникающие во время детской «возни» («Hetzen»), если допустимо здесь использование этого просторечного оборота, появляются потом в снах, где человеку кажется, что он летит, откуда-то падает, что все вокруг вращается и т. д., а неприятные чувства, связанные с такими играми, превращаются в чувство беспокойства. Как знает каждая мама, часто игры начинаются с веселой возни, а заканчиваются перебранкой и горькими слезами.

Потому у меня есть все основания для того, чтобы отвергать теорию, в которой утверждается, что сновидения, в которых человек летает или откуда-то падает, спровоцированы нашими тактильными ощущениями во время сна или ощущениями дыхания в легких. С моей точки зрения, эти ощущения сами по себе воспроизводятся как часть воспоминаний, с которыми связано такое сновидение: то есть они вплетены в ткань сновидения, а вовсе не являются его источником.

Я, безусловно, признаю, что мне не по силам предоставить исчерпывающее объяснение этой категории сновидений[220]. Поэтому я настаиваю на том, что в целом утверждение о том, что на тактильные и моторные ощущения в этих типичных сновидениях немедленно возникает отклик, связано с тем, что для этого существует и какая-то психологическая причина и что на них можно не обращать внимания, если в них нет такой потребности. Также я придерживаюсь мнения, что связь подобных сновидений с событиями и переживаниями детства подтверждается на основе проведенного мной анализа психоневротиков. Но я, тем не менее, не могу утверждать, какие именно значения могут присоединиться к подобным воспоминаниям на протяжении всей следующей жизни – возможно, в каждом индивидуальном случае это будут различные значения, несмотря на то что формы сновидений являются типичными. Я был бы рад восполнить этот пробел с помощью тщательного анализа разных ярких примеров этого. Если кого-то удивит, что, несмотря на распространенность таких снов, как сны о полете, падении с большой высоты и выдирании зубов, я жалуюсь на отсутствие материала в этой области, я должен пояснить, что лично мне такие сны не снились, и потому я обратил свое внимание на интерпретацию сновидений. Более того, сны, которые посещают людей, страдающих неврозом, на материале которых я строю свои исследования, не всегда могут быть интерпретированы – или, по крайней мере, не во всех случаях – до такой степени, чтобы можно было выявить их скрытое значение; какая-то психическая сила, которая отвечает за формирование неврозов и которая оживает всякий раз, когда мы пытаемся им противостоять, не дает нам до конца раскрыть все их секреты.

δ. Сны об экзаменах

Каждый, кому приходилось сдавать экзамен на аттестат зрелости, жалуется на то, что ему постоянно снится, будто он провалил экзамен, что его отправили на пересдачу и т. д.

Обладателю академического диплома вместо этого типичного сновидения снится, как он защищает диплом и даже во сне напрасно сопротивляется этому, сообщая комиссии, что он уже давно занимается профессиональной деятельностью, читает лекции в университете или возглавляет какую-то организацию. Неизгладимые воспоминания о наказаниях за детские проступки снова оживают в контексте этих двух самых главных событий нашей учебной жизни – «dies irae, dies ilia» – День Гнева, День Божьего Суда, – когда мы должны сдавать самые трудные экзамены. «Страх перед экзаменами» у невротиков подпитывается этими детскими страхами. После того как мы вышли из детского возраста, мы больше не боимся родителей, воспитателей и учителей. Теперь нашими учителями стали события нашей жизни, которые следуют одно за другим, не давая нам передышки, и теперь нам снятся экзамены на получение аттестата зрелости или защита диплома (а кто же их не боялся, даже те, кто был уверен в себе); и всякий раз, когда мы опасаемся, что какое-нибудь дело нам не по плечу, если мы в чем-нибудь провинились или что-то сделали или не сделали так, как нужно, – всякий раз мы ощущаем бремя ответственности.

За более подробные разъяснения сновидений, в которых фигурируют экзамены, я благодарен одному моему опытному коллеге (Штекелю), который однажды в научной беседе подчеркнул, что сновидения об экзаменах посещают лишь людей, которые успешно сдали эти экзамены, и никогда тех, кто их провалил. Сновидение об экзамене (которое вызывает страх и которое посещает человека, у которого завтра наступит ответственный день или он может как-то опозориться) в качестве материала выбирает какой-то эпизод из прошлого, когда наш страх оказался необоснованным и был опровергнут, когда мы успешно сдали этот экзамен. Это действительно чрезвычайно яркий пример неправильной интерпретации сновидения сравнительно с состоянием бодрствования. Это сновидение вызывает наше негодование: «Как так, я ведь уже дипломированный врач!», но на самом деле оно снится нам в качестве утешения: «Не бойся завтрашнего дня; подумай о том, как ты боялся выпускного экзамена и сдал его успешно. Теперь ты уже врач… и так далее…» Тот страх, который мы испытываем в сновидении, связан с остаточными воспоминаниями, связанными с периодом бодрствования.

Справедливость этой интерпретации подтверждается как моим собственным опытом, так и опытом других людей. Например, студентом я провалился на экзамене по судебной медицине; этот эпизод никогда мне не снился, но в повторяющихся сновидениях мне часто приходится сдавать экзамены по ботанике, зоологии и химии; на эти экзамены я шел, опасаясь, что не сдам их, но или судьба была ко мне благосклонна, или экзаменаторы ко мне благоволили, но сдавал я все успешно. Когда мне снятся выпускные экзамены в гимназии, то в них я сдаю экзамен по истории, который я на самом деле сдал блестяще, хотя, правда, только потому, что мой симпатичный преподаватель – одноглазый участник сновидения – заметил, что на билете, который я вынул и возвратил ему, я поспешил ногтем отметить средний из трех вопросов, в знак того, что его мне не стоит задавать. Один из моих пациентов, который в свое время решил не сдавать экзамены на аттестат зрелости и сдал их впоследствии, затем провалился на экзамене в военной академии и потому не мог стать офицером; он сообщил мне, что ему очень часто снится гимназический экзамен, а в военной академии – никогда.

При толковании сновидений об экзаменах возникают те же трудности, что и при интерпретации большинства типичных сновидений[221]. Тот, кого они посетили, лишь в редких случаях в состоянии предоставить нам достаточно ассоциаций для такого толкования. Лишь собрав значительное количество примеров подобных сновидений, мы сумеем лучше их понять. Недавно я окончательно убедился в том, что фраза «Ты ведь уже получил диплом врача…» и ей подобные содержат в себе не только неявное утешение, но и упрек: «Ты же теперь взрослый, опытный человек, а глупишь, как ребенок». Такое сочетание самокритики и утешения выявляет скрытый смысл подобных сновидений про экзамены. Неудивительно, что эти упреки в «глупости» и «ребячестве» в последних проанализированных нами примерах относились к недостойным поступкам сексуальной направленности.

Вильгельм Штекель, который первым интерпретировал сновидения, посвященные сдаче экзаменов на аттестат зрелости [«Matura»], полагал, что такие сновидения регулярно посещают человека, которому необходимо будет доказать свою сексуальную состоятельность и зрелость. Мой личный опыт это подтверждает[222].

Глава VI. Процессы, управляющие

сновидениями

[223]

Все предыдущие попытки раскрыть тайны сновидения были связаны с интерпретацией его явного, лежащего на поверхности содержания, в том виде, в котором оно сохранялось в нашей памяти. Предпринимались подобные попытки интерпретировать сновидения или прийти к выводам о природе таких сновидений на основе их *доступного непосредственному наблюдению* содержания (если попыток интерпретации не предпринималось). Но лишь в нашем исследовании мы учитываем нечто совершенно иное. Мы опираемся на новый вид психического материала, с которым ранее никто не работал: это скрытое содержание сновидений, полученное с помощью нашего метода, и те мысли, которые скрываются за этим сновидением: таким образом мы в состоянии вскрыть именно его *скрытое* содержание, или, как мы это называем, «мысли в сновидении». Теперь перед нами стоит задача рассмотреть, как соотносятся друг с другом явное и скрытое содержание сновидения и благодаря каким процессам первое его содержание преобразуется во второе.

Мы представляем мысли и содержание сновидения как два изображения одного и того же содержания на двух различных языках или, точнее, это содержание сновидения представляется нам переводом мыслей на другой язык, знаки и правила которого мы должны изучить путем сравнения оригинала и его перевода. Мысли в сновидении понятны нам без дальнейших пояснений, как только мы узнаем их. Его содержание составлено словно с помощью иероглифов, отдельные знаки которых должны быть переведены на язык мыслей. Мы, несомненно, совершим ошибку, если захотим прочесть эти знаки, опираясь на их внешнее значение, а не на их внутренний смысл.

Представим себе, что нам предстоит разгадать головоломку-ребус: дом, на крыше которого лодка, потом отдельные буквы, затем бегущий человек, вместо головы которого нарисован апостроф, и т. д., и т. п. На первый взгляд и эта картина, и ее отдельные элементы покажутся нам бессмысленными. Лодке нечего делать на крыше дома, а люди без головы бегать не смогут; кроме того, человек на картинке изображен выше дома, и, если здесь должен быть изображен какой-то пейзаж, то буквы алфавита выбраны неправильно, потому что из них скалывается описание таких объектов, которых в природе не существует. Но совершенно очевидно, что мы сможем правильно разгадать этот ребус лишь в том случае, если вместо того, чтобы критиковать его в целом или по отдельности, мы постараемся заменить каждый его элемент таким слогом или словом, которые как-то связаны с изображенным предметом. Слова, которые у нас при этом получатся, уже не покажутся бессмыслицей, а смогут сложиться в красивую и многозначительную поэтическую фразу. Сновидение – это и есть такой ребус, и те, кто до нас предпринимал попытки интерпретировать его, совершали ошибку, полагая, что этот ребус представляет собой некую художественную композицию: вот потому он и казался им бессмысленным и бесполезным.

А. Процесс сгущения

Первое, что становится очевидно всем, кто сравнивает содержание сновидения с теми мыслями, которые за ним скрываются, – это интенсивный процесс сгущения, который при этом был проделан. Сновидения непродолжительны, невыразительны и лаконичны по сравнению с мыслями в сновидении – разнообразными и богатыми. Если записать содержание сновидения, то оно поместится на половине страницы. А записи его анализа, где будут изучаться мысли, стоящие за этим сновидением, могут растянуться на шесть, восемь или двенадцать страниц. У разных сновидений это происходит по-разному, но в целом, как показывает мой опыт, тенденция именно такая. Обычно масштабы совершившегося сгущения недооцениваются: выявленные в сновидении мысли кажутся исчерпывающим материалом, но в ходе дальнейшего толкования обнаруживаются новые мысли, скрывающиеся за этим сновидением. Мы уже упоминали о том, что, в сущности, никогда нельзя быть уверенными в том, что мы получили достаточно подробное толкование сновидения[224]. Даже если нам представляется, что удалось получить исчерпывающее и полное толкование сновидения, все же может оказаться так, что у него может быть еще и какое-то друге значение. Строго говоря, точно определить, в какой именно степени произошло сгущение, невозможно.

На первый взгляд, на этот счет можно ответить, что утрата пропорционального соотношения между содержанием сновидения и мыслями в сновидении предполагает, что его психический материал подвергся сгущению в процессе формирования сновидения. У нас часто создается впечатление, что сновидение снилось нам всю ночь и что мы забыли его большую часть. С этой точки зрения то, о чем мы в состоянии вспомнить после пробуждения, представляет собой лишь малую часть того целого, которое по масштабу своему должно было бы соответствовать мыслям, если бы мы были в состоянии вспомнить их целиком. В этом есть, без сомнения, доля правды: конечно, сновидения можно было бы воспроизвести более точно, если бы мы могли вспомнить их сразу после пробуждения, а к вечеру из него мы забываем все больше и больше. Но необходимо отметить, что чувство, будто нам приснилось гораздо больше, чем мы можем вспомнить, очень часто основано на иллюзии, происхождение которой мы постараемся выяснить впоследствии. Более того, гипотезе о том, что во сне происходит процесс сгущения, не противоречит возможность того, что сны могут забываться, поскольку эта гипотеза оказалась верной, оттого что сохраняется множество идей, которые связаны с каждым конкретным фрагментом сохранившегося в памяти сновидения. Если предположить, что значительную часть сновидения вспомнить не удалось, то мы не можем получить доступ к другой группе мыслей в сновидении. Нет оснований предположить, что утраченные части сновидения относились бы к тем же самым мыслям, которые мы обнаружили при анализе его сохранившихся в памяти фрагментов[225].

Поскольку каждый элемент сновидения вызывает множество ассоциаций, у читателей может возникнуть резонное сомнение: можно ли считать мыслями, связанными с конкретным сновидением, все, что приходит в голову впоследствии при его анализе, то есть можно ли предполагать, что все эти мысли уже присутствовали в сновидении и принимали участие в его формировании? Быть может, наоборот, новые мысли возникают лишь во время анализа, а к формированию сновидения они отношения не имеют? Я лишь до некоторой степени могу согласиться с этим аргументом. Некоторые мысли действительно возникают лишь во время его анализа. Но можно убедиться в том, что во всех подобных случаях эти новые связи образуются лишь между теми мыслями, которые каким-то образом были связаны друг с другом и в сновидении[226]. Новые связи между ними – это, так сказать, кольцевые линии или кратчайший путь, благодаря которым можно выявить существование и других логических связей, которые залегают гораздо глубже. Необходимо допустить мысль, что значительный пласт мыслей, которые выявляются в процессе анализа, уже активно участвовали в формировании этого сновидения; поскольку после того как была произведена аналитическая работа с последовательностью мыслей, которые, как казалось, к формированию этого сновидения не имели никакого отношения, внезапно вдруг натыкаешься на такую мысль, которая явно просматривается в содержании этого сновидения и представляет собой нечто весьма важное для его интерпретации, но выявить которую можно было лишь таким способом. Здесь я хотел бы напомнить о сновидении про монографию по ботанике, которая представляет собой ярчайший пример процесса сгущения, хотя я даже не привел в этой книге полного анализа этого сновидения.

Как же мы сможем представить себе, что происходит в психике во сне до того, как возникло сновидение? Существуют ли мысли в сновидении параллельно друг с другом, или возникают одна за другой, или эти мысли приходят из различных источников и лишь затем соединяются друг с другом? В данный момент, я полагаю, нет необходимости делать преждевременные и необоснованные выводы о психических явлениях, которые создают условия для формирования сновидений. Но следует помнить, что здесь речь идет о процессе *бессознательного* мышления, которое может в значительной мере отличаться от произвольного, сознательного мышления.

Но формирование сновидений, безусловно, построено на процессе сгущения. Как же это сгущение происходит?

Когда мы задумаемся о том, что в сновидении можно обнаружить лишь малую толику мыслей в форме его образов, мы можем прийти к выводу, что это сгущение возникает за счет того, что из сновидения исключаются какие-то элементы: то есть сновидение представляет собой не точный перевод или буквальное воспроизведение мыслей в сновидении, а лишь чрезвычайно неполное и расплывчатое их воспроизведение. Эта точка зрения, как мы вскоре сможем убедиться, совершенно не соответствует действительности. Но пока возьмем ее в качестве точки

отсчета и перейдем к следующему вопросу. Если лишь несколько элементов мыслей вплетаются в содержание сновидения, то от каких условий зависит, какие именно из них попадут туда?

Чтобы пролить свет на этот вопрос, мы должны обратить внимание на те элементы в содержании сновидения, которые должны удовлетворять этим условиям. А самым благодатным материалом для подобного исследования будет то сновидение, при формировании которого наблюдался наиболее интенсивный процесс сгущения. Потому я сначала выберу для этой цели то сновидение, описание которого уже приводилось выше, а именно сновидение о монографии по ботанике.

I. Сновидение о монографии по ботанике

Содержание сновидения: *Я написал монографию о каком-то виде растений. Эта книга лежала передо мной, и я разворачивал сложенное цветное изображение растения. Вместе с этим изображением растения в книге находился засушенный экземпляр самого растения.*

Центральный элемент этого сновидения – это монография по ботанике. Она связана с впечатлениями предыдущего дня; мне действительно приснилась монография о растении под названием цикламен в витрине книжного магазина. В сновидении это название не фигурировало, в его содержании присутствовала лишь монография и упоминание о ботанике. «Монография по ботанике» сразу же напоминает о статье, *посвященной кокаину,* которую я написал когда-то; от кокаина мысли приводят меня к юбилейному изданию (Festschrieft) и к тому, что происходило со мной в университетской лаборатории, а также – к моему другу, хирургу-окулисту Кенигштейну, который принимал участие в исследовании кокаина. Воспоминание об этом докторе Кенигштейне, в свою очередь, напоминает о прерванном разговоре, который я с ним вел вечером накануне этого сновидения, и о моих соображениях по поводу оплаты за лечение у коллег. Именно этот разговор и спровоцировал в основном это сновидение; а монография о цикламене тоже имела для него значение, но ее роль здесь нейтральна; я думаю, что «Монография по ботанике» в сновидении – это «общее связующее звено» между обоими событиями предыдущего дня, она в неизменном виде перекочевала в этот сон в качестве нейтрального впечатления, и между ней и психически важным событием образовалась связь на основе множества ассоциаций.

Но не только это сложное по структуре мысленное образование – «Монография по ботанике», но и каждый из его элементов – «ботаника» и «монография» – глубоко вплетаются в «ткань» мыслей в сновидении. К «ботанике» относятся воспоминания о личности профессора *Гертнера,* о *цветущей*внешности его жены, моей пациентки по имени *Флора,* и о той даме (госпоже Л.), и о моем рассказе, как ей не подарили на день рождения *цветы.* Образ Гертнера приводит нас снова к лаборатории и к разговору с доктором Кенингштейном; к этому же разговору относится и упоминание об обеих пациентках (Флоре и госпоже Л.). От дамы с цветами ход мыслей направляется к *любимым цветам*моей жены, а еще они напоминают об увиденной мной накануне книге – монографии. Кроме того, понятие «ботаническая» напоминает об одном эпизоде из моей гимназической жизни и об экзамене в университете. Новая тема – мои *увлечения* — появилась в образе того, что я юмористически называю «своими любимыми цветами»: артишоками, на мысль о которых меня навел эпизод с неподаренным букетом цветов. За «артишоками» скрывалось воспоминание об Италии[227] и об эпизоде из детства, с которого началась моя любовь к книгам. Понятие «ботаника», таким образом, представляет собой центральный момент в этом сновидении. От него дальше развиваются мысли в разных направлениях, которые, безусловно, гармонично вплелись в контекст моего разговора с доктором Кенигштейном. И здесь перед нами открывается «ткацкая фабрика мыслей» —

…Так фабрикуют мысли. С этим можно
Сравнить хоть ткацкий, например, станок.
В нем управленье нитью сложно:
То вниз, то вверх снует челнок,
Незримо нити в ткань сольются;
Один толчок – сто петель вьются.

Гете «Фауст», часть 1, сцена 4[228]

И потому эта «монография» в сновидении символизирует две мысли: что у меня однобокие увлечения и что они мне дорого обходятся.

В ходе этого первого исследования создается впечатление, что его элементы «ботаника» и «монография» потому проникли в содержание сновидения, что именно они связаны с мыслями, которые это сновидение породили, то есть они образуют его ядро, в котором переплетается большинство мыслей, или, иными словами, потому, что они «многозначны» для толкования сновидения. Это можно объяснить еще и другим образом: каждый из элементов содержания сновидения «сверхдетерминирован» – то есть многократно и по-разному выражается в мыслях в сновидении.

Нам открывается значительно больше, если мы изучим и другие элементы сновидения и как они проникли в мысли этого сновидения. *Цветные иллюстрации,* которые я перелистываю (см. анализ этого сновидения выше), выводят меня на новую тему размышлений: к критике моих работ коллегами и к увлечениям в этом сновидении, о которых уже упоминалось; а также к детским воспоминаниям о том, как я раздирал книгу с картинками. *Засушенный экземпляр растения*напоминает о гимназическом эпизоде с гербарием и усиливают это воспоминание.

Так становится понятным взаимоотношение между содержанием сновидения и мыслями, которые за ним скрываются. Не только элементы сновидения многократно и по-разному обусловлены мыслями, но и отдельные мысли сновидения представлены в нем различными элементами. От одного элемента сновидения по ассоциации мы приходим к нескольким мыслям; от одной мысли – к нескольким элементам сновидения. Итак, сновидение образуется не за счет того, что каждая отдельная мысль или группа мыслей создает определенную часть содержания сновидения, а следующая мысль – уже следующую часть сновидения подобно тому, как выбираются делегаты, представляющие отдельные группы населения *(scrutin de tiste).* В каждом сновидении, которое я подвергал подобному анализу, я постоянно находил подтверждение одним и тем же фундаментальным принципам: элементы сновидения образуются изо всех мыслей в сновидении, и каждый из этих элементов, как выясняется, по-разному и многократно выражает их.

Уместно будет проиллюстрировать соотношение содержания сновидения с мыслями, которые его сформировали, на новом примере, в котором они весьма причудливо переплелись. Про это сновидение мне рассказал один из пациентов, которого я лечу от клаустрофобии. Вскоре будет понятно, отчего это интересное сновидение я назвал вот так:

II. «Прелестный сон»

Он ехал в многочисленной компании знакомых по улице X., на которой находится скромный постоялый двор (на самом деле это не так). На постоялом дворе дается спектакль; он то наблюдал представление из зала, то сам становился в нем актером. Когда представление было окончено, настало время переодеться, чтобы вернуться в город. Кого-то из его компании проводили в комнаты на втором этаже, а кого-то – на первый этаж. Тут между ними начинается спор. Те, кто оказался на втором этаже, сердятся, что те, кто на первом, еще не переоделись и мешают им выйти. Его брат – на втором этаже, а он – внизу, и он сердится на брата, оттого что его торопят. (Здесь в сновидении непонятно, о чем идет речь.) Перед приездом на постоялый двор было уже решено, кто пойдет наверх, а кто – вниз. Потом один забирается в гору по той же улице X., он идет с трудом, словно приклеенный к дороге. Потом к нему подходит какой-то пожилой господин и начинает оскорблять итальянского короля. Ближе к вершине горы идти ему становится намного легче.

Идти наверх ему было так трудно, что он по пробуждении несколько минут сомневался, пережил он это во сне или наяву.

С точки зрения содержания в этом сновидении нет ничего особенного. Я приступаю к его толкованию с того места, которое спящему запомнилось лучше всего.

То, как трудно этому человеку было идти в гору во сне – и, может быть, наяву тоже, – этот трудный подъем, который сопровождался диспноэ (одышкой), – представляет собой один из его настоящих симптомов, который проявился у него несколько лет назад. Этот симптом наряду с другими врачи связывали с туберкулезом (который, возможно, был симулирован пациентом, оттого что он страдал истерией). Мы знакомы уже с этим своеобразным ощущением

скованности, которое присутствует в эксгибиционистских сновидениях (см. выше), и мы снова видим, что этот материал сновидения в любой момент снова может быть использован для того, чтобы создавать другие образы. Когда мне рассказали про ту часть сновидения, где изображался трудный подъем в гору, а в конце стал значительно легче, мне это напомнило известное, мастерски написанное вступление к «Сафо» Альфонса Доде. В этом знаменитом фрагменте этого произведения молодой человек вносит по лестнице возлюбленную, которая вначале кажется ему легкой, как перышко, но, когда он поднимается с ней на руках все выше, она становится все тяжелее и тяжелее. В этой сцене Доде иносказательно предостерегает молодежь не очень увлекаться девушками из низов и с сомнительным прошлым[229]. Хотя мне было известно, что мой пациент состоял в связи с одной актрисой и они лишь недавно расстались, я все же не был уверен, что это мое толкование окажется правильным. Кроме того, в *«Сафо»* ситуация была *противоположной* тому, что мы видели в сновидении – в нем сначала подниматься было трудно, а потом стало легче; а в романе этот эпизод был символическим лишь в том случае, если то, что вначале казалось легким, в конце оказывается тяжелым бременем. К моему удивлению, мой пациент говорит, что это толкование согласуется с содержанием пьесы, которую накануне вечером он видел в театре. Пьеса эта называлась «Rund um Wien» («Путешествие по Вене») и изображала жизнь девушки, которая воспитывается в хорошей семье, становится *дамой полусвета,* и завязывает *отношения* с высокопоставленными лицами и так попадает в свет, а потом *переживает падение.* Эта пьеса напомнила ему другую, которую он видел несколько лет назад и которая называлась «Von Stufe zu Stufe» – «Со ступеньки на ступеньку». На афише, которая рекламировала эту пьесу, изображался лестничный пролет со *ступеньками.*

Продолжим интерпретацию этого сновидения. Актриса, с которой у него недавно были *отношения,* жила на улице X. Никакого постоялого двора на этой улице нет, но, когда он ради этой дамы провел часть лета в Вене, то остановился (по-немецки «abgestiegen» – буквально «по ступенькам вниз») в небольшой гостинице неподалеку от ее дома. Уезжая из этой гостиницы, он сказал кучеру: «Я рад, что хотя бы паразитов там не было». (Это была также одна из его фобий.) Кучер ответил ему: «Да как вы вообще могли там остановиться? Это же не гостиница, а просто *постоялый двор!»*

Постоялый двор напоминает ему стихотворение Уланда:

Bei einem *Wirte* wundermild
Da war ich jungst zu Gäste[230].

Этим симпатичным хозяином было яблоневое дерево, и вот какая цитата всплыла в связи с этим у него в памяти:

Фауст *(танцуя с молодою):*

Прекрасный сон я раз видал:
Я перед яблоней стоял;
Вверху два яблочка на ней;
Я влез на яблоню скорей.

Красавица:

Всегда вам яблочки нужны:
В раю вы ими прельщены.
Я рада, что в моем саду
Я тоже яблочки найду![231]

Совершенно ясно, что именно символизируют здесь яблоня и яблоки. Пышная грудь этой актрисы особенно привлекала моего пациента, которому приснился этот сон.

Контекст анализа этого сновидения дает нам полное основание предполагать, что оно относится к какому-то детскому впечатлению. Если это так, то оно должно относиться к кормилице моего пациента, которому уже за пятьдесят. Эта кормилица, как и Сафо в книге Доде, напоминает недавно покинутую им любимую женщину.

В сновидении появляется и (старший) брат этого пациента; он *наверху,* а мой пациент *внизу.* Это снова *«инверсия»* по отношению к истинному положению вещей, так как его брат, как мне известно, утратил свое социальное положение, а у моего пациента превосходная репутация. У этой *«инверсии»*есть особый смысл. Снова пересказывая мне содержание этого сна, пациент старался не говорить о том, что его брат там был наверху, а сам он – внизу. Это было бы слишком очевидно, потому что мы в Вене говорим, что кто-то *«на первом этаже»,* если он разорился, то есть *«упал на самое дно».* И для этой *инверсии* в сновидении должна быть какая-то причина. Более того, в такой инверсии должна выражаться какая-то важная характеристика соотношения мыслей в сновидении и содержания сновидения (ср. далее), и мы можем догадаться, где именно искать подсказку. Она должна быть в конце сновидения, где снова встречается инверсия той ситуации, где кто-то поднимается наверх, как в романе «Сафо». Там мужчина несет на руках женщину, с которой у него сексуальные отношения; а в мыслях в сновидении речь идет, наоборот, о женщине, которая несет мужчину, а так как этот случай может быть отнесен только к детству, то там речь идет о кормилице, которая с трудом несет малыша. В конце сновидения, таким образом, Сафо и кормилица сливаются в один образ.

Подобно тому как Доде озаглавил свое произведение «Сафо», намекая на лесбийскую любовь, и элементы сновидения, в которых одни люди находятся *наверху,* а другие *внизу,* тоже указывают на фантазии сексуального характера, которые волнуют моего пациента, и, поскольку они являются подавленными инстинктами, они безусловно связаны с его неврозом. (Само по себе толкование сновидения не показало нам, что то, что мы здесь наблюдали, было фантазиями, а не воспоминаниями о реальных событиях; анализ выявляет лишь *содержание* мыслей, а насколько они реальны – об этом лишь нам судить. И реальные, и воображаемые события в сновидении сначала кажутся в равной мере значимыми, и это происходит не только в сновидениях, но и при возникновении более существенных психических явлений)[232].

Мы уже знаем, что многочисленная компания – это символическое изображение какого-то секрета. Брат в этом сновидении – это просто собирательный образ всех соперников рассказчика в его взаимоотношениях с женщинами (появляется сцена ретроспективной фантазии, связанной с детскими переживаниями)[233]. Эпизод с господином, который оскорблял итальянского короля, снова связан с мыслями о том, как люди низкого социального статуса пытаются просочиться в высшее общество. Словно ребенка, приникшего к кормящей груди, хотели предостеречь так же иносказательно, как это делал Доде по отношению к молодым людям[234].

В качестве третьего примера, с помощью которого можно исследовать процесс сгущения при образовании сновидений, я приведу частичный анализ другого сновидения, о котором мне рассказала моя пожилая пациентка, которая проходила у меня курс психоанализа. Поскольку она страдала от крайней степени тревожности, ее сновидения были переполнены мыслями сексуальной направленности, и когда она впервые осознала это, то чрезвычайно удивилась и разволновалась. Поскольку по этическим соображениям я не смогу полностью привести здесь описание толкования ее сновидения, то на первый взгляд может показаться, что между его фрагментами нет видимой логической связи.

III. «Сновидение о майском жуке»

Содержание сновидения: *Она вспоминает, что у нее в коробке сидят два майских жука, которых она должна выпустить на волю, иначе они задохнутся. Она открывает коробочку и видит, что жуки уже на последнем издыхании; один из них вылетает в открытое окно, а другого жука она нечаянно раздавила оконной рамой, когда стала закрывать окно по чьей-то просьбе. (Пациентка проявляет отвращение.)*

Анализ. Ее муж был в отъезде, рядом с нею в постели спит ее четырнадцатилетняя дочь. Вечером накануне девочка сказала ей, что в стакан с водой упал мотылек, но моя пациентка забыла вынуть его, а наутро он сдох, и ей стало его очень жалко. В романе, который она читала перед сном, рассказывалось о том, как мальчики бросили кошку в кипяток, и та корчилась от боли. Вот два источника ее сновидения – сами по себе вполне нейтральные. Эту даму волнует жестокое обращение с животными. Несколько лет тому назад во время летнего отдыха ее дочь проявляла такую же жестокость по отношению к животным. Она наловила бабочек и попросила дать ей *мышьяк,* чтобы убить их. Однажды бабочка с булавкой в теле все же стала летать по

комнате; в другой раз она нашла нескольких подохших от голода гусениц, которых девочка тщательно сохраняла. Эта же девочка имела отвратительную привычку в раннем детстве отрывать крылышки *жукам* и бабочкам. Теперь она, конечно, не решилась бы на такой жестокий поступок; она стала очень доброй.

Пациентка стала размышлять над этим противоречием. Оно напоминает ей о другом противоречии между внешностью и образом мыслей, изображенным в романе Джорджа Элиота *«Адам Бид»:* там описаны красивая, но тщеславная и глупая девушка, а рядом с ней другая – некрасивая, но хорошая и душевная, аристократ, который соблазнил глупышку, и рабочий, чье душевное благородство выражается в его поступках. Благородства души сразу в человеке не замечают. Кто бы мог подумать, что она страдает от чувственной неудовлетворенности?

В тот самый год, когда девочка собирала свою коллекцию бабочек, местность, где они жили, страдала от невероятного обилия *майских жуков.* Дети убивали их, давили целыми кучами. Сама она родилась в *мае* и в *мае* вышла замуж. Через три дня после свадьбы она написала родителям письмо о том, как она счастлива, а на самом же деле это было не так.

Вечером накануне этого сновидения она перебирала свои старые письма и читала вслух своим близким различные серьезные и смешные их них, там попалось одно очень смешное письмо от какого-то учителя музыки, который ухаживал за ней в юности, и письмо другого ее поклонника, *аристократа.* (Это и было истинным источником сновидения.)

Она упрекает себя за то, что одна из ее дочерей прочла «дурную» книгу Мопассана[235]. Мышьяк, о котором просила ее дочь для умерщвления бабочек, напоминает ей о пилюлях, содержащих мышьяк, которые возвращали юношеские силы графу де Мора в книге «Набоб».

«Отпустить на волю» напоминает ей фрагмент из оперы Моцарта «Волшебная флейта»:

Zur Liebe kann ich dich nicht zwingen,
Doch geb ich dir die Freiheit nicht.

Любить заставить не могу,
Но и свободы я тебе не дам.

«Майские жуки» напоминают ей слова Кетхен из драмы «Кетхен из Гейльбронна, или Испытание огнем» Генриха фон Клейста:

Verbliebt ja wie ein Kafer bist du mir.

Ты влюблен в меня, как майский жук.

И еще строки из оперы «Тангейзер»:

Ты страстью порочной охвачен…

Она беспокоится о своем муже, который находится в отъезде. Эта боязнь, что с ним что-нибудь случится в дороге, выражается в самых разнообразных фантазиях наяву. Незадолго до этого во время анализа выяснилось, что она в глубине души была раздражена оттого, что он «дряхлый»; какое желание скрывалось за ее сновидением, станет гораздо понятнее, если я сообщу, что за несколько дней до того, как ей приснился этот сон, она неожиданно испугалась, когда ей вдруг захотелось сказать мужу: «Повесься!» Оказалось, что незадолго до этого она где-то прочитала, что при повешении появляется сильная эрекция. Желание вызвать эрекцию у мужа проявилось у нее в такой ужасающей форме. «Повесься» значило примерно то же самое, что и «Добейся эрекции любой ценой». Вот откуда появился образ пилюль с мышьяком доктора Йенкинса из романа «Набоб»; моя пациентка знала, что шпанские мушки, которые являются сильнейшим афродизиаком, готовятся из *раздавленных жуков:* этот смысл проявляется и в одном из фрагментов ее сновидения.

Открывание и закрывание *окон* — это одна из причин ее постоянных ссор с мужем. Она любит спать при открытых окнах, а ее муж – при закрытых. В последнее время она постоянно жаловалась на чувство *разбитости* и усталости.

Во всех этих трех сновидениях я привлекал внимание к тем их фрагментам, где элементы содержания сновидения снова проявляются в мыслях этого сновидения, чтобы яснее продемонстрировать, сколько разнообразных связей порождают первые из них. Но поскольку

анализ ни одного из этих сновидений не завершен, то нам теперь следует обратиться к более подробно проанализированному сновидению, чтобы продемонстрировать, насколько сверхдетерминировано его содержание. Я избираю для этой цели сновидение об инъекции Ирме. На этом примере мы без труда заметим, что процесс сгущения при образовании сновидений пользуется не одним только средством.

Главное действующее лицо в содержании этого сновидения – моя пациентка Ирма, которая предстает в нем в своем истинном виде и потому в начале этого сновидения изображает саму себя. Но та поза, в которой она стоит у окна во время моего осмотра, связана с моим воспоминанием о другой даме, которую я бы охотно видел вместо Ирмы, как это доказывают мысли в этом сновидении. Поскольку при исследовании Ирмы я вижу у нее дифтеритные пленки, которые напоминают мне о моей старшей дочери и о том, как я волновался за нее, то Ирма символизирует именно мою дочь; а в образе дочери воплощается ее тезка, моя пациентка, которая погибла из-за интоксикации. В дальнейшем ходе сновидения значение образа Ирмы изменяется (но сам ее образ остается неизменным), она превращается в одного из детей, которых мы обследуем в детской больнице, причем мои коллеги констатируют, что их характеры различаются. Именно с образа моей дочери в том сновидении начались эти трансформации. Ирма неохотно открывает рот при обследовании и превращается в другого человека, а потом – в мою собственную жену. Патологические изменения, которые я заметил у нее в горле, были связаны с ассоциациями, которые напоминали о многих других людях.

Никто из тех, кого мне напомнила Ирма, не появляются в этом сновидении во плоти; Ирма их символически воплощает и становится тем собирательным образом, черты которого противоречивы. Ирма воплощает собой всех других людей, которые исчезли благодаря действию механизма сгущения, поскольку именно *ее* я наделил их чертами, шаг за шагом, и она стала во всем напоминать мне *этих людей.*

Вот еще один способ, с помощью которого «собирательный образ» может быть создан, чтобы реализовать процесс сгущения в сновидении, соединив характеристики двух или нескольких людей в одном образе в сновидении. Так возник образ доктора М. В моем сновидении он носит имя доктора М., говорит и действует, как он; но его отличительная черта и его болезнь относятся к другому лицу, к моему старшему брату; лишь одна его черта – бледность лица – детерминирована дважды, она соответствует в действительности и тому и другому. Доктор Р. также представляет собой собирательный образ в моем сновидении о дяде с рыжеватой бородой. Но в этом случае этот собирательный образ сформировался иначе. Я не объединил черты одного человека с чертами другого так, как Гальтон создавал семейные портреты, то есть проецируя оба снимка на одну пластину так, что их общие черты выступают более ярко, а противоречивые устраняют друг друга и в общем портрете не видны. В моем сновидении о дяде с рыжеватой бородой она очень привлекает внимание, поскольку появилась на собирательном изображении лица, сформированном из образов двух людей, и потому этот образ расплывчат, кроме того, у моего отца и у меня – тоже светлая борода, потому что волоски в ней седеют.

Формирование собирательных образов – это одно из главнейших средств процесса сгущения в сновидении. Мы еще обсудим это.

Мысль о «дизентерии» в сновидении об Ирме также детерминирован чрезвычайно сложным образом: с одной стороны, это слово звучит похоже на «дифтерия», с другой – напоминает о пациенте, которому я рекомендовал отправиться в путешествие на Восток и который страдал истерией, непонятной для врачей этой страны. Интересный случай процесса сгущения представляет собой и упоминание в сновидении о «пропилене». В мыслях, скрывающихся за сновидением, содержался не «пропилен», а «амилен». Можно было бы предполагать, что здесь просто произошло смещение. Так оно и было, но это смещение приводит к процессу сгущения, как показывает наш анализ в дальнейшем. Когда я произношу слово «пропилен», то мне приходит в голову его созвучие со словом «пропилеи». Но пропилеи[236] имеются не только в Афинах, но и в Мюнхене. В этом городе я за год до своего сновидения посетил одного своего тяжелобольного друга, воспоминание о котором проявляется при помощи «трителамина», который упоминался в сновидении непосредственно за «пропиленом».

Здесь я не буду подробно обсуждать то, каким причудливым образом здесь, как и в других проанализированных сновидениях, для соединения мыслей применяются самые разнообразные

ассоциации и ценности, и уступаю искушению, так сказать, максимально пластично изобразить процесс замены амилена пропиленом в мыслях в содержании сновидения.

С одной стороны, группа мыслей напоминает о моем друге Отто, который не понимает меня, упрекает меня и дарит мне ликер с запахом амилена; тут же связанные с ним по закону контраста ассоциации с мои другом Вильгельмом, который меня понимает и которому я обязан многочисленными ценными сведениями касательно химии сексуальных процессов.

Недавние факторы, обусловившие возникновение сновидения, и привлекли мои мысли к «Отто», амилен относится к этим избранным элементам, которые обусловили содержание сновидения. Насыщенная и разнообразная группа мыслей, связанная с «Вильгельмом», появляется потому, что вступает в противоречие с группой «Отто», и в группе «Вильгельм» усиливаются именно те элементы, которые перекликаются с группой «Отто». Пока длится это сновидение, я перехожу от лица, вызывающего во мне неприятное чувство, к другому, которое я могу по своему усмотрению противопоставить первому. Таким образом, амилен в группе «Отто» вызывает и в другой группе воспоминание из области химии; трителамин, который подкрепляется с разных направлений, проникает в содержание сновидения. «Амилен» мог бы тоже попасть в сновидение, но на него воздействует группа «Вильгельм»; из комплекса воспоминаний, которые скрываются за этим именем, выбирается тот элемент, который может вдвойне детерминировать «амилен». От «амилена» мы переходим к ассоциациям с «пропиленом», из группы «Вильгельм» всплывает Мюнхен с пропилеями. В «пропилене – пропилеях» обе группы представлений пересекаются, и, словно на основе компромисса, этот связующий элемент появляется в содержании сновидения. Здесь, таким образом, составляется нечто среднее, благодаря чему возникает сложное детерминирование. Поэтому сложное детерминирование должно облегчить доступ к содержанию сновидения. Чтобы образовалось промежуточное звено подобного рода, внимание, без сомнения, смещается от того, на что оно действительно направлено, к чему-то, связанному с ним по ассоциации.

Наш анализ сновидения об Ирме дает возможность подвести итог нашему исследованию процесса сгущения при образовании сновидений. Нам удалось рассмотреть детали этого процесса, например, как возникает предпочтение в отношении элементов, которые возникают несколько раз в мыслях в сновидении, как формируются эти новые образования (в форме собирательных образов и сложносоставных структур) и каким образом формируются промежуточные образования. Мы не будем обращаться к следующему связанному с этим вопросу – *зачем* происходит этот процесс сгущения и какие именно факторы его провоцируют, пока не рассмотрим целый ряд психических процессов, которые принимают участие в формировании сновидений (см. главу VII, раздел Д). Пока мы просто констатируем, что сгущение в сновидении – это его существенная характеристика, связанная с взаимоотношением между мыслями в сновидении и его содержанием.

Ярче всего процесс сгущения в сновидении проявляется в том случае, когда он направлен на слова и имена. Слова очень часто заменяют в сновидении вещи, и тогда с ними происходят те же процессы соединения, смещения, замещения, а также и сгущения, как и у представлений о вещах[237]. В таких сновидениях мы сталкиваемся с комичными и причудливыми словосочетаниями[238].

I

Однажды один мой коллега прислал мне свою статью, в которой, на мой взгляд, чрезвычайно преувеличивал значение одного нового физиологического открытия и весьма напыщенно говорил о нем, и в следующую же ночь мне приснилась одна фраза, которая, по всей вероятности, относилась именно к этой его статье: «Какой у него норекдальный стиль». Разрешение загадки слова «норекдалный» представило мне вначале большие трудности; не подлежало сомнению, что оно пародирует слова: колоссальный, пирамидальный и т. д., но откуда оно взялось, трудно сказать наверняка. Неожиданно слово это распалось в моем сознании на два имени: Нора и Экдал из двух известных драм Ибсена («Кукольный дом» и «Дикая утка»). Тот же коллега, статью которого я раскритиковал в сновидении, написал недавно заметку об Ибсене.

II

Одна из моих пациенток рассказала мне про короткое сновидение, в котором основную роль играло бессмысленное словосочетание. *Ей приснилось, что она находится с мужем на деревенском празднике и говорит: он кончится всеобщим «Maistollmutz»*. При этом у нее во сне проявляется догадка, что это такое мучное кушанье из маиса, род поленты. Во время анализа этого сновидения оно распалось на элементы: Mais – toll – mannstoll – Olmtitz (Маис – бешеный – нимфомания – Ольмютц); все эти элементы фигурировали в обрывках ее разговора за столом накануне этого сновидения. За словом Mais скрывались слова: Meissen (мейсенская фарфоровая фигура, изображавшая птицу), miss (англичанка, жившая у ее родственников, уехала в Ольмютц), mies (еврейское словечко, которое обозначает «отвратительный»); от каждого из слогов этого слова развернулась длинная цепь мыслей и различных ассоциаций, в результате которой и возникла эта словесная чехарда.

III

Одному молодому человеку, у которого поздно ночью прогремел дверной звонок, когда знакомый прислал ему визитную карточку, приснилось ночью вот что:

Один человек вечером заработался допоздна и не проверил, все ли в порядке у него с телефоном. После того как он ушел, его телефон все звонил и звонил – не постоянно, а издавая отдельные резкие звуки. Его слуга попросил этого человека вернуться, и тот заметил: «Как смешно, когда некоторые люди "тютельрируют" тебя, словно сами не могут справиться с этой ситуацией».

Видно, что несущественная причина, которая спровоцировала это сновидение, лишь маскирует один его элемент. Этот эпизод важен лишь потому, что у спящего сложилось в одну цепочку раннее впечатление, которое ничего не значило само по себе, и оно приобрело в его воображении большее значение. Когда он был маленьким мальчиком и жил вместе со своим отцом, то в полусне уронил на пол стакан, наполовину наполненный водой. Из-за этого промок телефонный провод, и *постоянный звон* телефона мешал отцу спать. Поскольку постоянный звон соответствовал намоканию, «отдельные звонки» символизировали звук капель, падавших одна за другой. Слово *«тютельрировать»* можно проанализировать в трех направлениях, и так возникают три темы мыслей в сновидении. «Тютель» напоминает слово «tutelage» – опеку, Tutel, или Tuttel, – это вульгарное слово, которым обозначают женскую грудь («титьки»). А «rein» – «…рировать» означает «чистый» и комбинируется с первой частью слова «Zimmertelegraph» – (домашний телефон), получается «zimmerein» – «обученный дома», а это связано с водой, пролитой на пол, и, кроме того, очень напоминает звучание имени одного из членов семьи того, кому приснился этот сон[239].

IV

Однажды мне самому приснился длинный и запутанный сон, где я путешествовал по морю, и следующей остановкой в пути должно было стать место под названием *Херзинг,* а потом *Флисс.*Второе название звучит так же, как и имя моего берлинского друга, к которому я часто ездил. «Херзинг» – это сложносоставное слово. Одна часть его напоминает про местности в пригороде Вены, названия которых часто заканчиваются на «…инг»: Хитцинг, Лизинг, Медлинг (Меделиц – «meae deliciae» – старое слово – «мой Фрейд?» – «моя прелесть»). Другая часть этого слова образована из английского слова «hearsay» («молва»), это наводит на мысль о клевете и привязывает это сновидение к ничего не значащему эпизоду дня накануне этого сновидения: стихотворению в газете «Fliegende blatter» про злого гнома по имени Sagter Hatergesagt (Он говорит-говорит-он). Если слог «инг» добавить к слову «Флисс», то получится «Флиссинген» – а в этом месте останавливался мой брат, когда приезжал к нам из Англии. Но по-английски это место называется Флашинг, что значит «blushing» – краснеть, а это напомнило мне про пациента, которого я лечил от эретофобии, и о недавно опубликованной работе о природе этого невроза, автором которой был Бехтерев и которая меня вывела из себя.

V

А еще мне приснился сон из двух отдельных частей. В первой центральное место занимает слово «автодидаскер», я отчетливо это помню. Другая наводит меня на мысль о том, что когда я увижу профессора Н., я ему должен буду сказать: «Пациент, которого вы недавно осматривали, на самом деле страдает только неврозом – как вы и предполагали». Слово «автодидаскер» не только содержит «сгущенный смысл», но этот смысл непосредственно связан с моим намерением сообщить эту приятную новость профессору Н.

«Автодидаскер» разлагается легко на вот такие компоненты: автор, автодидакт и Ласкер, которое мне напоминает имя Лассаль[240]. Первые два слова способствовали формированию этого сновидения. Я принес своей жене несколько томов одного известного (австрийского) автора, с которым дружил мой брат и который, как я недавно узнал, родился в том же городе, что и я. Однажды вечером она со мною говорила о том глубоком впечатлении, которое произвела на нее захватывающая печальная история, постигшая талантливого человека в одной из новелл этого автора; потом наш разговор переключился на таланты, которые проявляются у наших детей. Под впечатлением от прочитанного она выразила опасение в отношении наших детей, и я утешил ее замечанием, что именно такие опасности можно предотвратить с помощью правильного воспитания. Ночью мои мысли развивались в том же направлении, и я разделил обеспокоенность моей жены. Замечание, которое сделал писатель в адрес моего брата и которое касалось женитьбы, направило мои мысли в другом направлении – я подумал про Бреславль, где после замужества жила одна наша знакомая дама. Опасение, что талантливого человека может погубить женщина, заняло мои мысли, вот и появился в сновидении Бреславль в образах Ласкера и Лассаля. Ласкер умер от прогрессирующего паралича, то есть от последствий дурной болезни, которой он заразился от женщины; Лассаль, как известно, погиб на дуэли из-за женщины. Элемент *«cherchez la femme»,* которым можно резюмировать эти мысли, напоминает мне о моем холостом брате по имени Александр. Я замечаю, что имя Алекс, как мы его обычно называем, похоже по созвучию на Ласкер и что это и навело меня на мысли о Бреславле.

Игра именами и словами имеет еще и другой, значительно более глубокий смысл. Она воплощает стремление к счастливой семейной жизни, чего я желаю для моего брата, и это происходит следующим образом. В романе Золя «L'ouevre», с которым тесно связаны мысли писателя, автор изобразил, как известно, себя самого и свое собственное семейное счастье. В романе он фигурирует под именем Сандо. По всей вероятности, от придумал это имя вот как. Если прочесть фамилию Золя наоборот, то получится Ялоз. Но это показалось ему слишком прозрачным, поэтому он заменил первый слог «ал», которым начинается и имя Александр, третьим слогом того же имени «санд», так и получилось Сандо (по фр. – «Sandos»). Так появилось и это слово «автодидаскер» в моем сновидении.

Мысль о том, что я должен рассказать профессору Н., что пациент, которого мы оба обследовали, страдает только неврозом, проникла в сновидение следующим образом. Незадолго до конца моего рабочего года ко мне пришел пациент, но я не решался дать категорического диагноза его болезни. У него можно было предположить наличие органического заболевания, какой-то патологии спинного мозга, хотя очевидных признаков этого не было. Существовало искушение поставить диагноз «невроз»; это положило бы конец всяким сомнениям, но я не мог этого сделать, так как больной категорически отрицал какой бы то ни было сексуальной предыстории его недомогания, без которой установить у него невроз было бы невозможно. Я не был уверен, как мне лучше поступить, и обратился за помощью к врачу, которого признаю авторитетным. Он выслушал мои сомнения, согласился с ними, но сказал: «Понаблюдайте за пациентом. Полагаю, что у него все же лишь невроз». Так как я знаю, что он не разделяет моих взглядов относительно этиологии неврозов, я не стал спорить с ним и скрыл, что его ответ не удовлетворил меня. Несколько дней спустя я заявил пациенту, что не знаю, что следует предпринять, и посоветовал ему обратиться к другому врачу. В ответ на это, к моему глубокому удивлению, он стал просить у меня извинения и сознался во лжи; ему было очень стыдно, но теперь он готов сообщить некоторые подробности своей интимной жизни, и его рассказ содержал детали этиологии сексуального характера, которых мне как раз не хватало для того, чтобы с уверенностью поставить ему диагноз «невроз». При этом я испытал чувство удовлетворения, но мне стало и стыдно; я должен был сознаться, что мой консультант, не

смущаясь отсутствием нужных фактов, оказался дальновиднее меня, и я решил откровенно сказать ему об этом при встрече и признаться в том, что он был прав, а я – нет.

Именно это-то я и переживаю в своем сновидении. Но при чем же тут осуществление желания, если я признаюсь в своей неправоте? Но *мое желание в этом и заключается;* мне хочется оказаться неправым в своих опасениях, точнее говоря, мне хочется, чтобы моя жена, опасения которой проникли в мои мысли в сновидении, оказалась неправа. Тема, к которой относится «правота» и «неправота» в сновидениях, недалека от того, что действительно занимало мои мысли. Здесь фигурирует та же самая альтернатива между физиологическим и функциональным вредом, который причинила женщина, или, точнее говоря, сексуальность: инфекционный паралич или невроз? (Причина смерти Лассаля может быть условно отнесена к этой категории.)

В этом сне, в котором все так переплелось, но стало понятным после тщательного анализа, профессор Н. играет важную роль не только благодаря этой аналогии, но и оттого, что я хочу оказаться неправ, а также не потому, что он связан с Бреславлем и дружит с дамой, которая живет там после замужества, а из-за нашего непродолжительного разговора после этой консультации. Исполнив свой врачебный долг, он заговорил со мною о моей семье. «Сколько у вас детей?» – «Шестеро». – «Мальчиков или девочек?» – «Три мальчика и три девочки – это моя гордость и все мое богатство». – «Ну, смотрите, от девочек мало хлопот, а вот воспитывать мальчиков нелегко». Я заметил, что они у меня очень послушные. По всей вероятности, эти два диалога про будущее моих сыновей мне так же не понравились, как и первый – про моего пациента. Оба эти впечатления связаны между собой, потому что следуют одно за другим, и в мое сновидение проникает история с неврозом, но она заменяет разговор о воспитании, еще больше связанный с мыслями во время сновидения, потому что он еще больше напоминает высказанные накануне опасения моей жены. Таким образом, и опасение, что профессор Н. был прав относительно трудности воспитания моих мальчиков, встраивается в содержание сновидения: оно скрывается за моим желанием, чтобы я оказался неправ, испытывая эти опасения. Та же самая фантазия без изменений воплощает две эти возможности.

VI

«Рано утром, в полусне[241], я испытал очень приятный пример процесса сгущения. Передо мной мелькали фрагменты снов, которые я очень смутно помню, и вдруг мне приснилось слово, которое, как мне показалось, я увидел наполовину напечатанным, а наполовину написанным от руки. Это слово было *«erzefilish»,* и оно вписалось в предложение, которое проскользнуло в мою память непонятно откуда, совершенно само по себе: «Это было "эрцефилишское" влияние сексуальных переживаний». Я сразу понял, что на самом деле оно должно было обозначать *«erzieherisch»* —«образовательное». И какое-то время я сомневался, нужно ли второе «i» в этом слове. Здесь мне вспомнилось слово «сифилис». Когда я приступил к анализу этого сновидения еще в полусне, я изо всех сил сконцентрировался, пытаясь понять, откуда все это проникло в мое сновидение, поскольку к этому заболеванию я не имел никакого отношения – ни личного, ни профессионального. Тогда мне пригрезилось слово *«erzehlerish»* (опять не существующее), и это объяснило, откуда взялось второе «е» в слове *«erzefilisch»,* которое напомнило мне, что вечером гувернантка *(Erzieherin)* попросила меня высказаться по поводу проблемы проституции, и я дал ей почитать книгу Гессе на эту тему, чтобы повлиять на ее эмоциональную жизнь, так как я считал, что с ней не все в порядке; после чего я много ей рассказывал *(erzahlt)* о проблеме, которая ее заинтересовала. Потом я понял, что слово «сифилис» здесь не следовало понимать буквально, оно символизировало «отраву» по отношению к сексуальной сфере, конечно. И тогда эту фразу из моего сна можно было трансформировать вполне логичным образом: мой рассказ *(Erzahlung)* должен был оказать образовательное воздействие *(erzieherisch)* на гувернантку *(Erzieherin)* в том, что касается ее эмоциональной жизни, и я опасался, что он может оказаться вредным – «ядовитым» для нее. Несуществующее слово *«erzefilisch»*образовалось из фрагментов *«erzah»* — и *«erzieh».*

Странные искажения слов в сновидениях напоминают те, которые наблюдаются при паранойе; они играют существенную роль и при истерии, и при навязчивых представлениях. Когда дети коверкают слова[242], они иногда относятся к словам как к вещам, изобретают новые

языки и синтаксические структуры, и подобное часто характерно как для сновидений, так и для психоневрозов.

Анализ странных, не существующих в реальности слов, которые возникают в сновидениях, особенно ярко демонстрирует процесс сгущения в сновидениях. У читателя не должно создаваться впечатление, что это какое-то редкое или исключительное явление, лишь оттого, что я привел так мало его примеров. Как раз напротив, это – весьма распространенное явление. Но, поскольку на интерпретацию сновидений в значительной степени оказывает влияние то, что происходит в процессе психоаналитического лечения, наблюдению доступно очень немногое, и мало что удается записать, а анализ подобных случаев доступен лишь специалистам в области патологии неврозов. Например, о подобном сновидении сообщает доктор фон Карпинска (Dr. Von Karpinska, 1914), и в этом сне фигурировало бессмысленное выражение «Svingnum elvi». Бывает, что в таких сновидениях появляется слово, которое само по себе бессмысленным не является, но утрачивает свое обычное значение и образует такие словосочетания, в которых слова связаны друг с другом так же, как и в бессмысленных словосочетаниях несуществующих слов. Именно это и произошло с десятилетним мальчиком, которому приснилось слово «категория» (об этом сне рассказывает Тауск (Tausk, 1913). В этом сновидении «категория» обозначало «женские половые органы», а «категоризировать» обозначало то же самое, что и «мочиться».

Когда в сновидении фигурируют разговорные выражения, которые существенно отличаются от мыслей в этом сновидении, то, как правило, разговор в сновидении напоминает какой-то другой, который состоялся в реальной жизни. Этот разговор либо сохраняется в неизмененном виде, либо с ним происходит незначительное искажение; отчасти такой разговор составляется из отрывков фраз и диалогов дня накануне сновидения; хотя внешне он и остается неизмененным, мысль в нем приобретает совершенно иное значение; речь или разговор в сновидении нередко намекают на ту ситуацию, при которой этот разговор возник[243].

Б. Как действует процесс смещения

Когда мы создавали коллекцию примеров процесса сгущения в сновидении, мы не могли не обратить внимания на другое, не менее существенное обстоятельство. Можно заметить, что те элементы, которые являются основными составными элементами сновидения, не играют этой роли в тех мыслях, которые порождают это сновидение. И можно заметить обратное явление: то, что преимущественно занимает мысли человека, может совершенно не проявляться в сновидении. Это сновидение, так сказать, уходит в сторону от основных мыслей, которые его породили, и в его центре оказываются совершенно иные элементы. Например, центральным элементом в сновидении о ботанической монографии является «ботаника»; а в мыслях, которые породили это сновидение, речь идет о конфликтах, которые возникают, когда один врач обращается за профессиональной помощью к другому, и об упреках в том, что я слишком много трачу денег на свои увлечения; элемент «ботаника» вообще не фигурирует в этих мыслях, которые больше всего меня занимают, – он только связан с ним по принципу контраста, так как ботаника не была никогда в числе моих излюбленных занятий. В сновидении «Сафо» у моего пациента центральным пунктом является «подъем» и «движение вниз»; в сновидении прослеживается мысль об опасностях сексуальных контактов с женщинами, стоящими в социальном отношении на более низкой ступени, чем мужчина, так что в содержание сновидения проник лишь один из элементов этих мыслей. Так же обстоит дело и в сновидении о майских жуках, где прослеживается взаимосвязь сексуальности и жестокости; жестокость хотя и проявляется в сновидении, но в совершенно другой связи и при полном отсутствии сексуального элемента; таким образом, он словно вырван из общего контекста и представлен в совершенно измененном виде. В сновидении о дяде светлая борода, его центральный пункт, не имеет никакого отношения к мании величия, которая после анализа оказалась в центре мыслей, которые скрывались за этим сновидением. Во всех этих сновидениях происходит процесс «смещения». В отличие от этих примеров, при формировании сновидения его отдельные элементы сохранили то место, какое они занимали и в мыслях. Это дальнейшее соотношение между мыслями в сновидении и его содержанием, такие изменчивые в том, что касается направления сновидения или его смысла, должны вызвать наше невероятное удивление. Если мы изучаем психические процессы в нормальной жизни и выясняем, что одна из мыслей выбирается

и ей придается особое значение, то мы обычно рассматриваем это явление как доказательство того, что именно эти мысли особенно психологичны и в них есть какой-то особенный интерес. Но нам известно, что эта ценность отдельных элементов мыслей, которые породили сновидение, при его формировании не сохраняется или, по крайней мере, не играет в этом почти никакой роли. Нет никаких сомнений в том, какие именно элементы играют самую существенную роль в мыслях, служащих основой сновидения; мы узнаем об этом из суждений. При формировании сновидения эти важнейшие, наиболее интересные элементы могут совершенно утратить свою ценность; их место в сновидении занимают другие элементы, безусловно, несущественные или даже не имеющие для этих мыслей никакого значения. На первый взгляд возникает впечатление, что психическая интенсивность[244] отдельных мыслей вообще не играет роли для формирования сновидения, а единственное, что здесь заслуживает внимания, это большая или меньшая степень разнообразия их определенности. В сновидение попадает не то, что *важнее* всего, а то, что содержится в них, постоянно повторяется. Но эта гипотеза не помогает объяснить то, как именно формируются сновидения, поскольку из того, что мы видим, становится понятна лишь важная роль двух факторов, от которых это формирование зависит: множественного детерминирования и внутренней психической ценности, которые обязательно должны действовать в одном и том же смысле. Те представления, которые играют важную роль в мыслях, наиболее часто в них и повторяются, именно они и порождают, и усиливают мысли в сновидениях, которые от них образуются. Но на формирование сновидения эти мысли, важные сами по себе, усиленные со многих сторон, могут и не оказать влияния, и для своего содержания оно может выбрать те элементы, которые обладают второстепенным значением с точки зрения этих характеристик.

Чтобы разрешить эту проблему, мы обратимся к другому впечатлению, которое мы получили при исследовании сверхдетерминирования содержания сновидения. Возможно, у многих читателей сложилось впечатление, что в сверхдетерминировании элементов сновидения нет ничего нового, поскольку этот процесс очевиден. Поскольку мы приступаем к анализу, основываясь на элементах сновидения, и записываем все те мысли, которые с ним связаны, неудивительно, что в мыслях, полученных таким образом, чрезвычайно часто встречаются именно эти элементы. Я мог бы не считаться с этим возражением, но я сам приведу аналогичное; среди мыслей, которые обнаруживаются в ходе нашего анализа, находится много таких, которые кажутся далекими от сущности сновидения и которые кажутся искусственно введенными интерполяциями, с помощью которых мы преследуем определенную цель. Ее весьма легко обнаружить. *Именно эти мысли* и образуют ту связь, иногда абсолютно вынужденную и искусственную, между содержанием сновидения и мыслями, которые за ним скрывается; и если бы мы устранили эти элементы из анализа, то составные части этого сновидения не только не были бы сверхдетерминированы, но и не получили бы никакого определения вообще. Так мы понимаем, что сложное детерминирование, которое играет решающую роль при подборе материала сновидения, не всегда является первичным моментом при формировании сновидения, но зачастую представляет собой вторичный продукт воздействия психической силы, о которой мы еще ничего не знаем. Но множественное детерминирование должно играть важную роль для отбора конкретных элементов сновидения, поскольку мы можем убедиться в том, что оно не возникает само по себе из материала сновидения, и для этого нужны какие-то вспомогательные факторы.

Итак, кажется вероятным, что в сновидении действует некая психическая сила, которая, с одной стороны, лишает интенсивности психически ценные элементы, а с другой – путем *сверхдетерминирования* из незначительных его элементов создает новые ценности, которые затем и проникают в содержание сновидения. Если это так, то при образовании сновидения совершается *перенесение и смещение психической интенсивности* отдельных элементов, в результате которых содержание сновидения и мысли, которые его порождают, отличаются друг от друга. Именно этот процесс, по нашему мнению, и является самым основным в сновидении; мы назовем его процессом смещения. Смещение и сгущение – два процесса, от которых, как мы полагаем, и зависит формирование сновидения.

Я полагаю, что нам будет нетрудно осознать сущность той психической силы, которая проявляется в процессе смещения. Результатом этого смещения является то, что содержание сновидения не похоже по своему существу на те мысли, которые за ним скрываются, и что сновидение отражает лишь искажение жизни в области бессознательного. Искажающая

деятельность сновидения нам уже знакома; мы объяснили ее цензурой, которую оказывает одна движущая психическая сила на другую. Процесс смещения в сновидении – одно из самых основных средств для достижения такого искажения. Is fecit, cui profuit[245]. Итак, мы можем предположить, что процесс смещения осуществляется благодаря влиянию именно этой цензуры – то есть цензуры, которая действует как механизм внутренней психической защиты[246].

Вопрос о том, как именно согласуются моменты смещения, сгущения и детерминирования при образовании сновидения, какой из этих факторов играет основную, а какой – второстепенную роль, мы увидим далее. Но мы можем перейти к констатации второго условия, которому должны соответствовать элементы сновидения: *они должны ускользать от цензуры, которую налагает на них сопротивляющаяся им сила*[247]. И потому в интерпретации сновидений мы должны принять процесс смещения в сновидениях в качестве непреложного факта.

В. Выразительные средства в сновидениях

Мы увидели, как действуют два фактора в процессе трансформации скрытых мыслей в непосредственно наблюдаемое содержание сновидения: процесс сгущения и процесс смещения. Продолжая наше исследование, теперь мы должны обсудить два определяющих фактора, которые, без сомнения, оказывают влияние на выбор материала, который должен проникнуть в сновидение.

Но прежде всего, даже рискуя замедлить темп нашего исследования, необходимо рассмотреть сам процесс толкования сновидений. Я не отрицаю, что самым простым способом представить эти процессы ясно и доказать их достоверность можно было бы, выбрав какое-то сновидение в качестве примера, и продемонстрировать его толкование (как я и поступил во второй главе, рассказав про сновидение об инъекции Ирме), а затем собрать воедино выявленные скрытые мысли и восстановить из них потом процесс, который способствовал формированию этого сновидения, – иными словами, дополнить анализ сновидений их синтезом. Эту работу я и проделал для собственных целей на примерах нескольких сновидений; но я не могу опубликовать ее здесь в силу разного рода соображений, связанных с психическими характеристиками используемого материала, – причинами самыми разнообразными, которые будут признаны обоснованными любым рассудительным человеком. Подобные соображения играют менее существенную роль в *анализе* сновидений, поскольку этот анализ может быть неполным, и при этом сохранять свою ценность: ему достаточно хотя бы отчасти проникнуть в хитросплетения сновидения. А вот синтез должен быть непременно исчерпывающим, чтобы считаться обоснованным. Но исчерпывающий синтез я смогу предоставить лишь относительно сновидений тех лиц, которые совершенно незнакомы читающей публике. Поскольку в моем распоряжении лишь сновидения моих пациентов-невротиков, то я должен отложить такой синтез их сновидений до тех пор, пока я не сумею полностью связать психологическое толкование неврозов с нашей темой[248].

Мои попытки построения сновидения из мыслей с помощью синтеза навели меня на мысли о том, что при подобном толковании можно получить материал различной степени ценности. Одна его часть состоит из существенных мыслей в сновидении, которые полностью заменяют это сновидение, если бы в сновидении не существовало цензуры. В другой его части – мысли менее значимые. И невозможно согласиться с точкой зрения, что все мысли этой второй категории принимают участие в формировании сновидения. Напротив, между ними могут существовать ассоциации, которые относятся к тем событиям, которые произошли *после* этого сновидения, в промежуток меду сном и его толкованием. Эта часть материала включает в себя все связки, которые соединяли явное содержание сновидения и скрытые мысли, которые лежали в его основе, а также ассоциации-посредники и ассоциации-связки, с помощью которых в процессе интерпретации мы сумели обнаружить эти связи[249]. В процесс толкования сновидения необходимо восстановить те связи, которые в сновидении были разрушены под воздействием протекающих в нем процессов.

В сновидении, возможно, это не выражается в силу самой сущности психического материала, из которого сновидения построены. Изобразительные искусства – живопись и скульптура, тоже в этом отношении ограничены в выразительных средствах, по сравнению с поэзией, которая пользуется речью; и здесь дело в материале, при помощи которого оба искусства стремятся выразить что-то. Пока не стало понятно, какие выразительные средства используются в

живописи, ее представители стремились разрешить эту проблему, и на старинных портретах люди изображались с запиской в руках, где было записано то, что художнику изобразить не удавалось.

О том, выражаются ли в сновидениях логические связи, можно поспорить. Существует множество сновидений, где совершаются самые сложные интеллектуальные действия, где какие-то утверждения опровергаются или подтверждаются, высмеиваются или сравниваются с чем-то – как и в состоянии бодрствования. Но так кажется лишь на первый взгляд. Толкование этого сновидения доказывает, что все это лишь *часть материала, из которого построены сновидения, а не изображение интеллектуальных действий самих по себе.* В том, что в сновидении кажется мыслительными операциями, это взаимосвязь предмета, на который направлены мысли в сновидении, а не взаимоотношения между ними, не утверждение, которое связано с мышлением. Я могу привести примеры этого. Но в связи с этим проще всего прийти к выводу, что все, что говорится в сновидениях, воспроизводит с существенными изменениями или без таковых обрывки разговоров и диалогов, о которых помнит спящий человек. Разговор чаще всего лишь указывает на какое-то событие, запечатленное в мыслях, породивших это сновидение. А смысл этого сновидения совершенно иной.

Тем не менее я не буду отрицать, что критическое мышление в сновидении не просто механически воспроизводит в нем мыслительный материал, а принимает *активное* участие в формировании этого сновидения. Завершая обсуждение этого вопроса, я уточню, какую именно роль оно играет. Мы сможем убедиться, что эта мыслительная деятельность провоцируется не теми идеями, которые возникают в сновидении, а уже самим сновидением после того, как оно в определенном смысле сформировалось (см. последний раздел этой главы). Выраженное в сновидении противоречие лишь весьма приблизительно выражает противоречие *между* мыслями в сновидении. Подобно тому как в живописи сумели найти новые выразительные средства, кроме записки со словами, как на старинных картинах, для того чтобы передать как минимум *намерения*изображенных там персонажей – их страсти, их угрозы и предостережения, так же и в сновидениях есть возможность воспроизводить некоторую связь между мыслями, соответствующим образом изменяя способ применения выразительных средств, который присущ сновидениям. Одни из них совершенно не учитывают логику используемого в них материала, а в других он проявляется максимально. И в этом отношении сновидения разительно отличаются от текстов, на которых основаны. Иногда сновидения существенно отличаются друг от друга в том, что касается хронологии появления в них мыслей, если такая последовательность образовалась в области бессознательного (как, например, во сне про укол Ирме).

С помощью каких же средств сновидение может указать на эти взаимоотношения с мыслями в сновидении, которые так сложно изобразить? Я постараюсь их все перечислить.

Прежде всего, в сновидениях учитывается сам способ связи всех элементов мыслей, которые его породили, при этом весь этот материал объединяется в единое целое и предстает в форме какой-либо ситуации или события. При этом средством выражения *логической связи между событиями становится их одновременное появление* в сновидении. Сновидение действует так же, как тот художник, который изображает в Афинах или на Парнасе группу всех собравшихся вместе философов, а рядом с ними – группу поэтов. На самом деле они никогда не собирались вместе вот так в одной зале или на вершине одного холма[250], но, абстрактно рассуждая, они, конечно, формируют вместе одну и ту же группу. В сновидениях это выразительное средство используется с точностью до мельчайших деталей. Как только оно изображает два элемента рядом, так тем самым оно свидетельствует о тесной связи между соответствующими им элементами в мыслях сновидения. Как в нашей системе письма: «аб» обозначает, что обе буквы должны быть произнесены как один слог; «а» и «б» через пробел говорят о том, что «а» – последняя буква одного слова и «б» – первая буква другого[251]. Потому комбинации в сновидениях образуются не из любых абсолютно независимых составных частей его материала, а из тех, которые находятся в тесной связи друг с другом, и в мыслях, которые и породили это сновидение.

Для изображения причинно-следственной связи в сновидениях существуют два способа, которые по сути одинаковы. Предположим, мысли в сновидении развиваются следующим образом: «Поскольку это – так, а это – вот так, то произойдет то и это». Тогда обывательская точка зрения на выразительные средства заключается в том, что причина фигурирует в начале

сновидения, а следствие – в его основной части. Если мое толкование верно, то может существовать и обратная последовательность, но самая яркая часть сновидения всегда будет связана с его основной причиной.

Одна моя пациентка предоставила мне отличный пример такого изображения причинно-следственной связи, ее сновидение я впоследствии приведу полностью.

Оно состояло из краткого вступления и чрезвычайно богатой основной части, которая была связана с общей темой, назовем ее «Язык цветов».

В начале сновидения было вот что: *«Она идет в кухню к двум служанкам и отчитывает их за то, что они не могут справиться „с такими пустяками". Она видит, что стол в кухне завален посудой; служанки идут за водой и для этого должны погрузиться в реку, которая подступает к дому или течет по двору».* Потом начинается основная часть сна: *«Она спускается сверху по каким-то странным ступеням, радуясь, что не зацепилась за них платьем…»*

Начало сновидения связано с родительским домом моей пациентки, ее мать на кухне часто говорила нечто подобное. Груды посуды напоминают о посудной лавке в их доме. Вторая часть сновидения напоминает об отце, который любил приударить за служанками, а однажды во время наводнения простудился и умер. (Их дом стоял на берегу реки.) За всем этим скрываются следующие мысли: «Поскольку я – родом из этого дома, где все так мрачно и уныло…» Главная часть сновидения выражает ту же самую мысль в измененной форме, благодаря изображению осуществившегося желания: «Я – человек высокого происхождения». Поэтому основная мысль заключается вот в чем: «Так как я низкого происхождения, то моя жизнь сложилась определенным образом».

Разделение сновидения на две неравные части не всегда отображает причинно-следственную связь между мыслями в обеих его частях. Очень часто создается впечатление, что в обеих частях сновидения изображается один и тот же материал, но с различных точек зрения. Так, безусловно, не происходит, когда серия сновидений за одну и ту же ночь приводит к поллюциям или оргазму – когда соматическая потребность явным образом выражается[252]; или оба сновидения связаны с разными группами материала, но у них есть общее содержание, так что в одном сновидении центральным моментом служит то, что в другом является лишь намеком на что-то, и наоборот. Но во многих сновидениях деление на краткое вступление и более обширную основную часть действительно соответствует причинно-следственным отношениям между обеими частями.

Другой способ изображения причинно-следственной связи применяется при менее обширном материале и заключается в том, что один образ в сновидении – человек или вещь – превращается в другой. Лишь там, где в сновидении действительно происходит такое превращение, мы можем говорить о присутствии причинно-следственной связи, но не там, где мы только замечаем, что на месте одного образа появился другой.

Я уже говорил, что оба способа изображения причинно-следственной связи, в сущности, совпадают друг с другом; в обоих случаях она заменяется на последовательность событий – в одном случае при помощи последовательности сновидений, в другом – когда один образ превращается в другой. В большинстве случаев причинно-следственная связь вообще не изображается, а заменяется неизбежной в сновидении последовательностью изображения его элементов.

Альтернатива «или – или» в сновидении не изображается в принципе. Звенья этой альтернативы присутствуют в нем в качестве равноценных элементов. Классическим примером этого служит сновидение про укол Ирме. Скрытые мысли его заключаются вот в чем: я не виноват в болезненном состоянии Ирмы; причина *или* в ее сопротивлении моему лечению, *или* в том, что она страдает от расстройства в сексуальной сфере жизни, которые я не могу изменить, либо же ее болезнь имеет не истерический, а органический характер. Но в сновидении воплотились почти все эти исключающие друг друга возможности. Альтернатива «либо – либо» выявилась лишь во время нашего толкования.

Но когда в рассказе о сновидении рассказчик использует двойной союз «или – или» – например, мне снился сад или же комната, – там в мыслях, скрывающихся за сновидением, содержится не альтернатива, а просто сопоставление, которое описывается союзом «и». При помощи «или – или» мы указываем на расплывчатый характер какого-либо элемента сновидения,

которое стараемся вспомнить и объяснить. Правило толкования в этом случае гласит: отдельные части мнимой альтернативы следует сопоставить друг с другом и связать при помощи союза «и».

Например, мне снится, что однажды мой друг остановился в Италии, а я уже давно не могу найти его адрес. Потом мне приснилось, что он прислал мне телеграмму со своим адресом. Я вижу его на телеграфном бланке; первое слово толком не видно:

или – via,
или – Villa,
а может быть, Casa.
} а второе слово написано разборчиво: Sezerno.

Оно созвучно итальянскому имени и напоминает мне о наших этимологических спорах и о моей досаде на то, что он так долго скрывал от меня свой адрес; а каждое из предположений о первом слове в ходе анализа оказывается самостоятельным и таким же ценным стартовым пунктом для целой цепочки мыслей[253]. Ночью, накануне похорон моего отца, мне приснились печатные таблицы или плакаты, похожие на объявления о запрете курить, которые обычно мы видим на вокзалах. На этом плакате я прочел:

Просят закрывать глаза
или
Просят закрывать глаз.
Я обычно записываю это так:
глаз
Вас просят закрыть
глаза.

В каждой из этих версий кроется особый смысл, и их толкование происходит по-разному. Я стремился организовать как можно более скромные похороны, так как именно этого хотел покойный. А другие члены моей семьи были не согласны с такой сдержанностью; им казалось, что окружающие нас за это осудят. Вот откуда взялась одна из надписей – «Просят закрывать глаз», то есть это просьба о снисходительности. Здесь очень просто понять значение той неопределенности, которая описана при помощи «или – или». В сновидении не удалось найти однозначного, недвусмысленного словесного выражения мысли, которая его спровоцировала. Поэтому оба ряда мыслей и разделяются уже в самом содержании сновидения[254].

В некоторых случаях проблема выражения альтернативности в сновидении преодолевается, когда это сновидение распадается на две составные части.

Чрезвычайно интересно, как выражаются категории противоположности в сновидении. Оно эти категории практически не учитывает. Слова «нет» в сновидениях не существует[255]. Противоположности объединяются обычно в единое целое или изображаются в качестве таковых. В сновидениях свободно выражается любой элемент в качестве собственной противоположности; поэтому невозможно решить на первый взгляд, в каком качестве присутствует в сновидении тот элемент, который признает и факт существования собственной противоположности – в положительном или в отрицательном смысле[256].

В одном из сновидений, о которых я уже упоминал, первую часть к которому мы уже истолковали («так как я такого происхождения…»), моя пациентка спускается по ступенькам и держит при этом в руках цветущую ветку. Так как у нее при этом появляется мысль, что на изображениях Благовещения (пациентку зовут Марией) ангел держит в руках лилию, и так как она видит девушек в белых платьях, которые идут по улицам, украшенным зелеными ветками, цветущая ветвь в сновидении несомненно содержит в себе указание на девственность; но эта ветвь покрыта красными цветами, из которых каждый напоминает камелию. В конце ее дороги цветы почти все опадают; дальше следуют указания на критические дни. Таким образом ветка, которая напоминает лилию и которая находится в руках у невинной девушки, указывает на «даму с камелиями», которая, как известно, всегда носила на платье белые камелии, а во время критических дней – красные. Цветущая ветвь («Des Madchens Bluten») воплощает девственность

в поэме Гете «Предательство дочки мельника» («Der Müllerin Verrat») и в то же время – ее противоположность. Сновидение выражает собою радость по поводу того, что ей удалось беспорочно прожить свою жизнь, однако в некоторых частях сновидения ход мыслей приобретает противоположное направление (например, в эпизоде, где цветы опадают) и намекает на то, что она не чужда и небольших прегрешений в том, что касается сексуальной чистоты и невинности (в детстве). При анализе сновидения мы можем ясно проследить оба ряда мыслей, из которых радостный расположен наверху, а печальный – внизу; оба эти ряда идут параллельно друг другу, но двигаются в противоположных направлениях. Их одинаковые, но противоположные элементы выражаются в доступных непосредственному наблюдению элементах сновидения[257].

Но есть единственное логическое соотношение, которое занимает важнейшее место в механизме формирования сновидения; это соотношение сходства, согласования, созвучности или близкого значения, которое выражается с помощью фразы «подобно тому как…»; в сновидении оно выражается самыми разнообразными способами[258]. Параллели или эпизоды, оформленные «словно…», встроенные в материал сновидения, представляют собой главное основание для построения сновидения; и значительная его часть формируется как создание новых параллелей, поскольку те, которые уже существуют, не могут пробиться в сновидение из-за того, что этому препятствует его внутренняя цензура. Репрезентация отношения сходства опирается в сновидении на процесс сгущения.

Сходство, созвучность и общие характеристики в сновидении обычно изображаются путем соединения элементов в единое целое, которое или уже присутствует в материале сновидения, или образуется заново. Первый случай мы можем назвать «идентификацией», а второй – «композицией». Идентификация применяется там, где речь идет о людях; образование «композиций» наблюдается там, где материалом для соединения служат вещи, хотя сложные комбинации могут формироваться и из образов людей. Изображения какой-то местности в сновидениях часто подчиняются тем же правилам, что и изображения людей.

При идентификации лишь образ одного человека проявляется в непосредственно наблюдаемом материале сновидения, а другие образы людей им подавляются. Образ одного этого человека в сновидении вступает во все те отношения и участвует в тех ситуациях, которые свойственны или ему, или всем тем людям, вместо которых он появился в сновидении. При образовании композиций из образов людей в сновидении проявляются черты, свойственные отдельным людям, но не общие для всех них, так что при помощи объединения этих черт возникает новая единица, сложная комбинация коллективных образов людей. Процесс этот происходит по-разному. Либо имя одного человека приписывается образу какого-нибудь другого, им замещаемого, – а его внешность при этом сохраняется; или же сам образ человека в сновидении состоит из тех черт, которые являются общими для всех, кто в этом сновидении замещается. Вместо этих внешних черт у человека в сновидении могут проявиться свойственные ему манеры, слова или ситуация, в которой он находился. В последнем случае почти стирается резкая противоположность между идентификацией и образованием композиций. Но бывает и так, что образование таких коллективных образов не происходит. Тогда сцена сновидения приписывается одному лицу, а другое – по большей части главное – выступает в качестве безучастного зрителя. Например, человек рассказывает про свой сон: «Там же была и моя мать» (Штекель). Общие черты, лежащие в основе собирательного образа двух людей, могут быть изображены в сновидении, но могут в нем и отсутствовать. Обычно идентификация или образование собирательных образов людей служит именно для того, чтобы избежать изображения общих характеристик. Вместо того чтобы повторять, что «А» настроен враждебно ко мне и «Б» тоже, я в сновидении образую коллективное лицо из «А» и «Б» и представляю «А» в ситуации, характерной для «Б». Полученный таким образом собирательный образ выступает в сновидении в какой-либо другой обстановке, обстоятельства, в которых это происходит, убеждают меня в том, что оно означает собою как «А», так и «Б»; я нахожу основание для истолкования соответствующего эпизода в сновидении в том смысле, что получившийся собирательный образ символизирует враждебное отношение ко мне. Таким образом, я часто получаю чрезвычайно интенсивное сгущение содержания сновидения; я избегаю необходимости непосредственно изображать сложные условия, которые имеют отношение к этому конкретному человеку, и нахожу другого, характеристики которого соответствуют хотя бы этим условиям.

Нетрудно понять, что такое изображение при помощи идентификации помогает также обойти цензуру, так серьезно искажающую процессы в сновидении. Именно те представления, которые в материале связаны с этим человеком, могут и включать механизм цензуры; поэтому нужно найти второго человека, который также имеет отношение к материалу моего сновидения, но лишь отчасти. Сходство тех людей, образы которых попадают под действие цензуры, дает мне право сформировать коллективный образ, у которого наблюдаются несущественные характеристики обоих этих людей. Эти собирательные образы, освободившись от воздействия цензуры, проникают прямо в содержание сновидения и таким образом, использовав процесс сгущения, я удовлетворил требования цензуры в сновидении.

Когда какое-то сходство между этими людьми проявляется в сновидении, обычно для нас это – подсказка, которая заставляет нас отправиться на поиски другого, скрытого элемента, репрезентация которого была невозможна в сновидении из-за существующей в нем цензуры. Произошло смещение в отношении их общего элемента, чтобы облегчить эту репрезентацию. Тот факт, что собирательный образ возникает в сновидении, наделенный несущественной, общей для обоих людей характеристикой, заставляет нас предположить, что существует еще и другая характеристика, не такая незначительная, как первая, которая связана с мыслями в этом сновидении.

В соответствии с этим идентификация или образование собирательных образов служит в сновидении различным целям; во-первых, так изображаются сходные черты второго человека, во-вторых, так изображается *смещенное сходство элемента* между ними, в-третьих, изображается лишь *желаемая* общая характеристика. Так как желание найти общие черты у двух лиц зачастую совпадает с их смешением, то и это взаимоотношение выражается в сновидении с помощью идентификации. В сновидении об инъекции Ирме мне хочется вместо этой пациентки увидеть другую; и я хочу, чтобы другая была моей пациенткой так же, как Ирма. Сновидение осуществляет это желание, и появляется женщина, которую зовут Ирма, но я провожу ее осмотр, заставив принять ту позу, в которой проходила обследование другая моя пациентка. В сновидении про моего дядю это смещение выступает в качестве центрального пункта сновидения, и я идентифицирую себя с министром, когда отношусь к своему коллеге так же, как относится к нему он.

Мой опыт убеждает в том, что во всех без исключения сновидениях изображается именно сам спящий. Сновидения совершенно эгоистичны[259]. Всякий раз, когда в содержании сновидения содержится не мое собственное «я», а кто-то другой, я имею все основания предположить, что мое «я» скрывается за его образом, с помощью процесса идентификации. В другом случае, когда мое «я» действительно присутствует в сновидении, именно ситуация, в которой оно находится, может доказать, что мне снюсь не сам я, а за моим образом скрывается кто-то другой, притворяясь мной с помощью механизма идентификации. В этом случае сновидение подсказывает мне, что при его толковании я должен приобрести характеристики того человека, который мне снится, которые объединяют нас и которые на первый взгляд обнаружить сложно. Бывают также сновидения, в которых мое собственное «я» проявляется вместе с образами других людей, и при анализе после раскрытия идентификации выясняется, что образы этих людей – это тоже «я» сам. Тогда, благодаря этим проявлениям идентификации, мне следует связать со своим «я» определенные идеи, которые заблокировала цензура в сновидении. Таким образом, мое «я» может выражаться в сновидении многократно, непосредственно или посредством идентификации меня с другими людьми. Некоторые подобные случаи идентификации способствуют сгущению чрезвычайно обширного мыслительного материала[260]. То обстоятельство, что собственное «Я» спящего возникает в сновидении несколько раз или в нескольких обличьях, в сущности, удивляет не более, чем то обстоятельство, что это «я» может фигурировать в сознании несколько раз или в различных контекстах – например, в такой фразе, как «когда *Я* думаю, как счастлив *Я был* в детстве»[261].

Еще проще обстоит дело с установлением направления идентификации, когда указываются какие-то названия местности, так как здесь отсутствует влияние всесильного «Я» в сновидении. В одном из моих сновидений о Риме, та местность, которая мне приснилась, названа «Рим»; но меня удивляет, откуда там на улицах столько немецких плакатов. Эта картина воплощает осуществление моего желания, и у меня тотчас же появляется мысль о Праге; само это желание, по всей вероятности, восходит к моему давнему увлечению германским национализмом, от

которого я с тех пор уже избавился[262]; как раз когда мне это приснилось, у меня должна была состояться встреча с одним коллегой (Флиссом); идентификация Рима с Прагой объясняется тем, что я стремился к подобному их сходству; мне бы больше хотелось встретиться со своим коллегой в Риме, а не в Праге.

Именно благодаря тому, что в сновидениях могут образовываться сложные композиции, сновидения порой и кажутся нам фантастическими: благодаря этому в содержании сновидения проникают те элементы, которые никогда не могли бы стать доступными для нашего восприятия в реальной жизни. Психический процесс при образовании сложных композиций сновидения, по всей вероятности, напоминает тот, когда мы в состоянии бодрствования воображаем себе кентавра или дракона. Разница состоит лишь в том, что в фантазиях в состоянии бодрствования решающую роль играет желаемое впечатление от составляемой фантазии, а формирование сложных композиций в сновидении зависит от воздействия на него внешних факторов, которые не имеют отношения к его форме, а именно к тому общему элементу, который объединяет их друг с другом. Образование сложных композиций в сновидении может происходить различными способами. Самые наивные изображают лишь свойства одной вещи, и это изображение вызывает мысли о том, что оно относится и к другому объекту. Более изощренный способ представляет собой совмещение характеристик обоих объектов и образование новой единицы, где изобретательно используется сходство обоих объектов, реально существующих в действительности. Такой новый объект может быть очень странным и несуразным, в зависимости от материала, из которого он создан, и от того, как именно это происходило. Если такие объекты, объединяемые в сновидении в единое целое, принципиально несхожи друг с другом, то в сновидении просто образуется сложный комплекс с более отчетливым центральным ядром, которое дополняется менее отчетливыми характеристиками. Соединение в единое целое здесь сначала кажется неудачным; оба изображения совмещаются друг с другом. В сновидениях можно наблюдать множество таких сложных композиций; я уже приводил несколько подобных примеров и добавлю к ним еще некоторые. В сновидении, символизирующем жизнь пациентки «на языке цветов», образ «Я» в сновидении несет в руках цветущую ветку, которая, как мы уже знаем, одновременно символизирует и невинность, и сексуальный грех. Расположение цветов на ветке напоминает ветвь *вишневого* дерева, а сами цветы – *камелии,* причем в общем они напоминают *экзотическое* растение. Эти образы объединяются с помощью мыслей, которые сформировали это сновидение. Цветущая ветвь намекает на подарки, которые должны были сделать ее более уступчивой. В детстве это – вишни, в более зрелом возрасте – ветка камелии; экзотический элемент напоминает о путешественнике – естествоиспытателе, который стремился добиться ее благосклонности. У другой пациентки в сновидении возникает сложная композиция, которая состоит из представлений о кабинке для переодевания на пляже, туалете на улице рядом с летним домиком и чердаком городского дома. В обоих первых элементах прослеживается общее отношение к человеческой наготе и обнажению; из сравнения их с третьим элементом можно заключить, что и мансарда (в детстве) была связана с каким-либо обнажением. Еще один пример приводит человек, в чьем сновидении совместились два места, которые связаны с «лечением», – мой кабинет, где я консультирую пациентов, и какая-то комната, где люди развлекались, в которой он познакомился со своей женой. Девушке, которую старший брат обещал угостить икрой, снится, что ноги этого брата *покрыты черными зернышками икры.* Элементы *«заражения»* (нравственного) и воспоминание о детской сыпи, которая состоит из красных, а не из черных пятнышек, совместились здесь с «зернышками икры» в новом понятии – «что она получила от брата». В этом сновидении, как и во многих других, части человеческого тела рассматриваются как объекты; это, впрочем, характерно для любого сновидения. В сновидении, о котором рассказывает Ференци [1910], присутствует сложная композиция, где совместились образ *врача, лошади* и *ночной рубашки.* Сходство этих трех элементов обнаруживаются при анализе после того, как рассказчица, которой приснился этот сон, связала образ ночной сорочки и ее отца относительно одного из воспоминаний детства. Во всех этих трех элементах речь идет об объектах, которые вызвали ее сексуальный интерес. Когда она была маленькой, няня брала ее с собой на манеж, где упражнялись в верховой езде военные, и там у нее было много возможностей удовлетворить свое любопытство без помех.

Я уже утверждал на страницах этой книги, что в сновидении не существует средств для выражения противоположности или противоречия. А теперь я постараюсь дать первое

опровержение этому утверждению[263]. Часть эпизодов, в которых содержится элемент противоположности, изображаются просто при помощи идентификации, когда с противопоставлением может быть связана какая-то замена или смещение, и я приводил много примеров на эту тему. Другая часть противоположностей в мыслях, которые лежат в основе сновидений, выражаются с помощью таких фраз, как «а вот…», «наоборот», и выражаются в сновидении следующим, чрезвычайно оригинальным способом. Логическое противопоставление «а вот…», «наоборот» само по себе не выражается в содержании сновидения, а проявляется в его материале, когда какой-либо элемент уже сформированного содержания сновидения – словно вслед за какими-то мыслями – предстает совершенно с другой стороны. Проще всего проиллюстрировать этот процесс, а не представлять его описание. В сновидении «Сафо» подъем вверх по лестнице изображается не так, как во введении к роману Доде; в сновидении спящий идет вначале с трудом, а потом легче, а в романе Доде – наоборот. Когда спящий находится «наверху» или «внизу» по отношению к брату, это в его сновидении выглядит совершенно иначе. Это указывает на соотношение противоположности между двумя частями материала в мыслях, которые породили это сновидение: в детской фантазии спящего кормилица держит его на руках, а в романе герой несет на руках свою возлюбленную. В моем сновидении о нападках Гете на господина М. (см. ниже) содержится такое же «переворачивание», расшифровка которого и позволяет приступить к толкованию сновидения. В нем Гете нападает на молодого человека, господина М.; в действительности же, как показывают мысли, породившие это сновидение, один выдающийся человек, мой коллега, сам подвергся нападкам со стороны неизвестного ему молодого автора. В сновидении я отсчитываю время с момента смерти Гете, а в действительности же отсчет ведется с года рождения пациента, разбитого параличом. Основная мысль в материале сновидения наводит на мысль о том, что на Гете не следует смотреть как на сумасшедшего. Наоборот, намекает сновидение, если ты не понимаешь книги, то это *ты* — невежда, а вовсе не автор. Более того, я полагаю, что все эти сны, в которых все поворачивается не той стороной, как это казалось вначале, связаны с презрением по отношению к ситуации, когда «поворачиваешься к чему-то спиной»[264]. (Например, в сне о Сафо спящий отворачивается от своего брата.) Более того, интересно наблюдать, как часто это происходит в сновидениях, в основе которых лежат подавленные гомосексуальные влечения.

Интересно, что переворачивание, превращение в противоположность – это одно из излюбленных выразительных средств в процессах, которые происходят в сновидении, и сфера его применения весьма разнообразна. Оно служит прежде всего для того, чтобы создать образ осуществления желания, противоположного какому-либо элементу в мыслях, породивших это сновидение. «Вот бы наоборот!» – вот наилучший способ выразить отношение моего «Я» к какому-то неприятному элементу в воспоминаниях. Это выразительное средство весьма своеобразным способом способствует цензуре в сновидении, создавая ту степень искажения изображаемого материала, которая оказывает абсолютно парализующий эффект при толковании сновидения. Когда сновидение упорно не хочет раскрывать свой смысл, можно все-таки попытаться «перевернуть» некоторые части его явного содержания, после чего нередко сновидение становится абсолютно понятным.

Кроме инверсии предмета мыслей в сновидении, не следует забывать и о *хронологической* инверсии. Искажение в сновидении часто изображает окончание какого-то события или заключительное звено в цепочке мыслей, а в конце сновидения оказывается стартовый момент этой мысли или причины изображаемого события. Кто не принимает во внимание этого технического средства искажающей деятельности сновидения, тот испытает затруднения при толковании сновидений[265].

Но в некоторых случаях, безусловно, можно выявить смысл сновидения лишь после многократного «переворачивания» всего содержания этого сновидения и его отдельных элементов. Например, сновидение одного юного пациента, который страдал неврозом навязчивых состояний, в скрытой форме содержит воспоминание о детском желании, чтобы его строгий отец умер. Ему снится, что отец отругал его за то, что он поздно вернулся домой…

Психоаналитическое лечение и мысли пациента свидетельствуют о том, что сновидение должно было обозначать следующее: он сердится на отца, и ему кажется, что отец слишком рано возвратился домой. Он предпочел бы, чтобы отец вообще не приходил домой, то есть чтобы он

умер. Пациент в детстве во время продолжительного отсутствия отца совершил какой-то проступок и его стращали: ладно-ладно, вот вернется отец…

Если мы хотим установить взаимоотношение между содержанием сновидения и мыслями, которые оно скрывает, мы возьмем в качестве стартового пункта само сновидение и зададимся вопросом, что же обозначают некоторые *формальные* особенности его содержания по отношению к мыслям в сновидении. Больше всего в этих формальных характеристиках, которые неизменно поражают нас в сновидениях, удивляют различия в степени сенсорной интенсивности, конкретных образов в сновидениях и то, насколько по-разному проявляются конкретные части сновидения или целые сны по сравнению друг с другом.

Различия в интенсивности отдельных элементов сновидения можно измерять по целой шкале, от очень отчетливых до совершенно расплывчатых, и мы совершенно обоснованно можем считать, что некоторые сны гораздо ярче воспринимаются, чем реальность. А другие, к нашей досаде, очень расплывчаты, и мы объявляем эти свойства типичными для сновидений, поскольку и то и другое нельзя сравнивать с нашими впечатлениями от того, что происходит в реальности. Более того, мы обычно называем впечатление, полученное нами от расплывчатого элемента сновидения, «мимолетным», но при этом полагаем, что те элементы сновидения, которые нам запомнились лучше, мы воспринимали в течение большего периода времени. От каких же именно условий зависят эти различия в степени отчетливости восприятия отдельных частей содержания сновидения?

Начнем с того, что обсудим некоторые ожидания, которые обязательно возникнут. Так как в материал сновидения могут вплетаться и реальные ощущения во время сна, можно предположить, что для этих элементов сновидения или тех, которые от них образуются, характерна особая интенсивность или, наоборот, наиболее запоминающиеся и яркие элементы сновидения могут быть связаны с реальными ощущениями во время сна (например, нервными стимулами), которые переживаются человеком более ярко по сравнению с другими ощущениями во время сна. Мои наблюдения этой гипотезы не подтверждают. То, насколько эти ощущения реальны, не имеет отношения к интенсивности образов в сновидении.

Кроме того, можно ожидать, что *интенсивность* чувственных переживаний (отчетливость восприятия отдельных элементов сновидения) связана с психической интенсивностью соответствующих им элементов мышления, которые его спровоцировали. В них интенсивность предполагает их психическую *ценность*. Наиболее интенсивные элементы сновидения являются и наиболее важными, они и образуют центральную мысль в сновидении. Но, как нам известно, именно эти элементы, попадая под действие цензуры, не могут проникнуть в его содержание, но зато образованные от них элементы могут это сделать, и их восприятие очень интенсивно, хотя при этом они не обязательно займут центральное место в этом сновидении. Но сравнительный анализ сновидений и связанного с ними материала опровергает и это предположение. Интенсивность элементов первой категории не имеет никакого отношения к интенсивности элементов второй категории; происходит полная «переоценка всех психических ценностей» (в категориях Ницше) между мыслями, породившими сновидение, и самим сновидением. Основную мысль, породившую сновидение, можно выявить в производных, вспомогательных элементах, образованных от мыслей в сновидении, которые кажутся второстепенными по сравнению с более яркими образами этого сновидения.

Получается, что интенсивность образов в сновидении зависит от других двух независимых факторов. Прежде всего, бросается в глаза, что те элементы, с помощью которых выражается осуществление желания, воспринимаются более интенсивно. Во-вторых, в процессе анализа становится ясно, что наиболее яркие элементы сновидения порождают максимальное количество цепочек мыслей, и самые живо воспринимаемые элементы сновидения обусловлены максимальным количеством детерминант. Мы не исказим истины, если выразим эту мысль следующим образом: интенсивнее всего воспринимаются элементы сновидения, при формировании которых произошел максимальный процесс сгущения. Мы предполагаем, что удастся выразить эту детерминанту и другие факторы (например, как они соотносятся с осуществлением желания) в виде единой формулы.

Проблему, которую я только что рассматривал, – причины большей или меньшей интенсивности и отчетливости отдельных элементов сновидения – не стоит путать с другой, которая касается различной степени отчетливости восприятия отдельных сновидений или их

фрагментов. В первом случае рассматривается отчетливость/расплывчатость элемента сновидения, а во втором – логичность или путаница. Но нельзя отрицать, что по обоим этим параметрам, которые можно представить в виде шкалы, возрастание или убывание этих свойств происходит параллельно. Часто сновидение, которое мы воспринимаем ясно и отчетливо, содержит интенсивно воспринимаемые элементы; а туманное сновидение состоит из менее интенсивно воспринимаемых элементов. Но проблема, описание которой можно представить с помощью шкалы от чрезвычайной ясности до крайней запутанности, значительно сложнее, чем просто вопрос о том, как происходит колебание интенсивности отдельных элементов сновидения. Далее мы выясним, отчего первую проблему пока обсудить не получится.

Иногда мы можем с удивлением обнаружить, что ясность или отчетливость восприятия в сновидении не имеет никакого отношения к происходящему в этом сновидении, а просто обусловлена его материалом и является его неотъемлемой частью. Например, я вспоминаю про одно сновидение, которое после пробуждения показалось мне настолько очевидным, ясным и логичным, что я под впечатлением от него решил выделить новую категорию сновидений, в которых не действуют процессы сгущения и смещения и которые следует назвать «фантазиями во время сна»[266]. При более подробном его изучении выяснилось, что в структуре этого редкого сновидения были выявлены все те же пробелы и несоответствия; поэтому я отказался от этой новой категории сновидений. В этом сновидении я рассказывал моему другу (Флиссу) про сложную теорию бисексуальности, которую давно хотел разработать, и, благодаря силе сновидения исполнять желания, содержание этой теории (которое в самом сновидении не фигурировало) показалось нам обоим ясным и не вызывающим сомнений. Вот и получается, что мое восприятие завершенного сновидения оказалось просто частью его существенного содержания. Здесь процессы, управляющие сновидением, словно вторгаются в мои первые мысли при пробуждении и представляют в форме суждения о сновидении мне ту часть его материала, детальное изображение которого было в нем неточным[267]. Однажды я столкнулся с прямо противоположной ситуацией, когда одна моя пациентка вначале наотрез отказалась рассказать про свое сновидение – «оно слишком туманное и запутанное», потом, постоянно подчеркивая, что не уверена в точности своего изложения, она рассказала, что ей приснились несколько человек – она, ее муж и ее отец; в нем она перепутала отца с мужем и не была уверена, кто есть кто. При сравнении этого сновидения с ее мыслями в ходе анализа стало понятно, что здесь речь идет о довольно распространенной истории со служанкой, которой, должно быть, приснилось, что она ожидает ребенка и лишь сомневается в том, «кто именно отец будущего ребенка»[268]. Это еще один пример того, как туманность содержания сновидения представляла собой часть того материала, который спровоцировал формирование этого сновидения: фрагмент этого материала предстал в форме сновидения. *Сама по себе форма сновидения или то, как оно воспринимается, удивительно часто помогает выявить его скрытый смысл.*

Все попытки сгладить содержание сновидения или невинные комментарии по поводу его содержания часто стремятся к тому, чтобы как-то деликатно что-то из него скрыть, но, в сущности, наоборот, помогают раскрыть его. Например, в какой-то момент рассказчик говорит, что «воспоминания о сновидении стерлись», и в ходе анализа мы приходим к его детским воспоминаниям о том, как кто-то подтирался после того, как сходил в туалет. Вот еще пример, который требует подробной фиксации всех деталей. Один молодой человек очень ясно вспоминал об эпизоде из своих детских лет. Он ошибся комнатой и оказался в другой, где пожилая дама и две ее дочери раздевались перед сном. Дальше он говорит: «А дальше я не очень хорошо помню, чего-то не хватает. Потом в эту комнату пришел какой-то мужчина и насильно вывел меня оттуда, а я при этом отбивался». Он напрасно старался вспомнить, в чем заключались его мальчишеские фантазии, на которые совершенно явно указывало это сновидение. А потом все прояснилось, и стало понятно, что все сновидения одной и той же ночи составляют по содержанию своему одно целое: их разделение на несколько частей, группировка и взаимная связь – все имеет свой смысл и обусловливается скрытым их содержанием. При толковании сновидений, состоящих из нескольких частей или относящихся хотя бы к одной и той же ночи, нельзя упускать из виду возможности того, что он уже понимал то, о чем так старался вспомнить, когда говорил о неясных и стертых фрагментах этого сновидения. Он «забыл» об очертаниях половых органов этих женщин, которые готовились отойти ко сну, а в своих

инфантильных, сексуально окрашенных воспоминаниях был склонен считать, что тело у женщин устроено так же, как и у мужчин.

У другого человека воспоминания о сновидении обретают похожие очертания. Ему приснилось вот что: *«Я пошел в ресторан "Фольксгартен" вместе с барышней по имени К… Потом перед нами открылась темная тропинка… Потом я оказался в гостиной в борделе и там увидел двух женщин, на одной из них была только ночная рубашка и панталоны…»*

Анализ. Барышня по имени К. была дочерью его бывшего начальника, и, как он сам признал, появилась в этом сновидении вместо его сестры. Он редко мог поговорить с этой девушкой, но однажды между ними состоялся разговор, в котором присутствовала сексуальная подоплека, словно они хотели сказать друг другу: я – мужчина, а я – женщина. В ресторане, который ему приснился, он побывал только один раз, когда вместе с тремя дамами просто постоял на его пороге, а внутрь так и не зашел. Это были его сестра, невестка и сестра деверя, о которой только что шел разговор. Никто из этих людей не был для него значимым человеком, но все эти три дамы приходились кому-то сестрами. В борделе он был за свою жизнь лишь два-три раза.

Интерпретация этого сновидения строилась на образе темной тропинки, и по ней мы пришли к его мальчишескому любопытству, когда он случайно засмотрелся на половые органы своей сестры, которая была младше его на несколько лет. Через несколько дней он сам вспомнил об этом эпизоде, который он сначала не мог восстановить в памяти и который был связан с его сном.

Разные сны, которые приснились человеку за одну ночь, образуют собой единое целое, то обстоятельство, что они разбились на несколько частей и стали отдельными фрагментами этого сновидения, имеет значение, и само по себе может рассматриваться как фрагмент информации, который всплывает из скрытых мыслей, породивших это сновидение[269]. Когда совершается толкование сновидений, которые состоят из нескольких основных частей, или, в общем, нескольких сновидений, которые посетили человека за одну и ту же ночь, нужно внимательно проверить, не объединяет ли эти разные сновидения, следующие одно за другим, какое-то общее значение, и в нем на разном материале проявляются одни и те же импульсы. Если это так, то первое из этих возникающих гомологичных сновидений предстает в более искаженном и скромном виде, а следующие за ним проявляются более уверенно и ярко.

Библейское сновидение фараона о сытых и тощих коровах и колосьях относится именно к этой категории. Иосиф Флавий в своей книге «Иудейские древности», кн. II, гл. 5 и 6, рассказывает об этом еще подробнее, нежели в Библии. После рассказа о своем первом сновидении фараон сказал: «После первого сновидения я проснулся в волнении и подумал о том, что же оно может значить; потом заснул снова и мне приснилось нечто еще более странное, что повергло меня еще больше в смятение и страх». Выслушав его рассказ, Иосиф ответил: «Оба сновидения твои, о фараон, имеют одно и то же значение!» Юнг (Jung, 1910b), который в своем «Очерке психологии слуха» повествует о том, как скрытый эротический характер сновидения одной школьницы был понят без всякого дополнительного толкования ее подругами, которые его затем продолжили и дополнили. Он отмечает в связи с этими историями о сновидениях, что: «заключительная мысль в цепочке ряда образов в сновидении содержит именно то, что стремился изобразить первый образ в этом ряду. Под воздействием цензуры этот комплекс дистанцируется как можно дальше, и его заслоняют свежие символические покрывающие образы, смещения, невинные уловки, скрывающие их содержание, и так далее» (там же). Шернеру (Scherner, 1861) хорошо знакома эта особенность изобразительных средств в сновидении, и он на основании своей теории органических стимулов считает, что она представляет собой особую закономерность: «И, наконец, во всех символических элементах сновидения, обусловленных определенными нервными импульсами, фантазия подчиняется непременному закону: в начале сновидения она изображает объект импульса лишь с помощью слабых и туманных намеков, а в конце его, когда иссякла выразительность ее образов, она представляет нам этот стимул в его неприкрытом виде, на этом и завершается это сновидение, которое в этот момент и раскрывает свою истинную органическую причину…»

Отто Ранк (Otto Rank, 1910) согласен с такой формулировкой Шернера. В своей работе он сообщает о сновидении одной девушки, состоявшем из двух отдельных сюжетов, которые посетили ее в течение одной и той же ночи; второе из них закончилось оргазмом. Это второе сновидение позволило провести тщательный анализ без значительного участия самой девушки, а

многочисленные точки соприкосновения между обоими сновидениями дали возможность установить тот факт, что первое из них в расплывчатой форме изобразило то же, что и второе, так что последнее, которое завершилось оргазмом, помогло дать исчерпывающее толкование первого. Ранк обоснованно доказывает с помощью этого примера общее значение сновидений, сопровождающихся оргазмом, для теории сновидений в целом.

Но мой опыт доказывает, что ясность или путаницу в сновидениях редко можно интерпретировать с помощью уверенности или сомнений относительно материала этих сновидений. Далее я приведу один фактор образования сновидений, о котором я еще не упоминал и о влияния которого в значительной мере зависит шкала сновидения, с помощью которой можно оценивать его характеристики.

Иногда в некоторых сновидениях, изображающих какую-либо ситуацию или эпизод, наблюдаются разрывы в повествовании, когда рассказчик замечает: «Потом мне вдруг показалось, что это уже не эта, а другая местность, не это, а другое действие». То, что прерывает главное действие сновидения, которое возобновляется спустя короткое время вновь, оказывается в материале придаточным предложением, вводной мыслью. Вместо условного наклонения в сновидениях изображается одновременность: вместо «если» появляется «когда».

И с чем же связано столь распространенное в сновидениях ощущение невозможности пошевелиться, так похожее на страх? Человек хочет шагнуть вперед – и не может сдвинуться с места; хочет что-то сделать, но ему постоянно что-то мешает. Железнодорожный поезд трогается – человек не может его догнать; его обижают, он хочет замахнуться рукой на обидчика, но рука его не слушается, и так далее. Мы встречались с этим ощущением при анализе эксгибиционистских сновидений, но еще не дали им подробного толкования. Просто было бы на это ответить, что во сне имеет место моторный паралич, находящий себе выражение в вышеуказанном ощущении, но такого ответа нам недостаточно. В таком случае можно задаться вопросом, почему же нам не всегда снятся такие ощущения, связанные со скованностью движений; мы могли бы предположить, что это ощущение, всегда связанное с состоянием сна, служит каким-либо особым средствам изображения целям и оно пробуждается, лишь если того требует материал сновидения.

«Невозможность довести дело до конца» проявляется в сновидении не всегда в форме ощущения, а иногда и как фрагмент содержания самого этого сновидения. Следующий пример я считаю особенно уместным для разъяснения значения этой особенности сновидений. Это сокращенное изложение сновидения, в котором меня обвиняют в непорядочности. *«Я нахожусь в частном санатории или каком-то другом учреждении. Появляется сотрудник этого учреждения и зовет меня на "исследование" (в немецком языке "Untersuchung" обозначает и судебное следствие, и медицинское исследование). Я понимаю, что обнаружена какая-то пропажа и что исследование вызвано подозрением, что виноват в этом я.* (В ходе анализа выясняется, что имеется в виду медицинское обследование). *Я знаю, что ни в чем не виноват и что я тут работаю, и потому спокойно следую за ним. У одной из дверей стоит другой сотрудник и говорит, указывая на меня:"Что же вы привели его, это же порядочный человек". Потом я вхожу без сопровождения в большой зал, где стоит много машин, и этот зал напоминает мне ад с орудиями для пыток. За одной из этих адских машин я вижу своего коллегу, который вполне мог бы помочь мне, но он меня не замечает. Потом мне говорят, что я могу уйти. Но я не могу найти свою шляпу и уйти не могу».* В этом сновидении, очевидно, проявляется мое желание, чтобы меня признали честным человеком; значит, в душе я имею основания считать иначе. То, что мне позволяют уйти, доказывает мою невиновность, а если в конце сновидения я уйти не могу, то, значит, именно здесь и выражается какой-то подавленный противоречащий этому материал. Если я не нашел шляпы, значит, что я все же не честный человек. Потому «невозможность совершить какое-то действие» в этом сновидении было способом указать на противоречие – мое замечание выше о том, что в сновидениях отрицания «нет» не существует, нуждается в уточнении[270].

В других сновидениях, где скованность в движении возникает как физическое ощущение, а не только в форме ситуации, то же самое противоречие более определенно выражает то же самое противоречие – чье-то волевое усилие, которое наталкивается на выражение противостоящего ему другого волевого усилия. Ощущение скованности в движениях, таким образом, представляет собой столкновение воли, исходящей из разных источников. Далее мы убедимся, что именно

моторный паралич является одним из основных условий психического процесса, который действует во время сновидения. И тот импульс, который передается по моторным каналам, представляет собой не что иное, как волевое усилие; во сне нам кажется, что этот импульс парализуется – это и способствует наилучшему изображению волевого усилия и какого-то «нет», которое ему противостоит. Используя мою трактовку состояний беспокойства и тревожности, легко понять, отчего чувство скованности воли так напоминает тревожное чувство и почему в сновидениях они так часто бывают взаимосвязаны. Страх – это импульс, связанный с либидо; он возникает в области бессознательного и тормозится в области предсознательного[271].

Далее мы рассмотрим, в чем заключается смысл и значение для психики распространенного в сновидениях суждения: «ведь это только сон». Здесь я только замечу, что эта фраза должна отвлечь внимание спящего от важного фрагмента сновидения. Интересная проблема, связанная с тем, что происходит, когда человеку снится, что ему это только снится, – загадка «сновидения в сновидении» – была разгадана Штекелем (Stekel, 1909, с. 459) при помощи анализа нескольких чрезвычайно убедительных примеров. Цель такого сновидения снова заключается в том, чтобы обесценить такой фрагмент сновидения. Чтобы оно утратило свою реалистичность. Можно предположить, что такое «сновидение» в сновидении содержит какое-то изображение реальности, истинное воспоминание; или, напротив, остальная часть сновидения содержит лишь изображение каких-то желаний спящего человека. Чтобы какое-то содержание проникло в «сновидение» в сновидении, нужно стремление к тому, чтобы изображаемое в таком «вставном сновидении в сновидении» никогда не произошло в действительности. Иными словами, если какое-то событие встроилось в сновидение в качестве «вставного» сновидения, значит, в нем содержится принципиально важная информация о реалистичности этого события – самое мощное *утверждение* об этом. Процессы, происходящие в сновидении, изменяют смысл происходящего, и так подтверждается предположение о том, что в сновидениях изображается осуществление желания человека.

Г. Образы в сновидениях

Мы уже рассмотрели, каким образом в сновидении изображены взаимоотношения между мыслями, которые его спровоцировали. И при этом мы не раз касались еще одного важного вопроса, а именно какие изменения происходят с материалом сновидений при их формировании. Нам известно, что этот материал, утратив большую часть связей между своими элементами, подвергается процессу сгущения, при этом одновременно процесс смещения его отдельных элементов является причиной психической переоценки всего материала сновидения. Эти проявления смещения, которые мы рассматривали, оказалось замещением одного представления другим, так или иначе соответствующим ему по ассоциации; оно служит целям сгущения: вместо двух элементов в сновидение включается одно среднее, которое их объединяет. О другом виде смещения мы еще не упоминали. Из проведенного нами анализа сновидений становится ясно, что оно действительно происходит и его можно обнаружить, когда происходит при смене *вербального способа выражения*мыслей в сновидении. В обоих случаях мы имеем дело со смещением в соответствии с цепью ассоциаций, но такой процесс может происходить в различных сферах психики. Результатом смещения первого вида является замещение одного элемента другим, а в результате смещения другого вида вербальное выражение одного элемента замещается другим.

Этот второй вид смещения, который происходит при формировании сновидений, представляет не только значительный интерес для теории сновидений: с его помощью можно объяснить, откуда появляется фантастический и абсурдный характер сновидений, скрывающий их подлинный смысл. Благодаря такому смещению нейтральное и абстрактное выражение мысли, которая порождает сновидения, заменяется более пластичным и конкретным. Смысл и цель такой замены очевидны. Все, что можно изобразить в виде картинки, это нечто такое, что *можно изобразить* в сновидении; а при абстрактном выражении мыслей в сновидении мы бы столкнулись с такими же проблемами, как и при попытке иллюстрировать содержание политической статьи в газете. Но от этого могут выиграть не только возможность изобразить нечто в сновидении, но и сами процессы сгущения и цензуры. Мысль бесполезна для сновидения, пока она выражается абстрактно; но как только она переводится на язык зрительных образов, противопоставления и идентификации, между новой формой выражения и материалом

сновидения, необходимых для осознания процессов в этом сновидении, которые при этом образуются, если их еще до того не было, могут быть выявлены гораздо проще. Так происходит оттого, что в любом языке конкретные формы, в силу истории своего развития, несут в себе гораздо более богатые ассоциации, чем те, которые представляют собой абстрактные понятия. Мы можем предположить, что большая часть вспомогательной работы при образовании сновидения, которое стремится свести отдельные мысли к их максимально лаконичному и однородному выражению, происходит именно так – путем соответствующего словесного преобразования отдельных мыслей. Любая мысль, форма выражения которой может быть зафиксирована по другим причинам, будет действовать в качестве детерминанта и фактора выбора возможных выразительных средств, связанных с другими мыслями, и это, вполне вероятно, и происходит в сновидении с самого начала – то же самое происходит и при сочинении стихов. Если стихи рифмованные, то вторая строка должна удовлетворять двум условиям: содержать необходимый смысл, а словесное выражение этого смысла должно рифмоваться с предыдущей строкой. В самых выдающихся стихотворениях, безусловно, мы не замечаем, как именно подбиралась рифма, в таких стихотворениях две мысли словно сами с самого начала нашли свое вербальное воплощение, на основе которого и срифмовались друг с другом, претерпев лишь самые небольшие изменения.

В некоторых случаях изменение подобного рода способа выражения оказывает еще более непосредственное воздействие на процесс сгущения, когда находится такая форма слов, которая предполагает многозначность и способствует передаче нескольких мыслей в сновидении. При этом вся мудрость, заключенная в словах, находится в распоряжении процессов в сновидении. Не стоит удивляться той огромной роли, которую слова играют в формировании сновидений. Слово как ядро различных представлений может воплощать самые различные значения, а в неврозах (навязчивых представлениях, фобиях) не реже, чем в сновидениях, беззастенчиво используется потенциал слов для процессов сгущения и маскировки[272]. Можно легко продемонстрировать, что искажение в сновидениях также успешно использует смещение средств выражения. Если одно многозначное слово используется вместо двух однозначных, то в результате мы можем оказаться сбитыми с толку; а если наш привычный, взвешенный способ выражения мыслей заменить на язык картинок и зрительных образов, то мы перестаем понимать, что происходит, особенно в том случае, если сон не подсказывает нам, следует ли понимать его элементы буквально или в образном смысле, связаны ли они с материалом мыслей в сновидении непосредственно или с помощью вплетенной в сновидение фразеологии. При толковании каждого элемента сновидения чаще всего возникают следующие сомнения:

а) следует ли понимать его в положительном или в отрицательном смысле (отношение противоречия);

б) толковать ли его исторически (как воспоминание) или символически;

в) должно ли его толкование опираться на его словесное выражение. Но справедливо будет заметить и помнить о том, что, несмотря на всю неоднозначность сновидения, результаты процессов, происходящих в сновидении, *не нацелены на то, чтобы их осознали,* и они кажутся тем, кто стремится истолковать сновидение, не более сложными, чем иероглифы для египтологов, которые умеют расшифровывать их.

Я уже привел несколько примеров сновидений, в которых только многозначность выразительных средств обеспечивает целостность их содержания (например, «Она все же открыла рот, как надо» в сновидении про инъекцию Ирме, «Я все же не могу уйти» в последнем моем сновидении и т. д.). Сейчас я расскажу про сновидение, в анализе которого на первом плане стоит конкретизация абстрактной мысли. Различие между таким толкованием и толкованием при помощи символики явно прослеживается. При символическом толковании сновидения ключ для символизации выбирается интерпретатором произвольно; а в нашем методе толкования вербальной маскировки смысла эти ключи известны, и мы понимаем, что это такое, благодаря обоснованным выявленным примерам использования языка. Если у кого-то есть правильное представление в данный момент, то можно расшифровать подобные сновидения полностью или частично. Независимо от того, какую информацию предоставил нам тот, кому такое сновидение приснилось. Одной моей знакомой даме приснился вот какой сон: *«Она в оперном театре. Идет опера Вагнера; представление затянулось до без четверти восемь утра. В партере расставлены столы с едой и напитками для публики. За одним из столов сидит ее кузен, только*

что вернувшийся из свадебного путешествия со своей молодой женой; вместе с ними какой-то аристократ. Про него говорят, что молодая женщина привезла его с собой из свадебного путешествия, как привозят новую шляпку. В партере поставили высокую башню с платформой наверху, окруженной железной решеткой. Там стоит дирижер, лицом напоминающий Ганса Рихтера. Он быстро двигается на этой платформе, с его лица сбегает пот, он дирижирует оркестром, который сидит внизу, у подножия этой башни. Сама эта дама сидит со своей подругой (тоже моей знакомой) в ложе. Ее младшая сестра подает ей из партера большой кусок угля и говорит, что она не знала, что это так затянется и что она, наверное, очень озябла. (Как будто ложи отапливаются во время долгого представления.)»

Хотя сновидение посвящено конкретной ситуации, в нем много бессмыслицы: дирижер, управляющий оркестром с башни в партере, сестра с угольком в руке! Но поскольку я кое-что знал о взаимоотношениях этой дамы с ее близкими, я смог интерпретировать некоторые фрагменты этого сновидения и без ее помощи. Я знал, что она неравнодушна к одному музыканту, карьера которого преждевременно оборвалась из-за душевной болезни. Я решил истолковать образ башни в партере метафорически и вывел заключение, что человек, которого ей хотелось видеть на месте Ганса Рихтера, *по положению выше* всех остальных членов оркестра. Эта «башня» представляет собой сложную композицию: ее высота олицетворяет величие этого человека, а решетка, за которой он мечется, как зверь в клетке, это намек на звучание его имени[273], символизирует его будущее. Обе эти идеи слились в одно слово – «Narrenturn» – «Башня дурака».

Выявив таким образом выразительные средства этого сновидения, можно попытаться воспользоваться этой подсказкой и понять, откуда взялся второй абсурдный образ – уголек, который ей протягивает ее сестра. «Уголь», должно быть, означает «тайную любовь»:

Kein Feuer, keine Kohle
Kann Brennen so heiss
Als wie heimliche Liebe
Von der niemand nichts weiss[274].

Они с подругой сидят в ложе театра («засиделись в девках» – *«sitzen geblieben»);* ее младшая сестра еще может выйти замуж, она подает ей уголек: «Она не знала, *что так… затянется». Что*именно затянется, об этом в сновидении ничего не говорится; в рассказе мы бы добавили: спектакль, а в этом сновидении мы можем счесть эту фразу многозначной и добавить: «пока она выйдет замуж». Толкование «тайная любовь» подкрепляется тогда упоминанием о кузене, который сидит в партере с женой, и *открытой* любовной связи, которую этой даме приписывают. Противоречия между тайной любовью и той, о которой все знают, между ее страстью и холодностью молодой женщины задают тон этого сновидения. Но между ними существует связующее звено – «высокое положение» – между аристократом и тем музыкантом, когда-то подававшим большие надежды[275].

В результате нашего исследования обнаруживается и третий фактор[276], чью роль в превращении мыслей, породивших сновидение, в его материал нельзя недооценить: а именно *как конкретный психический материал репрезентируется в визуальных образах сновидения.* Среди разнообразных ассоциаций с мыслями, которые порождают сновидения, выбирается именно та, которую можно представить визуально, и сновидение преодолевает любые трудности, чтобы преобразовать какую-либо абстрактную мысль в другую словесную форму – даже самую необычную – при условии, что этот процесс может облегчить ее репрезентацию и тем самым преодолеть психологическую ограниченность мышления. Подобное переливание содержания мысли в другую форму может при этом способствовать и процессу сгущения, образуя связи, которые иначе не могли бы существовать, по отношению к другим мыслям, а способ выражения этих мыслей второй группы уже мог претерпеть изменения, чтобы соответствовать первой группе мыслей в процессе их формирования.

Герберт Зильберер (Herbert Silberer, 1909) подсказал хороший способ непосредственного наблюдения за трансформацией мыслей в зрительные образы в процессе формирования сновидений, с помощью которого можно изучать этот конкретный фактор изолированно. Если в сонном и усталом состоянии он ставил перед собой какую-то задачу интеллектуального

характера, то часто замечал, что при этом мысль ускользала от него, но вместо нее появлялся какой-то зрительный образ, в котором он потом мог распознать мысль, вместо которой этот образ появился. Зильберер называет это явление не совсем удачно – «аутосимволические» образы. Здесь я приведу несколько примеров из работы Зильберера (там же), а затем, поскольку меня интересуют некоторые их особенности, вернусь к ним позднее.

Пример 1. — Мне нужно было отредактировать один недоработанный абзац в эссе.

Символ. – Я увидел себя полирующим деревянный брусок.

Пример 5. — Меня занимали мысли метафизического характера, связанные с определенным исследованием, которое я проводил. Мне хотелось проникнуть мыслью в некоторые высшие формы сознания и уровни существования в рамках экзистенциального исследования.

Символ. – Я поддел длинный нож под торт, словно пытаясь отрезать себе его кусок.

Интерпретация. – Движение моей руки с ножом символизировало ход моей мысли в том направлении, которое меня интересовало… вот так объясняется символизм. За столом я часто разрезаю торт и раздаю его кусочки. Делаю я это с помощью длинного гибкого ножа – и в обращении с ним следует соблюдать осторожность. Особенно, когда несешь уже отрезанные кусочки торта после того, как их с таким трудом разрезали; этот нож нужно аккуратно подвести под каждый кусочек («…меня занимали мысли… чтобы понять формы…»). Но в этом зрительном образе присутствует еще и другая символика. Мне приснился не просто торт, а торт «Добош»[277] – а в нем очень много тонких сочней, и, когда разрезаешь его, нож проходит через множество слоев («…проникнуть мыслью в некоторые… уровни существования»).

Пример 9. — Я утратил нить мысли. Хотел найти ее снова, но должен был признать, что забыл, с чего начал.

Символ. – Я вижу форму с типографским шрифтом, набранным для печати, часть которого рассыпалась.

Если задуматься о том, какую роль играют шутки, цитаты, песни и пословицы в интеллектуальной сфере жизни образованных людей, мы полностью согласимся с тем, что все это используется и в сновидении как средство выражения мыслей. Например, что значат приснившиеся человеку карты с изображением каких-то овощей? Они напоминают об идиоматическом обороте «Kraut und Ruben» (буквально «капуста и редька»), который обозначает «неразбериха». Удивительно, что про такой сон мне рассказали лишь однажды. Универсальный символизм сновидения проявился лишь в отношении некоторых сюжетов сновидения, на основе знакомых ассоциаций и вербальных замещающих элементов. Более того, значительная часть этого символизма проявляется и в сновидениях пациентов, страдающих психоневрозом, в легендах и народных обрядах[278].

Конечно, при более подробном рассмотрении этого вопроса нам придется признать, что в сновидении при этом не происходит ничего особенного. Для достижения своих целей, в данном случае для создания образов, которые обойдут цензуру, оно следует лишь по тому пути, который уже существует для него в сфере бессознательного, и избирает те формы превращения вытесненного материала, которые могут проникнуть в сознание с помощью шуток и намеков, чем заполнено сознание людей, страдающих неврозами.

Здесь мы по-новому понимаем толкование сновидений Шернером, ценность которого я уже отмечал выше. Фантазии, направленные на собственное тело того, кому снится сон, существуют не только в области сновидений. В ходе психоанализа мне удалось выяснить, что такие фантазии присутствуют в сознании невротиков и провоцируются их сексуальным любопытством, когда в пубертатный период их внимание направлено на гениталии представителей другого пола и иногда и однополых с ними людей. Но, как подчеркивали Шернер (Scherner, 1861) и Фолькельт (Volkelt, 1875), образ дома – не единственный символ для изображения человеческого тела как в сновидениях, так и в бессознательных фантазиях невротиков. Я знаю пациентов, в фантазиях которых сохраняется архитектурная символика тела и половых органов (половое любопытство вообще выходит далеко за пределы внешних сексуальных проявлений), когда колонны и стропила означают ноги (как в «Песне песней»), выходы – отверстия в теле, водопроводные сооружения – мочеиспускательные органы и так далее. Но в мире растений или на кухне тоже можно найти много символов, за которыми скрываются сексуальные образы[279], столь же охотно избирается для сокрытия сексуальных элементов круг представлений, относящихся к растительному царству или кухне. В первом случае немалую роль играют обороты речи и

сравнения, дошедшие до нас из глубокой древности («виноградник» Господень, «семя» и «сад» невинной девушки в «Песне песней»). И самые отвратительные, и самые интимные аспекты сексуальной жизни могут выражаться с помощью внешне невинных намеков на то, что происходит на кухне, а симптоматика истерии была бы практически недоступна для интерпретации, если бы мы забыли о том, что сексуальная подоплека может скрываться за образами самых обыденных и привычных предметов. Дети, страдающие неврозом, не выносят вида крови и сырого мяса, от яиц и макарон у них бывает рвота, естественный для человека страх перед змеями достигает у невротиков невиданного масштаба – и за всем этим скрываются сексуальные мотивы; всюду, где невроз прибегает к такого рода маскировке, он следует тем путем, по которому когда-то, в ранние периоды культуры, шло все человечество и следы которого еще сохранились в нашем языке, в суевериях и обычаях.

Я привожу здесь подробно уже знакомое нам «цветочное» сновидение моей пациентки, в котором выделяю все сексуально окрашенные фрагменты. Прекрасное на первый взгляд сновидение совершенно разонравилось моей пациентке после его толкования.

(а) Первая часть сновидения: *«Она идет в кухню к двум служанкам и отчитывает их за то, что они не могут справиться "с такими пустяками". Она видит, что стол в кухне завален посудой; служанки идут за водой и для этого должны погрузиться в реку, которая подступает к дому или течет по двору»*[280].

(б) Главная часть сновидения[281]: *«Она спускается вниз (высокое происхождение) и перелезает через какие-то странные ограды или заборы, сплетенные из сучьев в виде небольших квадратов, как ступеньки. (Сложный комплекс, объединяющий два места; чердак дома ее отца, где она играла с братом, объектом ее позднейших фантазий, и двор дяди, который часто ее дразнил.) Они не приспособлены для того, чтобы по ним ходили: она все время ищет, куда ей ступить, и радуется, что нигде не цепляется платьем и что при этом у нее приличный вид. (Желание, контрастирующее с реальным воспоминанием о дядином доме, где она ночью, во сне, часто сбрасывала с себя одеяло и обнажалась.) В руках (как у ангела – стебель лилии) у нее большая ветка, похожая на целое дерево: она густо усеяна красными цветами, пышными и крупными. (Невинность, менструация, дама с камелиями.) Она думает почему-то о цветах вишневого дерева, но нет, цветы похожи на махровые камелии, которые, правда, на деревьях не растут. Во время лазаний у нее в руках сначала одна ветка, потом две и снова одна (соответственно нескольким лицам, объектам ее фантазии). Когда ее спуск окончен, нижние цветы уже почти все завяли. Внизу она видит слугу: у него в руках такая же ветка, и он словно "чешет" ее, то есть деревяшкой соскабливает густые пучки волос, которыми он порос, как мхом. Другие рабочие срубили несколько таких же веток в саду и выбросили их на улицу, где они и валяются; прохожие подбирают их. Она спрашивает, можно ли ей тоже взять такую. В саду стоит молодой человек (совершенно незнакомый ей); она подходит к нему и спрашивает, как пересадить такие ветки в ее собственный сад. (Сук, ветка издавна символизируют пенис, а слово "ветка" напоминает звучание фамилии этой пациентки.) Он обнимает ее, но она сопротивляется и выражает свое возмущение. Он говорит, что в этом нет ничего такого, что это можно делать. (Относится к предосторожностям в брачной жизни.) Он заявляет, что может пойти с ней в другой сад, чтобы показать ей, как нужно пересаживать ветки, и говорит ей что-то, чего она толком не понимает: мне и так недостает трех ярдов (впоследствии она говорит: квадратных метров) или трех клафтеров земли. Ей кажется, что он потребует у нее награды за любезность, что он намерен вознаградить себя в ее саду, или же обойти закон, или извлечь для себя какую-то выгоду, не нанося ей ущерба. Показывает ли он ей потом что-нибудь или нет, она не поняла».*

Этот сон, который я привожу здесь из-за его символических элементов, может быть описан как биографический. Такие сны часто посещают пациентов во время психоанализа, но за его рамками это редко происходит[282].

У меня в распоряжении[283] есть много подобных материалов, но их рассмотрение погрузит нас в область невротической симптоматики. Все это приводит нас к единому выводу о том, что нет необходимости предполагать, что в сновидениях существует какой-то свой особый символизм, а что там задействована та же деятельность сознания, которая использует символику области бессознательного, поскольку именно эти символы лучше всего удовлетворяют

требованиям формирования сновидений для построения образов в них, и потому, что они, как правило, обходят существующую в них цензуру.

Д. Символика в сновидениях – некоторые типичные сновидения [284]

Анализ последнего биографического сновидения убедительно демонстрирует, что я признавал факт существования символизма в сновидениях с самого начала. Но лишь постепенно, с опытом я осознал, насколько он важен и каким всеобъемлющим является его влияние, при этом на меня оказали влияние работы Вильяма Штекеля (Wilhelm Stekel, 1911), о котором стоит здесь упомянуть (1925).

Этот исследователь, который принес психоанализу столько же вреда, сколько и пользы, выявил множество непререкаемых интерпретаций символов: поначалу их восприняли скептически, но затем они подтвердились, и с ними пришлось согласиться. Я не хотел бы преуменьшить значение его вклада в науку, если добавлю, что для такого скептицизма были некоторые основания. Поскольку некоторые из его примеров были неубедительны, а метод, который он применял, считался ненаучным. Штекель пришел к интерпретации этих символов интуитивно, благодаря своему особому дару воспринимать их непосредственно. Но существование подобного таланта не может быть достаточно серьезным аргументом, нельзя игнорировать критику в его адрес, и потому его открытия не могут считаться абсолютно достоверными, как если бы кто-то решил предоставить основания для диагностики инфекционных болезней на основе восприятия запахов, исходящих от кровати пациента, – хотя многие клиницисты были в состоянии получить больше информации о болезни, чем другие врачи, полагаясь на обоняние (обычно атрофированное), и действительно могли выявить энтерит с лихорадочным состоянием, только полагаясь на особый запах пациента [1925].

Прогресс в области психоанализа познакомил нас с пациентами, которые способны точно расшифровывать символику сновидений с такой же удивительной точностью. Они часто страдали от dementia praecox (параноидного слабоумия), поэтому поначалу была тенденция подозревать, что каждый пациент, который обладал такой способностью, страдал от этого заболевания[285]. Вопрос в том, был ли это талант конкретного человека или свидетельство о заболевании, которое внешне никак не проявлялось [1925].

Когда мы узнали, насколько богата символика сновидений, за которой скрывается сексуальный подтекст, возник вопрос о том, не обладают ли такие символы постоянным и фиксированным значением, становясь своеобразной грамматикой, как в скорописи, например; вот и у нас возникло искушение составить свой «сонник» с правилами толкования сновидений. Здесь время сказать вот что: этот символизм присущ не только сновидениям, он является свойством образования идей в области бессознательного, он распространен в человеческом обществе, и его можно обнаружить в фольклоре, в народных мифах, легендах, языковых идиомах, в пословицах и популярных шутках, а в сновидениях его еще больше [1909].

Здесь я на какое-то время оставлю в стороне интерпретацию символов в сновидении, словно этот вопрос нами уже разрешен, и хотел бы обсудить множество неразрешенных проблем, которые связаны с самим понятием символа[286]. Мы здесь ограничимся замечанием о том, что символ – это одно из косвенных выразительных средств, но надо проявлять осторожность и не путать его с другими выразительными средствами, прежде чем мы не выявим его отличительные признаки. В ряде случаев очевидно, что у символа и изображаемого им предмета есть много общего, в других случаях эта связь не лежит на поверхности, и символ представляет собой головоломку, которую нужно разгадать. Именно в этом и заключается суть символизма, именно так и можно понять, что это – присущие ему характеристики. То, что в наши дни связано символически, в доисторические времена было связано на уровне понятий и языковой идентичности[287]. Их символизм – реликтовый и несет в себе признаки прежней идентичности. В связи с этим мы можем наблюдать, как во многих случаях использование общего символа выходит за рамки общепринятого способа использования языка, как это продемонстрировал Шуберт (SchÜbert, 1814)[288]. Многие символы – такие же древние, как сам язык, а другие, например, такие, как «цеппелин» или «самолет», возникли лишь в наши дни [1914].

В сновидениях такая символика помогает изобразить скрытые мысли, которые породили сновидение. Кстати, многие символы обычно или почти всегда используются для обозначения

одного и того же явления. Тем не менее не стоит забывать про особую пластичность психического материала (в сновидениях). Довольно часто какой-то символ нужно трактовать в его прямом значении, а не метафорически; а в других случаях тот, кому снится сон, может, полагаясь на собственные воспоминания, трактовать символы как нечто замещающее собой явления сексуального характера, хотя обычно эти символы как таковые не воспринимаются[289]. Если у человека, которому приснился сон, есть выбор среди множества символов, он выберет из них тот, который связан с предметом его размышлений – тот, который, так сказать, имеет под собой индивидуальные особенности, а не только соответствует общепринятым [1914].

Хотя исследования более поздних лет со времен Шернера сделали невозможной дискуссию о существовании специфического для сновидений символизма – даже Хэвлок Эллис (Havelock Ellis, 1911, с. 109) признает, что наши сновидения просто пропитаны символизмом, – необходимо признать, что присутствие в сновидениях символов не только не облегчает процесс толкования, но и затрудняет его. Как правило, техника интерпретации на основе свободных ассоциаций того, кому это приснилось, ставит нас в затруднительное положение, когда мы имеем дело с символическими элементами содержания сновидения. Опасаясь обвинений в ненаучности, толкователь не может опираться лишь на собственные суждения, как это происходило в древности и что опрометчиво делал в своих интерпретациях Штекель. Итак, мы вынуждены, имея дело с теми элементами сновидения, которые признали символическими, применять комбинированную технику, которая, с одной стороны, основана на ассоциациях того, кого посетило это сновидение, а с другой стороны, заполняет пробелы в знаниях интерпретатора о символах. Мы должны критически и осторожно подходить к интерпретации символов, внимательно изучая сновидения, где они встречаются, чтобы точно понимать, как они используются, чтобы не стать мишенью для обвинений в поверхностности и безответственности, когда мы интерпретируем сновидения. Неясности, которые все еще встречаются нам как толкователям сновидений, частично возникают оттого, что нам еще не все известно и мы постоянно узнаем все больше и больше, но отчасти объясняются и некоторыми характеристиками самих символов, которые встречаются в сновидениях. Они часто многозначны, и, подобно китайским иероглифам, их правильная интерпретация возможна, лишь если учитывать связь каждого из них с контекстом. Подобная многозначность символов согласуется со способностью сновидений поддаваться «сверхинтерпретации» – для того, чтобы выражать одно явление в области содержания мыслей и желаний, которые весьма часто по своей натуре противоречивы и многозначны [1914].

Вот с учетом этих принципов и соображений я и буду продолжать. Император и императрица (или король и королева), как правило, изображают родителей того, кто видит сон; а принц или принцесса – самого этого человека [1909]. Но таким авторитетом наделяются и другие великие люди, а не только император, по этой причине Гете, например, во многих сновидениях воплощает образ отца (Hitschmann, 1913) [1919].

Все удлиненные предметы – палки, ветви деревьев, зонтики (когда в сновидении зонтик открывается, это символизирует эрекцию) – могут символизировать мужской половой орган [1909]. То же касается длинных, острых видов оружия – ножей, кинжалов и пик [1911]. Еще один часто встречающийся образ, который не всегда понятен, это напильник – может быть, оттого, что им пользуются, двигая туда-сюда [1909]. Коробки, ящики, сундуки, шкафы и печки символизируют матку [1909], это же относится к пустым внутри предметам – кораблям и всякого рода сосудам [1919]. Комнаты обычно символизируют женщин («Frauenzimmer»), если в них открыты двери, то вряд ли возможны какие-то разночтения в толковании этого образа [1909][290]. В связи с этим становится понятен интерес к тому, открыта в этой комнате дверь или закрыта. (См. анализ сновидения Доры в моем «Фрагменте анализа одного случая истерии», 1905е). (Сноска в начале раздела III.) Нет необходимости буквально называть, каким именно ключом можно открыть эту дверь: в своей балладе о графе Эберштейне Уланд использовал символику замков и ключей, чтобы создать очаровательный образец грубости [1911]. Сон о том, как кто-то проходит по анфиладе комнат, – это сон о борделе или гареме [1909]. Но, как продемонстрировал в своих замечательных примерах Захс, этот образ может использоваться и в качестве символа брака [1914]. Мы обнаружили интересную связь с детскими сексуальными экспериментами, когда человеку снятся две комнаты, которые оказываются одной комнатой, или когда ему снится одна комната, разделенная на две части. В детстве женские гениталии и анус воспринимаются

как единое целое – «попа» (в соответствии с детской «теорией клоаки»)[291], и лишь недавно было сделано открытие, что в этой части тела существует две полости, или отверстия. [1919]. Ступеньки, лестницы или лестничная клетка или проход по ним вверх или вниз – это символическое изображение сексуального акта[292]. Гладкие стены, по которым человек карабкается в своем сновидении, фасады домов, вдоль которых он спускается куда-то, часто испытывая при этом великое беспокойство, символизируют эрекцию и, возможно, представляют собой остаточные младенческие воспоминания тех лет, когда малыш ползал по телу родителей или своей няни. «Гладкие» стены домов – это мужчины; спящий в страхе иногда хватается за выступающие части на фасаде домов [1911]. Столы, накрытые столы, на которые подают блюда служанки, и доски – это все символическое изображение женщин – без сомнения, на основе антитезы, поскольку контуры их тел в символах элиминируются [1909]. «Дерево», похоже, в силу своих лингвистических ассоциаций, в основном символизирует «женский материал». Название «остров Мадейра» по-португальски означает «дерево» [1911].

Поскольку «постель» и «приют» связаны с браком, то это в контексте сновидений и сексуально окрашенных мыслей может переноситься на сложные образы, связанные с принятием пищи [1909]. Что касается предметов гардероба, то женскую шляпку можно воспринимать как символ гениталий, более того, как гениталий *мужских.* То же самое касается пальто (по-немецки «Mantel»), хотя в данном случае непонятно, какую роль здесь играет сходство звучания слов. У мужчин галстук в сновидениях часто символизирует пенис. Без сомнения, это происходит потому, что галстуки – длинные, их носят на шее мужчины, и потому, что их можно выбирать на свой вкус, а в природе подобная вольность не допускается[293]. Мужчины, которым снятся подобные сны, наяву обычно выбирают себе весьма экстравагантные галстуки и даже собирают из них целую коллекцию [1911]. Очень вероятно, что всякого рода сложные механизмы и аппараты в сновидениях символизируют мужские гениталии [1919], при описании которых в сновидении постоянно присутствует юмор в качестве действующей силы[294]. Не вызывает также сомнений, что все инструменты в сновидениях символизируют мужской половой орган: плуги, молотки, ружья, револьверы, кинжалы, сабли и т. д. [1919]. А ландшафты в сновидениях, особенно те, где есть мосты или поросшие лесом холмы, явно символизируют гениталии [1911]. Марциновский [1912а] опубликовал изложения сновидений с иллюстрациями тех, кого они посетили, где были изображены ландшафты и другие картины какой-то местности, которые фигурировали в сновидениях. На них очень хорошо прослеживается различие между явным и скрытым значением сновидения. На первый, поверхностный взгляд они могут показаться просто изображением плана местности, картами и так далее, но, если присмотреться, они изображают человеческое тело, гениталии и тому подобное, и только тогда становится понятным, о чем же был этот сон. (См. в связи с этим работы Пфистера (Pfister, 1911–1912 и 1913), которые посвящены криптограммам и картинкам-головоломкам [1914].) Если в сновидениях попадаются странные неологизмы, то можно задаться вопросом, не представляют ли они собой конструкции из фрагментов слов сексуального содержания [1911]. Дети в сновидениях часто символизируют собой гениталии; и, конечно, и мужчины, и женщины часто имеют привычку давать своим гениталиям уменьшительно-ласкательные имена [1909]. Штекель (Stekel, 1909) справедливо считает, что выражение «братишка» символизирует пенис [1925]. Игра с маленьким ребенком в сновидении часто символизирует мастурбацию [1911]. Символическое изображение кастрации в сновидении достигается в образе облысения, срезания волос, выпадения зубов и отрубания головы. Если обычные символы пениса в сновидении возникают дважды или множество раз, это может быть предупреждением об угрозе кастрации[295]. Когда снятся ящерицы – животные, у которых хвост снова отрастает, если его оторвали, – это обозначает то же самое. (См. сновидение о ящерицах далее). Многие животные, которые символизируют гениталии в мифологии и фольклоре, выполняют ту же функцию и в сновидениях: например, рыбы, улитки, коты, мыши (потому что мохнатые), а чаще всего эту роль играют змеи, символизирующие мужской орган. Мелкие животные и вредители символизируют маленьких детей – например, нелюбимых и нежеланных братьев и сестер. Когда снится, что женщину укусило какое-то вредное мелкое животное, это часто символизирует беременность [1919]. Недавно появился новый символ мужского органа, заслуживающий внимания: самолет, который используется в качестве такого образа потому, что он может летать, и из-за своей формы [1911]. Были обнаружены и другие символы и объяснения, почему они воспринимаются в качестве таковых, например, Штекелем,

но не все эти объяснения были достаточно обоснованы [1911]. В работах Штекеля, и особенно в «Die Sprache des Träumes» («Язык сновидений») (Stekel, 1911), можно найти самую полную коллекцию интерпретаций символов. Во многих из них присутствует идея проникновения куда-то, и при дальнейшем анализе выяснилось, что это так и есть: например, в разделе, посвященном символам смерти. Но отсутствие критичности автора и его склонность к обобщению любой ценой заставляет сомневаться во многих его интерпретациях или приводит к тому, что ими трудно пользоваться; поэтому к его выводам следует отнестись с крайней осторожностью. Я поэтому приведу лишь некоторые выдержки из его работ [1914].

Штекель полагает, что «правое» и «левое» в сновидениях обозначает этические критерии. «Когда дорожка поворачивает направо, это значит, что спящий двигается в *правильном* направлении, а если идет налево – то он *уклоняется от правильного пути.* И «левое» может символизировать гомосексуальность, инцест или извращение, а «правое» может символизировать брак, связь с проституткой или еще нечто подобное, в зависимости от моральных принципов спящего (Stekel, 1909). Родственники в сновидениях обычно символизируют гениталии (там же). Я могу лишь подтвердить, что когда снятся сыновья, дочери или младшие сестры[296], они попадают в категорию «мои малыши». Но я сталкивался с такими сновидениями, в которых «сестры» обозначали женскую грудь, а «братья» – женские округлости пониже спины. Штекель приводит случаи, когда человек не может догнать экипаж в сновидении, и это символизирует сожаления о непреодолимой разнице в возрасте (там же). Когда человек путешествует с тяжелым багажом, это символизирует бремя его грехов [1911]. Но именно этот багаж, без сомнения, и символизирует его гениталии [1914]. Штекель также приписывает конкретную символику каждой цифре, полагаясь на то, что часто можно наблюдать в сновидениях (там же). Но все эти объяснения не представляются ни достаточно правдоподобными, ни достаточно ценными, хотя в каждом индивидуальном случае они вполне могут быть достойными доверия [1911][297]. В любом случае, цифра «три» часто упоминается как символ мужских гениталий [1914][298].

Одно из обобщений Штекеля касается двойного значения символов гениталий [1914]. «Где мы можем найти такой символ – если наше воображение примет его, – который не мог бы быть использован в качестве намека и на мужчин, и на женщин?» (Stekel, 1911). В любом случае, эта фраза в кавычках придает меньшую уверенность его утверждению, поскольку как раз воображение-то с этим и не согласно. Но я полагаю, что в нем есть смысл, хотя хочется заметить, что, по моему опыту, оно несостоятельно, учитывая многие сложные факты. Существуют не только такие символы, которые могут указывать как на мужчин, так и на женщин, но есть такие, которые указывают преимущественно лишь на представителей какого-то конкретного пола, и такие, которые всегда относят или только к мужским, или только к женским. Поскольку воображение никак не может связывать длинные, жесткие предметы или оружие с женскими гениталиями, а полые объекты – например, сундуки, ящики, коробки и т. д. с символами мужских гениталий. Действительно, тенденция сновидений и других фантазий из области бессознательного использовать сексуальные символы для представителей обоего пола может быть архаической характеристикой, поскольку в детстве не знают о различии гениталий у мужчин и женщин и считают, что они одинаковые [1911]. Но также возможно, что мы можем впасть в заблуждение, считая, что какой-то символ может относиться к представителям обоих полов, если забыть о том, что в сновидениях бывает половая инверсия, так что мужчина предстает в образе женщины, или *наоборот.* В таких снах может, например, проявляться желание женщины стать мужчиной.

В сновидениях гениталии могут изображаться с помощью других частей тела: мужской орган – как рука или нога, а женский – как рот, ухо или даже глаз. Выделения человеческого тела – слизь, слезы, моча или семя – могут символизировать друг друга в сновидениях. Это последнее утверждение Штекеля (Stekel, 1911), в целом правильное, справедливо подверглось критике со стороны Рейтлера (Reitler, 1913b), который считал, что здесь нужно внести ясность: что конкретно происходит, когда такие важные виды выделений тела начинают замещаться менее важными [1919].

Следует надеяться на то, что эти намеки и разрозненные идеи вдохновят других исследователей на более всеобъемлющее и тщательное исследование этого вопроса [1909][299]. Я

также попытался предоставить более подробное изложение взглядов на символизм в сновидениях в моей работе «Введение в психоанализ» (1916–1917), лекция X [1919].

Теперь настало время продемонстрировать несколько примеров использования этих символов в сновидениях, чтобы показать, что практически невозможно интерпретировать сновидение, если не опираться на его символику, и как сильно искушение признать его во многих случаях [1911]. Но при этом хотелось бы предостеречь от преувеличения роли сновидений во время их толкования, против того, чтобы толкование сновидений просто сводилось к расшифровке этих символов, когда не уделяется внимания ассоциациям того, кого это сновидение посетило. Две эти техники интерпретации сновидений должны дополнять друг друга; но обе на практике и в теории строятся на той технике, к описанию которой я приступил и в которой основное внимание уделяется комментариям самого человека, которому это приснилось, а расшифровка символов, как я уже объяснял, также используется нами в качестве вспомогательного метода [1909].

I. Шляпа как мужской символ (или как символ мужских гениталий) [1911][300]

(Фрагмент записи сновидения одной молодой женщины, которая страдала от агорафобии, потому что опасалась, что ее совратят.)

«Я шла по улице летом, на мне была соломенная шляпка особенного фасона; в середине ее поля были загнуты наружу, а по бокам – вниз (здесь при описании сновидения она выразила неуверенность), *так что одна сторона была ниже другой. Я была в отличном настроении и чувствовала уверенность в себе; проходя мимо группы молодых офицеров, я подумала: «Никто из вас не сможет ничего мне сделать!»*

Поскольку в сновидении не описывается никаких происшествий в связи с этой шляпкой, я сказал: «Без сомнений, эта шляпка символизирует мужской детородный орган, который в середине направлен вверх. А по бокам – вниз». Это может показаться странным, что шляпка символизирует мужчину, но в немецком языке есть такое выражение: «Unter die Haube kommen» – «найти мужа», буквально «пройтись под шляпкой». Я специально не стал комментировать в ее присутствии, отчего края шляпки свисают по бокам несимметрично; хотя именно подобные детали подсказывают, в каком направлении должна развиваться интерпретация сновидения. И я продолжил толкование этого сновидения, сказав этой даме, что, поскольку ее муж обладает такими же прекрасными гениталиями, как поля этой шляпки, то ей не нужно опасаться этих офицеров – и зачем было бы ей ожидать чего-то от них, поскольку, как правило, ее не отпускали гулять одну, беззащитную, оттого, что ее постоянно посещали фантазии о том, что ее могут совратить. И я смог предоставить ей последнее объяснение причин ее беспокойства по нескольким поводам, опираясь на этот материал.

Интересна реакция этот дамы на материал этого сновидения. Она не захотела подробно рассказать про фасон этой шляпки и упорно отказывалась признавать, что рассказала, как поля ее свисали вниз. Я же был абсолютно уверен в том, что этим рассказом она решила сбить меня с толку, и настаивал на своем. Она замолкла ненадолго, а потом спросила меня, отчего у ее мужа одно яичко свисает ниже, чем другое, и как с этим обстоит дело у других мужчин. Вот так и прояснилось, отчего шляпка в сновидении выглядела именно так, и дама согласилась с моей интерпретацией сновидения.

К тому моменту, как она рассказала мне об этом сновидении, я уже давно знал, что символизирует шляпа в сновидениях. Другие, менее понятные примеры, заставили меня предположить, что шляпка может символизировать также и женские гениталии[301].

II. «Малыш» как символ гениталий. «Меня переехали» как символ сексуального акта [1911]

(Еще один сон той же пациентки, страдавшей агорафобией)

Мама отправила куда-то ее малышку, и та шла совсем одна. Потом она вошла в поезд со своей мамой и увидела, как малышка вышла прямо на рельсы, так что поезд наехал на нее. Послышался хруст костей. (При этом ей стало неприятно, но настоящего ужаса она не

испытывала.) Потом она выглянула в окно купе, чтобы понять, не видно ли останков, и стала упрекать свою мать за то, что та отправила куда-то малышку совсем одну.

Анализ. Непросто дать исчерпывающее толкование этого сна. Он состоит из цикла сновидений, и его можно полностью понять лишь с учетом других сновидений. Здесь трудно выделить именно тот материал, который необходим для выявления символизма. Прежде всего, пациентка заявила, что эту поездку в поезде нужно интерпретировать с исторической точки зрения, как намек на ее путешествие в санаторий для страдающих нервными расстройствами, в директора которого, что уж там говорить, она была влюблена. Мать забрала ее оттуда, а этот доктор появился на станции и на прощание подарил ей букет цветов. Было так неловко, что ее мать при этом присутствовала. При этом все выглядело так, словно мать вмешивалась в ее любовные дела; в сущности, эта суровая дама именно так и вела себя в годы девичества пациентки. Следующая ассоциация относилась к фразе *«она выглянула в окно купе, чтобы понять, не видно ли останков»*. Вроде бы речь идет об останках несчастной девочки, которая попала под поезд, так что ей переломало все кости. Но цепь ассоциаций пациентки привела ее в совершенно ином направлении. Она вдруг вспомнила, как нечаянно увидела в ванной комнате своего отца со спины, совершенно голым, она стала говорить о разнице между полами и делала упор на то, что мужские гениталии видны и со спины, а женские – нет. В связи с этим она интерпретировала «малышку» как символ гениталий, а свою малышку – у нее была четырехлетняя дочь, – как свои собственные гениталии. Пациентка упрекала свою мать в том, что она заставляла ее жить так, словно у нее не было гениталий вовсе, и это же выражалось в первой фразе про это сновидение: «Мама отправила куда-то ее малышку, и та шла совсем одна». В ее воображении «шла совсем одна» значило жить без мужчины, не вступать в сексуальные отношения (по латыни «coire» – слово, от которого произошел термин «коитус», соитие, буквально означает «идти куда-то вместе с кем-то») – и ей это было очень не по душе. Все рассказанное ею свидетельствовало о том, что в детстве она страдала от материнской ревности, потому что отец отдавал свое предпочтение не матери, а ей[302].

Более тщательное толкование этого сновидения проявилось в сновидении, которое посетило ее в ту же ночь, где пациентка идентифицировала себя со своим братом. Она в детстве была пацанкой, и ей часто говорили, что ей следовало бы родиться на свет мальчишкой. Подобная идентификация с братом окончательно и убедительно доказывает, что «малышка» – это гениталии. Ее мать угрожала ей (или ему) кастрацией, а это могло быть только наказанием за игру с собственным пенисом; и потому эта идентификация доказывает, что в детстве она занималась мастурбацией, а раньше она думала, что это относилось только к ее брату. Эта информация проявилась во втором сновидении, когда стало понятно, что она знает с самого детства, как выглядит мужской член, а потом она об этом забыла. Далее, второй сон намекал на инфантильное понимание сексуальности, когда дети считают, что девочки – это кастрированные мальчики. (См. Фрейд, 1908c.) Когда я предположил, что она в детстве так считала, она это тут же подтвердила, когда рассказала анекдот: «Мальчик спрашивает девочку: "Тебе что, отрезали…?", а она отвечает: "Нет, у меня всегда так было"».

Потому, когда в ее сновидении малышку куда-то отсылают одну (отправляют куда-то гениталии), это символизирует кастрацию. И самая ее основная жалоба на мать заключается в том, что мама не родила ее мальчиком.

Из этого сна не следует, что эпизод, когда кто-то попал под колеса, символизирует сексуальный акт, но это подтверждается другими источниками.

III. Гениталии в образе зданий, ступенек, шахт [1911][303]

(Сновидение молодого мужчины, который был подавлен отцовским комплексом)

Он гулял со своим отцом по парку под названием Протер, это было точно там, поскольку ему попалась на глаза ротонда с маленьким портиком спереди, к которому для привлечения внимания был привязан маленький воздушный шарик, хотя он, скорее, напоминал маленькую шишечку. Отец спросил у него, зачем это все нужно, и пациент, хотя и удивился, но объяснил, в чем дело. Потом они вошли во двор под большой жестяной крышей. Его отец захотел стащить большой кусок этой крыши, но сначала огляделся по сторонам, не видит ли кто. Он объяснил, что ему стоит лишь поговорить со смотрителем, и можно будет делать, что хочешь. Из

этого двора какая-то лестница вела внутрь шахты, стены которой были обиты каким-то мягким материалом, похожим на тот, что используется для обивки кожаного кресла. В конце шахты была длинная платформа, а за ней – другая шахта…

Анализ. Это был один из пациентов. Терапевтический прогноз был весьма неблагоприятным: в какой-то момент такие люди начинают отчаянно сопротивляться психоанализу, и с этого момента пробиться к их сознанию становится невозможно. Он интерпретировал этот сон практически без помощи со стороны. «Ротонда, – сказал он, – это мои гениталии, а завлекательный воздушный шарик спереди – это мой пенис, на слабость которого я жалуюсь». При более детальном толковании мы можем интерпретировать ротонду как ягодицы (которые дети по ошибке считают гениталиями), а небольшой выступ спереди – это мошонка. Отец спросил у него во сне, что это все означает, то есть зачем нужны гениталии. Разумно будет предположить, что все наоборот, и этот вопрос задавал тот, кому такой сон приснился. Поскольку на самом деле он своему отцу такого вопроса не задавал, нам следует рассматривать это сновидение как желание, или, используя сослагательное наклонение, можем сформулировать все это следующим образом: «Если бы я спросил у отца о сексуальных радостях…» И сейчас мы увидим продолжение этой мысли в другой части этого сновидения.

Не следует сразу рассматривать двор под жестяной крышей как некий символ. Он связан с рабочим местом отца этого пациента. Поскольку мне следует сохранить кое-что в тайне, я упомянул «жесть», а не тот материал, с которым имел дело отец этого пациента; но во всем остальном сон был пересказан без изменений. Тот, кому это приснилось, был принят отцом в дело и стал яростно сопротивляться тем способам ведения дел, благодаря которым фирма стала процветающей. Мысли в этом сновидении, которое я только что истолковал, могли бы далее развиваться следующим образом: «Если бы я задал вопрос отцу, он бы обманул меня точно так же, как он обманывал наших клиентов». Эпизод с желанием взять себе кусок крыши символизировал нечестность отца в делах, и сам этот пациент, которому приснилось это сновидение, предоставил мне второе объяснение – что этот сон символизировал собой мастурбацию. Не только мне была знакома подобная интерпретация, но и было здесь нечто такое, что подтверждает, как тайный характер мастурбации представлен в противоположной ей форме: этим можно заниматься открыто. Как нам и следовало ожидать, действия, связанные с мастурбацией, были снова приписаны не тому, кому это приснилось, а его отцу, как и заданный в начале этого сновидения вопрос. Пациент сразу же интерпретировал эту шахту как вагину, потому что у нее были мягкие кожаные стенки. Я добавил с этому свои собственные впечатления о том, что трудный подъем наверх и вообще описание восхождения, символизирует сексуальный акт и проникновение в вагину. (См. мои замечания в другой работе (Freud, 1910d).)

У самого этого пациента есть воспоминания из его собственной биографии о том, как в конце какой-то шахты была длинная платформа, а потом за ней шла другая шахта. У него были сексуальные отношения, но затем он прекратил их под давлением внешних обстоятельств, а теперь надеялся их возобновить благодаря лечению. Это сновидение к концу стало запутанным и нечетким, и это представляется вполне вероятным каждому, кто знаком с вплетением в сновидение второй темы, которая размывает первую, и это – намек на бизнес его отца, на его нечестность и интерпретацию первой шахты как вагины: все это указывает на связь этого сновидения с образом матери этого пациента[304].

IV. Мужской член, представленный в образе людей, и женские половые органы как ландшафт

(Сновидение необразованной женщины, жены полицейского, записанное Б. Даттнером (B. Dattner))

«…а потом кто-то вломился в дом, она перепугалась и вызвала полицию. Но нападавший вместе с двумя бродягами тихо прокрался в церковь[305], к которой вели ступеньки, одна за другой[306]. Позади церкви был холм[307], а дальше – густой лес[308]. У полицейского на голове был шлем, на шее у него была металлическая бляшка, а одет он был в плащ[309]. У него была темно-русая борода. Два бродяги, которые тихонько пришли с полицейским, повязали на себя что-то вроде фартуков[310]. Перед церковью была дорожка, которая вела на холм; по обеим

сторонам от нее росли трава и кусты, которые становились все гуще и гуще, а на вершине холма уже переходили в густой лес».

V. Сновидения детей о кастрации [1919]

(а) Мальчик трех с половиной лет, которому не понравилось, что папа вернулся домой с фронта, проснулся однажды утром, взбудораженный и встревоженный. Он все повторял: *«Почему у папочки голова была на тарелке? Папочка нес свою голову на тарелке».*

(б) Студент, который теперь страдает от тяжелой формы невроза навязчивых состояний, когда ему было шесть лет, постоянно видел вот какой сон: он приходил к парикмахеру, чтобы постричься. Крупная женщина грозного вида приближалась к нему и отрубала ему голову. В ней он узнавал свою мать.

VI. Символизм, связанный с мочеиспусканием [1914]

Ференци обнаружил серию комиксов венгерского художника (см. с. 546) под названием *Fidibusz,*и он убедился, что они прекрасно подходят в качестве иллюстраций к теории сновидений. Отто Ранк уже напечатал их в своей работе (Otto Rank, 1912a).

Рисунки назывались «Сон французской няни»; но только на последнем из них изображалась няня, которую разбудил громкий плач ребенка, и становится понятно, что все предыдущие рисунки изображают фазы сновидения. На первом изображен тот стимул, который заставил ребенка проснуться: маленький мальчик понял, что ему требуется справить нужду и что кто-то должен ему в этом помочь. Но в этом сне ребенок вместо спальни оказывается на прогулке, куда его ведет няня, которой все это снится. На второй картинке она уже завела его за угол на улице, чтобы он помочился, – и она может продолжать спать. Но его позыв по нужде становится все сильнее, и потому он плачет все громче и громче. Он все более решительно требует, чтобы няня проснулась и позаботилась о нем, но в ее сне все яснее и яснее становится, что все в порядке, и просыпаться ей совсем не надо. При этом во сне все более интенсивный стимул превращается во все более впечатляющие символы. Звук воды, который производит мальчик, который стал мочиться, становится все громче и громче. На четвертой картинке лужа уже такая огромная, что по ней может плавать лодка, потом там уже плывет гондола, потом – корабль и, наконец, огромный океанский лайнер. Изобретательный художник очень находчиво изобразил борьбу между упорным желанием продолжать спать и властным стимулом к пробуждению.

VII. Сновидение о лестнице [1911]

(Запись и интерпретация Отто Ранка)[311]

Я признателен тому же коллеге, которому обязан сновидением о зубах за доступное однозначному толкованию сновидение о ночной поллюции:

«Я мчался вниз по ступенькам (в многоквартирном доме) за какой-то маленькой девочкой, которая набедокурила, чтобы поймать ее и наказать. Внизу на лестничной клетке кто-то (взрослая женщина) поймал ее и задержал, чтобы передать мне. Я схватил девочку, но не могу сказать, ударил я ее или нет, потому что сновидение вдруг перенесло меня на середину лестницы, где я совершил с этим ребенком сексуальный акт (что подразумевалось само собой). Это не был полноценный сексуальный акт, я всего лишь совершал трение гениталиями о ее внешние гениталии, и в это время я отчетливо видел их и ее голову, которую она запрокинула, мотая ею из стороны в сторону. Во время сексуального акта я увидел, что на стене слева от меня висели две небольшие картины (что тоже само собой подразумевалось), – на них был изображен пейзаж: домик в окружении деревьев. Внизу картины поменьше, вместо имени автора было указано мое. А потом я увидел перед этими картинами надпись, что можно было купить и картины подешевле. (Потом я увидел их так отчетливо, словно лежал на полу на этой лестничной клетке.) Проснулся я оттого, что моя постель намокла от семяизвержения во сне».

Интерпретация. Накануне этого сновидения тот, кому оно приснилось, был в книжном магазине и в ожидании продавца рассматривал выставленные там картины, на которых было изображено нечто похожее на сюжеты картин в этом сновидении. Он подошел поближе к той,

что ему особенно понравилась, чтобы рассмотреть имя автора, но оно оказалось ему незнакомым.

Потом, тем же вечером, в компании друзей ему рассказали про одну служанку, которая хвасталась, что ее незаконнорожденный ребенок был зачат «на ступеньках». Он удивился и стал расспрашивать о подробностях этого происшествия, и узнал, что эта служанка шла со своим поклонником домой к ее родителям, где у них не было возможности заняться любовью, и ее спутник пришел в такое возбуждение, что овладел ею прямо на ступеньках в ее дом. Тогда тот, кому приснилось это сновидение с девочкой на ступеньках, пошутил, что это почти то же самое, что найти ребенка «в капусте».

В этом сновидении очень много связано с событиями дня накануне, которые ярко проявились в нем и которые тот, кому оно приснилось, без труда распознал. С такой же легкостью он вспомнил о том, что происходило с ним в раннем детстве, когда он много времени проводил на лестнице своего дома, и там же узнал, что такое секс. Он часто играл на ступеньках этой лестницы и любил съезжать вниз по перилам, получая от этого сексуальное удовольствие. В этом сновидении он тоже стремительно мчался вниз по ступенькам – так, что у него возникало ощущение, будто он не касается их, а парит над ними. Если учесть события его детства, то в начале сновидения изображается сексуальное возбуждение. А еще этот человек в детстве боролся с другими детьми на лестничной клетке и в доме неподалеку и удовлетворял свои сексуальные желания именно так, как это предстает в образах его сновидения.

Если учесть, что исследования Фрейда в области сексуального символизма (Freud, 1910d; см. выше) продемонстрировали, что ступеньки и подъем по ним в сновидениях почти всегда символизируют копуляцию, то значение этого сновидения становится абсолютно понятно. Его движущая сила, как показывает итог этого сновидения, то есть семяизвержение, это порождение либидо. У этого человека во сне возникло сексуальное возбуждение – и это выразилось в его быстром движении вниз по ступенькам. Садистская сторона сексуального возбуждения, которая зародилась в активных играх его детства, проявилась в мотиве погони и в овладении ребенком. Возбуждение, источники которого коренятся в либидо, все возрастало и требовало сексуальных действий – и в сновидении этому соответствовал эпизод, когда ребенка поймали и утащили на середину лестницы. До того момента сексуальность в сновидении проявлялась лишь символически, и различить ее мог бы только опытный специалист в области толкования сновидений. Но символическое удовлетворение такого рода не могло обеспечить спокойного сна, этого было недостаточно, поскольку возбуждение, связанное с либидо, было очень сильным. Оно завершилось оргазмом, и так стало понятно, что вся символика, связанная с лестницей, была связана с копуляцией. Этот сон наглядно подтверждает точку зрения Фрейда на то, что одной из причин, по которым подъем вверх по ступеньках символизирует сексуально окрашенные действия, – это ритмичность обоих сопоставляемых видов действий: потому что и человек, рассказавший про этот сон с лестницей, совершенно определенно отмечал ритмичность сексуального акта и движения вверх и вниз.

Я должен еще сказать пару слов о тех картинках, что висели на стене, в которых, кроме их основного значения, присутствовало еще и другое, скрытое, которое символизировало «Weibsbilder»[312]. Потому что там были большая картина и картина поменьше, словно во сне фигурировали большая девочка и девочка помладше. Информация о том, что можно было купить еще и более дешевые картинки, намекала на проституток; но имя того, кому приснился этот сон, изображенное на маленькой картине, и мысль о том, что эту картину могли подарить ему на день рождения, намекает еще на дополнительный комплекс мыслей. («Родившийся на ступеньках» – «охваченный страстью во время сексуального акта».)

Расплывчатая финальная сцена, когда спящему показалось, что он лежит на полу на лестничной клетке и ощущает сырость, вероятно, указывает на сходство двух ситуаций: мастурбации в детском возрасте и таких же приятных ощущений, которые испытывает ребенок, помочившись в постель.

VIII. Видоизмененное сновидение о лестнице [1911]

Один из моих пациентов, который практиковал сексуальное воздержание из-за жесточайшего невроза и центром [бессознательных] фантазий которого была его мать, постоянно видел сны о

том, что он вместе с ней идет вверх по ступенькам. Однажды я заметил, что в его случае умеренная мастурбация принесет больше пользы, чем его навязчивое самоограничение, и после того как я это сказал, ему приснился вот какой сон:

*Его преподаватель по игре на фортепиано упрекает его за то, что тот недостаточно много упражнялся в игре, отрабатывая «Этюды» Игнаца Мошелеса и «Ступень к Парнасу» Клементи.*Комментируя это сновидение, этот человек сказал, что в названии пьесы Клементи фигурирует слово «ступени» и что клавиатура – это тоже ступени, потому что на ней последовательно расположены клавиши, одна за другой (гаммы).

Справедливости ради нужно отметить, что нет такой группы идей, которая бы не могла служить средством символического изображения сексуальных событий и желаний.

IX. Чувство реальности и изображение повтора [1919]

Один человек, которому сейчас уже исполнилось тридцать пять лет, рассказал про свой детский сон, который посетил его в четырехлетнем возрасте. *Ему приснилось, будто юрист, который занимался завещанием его отца,* – а его отец умер, когда мальчику было три года, – *принес ему две большие груши. Одну их них отдали мальчику, а другая лежала на подоконнике в гостиной.* Наутро он проснулся с ощущением абсолютной реальности происходящего и стал требовать вторую грушу с подоконника. Его мама очень смеялась над ним из-за этого.

Анализ. Этот юрист был добродушным общительным человеком, который как-то раз и правда угостил этого мальчика грушами. И подоконник выглядел именно так, как во сне. В связи с этим ничего ему не вспомнилось – только о том, как мама рассказала ему про другой сон, который ей приснился, – о двух птичках, которые сели ей на голову, но не улетели, а одна подлетела к ее губам и попробовала клюнуть их.

Тот, кому приснился этот сон, не смог выявить никаких ассоциаций в связи с этим, и потому мы можем попробовать интерпретировать его символически. Две груши – *«pommes ou poires»* (яблоки или груши – с франц.) символизировали кормящую материнскую грудь, подоконник символизировал материнское лоно – это же символизируют и балконы в сновидениях о домах. Его чувство реальности после пробуждения было оправданным, потому что мать когда-то действительно кормила его грудью и делала это дольше, чем обычно принято, а к моменту этого сновидения он тоже мог попросить у матери грудь, когда ему этого хотелось[313]. Это сновидение должно было означать вот что: «Мама, дай мне снова свою грудь, которую я раньше сосал». «Раньше» относится к тому моменту, когда его на самом деле угостили грушами, а «снова» символизировало его желание получить угощение снова. *Временное повторение* действия регулярно показано в сновидениях в форме *большего числа объектов.*

Конечно, примечательнее всего то обстоятельство, что символизм уже проявляется в сновидениях четырехлетнего ребенка. Но это – правило, а не исключение. Есть все основания утверждать, что с самого своего возникновения все сновидения символичны.

Вот воспоминание одной дамы, которой сейчас двадцать семь лет, свидетельствующее о том, что символизм в сновидениях и за их пределами появляется в очень раннем возрасте. *Рассказчице было три или четыре годика, когда няня повела ее, ее брата, который был младше на одиннадцать месяцев, и их двоюродную сестру, младше их на полгода, в уборную, чтобы они там сходили по-маленькому перед прогулкой. Рассказчица, как самая старшая, села на унитаз, а маленькие сели на горшки. Тогда она спросила у двоюродной сестры: «У тебя тоже спереди мешочек? А у Вальтера сосисочка. А у меня – мешочек». Ее двоюродная сестра ответила: «И у меня тоже спереди мешочек». Няню это страшно рассмешило, но когда она пересказала этот разговор их маме, та сделала ей строгий выговор.*

Здесь я приведу пример сновидения, которое был описано в работе Алфреда Робицека (Alfred Robitsek, 1912), пример красивого символизма, благодаря которому можно истолковать это сновидение, практически не опираясь на помощь того, кому оно приснилось.

X. «Символизм в сновидениях здоровых людей» [1914]

«Одно из возражений, которое выдвигают противники психоанализа и которое выразил Хэвлок Эллис (Havelock Ellis, 1911), заключается в том, что символика в сновидениях может быть продуктом деятельности сознания нездорового человека, а у нормальных людей такого не наблюдается. В настоящий момент в области исследований по психоанализу не выявлено фундаментального различия между работой здорового и нездорового, невротического сознания, а лишь их количественные параметры. И, безусловно, анализ сновидений, в котором подавляемые комплексы проявляются как у здоровых, так и у больных людей, демонстрирует абсолютную идентичность и их механизмов, и их символики. Наивные сновидения здоровых людей очень часто содержат в себе более простые, более четкие и ясные и характерные символы, чем те, что проявляются в сновидениях невротиков, поскольку у вторых в результате более интенсивного вмешательства цензуры, а вследствие этого и более значительных искажений в сновидении, символы могут быть туманными и сложными для интерпретации. Записанный далее сон станет тому примером. Он приснился девушке здоровой, но очень целомудренной и замкнутой. Из разговора с ней я понял, что она обручена, хотя свадьба откладывается в силу ряда обстоятельств. Она сама рассказала мне про это сновидение.

«Я украшаю центр стола цветами к дню рождения». Отвечая на мой вопрос, она уточнила, что в этом сновидении она, похоже, была у себя дома (где в данный момент не живет) и «ощущала прилив счастья».

«Обывательская» символика помогла мне интерпретировать это сновидение без ее помощи. Она мечтала выйти замуж, стол с цветами в центре символизировал ее саму и ее гениталии, она надеялась, что ее мечты сбудутся, потому что ее мысли были посвящены будущему ребенку – на момент рассказа свадьба была уже позади.

Я указал ей на то, что «центр стола» – это какое-то странное выражение (она согласилась с этим), но дальше не решился расспрашивать. Я старательно избегал всего, что могло бы подсказать ей значение этих символов, и просто спросил, что ей вспомнилось в связи с каждым из фрагментов этого сна. Во время анализа сновидения она сначала держалась скованно. А потом стала испытывать живой интерес к его интерпретации, стала более открытой, и у нас состоялся серьезный разговор.

Когда я спросил, что это были за цветы, она ответила: «Дорогие, за них было заплачено много денег» – и добавила, что это были «лилии, фиалки и гвоздики». Я предположил, что лилии в народе символизируют чистоту, она согласилась с этим, потому что считала, что «лилии ассоциируются с чистотой». Женщинам часто снятся «долины», и сочетание этих двух символов использовалось в символизме сновидения, чтобы подчеркнуть, как важна была невинность для этой девушки – «дорогие цветы, за них было заплачено много денег», и так она подчеркивала, что ее будущий муж должен оценить ее целомудрие по достоинству. Фраза о «дорогих цветах» и т. д., как мы убедимся далее, имеет совершенно иное значение в отношении всех трех видов цветов.

«Фиалки» весьма асексуальны; но я могу смело раскрыть секретное значение этого слова, если свяжу его с французским, которое звучит похоже – «viol» – «изнасилование». К моему удивлению, эта дама тоже увидела между ними связь. В сновидении проявилось сходство двух похожих друг на друга по звучанию слов – «violet» (фиалка) и «violate» (насиловать). Их произношение различается лишь в ударении – и на языке цветов мысли этой девушки в сновидении были о лишении невинности (дефлорация – еще одно «цветочное» слово-символ) и связанным с этим физическим насилием, возможно, свидетельствуя о присутствии мазохизма в ее характере. Фраза «за них было заплачено много денег» обозначала, что ей придется дорого заплатить – собственной жизнью – за то, чтобы стать женой и матерью.

Что касается *«розовых цветов»,* которые она потом назвала *«гвоздиками»,* я подумал о связи их со словом «carnal» – плотский, чувственный, сексуальный. Но у самой рассказчицы возникла ассоциация «color» – «цвет». Она сообщила, что именно гвоздики дарил ее жених, часто и помногу. А потом она вдруг призналась, что сказала неправду: она подумала не про «color» – «цвет», а «incarnation» – «воплощение», а вот именно этого-то слова я и ожидал. Между прочим, ассоциация со словом «цвет» была не такой уж отдаленной, но была обусловлена значением слова «carnation» – «гвоздика», которое выражало мысль о плоти и цвете и тот же самый комплекс. Эта неискренность пациентки продемонстрировала, что в этот момент она максимально сопротивлялась анализу, и это доказывало, что именно этот символизм был самым

выразительным, и противостояние между либидо и его проявлениями наиболее интенсивно выражало фаллические мотивы. Комментарий именно об этих цветах, которые дарил ее *жених,* был связан не только с гвоздиками, но и их фаллическим значением в ее сновидении. Цветы в подарок, волнующая деталь сна, связанная с событиями ее реальной жизни, должны были символизировать обмен подарками с сексуальным подтекстом: она дарила свою девственность, а в ответ ожидала полноценную эмоциональную и сексуальную жизнь. И здесь та фраза *«дорогие, за них было заплачено много денег»* имела значение, связанное с финансами. Итак, цветочный символизм в этом сновидении выражал девственную женственность, мужественность и мысли о дефлорации, сопряженные с насилием. Здесь необходимо заметить, что в связи с сексуальным символизмом цветов, который очень часто возникает и в других контекстах, изображает сексуальные органы человека, аналогичные частям цветов, связанным с размножением. Возможно, и правда, цветы в подарок между любящими людьми несут в себе это подсознательное значение.

«День рождения, к которому она готовилась во сне, без сомнения, был днем рождения будущего ребенка. Она идентифицировала себя со своим *женихом,* и он символически «украшал» ее для рождения – то есть для соития с ним. Скрытая мысль здесь была, возможно, вот какая: «На его месте мне бы не терпелось скорее сделать это – и я бы лишила возлюбленную невинности даже без ее разрешения – насильно». Потому и возникло слово «violate» – «насиловать», и в этом выразился садистский компонент либидо.

В более глубоком слое сновидения фраза «я украшаю…» должна быть аутоэротической, то есть нести в себе инфантильное значение.

В этом сне она призналась себе в том, что ощущает себя физически дефективной, она напоминает сама себе не украшенный стол, именно из-за этого так подчеркивается, каким драгоценным был его «центр» – в другом случае она рассказывала про это сновидение, употребив выражение «центральный букет цветов» – то есть свою девственность. То, что стол горизонтальный, должно быть, усиливало эту символику.

При изучении сна нужно быть очень внимательным, здесь важна каждая деталь, каждое слово – это символ.

Потом она добавила к описанию этого сна еще одну деталь: *«Я обвязала букет зеленой гофрированной бумагой».* Она добавила, что это была *декоративная* бумага, в которую обычно заворачивают скучные цветочные горшки. Потом она еще объяснила: *«Я сделала это для того, чтобы спрятать некрасивые части букета, чтобы не было видно того, что некрасиво, там был такой просвет между цветами. А эта бумага напоминала бархат или мох».* К слову «украшать, декорировать» она подобрала ассоциацию «декорум – то есть «приличие», как я и предполагал. Она сказала, что во сне было много зеленого цвета, а ее ассоциацией с зеленым цветом была «надежда» – еще один намек на беременность. В этой части сновидения самое основное – это не идентификация спящей с мужчиной, здесь в полную мощь выражают себя мысли о *«стыде»* и *«самораскрытии».*

В этом сне выразились те мысли, которые эта девушка в состоянии бодрствования не осознавала, – о чувственной любви и связанными с ней частями тела. Она «украшала себя ко дню рождения» – то есть с ней совершали соитие. Страх перед дефлорацией выражался в том числе и в мысли о страдании, которое связано с удовольствием. Она признавалась себе в своей физической ущербности и компенсировала эти мысли завышенной оценкой своей девственности. От стыда она, в качестве извинения за чувственные мысли, подчеркивала, что все это нужно было для рождения ребенка. Соображения материального характера, чуждые влюбленным, тоже здесь проявились. Аффект, привязанный к этому простому сновидению, – ощущение счастья – свидетельствовал о том, какие мощные эмоциональные комплексы в нем выражались.

Ференци (1917) справедливо указал на то, что значение символов и значение сновидений можно особенно легко выявить на основе толкования сновидений тех людей, которые не были спровоцированы в ходе психоанализа.

Здесь я приведу пример сновидения, в котором фигурирует наш современник. Я поступаю так потому, что в нем объект, который обычно символизирует мужской орган, имеет гораздо более широкое значение, чем явно выраженный намек на фаллический символ. Когда кто-то едет на хлысте, который вырастает до гигантских размеров, навряд ли вызовет иные ассоциации, чем эрекция. Но кроме этого, это сновидение великолепно демонстрирует, как серьезные мысли,

лишенные всякой сексуальной подоплеки, могут быть выражены с помощью инфантильного сексуального материала.

XI. Сон Бисмарка [1919][314]

В своей работе «Gedanken und Erinnerungen» – «Мысли и воспоминания» (Bismark, 1898, т. 2, с. 194) Бисмарк упоминает о своем письме императору Вильгельму I от 18 декабря 1881 г., где есть такая фраза: *«Общение с Вашим Величеством воодушевило меня на то, чтобы рассказать про один сон, который посетил меня весной 1863 года, в самые трудные дни Конфликта, когда ничей взор не мог увидеть выхода из него. Мне приснилось (о чем я наутро рассказал моей жене и некоторым другим свидетелям этого разговора), что я ехал по узкой тропинке в Альпах, справа от меня была пропасть, слева – крутые скалы. Дорожка становилась все уже, и конь заартачился и отказывался идти дальше, повернуть вспять или спешиться было невозможно, потому что там было очень тесно. Тогда, взяв хлыст в левую руку, я ударил по скале и призвал на помощь Господа. Хлыст тут же вытянулся до невиданных размеров, скала обрушилась, словно часть декорации, и передо мной открылся широкий путь, стали видны холмы и леса, похожие на те, что есть в Богемии, там были прусские войска со знаменами, и даже в моем сновидении меня посетила мысль о том, что мне нужно сообщить Вашему Величеству про этот сон. Этот сон сбылся, и я проснулся счастливый и исполненный сил».*

Это сновидение распадается на два фрагмента. В первой части спящий оказывается в *безвыходном положении,* а во второй он чудесным образом из него выходит. Трудное положение, в котором оказались всадник и его конь, соответствует критическому положению, в котором оказался политический деятель, о котором он предавался горьким размышлениям, обдумывая свою стратегию действий вечером накануне. В этом отрывке, о котором говорит сам Бисмарк, он использует то же самое сравнение (о невозможности «выхода»), когда описывает свою беспомощность в данный момент. Для него значение этого образа в сновидении было очевидным. Здесь перед нами блестящий пример того, что Зильберер охарактеризовал как «функциональный феномен. Процесс, который происходит в сознании спящего, – когда все посещающие его мысли наталкиваются на непреодолимое препятствие, а прекратить размышления на эту тему он не может, – были весьма уместно изображены как всадник, который не мог двигаться ни вперед, ни назад. Его гордость, которая не давала ему ни сдаться, ни отступить, выразилась в фразе *«повернуть вспять или спешиться было невозможно».* Как человек действия, который постоянно должен был активно выражать свою волю и действовать во благо окружающих, Бисмарк, скорее всего, легко мог представить себя в образе коня; и он часто использовал подобные идиомы, говоря о себе: «Добрый конь должен умереть в сбруе». А потому фраза о том, что *«конь заартачился и отказывался идти дальше»,* свидетельствовала о том, что государственный деятель, утомленный своими насущными делами, должен был получить от них отдых или, иными словами, он освободил себя от бремени забот, на время погрузившись в сон. Явно выраженное во второй части сновидения осуществление желания проявляется во фразе про тропинку в Альпах. Без сомнения, Бисмарк к тому времени уже знал, что следующий свой отпуск он великолепно проведет в Альпах – в Гаштейне; потому это сновидение, передавая этот смысл, освобождает его одним ударом хлыста от бремени государственных дел.

Во второй части этого сновидения желания спящего сбылись в двух образах: явно и очевидно и, кроме того, в символической форме. Их осуществление выразилось символически в том, что скала обрушилась и открылся широкий путь – «выход», к которому он стремился, в самой удобной форме. И это явно выразилось в том, что его взору предстали прусские войска. Чтобы объяснить этот вещий сон, нет необходимости конструировать мифические гипотезы: для этого вполне достаточно теории Фрейда об осуществлении желаний. Поскольку это сновидение выражало осуществившимся это желание, как это утверждает Фрейд, когда спящий увидел прусскую армию с развевающимися знаменами в Богемии, то есть в стране врага. Единственная особенность в данном случае заключается в том, что человек, которому приснился этот сон, не считал, что достаточно осуществления этого желания лишь во сне, он знал, как этого добиться и *наяву.* Есть один момент, который покажется поразительным всем, кто знаком с психоаналитической техникой интерпретации хлыста для верховой езды, который вырос до

«гигантских размеров». Хлысты, палки, кавалерийские пики и похожие на них объекты знакомы нам как фаллические символы; но когда у хлыста начинает проявляться самая типичная характеристика фаллоса, сомнений уже не остается. Преувеличение этой характеристики, когда он «разрастается до гигантских размеров», похоже, связано с детской склонностью все преувеличивать (hypercathexis)[315]. Спящий взял хлыст в левую руку, что является указанием на мастурбацию, не с учетом нынешней жизненной ситуации спящего, конечно, а в качестве остаточного воспоминания детских лет. Интерпретация Штекелем понятий «лево» и «право» (Dr. Stekel, 1909), когда то, что слева, ассоциируется с тем, что неправильно, запрещено и порочно, здесь очень к месту, поскольку именно так относятся к детской мастурбации, запрещая ее. В этом сновидении существует глубинный слой, относящийся к детству, и самый поверхностный, который был связан с ближайшими планами этого государственного деятеля, и возможно выделить промежуточный слой, который связан и с первым, и со вторым. Весь эпизод этого чудесного освобождения от неприятной ситуации с помощью удара по скале и призыва о помощи к Богу удивительно напоминает библейский эпизод, когда Моисей ударил по скале, когда народ Израиля страдал от жажды. Мы можем безошибочно утверждать, что этот эпизод был досконально знаком Бисмарку, который вырос в семье протестантов, хорошо знавших Библию. Вполне вероятно, что во время политического конфликта Бисмарк сравнивал себя с Моисеем, вождем народа, которому те, кого он спас, отплатили бунтом, ненавистью и неблагодарностью. Здесь мы снова видим связь с теми желаниями, которые испытывал спящий. Но и отрывок из Библии содержит некоторые детали, которые связаны с фантазиями о мастурбации. Моисей схватил палку перед лицом Господа, и тот наказал его за этот проступок, возвестив, что он умрет, не увидев Земли Обетованной. Запрет на то, чтобы взять в руки палку (однозначно фаллический символ), получение жидкости от удара ею, угроза смерти – в этих образах объединены характеристики мастурбации. Мы можем с интересом наблюдать за процессом ревизии, когда две эти гетерогенные картины наложились друг на друга (возникая в сознании гениального политика и оживая как воспоминания о годах далекого детства), и это уничтожило все, что причиняло спящему беспокойство. То, что хватать палку нельзя и что это было актом протеста, больше никак не проявляется, разве что только движение производится *левой*рукой. С другой стороны, Господь появился в явном содержании сновидения, словно всячески отрицая любую мысль о запрете или о тайне. Из двух пророчеств господа Моисею – что тот видит Землю Обетованную, но не войдет в нее, – первое было выражено в ярком образе – «вид на холмы и леса», а второе, очень грустное, никак здесь не фигурировало. Вода, возможно, отсутствовала как образ, в силу соображений, связанных со вторичной ревизией (образов во сне. – *Примеч. пер.),* и так обе сцены этого сновидения гармонично слились в единое целое; вместо образа воды в Библии обрушилась сама скала.

Нам следует ожидать, что в конце фантазии о мастурбации в детском возрасте, где возникает тема запрета, ребенку бы захотелось, чтобы его знакомые взрослые люди, наделенные властью, ничего бы не узнали о том, что он сделал. Во сне это выражено прямо противоположным образом, желанием немедленно доложить обо всем государю. Но такая фантазия великолепно и беспрепятственно встроилась в фантазию о победе в поверхностном слое этого сновидения, и там, где проявлялось его непосредственно доступное наблюдению содержание. Такая мечта, как победа или завоевание, часто маскирует стремление к эротической победе; некоторые черты этого сновидения, например, препятствие на пути, которое он преодолел с помощью увеличившегося в размерах хлыста, и дорога открылась перед ним, может на это указывать, но нет достаточных оснований утверждать, что определенный склад мыслей такого рода пронизывает все это сновидение. Это прекрасный пример абсолютного искажения в сновидении. Все подозрительное в нем подверглось такой переработке, что оно никогда не пробилось на поверхность, которая закрыла его, как защитным слоем. Вследствие этого никакого беспокойства оно не вызвало. Это сновидение – идеальный пример успешно осуществившегося желания, без нарушения цензуры в сновидении; и неудивительно, что после него человек проснулся «счастливым и полным сил».

И вот последний пример.

XII. Сон химика [1909]

Он приснился молодому человеку, который хотел прекратить мастурбировать и вступить в сексуальные отношения с женщинами.

Преамбула. Накануне этого сновидения он рассказывал студенту о химической реакции Гринарда, где магнезия растворяется в абсолютно очищенном эфире благодаря каталитическому действию йода. За два дня до того, когда проделывали ту же химическую реакцию, произошел взрыв, и одному из сотрудников обожгло руки.

Сновидение. (I) *Ему нужно было подготовить фенил-магнезиум-бромид. Он четко видел химическое оборудование, но использовал себя вместо магнезии. Он был в чрезвычайно нестабильном состоянии. Он говорил себе: «Все в порядке, все получается, мои ноги уже растворяются, мои колени размягчаются». Потом он дотянулся до ступней и ощупал их. В это время (каким образом, он не знает) он вытянул ноги из сосуда, в котором находился, и снова сказал себе: «Что-то не то. А, нет, все в порядке». Здесь он наполовину проснулся и снова обратился к самому себе во сне, чтобы потом рассказать мне об этом. В полусне он был весьма возбужден и все повторял: «Фенил, фенил».*

(II) Он что-то делал в кругу своей семьи, а потом ему нужно было прийти в Шоттентор[316]*, чтобы встретиться с дамой. Но он проснулся только в половине двенадцатого и сказал себе: «Уже слишком поздно. Ты туда доберешься только к половине первого». А потом он увидел, как вся его семья собралась за столом, он особенно отчетливо видел свою мать и служанку, которая несла тарелку супа. Тогда он подумал: «Ну вот, все уже сели обедать, слишком поздно мне куда-то идти».*

Анализ. У него не было сомнений, что даже первая часть его сновидения как-то была связана с дамой, с которой у него было назначено свидание. (Этот сон ему приснился накануне назначенного *свидания.)* Студент, которому он объяснял химическую реакцию, казался ему особенно неприятным. Химик сказал ему: «Это неправильно», потому что с магнезией никаких изменений не произошло. А студент, как ни в чем не бывало, ответил на это: «Нет, все в порядке». В образе этого студента он видел самого себя, потому что ему точно так же не было никакого дела до успешного лечения с помощью психоанализа, как этому студенту не была интересна химическая реакция. А «он», который выполнял химический опыт во сне, – был я, врач. Как же мне должно быть неприятно, что ему нет дела до нашего лечения!

С другой стороны, сам этот пациент и был тем материалом, который использовался в ходе психоанализа (и химической реакции во сне). Под вопросом был положительный исход курса лечения. Ноги во сне напомнили ему о событиях вечера накануне. У него был урок танцев, и он увидел даму, которую ему очень захотелось покорить. Он так прижал ее к себе во время танца, что она вскрикнула. Когда он отстранился от ее ног, то почувствовал, как она откликнулась на его движение ног на уровне колен, – и это отразилось в его сновидении. Поэтому в этом смысле магнезией в его реторте из сна была эта женщина – в конце концов, что-то стало получаться. Если с женщиной все получалось, значит, и лечение было успешным. Его ощущения в теле и в области колен указывали на мастурбацию и соответствовали его усталости после завершившегося дня накануне. Его встреча с этой дамой была назначена на половину двенадцатого. Его желание не ходить туда и для этого проспать, оставшись со своими сексуальными объектами дома (то есть продолжать мастурбировать), соответствует его сопротивлению.

В связи с тем, что он все время повторял «фенил, фенил», он сказал мне, что ему всегда нравились эти радикалы, название которых оканчивалось на «ил», потому что с ними всегда было так легко: бензил, ацетил и т. д. Это ничего не объясняло. Но когда я в качестве другого радикала предложил ему слово «шлемихл»[317], он от души расхохотался и рассказал, что летом прочел книгу Марселя Прево, где была глава под названием «Les exclus de l'amour» (нелюбимые – с франц.), и там были намеки на «шлемихлов». Когда он прочел это, то сказал себе: «Вот, именно такой я и есть». И если бы он не пошел на свидание, то это тоже было бы происшествие в стиле «шлемихла» – неудачника и растяпы.

Может показаться, что возникновение сексуального символизма в сновидениях уже получило экспериментальное подтверждение в работах К. Шреттера (K. Schrotter), который проводил проверку подобных предположений. В состоянии глубокого транса Шреттер давал пациентам установки, и в результате этого возникали сновидения, большая часть содержания которых была обусловлена этими установками. Если он давал установку о том, что пациенту должен

присниться сон о нормальном или извращенном сексуальном сношении, то в возникшем вследствие этого сновидении возникали образы, знакомые нам по психоанализу, в которых отражался этот сексуальный материал. Например, когда женщине давали установку на гомосексуальное сновидение, в котором бы участвовали она и ее подруга, то подруга ей приснилась с потрепанной дамской сумочкой в руке, на которой было написано: «Только для женщин». Та, которой это приснилось, заявила, что не имеет ни малейшего представления о символике снов и их интерпретации. Но на нашем пути возникают трудности, когда необходимо сформировать мнение о ценности этих интересных экспериментов, потому что, к несчастью, по окончании этих экспериментов Шреттер покончил с собой. Единственные записи о них можно найти во вступительных заметках к этому эксперименту, опубликованных в периодическом издании под названием «Zentrablatt fur Psychoanalyse» («Вестник психоанализа») (Schrotter, 1912) [1914].

Похожие данные были получены Роффенштайном в 1923 г. Некоторые эксперименты Бетлхайма и Хартманна (1924) представляют особый интерес, потому что в них не задействован гипноз. Во время этих экспериментов пациентам, страдавшим синдромом Корсакова, и затем наблюдали за искажениями в сновидениях, которые возникали, когда пациенты в состоянии спутанного сознания эти анекдоты воспроизводили. Было обнаружено, что знакомые нам по интерпретациям сновидений символы там снова присутствовали (подъем по ступенькам, нанесение ударов кинжалом и выстрелы как символы копуляции, ножи и сигареты как символы пениса). Авторы придавали особое внимание возникновению образа лестницы, поскольку, как они смогли заметить, «в отношении подобного символа не возникало явного стремления исказить его» [1925].

Лишь в наши дни, после того как мы должным образом оценили важность символизма в сновидениях, мы можем вернуться к теме типичных сновидений, которую уже затрагивали выше [1914]. Я полагаю, что мы обоснованно распределили такие сновидения на два класса: те, у которых на самом деле одно и то же значение, и те, которые, несмотря на одинаковое или схожее содержание, могут быть интерпретированы самыми разнообразными способами. К типичным сновидениям первого класса, с которыми я уже имел дело, можно отнести сновидения об экзаменах [1909]. Сновидения об опоздании на поезд следует сравнить со сновидениями об экзаменах, поскольку в их основе лежит сходный аффект, а их объяснение доказывает, что у нас есть все основания утверждать это. Это сны, в которых выражается стремление утешить тех, кого во сне беспокоит нечто другое – страх смерти. «Отъезд» и начало путешествия – это один из самых распространенных и наиболее признанных всеми символов смерти. В снах, когда мы куда-то опоздали, нас словно утешают: «Не бойся, ты не умрешь (не отправишься в это путешествие), в этот раз никакого вреда», а в сновидениях про экзамены нам словно говорят: «Не бойся, ничего страшного тебе и в этот раз не будет». Трудность в понимании этих двух видов сновидений заключается в том, что чувство беспокойства связывается именно с самим выражением этого утешения [1911][318].

Значение сновидений, которые были обусловлены ощущениями в зубах (дентальным стимулом), которые я часто подвергаю анализу у моих пациентов, долго озадачивало меня, потому что в этот момент, к моему удивлению, у пациентов всегда возникало отчаянное сопротивление психоанализу. Неопровержимые доказательства этого значения заставили меня предполагать, что у мужчин эти образы в сновидениях, связанные с зубами, были спровоцированы ранними воспоминаниями о мастурбации в подростковом возрасте. Я проанализирую два подобных сновидения, одно из них связано с «полетом». Оба они посетили одного и того же молодого человека, у которого наблюдалась явная склонность к гомосексуализму, которая в реальной жизни была подавлена. *Он слушал оперу «Фиделио» и сидел в партере рядом с господином Л., который был ему близок по духу и с которым он хотел бы подружиться. Внезапно этот человек пролетел по воздуху над партером, засунул руку в рот тому, кто рассказывал про это сновидение, и вырвал ему два зуба.*

Этот полет выглядел так, словно того человека подбросили в воздух. Поскольку на сцене шла опера «Фиделио», то слова

Wie em holdes Weib errungen…[319]

могли показаться уместными. Но тому, кого посетил этот сон, не приходило в голову искать себе жену. А вот две другие строки из оперной арии были более к месту:

Wem der grosse Wurf gelungn,
Eines Freundes Fruend zu sein[320]…

Кто сберег в житейской вьюге
Дружбу друга своего,
Верен был своей подруге, —
Влейся в наше торжество!

(Пер. И. Миримского)

И в этом сновидении, фактически, содержалось это «великое деяние», которое было не только изображением осуществившегося желания. Здесь также присутствуют горестные размышления о том, что тому, кто видел этот сон, не везло в дружбе, и его «вышвыривали». А еще в этом сновидении проявляется его страх, что и молодой человек, который сидит с ним рядом, вместе с которым они наслаждаются оперой «Фиделио»[321], тоже отвергнет его. И с чувством брезгливости тот, кому это приснилось, признался, что как-то раз, после того как его отверг один из его друзей, он два раза подряд мастурбировал, потому что его переполняли чувства, которые он не сумел выразить.

Вот его второе сновидение: *его лечили два его знакомых швейцарских профессора, а не я. Один из них оперировал его пенис, и это было страшно. А другой засовывал ему в рот какой-то металлический штырь, и от этого у него вывалились один или два зуба. При этом он был связан двумя шелковыми кусками ткани.*

Нет сомнений, что у этого сновидения есть сексуальный подтекст. Куски шелка напоминали ему о его знакомом гомосексуалисте. У того, кому это приснилось, никогда не происходило соития с мужчинами в реальной жизни, и сексуальное сношение представлялось ему на основе подростковых воспоминаний о мастурбации, реальном происшествии из его жизни. Разнообразные типичные сновидения, связанные с зубами (о том, например, как кто-то вырывает ему зуб и т. д.), могут, как я полагаю, объясняться тем же[322]. Но как же, спросим мы, возникло такое значение у снов про зубы? Я должен привлечь внимание к тому, насколько часто при подавлении сексуальных влечений возникают образы, когда нижняя часть тела заменяется на верхнюю в образах сновидения[323]. Поэтому при истерии включаются все ощущения и намерения – и не там, где они должны на самом деле локализоваться, в области гениталий или относительно друг друга, а направляются на другие части тела. Одним примером такого переноса становится перенос символов бессознательного из области гениталий в область лица. В языке тоже присутствует подобный символизм, например «ягодицы» – «Hinterbacken», дословно обозначают «щечки сзади», то есть часть тела, гомологичная щекам, а также можно провести параллель между «labia» – половыми губами и губами на лице человека. Распространенными также являются сравнения носа с пенисом, особенно в силу присутствия волосяного покрова рядом с обоими. Но зубы не могут стать основой для подобной аналогии, именно это сочетание сходства и различия способствует созданию образов, которые возникают в ситуации подавления сексуальных импульсов.

Я не могу утверждать, что интерпретация сновидений, где фигурируют зубы, в качестве снов о мастурбации – а эта интерпретация представляется мне, безусловно, правильной – прояснилась полностью[324]. Я предоставил все возможные, с моей точки зрения, объяснения, а все остальные вопросы оставлю без ответа. Но я могу привлечь внимание к другой параллели, в области речи. В нашей части света мастурбацию обозначают выражениями «sich einen ausreisen», «sich einen herunterreisen», то есть «тянуть его вверх или вниз»[325]. Мне неизвестно, откуда появилась подобная терминология или на каких образах это основано, но «зуб» очень хорошо вписывается в контекст двух первых фраз.

Существует распространенное мнение о том, что сны о вырванных зубах предсказывают смерть родственников, но психоанализ может трактовать это лишь как шутку, о чем я уже упоминал. Но в связи с этим я расскажу про сновидение, стимулом которого были зубы, о котором мне сообщил Отто Ранк[326]. Одному моему коллеге, который испытывал живой интерес

к проблеме интерпретации сновидений, рекомендовали рассказать мне про вот этот сон, где присутствовали зубы в качестве стимула.

«Некоторое время назад мне приснилось, что я нахожусь на приеме у стоматолога, и он сверлит мне нижний коренной зуб. Он так долго сверлил его, что зуб развалился. Тогда он схватил этот зуб щипцами и выдернул без малейших усилий, что очень меня удивило. Он сказал мне не беспокоиться по этому поводу, потому что на самом деле он лечил мне совсем не зуб, и положил его на стол (мне показалось, что зуб превратился в верхний резец), при этом зуб рассыпался на несколько слоев. Я приподнялся в стоматологическом кресле, с любопытством подошел, чтобы рассмотреть это поближе, и задал вопрос медицинского характера, который заинтересовал меня. Стоматолог стал объяснять мне это, разбирая фрагменты удивительно белоснежного зуба, дробя его (пульверизируя) с помощью какого-то инструмента, сообщив, что зуб связан с пубертатным возрастом и что лишь до подросткового возраста зубы можно так легко удалить, а у женщин принципиальным фактором становится рождение ребенка».

И тогда я осознал (видимо, еще во сне), что это сновидение было спровоцировано поллюцией, которую я в точности не могу привязать к конкретному фрагменту сновидения, я склонен думать, что она произошла именно в тот момент, когда мне приснилось, что мне вырвали зуб.

«И я снова заснул, и мне что-то такое приснилось, о чем я не могу вспомнить, но в конце его мне приснилось, что я где-то забыл свою шляпу и пальто (может быть, в гардеробе у стоматолога), и надеялся, что кто-то мне их принесет, а потом я страшно спешил сесть в уходящий поезд, и одет был только в пиджак. В последний момент я вскочил на подножку вагона, где уже кто-то стоял. В вагон я попасть не сумел, и мне так и пришлось ехать в крайне неудобном положении, но потом я смог с этим справиться, когда поезд вошел в туннель, и два встречных поезда прошли сквозь наш поезд, словно он сам был туннелем. И оказалось, что я смотрю в окно вагона, как будто я уже оказался внутри».

Вот какие события и мысли дня накануне содержат материал, необходимый для интерпретации этого сновидения.

(I) Я действительно недавно лечился у стоматолога, и во время этого сна испытывал продолжительную зубную боль в нижней челюсти, там, где мне сверлили зуб и где стоматолог действительно работал дольше, чем мне бы хотелось. Наутро того дня, после которого мне все это приснилось, я снова был вынужден пойти к стоматологу, потому что меня мучили боли, и он предложил мне удалить другой зуб в той же челюсти, предположив, что именно он и является источником этой боли. Это был «зуб мудрости», который я тогда стачивал. И я в связи с этим задал ему некоторые вопросы медицинского характера.

(II) В середине того же дня мне пришлось извиниться перед одной дамой за то, что раздражительно вел себя из-за моей зубной боли; в ответ она рассказала мне, что сама боится вырывать корень зуба, коронка которого практически полностью разрушилась. Она опасалась, что удалять «глазной зуб» особенно больно и опасно, хотя кто-то из ее знакомых сказал ей, что верхние зубы удалять проще, а у нее проблема была именно с верхним зубом. Еще этот знакомый ей рассказал, что ему под наркозом удалили совсем не тот зуб, который надо, и от этого дама еще больше боялась предстоящей стоматологической операции.

Потом она спросила у меня, что такое «глазные зубы» – коренные или клыки – и что о них известно. Я рассказал ей о суевериях по этому поводу, но при этом подчеркнул, что в обывательских воззрениях на эту тему есть и зерно истины. А потом она напомнила мне про одно старое распространенное поверье – что если у беременной женщины разболится зуб, то у нее родится мальчик.

(III) Это поверье заинтересовало меня в связи с тем, что Фрейд утверждает в своей книге «Толкование сновидений» по поводу типичных снов, спровоцированных зубными стимулами, что, по его мнению, символизирует мастурбацию, поскольку по поверью, о котором мне рассказала эта дама, зуб и мужские гениталии (или гениталии мальчика) тоже были как-то связаны друг с другом. Вечером того же дня я прочел соответствующий фрагмент книги «Интерпретация сновидений» и там, помимо всего прочего, обнаружил вот какие утверждения, которые оказали влияние на мое сновидение, и это так же ясно, как и факт воздействия на него предыдущих двух упомянутых мной эпизодов. Фрейд пишет о том, что в сновидениях, связанных с зубным стимулом, «у мужчин мотив этих снов обусловлен ничем иным, кроме как желанием мастурбировать в подростковый период». И далее: «Разнообразные типичные

сновидения, связанные с зубами (о том, например, как кто-то вырывает тебе зуб, и т. д.), могут, как я полагаю, объясняться тем же. Я должен привлечь внимание к тому, насколько часто при подавлении сексуальных влечений возникают образы, когда нижняя часть тела заменяется на верхнюю в образах сновидения». (А в моем сновидении с нижней челюсти – на верхнюю.) Поэтому при истерии включаются все ощущения и намерения – и не там, где они должны на самом деле локализоваться, в области гениталий или относительно друг друга, а направляются на другие части тела, которые не вызывают желание выразить протест. Одним примером такого переноса становится перенос символов бессознательного из области гениталий в область лица. В нашей части света мастурбацию обозначают выражениями «sich einen ausreisen», «sich einen herunterreisen», то есть «тянуть его вверх или вниз»». В молодости мне приходилось слышать подобные выражения для описания мастурбации, а неопытному интерпретатору сновидений будет сложно разобраться в этом материале, который лежит в основе такого сновидения. Я только добавлю, что легкость, с которой удалили зуб в этом сновидении, превратившийся после удаления из коренного в верхний резец, напомнил мне про один случай из моего детства, когда я легко и безболезненно выдернул себе верхний расшатавшийся молочный зуб. Это событие, которое я и сегодня ярко помню во всех деталях, относится к тем дням, когда я впервые осознанно начал заниматься мастурбацией. (Это было покрывающее воспоминание.)

Отношение Фрейда к мнению Юнга о том, что «сновидения у женщин, где фигурирует зуб в качестве стимула, связаны с рождением детей», и распространенная примета о зубной боли у беременных женщин имеет значение в связи с противопоставлением в сновидении между женщинами и мужчинами в пубертатном возрасте. В связи с этим я вспоминаю один старый сон, который посетил меня вскоре после лечения у стоматолога, где мне приснилось, что золотые коронки, которые мне только что поставили, вывалились. Это меня чрезвычайно огорчило, потому что лечение обошлось мне недешево, и я еще не компенсировал затраченные на лечение средства. Этот другой сон стал мне понятен (в связи с некоторыми событиями из моей жизни) в качестве признания того, что мастурбация обходится дешевле, чем реальные любовные отношения с другим человеком: второе, с экономической точки зрения, менее желательно (отсюда и сон про золотые коронки)[327].

Итак, большая часть интерпретации, предложенная моим коллегой, наводит на интересные размышления, и я полагаю, что они не вызывают возражений. К этому мне нечего добавить, разве что некоторые комментарии к последней части сновидения. Похоже, что в нем изображен переход от мастурбации к настоящим сексуальным взаимоотношениям, которые, вероятно, вызывали серьезные трудности (туннель с двумя встречными поездами), а также были связаны с опасностью (беременность и пальто). Здесь у спящего в сознании обыгрываются вербальные связки, которые построены на игре слов – «Zahnziehen» (Zug) – выдергивание зубов (поезд) и «Zahn-reissen» (Reisen) – выдергивать зуб (путешествовать).

С другой стороны, теоретически этот пример сновидения представляется мне интересным с двух точек зрения. Во-первых, он подтверждает открытие Фрейда, что эякуляция во сне может совпадать с появлением в сновидении темы удаления зуба. В какой бы форме ни возникало выделение спермы, мы должны рассматривать это как получение удовольствия от мастурбации, которая возникла без какой бы то ни было механической стимуляции. Более того, в данном случае удовлетворение при этом, как и всегда, направлено на объект, хотя он и существует только в воображении, но сам объект не существует, если так можно выразиться. Он абсолютно аутоэротичен или, как это было убедительно продемонстрировано, обладает гомосексуальными оттенками (в отношении стоматолога).

Второй момент, который заслуживает здесь внимания, заключается вот в чем. Можно было бы со всеми основаниями утверждать, что вовсе необязательно рассматривать данный случай в качестве подтверждения точки зрения Фрейда, поскольку события предыдущего дня сами по себе помогали понять содержание этого сновидения. Посещение стоматолога, разговор с дамой и чтение «Интерпретации сновидений» – этого вполне достаточно для того, чтобы объяснить, откуда взялось это сновидение, особенно если во время сна у человека болели зубы; это даже могло бы объяснить, если это необходимо, как сновидение было связано с зубной болью во время сна – когда во сне больной зуб вырывали и при этом гасили в либидо те болевые ощущения, которых опасался спящий. Но даже если мы так все это объясним, нельзя всерьез полагать, что просто чтение книги Фрейда само по себе могло помочь спящему связать в

сновидении удаление зуба и акт мастурбации или даже как-то активизировать связь между этими действиями, разве что она уже давно существовала, как признавал и сам человек, рассказавший про это сновидение (sich einen aussreisen). Эта связь могла быть обусловлена не только разговором с дамой, но и теми обстоятельствами, о которых он впоследствии упоминал. Поскольку, читая «Толкование сновидений», он по понятным причинам не хотел верить в типичное значение сновидений про зубы и хотел знать, не относилось ли оно вообще к такого рода сновидениям. Это сновидение подтверждает тот факт, что утверждение Фрейда верно, по крайней мере в отношении рассказчика, потому понятно, отчего у него в связи с этим возникали сомнения. В этом смысле в его сновидении присутствовало осуществление желания – а именно желания убедить себя, к чему это сновидение относилось, и ценности точки зрения Фрейда.

Ко второй группе типичных сновидений относятся те, в которых человек летит или парит в воздухе, падает с большой высоты, плывет и т. д. Что обозначают такие сны? Дать универсальный ответ на это невозможно. Как мы убедимся, они в каждом случае имеют различное значение, это лишь сырой материал, сотканный из ощущений, который всегда восходит к одному и тому же источнику [1909].

Информация, полученная мной в ходе психоанализа, убеждает меня в том, что и в этих сновидениях воспроизводятся события детства; они связаны с подвижными играми, которые дети так любят. Разве найдется такой дядюшка, который бы не брал малыша на руки, заставляя его парить по комнате, как самолет, или не качал бы его на коленях. А потом делал вид, что роняет его; не подбрасывал бы его в воздух, делая вид, что сейчас не поймает. Детям это очень нравится, они просят, чтобы с ними так играли еще и еще, особенно если это немного страшно или от такой игры у них дух захватывает. А потом им это снится; но во сне не видно рук, которые подбрасывали их в воздух, человеку кажется, что он летит или парит в воздухе сам по себе. Все знают, как радуют детишек такие игры (а еще им нравятся качели и карусели); когда они видят акробатические трюки в цирке, в их памяти оживают подобные эпизоды. Иногда во время истерических припадков у мальчиков такого рода забавы повторяются, и весьма мастерски. Очень часто бывает, что во время такого рода подвижных игр, вроде бы невинных, возникают сексуальные ощущения. Детская борьба друг с другом (Hetzen), если я могу использовать такое распространенное слово для обозначения подобного рода забав, повторяется в сновидениях о полете, свободном парении в воздухе, о волнующих ситуациях, от которых дух захватывает, и т. д.; но приятные чувства, которые сопровождают такие переживания, превращаются в беспокойство. И каждая мать знает, что такие подвижные игры между детьми часто переходят в ссоры и слезы [1900].

Итак, у меня есть веские основания для того, чтобы опровергнуть теорию о том, что сны о полете или парении в воздухе обусловлены тактильными ощущениями во сне или расширениями наших легких и т. д. С моей точки зрения, здесь воспроизводятся фрагменты воспоминаний: то есть это – содержание сновидений, а не их источник [1900][328].

Такой материал, который состоит из похожих движений и восходит к одному и тому же источнику, используется для выражения самых разнообразных мыслей в сновидении. Когда человеку снится, что он летит или парит в воздухе (это, как правило, ему приятно), это требует самых разнообразных интерпретаций: у каждого человека – по-своему, а у некоторых они похожи. Одной из моих пациенток постоянно снится, что она летит по воздуху, не касаясь ногами тротуара. Она была очень маленького роста и все время боялась заразиться чем-нибудь от других людей. Когда она так летела над улицей, в этом выражались два ее желания – она отрывалась ногами от земли, и ее голова оказывалась в более высоком слое воздуха. А другие женщины рассказывали мне, что «летят, как птицы», кто-то таким образом во сне превращался в ангела, потому что днем вел себя вовсе не по-ангельски. Полет связан с птицами, и потому, когда такой полет снится мужчинам, это имеет глубокое чувственное значение[329], и неудивительно, если при этом рассказчик гордо сообщает о своих воинских доблестях [1909].

Доктор Пауль Федерн (который сначала жил в Вене, а потом в Нью-Йорке) выдвинул интересную теорию о том, что большая часть сновидений, связанных с полетом, это сны, связанные с эрекцией, поскольку – это удивительное явление, которое находится в центре человеческого воображения, словно нарушает законы гравитации (см. в связи с этим изображения крылатых фаллосов в древнем мире) [1911].

Примечательно, что Моурли Волд, беспристрастный исследователь сновидений, не склонный к интерпретациям какого бы то ни было рода, также согласен с эротическим характером сновидений с полетами (Vold, 1910–1912). Он полагает, что «эротический фактор выступает в качестве мощнейшего мотива сновидений, связанных с полетами». И привлекает внимание к ярким ощущениям вибрации в теле, которое сопровождает подобные сновидения, подчеркивая, что они часто связаны с эрекцией и поллюциями [1914].

А когда человеку снится, что он падает, это чаще всего вызывает у него беспокойство. Интерпретировать это сновидение у женщин нетрудно, так как оно почти всегда символически изображает желание противостоять эротическому искушению. И мы еще не все рассказали о влиянии детских воспоминаний на сновидения о падении с высоты. Почти с каждым ребенком бывало так, что он упал, его подняли и ласково потормошили; или он во сне выпал из кроватки, и его взяла к себе в постель его мама или няня [1909].

Те, кому часто снится, что они плывут, радостно рассекая волны, и т. д., как правило, в детстве мочились в постель, и во сне у них повторяется то удовольствие, от которого они со временем научились воздерживаться. Мы скоро убедимся на более чем одном примере, что именно изображается в подобных сновидениях о плавании [1909].

Интерпретация снов о пожаре показывает, что в них изображается запрет детям «играть с огнем» и не мочиться ночью в постель. Потому что это тоже может быть связано со скрытыми воспоминаниями о детском энурезе. В моей работе «Фрагмент анализа одного случая истерии» (Freud, 1905e, часть II, первый сон Доры) я привожу полный анализ и синтез такого сновидения о пожаре на основе личной истории пациентки, и я доказал, какие именно взрослые импульсы здесь изображаются.

Можно было бы упомянуть целый ряд других «типичных» сновидений, если мы воспользуемся этим термином для обозначения того, что одно и то же явное содержание сновидения часто можно обнаружить в сновидении различных людей. Например, сны о том, как человек идет по узким улочкам или проходит через анфиладу комнат, и сны о ворах, меры безопасности против которых люди, страдающие неврозом, предпринимают еще до того, как отойти ко сну. Сны о том, что за человеком погнались дикие звери (или быки, или лошади), или что кто-то накинулся на них с ножами, кинжалами или копьями – эти два вида сновидений посещают беспокойных людей – и многие другие. Это благодарный материал для исследования. Но вместо этого я хотел бы привести два наблюдения[330], хотя они относятся не только к типичным сновидениям.

Чем больше углубляешься в тайны сновидений, тем больше приходится признать, что в большинстве снов взрослых людей присутствует сексуальный материал и выражение эротических желаний. Такое суждение могут высказать лишь те, кто действительно проводит анализ сновидений, то есть выявляет на основе явного содержания сновидений их скрытое содержание, а не те, кому достаточно лишь их явного содержания (например, Нэкке (Nacke) в своих трудах о сексуально окрашенных сновидениях). Позвольте заметить, что это неудивительно, и полностью подтверждает мои принципы толкования сновидений. Ни один другой инстинкт не подвергался такому интенсивному подавлению, начиная с детских лет, как инстинкт сексуальный и его многочисленные компоненты (см. мою работу «Три очерка теории сексуальности», 1905d), ни один другой инстинкт не порождает такого количества подсознательных желаний, которые порождают сновидения, когда человек засыпает. При толковании сновидений мы никогда не должны забывать о значимости сексуальных комплексов, хотя нам также следует избегать преувеличений и не приписывать им исключительного значения [1909].

Если тщательно интерпретировать многие сновидения, мы можем утверждать, что многие сновидения бисексуальны, поскольку они, без сомнения, допускают «сверхинтерпретации», когда реализуются гомосексуальные импульсы спящего человека – те, которые противоречат его нормальным сексуальным склонностям. Но утверждать, как это делают Штекель (1911) и Адлер (1910), что *все* сны могут быть интерпретированы как бисексуальные, кажется мне чрезмерным обобщением и чем-то маловероятным, и я не готов поддержать такую точку зрения. И я в особенности не готов проигнорировать тот факт, что существует множество других сновидений, в которых фигурируют не только эротические мотивы, а многие другие: голод и жажда, насущные потребности и т. д. И потому многие утверждения этих исследователей о том, что «в

каждом сновидении прослеживается тень смерти» (Stekel, 1911) или что «в каждом сновидении происходит переход от женского к мужскому» (Alder, 1910), представляются мне чем-то выходящим за рамки взвешенного и обоснованного толкования сновидений [1911].

В «Толковании сновидений» я нигде не выражал мнения, что все сновидения имеют сексуальный подтекст, на которое обрушивается столь яростная критика. Нет его и в многочисленных изданиях этой книги, и такое мнение вступает в очевидное противоречие с другими мнениями, которые в ней представлены [1919].

Я уже демонстрировал, как, на первый взгляд, самые невинные сновидения становятся способом выражения страстных эротических желаний, и могу подтвердить это на новых примерах. Но правда еще и в том, что многие сновидения кажутся абсолютно *нейтральными,* которые не кажутся ни чем особенными, но благодаря анализу в них раскрывают импульсы, связанные с самыми неожиданными сексуальными желаниями. Кто бы мог заподозрить нечто подобное вот в этом сновидении, до того как оно подверглось толкованию?

Вот что рассказал тот, кому это приснилось: *за двумя монументальными зданиями был расположен маленький домик с запертыми дверями. Моя жена проводила меня по улице к этому домику и толкнула его дверь; я с легкостью проскользнул во двор, который был под наклоном.* Но всякий, обладающий опытом в расшифровке сновидений, сразу же скажет, что путь по узкой улочке и открывание закрытой двери – это одни из самых распространенных сексуальных символов, и легко распознает здесь изображение попытки coitus a tergo между двумя монументальными ягодицами величественной дамы. Узкий путь и двор под наклоном – это вагина. То обстоятельство, что спящему помогала его жена, заставляет нас прийти к выводу, что в действительности лишь уважение к ней удержало рассказчика этого сновидения от попытки совершить те действия, о которых мы сейчас рассказали. Оказалось, что накануне сновидения в доме рассказчика поселилась девушка, которая ему понравилась и которая, похоже, могла ответить благосклонно на подобные действия. Маленький домик за двумя величественными зданиями – это воспоминание о цитадели Градчин в Праге, и снова наводит на мысли об этой девушке, потому что она родом именно из этого города.

Когда я упорно рассказывал одному из моих пациентов о том, насколько распространен Эдипов комплекс, когда спящий вступает в сексуальные отношения со своей матерью, он часто отвечал на это: «Мне ничего подобного не снилось». Но вскоре после этого у него в памяти всплыл один ничего не значащий невинный сон, который часто посещал его. Анализ затем показал, что в этом сне выражалось именно это содержание – Эдипов комплекс. Я могу определенно заявить, что сновидения о сексуальном контакте с матерью, *принявшие измененную форму,* были гораздо более распространенными, чем сновидения с явным содержанием [1909][331].

В некоторых сновидениях ландшафты или другие изображения местности вызывают у спящего чувство, что он раньше уже бывал здесь. (У дежавю в сновидениях есть особое значение[332].) Эти виды местности символически воспроизводят гениталии его матери; ни про какое другое место нельзя утверждать, что спящий уже бывал там раньше.

Однажды меня поразил один пациент, страдавший неврозом, который рассказал мне сон, в котором он уже дважды побывал раньше. Но этот конкретный пациент рассказал мне намного раньше об одном эпизоде из его детства, когда ему было шесть лет. Однажды он спал в постели со своей мамой и засунул свой палец в ее гениталии, пока она спала [1914].

Очень многие сновидения часто сопровождаются чувством беспокойства, и в них человеку приходится протискиваться через какие-то узкие проходы, погружаться в воду, и это – его фантазии о внутриутробной жизни, о материнской утробе и родах. Представляю вам сновидение одного молодого человека, который в своем воображении наблюдал, находясь в утробе, за соитием собственных родителей.

Он сидел в глубокой шахте с окошком, как в туннеле Земмеринг[333]*. Сначала он видел пейзаж из окна купе, а потом придумал картинку, которая бы там могла быть; она немедленно материализовалась и заполнила собой все это окошечко. Там было поле, вспаханное глубокими бороздами, и свежий воздух, который наводил на мысли о тяжелом труде, сопровождавшем эту картину, и голубовато-черные комья земли – все это производило приятное впечатление.*

Он двигался дальше и увидел открытую книгу, посвященную образованию… и удивился, что там большое внимание уделялось сексуальным чувствам (детей), и тогда он подумал обо мне.

А вот чудесный сон о воде, который посетил одну пациентку. Он сыграл особую роль в процессе ее лечения. *Летом на отдыхе, на курорте у озера… она нырнула в глубокую воду, в которой отражалась бледная луна.*

Подобные сны рассказывают о рождении. Их толкование возможно путем перевертывания события, которое описывается в явном содержании сновидения; так, например, вместо того чтобы «нырнуть в воду», мы «выходим из воды», то есть рождаемся[334]. Мы можем понять, что это за место, откуда рождается ребенок, если узнаем сленговое значение слова «луна» во французском языке – мягкая нижняя часть тела. Бледная луна – это та светлая нижняя часть тела, из которой, как быстро догадываются дети, они вышли. Отчего же эта пациентка захотела родиться на летнем курорте? Я спросил ее об этом, и она мгновенно ответила: «А может быть, это символ моей новой жизни после курса лечения?» И вот тот сон оказался для меня приглашением продолжать курс лечения на курорте – то есть навестить ее там. И может быть, здесь содержался легкий намек на то, что она хотела и сама стать матерью[335].

Я расскажу еще про одно сновидение о рождении, из работы Эрнеста Джонса [1910b]. *Женщина стояла на берегу моря. И видела, как маленький мальчик, вроде бы ее сын, погружался в воду. Потом он полностью скрылся в воде, она видела только его головку, то всплывавшую на поверхность, то снова уходящую под воду. А потом спящая вдруг сразу оказалась в холле гостиницы, где было много народа. Ее муж куда-то ушел, и она «вступила в разговор» с незнакомцем.* Вторая часть ее сновидения показывает, как она ускользает от мужа и вступает в разговор с чужим мужчиной… Первая часть ее сновидения, безусловно, воспроизводит образ рождения на свет. И в сновидениях, и в мифологии рождение ребенка из вод материнской утробы чаще всего изображается искаженно – как его *погружение* в воду; например, в мифах об Адонисе, Осирисе, Моисее и Бахусе мы находим тому массу примеров. Когда головка мальчика то погружается в воду, то выныривает на поверхность, это напоминает пациентке шевеление плода во время ее единственной беременности. Когда мальчик погружается в воду, ей чудится, что она сейчас вытащит его из воды, унесет в детскую, искупает и оденет, и он будет жить у нее дома.

Вторая половина сновидения представляет собой размышления о тайном бегстве с возлюбленным, которые соответствуют тайным мыслям, породившим сновидение; первая часть сновидения соответствовала второй, фантазии о рождении. Кроме хронологической инверсии событий в нем, в каждой его части также присутствовало искажение порядка событий. В первой части ребенок сначала *входил* в воду, а потом его головка появлялась тут и там. В подспудных мыслях, лежащих в основе этого сновидения, сначала возникало движение, а потом ребенок *выходил*из воды (двойная инверсия). Во второй части сновидения сначала ее муж куда-то уходил, а в мыслях, породивших это сновидение, это она уходила от мужа.

Эбрахам (Abraham, 1909) приводит пример другого сновидения, которое приснилось одной молодой женщине накануне родов. Подземный туннель вел прямо в воду из ее комнаты (образ родовых путей и околоплодных вод). Она приподняла люк в полу комнаты, и оттуда выскочило какое-то существо, покрытое бурым мехом, что-то наподобие тюленя. Это существо повернулось в сторону младшего брата спящей, которому она всегда была вместо матери [1911].

Ранк на примере серии сновидений продемонстрировал, что в снах о рождении фигурирует тот же символизм, что в сновидениях, вызванных стимулами из мочеиспускательной системы. А стратификация значения в таких сновидениях соответствует изменениям, которым подвергается эта символика со времен раннего детства [1914].

Вот сейчас как раз наступил тот момент, когда уместно вернуться к той теме, от которой мы отвлеклись в одной из первых глав нашей книги. Нас интересовало, какую именно роль играют органические стимулы, нарушающие сон, в формировании сновидений. В подобных сновидениях открыто проявляются не только обычная тенденция к демонстрации осуществившегося желания или какое-то удобство для спящего, но очень часто в них присутствует вполне прозрачный символизм; *поскольку довольно часто такой стимул прерывает сон этого человека после неудачной попытки справиться с этим стимулом, не просыпаясь, такая попытка изображается символически.* Это касается снов о поллюции и оргазме, а также тех, которые спровоцированы стимулами к мочеиспусканию и дефекации.

«Особый характер поллюции не только способствует тому, чтобы она порождала определенные сексуальные символы, которые уже известны в качестве типических, при этом ставшие объектами горячих споров; это также убеждает нас в том, что внешне невинные ситуации в сновидениях являются не чем иным, как прелюдией к откровенным сексуальным сценам. Вторые, как правило, предстают в неприкрытом виде в относительно редких снах о поллюции, которые тоже прерывают сон человека» (Rank, там же).

Символизм в сновидениях, обусловленных стимулом, исходящим от мочеиспускательной системы, особенно очевиден, и это признавали с давних времен. Эту точку зрения уже высказывал Гиппократ, утверждая, что сны о фонтанах и родниках указывают на проблемы с мочевым пузырем (Havelock Ellis, 1911). Шернер (Scherner, 1861) изучал разнообразную символику стимулов мочеиспускательной системы и утверждал, что «любой достаточно сильный стимул в этой системе обязательно стимулирует и органы сексуальной сферы, порождая их символические репрезентации… сны. Обусловленные стимулами мочеиспускательной системы, часто при этом порождают и сновидения сексуальной направленности» (там же).

Отто Ранк, чьи мысли о стратификации символов в снах о возбуждении в этой работе (Rank, 1912a) я здесь развиваю, предполагал, что большинство сновидений, обусловленных стимулами из мочеиспускательной системы, по сути обусловлены сексуальными стимулами, которые в раннем детстве получают удовлетворение в форме уретрального эротизма (там же). Особенно показательны такие примеры, где под воздействием стимула, обусловленного мочеиспускательной системой, человек просыпается и освобождает мочевой пузырь, а потом сон снова продолжается, и в нем уже возникают образы явно сексуального содержания[336].

Сны, обусловленные стимулами из области кишечника, проливают свет на аналогичную символику, при этом подтверждая связь между золотом и фекалиями, что находит множество подтверждений в исследованиях по антропологии (см. Freud, 1908b; Rank, 1912a; Dattner, 1913; Reik, 1915). «Например, одной женщине, которая проходила курс лечения по поводу болезни кишечника, приснилось, что кто-то закапывает клад недалеко от маленькой деревянной хижины, которая напоминала деревянный нужник. Во второй части сновидения она вытирала попу своей маленькой дочке, которая обкакалась» [Rank, 1912a].

Сновидения о спасении связаны со сновидениями о рождении. В женских снах спасение, и в особенности спасение из воды, обозначает то же, что и рождение; но у мужчин его значение иное [1911][337].

Бандиты, взломщики и привидения – все те, кого люди боятся перед отходом ко сну и кто гонится за ними в сновидениях, все связаны с общими ранними детскими воспоминаниями. Это – ночные гости, которые прерывают сон ребенка и вынимают его из кроватки, чтобы малыш не обмочился, или те, кто приподнимает его одеяло, чтобы посмотреть, куда он положил руки перед сном. Анализ некоторых подобных сновидений помог мне определить, кто именно эти ночные гости. В каждом случае грабитель – это отец ребенка, а призраки – это женские фигуры в ночных рубашках [1909].

E. Некоторые примеры – расчеты и речи в сновидениях [338]

Прежде чем рассмотреть четвертый фактор, который управляет формированием сновидений, я предлагаю рассмотреть несколько примеров из моей подборки примеров. Они отчасти послужат иллюстрациями взаимодействия трех уже известных нам факторов, а отчасти послужат доказательствами в пользу сформулированных нами положений и укажут на некоторые естественные выводы из них. Рассматривая процессы, управляющие сновидениями, мне было довольно трудно подкреплять свои выводы примерами. Такие иллюстрации, подтверждающие отдельные положения, убедительны лишь при исчерпывающем толковании сновидений; вырванные из общего контекста, они утрачивают свою связность, а более или менее исчерпывающее толкование настолько всегда подробное, что теряются нити изложения, иллюстрацией которого оно служит. Именно в силу этих технических обстоятельств я соединяю самые разнообразные данные, единственная общая характеристика которых – это их взаимосвязь с темами, которые обсуждались в этой главе [1900].

Начнем с нескольких примеров своеобразных или необычных выразительных средств в сновидениях.

Одной даме приснилось вот что: *«На лестнице стоит служанка и, кажется, моет окно. В руках у нее шимпанзе и горилла-кошка* (потом рассказчица сказала, что это была *ангорская кошка). Она бросает животных на эту женщину. Шимпанзе ластится к ней; это было очень противно».* Это сновидение достигло своей цели при помощи чрезвычайно простого средства, когда общеупотребительный оборот речи был изображен буквально. «Обезьяна» и вообще названия животных – это ругательства, и ситуация в сновидении означает не что иное, как «кидаться бранными словами» – браниться. Далее мы видим целый ряд сновидений, где используется то же самое выразительное средство [1900].

В другом сновидении применяется очень похожий способ: *«Женщина держит на руках ребенка со странной, уродливой головой. Спящая слышит от кого-то, что он такой с рождения. Врач говорит, что форму головы можно исправить, но это может быть опасно для мозга. Она думает, что для мальчика это не так уж страшно».* В этом сновидении присутствует пластическое изображение абстрактного понятия «впечатление от детей», которое она слышала во время анализа («впечатление» – «печатать, впечатываться») [1900].

В другом случае этот процесс происходит иначе. Сновидение повествует об экскурсии на реку Хильмтайх в пригороде Граца. *Там такая страшная вода. Там был разрушенный отель, вода капала со стен, две простыни намокли.* (Вторая часть сновидения была рассказана более туманно, я ее упростил.) Значение этого сновидения – «избыточность». Абстрактная мысль в сновидении сначала была выражена словно насильственно и потому приняла форму «наводнения», «затопления» или «потока» – после она предстала в ряде картин, напоминавших друг друга: вода снаружи, вода внутри, вода в намокших простынях – везде течет вода, или «наводнение» [1900].

Нас не должно удивлять то обстоятельство, что ради выразительности в сновидениях правописание слов менее важно, чем их звучание, особенно если вспомним, что тот же самый принцип используется и в рифмовках. Ранк (Rank, 1910) во всех подробностях записал и подверг самому тщательному анализу сновидение одной маленькой девочки, в котором она бежала по полю, обрывая толстые колоски [Ahren] ячменя и пшеницы. К ней подошел ее товарищ по играм, но она захотела от него спрятаться. В ходе анализа выяснилось, что в этом сновидении фигурировал поцелуй – «поцелуй в рамках приличия» («kuss in Ehren» звучит почти как Ahren, то есть «поцелуй в честь кого-то»)[339]. В самом этом сновидении «Ahren» – колоски, которые нужно было срезать, а не выдернуть, предстали как колосья пшеницы, а в сочетании благодаря процессу сгущения с «Ehren» этот образ замещал множество других (латентных) мыслей [1911].

С другой стороны, в процессе эволюции язык изменился так, что стал очень удобен для формирования сновидений, поскольку в языке существует множество слов, которые изначально воспринимались в виде образов и обозначали нечто конкретное, а сейчас употребляются в переносном значении и в абстрактном смысле. Сновидению достаточно лишь вернуть словам их прежнее значение. Например, кому-нибудь снится, что его брат сидит в ящике (Kasten). В процессе толкования сновидения ящик легко превращается в шкаф (Schrank), и мысль, породившая это сновидение, заключается в том, что этот брат должен держать себя в рамках – «sich einschranken», а тот, кому это приснилось, так поступать не должен[340].

Другому человеку снится, что он забрался на вершину горы, откуда открылся необычайно *панорамный вид.* Здесь он идентифицировал себя с братом, который издавал обзор политических событий на Востоке [1911].

В новелле Готфрида Келлера «Зеленый Генрих»[341] рассказывается о сновидении, где ретивый конь катается по полю, поросшему колосками, каждое зерно которого – «сладкий миндаль, изюминка и новая монетка… завернутые в красный шелк и связанные свиной щетинкой». Тот, кому это приснилось, сразу же интерпретирует это сновидение: конь почувствовал удовольствие от щекотки и заржал: «Der Hafer sticht mich!» – «Меня колют колоски!» – что намекает на идиоматическое выражение из немецкого языка, которое значит «Процветание растлило меня!».

Хенцен (Henzen, 1890) полагает, что сны, в которых задействованы фигуры речи или игра слов, часто возникают в старых скандинавских сагах, где редкий сон героев обходится без того, чтобы в его образах не присутствовали бы двойной смысл или игра слов [1914].

Интересной задачей было бы собрать воедино все такие выразительные средства и создать их классификацию, исходя из тех принципов, на которых они построены [1909]. В числе некоторых

из этих средств репрезентации могут быть шутки, и при этом возникает чувство, что их нельзя до конца понять без помощи того, кому это приснилось [1911].

(1) У одного человека спросили, как его зовут, но он не может вспомнить. Он сам объясняет, что это значит: «Es fallt mir nicht im Träume ein» – «Мне и не снилось…» [1911].

(2) Одна пациентка рассказывает о сновидении, *в котором все очень высокие.* Это значит, продолжает рассказывать она, что речь идет о каком-либо эпизоде из моего раннего детства, когда все взрослые казались мне невероятно высокими. Сама она в этом сновидении не участвует. Что этот сон родом из детства, выражается еще и в том, что время выражается в нем пространственно. Персонажи и сцены выглядят так, словно они находятся далеко от наблюдателя, в конце длинной дороги или словно на все это смотрят через театральный бинокль [1911].

(3) Одному человеку, который во время работы был склонен использовать в речи абстрактные и расплывчатые выражения, приснилось, *что он прибыл на железнодорожную станцию как раз в тот момент, когда поезд подъезжал к платформе. И вдруг не поезд стал приближаться к перрону, а, наоборот, платформа поехала к поезду, а он остановился* — абсурдная инверсия того, что происходит на самом деле. Именно эта деталь указывает на то, что в содержании сновидения «инверсии» должно подвергнуться нечто иное. Анализ этого сновидения навел на воспоминания о детской книжке с картинками, на которых были изображены люди, которые ходят вверх ногами.

(4) В другой раз этому же человеку приснилось нечто похожее на ребус. *Во сне его дядя поцеловал его в автомобиле.* А потом он сам истолковал этот сон так, как мне никогда бы и в голову не пришло: это значит автоэротизм. В реальной жизни это могла бы быть просто шутка[342] [1911].

(5) Одному человеку приснилось, *что он вытащил женщину из-за своей кровати.* Смысл сновидения был в том, что он отдавал ей предпочтение[343] [1914].

(6) Во сне один человек *был офицером и сидел за столом напротив императора.* Это значило, что он был в оппозиции по отношению к своему отцу [1914].

(7) Одному человеку приснилось, что он лечит кому-то сломанную ногу. В ходе анализа выяснилось, что сломанная кость («Konchenbruch») символизировала распадающийся брак («ehebruch» – супружеская измена)[344].

(8) Время суток в сновидениях очень часто символизирует возраст спящего в какой-то конкретный период его детства. Например, в одном сновидении четверть шестого утра обозначало возраст пять лет и три месяца, а это было важно, поскольку именно в таком возрасте у того, кому снился этот сон, появился младший брат [1914].

(9) Вот еще один способ изображения возраста в сновидениях. Одной женщине приснилось, что *она гуляла с двумя маленькими девочками, разница в возрасте которых составляла пятнадцать месяцев.* Она никак не могла вспомнить, к кому из ее знакомых это могло бы относиться. Сама она полагала, что одной из этих девочек во сне была она сама и что это сновидение должно было напомнить ей о каких-то двух травмирующих эпизодах из ее детства, которые отделял друг от друга именно такой временной интервал. Одно произошло, когда ей было три года, а другой – когда ей исполнилось четыре года и девять месяцев [1914].

(10) Ничего удивительного нет в том, что человеку, который проходит курс психоанализа, он часто снится, и в эти сновидения проникают его размышления и ожидания, связанные с лечением. Чаще всего такое лечение в сновидении принимает форму путешествия, обычно на автомобиле, поскольку это современный и сложный вид транспорта. О скорости этой машины пациенты с удовольствием отзываются иронически. Если «подсознательное» как элемент мыслей человека в состоянии бодрствования должно изображаться в таком сновидении, то оно изображается как нечто, лежащее под землей, а это, вне контекста курса психоанализа, обычно символы женского тела или утробы. То, что «там внизу», в сновидениях обычно связано с гениталиями, а «наверху», наоборот, с лицом, ртом или грудью. Дикие звери в сновидениях обычно изображают страстные импульсы, которые пугают пациента, неважно, являются ли они его собственными или их испытывают другие люди, которых обуревают похожие страсти. (Тогда необходимо лишь незначительное смещение, для того чтобы появились образы этих людей. И вот уже отец, внушающий страх, превращается в хищника, или собаку, или дикую лошадь в сновидении – выразительное средство, восходящее к тотемизму[345].) Можно сказать, что дикие

звери символизируют либидо, которого боится эго и которое оно пытается преодолеть, подавляя его. Часто происходит так, что спящий отделяет от себя свой невроз, свою «больную личность», и все это предстает в образе отдельного персонажа [1919].

(11) Вот какой пример приводит Ханс Захс (Hans Sachs, 1911): Нам известно из книги «Толкование сновидений» Зигмунда Фрейда, что процессы, исходящие в сновидении, придают сенсорную форму словам или фразам с помощью различных методов. Если, например, какое-то выражение должно быть представлено как двусмысленное, то в сновидении эта двусмысленность используется как переключатель: там, где одно значение слова представлено в мыслях сновидения, другое может проявиться в его непосредственно наблюдаемом содержании. Так произошло в сновидении, где весьма остроумно были воспроизведены события дня накануне. В «день накануне сновидения» я мучился от простуды и потому решил, что, по возможности, постараюсь ночью с кровати не вставать. И во сне, я, похоже, просто продолжал заниматься тем же, чем и днем. Я вклеивал что-то в альбом и старался разместить эти фрагменты как можно аккуратнее по отношению друг к другу. И тут мне приснилось, что я опять что-то вклеиваю в альбом. Но оно там не помещалось («er geht nicht auf die Seite»), и от этого мне было больно. Я проснулся и понял, что боль во сне – это настоящие мои ощущения, и у меня что-то болит внутри, так что я не смог выполнить то, чего хотел, и встал с постели. В моем сне у меня вроде бы как сбылось мое желание остаться в постели, благодаря вольной интерпретации фразы «er geht nicht auf die Seite», которая по сути означала «он *не пойдет* в туалет» [1914].

Мы можем пойти еще дальше, утверждая, что процессы в сновидении используют в качестве выразительного средства для мыслей в сновидении любые средства, какие только есть у них в распоряжении, и неважно, насколько это вызывает критику и насколько обоснованным это считается. Сомнения и скепсис по отношению к этому высказывают те, кто лишь *что-то слышал* о толковании сновидений, но сам никогда не делал этого. Книга Штекеля «Язык сновидений» (Stekel, «Die Sprache des Träumes», 1911) богата такими примерами. Но я старался их не приводить, поскольку их автору не хватило способности критически судить о них и поскольку его техника исследования весьма условна, а потому вызывает сомнение даже у тех, кто не склонен к скепсису [1914].

(12) Эти примеры позаимствованы из книги В. Тауска (V. Tausk, 1914), и здесь пойдет речь о том, что изображают одежда и цвета в сновидении.

(а) Человеку по имени А. *приснилась гувернантка в черном атласном («Lüster») платье, туго обтягивающем ее бедра.* Это сновидение намекает на распутность этой гувернантки («lüstern»).

(б) Одному человеку *приснилась залитая солнцем девушка в белой блузке, которая шла по дороге.*Этот человек был в любовной связи с некой мисс Уайт (фамилия переводится как «Белая»), и первый раз это было связано с этой дорогой в его сновидении.

(с) Фрау Д. *увидела во сне восьмидесятилетнего венского актера Блазеля, лежащем на диване в полном рыцарском облачении (in voller Rüstung). Вдруг он вскочил и поскакал по столам и стульям, нанося кинжалом удары по воздуху, словно вонзая его в воображаемого противника.* Интерпретация: спящая страдала от длительного воспаления мочевого пузыря. [Blasé – «мочевой пузырь»]. *Она лежала на кушетке в ожидании того, что у нее возьмут анализ; когда она глянула на себя в зеркало, то подумала, что все еще в неплохой форме и хороша собой, несмотря на свой возраст и болезнь*(rüstig – живой, проворный).

(13) [1919] «ВЕЛИКОЕ ДОСТИЖЕНИЕ» В СНОВИДЕНИИ. Одному человеку *приснилось, что он – беременная рожающая женщина, лежащая в постели. Ему эта ситуация показалась крайне неприятной. Он воскликнул: «Уж лучше бы я…* (в ходе анализа, после того как он вспомнил о медсестре, он закончил эту фразу словами *«работал на каменоломне»). За этой кроватью во сне висела карта, нижний конец которой был зафиксирован планкой из дерева. Он оторвал эту деревянную планку, ухватившись за нее обеими руками. Она не сломалась, а разделилась на две равные части вдоль. От этого ему стало лучше, и он смог родить.*

Безо всякой подсказки он интерпретировал эпизод с разламыванием деревянной планки (Leiste) как великое достижение (Leistung). Он старался уйти от неприятной ситуации (во время лечения), отрывая себя от заключенной в нем женственности… Абсурдная деталь этого сновидения, когда деревянная планка не сломалась, а расщепилась вдоль, объясняется так: спящий вспомнил, что эта комбинация раздвоения и разрушения была намеком на кастрацию. В сновидениях часто изображается кастрация, когда в них присутствуют сразу два изображения

символов пениса и ярко выраженное противоречивое желание. Между прочим, die Leiste – это пах, область тела рядом с гениталиями. Этому человеку в ходе интерпретации сновидения пришла в голову мысль, что кастрация для него на пользу, потому что так он сможет примириться с женственной частью своей личности[346].

(14) [1919] Во время сеанса психоанализа одна французская дама сказала, что я представляюсь ей в образе слона. «Почему слона?» – поинтересовался я. Потому, что «vous me trompez» – «вы мне морочите голову» («trompe» – хобот).

В сновидении может весьма успешно изображаться даже такой тяжеловесный материал, как имена собственные. Однажды мне приснилось, что я по указанию моего учителя (старого Brucke)[347] готовлю какой-то препарат, и мне приходится иметь дело с серебряной фольгой. При толковании этого сновидения выясняется: «Stanniol» (фольга) напоминает мне имя ученого – Stannius, автора известного исследования о нервной системе рыб. Первой научной задачей, заданной мне учителем (Brucke), действительно было описание нервной системы одного вида рыб, Ammocoetes [Freud, 1877a].

Практически невозможно было восстановить название этой рыбы из этого сновидения-головоломки [1919].

Не могу удержаться от того, чтобы не привести в пример еще одно сновидение с довольно своеобразным содержанием, которое интересно как детское сновидение и чрезвычайно легко поддается анализу. Одна дама рассказывает: «Б *детстве мне часто снилось, будто у меня на голове острый бумажный колпак. Такую шапку мне часто надевали за обедом, чтобы я не могла заглядывать в тарелки других детей, чтобы проверить, сколько им положили вкусной еды. Так как я слышала, что Бог всевидящ, то мое сновидение означает, что и я знаю все, несмотря на бумажный колпак на голове-»* [1919].

Как работают процессы, управляющие сновидениями[348], и как при этом они влияют на их материал и мысли, можно проследить, когда мы начинаем изучать роль чисел и подсчетов, которые фигурируют в сновидениях. Более того, числа в сновидениях можно считать символическими, и они связаны с будущими событиями[349]. Я приведу здесь несколько подобных примеров.

I

Фрагмент сновидения одной дамы незадолго до окончания ее лечения: *Она собирается заплатить за что-то; ее дочь вынимает у нее из кошелька 3 флорина 65 крон, но она говорит: «Что ты делаешь? Ведь это стоит всего 21 крону».* Этот отрывок сновидения стал мне понятен, потому что я знал кое-что о ее жизни, и разъяснения с ее стороны мне не требовались. Эта дама приехала из-за границы; она поместила свою дочь в один из венских пансионов и могла лечиться у меня, лишь пока дочь будет в Вене. Через три недели у дочери закончились занятия, а вместе с ними должно было закончиться и лечение этой дамы. Накануне этого сновидения начальница пансиона уговаривала ее оставить девочку еще на год. Про себя она подумала, что сумеет продлить на год и лечение. Сновидение именно с этим и связано, так как в году 365 дней, а в трех неделях, оставшихся до конца занятий и лечения, 21 день. Цифры, означавшие в мыслях время, относятся в сновидении к деньгам: не подлежит сомнению, что это превращение имеет свой глубокий смысл в связи с поговоркой «время – деньги», 365 крейцеров = 3 гульденам 65 крейцерам – количество дней в году. Незначительность этих сумм представляет собою вполне очевидный пример осуществления желания; в этом сновидении стали дешевле и курс лечения, и плата за пребывание дочери в пансионе.

II

Числа в другом сновидении имеют гораздо более существенное значение. Одна дама, которая, несмотря на свою молодость, уже давно была замужем, узнает, что ее знакомая, Элиза Л., ее ровесница, только что обручилась. Вслед за этим ей снится вот что: *«Она сидит с мужем в театре, одна сторона партера совершенно пустая. Муж рассказывает ей, что с ними вместе хотели пойти Элиза Л. и ее жених, но что они достали только плохие места, три по 1 флорину*

50 крон[350]*; они бы такие места не выбрали ни за что. Она отвечает, что ничего страшного от этого бы не случилось».*

Откуда эти 1 флорин 50 крон? Из ничего не значащего события дня накануне сновидения. Ее невестка получила от своего мужа в подарок 150 флоринов и поспешила поскорее их потратить на украшения. Заметим, что 150 флоринов в *сто* раз больше 1 флорина 50 крон. Откуда же *три* места? Вспомним, что Элиза Л. моложе рассказчицы сновидения на три месяца. Расшифровать значение этого сновидения помогает его деталь, что одна сторона партера в театре пустая. Это точное воспроизведение незначительного эпизода, по поводу которого муж поддразнивал ее. Дело в том, что ей очень хотелось попасть на один спектакль, и она запаслась билетами за несколько дней, потому и заплатила за них несколько больше. Когда они затем явились в театр, то увидели, что половина мест не занята. *Ей вовсе не нужно было так спешить.*

Позвольте теперь выявить мысли в этом сновидении и поставить их на место: «Я *поторопилась*выходить замуж. Зачем я это сделала; глядя на Элизу Л., я вижу, что я всегда нашла бы себе мужа, и, пожалуй, в *сто* раз лучше (*мужа, украшение),* если бы только *набралась терпения* (а не поспешила, как ее невестка). За деньги (приданое) я бы нашла мужа *в три раза лучше!»*

Становится понятно, что в этом сновидении числа в значительно большей степени сохранили и свое значение, и внутреннюю связь, по сравнению с предыдущим сновидением. Но процессы превращения и искажения здесь значительно сложнее, потому что мыслям, прежде чем они превратились в образы, пришлось преодолеть значительную долю внутреннего психического сопротивления. Не будем пренебрегать и тем обстоятельством, что в этом сновидении содержится элемент абсурда: *два* человека хотят купить себе *три* билета. Мы поймем, как появилась эта абсурдность, если заметим, что эта деталь содержания сновидения изображает самую важную мысль: «Как *абсурдно* было так рано выходить замуж!» Число 3, которое соответствует сравнению двух людей (три месяца разницы в возрасте), чрезвычайно искусно было использовано в сновидении для создания необходимой степени абсурда. Уменьшение реальных 150 флоринов до 1 флорина 50 крон соответствует неуважению к мужу (или оценке купленного невесткой украшения) в подавленных мыслях дамы, которую посетило это сновидение[351].

III

Следующее сновидение показывает, каковы именно методы расчетов в сновидениях. Одному человеку снится: *его усадили в кресло у Б. (своих близких знакомых), и он говорит: «Что же вы не выдали за меня Малли». И тут же он спрашивает у девушки: «Сколько вам лет?» Она отвечает: «Я родилась в 1882 году». – «Ах, так вам 28 лет».*

Так как сновидение относится к 1898 г., то ясно, что здесь присутствует ошибка в расчетах; математические способности этого человека ниже среднего, но его ошибка может получить совершенно иное толкование. Мой пациент из числа тех, кто не пропустит ни одной юбки. Во время его визитов ко мне в течение нескольких месяцев его очередь была всегда за одной молодой дамой; он постоянно о ней спрашивал и пытался произвести на нее впечатление. Он думал, что это ей 28 лет. Вот чем объясняется ошибка в определении возраста из его сновидения. А 1882 г. – это год его женитьбы. Могу к этому добавить, что и в моем доме он не мог удержаться от разговора с двумя представительницами женского пола – двумя служанками (обе весьма немолодые), одна обычно открывала ему дверь; их отсутствие интереса к себе он объяснял тем, что они считали его *добропорядочным семьянином.*

IV

Вот еще одно сновидение, связанное с числами, источники которого очень просто установить и которое можно даже считать сверхдетерминированным, о котором я узнал от г. Б. Даттнера. *«Хозяину моей квартиры, полицейскому, снится, что он патрулирует улицу. К нему подходит инспектор, на воротнике мундира у которого видна цифра 2262 или 2226, во всяком случае, там несколько раз повторяется цифра 2».* Разложение числа 2262 при рассказе об этом сновидении указывает на то, что у каждого из его фрагментов есть свое особое значение. Тот,

кому это приснилось, вспоминает, что вчера вместе с коллегами он беседовал о продолжительности их службы. Поводом к разговору послужил их бывший инспектор, вышедший на 62-м году в отставку с полной пенсией. Сам он служит 22 года, и ему остается 2 года и 2 месяца до получения 90 % пенсии. Сновидение воплощает его желание получить чин инспектора. Начальник с цифрой 2262 – это он сам: он отслужил 2 года и 2 месяца, и теперь, как и его 62-летний инспектор, он может выйти в отставку с полной пенсией[352].

Когда мы сравним эти и им подобные (см. ниже) примеры, то придем к выводу, что в сновидениях математических расчетов вообще не существует – ни правильных, ни неправильных; там лишь предстают в форме арифметических действий числа, которые занимают мысли спящего человека, которые могут служить намеками и указаниями на неподдающийся изображению в сновидении материал. При этом оно оперирует числами как материалом для создания выразительных средств, стремясь к определенной цели, и точно так же поступает и с другими представлениями, собственными именами и даже разговорами, которые представляют собой вербальные презентации (см. следующий абзац).

В сновидении новых разговоров не *создается,* каждый раз, когда они нам встречаются в сновидениях, неважно – логичных или абсурдных, всякий раз анализ показывает, что сновидение заимствует из мыслей, которые его порождают, лишь отрывки реально происходивших или когда-то услышанных разговоров и поступает с ними, как ему заблагорассудится. Оно не только вырывает их из общего контекста и разбивает на более мелкие части, берет один фрагмент и отбраковывает другой, но и создает их новые комбинации, так что на первый взгляд вполне связный разговор в сновидении распадается при анализе на три-четыре отрывка. При этом преобразовании в сновидении часто утрачивается тот смысл, который был присущ этим словам в мыслях, которые за этим скрывались, и придает им новое, неожиданное значение[353].

Если мы внимательнее изучим разговоры в сновидении, то сможем обнаружить, что они, с одной стороны, состоят из ясных и компактных блоков, а с другой – из элементов-связок, которые, вероятно, возникают позже. Например, мы точно так же во время чтения вставляем те слова или буквы, которые случайно пропустили. Таким образом, разговоры в сновидении напоминают горную базальтовую породу брекчию, где более крупные кусочки сцементированы друг с другом однородной соединительной массой.

Строго говоря, это относится лишь к тем разговорам в сновидениях, которые сохраняют присущие речи свойства и которые тот, кому они приснились, считает именно «разговорами». Другие разговоры в сновидениях, о которых тот, кому это приснилось, не может сказать, что он это слышал или произносил вслух (которые не сопровождаются акустическими или моторными ощущениями в сновидении), они представляют собой лишь наши мысли в состоянии бодрствования, которые в неизмененном виде проникают во многие сновидения. Еще один богатый источник нейтральных разговоров такого рода, который, правда, довольно трудно отследить, – это нечто *прочитанное*человеком, который видит этот сон. Но то, что в сновидении привлекает внимание именно в качестве разговора, обычно связано с реальными разговорами, которые человек или слышал, или в которых он сам принимал активное участие.

В процессе анализа предыдущих сновидений я уже приводил примеры того, что у разговоров в сновидениях всегда есть какой-то определенный источник. Например, в на первый взгляд «невинном» сновидении о покупке на рынке фраза «это все продано» служит средством идентификации меня с мясником, а отрывок другой фразы – «я не знаю, что это, я это не куплю!» – маскирует истинное значение сновидения, и с его помощью сновидение можно интерпретировать как «невинное». Дама, которой приснился этот поход за покупками, накануне отчитала кухарку за какую-то дерзость: «Я не знаю, что это такое; ведите себя прилично!» – и перенесла из этой фразы в сновидение ее первую, ничего не значащую часть, чтобы так в сновидении появилась *вторая,*значимая часть этой фразы, которая идеально логически соответствовала той фантазии, которая породила это сновидение, но которая могла при том выдать ее подлинный смысл.

Вот еще один пример вместо множества других примеров, которые дали бы те же самые результаты.

Человеку приснился просторный двор, на котором сжигали трупы. Он говорит: «Я уйду отсюда, не могу смотреть на это». (Было такое ощущение, что он не произносил этого вслух во время сна, а мог подумать про себя). *Потом он встречает двух мальчиков из мясной лавки и*

спрашивает у них: «Как, вкусно было?» Один отвечает: «Вовсе нет», – словно они попробовали человеческого мяса.

Это сновидение возникло в результате вполне невинной ситуации. Накануне вечером после ужина он вместе с женой навещал своих симпатичных, но *«неаппетитных»* соседей. Гостеприимная хозяйка за ужином стала *настойчиво угощать* его. Он отказывался, говоря, что уже сыт. «Давайте, давайте! Всего кусочек, ну что вы!» – настаивала она. (У этой фразы есть и сексуальный подтекст, который мужчины понимают в шутливом смысле[354].) Ему пришлось попробовать одно блюдо, и он из вежливости похвалил его: «Ах, как вкусно!» В разговоре наедине с женой он ворчал по поводу настойчивости, и что еда была очень невкусная. Мысль: «Не могу смотреть на это», которая и в его сновидении тоже не фигурировала в качестве чего-то произнесенного вслух, могла быть намеком на внешнюю непривлекательность хозяйки дома и на то, что ему было неприятно на нее смотреть.

Еще больше ценной информации мы можем почерпнуть из анализа другого сновидения, потому что его центральным моментом является очень яркий разговор, который я подвергну детальному толкованию лишь после обсуждения роли аффектов в сновидении.

Я видел все очень ясно: *ночью я иду в лабораторию профессора Брюкке (Bruckе), потом кто-то слегка стучит в дверь, и я впускаю в лабораторию (ныне покойного) профессора Флейшля с какими-то незнакомыми мне людьми[355], он перекинулся со мной парой слов и сел за свой стол.* За этим сновидением сразу последовало еще одно: *мой друг Фл. (Флисс) вдруг приехал в июле в Вену; я встречаю его на улице вместе с моим (покойным) другом П. и куда-то с ними пришел, где они уселись за маленький столик друг напротив друга, а я сел посредине в узкой части стола. Фл. рассказывает о своей сестре и говорит что-то вроде: «Через три четверти часа ее не стало» – и добавляет что-то похожее на «это был порог». Так как П. его понимает, то Фл. обращается ко мне и спрашивает, что именно я рассказал о нем П. В ответ на это я, с какой-то странной горячностью, попытался объяснить Фл., что П. не может знать ничего, потому что его вообще нет в живых. Но на самом деле я сказал, сам замечая свою ошибку: «Non vixit». При этом я пристально смотрю на П.; под моим взглядом он побледнел, его очертания тела стали расплываться, его глаза приобрели какой-то странный синий оттенок, и тут он исчез. Я бесконечно этому рад и понимаю, что и мой другой спутник – который оказался Эрнестом Флейшлем, мне тоже лишь почудился – был «призраком, видением» («привидение» – это «тот, кто возвращается»); и мне показалось вполне вероятным, что такие создания существуют лишь до тех пор, пока этого хочешь; а когда желаешь, чтобы они ушли, они исчезают.*

В этом интересном сновидении есть много характерных особенностей – я проявлял там свое критическое мышление и сам заметил свою ошибку, сказав вместо «non vivit» – «поп vixit» («сейчас не жив» – «никогда и не жил»); я проявил бессердечие по отношению к умершим, и в этом сновидении сказал им, что их не существует, в конце этого сновидения пришел к абсурдному выводу, испытав от этого чувство глубокого удовлетворения. В этом сновидении много таких элементов, которые меня озадачивают, поэтому я очень хотел бы полностью разъяснить все, что в нем непонятно. Но я не могу сделать этого, вот в чем беда – то есть принести свои амбиции в жертву в общении с людьми, к которым я испытываю почтение. Если я попытаюсь что-то скрыть, то это разрушит понятный мне смысл этого сновидения, потому и сейчас, и позднее я просто выберу для толкования несколько его элементов.

Основной момент этого сновидения – когда я своим взглядом уничтожаю своего друга П. Его глаза при этом как-то странно синеют; потом он исчезает. Эта сцена довольно точно воспроизводит реальное событие из моей жизни. Я был демонстратором в Институте физиологии и должен был приходить туда рано утром к началу занятий. Узнав, что я несколько раз опоздал в лабораторию, Брюкке явился туда точно к установленному времени и дождался меня. Когда я пришел, он сурово отчитал меня. Дело не в том, что он сказал, а как он посмотрел на меня при этом – он буквально испепелил меня взглядом своих ярко-синих глаз, и я был уничтожен – я исчез, как это произошло с П. в сновидении, где, к моему облегчению, мы поменялись ролями. Все, кто помнит глаза этого великого ученого, которые производили впечатление до его глубокой старости, и кто видел его когда-нибудь в гневе, легко поймут чувство, охватившее меня тогда.

Но мне долго не удавалось выяснить происхождение моей фразы «non vixit», которой я в сновидении расквитался с ним; наконец, я понял, что два эти слова были так отчетливы в сновидении, потому что я их в действительности и не произносил, и не слышал, а… видел. И я вспомнил, где это было. На пьедестале памятника императору Иосифу в Гофбурге были высечены прекрасные строки:

Saluti patriae vixit non diu sed totus.

(Ради блага страны жил он недолгой, но полной жизнью[356].)

Из этой надписи в мое сознание проникло то, что выдавало мой враждебный настрой к этому человеку в сновидении и что должно было передать вот какую мысль: он не имеет права высказывать здесь свое мнение, ведь его даже нет в живых. Тут я вспомнил, что все это приснилось мне несколько дней спустя после открытия памятника Флейшлю в университетском парке[357]; после открытия я осматривал там же и памятник Брюкке и (бессознательно) пожалел, по всей вероятности, о том, что мой талантливый и преданный науке друг П., рано ушедший из жизни, не был удостоен такого же памятника. Но этот памятник я воздвиг ему в моем сновидении; моего друга П. звали Иосифом[358].

По правилам толкования сновидений я все еще не имею оснований заменить нужное «non vixit» из моего воспоминания о памятнике императору Иосифу на аналогичную фразу из моего сновидения. Должен быть какой-то другой элемент в мыслях в сновидении, из-за которого такой перенос стал возможен. Меня поразило, что в этой сцене из моего сна я испытываю к своему другу П. одновременно и враждебное, и дружелюбное чувство; первое лежит на поверхности в этом сновидении, а второе существует подспудно, но оба они выражаются в словах: non vixit. За вклад в науку я удостоил его памятника; а за то, что он желал зла[359] (выраженное в конце сновидения), я его развеял в прах. Я заметил, что последняя фраза как-то особенно звучала; нет сомнения, что она следовала какой-то модели в моем сознании. Но где же искать аналогичную антитезу, аналогичное смешение двух противоположных чувств по отношению к одному и тому же человеку, которые и обоснованны, и в то же время несовместимы? В единственном месте, навсегда запечатлевающемся в памяти читателя: в оправдательной речи Брута в «Юлии Цезаре» Шекспира: «Цезарь любил меня, и я его оплакиваю; он был удачлив, и я радовался этому; за доблести я чтил его; но он был властолюбив, и я убил его» (Пер. М. Зенкевича).

Но ведь именно такое противоречие и структуру предложения я и обнаружил в мыслях, которые породили это сновидение. Получается, я играю в нем роль Брута. Но как же найти в содержании сновидения еще какое-либо доказательство этой странной взаимосвязи! Мне пришла в голову вот какая мысль. *Мой друг Ф. в этом сновидении приезжает в июле.* Но в действительности такого не было. Мой друг, насколько мне известно, никогда в июле в Вене не бывал. Однако месяц июль назван в честь Юлия Цезаря и поэтому может стать логической связкой и заставить меня сыграть роль Брута[360].

Как это ни странно, но я действительно однажды играл роль Брута. Когда мне было 14 лет, вместе с моим племянником, мальчиком всего на год младше меня, я разыграл сцену между Брутом и Цезарем из пьесы Шиллера[361]. Он приехал к нам погостить из Англии. Он воскресил в моей памяти игры нашего раннего детства. До трех лет мы были неразлучны, были близкими друзьями, и эта дружба оказала свое несомненное влияние, как я уже уговорил, на все мои дальнейшие отношения со сверстниками. Мой племянник Джон с тех пор очень изменился, проявляя то одну, то другую черту своего характера, который зафиксировался в моем подсознании без изменений. Он, бывало, дурно обходился со мной, да и я достойно противостоял его тиранству, и мне часто потом рассказывали, что на вопрос отца – его деда: «Почему ты бьешь Джона?», – я ответил: «Я бью его, потому что он меня бьет». Думаю, именно эта сцена из моего детства превратила фразу «поп vivit» в «поп vixit», потому что дети вместо «драться» говорят «наподдавать» – «wichsen». А это напоминает английское слово «vixen». Сновидения не церемонятся и легко совершают такие словесные замены одного на другое. Мне не за что было на самом деле испытывать враждебность по отношению к П., потому что он во всем был лучше меня и потому во всем напоминал этого моего детского товарища по играм. И потому корни этой враждебности нужно искать в моих сложных детских взаимоотношениях с Джоном[362].

Как я уже отметил, мне придется еще раз вернуться к этому сновидению.

Ж. Абсурдные сновидения. Интеллектуальная деятельность в

сновидении

[363]

В процессе толкования сновидений мы так часто сталкивались с абсурдными элементами в их содержании, что я считаю нецелесообразным откладывать дольше обсуждение того, откуда возникают такие элементы и что они означают. Предварительно я напомню лишь, что абсурдность сновидений использовалась противниками их толкования в качестве главного аргумента в пользу того, что сновидение – это всего лишь бессмысленный продукт ущербной деятельности сознания.

Я привожу несколько примеров, в которых сновидения лишь кажутся абсурдными: при более глубоком изучении их смысла такого впечатления уже не возникает. Вот несколько сновидений, где на первый взгляд кажется, что речь идет об умершем отце.

I

Сновидение пациента, у которого шесть лет назад умер отец. *«С отцом случилось большое несчастье. Поезд, в котором он ехал, сошел с рельсов, сиденья купе перекосились, и он получил травму головы. Потом он видит его в постели: над левой бровью у него вертикальная рана. Он удивляется, что с отцом произошло несчастье (ведь он уже умер, как он рассказывает). Какие у него ясные глаза!»*

Это сновидение можно было бы истолковать следующим образом: когда этому человеку приснилось несчастье, которое произошло с его отцом, то он позабыл, что тот уже несколько лет назад умер; но сон продолжается, к этому человеку возвращаются воспоминания, и потому, еще не проснувшись, он удивляется тому, что видит во сне. Опыт анализа сновидений показывает нам, что такого рода объяснения бесполезны. Тот, кому это приснилось, недавно заказал скульптору бюст отца. Вот с этим бюстом и «произошло несчастье» – он ему не понравился. Скульптор никогда не видел его отца и работал по фотографии. Накануне этого сновидения, преисполнившись сыновних чувств, этот человек отправил в мастерского скульптора старого слугу их семьи, чтобы и тот высказал свое мнение относительно бюста: сыну казалось, что от виска к виску лицо получилось узковато. И теперь он понимает, что именно за воспоминания проникли в это его сновидение. У его отца была привычка, когда он переживал из-за каких-то забот, связанных с бизнесом, или семейных неприятностей, прижимать обе руки к вискам, словно у него от переживаний распухала голова. Когда моему пациенту было четыре года, ему подарили игрушечный пистолет, который случайно выстрелил, и тогда у его отца глаза потемнели (вспомним фразу из сна: *«Какие у него ясные глаза!»).*На том месте, где в сновидении пациент увидел у отца рану на голове, у отца появлялась глубокая морщина, когда он задумывался или грустил о чем-то. То, что в сновидении вместо этой морщины появилась рана, указывает на второй мотив сновидения. Тот, кому это приснилось, сфотографировал свою маленькую дочку; когда он проявил пластинку, то нечаянно уронил ее на пол, она разбилась, и трещина прошла как раз по лбу малютки. Он не мог отделаться при этом от суеверного страха, так как помнил, что накануне смерти матери он разбил фотографическую пластинку с ее изображением.

Абсурдность этого сновидения, таким образом, связана с неточностью словосочетания, где скульптурный бюст и фотография в сновидении вытесняют образ реального человека. Мы смотрим на фотографию и восклицаем: «С папой что-то не так. Правда?» Это сновидение могло и не показаться абсурдным; а если судить лишь по одному примеру, то можно было бы предположить, что эта внешняя абсурдность допускалась или даже была частью замысла.

II

Второй подобный пример из моих собственных сновидений (я потерял отца в 1896 г.): *отец после смерти стал в Венгрии крупным политиком, он объединил мадьяр, я смутно вижу толпу людей, как в парламенте; мой отец стоит на одном или на двух стульях, окруженный людьми. Я вспоминаю, что на смертном одре он был похож на Гарибальди, и ощущаю радость оттого, что он стал великим человеком.*

Ничего более абсурдного и представить себе нельзя. Мне это приснилось в то время, когда благодаря парламентской *обструкции* в Венгрии вспыхнули серьезные беспорядки, и в стране разразился кризис, который сумели преодолеть с помощью Кальмана Селля[364]. Тривиальные детали этой сцены, которые изображались в таких мелких картинках, были связаны с ее интерпретацией. Обычно наши мысли в сновидении предстают в виде образов, которые воспроизводятся близко к натуральным размерам. А вот мое сновидение воспроизводит репродукцию одной гравюры из иллюстрированной истории Австрии, где была изображена Мария Терезия в парламенте в Рейхстаге в Прессбурге, – знаменитую сцену: «Moriamur pro rege nostra»[365]. В моем сновидении отец окружен толпой, как и Мария Терезия на той иллюстрации; но он стоит на одном или двух стульях (как Stuhlrichter – член тайного суда, дословно: «судья на стуле»). Он *объединил,* и здесь связующим звеном становится фраза: «Wir werden keinen Richter brauchen» – «Нам не нужен судья». То, что он на смертном одре был похож на Гарибальди, все мы тогда заметили. У него обнаружилось посмертное повышение температуры, на его щеках проступал румянец, все ярче и ярче… Вспомнив об этом, я припомнил и эти строки:

Und hinter ihm in wesenlosen Scheme
Lag, was uns alle bändigt, das Gemeine[366].

Такие возвышенные мысли подготовили путь для иной интерпретации «повседневности» («gemein»). Посмертное повышение температуры у моего отца соответствует словам «после смерти» в моем сновидении. В последние несколько недель перед смертью он больше всего страдал от полного паралича кишок *(обструкция).* С этим обстоятельством связаны всякого рода «непочтительные» мысли. Один из моих сверстников, еще мальчиком потерявший отца – и это нас сблизило, – рассказывал мне однажды в непочтительном тоне про горе одной своей родственницы: отец ее умер на улице, его принесли домой, и когда труп раздели, то увидели, что в момент смерти или после нее произошло освобождение его кишечника (Stuhlentleerung). Дочь была очень расстроена этим обстоятельством, и этот эпизод омрачил ее память об отце. Вот какое желание сбылось в моем сновидении: остаться для детей после смерти чистым и великим – кому бы этого не хотелось? Вам по-прежнему кажется абсурдным это сновидение? Оно показалось таким лишь оттого, что в нем в виде зрительного образа отобразился оборот речи, сам по себе обоснованный, и в котором мы обычно не видим никакого противоречия. И снова возникает такое впечатление, словно в сновидении эта абсурдность формируется умышленно, преследуя какие-то определенные цели[367].

То, как часто в сновидениях фигурируют умершие, говорят с нами и устанавливают с нами какие-то отношения, уже давно вызывало удивление и объяснялось самым удивительным образом, демонстрируя, как мало мы понимаем сновидения. Но толкование таких сновидений не представляет никаких трудностей. Мы же часто думаем наяву: был бы наш отец жив, что бы он на это сказал? Но это «если» сновидение может выразить, лишь создавая такую ситуацию, в которой такой человек еще жив. Например, молодому человеку, которому дедушка оставил большое наследство, снится, что тот жив и упрекает его в чрезмерной расточительности, призывая быть более бережливым. И когда с вершины наших знаний о том, как все обстоит на самом деле, мы протестуем против этого и говорим, что этот человек уже умер, то, что нам кажется критическим отношением, на самом деле – попытка утешить нас, потому что покойный уже не дожил до каких-то огорчительных событий. Или, наоборот, уже не может кардинально вмешиваться в нашу жизнь.

В сновидениях о наших покойных близких существует абсурдность другого рода, где не выражается ирония и насмешка[368]. Этот абсурд свидетельствует об энергичном протесте и отрицании изображения вытесненной мысли, которую человеку хочется представить как нечто нелепое. Такие сновидения поддаются толкованию, лишь если в сновидении не ощущается различия между желаемым и реальным. Так, например, одному человеку, который ухаживал за отцом во время его болезни и который потом тяжело переживал его смерть, некоторое время спустя приснилась следующая бессмыслица: *«Отец снова жив и говорит с ним, как обычно; но* (вот интересная деталь) *он все-таки умер, только сам этого не знает».* Это сновидение станет понятным, если слова «он все-таки умер» дополнить так: *«потому что тот, кому это снилось, этого и хотел»,* а после *«только не знает»* добавить *«спящий хотел этого».* Сын во

время болезни отца не раз желал ему смерти, испытывая благородное желание, чтобы смерть положила конец мучениям дорогого ему человека. Скорбя после его смерти, он даже это сострадание подсознательно ставил себе в упрек, словно именно это сократило дни его отца. Пробудившиеся детские враждебные импульсы по отношению к отцу создали это желание в его сновидении, но противоречие между мыслями в состоянии бодрствования и во сне придали этому сновидению характер абсурда[369].

Сны об умерших, которых мы любили, действительно ставят перед интерпретаторами сновидений такие проблемы, которые не всегда удается разрешить. Причина в том, что здесь мы сталкиваемся с высоким накалом амбивалентных эмоций, которые переполняют спящего по отношению к покойному. Обычно в таких снах к умершему поначалу относятся так, словно он еще жив, а потом вдруг оказывается, что он мертв, а в следующей части сновидения он снова изображается живым. Это сбивает с толку. В конце концов, я осознал, что подобные метания между жизнью и смертью должны указывать на то, что для спящего это *безразлично.* («Мне все равно, жив он или умер».) Это, конечно же, не настоящее безразличие, а то, к чему спящий стремится; так сновидение пытается смягчить накал эмоций спящего и потому становится репрезентацией *амбивалентности.* В других сновидениях о том, как человек общается с умершими, часто действует следующее правило, которое помогает нам разобраться в том, что мы чувствуем. Во сне ничто не указывает на то, что этот близкий человек действительно умер, спящий общается с ним на равных: это ему снится его собственная смерть, и если во время этого сновидения спящий воскликнет с удивлением: «Как же так, он же умер столько лет назад», то он таким образом отрицает, что тоже умер и оказался с покойным в одном пространстве, таким образом отрицая, что в этом сне он тоже умер. Но я готов признать, что при толковании сновидений были разгаданы далеко не все тайны подобного рода.

III

В следующем примере я сумел продемонстрировать, как в сновидении целенаправленно создается абсурд, который не имеет ни малейшего отношения к самому материалу этого сновидения. Речь идет о моем сновидении после встречи с графом Туном во время моей поездки на летний отдых. *«Я велю извозчику отвезти меня на вокзал. "По рельсам я, конечно, с вами не поеду", – ответил я ему, когда тот пожаловался на усталость; но мне кажется, будто я проехал с ним часть пути, по которому едут обычно на поезде».* В ходе анализа этой запутанной истории мы приходим вот к каким результатам. В тот день я нанял извозчика, который должен был отвезти меня на одну из отдаленных улиц Дорнбаха, пригорода Вены. Тот дороги не знал, но не сказал мне этого; наконец, я это заметил и показал ему дорогу, причем не удержался от колких замечаний в его адрес. От этого кучера одна нить мыслей ведет к размышлениям об аристократии, но об этом позже. Пока же ограничусь указанием на то, что нам, буржуазному плебсу, часто кажется, что аристократия охотно «забирает себе вожжи – бразды правления». В руках графа Туна ведь тоже бразды правления Австрией. Следующая фраза в сновидении относится к моему брату, которого я таким образом отождествляю с извозчиком. Я отказался поехать с ним вместе в этом году в Италию *(«по железнодорожному пути я с вами не поеду»);* этот отказ был вызван его вечными жалобами на то, что он, путешествуя со мной, устает (это вошло в сновидение без изменений), так как я нигде не живу подолгу. В день моего отъезда брат проводил меня до вокзала, но по дороге (мы отправились на вокзал на трамвае) слез, чтобы направиться прямо в Пукерсдорф. Я сказал ему, что он может проехать со мной еще немного и поехать в Пукерсдорф не на трамвае, а по Западной железной дороге. Это отразилось в сновидении в виде эпизода, когда я проезжаю в экипаже часть пути, по которому едут обычно в поезде. В действительности дело обстояло как раз наоборот; я сказал своему брату, что он может проехать со мной в поезде ту часть пути, по которой хочет ехать на трамвае. Все искажение в сновидении сводится лишь к тому, что я вместо «трамвая» вижу «экипаж», что помимо этого способствует еще моему отождествлению брата с кучером. А потом в сновидении возникает абсурд, который представляется на первый взгляд чрезвычайно загадочным и противоречит моей только что сказанной фразе «по железнодорожному пути я с вами не поеду». Так как мне вообще не нужно смешивать трамвай с извозчиком, то я, по-видимому, умышленно создал всю эту загадочную историю.

Тогда с какой целью? Мы узнаем сейчас, какую роль играет в сновидении абсурдность и отчего она возникает. Разгадка здесь вот в чем. Мне необходима в сновидении какая-нибудь абсурдность и что-либо непонятное в связи со словом «Fahren» (ехать), так как в мыслях, которые породили это сновидение, присутствует одно суждение, связанное с реальными событиями, – аргумент типа «tu quoque» – «на себя посмотри!». Однажды вечером, накануне этого сновидения, я был в гостях у одной знакомой дамы, которая в том же сновидении возникла в роли «хозяйки дома», и мне загадали две загадки, которые я не мог отгадать. Так как все остальные эти загадки уже знали раньше, то мои попытки справиться с ними всех развеселили. Они строились на игре слов: «Vorfahren» – «предки» и «Nachkommen» – «потомки». Вот эти загадки:

Der Herr befielt's
Der Kutscher tut's
Ein jeder hat's
Im Grabe ruht's

Господин велит,
Кучер делает,
Но это у всех есть,
Они лежат в гробах.

Первые две строки второй загадки повторяются, другие отличаются:

Der Herr befielt's
Der Kutscher tut's
Nicht jeder hat's
In der Wiege runt's

Господин велит,
Кучер делает,
В колыбельках спят они спокойно,
Но это есть не у всех.

Разгадка первой: «Vorfahren» – «предки»; второй: «Nachkommen» – «потомки».

Когда в тот вечер мимо меня величественно *проехал* граф Тун (vorfahrensah) и я, как и Фигаро, стал шутить, что заслуга аристократов в том, что они дают себе труд родиться на свет, тогда обе загадки были мной использованы для роли промежуточных звеньев в этом сновидении. Так как «аристократ» легко замещается в сознании «кучером» (см. выше) и так как извозчиков прежде у нас в стране величали «Herr Schwager» («зятек»), то процесс сгущения мог включить в сновидение и моего брата. А мысль, породившая это сновидение, гласит: «Нелепо гордиться своими предками (Vorfahren). Лучше я сам буду предком». Вследствие этой мысли («нелепо» и т. д.) и возник абсурд в сновидении.

Итак, сновидение становится абсурдным в том случае, если то мнение, которое лежит в его основе, что нечто «является абсурдным», включается в элементы материала сновидения – то есть если спящий что-то подсознательно критикует или над чем-то потешается. Именно из-за абсурдности в сновидениях появляются противоречия – наряду с инверсией в материале сновидения какого-то материального отношения к мыслям в сновидении, или если при этом задействовано подавление каких-то ощущений. Поэтому абсурд в сновидениях не формулируется при помощи простого «нет», он порождает направление мыслей в сновидении, где присутствует презрение или насмешка и противоречие. Именно так в сновидении возникает нечто смешное. *И снова в явной форме проявляется его латентное, скрытое содержание*[370].

Мы уже видели достаточно убедительный пример такого абсурдного сновидения: сновидение об опере Вагнера, для толкования которого мне не понадобилась помощь, где спектакль длился

до трех четвертей восьмого утра, об оркестре, дирижер которого стоит наверху на башне, и т. д., выражает, по-видимому, как все абсурдно в этом мире! Достойный человек ничего не получает, а кому это безразлично, у того есть все – спящая дама проводит тут, очевидно, параллель между своей судьбой и судьбой своей кузины. То, что все вышеупомянутые примеры абсурдных сновидений были сновидениями об умершем отце, также не является случайностью. В этих сновидениях в типичной форме проявляются все условия для формирования таких сновидений. Авторитет отца в раннем возрасте вызывает критику со стороны ребенка, строгие требования заставляют ребенка выискивать у отца слабые стороны, но почтительное чувство к отцу, в особенности после его смерти, ужесточает цензуру в сновидении, которая разрушает любую критику в открытой форме.

IV

Еще одно абсурдное сновидение об умершем отце. *«Мне пришло письмо из моей городской управы с требованием внести плату за содержание в госпитале в 1851 году. Я смеюсь над этим, так как, во-первых, в 1851 году я еще даже не родился на свет, во-вторых, мой отец, к которому это могло относиться, уже умер. Но я иду в соседнюю комнату, где он лежит в постели, и рассказываю ему это. К моему изумлению, он припоминает, что в 1851 году он был сильно пьян и его куда-то отвезли. Это было, когда он работал для Т. "Так ты, значит, и пил? – спрашиваю я. – И вскоре после этого женился? "Я высчитываю, что я родился в 1856 году; мне кажется, что одно событие следовало за другим».*

То, о чем мы рассуждали выше, должно навести нас на мысль, что такая навязчивая абсурдность в сновидении призвана указать нам на спорные мысли, породившие это сновидение. С тем большим удивлением мы констатируем, что в этом сновидении полемика ведется открыто и что ирония направлена именно на отца. Такая откровенность противоречит, по-видимому, нашему представлению о роли цензуры в процессах, управляющих сновидением. Недоразумение разъясняется, однако, тем, что здесь отец символизирует другого человека, и спор ведется с ним, на что в сновидении имеется лишь одно указание. Хотя в сновидении проявляется неприязненное чувство по отношению к другим лицам, за которыми скрывается отец, здесь все как раз наоборот: отец здесь заменяет других людей, и сновидение может глумиться над его неприкосновенной работой; при этом понятно, что в действительности речь идет вовсе не о нем. Это следует из мотивов сновидения. Мне все это приснилось вскоре после того, как я услышал, что мой старший коллега, мнение которого считается непогрешимым, высказался с возмущением и удивлением по поводу того, что один из моих пациентов пользуется моим психоаналитическим лечением вот уже *пятый год*[371]. В начале сновидения становится совершенно ясно, что именно этот коллега однажды принял на себя обязанности, которые не мог больше исполнять отец *(плата за содержание в госпитале);* когда же наша дружба пошатнулась, то я пережил ту же самую бурю чувств, что и в тех случаях, когда между отцом и сыном возникает недопонимание. Мысли, которые спровоцировали это сновидение, противоречат упреку в мой адрес – *что я не двигаюсь вперед;* этот упрек, вначале связанный с лечением этого пациента, распространяется затем и на нечто другое. Разве он знает кого-нибудь, кто мог бы это сделать быстрее? Ему разве неизвестно, что состояния такого рода обычно считаются неизлечимыми и продолжаются всю жизнь? Что значат какие-нибудь четыре-пять лет по сравнению с целой жизнью, особенно если пациенту само лечение приносит значительное облегчение?

Большая часть абсурда в этом сновидении связана с тем, что в нем сопоставлены без связующих элементов обрывки различных мыслей, которые его спровоцировали. Например, фраза *«Я иду к нему в соседнюю комнату и так далее»* уходит от темы, связанной с предыдущей частью сновидения, и в точности воспроизводит именно ту ситуацию, в которой я сообщил отцу о своей помолвке. Цель этой фразы – убедить меня в благородстве, которое проявил отец в той ситуации, в отличие от других людей. Я замечаю, что сновидение потому вправе высмеивать отца, что в мыслях, которые его спровоцировали, он ставится в пример другим людям. Всякой цензуре присуще то, что о запретных вещах можно скорее *лгать,* чем говорить правду.

Далее он вспоминает, что *был однажды сильно пьян и его куда-то отвезли;* здесь уже нет ничего такого, что в действительности происходило бы с моим отцом. Человек, который на самом деле фигурирует в этом сне под маской моего отца – это знаменитый Мейнерт[372], по

стопам которого я последовал с таким воодушевлением и дружелюбное отношение которого ко мне вскоре сменилось открытой враждебностью. Сновидение напоминает мне, во-первых, его собственный рассказ о том, как в молодые годы он *пристрастился к хлороформу* и лечился от этого пристрастия в госпитале, и, во-вторых, мою встречу с ним незадолго до его кончины. Я вел с ним ожесточенный литературный спор по поводу мужской истерии, которую он отрицал[373]; когда я посетил его во время болезни и осведомился о его самочувствии, он стал подробно описывать свои недуги и закончил словами: «Вы знаете, я всегда был одним из нагляднейших примеров мужской истерии». Так, к моему удивлению и удовольствию, он согласился с тем, что так долго и упорно отрицал. Но изображение Мейнерта как моего отца в этом сновидении объясняется сходством, которое я обнаружил между ними, и тем лаконичным утверждением в условном наклонении, которое выражало мысли, спровоцировавшие это сновидение, которое могло бы быть сформулировано так: «Да, если бы я был богатым наследником, сыном профессора или надворного советника, я бы, наверное, скорее чего-то добился в жизни».

В этом сновидении я и делаю отца профессором и надворным советником. Наиболее яркая и странная абсурдность этого сновидения заключается здесь в том, что я в нем уравниваю 1856 и 1851 год, как будто разница в пять лет не имеет никакого значения. Но именно эта часть мыслей, породивших это сновидение, и должна в нем выразиться. Четыре, пять лет – это как раз тот промежуток времени, в течение которого я пользовался поддержкой этого коллеги; в течение этого же времени я был женихом своей невесты и, наконец, в течение этого же времени я вселял в своего пациента надежду на полное исцеление; последнее совпадение носит случайный характер, но тем ярче проявляется в сновидении. «Что такое пять лет?» – вот какая мысль является подоплекой того сновидения. «Что это за срок! У меня еще много времени впереди, и то, во что вы не верили, сбылось; и это сбудется». Кроме этого, число 51, отделенное от цифры столетия, имеет еще и противоположное значение; поэтому оно и встречается в сновидении несколько раз. 51 год – возраст, наиболее опасный для мужчины: в этом возрасте умерло скоропостижно несколько моих коллег, среди них один, за несколько дней до того назначенный профессором после долгого ожидания[374].

V

Еще одно абсурдное сновидение, построенное на игре с числами. *Один мой знакомый М. в своем сновидении подвергся необоснованной и резкой критике в эссе, написанном самим Гете. Это была абсолютно незаслуженная обида. Господина М. это очень выбило из колеи. Сидя за столом, он с горечью поведал об этом присутствовавшим там людям; но от этого его уважение к Гете не уменьшилось. Я попытался соотнести это событие с хронологическими реалиями, и у меня получилось нечто странное. Гете умер в 1832 году; так как его критика М. относится, понятно, к более раннему периоду жизни, то М. был в то время совсем молодым человеком. Мне думается, что ему было тогда около 18 лет. Я не был уверен, какой сейчас год, и потому все мои расчеты оказались несостоятельными. Кстати, критика господина М. опубликована в известном произведении Гете «Природа».*

Разъяснить абсурдность этого сновидения не представляет никакого труда. Господин М., с которым я познакомился *за обедом,* недавно обратился ко мне с просьбой проконсультировать его брата, у которого проявлялись симптомы *общего паралича.* Его опасения оказались обоснованными. Во время консультации больной без всякого повода стал упрекать брата в его *грехах молодости.* Я спросил у больного год его рождения и заставил проделать несколько арифметических вычислений, чтобы констатировать степень ослабления памяти; у него это вызвало значительные трудности. И вот я сам уже веду себя, как паралитик в этом сновидении *(«не знаю, какой сейчас год»).* Другая часть материала этого сновидения относится к другому источнику. Один мой знакомый редактор медицинского журнала опубликовал в нем весьма резкую, *«разгромную»* критическую рецензию о последней работе моего коллеги Ф. (Флисса) в Берлине; рецензия эта принадлежала перу одного очень *молодого* врача, неспособного мыслить критически. Я счел своим долгом вмешаться в ситуацию и попросил редактора во всем разобраться; тот ответил, что крайне сожалеет о происшедшем, но опровержение печатать не будет. Тогда я изменил свое отношение к этому журналу в худшую сторону, но в письме к редактору выразил *надежду,* что *наши личные отношения от этого нисколько не*

пострадают. Третьим источником этого сновидения был рассказ одной пациентки о психической болезни ее брата, который во время приступов кричит: *«Природа, природа!»* Врачи предполагают, что на это повлияло прочтение одноименного произведения Гете, а сами приступы свидетельствуют о переутомлении больного во время занятий натурфилософией. Но я предположил, что за этим кроется сексуальная подоплека; мое мнение вскоре подтвердилось, когда этот несчастный во время приступа изуродовал себе половые органы. Во время первого припадка *ему было 18 лет.*

Кроме того, книга моего друга, которая подверглась такой резкой критике («Когда читаешь это, то думаешь, кто тут сумасшедший – я или автор», – так высказался на этот счет другой критик), рассматривает значение *хронологических данных* жизни человека и демонстрирует, что продолжительность жизни Гете складывается из ряда чисел (дней жизни), которые имеют особое значение с биологической точки зрения. *(Я попытался соотнести это событие с хронологическими реалиями…)* Но я веду себя как паралитик, и сновидение принимает абсурдный характер. Это означает, что мысли, которые спровоцировали это сновидение, ироничны: «Разумеется (нем. «naturlich» одного корня с «Nature» – «природа»), он глупец, сумасшедший, а вам, гениям, виднее. А может быть, все наоборот?» И в этом сновидении есть множество примеров подобной *инверсии,* которая выражается в чрезвычайно пластичной форме. Гете критикует молодого человека – это абсурд, а молодой человек мог бы критически отозваться о бессмертном Гете, и далее – я произвожу вычисление с года *смерти* Гете, хотя в действительности я просто выяснял у пациента год его *рождения.*

Но я стремился продемонстрировать, что в сновидениях присутствуют не только эгоистические соображения. Поэтому мне необходимо объяснить, почему в этом сновидении я оказался в этой истории вместо моего друга. Для этого недостаточно просто силы моего критического мышления. История 18-летнего больного и различие в интерпретациях причин его восклицаний «Природа! Природа!» указывает на то, что я не согласен с большинством врачей, указывая на сексуальную подоплеку в этиологии психоневрозов. Я могу сказать себе: «Скоро и тебя раскритикуют так же, как и твоего друга, – и до некоторой степени это *уже произошло».* И вот я могу заменить элемент «он» в мыслях в этом сновидении элементом «мы»: «Да, вы правы, это мы – глупцы». Во сне содержится довольно ясное указание на то, что «mea res agitur» – это намек на короткое, но прекрасно написанное эссе Гете, потому что именно оно навело меня на мысль стать естествоиспытателем, когда я в юные годы размышлял о том, какое поприще себе избрать[375].

VI

Я уже приводил в этой книге пример того, как мое собственное эго не проявлялось в сновидении, но все же это сновидение оказалось эгоистическим. Я рассказал про сновидение о том, как профессор М. говорит: *«Мой сын, Миопс…»* — и упомянул о том, что это лишь вступительная часть к другому сновидению, в котором я тоже *участвовал.* Вот это главное сновидение, а его абсурдность и странные обороты речи требуют пояснений. «Б *Риме что-то случилось, и потому необходимо вывезти оттуда всех детей. Действие происходит у больших античных ворот (Porta romanae в Сиене, я узнаю их в этом сновидении). Я сижу у колодца; я очень огорчен и едва сдерживаю слезы. Какая-то женщина – или служительница, или монахиня – приводит двух мальчиков и передает их отцу. Их отец не я. Старший из этих мальчиков похож на моего старшего сына, лица младшего я не вижу; женщина, которая привела этих мальчиков, просит его, чтобы он поцеловал ее на прощание. У нее большой красный нос. Мальчик целовать ее отказывается, но подает ей руку и говорит "Auf Ceseres", а нам обоим (или одному из нас) "Auf Ungeseres". Я догадываюсь, что второе обращение выражает его более теплое отношение к нам»*[376].

Это сновидение было навеяно пьесой «Новое гетто», которую я видел в театре. Нетрудно заметить, что подтекст сновидения связан с еврейским вопросом[377], народом, у которого так и не будет своей страны, беспокойство о том, как воспитать их и дать им такое образование, чтобы они могли спокойно пересекать границы разных государств, – все это угадывается по мыслям в этом сновидении.

«Мы сидели на реках Вавилонских и плакали». Сиенна, как Рим, славится своими красивыми фонтанами. Если Рим возник в одном из моих сновидений, то мне нужно было найти ту местность, которая мне представилась в образе Рима. Близ Porta Romana в Сиене мы увидели большое, ярко освещенное здание. Мы узнали, что это Маникомио, сумасшедший дом. Незадолго до того, как мне приснился этот сон, я узнал, что один врач того же вероисповедания, что и я, был вынужден уволиться с должности в государственной психиатрической клинике, которую получил с большим трудом.

Наше внимание привлекают слова мальчика *«Auf Ceseres»,* которые он произносит вместо предсказуемого в этой ситуации речевого оборота *«Auf Wiedersehen»* (до свидания), и совершенно бессмысленное *«Auf Ungeseres».*

По сведениям, полученным мной от филологов, *«geseres»* — древнееврейское слово, производное от глагола *«goiser»,* оно означает *«предначертанные страдания». «Ungeseres»* придумано мной самим и потому привлекает мое особое внимание. Поначалу я ничего не понимаю. Но короткая реплика в конце сновидения, говорящая о том, что в этом слове содержится большая степень пиетета по сравнению с *«geseres»,* наводит на ассоциации и при этом проясняет происхождение и смысл этого слова. С икрой ведь происходит то же самое: несоленая ценится дороже соленой *(«ugesalzen»* и *«gesalzen»).* Икра в глазах простых людей – это «претензия на аристократизм»; здесь содержится намек на одну женщину, которая работает у нас в доме, которая, как я надеялся, может лучше следить за воспитанием моих детей, потому что она меня моложе. И мне бросилось в глаза, что прекрасная няня моих детей тоже очень напоминает служительницу (или монахиню) из этого сновидения. Между рядами *«gesalzen – ungesalzen»* и *«Ceseres – Ungeseres»* нет логической связки. Она находится в ряде *«gesauert – ungesnuert» («заквашенный – незаквашенный»);* при исходе из Египта дети Израиля не успели заквасить свое тесто и до сих пор в память об этом едят на Пасху пресный хлеб. Я вспоминаю, как на Пасху я вместе с одним своим коллегой из Берлина прогуливался по улицам незнакомого мне Бреславля. Ко мне подошла какая-то девочка и спросила, как пройти на какую-то улицу; я ответил, что не знаю, как пройти туда, и сказал потом своему спутнику: Надо надеяться, что эта девочка выкажет впоследствии большую опытность в выборе людей, которые будут руководить ею». Вскоре после этого мне бросилась в глаза дощечка на двери: «Д-р Ирод[378]. Часы работы…». Я пошутил: «Надеюсь, что это не педиатр». Мой спутник рассказывал мне при этом о своих взглядах на биологическое значение *двухсторонней симметрии* и одну из своих фраз начал так: «Если бы у нас был всего один глаз посреди лба, как у Циклопа…» Это напоминает нам слова профессора М. во введении к сновидению: *«Мой сын, Миоп…»* Так я и выяснил этимологию слова *«geseres».* Много лет тому назад, когда этот сын профессора М., теперь известный ученый, сидел еще на школьной скамье, у него заболели глаза. Врач выразил опасение по этому поводу, но сказал, что пока болезнь коснулась одной стороны и тревожиться нечего; если же она перейдет на *другой глаз,* придется принять решительные меры. Первый глаз действительно вскоре поправился, но спустя некоторое время болезненные симптомы обнаружились на *другом глазу.* Перепуганная мать вызвала в деревню, где они в то время жили, врача. Но тот рассердился. «Was machen Sie *Geseres?»* («Что вы тут панику развели?») – «Если на *одной* стороне зажило, заживет и на *другой».* Он оказался прав.

Теперь нам необходимо понять, каким образом все это связано со мной и с моими близкими. Школьную парту, за которой учился в детстве сын профессора М., его мать подарила моему старшему сыну, на которого похож тот ребенок, который в этом сне прощается с помощью этих странных слов. Одно из желаний, связанных с таким переносом, понять нетрудно. Эта школьная парта благодаря своей особой конструкции должна предотвратить развитие у ребенка *близорукости* и *искривления позвоночника.* Вот почему в сновидении *Миоп* (и, стало быть, *Циклоп)* и рассуждение о *двух сторонах чего-то.* Мое беспокойство об односторонности наделено несколькими смыслами: помимо искривления позвоночника – физической «однобокости», здесь может идти речь об односторонности умственного развития. Может ли быть так, что именно этому беспокойству нечто противопоставлялось в сновидении странным и причудливым образом? Обратившись со словами прощания к одному человеку, мальчик потом произносит нечто противоположное, словно для того, чтобы уравновесить ситуацию. *Он словно соблюдает правила двухсторонней симметрии*[379].

Итак, чем безумнее нам кажется сновидение, тем более глубокая мысль в нем содержится. Всегда те люди, которым нужно было сказать что-нибудь важное, но которые не могли этого делать напрямую, надевали шутовской колпак. Слушатель, которому адресовались такие запретные речи, мог их стерпеть, если они смешили его, и при этом льстил себя тем, что такие нелицеприятные речи были явно бессмысленными. Поведение принца, который изображал из себя сумасшедшего в известной пьесе, воспринимается точно так же, как мы воспринимаем содержание сновидений в состоянии бодрствования: «Я безумен только при норд-весте; если же ветер с юга, я могу отличить сокола от цапли»[380].

Итак, я разрешил проблему абсурда в сновидениях, продемонстрировав, что мысли в сновидении никогда абсурдными не бывают – по крайней мере, у людей, нормальных в умственном отношении, и что процессы, происходящие в сновидении, формируют абсурдные сновидения или их отдельные абсурдные элементы, если так в них изображаются критика, насмешка или презрение, которые содержатся в мыслях этого сновидения[381].

Теперь мне предстоит задача доказать, что процессы в сновидении представляют собой лишь комбинацию трех вышеуказанных факторов[382] и еще одного, четвертого, о котором далее пойдет речь; что функция этих процессов, управляющих сновидением, заключается в приведении мыслей в сновидении в соответствие с этими четырьмя факторами, которые составляют его суть; а также решить вопрос о том, функционирует ли сознание во сне на полную мощность или какая-то его часть работает неправильно и искажает реальные факты. Но поскольку существует огромное множество сновидений, где мы сталкиваемся с попытками вынести суждения, критиковать что-то и что-то считать ценным, в которых удивление по какому-то поводу проявляется в конкретном элементе сновидения, где предпринимаются попытки что-то объяснить, и строятся аргументы, мне необходимо ответить на возражения по поводу всех этих явлений и предоставить ряд конкретных примеров.

Мой ответ на критику заключается в следующем: все, что в сновидении кажется проявлением мыслительных действий, не должно считаться мыслительным процессом, а относится к материалу тех мыслей, которые спровоцировали это сновидение, которые переносятся в его доступное непосредственному наблюдению содержание в качестве готовой законченной структуры. Более того, даже те суждения, которые делаются *после пробуждения,* когда сохраняются воспоминания о сновидении, и чувства по этому поводу в значительной степени формируют часть латентного содержания этого сновидения, и их необходимо учитывать при толковании.

I

Я уже приводил наглядный пример этого выше. Одна пациентка отказывается рассказать о своем сновидении, потому что не может вспомнить его как следует. Ей приснился кто-то, и она не знает, был ли это ее муж или отец. Во второй части сновидения играло какую-то роль «помойное ведро» (Misttrugerl), которое напомнило ей вот о чем. Когда она только училась вести собственное хозяйство, она сказала в присутствии одного своего родственника, что ее главная задача теперь – приобрести новое помойное ведро. На следующее утро он прислал ей такое ведро с букетом ландышей внутри. Этот фрагмент сновидения образно интерпретирует одну немецкую поговорку: «Не вырос на собственном навозе»[383]. Продолжив анализ этого сновидения, я узнал, что в мыслях, которые спровоцировали его, обнаружился след воспоминания об одной истории, которую она слышала в детстве: *одна девушка родила ребенка и не знала, кто его отец.* Процессы в сновидении захватывают и мышление в состоянии бодрствования, один из элементов мыслей в сновидении выразился в суждениях в состоянии бодрствования, которые распространялись на это сновидение в целом.

II

Вот похожий пример.

Сновидение одного из моих пациентов показалось ему таким интересным, что он, проснувшись, тотчас же сказал себе самому: «Я должен *рассказать об этом моему доктору*». Во

время анализа этого сновидения обнаружился намек на любовную связь, в которую он вступил во время лечения и о которой твердо решил ничего мне *не рассказывать.*

III

Вот третий пример, моего собственного сновидения:

Я шел в больницу вместе с П. через район города, где много домов с садами. У меня возникает ощущение, что мне это все уже снилось раньше. Но я не знаю точно, куда идти. П. показывает мне дорогу, по которой и прихожу в (в помещение, не в сад) ресторан. Я иду туда и спрашиваю, как найти госпожу Дони. Мне говорят, что она живет с тремя детьми в маленькой комнатке. По дороге к ней я встречаю моих двух маленьких дочек, а рядом с ними какой-то неясный человеческий силуэт. Я немного постоял с ними и поговорил, а затем увел дочерей с собой. В душе я был недоволен своей женой за то, что она оставила дочерей там совсем одних.

При пробуждении я испытываю чувство *удовлетворения* и думаю, что оно связано с тем, что теперь я смогу объяснить себе значение чувства, что тебе уже что-то раньше снилось[384]. Но в ходе анализа ничего подобного не выяснилось; стало понятно лишь, что чувство удовлетворения относится к скрытому содержанию сновидения, а не к суждению о нем. Удовлетворение я испытываю потому, что у меня есть дети. П. – человек, с которым я уже был какое-то время знаком; со временем он стал успешнее меня в социальном и материальном отношении, но, хотя он был женат, детей у него не было. Анализ вскрывает два мотива этого сновидения. Накануне я прочел в газете объявление о смерти некоей г-жи Доны А. (отсюда и фамилия Дони), умершей от родов; жена сообщила мне, что ребенка у покойной принимала та же акушерка, что и у нее. Имя Дона мне запомнилось потому, что незадолго до того я впервые встретил его в одном английском романе. Другой источник сновидения выяснился в связи с тем, когда оно меня посетило; я видел его как раз в ночь накануне дня рождения моего старшего сына – у которого, похоже, есть поэтический талант.

IV

Такое же чувство удовлетворения я испытал, проснувшись после того абсурдного сновидения, в котором отец после своей смерти стал выдающимся политиком в Венгрии: причина этого удовлетворения в том, что я продолжал испытывать то же чувство, что и в заключительной части сновидения: *«Я вспоминаю, что на смертном одре он был похож на Гарибальди, и ощущаю радость оттого, что он стал великим человеком-» (далее мне снилось еще что-то, но я забыл, что именно).* Анализ помогает мне выяснить, чем заполнить этот пробел в сновидении: это упоминание о моем втором сыне, которому я дал имя одного великого человека, потому что в мои юношеские годы, особенно после моего пребывания в Англии, я был под впечатлением от его личности. Я решил, что если у меня родится мальчик, то я назову его именно в честь этого человека, и *был очень рад,* что так и произошло. (Мы видим, как мегаломания – подавленная мания величия отцов – проникает в их мысли о собственных детях, и может быть, именно так происходит подавление этого чувства в реальной жизни.) Маленький мальчик появился в том сновидении именно оттого, что и у него, как и у умирающего человека, была эта проблема – он пачкал испражнениями простыни. В связи с этим сравним выражение «Stuhlrichter» («главный судья», дословно – «человек на стуле» – «стулосудья») и выраженное во сне желание возвыситься в глазах своего ребенка, остаться в его памяти *великим человеком с незапятнанной репутацией.*

V

Теперь рассмотрим, как выражаются суждения, которые человек вынес в сновидении, но которые продолжают занимать его мысли и после пробуждения или оказывают влияние на него в состоянии бодрствования. Сновидение о Гете, который раскритиковал господина М., содержит, по-видимому, множество таких суждений. *«Я попытался соотнести это событие с хронологическими реалиями, и у меня получилось нечто странное».* Это со всех точек зрения

напоминает критику абсурдной мысли, что Гете мог обрушить свою литературную критику на моего молодого знакомого. *«Мне думается, что ему было тогда около 18 лет».* Это напоминает результат неверного вычисления, а фраза *«я не знаю, какой сейчас год»* могла быть примером неуверенности или сомнения в сновидении.

Похоже, что сначала эти суждения высказывались в сновидении. Но в ходе анализа выяснилось, что их словесное выражение может направить нас по другому пути, существенно важному для толкования этого сновидения, и в результате от абсурдности не останется и следа. С помощью фразы *«я попытался соотнести это событие с хронологическими реалиями»* я ставлю себя на место своего друга (Флисса), который действительно стремится выяснить роль времени в жизни. И эта фраза больше не воспринимается как суждение, в котором выражается протест относительно абсурдности предыдущих предложений. Фрагмент фразы *«которое представляется невероятным»* относится к дальнейшему: *«Мне думается».* Приблизительно так же я ответил той даме, которая попросила совета по поводу болезни ее брата: *«Мне представляется невероятным, чтобы восклицание "Природа, природа!" имело что-нибудь общее с Гете; я усматриваю* здесь сексуальную подоплеку». Конечно, здесь было выражено какое-то суждение, но не в сновидении, а в реальной жизни; по поводу события, которое потом проникло в воспоминания и вплелось в мысли в сновидении, а оно присвоило себе эту мысль, как всякий любой фрагмент мыслей в сновидении. Число 18, с которым это суждение парадоксальным образом связано в сновидении, еще сохраняет следы источника самого этого суждения. Наконец, фраза *«я не знаю, какой сейчас год»* обозначает, что во сне я отождествил себя с человеком, страдавшим параличом.

Когда отвечаешь на вопрос, какую роль играют суждения в сновидении, следует полагаться на правило их толкования, которое гласит, что связь отдельных элементов сновидения настолько призрачна, что ее можно игнорировать и вместо этого подвергать анализу каждый элемент сновидения в отдельности. Сновидение представляет собой сложное многокомпонентное образование, которое в целях анализа необходимо снова разделить на отдельные части. Но мы убедимся в том, что в сновидениях действует некая психическая сила, которая придает им внешнюю связность и достоверность, то есть подчиняет материал, который возникает в результате действующих в сновидении процессов, некоему «вторичному переосмыслению». Так мы узнаем о четвертом факторе формирования сновидений; мы еще будем его обсуждать.

VI

Вот еще один пример процесса принятия решений и суждений в записанных мною примерах сновидений. В абсурдном сновидении о письме городской управы я спрашиваю у отца: *«Ты вскоре после этого женился? По моим расчетам, я родился в 1856 году; думаю, одно событие последовало за другим».* Все это приняло форму логических умозаключений. Отец женился в 1851 году; я его старший сын и родился в 1856 г. Это верно. Как мы знаем, это ложное умозаключение основано на осуществлении желания в сновидении, а основная мысль его заключается в следующем: *«Какие-то 4–5 лет, это не имеет никакого значения».* Но все части этого умозаключения, какими бы похожими они ни были друг на друга как по содержанию, так и по форме, необходимо объяснять по-разному, исходя из мыслей в сновидении. Именно мой *пациент,* чье лечение коллега считает затянувшимся, собирается жениться тотчас же после лечения. Мое отношение к отцу в сновидении напоминает допрос или экзамен и напоминает мне еще одного моего преподавателя в университете, который практически устраивал допрос тем студентам, которые записывались к нему на лекции: «Когда родились?», «Кто ваш отец?» Ему называли имя отца с латинским окончанием; мы, студенты, думали, что этот надворный советник по имени отца *придет к выводам,* для которых знания одного только имени студента ему было недостаточно. Таким образом, *построение выводов* в сновидении является лишь повторением другого умозаключения, которое возникло в сновидении в качестве его материала. Здесь нам удалось выяснить нечто новое: если в содержании сновидения присутствует умозаключение, то оно, безусловно, связано с мыслями, которые его спровоцировали; в них оно может отчасти относиться к материалу воспоминаний или в качестве логической связки может указывать на ряд конкретных мыслей. В обоих этих случаях умозаключение в сновидении представляет собою умозаключение и в мыслях человека, которые это сновидение спровоцировали[385].

И теперь мы можем продолжить анализ сновидения. С допросом профессора связано воспоминание о списке студентов (в мое время он составлялся по латыни). Теперь мы обращаемся к моим занятиям. Я решил, что для изучения медицины пяти лет в университете недостаточно. Я продолжал учебу, хотя мои знакомые считали меня бездельником, сомневаясь, что у меня что-то получится. Тогда я решил *скорее* сдать экзамены и сделал это успешно, хотя это и произошло *спустя какое-то время.* Вот и новое подкрепление мыслей, скрывающихся за сновидением, в которых я вступал в яростный спор с моими критиками: «Вы сомневались во мне, но я *должен* достичь цели, я *должен* закончить учебу. Мне и раньше это удавалось».

В начале этого же сновидения есть элементы, которые явно являются аргументами в споре. И эта аргументация не абсурдна, то же самое я бы мог утверждать в бодрствующем состоянии. *В сновидении я потешаюсь над письмом из городской управы, поскольку, во-первых, в 1851 г. меня еще не было на свете, а во-вторых, отец, к которому это может относиться, уже умер.* И то и другое не только верно и обоснованно, но я вполне мог бы привести такие аргументы, если бы получил подобное письмо в действительности. Мой предыдущий анализ этого сновидения продемонстрировал, что оно было спровоцировано горькими и саркастическими мыслями. Если мы допускаем, что для их цензуры были веские основания, то станет понятно, что процессы, управляющие этим сновидением, были *нацелены на создание абсолютно обоснованного сопротивления абсурдному предположению* той модели, которая содержалась в мыслях этого сновидения. Но этот анализ доказывает, что сновидение не творит ничего само по себе: оно может и должно пользоваться для этого тем материалом, которое черпает из мыслей спящего человека, подобно тому, как в каком-нибудь алгебраическом уравнении помимо знаков «+» и «-» присутствовали бы символы потенциала и радикал, и кто-то, описывая это уравнение и не понимая его, переписал бы эти знаки вместе с цифрами в полном беспорядке. Два этих аргумента (в содержании сновидения) можно отнести вот к какому материалу: мне было неприятно сознавать, что публикации некоторых моих трактовок психоневрозов могут стать предметом нападок и насмешек. Например, я утверждаю, что уже некоторые впечатления второго, а иногда даже и первого года жизни оставляют глубокий эмоциональный след в душе человека. И если впоследствии у него развивается какое-то заболевание, такие впечатления в искаженном и преувеличенном виде могут стать первой и глубокой основой для формирования истерических симптомов. Когда я объясняю это моим пациентам в подходящий для этого момент во время курса лечения, обычно насмешничают надо мной, предлагая рассмотреть и *те события, которые происходили до их рождения.* Мое открытие, связанное с ролью отца в формировании первых сексуальных импульсов пациенток, тоже, скорее всего, столкнется с подобной реакцией. Но я при этом считаю, что обе мои гипотезы верны. Для их подтверждения я вспоминаю несколько примеров, когда ребенок теряет отца в раннем детстве и когда более поздние факты его жизни, иначе не поддающиеся объяснению, доказывают, что ребенок все же сохранил бессознательные воспоминания о родном человеке, который рано ушел из его жизни. Я знаю, что оба *мои утверждения основаны на выводах,* в которых могут усомниться. И потому благодаря осуществлению желания в сновидении, материал которого воспроизводил именно *те выводы,* которые, как я боялся, могут вызвать шквал критики, процессы в сновидении *привели к таким выводам, оспорить которые невозможно.*

VII

В начале того сновидения, о котором я лишь бегло упоминал, явно выражалось удивление по поводу его темы. *Старый Брюкке, вероятно, поручил мне произвести какой-то опыт; КАК НИ СТРАННО, нужно препарировать нижнюю часть моего собственного тела, таза и ног. Я вижу их перед собой как в анатомическом театре, но не испытываю при этом ни боли, ни страха. Меня препарирует Луиза Н. Мой таз очищают от мышц; я вижу его сверху и снизу, вижу большие кровавые узлы мускулов (и это наводит меня на мысли о геморрое). Необходимо еще удалить все, что покрывает стенки и напоминает серебряную фольгу*[386]*. Но вот я снова на ногах, иду куда-то по городу, но чувствую, что устал, и поехал на экипаже. К моему удивлению, возница въехал в какие-то ворота; мы попали в узкий проезд, который в конце заворачивает, и мы снова оказались под открытым небом*[387]*. Потом я отправился куда-то вместе с альпийским проводником, который нес мои вещи. Потом часть пути он нес и меня самого*

тоже, потому что у меня устали ноги. Местность была болотистая, мы шли по краю обрыва. На земле сидели люди, среди них были девушки; это был цыганский табор или поселение индейцев. А до того я каким-то образом шел по болотистой местности самостоятельно и удивлялся, как я мог это делать, несмотря на операцию. Наконец, мы пришли в какой-то деревянный домишко, где вместо задней стены было большое окно. Проводник спустил меня на пол и положил на подоконник две доски, которые там валялись, чтобы я мог перейти через ров, вырытый под окном. Тут мне стало страшно, как бы чего не случилось с моими ногами. Но вместо перекинутого мостика я увидел двух взрослых мужчин, которые лежали на деревянных скамьях вдоль стен, а рядом с ними – двух детей. Словно надо было шагать не по доскам, а наступать на этих детей… и тут я в ужасе просыпаюсь.

Кто уже в достаточной степени представляет себе интенсивность процесса сгущения в сновидении, тот легко поймет, сколько страниц должен был бы занять анализ этого сновидения. Но ради связности изложения я воспользуюсь им, лишь как примером чувства удивления в сновидении, которое здесь выражалось во фразе: *«каким-то образом»*. Вот что спровоцировало это сновидение. Ко мне пришла в гости та самая Луиза Н., которая в сновидении препарирует нижнюю часть моего тела. Она обратилась ко мне с просьбой: «Дай мне что-нибудь почитать». Я предлагаю ей роман *«Она»* Райдера Хаггарда. «Это *странная* книга, но в ней много глубокого смысла, – объясняю я, – и вечная женственность, и бессмертие чувства»… Но она перебивает меня: «Я ее уже читала. Нет ли у тебя чего-нибудь своего?» – «Нет, мои собственные бессмертные произведения еще не написаны». – «Так когда же выйдет твое последнее сочинение, которое, как ты обещал, мы тоже сможем почесть?» – спрашивает она. Я понимаю, что она говорит под влиянием чужого мнения, и ничего не отвечаю; я думаю о том, как мне придется бороться с собой, чтобы опубликовать мою работу о сновидениях, где я должен обнародовать столько подробностей своей личной жизни.

Das Beste was du wissen kannst,
Darfst du den Buben doch nicht sagen[388].

Препарирование собственного тела, которое мне приснилось, оказывается, таким образом, самоанализом[389], связанным с рассказом о моих собственных сновидениях. Старый Брюкке здесь очень кстати – уже в первые годы своей научной деятельности я так и не решался опубликовать одну из своих работ, пока он не уговорил меня, весьма энергично, сделать это. Далее мои мысли, связанные с разговором с Луизой Н., уходят в глубины моего подсознания; они отклоняются от своего прямого пути благодаря упоминанию о романе «Она» Райдера Хаггарда. К этой и к другой книге того же автора «Сердце мира» относится мое суждение *«каким-то образом»,* а множество разных элементов этого сновидения позаимствованы из обоих его фантастических романов. Болото, через которое меня несет проводник, ров, который нужно перейти через мостик, и все остальное относятся к роману «Она»; индейцы, девушка и деревянный домик – к «Сердцу мира». Главный персонаж в обоих романах – женщина, в обоих речь идет об опасных путешествиях и приключениях. Мои уставшие ноги – это, безусловно, отражение реальных ощущений предыдущих дней. Оттого, что я так устал, мне пришла в голову мысль: «Сколько еще мне влачить ноги?» В романе «Она» дело кончается тем, что героиня вместо того, чтобы достичь собственного бессмертия и принести его другим, погибает в горящем центре земного шара. Подобный страх угадывался и в мыслях, лежавших в основе этого сновидения. «Деревянный домишко» – это гроб, могила. Но это сновидение создало совершенно бесподобный образ самых нежелательных мыслей в форме осуществления желания: я действительно однажды побывал в могиле, это произошло в этрусской гробнице в Орвиетто; это было тесное помещение с двумя каменными скамьями вдоль стен, на которых лежали два скелета. Совершенно так же выглядел деревянный домишко в этом сновидении, с той только разницей, что он был не каменный, а деревянный. Сновидение, по-видимому, хотело мне сказать: «Если уж ложиться в гроб, то пусть это будет хотя бы этрусская гробница»; это замещение превращает печальную мысль в осуществление заветного желания[390]. Но, к сожалению, это сновидение, как мы далее убедимся, может превратить в собственную противоположность лишь идею, сопровождающую какой-то аффект, а не сам этот аффект. Поэтому я и просыпаюсь в страхе; но до этого меня посещает мысль о том, что, быть

может, дети достигнут того, чего не достиг отец; это еще одно указание на фантастический роман, в котором проводится мысль о сохранении существенных черт личности в течение целого ряда поколений[391].

VIII

В следующем сновидении также выражается удивление по поводу того, что в нем происходит, но в этом случае оно связано с попыткой такого оригинального, глубокого и по-настоящему остроумного объяснения, что только ради этого следовало бы провести анализ этого сновидения, даже если бы в нем отсутствовали еще два элемента, которые могли бы нас заинтересовать. *Ночью с 18 на 19 июля я ехал по южной железной дороге (Sudbarn), в купе уснул и сквозь сон услышал: «Голлтурн*[392] *10 минут!» Я тотчас же вспомнил о моллюске голотурии – в естественно-историческом музее – и подумал, что именно там горстка храбрецов мужественно боролась с деспотизмом повелителя страны. (Да, точно, контрреволюция в Австрии.) Это вроде как где-то в Штирии или в Тироле. Но вот я смутно вижу небольшой музей, в котором сохраняются воспоминания об этих людях. Я хочу выйти из вагона, но не уверен, стоит ли это делать. Там на перроне много женщин, торгующих овощами, они сидят, подобрав ноги, и протягивают пассажирам свои корзины. Я не решался выйти из вагона, боясь, что отстану от поезда, а стоянка все продолжается. Неожиданно я оказываюсь в другом купе, сиденья тут такие узкие, что спиной касаешься их спинок.* Эта фраза непонятна мне самому, но я следую правилу излагать сновидение так, как оно приходило мне в голову при его записывании. Словесное описание тоже ведь является одним из выразительных средств сновидения. *Я удивляюсь этому, но ведь я мог перейти в другое купе, пока дремал. Тут несколько человек, среди них брат с сестрой, англичане. На полке и на стене много книг. Я вижу «Wealth of nations» и «Matter and Motion» Максуэлла в толстых коричневых холщовых переплетах. Брат спрашивает сестру, не забыла ли она захватить сочинения Шиллера. Книги на стене принадлежат как будто то мне, то англичанам. Мне хочется вмешаться в их разговор. Я просыпаюсь весь в поту. Окна в купе плотно закрыты. Поезд стоит в Марбурге.*

Во время записи сновидения мне вспоминается еще одна его часть, которую я пропустил. *Я указываю англичанам на одну из книг и говорю: «It is from…» Но поправляюсь тотчас же: «It is by…» Брат замечает сестре: «Он сказал правильно»*[393].

Сновидение начинается с названия станции; в полусне я слышал название станции, но полностью не проснулся. Я заменил *Марбург Голлтурном.* То, что я слышал восклицание «Марбург», доказывается упоминанием в сновидении о Шиллере, который родился в Марбурге, хотя, правда, не в Штирии[394].

Хотя я ехал первым классом, но в некомфортных условиях. Поезд был переполнен, в купе я встретил одного господина и даму; они были весьма бестактны и не сочли даже нужным скрыть свое неудовольствие по поводу моего вторжения. На мой вежливый поклон они не соизволили ответить; хотя они и сидели рядом на противоположной скамейке, дама поспешила занять своим зонтиком и третье место у окна. Дверь тотчас же они закрыли и стали демонстративно говорить об опасности сквозняка. Они, вероятно, заметили, что мне жарко. Ночь была теплая, и в купе, закрытом со всех сторон, было нестерпимо душно. По опыту я знаю, что так обычно ведут себя пассажиры, которые едут по бесплатным билетам или по купленным вполцены. И действительно, когда пришел кондуктор и я предъявил билет, раздался важный, чуть ли не грозный окрик дамы: «У нас служебные».

Она была высокого роста, полная, немолодая, ее красота уже увядала; ее муж все время молчал и сидел неподвижно. Я попробовал уснуть и в сновидении жестоко отомстил своим нелюбезным спутникам. Трудно представить себе, какие нелицеприятные слова в их адрес скрываются за отрывочными элементами первой половины сновидения. После удовлетворения этой жажды мести в сновидении у меня проявилось желание перейти в другое купе. Но тут что-то заставляет меня найти объяснение этой перемене места действия сновидения. Как я вдруг оказался в другом купе? Я же не помню, чтобы я туда переходил. Мне оставалось только одно: предположить, *что я перешел туда не просыпаясь, как лунатик,* это очень странное явление, но его примеры знакомы невропатологам. Нам известны случаи, когда человек совершает путешествие в полубессознательном состоянии, но со стороны его состояние не заметно;

проходит какое-то время, он приходит в себя и сам удивляется пробелам в своих воспоминаниях. Таким случаем лунатизма, «automatisme ambulatoire»[395], я считаю в сновидении мой переход из одного купе в другое.

Анализ предполагает и другое толкование. Объяснение, которое удивляет меня, если я связываю его с процессами, регулирующими сновидение, принадлежит не мне, а воссоздает проявления невроза у одного из моих пациентов. Мне приходилось уже рассказывать об этом чрезвычайно разумном и весьма добродушном молодом человеке, который вскоре после смерти родителей стал приписывать себе преступные наклонности убийцы, страдая от тех мер предосторожности, которые принял против себя самого, желая предотвратить возможность проявления этих наклонностей. Это был случай тяжелой формы навязчивых мыслей при полном сохранении рассудка. Вначале он мучился, гуляя по улице, пытаясь понять, куда деваются встречные прохожие; когда кто-нибудь ускользал от его преследующего взгляда, он испытывал мучительное сомнение, не он ли «убил» его. Между прочим, за этим скрывалось представление о Каине, ибо ведь «все люди братья». В конце концов, он совсем перестал выходить из дома и похоронил себя в четырех стенах своей квартиры. Читая новости в газетах, он узнавал об убийствах, совершаемых в городе, и мучился сомнениями, не он ли преступник, которого ищут. Сознание, что он уже несколько недель не выходил из дому, успокаивало его на какое-то время, но однажды ему пришло в голову, *что он мог выйти из дома в бессознательном состоянии* и таким образом совершить убийство, сам не помня об этом. С этого дня он запер парадную дверь, вручил ключ привратнице и категорически запретил ей отдавать ему этот ключ, даже если он его у нее потребует.

Вот чем объясняется эпизод из моего сновидения, когда я перешел в другое купе в бессознательном состоянии: оно перенесено в сновидение в готовом виде из мыслей, которые его спровоцировали, и стремится отождествить меня с личностью этого пациента. Воспоминание о нем пробудилось благодаря следующей ассоциации. Несколько недель назад мне пришлось провести с этим человеком ночь в купе; он совершенно выздоровел и сопровождал меня в провинцию к своим родственникам, которые вызвали меня на консультацию. Мы заняли отдельное купе, открыли окно и долго беседовали. Я знал, что источник его болезни – враждебные импульсы по отношению к отцу со времен его раннего детства, в которых присутствует сексуальная подоплека. Вторая сцена сновидения связана с тем, что мои попутчики так враждебны ко мне оттого, что я нарушил их интимное уединение. Вероятно, это восходит к воспоминаниям детства: ребенок, побуждаемый, вероятно, сексуально окрашенным любопытством, крадется в спальню родителей, но строгий отец запрещает ему делать это.

Дальнейшие примеры, я полагаю, излишни. Все они лишь подтвердили бы те выводы, к которым мы уже пришли на основании проанализированных нами сновидений: что умозаключения в сновидениях лишь воспроизводят образ мыслей, спровоцировавших сновидение. Как правило, этот повтор неудачен и распространяется на неадекватный контекст, но иногда, как в наших последних примерах сновидений, они так тесно взаимосвязаны, что поначалу создают полную иллюзию логичных рассуждений. Далее мы обратимся к изучению той психической деятельности, которая, хотя и не всегда присутствует при формировании сновидений, стремится безупречно и осмысленно соединить в единое целое элементы сновидения так, чтобы они не противоречили друг другу. Но сначала мы должны рассмотреть аффекты, которые проявляются в сновидении, и сравнить их с аффектами, которые анализ выявляет в качестве причин, обусловливающих возникновение сновидения.

3. Аффекты в сновидении

Остроумное замечание Штрикера (Strieker, 1879) привлекло наше внимание к тому, что нельзя так пренебрежительно относиться к аффектам в сновидении, как мы привыкли делать после пробуждения, отрицая их содержание. «Если я в сновидении боюсь разбойников, то разбойники – это иллюзия, а мой страх вполне реален». И точно так же обстоит дело, когда я испытываю *радость* в сновидении. Наши чувства свидетельствуют о том, что аффект, который мы переживаем в сновидении, не менее важен, чем то, что мы переживаем наяву, и столь же силен; сновидения властно отстаивают свое право на то, чтобы мы считались с ними и учитывали как одно из явлений нашего сознания как в области аффектов, так и в отношении тех мыслей, с которыми они связаны. Но в состоянии бодрствования мы на них не ориентируемся,

так как наша психика не может оценивать аффект иначе, как лишь в связи с определенным кругом наших мыслей. Если аффект и эти мысли не совпадают по своему характеру и интенсивности, то мы в состоянии бодрствования не знаем, что с этим делать.

Всегда вызывало удивление то обстоятельство, что в сновидениях мысли не сопровождаются теми аффектами, которые мы в состоянии бодрствования считаем необходимыми. Штрюмпель (Srtumpel, 1877) утверждает, что в сновидении мысли утрачивают свои психические свойства. Но мы часто становимся свидетелями того, что интенсивный аффект возникает в связи с содержанием, которое никак этого не предполагает. В сновидении я оказываюсь в ужасном, опасном положении или в отвратительной обстановке, но при этом не ощущаю ни страха, ни отвращения; и наоборот, самые невинные вещи могут вызвать мое возмущение, а какая-то ерунда – обрадовать.

Загадочность этого свойства сновидений развеивается более неожиданно, и ответ находится проще по сравнению со всеми остальными его загадками: нам достаточно только перейти от его явного содержания к скрытому. Нам не стоит ломать голову над этой загадкой, поскольку ее просто больше не существует. В результате анализа выясняется, что *мысли, создающие материал сновидения, подверглись процессам смещения и замен, а сами аффекты остались неизменными.* Неудивительно, что те идеи, которые подверглись искажению в сновидении, больше не совместимы с аффектами, которые сохранились в прежнем виде; и тем более нет ничего удивительного в том, что после завершения анализа сновидения обнаруженный подлинный материал занимает подобающее ему прежнее место[396].

Когда психический комплекс подвергается воздействию цензуры, единственное, что в нем сохраняется, – это аффекты; лишь они одни могут подсказать нам верный путь к толкованию сновидения. Еще ярче, чем в сновидении, эта особенность проявляется в психоневрозах. Аффект здесь всегда обоснован, по крайней мере, по характеру своему; лишь его интенсивность может повышаться из-за колебания невротического внимания. Если пациент, страдающий истерией, удивляется, отчего его так пугает какая-то ерунда, если человек, страдающий неврозом навязчивых состояний, недоумевает, отчего какой-нибудь пустяк заставляет его мучиться угрызениями совести, то оба заблуждаются, считая наиболее существенными эту ерунду или этот пустяк; они напрасно борются с собой, считая эти образы начальной отправной точкой своих размышлений. Психоанализ указывает нам верный путь, считая обоснованным сам аффект и выявляя связанные с ним подавленные мысли, вместо которых в сновидении появилось что-то другое. Мы исходим из того, что освобождение аффекта и связанных с ним мыслей не образует неразрывного и органического единого целого, как мы привыкли считать, а что два этих отдельных друг от друга образования могут просто находиться рядом друг с другом, а потому их можно отделить друг от друга и проанализировать по отдельности. При толковании сновидений именно так и происходит.

Вначале я приведу пример, в котором в процессе анализа выявляется отсутствие аффекта там, где присутствующие в сновидении мысли должны, вроде бы, его вызывать.

I

Она видит в пустыне трех львов, из которых один смеется, но она их не боится. Ей все же приходится спасаться от них бегством, поскольку она хочет влезть на дерево, но ее опередила кузина, французская учительница, которая первой туда забралась, и т. д. …

В ходе анализа был выявлен следующий материал. Нейтральным стимулом формирования сновидения послужила фраза из учебника английского языка: «Грива украшает льва». У ее отца была большая борода, похожая на гриву. Ее английскую учительницу зовут мисс Лайонс (Lions – львы). Один знакомый прислал ей томик баллад Леве (Lewe – лев). Вот и три льва; отчего же ей их бояться? Она читала недавно рассказ, в котором негра преследует толпа; негр влезает на дерево. Вслед за этим идут другие воспоминания аналогичного характера: описание охоты на львов в юмористическом журнале «Fliegende Blatter» – нужно взять пустыню и просеять ее через решето, песок просеется, а львы останутся. Затем забавный, но не совсем приличный анекдот про одного служащего: его спросили, почему он не постарается заслужить благосклонность своего начальника; он ответил: я хотел было пролезть, но *меня опередил другой.* Весь этот материал становится понятен, если принять во внимание, что у этой дамы накануне этого сновидения был

начальник ее мужа. Он был очень любезен, поцеловал ей руку, и *она перестала бояться его,* несмотря на то что он *«крупный зверь-»* и считается в столице *«светским львом».*

II

Во втором примере я расскажу о сновидении той девушки, которой приснился маленький сын ее сестры, лежащий в гробу, но которая, как я добавлю теперь, не испытала при этом ни скорби, ни грусти. Из анализа мы уже знаем, почему это было именно так. Сновидение скрывает лишь ее желание увидеться с любимым человеком. Аффект направлен именно на это желание, а не на то, чтобы скрыть ее чувства. Для ее скорби не было никакого повода.

В некоторых сновидениях аффект сохраняет хотя бы какую-то слабую связь с теми мыслями, которые его спровоцировали. А в других разложение этого комплекса происходит более интенсивно. Аффект совершенно отделяется от мысли, с которой он был связан, и вписывается в тот фрагмент сновидения, где это наиболее уместно. Здесь мы наблюдаем то же самое, что и в рассуждениях во время сновидений. Если в мыслях, которые спровоцировали сновидение, присутствует какое-либо более или менее значимое суждение, то оно присутствует и в самом сновидении, но в нем оно может относиться к совершенно иному материалу. Нередко такое смещение совершается по принципу противоположности.

Последний случай я проиллюстрирую вот на этом примере, который я тщательно проанализирую.

III

Мне снится крепость на берегу моря, потом оказывается, что это не море, а какой-то узкий канал, впадающий в море. Губернатор этой крепости – господин П. Я стою вместе с ним в большом зале с тремя окнами: в них видны укрепления, похожие на сторожевые башни с зубчатыми стенами. Я – доброволец, который несет там службу. Мы опасаемся вторжения неприятельских кораблей, поскольку идет война. Губернатор П. собирается уехать, он дает мне указания, как действовать в случае нападения, его больная жена остается вместе с детьми в этой крепости. Если начнется обстрел, нужно будет эвакуировать всех из большого зала. Он стал задыхаться и повернулся, чтобы уйти. Но я задерживаю его и спрашиваю, как связаться с ним в случае необходимости. Он что-то говорит мне в ответ, и вдруг падает замертво. Без сомнения, мои вопросы лишили его последних сил. Его смерть меня ничуть не огорчила, и я думаю о том, останется ли его вдова в замке, нужно ли мне сообщить о смерти губернатора главнокомандующему и буду ли я назначен губернатором этой крепости, как младший по званию. Я стою у окна и смотрю на проходящие корабли, по зеленой воде быстро мчатся торговые суда, одни с несколькими трубами, другие с круглой крышей (как крыша вокзала в начале сновидения, о котором я здесь не рассказываю). Рядом со мной стоит мой брат; мы оба смотрим в окно на канал. При виде одного корабля мы пугаемся и восклицаем: «Военный корабль!» Но это просто тот корабль, которого я ждал. Проплывает небольшое судно, забавно разрезанное напополам посередине; на палубе видны какие-то непонятные предметы – то ли бокалы, то ли коробки. Мы громко кричим: «Завтрак приплыл!»

Быстрое движение кораблей, темная сине-зеленая вода, черный дым труб – все это вместе производит мрачное, гнетущее впечатление.

Место действия в этом сновидении представляет собой собирательный образ из моих воспоминаний о нескольких путешествиях по Адриатическому морю (Мирамаре, Дуино, Венеция, Аквилея). Непродолжительная, но в высшей степени приятная поездка в Аквилею вместе с моим братом за несколько недель накануне этого сновидения была еще свежа в моей памяти[397]. Морская война Америки и Испании и связанные с нею заботы о судьбе моих родственников, живущих в Америке, имеют здесь тоже важное значение. В двух фрагментах этого сновидения мы наблюдаем проявления аффекта. В одном месте ожидаемый аффект отсутствует, и совершенно понятно, что смерть губернатора не взволновала меня. В другом месте, думая, что я вижу неприятельское судно, я пугаюсь и действительно *испытываю в сновидении страх.* Аффекты размещены в этом превосходно сконструированном сновидении так удачно, что никакого противоречия нет. У меня ведь нет никаких оснований пугаться смерти

губернатора, и, с другой стороны, вполне естественно, что я как комендант крепости пугаюсь при виде вражеского корабля. Анализ этого сновидения показывает, однако, что губернатор П. – это лишь символ моего собственного «я» (в сновидении я становлюсь его *преемником). Я* и есть тот самый губернатор, который внезапно умирает. Меня посещают мысли о том, что будет с моими близкими в случае моей преждевременной смерти, и эти размышления спровоцировали это сновидение. Других неприятных мыслей в материале сновидения нет, должно быть, это чувство страха было связано с мыслями о моих осиротевших близких, и во сне стало ассоциироваться с эпизодом, когда в гавань входит военный корабль. В ходе анализа, наоборот, выясняется, что с этим военным кораблем связаны радостные и приятные воспоминания. Год тому назад мы были в Венеции, стояли в один прекрасный летний день у окна нашей комнаты на Рива Чиавони и любовались лазурной лагуной, в которой царило необычное оживление. Ожидали прибытия английских судов, им готовили торжественную встречу. Вдруг жена моя закричала радостно, как ребенок: *«Вон плывет английский корабль!»* В сновидении я при этих же словах пугаюсь; мы снова видим связь реальных событий с фрагментом сновидения. Слово «английский» из реплики моей жены тоже вписалось в это сновидение, и в этом мы скоро убедимся. Итак, моя радость в этом сновидении превращается в страх; я хочу лишь напомнить, что так выражается скрытая часть содержания этого сновидения. Но этот пример демонстрирует, что процессы, управляющие сновидением, свободно отделяют аффект от тех мыслей в сновидении, к которым он относится, и вписывают его в любой другой фрагмент явного содержания сновидения.

Я пользуюсь здесь возможностью подробно проанализировать образ *«корабля с завтраком»,* появление которого в сновидении так бессмысленно завершает рационально сконструированную ситуацию. Когда я задумался о том, что же он мне напоминает, то вспомнил, что этот корабль был черного цвета; его разрез напомнил мне один предмет, который привлек наше внимание в музеях этрусских городов. Это была прямоугольная чаша из черной глины с двумя ручками; в ней стояли какие-то странные предметы, что-то вроде кофейных или чайных чашек; похожие на *сервиз для завтрака.* На наши расспросы нам ответили, что это «туалет» – косметический набор этрусской женщины с принадлежностями для румян и пудры; мы шутя сказали, что было бы недурно привезти его в подарок жене. Итак, этот объект в сновидении был связан с черным «туалетом», а туалет – это еще и «наряд», значит, он символизирует траур и непосредственно указывает на смерть. Другая часть этого корабля из моего сновидения напоминает похоронную лодочку, в которую в древности укладывали тело умершего и пускали по волнам. Вот почему корабли в этом сновидении возвращаются в гавань.

Still, auf gerettenem Boot, treibt in den Hafen der Greis[398].

Schiller, Nachtrage zu den Xenien, «Erwartung und Erfullung»

Это возвращение после кораблекрушения (nach dem Schiff bruche), потому что судно наполовину разломано (abgeb-rochen). Как же в сновидении возникла фраза про плывущий завтрак? Вот здесь в него и проникло слово «английский», связанный с английскими кораблями (см. выше). Английское слово «breakfast» – завтрак, образовано от двух других – «breaking fast» – быстро перекусывать. Вот потому этот корабль – сломанный («shipwreck» – обломки кораблекрушения, «ship break» – «поломка корабля»), а часть слова «fast» напоминает другое – «fasting» – «пост» и связана с темным цветом одежды – «темным туалетом».

Новым в сновидении у этого корабля было лишь *название.* А похожий объект существовал в действительности, напоминая мне приятнейшие минуты моего недавнего путешествия. Не доверяя местной кухне в Аквилее, мы взяли с собой провизию из Герца, купили в Аквилее бутылку чудесного истрийского вина, и пока наш маленький почтовый пароход медленно плыл по каналу delle Mee, направляясь в Град, мы, единственные его пассажиры, устроили себе на палубе незабываемый завтрак. Вот мы и обнаружили прототип корабля с завтраком из моего сновидения, именно это приятное joe de vivre – эпикурейское воспоминание – заслоняет собой горькие и тревожные мысли о неопределенном будущем из предыдущего фрагмента моего сна[399].

Отделение аффектов от тех мыслей, с которыми они связаны, представляет собой одно из самых удивительных явлений, которые происходят с этими мыслями при формировании сновидения, но с ними происходят и другие существенные изменения, пока явное содержание сновидения не оформится окончательно. Если сравнить аффекты в мыслях, которые

спровоцировали сновидение, и аффекты в самом сновидении, выясняется следующее: там, где в сновидении присутствует аффект, он присутствует и в мыслях, но не наоборот. В сновидении гораздо меньше аффектов, чем в том психическом материале, который его спровоцировал; когда удается выявить мысли, которые спровоцировали сновидения, я убеждаюсь, что в них постоянно отражаются самые трепетные движения человеческой души, которые часто вступают в противоборство с другими, противоречащими им чувствами. Процессы, управляющие сновидением, сводят на нет не только содержание, но и эмоциональную окраску моих мыслей. Можно даже утверждать, что процессы, происходящие в сновидении, *подавляют аффекты.* Например, в сновидении о монографии по ботанике мои мысли направлены на стремление поступать так, как я хочу, и устраивать свою жизнь так, как мне самому это кажется разумным. Сновидение, которое было спровоцировано такими мыслями, изображает следующее: я написал монографию, вот она лежит передо мной, в ней много цветных иллюстраций и засушенных растений. Так как на поле битвы, усыпанном мертвыми телами, давно стих шум сражения.

Но все может происходить и по-другому: и в самом сновидении могут присутствовать яркие проявления аффектов; но мы пока рассмотрим тот факт, что большинство сновидений представляются нам нейтральными, а мысли, которые спровоцировали такое сновидение, связаны постоянно с глубокими и интенсивными чувствами.

Мне сложно привести здесь исчерпывающее теоретическое обоснование подавления аффектов в сновидении. Для этого сначала необходимо было бы подробно рассмотреть теорию аффектов и сам процесс их подавления. Здесь я рассмотрю лишь два существенных момента. Я вынужден считать проявление аффекта (по другим соображениям) центростремительным процессом, направленным вглубь нашего тела по аналогии с моторным и секреторным процессом иннервации[400]. В состоянии сна, вероятно, отсутствует процесс отправки моторных импульсов во внешний мир, потому и центростремительное вызывание аффектов может затрудняться бессознательными процессами в сознании во время сна. В таком случае аффективные импульсы, которые возникают в мыслях, ставших истоками сновидения, в значительной мере ослабляются сами по себе; потому те, которые вплетаются в ткань сновидения, не могут быть интенсивными. А потому «подавление аффектов» происходит не под воздействием процессов в сновидении, а в силу естественного состояния сна. Быть может, это и так, но здесь предстоит еще многое выяснить. Кроме того, каждое более или менее сложное сновидение оказывается результатом взаимодействия различных психических сил. С одной стороны, мыслям, образующим желание, приходится сталкиваться сопротивлением цензуры, а с другой, в чем мы уже неоднократно убеждались, даже в бессознательном состоянии все мысли взаимосвязаны, даже те, которые противоречат друг другу; поскольку все эти мысли способны вызывать аффекты, то мы будем правы, если предположим, что подавление аффектов является результатом тормозящего воздействия, которое оказывают друг на друга противоречивые элементы и которое испытывают подавленные стремления со стороны цензуры. *Таким образом, подавление аффектов – это второй результат воздействия цензуры в сновидении; первым его результатом было искажение.*

Я приведу в пример еще один мой сон, где нейтральное содержание сновидения может объясняться противоречивостью тех мыслей, которые его спровоцировали. У каждого читателя оно, скорее всего, вызовет чувство отвращения.

IV

На вершине холма находится что-то вроде уличного туалета; это длинная скамья, на одном конце которой виднеется большая дыра. Весь задний край ее покрыт испражнениями различной величины и свежести. За этой скамейкой растет кустарник. Я мочусь на скамейку; длинная струя мочи смывает с нее всю эту грязь. Засохшие экскременты отделяются от ее поверхности и падают в дыру. Но на краю скамьи их еще немного осталось.

Почему не испытал я никакого отвращения, когда мне это снилось?

Потому, что это сновидение было спровоцировано самыми приятными мыслями. В ходе его анализа мне вспомнился миф про Авгиевы конюшни, очищенные Геркулесом. Геркулес – это я. Возвышение и кустарник напоминают местность в Аусзее, где сейчас живут мои дети. Я сделал

открытие в области этиологии детских неврозов и тем самым предотвратил это заболевание у своих детей. Скамейка, кроме дыры, конечно, в точности напоминает ту мебель, которую мне подарила одна благодарная пациентка. Это говорит о том, что мои пациенты меня уважают. И даже множество человеческих экскрементов – это для меня радостное зрелище. Как это ни странно, но это лишь воспоминание о прекрасной Италии; там в маленьких городках туалеты, как известно, устроены весьма примитивно. Струя мочи, смывающая все вокруг, – это несомненный намек на манию величия. Точно так Гулливер потушил пожар у лилипутов, правда, этим он навлек на себя немилость миниатюрной королевы. Но и Гаргантюа, сверхчеловек мэтра Рабле, мстит аналогичным образом парижанам; он забирается на Нотр-Дам и направляет на город струю мочи. Книгу Рабле с иллюстрациями Гарнье я перелистывал как раз вчера вечером перед сном. И вот что удивительно: это снова доказательство мыслей о том, что я – великий человек. Летом площадка на соборе Нотр-Дам была моим любимым местом в Париже; каждый день я прогуливался в компании причудливых уродливых химер. То, что все экскременты исчезают очень быстро, напоминает одно изречение: «afflavit et dissipati sunt» («я дунул, и они развеялись» – с лат.), которое я поставил когда-то эпиграфом к своему очерку по терапии истерии.

Теперь перейдем к мотиву, который спровоцировал это сновидение, он очень вдохновляет. В жаркий летний вечер я читал лекцию о связи истерии с извращениями; все, что я говорил, мне отчего-то не нравилось, казалось несущественным и не представляющим особой ценности. Я был утомлен, не испытывал никакого удовольствия от работы и стремился скорее прочь от этого копания в человеческой грязи к своим детям и к красотам Италии. В таком состоянии духа я отправился из аудитории в кафе, чтобы посидеть немного на воздухе и чуть-чуть перекусить; но у меня не было никакого аппетита. Компанию мне составил один из моих слушателей; он попросил разрешения посидеть со мной, пока я выпью мой кофе с круассаном, и осыпал меня комплиментами: он многому от меня научился, у него теперь совсем иной взгляд на мир, я расчистил *Авгиевы конюшни*заблуждений и предрассудков в учении о неврозах словом, короче говоря, я – великий человек. Все это так не соответствовало моему настроению, я с трудом преодолевал свое отвращение к происходящему и пораньше ушел домой, чтобы отвязаться от этого человека. Полистал немного перед сном книгу Рабле и прочел рассказ К. Мейера «Страдания одного мальчика» («Die Leiden eines Knabes»).

Вот откуда взялось мое сновидение; новелла Мейера включила в него еще одно воспоминание детства (сравним со сновидением о графе Туне, его заключительную часть). Отвращение и недовольство собой, которые я испытал днем, стали стимулом к выбору конкретного материала этого сновидения. А ночью у меня возникло прямо противоположное настроение и вытеснило то, что было днем. Содержанию сновидения пришлось взять за основу такие образы, которые смогли бы на материале этого сновидения выразить и желание умалить свои заслуги, и желание вознести себя на пьедестал. Этот компромисс и повлиял на двусмысленное содержание сновидения, но из-за этого не возникло и никаких особых чувств по поводу взаимного уничтожения одного противоположного импульса другим.

В соответствии с теорией осуществления желаний, это сновидение не смогло бы образоваться, если бы с чувством отвращения не столкнулась противоположная, хотя и подавленная, но приятная мания величия. Неприятное в сновидении не изображается; неприятное содержание наших мыслей не может пробиться в наши сновидения, разве что в образах, которые изображают осуществление желания.

Существует еще один вариант управления аффектами в сновидениях, кроме тех, когда они или проникают в них, или практически нивелируются. В сновидении они могут *превращаться в собственную противоположность.* Рассматривая правила толкования сновидений, мы упоминали о том, что каждый элемент сновидения может означать в толковании как свою противоположность, так и самого себя. Заранее никогда нельзя сказать, как именно это произойдет; это полностью зависит от контекста. В народе это давно заметили: народные сонники при толковании сновидений очень часто основаны на принципе противоположности. Такое превращение в собственную противоположность становится возможным благодаря установлению тончайших ассоциативных связей, когда в наших мыслях какое-то явление связывается с собственной противоположностью. Как и всякое смещение, оно служит цензуре, но часто воплощает осуществление желания, когда нечто неприятное заменяется своей

противоположностью. Мысли в сновидении могут предстать в образах, прямо противоположных тому, что они обозначают, точно так же и *аффекты,* которые связаны с мыслями, сформировавшими это сновидение; по всей вероятности, такое превращение аффектов в основном происходит под воздействием цензуры. Подавление аффектов и их изменения в процессе общения между людьми так же, как и в сновидении, подчиняются цензуре, возможно, для того, чтобы скрыть свои истинные чувства. Когда я разговариваю с кем-то, с чьими интересами я должен считаться, но к кому я настроен враждебно, то для меня гораздо важнее скрыть от него проявление своего *аффекта,* чем смягчить лишь словесное выражение своих мыслей. Если я не проявляю к нему враждебности на словах, но мой взгляд выражает презрение или ненависть, то этот человек почувствует себя так, словно я открыто обрушил на него все эти чувства. И цензура заставляет меня, прежде всего, подавлять свои аффекты, и, если у меня хорошие актерские данные, то я буду демонстрировать *противоположный* аффект; буду смеяться там, где мне хотелось бы возмущаться, и буду вежлив тогда, когда мне хотелось бы выразить свое презрение.

Мы уже столкнулись с одним прекрасным примером такого превращения аффектов в свою противоположность под влиянием цензуры в сновидениях. В сновидении о «моем дядюшке с рыжеватой бородой» я испытываю нежное чувство к своему другу Р., а подспудно считаю его простофилей, и это проявляется в мыслях в моем сновидении. С помощью этого примера превращения аффектов в свою противоположность мы выявили факт существования цензуры в сновидении. И здесь у нас нет основания предполагать, что сновидение *создает заново* этот противоположный аффект; обычно оно черпает его из готового материала мыслей и просто усиливает их с помощью защитных физических сил, пока они не окрепнут настолько, чтобы стать главной созидательной силой, формирующей сновидения. В уже знакомом нам сновидении о дяде противоречивые и добрые чувства, возможно, обусловлены детскими воспоминаниями (о чем можно судить по второй части сновидения), поскольку взаимоотношения дяди и племянника, насколько я могу судить по своим ранним детским воспоминаниям, были противоречивы, и определил характер моих дружеских взаимоотношений с одними людьми, и заложил основы для ненависти к другим людям.

Отличный пример сновидений такого рода можно найти у Френци (Ferenzi, 1916 г.): *Одного пожилого человека ночью разбудила жена, напуганная тем, как он долго и громко смеялся во сне. Тогда он рассказал, что ему при этом снилось: «Я лежал в кровати, а в мою комнату вошел мой знакомый. Я попытался включить свет, но у меня ничего не получилось, я снова и снова старался сделать это, но все напрасно. Тогда из постели выбралась моя жена и стала мне помогать, но и у нее ничего не получилось. Ей было очень неловко предстать перед этим господином "неглиже", и потому она прекратила свои попытки и снова улеглась в кровать. Все это было так смешно, что я все хохотал и хохотал. Жена спросила у меня: "Отчего ты смеешься?" – но я все смеялся и смеялся, пока не проснулся».* Весь следующий день этот господин был не в духе и страдал от головной боли, он решил, что столько веселья не пошло ему на пользу.

Это сновидение покажется не таким и смешным, если проанализировать его. «Один знакомый», который вошел в комнату, был похож на изображение Смерти на картине «Некто Неизвестный», которую он рассматривал накануне этого сновидения. Этот пожилой человек, страдавший от атеросклероза, имел все основания думать о смерти накануне этого сновидения. Его громкий хохот заменил горькие рыдания от мысли о том, что ему предстоит умереть. Это свет его жизни он никак не мог включить в этом сне. Эта мрачная мысль посетила его оттого, что он предпринял попытку соития со своей женой, но у него ничего не получилось, хотя она и помогала ему «в неглиже». Он осознал, что пришло время «спускаться с горы». Вот почему этот сон испортил ему настроение на следующий день, когда он предавался печальным размышлениям об импотенции и смерти, которые во сне предстали в комичном образе, и о рыданиях, которые превратились в громкий смех.

Есть группа сновидений, которые часто называют «лицемерными» и которые ставят под сомнение теорию осуществления желаний в сновидениях[401]. Я обратил на них внимание, когда госпожа М. Гильфердинг в своем выступлении на заседании «Венского психоаналитического общества» привела интересную цитату из произведения Питера Розеггера.

Розеггер в своей книге «Fremd Gemacht!» («Уволен!»), том второй собрания сочинений под названием «Моя родина в лесах», в рассказе «Чужой» рассказывает: *Я не страдаю бессонницей, я провел много беспокойных ночей, я – скромный студент и образованный человек – вспоминал те дни, когда, не в силах распоряжаться собственной судьбой, работал портным, и безрадостный призрак тех дней омрачал мою жизнь.*

Днем я редко вспоминал о своем прошлом. Когда ты оторвался от земных забот и воспарил к небесам, тебе есть о чем подумать. И когда я был желторотым юнцом, ночные раздумья меня не беспокоили. Лишь позднее, когда я стал размышлять о самых разных вещах на свете, и когда меня снова стали тревожить разные бытовые заботы, я задумался над тем, почему мне постоянно снится, что я стал подмастерьем у портного и почему я так долго работал задаром на моего мастера в ателье. Когда я сидел рядом с ним, строчил или гладил, я всегда превосходно понимал, что у меня много других забот и интересов. Мне было тяжело, неприятно, я жалел о потере времени, которое я мог бы использовать с большей пользой. Когда я делал что-то не так и тот бранил меня, я терпеливо сносил это; об оплате никогда не было и речи. Часто, сидя согнувшись в темной мастерской, я думал о том, что уволюсь. Однажды я даже сказал об этом мастеру, но он пропустил все мимо ушей, так я и сидел рядом с ним, шил и шил день за днем.

Как приятно было проснуться после этих тоскливых сновидений! Я всякий раз думал, что, как только мне все это приснится еще раз, я закричу: «Это всего лишь фокус-покус, я же лежу в постели, и сплю, и хочу спать дальше…» Но наступала следующая ночь, и мне снова снилось, что я в мастерской. Так и проходили год за годом, похожие один на другой. Однажды, когда мы с моим мастером работали у Альпельгофера, у того крестьянина, к которому я поступил в учение, мастер остался особенно недоволен моей работой. «И о чем ты только думаешь все время!» – буркнул он и сердито взглянул на меня. Я подумал, что самое разумное было бы встать, сказать мастеру, что я работаю на него только из вежливости, и уйти. Но я этого не сделал. Я спокойно отнесся к тому, что мастер нанял еще одного ученика и велел мне уступить мое место на скамье в углу. Я подвинулся в угол и продолжал шить. В тот же день был нанят еще один подмастерье, тот самый, который работал у нас девятнадцать лет назад и который тогда по дороге из трактира упал в реку. Он хотел сесть за работу, но для него не было места. Я посмотрел вопросительно на мастера, и тот ответил мне: «У тебя нет способности к портновскому делу. Иди куда хочешь». Мне стало так страшно, что я проснулся. Наступало утро. Меня окружали произведения искусства; в красивом книжном шкафу меня ждали вечный Гомер, исполинский Данте, несравненный Шекспир, великий Гете – все гиганты мысли, бессмертные гении. Из соседней комнаты доносились звонкие голоса моих проснувшихся детей, которые шутили с мамой. Я словно заново обрел эту идиллическую и прекрасную, мирную, поэтичную и одухотворенную жизнь, которая так часто наполняла задумчивым счастьем мою жизнь. Но все же я мучился оттого, что не предупредил мастера, что хочу уйти, не уволился сам, а это он уволил меня.

Это было так удивительно! С той ночи, как мастер в моем сновидении уволил меня, я наслаждаюсь покоем; мне не снится больше то давно прошедшее время, когда я действительно был подмастерьем у портного, те дни были по-своему прекрасны, но они все же омрачали всю мою последующую жизнь.

В этих сновидениях писателя, который в молодые годы работал подмастерьем у портного, трудно понять, в чем здесь заключается осуществление желания. Все хорошее с ним происходило днем, а по ночам, во сне, его все так же преследовали призраки его несчастливой жизни, которая с тех пор переменилась к лучшему. Мои собственные сновидения, похожие на это, помогли мне разгадать эту загадку. Когда я был молодым врачом, я долго работал в химическом институте, не достигнув, однако, почти никакого успеха; теперь я стараюсь не вспоминать никогда об этом неблагодарном и, в сущности, постыдном периоде моей профессиональной деятельности. Но мне с тех пор много раз снилось, что я сижу в лаборатории, провожу анализы и со мной много чего происходит. Эти сновидения в основном неприятные, как и те, в которых снится, что я сдаю экзамен, и они все весьма туманные. При толковании одного из таких сновидений я обратил внимание на слово *«анализ»,* которое и дало мне ключ к пониманию. Я ведь теперь стал «аналитиком», провожу вполне успешные «анализы», правда, не химические, а *психоаналитические.* Я понял вот что: если я в реальной жизни горжусь этими

анализами и хочу даже похвастаться своими успехами перед самим собой, то ночью сновидение рисует мне другие – неудачные анализы, гордиться которыми у меня нет никаких оснований. Эти сновидения настигают и карают меня, «выскочку» – «parvenu», пока я сплю, точно так же, как они настигают бывшего подмастерья, который стал известным писателем. Но как же так происходит, что во сне, при столкновении гордости «выскочки» и критики в его адрес, сновидение поддерживает именно критическую сторону его личности, и в его содержание вплетается именно разумно сформулированное предостережение, а не исполнение того желания, которое не было уготовано ему судьбой? Я уже упоминал о том, что ответить на этот вопрос непросто. Мы догадываемся, что это сновидение появилось под воздействием честолюбивой фантазии, но унизительные мысли как холодным душем окатили спящего и пробились в его сновидение. Необходимо помнить, что сознание склонно к мазохизму, потому и происходят такие метаморфозы. Я бы даже не возражал, если бы подобные сновидения отнесли к иному классу, чем сновидения, изображающие осуществление желания, и обозначил бы эту новую категорию как «сновидения-наказания». Я бы не считал, что они каким-то образом опровергают ту теорию сновидений, которую я стремлюсь сформулировать и обосновать; это было бы не более чем лингвистический прием, для того чтобы помочь преодолеть возникающие трудности тем, кого смущает объединение подобных противоположностей. Но более тщательное исследование подобных сновидений помогает обнаружить нечто новое. В начале одного из моих сновидений о работе в лаборатории, которое я помню смутно, я увидел себя именно в том возрасте, когда начало моей медицинской карьеры было таким мрачным и неудачным; у меня не было еще определенной должности и я не знал еще, как зарабатывать на жизнь; вдруг я понял, что должен выбрать одну из нескольких невест, которых мне сватают. Таким образом, я был снова молод, и, главное, снова была молода *она* — та женщина, которая прожила со мной все эти трудные годы. Итак, вскрылась подсознательная причина формирования этого сновидения – естественное желание стареющего человека, жестокий конфликт между тщеславием и самокритикой, разыгравшийся в других пластах сознания, и сформировал содержание этого сновидения; но именно глубинное желание быть молодым пробудило этот конфликт, и потому он возник в этом сновидении. Даже в состоянии бодрствования мы можем подумать что-то в этом роде: сейчас мне хорошо, тяжелые времена позади; но и тогда мне было неплохо, ведь я был молод[402].

Есть еще одна разновидность сновидений[403], которые посещали и меня и которые я считал лицемерными, в которых я мирился с теми, с кем давно разорвал отношения. В подобных случаях в ходе анализа обычно выявляются какие-то обстоятельства, из-за которых у меня полностью пропадает уважение к этим людям, и я начинаю относиться к ним или как к людям мало знакомым, или как к врагам. Но в таком сновидении они предстают в противоположном свете – как мои друзья.

При рассмотрении сновидений из художественных произведений всегда есть опасение, что из описания этих сновидений исчезли какие-то фрагменты, которые сам автор счел ненужными или вызывающими неприятные чувства. В таком случае подобные сновидения заставляют нас задуматься, но при точной передаче содержания сновидения подобные загадки разрешимы.

Отто Ранк привлек мое внимание к тому, что в сказке братьев Гримм о храбром портняжке речь идет о похожем сновидении. Портному, который стал зятем короля, однажды ночью снится его прежняя профессия; он говорит вслух во сне, и принцесса, его жена, начинает что-то подозревать, и ставит в следующую ночь подле него караул, чтобы записать слова, которые он будет произносить во сне. Но портного предупредили об этом, и он старается, чтобы ему приснился «правильный» сон.

Сложные процессы уничтожения, ослабления и инверсии аффектов, связанных с реальными мыслями, с помощью которых они в конце концов трансформируются в аффекты в сновидениях, можно довольно точно проследить в соответствующих процессах синтеза полностью проанализированных сновидений. Я приведу здесь еще несколько примеров того, какую роль играют аффекты в сновидениях.

V

Если мы вновь обратимся к сновидению о странном задании препарировать нижнюю часть моего собственного тела, которое мне дал мой старый преподаватель Брюкке, мы вспомним, что во время этого сна я не испытываю никакого ужаса перед происходящим (Grauen), хотя это было бы закономерно. Это пример осуществления желания в сновидении, причем с разных точек зрения. Препарирование тела символизирует мой самоанализ, который содержится в моей книге о сновидениях: обнародовать все это было для меня действительно так неприятно, что я отложил выход в печать практически готовой рукописи более чем на год. Но мне хочется избавиться от этого неприятного чувства, потому я и не испытываю в сновидении ужаса (Grauen). «Grauen» еще обозначает «седина», это для меня тоже было неприятно. Я уже изрядно поседел, и поседевшие волосы напоминали мне о том, что я должен поторопиться и не откладывать издание книги. И мысль о том, что мне бы пришлось в случае неудачи возложить на моих детей выполнение той задачи, которую я стремился разрешить, пробилась в образы этого сновидения в самом его конце.

Давайте рассмотрим два сновидения, где чувство удовлетворения выходит за рамки самого сна, и человек испытывает его в первые мгновения после пробуждения. В первом случае такое удовлетворение объясняется тем, что я сейчас узнаю, что именно это значило во сне, когда я подумал: «мне уже это снилось», а в другом – уверенностью, что сейчас «сбудется какое-то предсказание»; это – то же чувство удовлетворения, которое я испытал после появления на свет моих первых детей. Здесь в сновидении сохранились те же аффекты, которые были связаны с мыслями-стимулами к этому сновидению, но далеко не во всех сновидениях дело обстоит так просто. При более тщательном анализе обоих этих сновидений мы сможем убедиться, что это удовлетворение, избежавшее воздействия цензуры, получило подкрепление из источника, который мог стремиться избежать цензуры и аффект которого, скорее всего, привел бы к конфликту, если бы не замаскировался под другой аффект удовлетворения, связанного с другим, более приемлемым источником.

К сожалению, я не могу подтвердить этого на примере этого сновидения, но пример из другой области сумеет убедительно проиллюстрировать мою мысль. Предположим, что я общаюсь с человеком, которого я ненавижу, и я буду злорадствовать, если с ним произойдет что-то нехорошее. Но такое чувство противоречит моим нравственным принципам, и я не решусь выразить его открыто. И если с этим человеком действительно произойдет какая-то неприятность, то я подавлю свое удовлетворение по этому поводу и насильственно вызову у себя слова и мысли, выражающие мое сожаление по этому поводу. Все мы, наверное, испытывали нечто подобное. Но, если этот неприятный для меня человек уже заслуженно вызовет всеобщее неудовольствие, то я смогу свободно высказать свое удовлетворение по поводу того, что его постигло справедливое порицание. В данном случае я буду уже единодушен с другими людьми, которые относились к нему совершенно беспристрастно. Но мое удовлетворение будет интенсивнее, чем у других; оно получит подкрепление из источника моей ненависти, который до сих пор, под воздействием внутренней цензуры, не мог спровоцировать этот аффект, а в изменившихся условиях это можно сделать свободно. В общественной жизни такое происходит повсеместно, когда неприятные люди или представители непопулярного меньшинства чем-то скомпрометируют себя. Тогда их накажут уже не только за совершенный ими конкретный проступок, но на них обрушится еще и то молчаливое неодобрение, которое раньше не приводило к отрицательным последствиям для них. Те, от кого исходит наказание, безусловно, действуют при этом несправедливо, но они этого не осознают, потому что испытывают, наконец, чувство удовлетворения, когда им не нужно больше сдерживать те чувства, которые до поры до времени им приходилось скрывать. В таких случаях аффект может быть обоснованным *качественно,* но чрезмерным *количественно;* и вдохновленная *качественной* стороной аффекта самокритика уже не замечает того, что он проявляется чрезмерно в *количественном* отношении.

Потрясающее качество тех, кто страдает неврозами, заключается в том, что какая-то причина, стимулирующая их аффект, провоцирует качественно обоснованное, но количественно несоразмерное проявление – и объясняется это точно так же, насколько психологическое объяснение в этом случае в принципе возможно. Подобные причины успешно образовали ассоциативную связь с аффектом, который до того не осознавался и подавлялся. Эти причины установили ассоциативную связь с реальным провоцирующим аффект фактором, и открытое

проявление этого аффекта произошло благодаря другому источнику того же самого аффекта, который уже не вызывает ни у кого возражений и полностью обоснован. Поэтому, изучая те действующие силы, которые способствуют подавлению и бывают подавлены сами, мы не должны ограничиваться тем, что признаем, что они взаимно угнетают друг друга.

Давайте теперь применим эти догадки в отношении того, как действуют психические механизмы, к проявлениям аффекта в сновидениях. Удовлетворение, которое спящий испытывает во сне и которое можно немедленно связать с его мыслями, которые спровоцировали конкретное сновидение, не всегда можно объяснить только тем, о чем мы сейчас рассуждали. Обычно необходимо выяснить *другой* источник того аффекта в мыслях, который подвергается воздействию цензуры. В результате воздействия цензуры обычно этот источник способствует возникновению не чувства удовлетворения, а противоположному чувству. Оттого, что существует этот первый источник аффекта, второй источник того же самого аффекта может отделить чувство удовлетворения от способа его выражения и избежать подавляющего воздействия на него цензуры, позволяя усилить удовлетворение от него, связанное с первым источником. Итак, похоже, аффекты в сновидениях подпитываются из нескольких источников одновременно и подвергаются сверхдетерминированию сравнительно с материалом мыслей в сновидении. Процессы, действующие в сновидении, и другие источники аффекта, которые могут сформировать тот же самый аффект, объединяются для того, чтобы образовать его[404].

Пролить свет на эту сложную ситуацию нам поможет анализ идеального по своей конструкции сновидения, в котором центральное место занимает выражение *«non vixit»*. В этом сновидении проявления аффектов различного характера сталкиваются в двух фрагментах содержания сновидения, доступного непосредственному наблюдению. Враждебные и неприятные ощущения сталкиваются там, где я двумя словами обращаю в прах своего друга. В конце сновидения я этому радуюсь и с удовлетворением констатирую возможность (которая в бодрствующем состоянии кажется абсурдной) уничтожать своих противников, просто от души пожелав этого.

Я еще не раскрыл мотивов этого сновидения. Они чрезвычайно серьезны и помогают нам понять смысл сновидения. От своего друга в Берлине, которого я сокращенно назвал Фл., в записи анализа этого сновидения (от Флисса), я узнал, что ему предстоит операция и что о состоянии его здоровья мне будут сообщать его родственники, живущие в Вене. Первые новости об операции были неутешительными, и я забеспокоился. Лучше было бы мне поехать к нему самому, но я в то время страдал мучительными болями, и любое движение превращалось для меня в пытку. В мыслях, которые спровоцировали это сновидение, я беспокоился за жизнь моего близкого друга. Его единственная сестра, с которой я не был знаком, умерла в молодости после непродолжительной болезни. (В сновидении: Фл. рассказывает о своей сестре и говорит, что *через три четверти часа ее не стало.)* Я предположил, что и у него нет достаточного резерва здоровья, и, получив грустные новости, собрался к нему – и могу опоздать, что будет вечно мучить меня[405]. Этот упрек в опоздании стал центральным пунктом сновидения, но выразился в том фрагменте сновидения, где уважаемый мной университетский преподаватель Брюкке упрекает меня, пронзая пристальным гипнотическим взглядом своих ярко-голубых глаз. Что именно вытеснило это воспоминание, мы скоро узнаем. Сама эта сцена с профессором Брюкке в сновидении предстает не в той форме, в которой я общался с ним на самом деле. Мне снятся его глаза пронзительного голубого цвета, но это я его уничтожаю, а не он меня; такая инверсия, безусловно, изображает осуществление моего желания. Забота о здоровье друга, упрек, что я не еду к нему, мои угрызения совести *(он до того запросто заезжал ко мне в гости в Вену),* мое желание оправдать себя, ссылаясь на болезнь, – все это вызывает целую бурю чувств, это чувствуется во сне и в мыслях, которые послужили импульсами к формированию этого сновидения.

В стимулах к формированию этого сновидения присутствовало еще нечто такое, что оказало на меня совершенно противоположный эффект. Мне не только сообщили печальные новости о неудачной операции, но и обратились с просьбой никому о ней не рассказывать; такая просьба оскорбила меня, потому что выражала недоверие к моей тактичности. Хотя я и знал, что эта просьба исходит не от моего друга, а объясняется бестактностью или, вероятнее всего, волнением тех, кто ее выразил, но скрытый в ней упрек все же обидел меня, потому что для него были некоторые основания. Это не относится к данному, конкретному случаю, но в молодости я

как-то выдал мнение одного моего друга о другом. Я не забыл тех упреков, которые тогда на меня обрушились. Одним из друзей, которые тогда поссорились из-за меня, был профессор Флейшль, а другого звали Иосиф, как и моего друга П. в этом сновидении[406].

О том, что я не умею хранить чужих тайн, свидетельствует в сновидении вопрос Ф., когда он захотел узнать, что именно я рассказал П. о нем. Это воспоминание переносит упрек за опоздание из настоящего времени в то время, когда я еще работал в лаборатории Брюкке; когда второй человек в сцене «уничтожения» профессора Брюкке зовется Иосифом, я заставляю эту сцену воспроизвести не только тот давний упрек за опоздание, но и другой, который подвергся более серьезному смещению – в том, что я не умею хранить чужие тайны. Процессы сгущения и смещения в этом сновидении, а также и их мотивы здесь очевидны.

Меня так раздосадовала та просьба хранить операцию моего друга (Флисса) в тайне, потому что для этого существовали источники подкрепления в глубинах моего сознания, и это недовольство приобрело гипертрофированные размеры и обрушилось на дорогих мне людей. Это чувства из моих детских воспоминаний. Я уже упоминал о том, что все дружеские и враждебные чувства в моей жизни так или иначе связаны с воспоминаниями о моих взаимоотношениях с моим племянником, который был на год старше меня; он терроризировал меня, а я научился ему противостоять; в общем и целом, мы хорошо ладили, но наши родители рассказывали, что мы нередко дрались и жаловались друг на друга. В дальнейшем всех моих друзей я в каком-то смысле наделял чертами характера этого моего первого «закадычного врага», который «fruh sich einst dem truben Block gezeigt»[407], они становились словно призраками из моего далекого ушедшего детства. Мой племянник снова появился в моей жизни в дни моего отрочества, когда мы играли роли Цезаря и Брута. Я всегда всей душой стремился к тому, чтобы у меня были и близкий друг, и заклятый враг. Мне всегда удавалось обзавестись и теми и другими, и очень часто история из моего детства снова оживала, когда один и тот же человек оказывался и тем и другим одновременно – хотя это происходило не одномоментно и с разнообразными вариациями.

Я не предлагаю здесь обсуждать, как возникает в подобных обстоятельствах связь между событиями настоящего, которые отсылают импульс в прошлое, к событиям далекого детства и замещают собой ту ситуацию, с которой связан аффект. Это относится к психологии бессознательного и к психологическому толкованию неврозов. Для толкования сновидений достаточно предположить, что перед нами всплывает или фантастически образуется какое-то воспоминание детства следующего содержания: двое детей спорят из-за какой-нибудь вещи, из-за какой, для нас сейчас не важно, хотя в воспоминании или иллюзии возникает образ вполне конкретной вещи; каждый утверждает, что он пришел первым, что вещь принадлежит ему; дело доходит до драки, сила торжествует над справедливостью; во сне я осознавал, что был неправ («я *и сам замечаю свою ошибку»),* но на этот раз победа остается на моей стороне, поле сражения за мной, побежденный спешит к деду, жалуется на меня, и я защищаюсь, произнося те слова, о которых мне потом напомнил мой отец: я бил другого мальчишку потому, что тот меня бил. Таким образом, это воспоминание, или, вернее, эта фантазия, которая возникала у меня во время анализа этого сновидения – мне нужно больше данных, чтобы объяснить, как именно я сумел это сделать, – наводит на тот элемент мыслей, которые его спровоцировали, который и собирает воедино аффекты, связанные с этими мыслями, как колодец накапливает в себе грунтовые воды. Итак, ход моих рассуждений таков: «Тебе пришлось уступить мне – так тебе и надо; почему ты не хотел уступить мне добровольно? Не нужен ты мне, я найду, с кем мне играть» и так далее. Так эти мысли и проникают в сновидение. Так именно я когда-то, вероятно, и упрекал в свое время своего друга Иосифа, который похожим образом поступал со мной: «Ote-toi que je m'y mette!» – «Сколько можно, теперь моя очередь!». Он сменил меня на должности демонстратора в лаборатории Брюкке, но продвигаться там по службе было очень непросто. Никто из ассистентов Брюкке не отдал бы свое место другому претенденту, и молодежь проявляла нетерпение, и вот тогда мой друг не постеснялся и выразил это нетерпение вслух. Так как ассистент, на место которого он рассчитывал (Флейшль), тяжело болел, то, когда П. выразил желание, чтобы тот уступил ему свое место, это можно было интерпретировать как весьма двусмысленное замечание. Вполне понятно, что и я раньше хотел продвинуться по службе; всюду, где имеется иерархия, люди испытывают желания, которые необходимо подавлять[408].

«Он был властолюбив, и я уничтожил его». Он не мог подождать, пока другой освободит ему место, и за это его самого попросили удалиться. Эти мысли появились у меня непосредственно после присутствия на открытии памятника в университете. Отчасти то удовлетворение, которое я испытал в сновидении, означает справедливое наказание, так тебе и надо.

На похоронах моего друга П. один молодой человек позволил себе некорректное замечание: в надгробной речи про него говорили так, словно он незаменим. Как человека искренне скорбящего, его покоробило такое неумеренное преувеличение. Но за этим замечанием скрываются следующие мысли: нет незаменимых людей; скольких близких я уже похоронил, а сам я все еще жив, я пережил их всех, и скоро придет моя очередь. Когда я опасаюсь, что не застану своего друга Фл. в живых, эта мысль развивается дальше: я радуюсь, что переживу еще одного человека, что это не я умер, а он, что победа осталась за мной, как и в детской драке. Это детское удовлетворение наполняет собой почти весь этот аффект, который проник в сновидение. Я радуюсь, что я пережил другого человека, я выражаю это с наивным эгоизмом одного из супругов в анекдоте: «Когда один из нас умрет, я перееду в Париж». Для меня нет никаких сомнений в том, что этим «одним» буду не я.

Безусловно при толковании сновидений необходимо быть очень дисциплинированным. Ты словно злодей в толпе добропорядочных граждан, у которых пытаешься отнять жизнь. Потому вполне естественно, что эти *призрачные* противники существуют лишь до тех пор, пока ты миришься с их существованием, и стоит только захотеть, как их не станет. Вот за это и наказан в сновидении мой друг Иосиф. Эти *призрачные* противники символизируют моего товарища по детским играм; и я испытываю удовлетворение оттого, что постоянно замещаю его кем-нибудь и что в этом сновидении я тоже смогу найти замену тому, кого боюсь потерять. Незаменимых нет.

Что происходит при этом с цензурой, которая действует в сновидении? Почему она не регулирует самые эгоистические мысли и не превращает связанное с ними удовлетворение в горькое чувство досады? Я объясняю это тем, что другие цепочки мыслей, которые не вызывают возражений, применительно к образам этих людей в сновидении приносят удовлетворение и выступают в качестве покрывающих аффектов, маскируя своим аффектом из сновидения тот, другой, который корнями уходит в запретные детские воспоминания. Во время открытия памятника, на другом уровне сознания, я сказал себе: я потерял уже столько близких друзей, «одних уж нет, а те – далече»; как же хорошо, что я нашел им замену, что я приобрел друга, который мне дороже всех остальных и которого я теперь, в том возрасте, когда трудно заводить друзей, сумею сохранить навсегда. Удовлетворение по поводу того, что я нашел замену умершему другу, я могу беспрепятственно перенести в сновидение, но вслед за этим в сон вплетается и враждебное детское удовлетворение. Детское нежное чувство несомненно способствует укреплению чувства сегодняшнего, вполне обоснованного; но в содержание сновидения проникла и детская вражда.

В этом сновидении присутствует и намек на еще одно направление мыслей, которое может вызывать чувство удовлетворения. У моего друга Фл. (Флисса) недавно родилась долгожданная дочка. Я знал, как он горевал по своей безвременно умершей сестре, и написал ему, что на этого ребенка он перенесет ту любовь, которую он питал к сестре; эта маленькая девочка сгладит душевную боль от той давней невосполнимой утраты.

Вот и цепочка этих мыслей образует мысль-связку в скрытом содержании сновидения, а от нее во все стороны расходятся мысли по ассоциативным связям: «Незаменимых нет!» Все это – лишь призраки прошлого, но те, кого мы утратили, вновь к нам вернутся! Ассоциативная связь между противоречащими элементами мыслей, лежащих в основе сновидения, становится теснее благодаря тому случайному обстоятельству, что маленькую дочку моего друга зовут так же, как подругу моего детства, сестру моего друга и противника и мою ровесницу. Мне *было приятно* узнать, что ее назвали Полина. И, как намек на это совпадение, в моем сновидении я заменил одного Иосифа на другого, и не сумел уничтожить сходства между начальными буквами имен «Флейшль» и «Фл.». Отсюда мои мысли устремились к моим собственным детям. Это я выбирал для них имена, и не под влиянием сиюминутной моды, а в честь тех, кого уважал и любил. И эти имена превратили моих детей *в призраки* прошлого. В конце концов, думал я, разве наши дети – это не наш шаг по пути к бессмертию?

Еще несколько замечаний по поводу аффектов в сновидении, но уже с другой точки зрения. Мысли спящего человека может занимать какая-то одна глобальная, очень важная мысль, и

окажет влияние на то, что мы назовем «настроением» спящего – или *тенденцией* к определенному аффекту, – и этот фактор может оказать решающее влияние на его сновидение. Причиной такого настроения могут быть какие-то переживания и мысли дня накануне сновидения, у него может быть и соматический источник. В любом случае этому настроению будут соответствовать конкретные цепочки мыслей. Для формирования сновидений не имеет никакого значения, будут ли эти мысли в сновидении определять основу этого настроения или они сами по себе возникнут в качестве вторичных элементов в качестве эмоционального фона спящего, и это можно объяснять соматическими причинами. В любом случае при формировании сновидений возникнут образы осуществившихся желаний, и только эти желания будут подпитывать основные психические силы. Доминирующее в данный момент настроение воспринимается так же, как и возникающие чувства, и они становятся активными в состоянии сна, которыми можно или пренебречь, или дать им новое толкование, пытаясь понять, как в них представлено осуществление желания. Тягостное настроение в сновидении может стать главной движущей силой сновидения, провоцируя страстные желания, которые должны осуществиться в этом сновидении. Материал, с которым связаны подобные настроения, отрабатывается в сновидении до тех пор, пока он не изобразит осуществление желания. Чем интенсивнее тягостное настроение в сновидении, чем более властно оно вторгается в него, тем очевиднее становится, что именно те импульсы, которые подвергаются изо всех сил, постараются пробиться наружу и выразиться в образах сновидения. Потому что, поскольку человек в данный момент ощущает неприятные чувства, связанные с ними, они выполняют самую трудную часть своей миссии – пробиться наружу и оформиться в образы – и это сбывается. И здесь мы снова сталкиваемся с беспокойными снами; а они, как мы выясним, формируют маргинальную область в области функций сновидения.

VI. Вторичная переработка содержания сновидения

Наконец, пришло время рассмотреть четвертый фактор, который оказывает влияние на формирование сновидений. Если мы продолжим изучение содержания сновидения так, как мы его начали, – то есть сравнивая события в сновидениях, доступные непосредственному наблюдению, с их источниками – теми мыслями, которые спровоцировали эти сновидения, то мы обнаружим такие элементы сновидения, объяснять которые необходимо совершенно с иных позиций. Например, вспомним, как спящий человек удивляется и сердится на что-то в сновидении или отвергает какой-то элемент его содержания. Как я уже продемонстрировал на множестве примеров в последнем разделе, большая часть подобной критики в сновидении направлена не на его содержание: все они оказываются фрагментами мыслей в сновидении, которые были подавлены его другими элементами и отработаны. Но часть подобного мыслительного материала объяснению не поддается; и в материале сновидений найти ему соответствия невозможно. Что, например, обозначает такая критическая мысль, с которой мы нередко сталкиваемся в сновидениях: «Это же только сон». Это критика сновидения в чистом виде, которая свойственна человеку и в состоянии бодрствования. Очень часто после такой мысли человек просыпается; и еще чаще перед этой мыслью человеку становится неприятно оттого, что это всего лишь только сон. Мысль спящего: «это же только сон», возникающая в самом сновидении, стремится к той же цели, что и Прекрасная Елена в одноименной оперетте Оффенбаха: она старается преуменьшить значение только что пережитого и облегчить ожидания будущего[409], чтобы «усыпить внимание» действующей в сновидении движущей силы, которая стремится проявить себя и положить конец сновидению – или завершить сцену в оперетте. Но гораздо приятнее продолжать спать и согласиться с происходящим в сновидении, успокаивая себя: «это же только сон». Я считаю, что презрительное критическое замечание «это же только сон» – лишь в том случае проявляется в сновидении, если недремлющая цензура реагирует на попытку ее обойти. Подавлять происходящее в сновидении поздно, и потому цензура критически реагирует на что-то страшное или неприятное. Так проявляется противодействие психической цензуры – для описания которого подходит идиоматический оборот «дух лестницы», l'esprit d'escalier, когда она, так сказать, «после драки кулаками машет».

На этом примере мы убеждаемся, что далеко не все в содержании сновидения связано с мыслями, которые его спровоцировали, и что в его содержание может вторгаться психическая

функция, которая практически не отличается от нашего мышления в состоянии бодрствования. Но происходит ли это лишь в исключительных случаях или же эта психическая движущая сила, которая в других случаях выполняет роль цензуры, принимает *постоянное* участие в формировании сновидений?

Мы решительно высказываемся в пользу второго предположения. Без сомнения, цензура, воздействие которой до сих пор выражалось лишь в ограничении содержания сновидения и в вымарывании из него каких-то элементов, также отвечает за интерполяции и дополнения в нем. Такие дополнения в основном нетрудно заметить; им сопутствует чувство неуверенности, они сопровождаются словами «как будто», «точно» и не отличаются особой живостью, всегда возникая там, где с их помощью могут соединяться два фрагмента сновидения или будет устанавливаться связь между ними. Они запоминаются хуже, по сравнению с непосредственными производными мыслей, которые спровоцировали сновидение: когда оно забывается, они исчезают в первую очередь, и я предполагаю, что наша распространенная жалоба на то, что «нам много чего снилось, большую часть из этого мы забыли, вспоминаются лишь отдельные его отрывки», связана с тем, что такие мысли-связки очень быстро исчезают после пробуждения. Когда проводится подробный анализ сновидения, такие интерполяции проявляются в том, что в мыслях, которые спровоцировали сновидение, им не находится соответствий в области материала. Но тщательное исследование заставляет меня прийти к выводу, что это довольно редко бывает; в большинстве случаев мысли-связки могут вывести нас на мысли в сновидении; но этот материал в сновидение не попадает – ни сам по себе, ни в состоянии сверхдетерминированности. Лишь в крайних случаях психическая функция при формировании сновидений, которую мы сейчас изучаем, создает нечто новое. Насколько возможно, она использует все, что считает уместным, в материале самого сновидения.

Отличительной чертой и одновременно тем, что позволяет нам вычислить эту психическую движущую силу в сновидении, является ее *цель*[410]. Она выполняет ту же функцию, которую один поэт ехидно приписывает философам[411]: она штопает пробелы в конструкции сновидения. Благодаря ей сновидение перестает казаться абсурдным и бессвязным и начинает напоминать что-то, происходящее в действительности. Но это ей не всегда удается. Например, встречаются такие сновидения, на первый взгляд безупречно логичные и осмысленные, которые связаны с возможной ситуацией, подвергают ее последовательным модификациям и, что бывает далеко не всегда, завершают ее вполне логично с нашей точки зрения. Такие сновидения подверглись существенной переработке со стороны этой психической функции, которая напоминает наше мышление в состоянии бодрствования; создается впечатление, что у них есть значение, но оно весьма далеко от того, что они значат на самом деле. Если провести их анализ, то можно обнаружить, что под воздействием вторичной переработки сновидения весь материал сновидения пришел в состояние свободного движения, и от первоначальных взаимосвязей в области его материала мало что осталось. Словно толкование этого сновидения уже произошло до того, как мы подвергли его интерпретации, после того, как проснулись[412]. В некоторых сновидениях такая субъективная переработка лишь отчасти срабатывает; создается впечатление, что связность такого фрагмента словно навязана извне, а потом это сновидение утрачивает связность и возникает путаница, хотя позднее, когда оно продолжается, на какой-то момент оно снова может предстать рациональным. А в других сновидениях подобная вторичная переработка терпит полное фиаско, и мы напрасно пытаемся собрать в связное целое бессмысленные фрагменты разрозненного материала.

Я не стремлюсь категорически отрицать, что эта четвертая движущая психическая сила, управляющая сновидением, с которой мы вскоре будем встречаться, как со старым другом, поскольку именно с ней мы знакомы в ином контексте, может создавать в сновидениях нечто новое. Но совершенно очевидно, что, как и другие движущие силы в сновидении, она оказывает свое влияние, совершая выбор и выделяя нечто в этом сновидении, на основе психического материала в уже сформировавшихся в нем мыслях. Но бывает так, что иногда она не в состоянии, так сказать, воздвигнуть фасад сновидения – и это происходит в том случае, если нечто уже было сформировано и может использоваться в материале мыслей в сновидении. Такой элемент мыслей в сновидении я называю «построением фантазии»[413]. Это, пожалуй, напоминает сны наяву[414]. Подобные сны наяву и их роль в нашем сознании еще недостаточно изучены психиатрами, хотя у меня создается впечатление, что М. Бенедикт добился существенного прогресса в этом

отношении[415]. Многие писатели, обладающие развитым воображением, придавали снам наяву большое значение, например в романе Альфонса Доде «Набоб» один из персонажей предается снам наяву. При изучении психоневрозов мы приходим к неожиданному выводу, что все эти фантазии, или сны наяву, часто являются первыми признаками симптомов истерии, по крайней мере, многих из них. Истерические симптомы не связаны с конкретными воспоминаниями, а с теми фантазиями, которые вырастают из подобных воспоминаний[416]. Когда такие фантастические сны наяву возникают часто, то мы начинаем осознавать эти структуры, но среди них встречаются как сознательные, так и бессознательные фантазии подобного рода, и их огромное количество, а бессознательными они остаются в силу своего содержания и оттого, что связаны с тем материалом, мысли о котором подавляются. Более тщательное исследование характеристик подобных снов наяву, насколько точно их название отражает их сходство с теми снами, которые мы видим по ночам, – и что их правильно называть «снами». У них много общего с ночными сновидениями, а исследование снов наяву поможет лучше понять, что представляют собой ночные сновидения.

Сны наяву тоже изображают осуществление желаний; как и ночные сновидения, они в значительной степени обусловлены событиями раннего детства; как и ночные сновидения, они до некоторой степени проникают через завесу цензуры. Если мы начнем изучать их структуру, то сможем заметить, каким образом стремление к осуществлению желания, которое их породило, перемешалось с их строительным материалом, перестроило его и сформировало из него нечто новое. В них также просматриваются воспоминания детства, как в дворцах эпохи Барокко мы узнаем черты древнеримских руин, чьи плиты с пола и колонны стали строительным материалом для более поздних построек.

Функция «вторичной переработки» сновидений, которую мы считаем четвертым фактором формирования их содержания, снова показывает нам, каким образом свободно формируются сны наяву, не подверженные никаким иным факторам воздействия. Мы даже можем утверждать, что эта четвертая движущая сила при формировании сновидения стремится сплавить доступный ей материал так, чтобы отлить из него нечто напоминающее сон наяву. Но если такой сон наяву уже был сформирован из мыслей в сновидении, этот четвертый фактор направит свою энергию на то, чтобы использовать уже готовый материал сна наяву и вплести его в контекст сновидения. Некоторые сновидения лишь воспроизводят дневные фантазии, которые могли быть неосознанными[417], например, таким было сновидение мальчика о том, что он едет в колеснице вместе с героем Троянской войны. В моем сновидении *«автодидаскер»* вторая часть представляет собой полное и точное повторение вполне невинного сна наяву о моем знакомстве с профессором Н. Поскольку формирование сновидения должно удовлетворять ряду сложных условий, часто готовая фантазия формирует лишь какую-то его *часть* или проникает в это сновидение. С этого момента такая фантазия воспринимается так же, как и весь скрытый, неявный материал сновидения, который часто предстает в сновидении как единое целое. В моих сновидениях часто попадаются такие фрагменты, которые резко выделяются по сравнению со всем этим сновидением. Они кажутся мне, так сказать, более связными и живыми, по сравнению с другими частями того же сновидения; я понимаю, что это бессознательные фантазии, проникшие в сновидение, но мне никогда еще не удавалось выявить ни одной подобной фантазии. Кроме того, эти фантазии, как и все другие элементы мыслей, которые спровоцировали это сновидение, подвергаются смещению, сгущению и другим изменениям. Существуют и промежуточные случаи, когда из них конструируется содержание сновидения (или, по крайней мере, его фасад) и при этом они не подвергаются изменениям, и между абсолютно противоположной ситуацией, когда в сновидении их представлен один-единственный элемент или присутствует некий отдаленный намек на их существование. То, что происходит с такими фантазиями в мыслях, в сновидении также определяется теми преимуществами, которые позволяют им противостоять цензуре в сновидениях и стремлению к конденсации.

Выбирая примеры толкования сновидений, я стремился не касаться тех сновидений, в которых бессознательные фантазии играют решающую роль, так как включение подобного психического элемента потребовало бы более пространного изложения психологии бессознательного. Совершенно не касаться обсуждения таких «фантазий» не получится, поскольку они довольно часто полностью вписываются в сновидение и их можно часто в нем выявить. Я приведу пример еще одного сновидения, которое состоит из двух различных,

противоположных, но в некоторых местах совпадающих друг с другом фантазий, одна из которых носит поверхностный характер, а другая помогает осуществить толкование первой[418].

Вот это сновидение, единственное из многих, о котором у меня не сохранилось подробных записей: *«Молодому холостому мужчине снится, что он сидит в ресторане. Вдруг появляются какие-то люди, которые пришли его арестовать. Он говорит своим соседям по столику: "Я заплачу потом, я скоро вернусь". Но те ехидно отвечают: "Знаем мы эту песню, все так говорят". Один из посетителей кричит ему вслед: "Еще один уходит!" Его приводят в какое-то тесное помещение, где он видит женщину с ребенком на руках. Один из его спутников говорит: "Это господин Мюллер". Комиссар или еще какой-то офицер перебирает пачку бумаг и повторяет при этом: "Мюллер, Мюллер, Мюллер!" Наконец он задает ему вопрос, на который тот отвечает утвердительно. Потом он оглядывается на женщину и видит, что у нее выросла длинная борода».*

Нетрудно разделить это сновидение на составные части. *Фантазия об аресте* поверхностна; она, видимо, была заново сформирована процессами, которые управляют сновидением. Но в основе материала, который слегка изменил свою форму, угадывается фантазия о женщине: это – *фантазия о женитьбе.* Характеристики обеих этих фантазий, как в совмещенных фотографиях нескольких людей, которые создавал Гальтон, проявляются довольно ясно. Обещание молодого человека (пока холостого), что он вернется и присоединится к своим сотрапезникам, их скепсис по этому поводу (а они по своему опыту твердо знают, как все будет) и восклицание «еще один уходит» (чтобы жениться) – все эти характеристики легко и логично укладываются в альтернативное толкование этого сновидения, как и ответ на вопрос полицейского. Фрагмент сновидения, когда тот перебирает пачку бумаг, повторяя одно и то же имя, напоминает второстепенную, но важную часть свадебной церемонии – когда читают вслух поздравительные телеграммы, где повторяются одни и те же имена. Фантазия о женщине в этом сновидении вытеснила покрывающую ее фантазию об аресте. В процессе анализа мне удалось понять, почему в заключительной части этого сновидения у женщины вырастает борода. Тот, кому приснился этот сон, накануне шел по улице с таким же закоренелым холостяком, как и он сам, и им повстречалась красивая брюнетка. Тот, чье сновидение я здесь привожу в качестве примера, указал на нее своему другу. Но тот ответил: «Да, если бы только у этих женщин через некоторое время не вырастали бы бороды, как у их отцов!» В этом сновидении тоже много элементов, которые подверглись искажению под воздействием процессов, управляющих сновидением. Например, фраза «я заплачу позже», возможно, намекает на обещания тестя в отношении приданого. По всей вероятности, что-то препятствует этому человеку фантазировать о женитьбе. Одна такая мысль – опасение, что человек после женитьбы теряет свою личную свободу, – предстала в образе ареста.

Если мы еще раз вернемся к мысли о том, что процессы в сновидении чаще всего пользуются готовой фантазией, а не конструируют ее из материала мыслей, которые спровоцировали сновидение, то мы подходим к разрешению одной, возможно, самой интригующей, загадки сновидения. В самом начале этой книги я привел пример сновидения, о котором сообщает Мори, про человека, откинувшегося во сне на жесткий валик дивана, на котором он спал, и сон которого превратился в долгую историю из времен великой революции. Так как в отчете говорится о том, что это сновидение произвело впечатление связного, и его причину объясняют воздействием внешнего раздражителя на спящего человека, о чем этот спящий мог ничего не подозревать, то можно предположить, что все это сложное сновидение сформировалось в короткий промежуток времени между изменением положения головы спящего человека и его пробуждением, связанным с этим движением.

Мы никогда не решились бы приписать бодрствующему мышлению такой скорости и потому приходим к выводу, что процессы, управляющие сновидением, осуществляются с невероятной скоростью.

Некоторые современные исследователи – Ле Лоррен (Le Lorrain, 1984, 1985), Эггер (Egger, 1895) – категорически возражают против подобного утверждения. Они отчасти сомневаются в том, что Мори точно передал содержание своего сновидения, и стремятся продемонстрировать, что скорость нашего мышления в состоянии бодрствования такая же, как и во время сновидения. Эта дискуссия затрагивает целый ряд принципиальных вопросов, которые еще предстоит разрешить. Но я вынужден признать, что аргументы Эггера в отношении сновидения Мори о

гильотине мне не кажутся убедительными. Я предложил бы следующее толкование этого сновидения. Ведь может быть так, чтобы в сновидение Мори проникла фантазия, которая хранилась в его памяти в неизменном виде и пробудилась именно в тот момент, когда он испытал воздействие раздражителя? Если это так, то понятно, откуда взялась в его сновидении эта длинная, подробная история со множеством деталей в такой короткий промежуток времени во время сна; вся она уже сформировалась заранее. Если бы Мори коснулся затылком жесткого диванного валика в бодрствующем состоянии, то мог бы при этом подумать: «Как на гильотину лег!». Но во сне управляющие сновидением процессы мгновенно использовали этот образ для изображения осуществившегося желания, *словно* хотели этим сказать: «Вот и настал момент использовать эту фантазию, о которой он прочел когда-то». Прочитанный давно роман соответствует фантазиям, обычно возникающим у молодых людей под влиянием сильных впечатлений, и это для меня бесспорно. Кого же – и в особенности француза и исследователя истории культуры – не взволновала бы эта эпоха террора, когда аристократия, мужчины и женщины, цвет нации, на своем примере демонстрировала, как радостно можно встречать смерть и до самого страшного конца сохранять свежесть остроумия и душевное благородство! Как волнует молодого человека мысль о том, что он галантно целует руку своей дамы, прощаясь с ней перед тем, как бесстрашно взойти на эшафот. Или, если главным мотивом фантазии служит честолюбие, предстать в образе одной из тех могучих личностей, которые лишь силой своих мыслей и своего пламенного красноречия обретают власть над городом, где в то время билось сердце человечества, и, убежденные в своей правоте, отправляли на смерть тысячи людей, и кто готовился внести свой вклад в изменение истории Европы, а потом и сами подставляли головы под нож гильотины, какое искушение – представить себя одним из жирондистов или самим Дантоном! В фантазии Мори есть один элемент, сохранившийся в памяти: «окруженный огромной толпой», который указывает на честолюбивый характер этой фантазии.

Эта фантазия в виде давнишней заготовки могла и не проходить красной нитью через все сновидение: она могла просто проявиться в одном из его фрагментов. Я имею в виду вот что. Если прозвучало несколько тактов музыкального произведения, и кто-то, как в «Дон Жуане», говорит: «Это фрагмент из "Женитьбы Фигаро" Моцарта», то я сразу вспомню очень многое, но без каких-то конкретных деталей. Эти несколько тактов музыки выступают в качестве стимула к таким воспоминаниям. Ключевая фраза выступает в качестве спускового крючка, который одновременно включает всю систему, и она приходит в состояние возбуждения. То же самое проявляется в области бессознательного. Поступивший в сознание стимул открывает доступ ко всей фантазии о гильотине в целом. Но эта фантазия не остается в сновидении спящего, а существует только в воспоминаниях человека после пробуждения, когда он восстанавливает в памяти эту фантазию во всех деталях, хотя в сновидении присутствовал лишь намек на нее. При этом у него нет никаких доказательств того, что он вспоминает что-то из сновидения. То же объяснение – что речь идет о готовых фантазиях, которые возникли благодаря какому-то раздражителю – можно отнести и к другим сновидениям, связанным с каким-либо определенным раздражителем при пробуждении. Например, то сновидение Наполеона при взрыве адской машины. Я отнюдь не утверждаю, однако, что все такие сновидения допускают это объяснение или что проблема ускоренной деятельности сновидения этим всецело исчерпывается.

Среди примеров сновидений, которые Жюстина Тобовольска использует в качестве материала в своей диссертации о течении времени в сновидениях, самый информативный – это рассказ Макарио (Macario, 1857) о сновидении, которое посетило знаменитого актера по имени Казимир Бонжур. Однажды вечером он захотел посетить премьеру одной из пьес, в которых играл; но он был так утомлен, сидя за кулисами, что заснул, как только поднялся занавес. Во сне он увидел все пять актов этой пьесы, один за другим, и следил за переменой настроений зрителей в зале. В конце пьесы ему приснились овации в свой адрес и гром аплодисментов. Внезапно он проснулся – и не поверил собственным глазам: на сцене играли лишь первые строки в самом начале спектакля, получается, что он проспал всего две минуты. Безусловно, мы можем предположить, что сон про все пять актов этой пьесы и реакция на них публики не могли посетить спящего под влиянием какого-то свежего материала во время этого сна, а скорее всего, воспроизводили фрагмент какой-то фантазии в действии (в том смысле, который я здесь привожу), которая уже имела законченный вид. Тобовольска, как и другие исследователи, подчеркивает, что сновидения, в которых события развиваются в ускоренном темпе, похожи

друг на друга, и это сходство заключается в том, что они кажутся относительно связными, в отличие от других видов сновидений, и что при воспоминаниях о них человеку удается восстановить в памяти много деталей. Это, конечно, свойственно готовым фантазиям подобного рода, которые подверглись воздействию процессов, управляющих сновидением, хотя об этом вышеуказанные исследователи ничего не говорят. Я не утверждаю, что *все* подобные сновидения, возникшие под влиянием внешнего раздражителя, можно объяснить именно таким образом или что можно объяснить таким образом, почему события в них развиваются в ускоренном темпе.

И мы больше не можем уклоняться от обсуждения взаимосвязи между этой вторичной переработкой содержания сновидений и всеми остальными процессами, которые управляют сновидениями. Может ли дело обстоять так, что такие факторы, которые способствуют формированию сновидения – в первую очередь: тенденция к сгущению, необходимость обходить цензуру и все, что связано с выразительными средствами с помощью психических явлений, которые доступны в сновидениях, формируют содержание сновидения из уже доступного им материала, и что затем этот материал переформируется так, чтобы соответствовать требованиям этой второй движущей силы в сновидении? Маловероятно. Скорее, эта движущая сила создает ряд условий, которым должно соответствовать сновидение, и эти условия, наравне с условиями сгущения, сопротивления, цензуры и выразительными средствами, оказывает решающее воздействие на богатый материал мыслей, которые спровоцировали это сновидение. Из четырех условий образования сновидений последнее, во всяком случае, менее всего ограничивает сновидение.

Наши дальнейшие рассуждения позволяют нам предположить, что, вполне вероятно, психическая функция, которая отвечает за то, что мы обозначили термином «вторичная переработка» содержания сновидений, должна рассматриваться в комплексе с деятельностью нашего мышления в состоянии бодрствования. Наше бодрствующее (предсознательное[419]) мышление поступает с любым воспринимаемым им материалом точно так же, как та движущая сила в сновидении, которую мы сейчас обсуждаем, действует в отношении содержания этого сновидения. Здесь мы можем зайти достаточно далеко. В этой области нас может обмануть любой самый ловкий новичок, умело воспользовавшись нашими интеллектуальными привычками. Пытаясь внести ясность в поток впечатлений и чувств, которые на нас обрушиваются, мы часто совершаем самые нелепые ошибки или даже фальсифицируем тот материал, который находится в нашем распоряжении.

Таких примеров множество, и их подробного перечисления не требуется. Мы не замечаем искажающих смысл опечаток, и нам кажется, что в тексте все правильно. Редактор одного распространенного французского журнала держал пари, что в каждую фразу длинной статьи он вставит слова «спереди» или «сзади», и при этом ни один читатель этого не заметит. Пари он выиграл. Много лет назад я прочел в газете забавную статью о неправильных причинно-следственных связях. После знаменитого заседания французского Национального Собрания, когда Дюпюи своим хладнокровным возгласом «Заседание продолжается» предотвратил панику, когда взорвалась бомба, брошенная в зал анархистами, у тех, кто сидел в зале, брали свидетельские показания по поводу этого покушения. Среди них было двое провинциалов; один из них сказал, что после речи депутата он, хотя и услышал взрыв, но подумал, что это так заведено в парламенте – выстрелом оповещать об окончании речи оратора. А другой, который прослушал выступления нескольких ораторов, подумал, что такими выстрелами салютуют всем отличившимся ораторам.

Нет сомнений, что не какая-либо новая движущая психическая сила, а исключительно наше обычное мышление стремится сделать понятным содержание сновидения, подвергает его первому толкованию и тем самым вносит в него путаницу. Мы при толковании сновидений должны придерживаться следующего правила: игнорировать мнимую связность сновидения, поскольку ее происхождение вызывает у нас подозрения; как в логичном, так и в запутанном сновидении необходимо идти обратным путем, выявляя материал, из которого оно образовано.

Теперь мы в состоянии понять, от чего зависит вышеупомянутая степень ясности или запутанности сновидений. Ясными нам представляются те части сновидений, в которых выявляются отпечатки вторичной переработки содержания; запутанными кажутся те из них, где сила такой переработки слабее. Так как запутанные части сновидения часто и наименее ясные, то

мы можем прийти к выводу, что вторичная деятельность сновидения обусловливает и пластическую интенсивность отдельных его элементов.

То, какой вид благодаря этому в конце концов приобретают сновидения, под воздействием нормального мышления, более всего напоминает мне те загадочные надписи, которыми журнал комиксов «Fliegende Blatter» развлекал своих читателей. Какая-нибудь фраза, для смеха произнесенная на каком-то диалекте и имеющая, возможно, еще более смешное значение, должна вызывать предположение, что она содержит латинскую надпись. Для этого отдельные буквы располагаются в другом порядке. Иногда это действительно настоящее латинское слово, иногда это обрывки таких слов, а иногда – стершиеся буквы и пробелы в надписи, которые вводят нас в заблуждение, и все кажется бессмысленным. Мы не должны поддаваться на эту провокацию и игнорировать все, что похоже на надпись, нам нужно просто смотреть на буквы и на их странное сочетание и складывать из них слова на нашем родном языке[420].

Вторичная переработка[421] как один из факторов, оказывающих влияние на происходящее в сновидении, наблюдалась многими их исследователями, которые подчеркивали ее значимость. Гэвлок Эллис (Havelock Ellis, 1910–1911) приводит забавный пример того, как он действует: «Мы можем представить, как спящее сознание говорит: "Вон идет наш хозяин, Бодрствующее мышление, которое придает такое значение рассудку, логике и т. п. Так! Быстро! Приберем тут все и расставим по порядку – да неважно, как – пока он не пришел и не начал тут хозяйничать"».

Делакруа (Delacroix, 1904) точно установил сходство между этим процессом и тем, который происходит в состоянии бодрствования: «Cette fonction D'interpretation n'est pas particuliere au reve; c'est le meme travail de Coordination logique que nous faisons sur nos sensations pendant la veille»[422]. Джемс Сюлли и Тобовольска разделяют эту точку зрения (James Sully, 1893) (1900): «Sur ces successions incoherentes d'hallucinations, l'esprit s'efforce de faire le meme travail de coordination logique qu'il fait pendant la veille sur les sensations. Il relie entre elles par un lien imaginaire toutes ces images decousues et bouche les ecarts trop grands qui se trouvaient entre elles»[423].

Некоторые исследователи считают, что подобный процесс упорядочивания и интерпретации начинается уже во время сна и продолжается после пробуждения. Например, Паулан (Paulhan, 1894) считает, что: «Cependant j'ai souvent pense qu'il pouvait y avoir une certaine deformation, ou plutot reformation, du reve dans le souvenir… La tendence systematisante de l'imagination pourrait fort bien achiever apres le reveil ce qu'elle a ebauche pendant le sommeil. De la sorte, la rapidite reelle de la pensee serait augmentee en apparence par les perfectionnements dus a l'imagination eveillee»[424].

И поэтому неизбежно получается так, что значение этого признанного фактора формирования сновидений будет преувеличено, так что именно ему приписывается все, связанное с формированием сновидений. Подобное формирование, как предполагают Гобло (Goblot, 1896) и еще в большей степени Фуко (Foucault, 1906), происходит в момент пробуждения; поскольку эти два автора полагают, что мышление в состоянии бодрствования конструирует сновидение из того мыслительного материала, который проявляется во сне. Бернар-Лерой и Тобовольска (Bernard-Leroy, Tobowolska, 1901) так комментируют эту точку зрения: «Dans le reve, au contraire, l'interpretation et la coordination se font non seulement a l'aide des donnees du reve, mais encore a l'aide de celles de la veille…»[425]

От этого обсуждения вторичной переработки содержания сновидения я хотел бы перейти к еще одному фактору из области процессов, управляющих сновидением, который недавно был мастерски выявлен Гербертом Зильберером (Herbert Silberer). Как я уже упоминал в этой книге, Зильберер, так сказать, ухватил сам момент трансформации мыслей в образы, заставляя себя заниматься интеллектуальной работой в состоянии утомления, когда ему очень хотелось спать. В такие моменты та мысль, которую он обдумывал, куда-то пропадала, и вместо нее возникал образ, который, как правило, приходил на смену абстрактным мыслям (см. примеры в абзаце, о котором идет речь выше). Во время этих экспериментов получалось так, что этот образ становился все более интенсивным и сопоставимым с элементом сновидения, иногда он изображал совсем не то, о чем Зильберер в тот момент думал, – например, саму усталость, то, как трудно и неприятно работать в подобном состоянии. То есть он отражал субъективное состояние человека и как работает его сознание, а не то, на что были в тот момент направлены его усилия. Зильберер приводил примеры подобного рода, которые ему встречались довольно часто,

обозначая их как «функциональное явление», в отличие от «материального явления», которое он ожидал увидеть.

Например: «Однажды днем я лежал на диване и мне ужасно хотелось спать, но я заставил себя задуматься о философской проблеме. Я хотел сопоставить воззрения Канта и Шопенгауэра на время. Оттого, что мне очень хотелось спать, я никак не мог удержать аргументы обоих этих авторов одновременно у себя в голове, что было необходимо для того, чтобы сравнить их друг с другом. После нескольких неудачных попыток я снова заставил себя подумать об умозаключениях Канта, стараясь изо всех сил, так, чтобы можно было сравнить их со взглядами Шопенгауэра на эту проблему. Потом я стал думать о мнении Шопенгауэра, но, когда попробовал вернуться мыслями к Канту, я обнаружил, что не помню его аргументов, и, как ни старался, не мог их вспомнить. И вдруг эти тщетные попытки восстановить *досье* Канта по этому поводу, которое хранилось где-то в закоулках моего сознания, вдруг предстало пред моим мысленным взором как конкретный и пластичный символ, словно образ из сна: *Я запрашивал эту информацию у нелюдимого и невежливого секретаря, который склонился над своей конторкой и отказывался мне помочь, несмотря на мои настойчивые просьбы, он слегка выпрямился и глянул на меня, сурово и нелюбезно*(Silberer, 1909 – курсив Фрейда).

Вот некоторые другие примеры колебания между состояниями сна и бодрствования.

Пример № 2 – Обстоятельства: утром, при пробуждении. Пока я был погружен в сон (между сном и явью), размышляя о том, что мне только что приснилось, и вроде бы снова погружаясь в сон, я почувствовал, что вот-вот проснусь, но решил остаться в этом полусонном состоянии».

«Что при этом снится: *я перехожу ручей, перешагиваю через него одной ногой и возвращаюсь, где стоял, потому что хочу остаться там, с другой стороны».*

Пример № 6 – условия, как в примере 4 (когда спящий хотел остаться в постели чуть дольше, но не проспать). «Я хотел подремать еще немного».

«Что при этом снится: я с кем-то прощаюсь и договариваюсь, что мы еще увидимся (с ним или с ней)» (там же).

«Функциональное явление», «репрезентация состояния вместо объекта» наблюдалась Зильберером в основном в состоянии погружения в сон и пробуждения. Очевидно, что при толковании сновидений мы имеем дело лишь со вторым состоянием. Зильберер предоставил убедительные примеры того, что во многих сновидениях заключительные фрагменты их содержания, за которыми наступает пробуждение, представляют собой лишь стремление проснуться или сам процесс пробуждения. Это может выражаться в таких образах, как, например, переход через порог («символ порога»), выход из одной комнаты и вход в другую, отъезд, возвращение домой, прощание с каким-то спутником, прыжок в воду и так далее. Но я не могу удержаться от замечания, что, хотя мне встречались такие элементы, связанные с символом порога, в моих собственных сновидениях они встречались гораздо реже, чем это можно было бы предположить исходя из того, что обнаружил Зильберер.

Кажется, невероятным или неправдоподобным, чтобы подобный пороговый символизм помог бы объяснить явления, которые возникают в середине сновидения – там, где происходят колебания в состоянии спящего, погруженного в глубокий сон, и стремление проснуться. Чаще всего мы сталкиваемся со сверхдетерминированием, когда фрагмент сновидения, образованного из самого ядра его материального содержания, используется для того, чтобы изобразить какое-то *дополнительное* состояние деятельности сознания.

Это очень интересное функциональное явление, которое обнаружил Зильберер, привело ко многим недоразумениям, в чем нет вины этого исследователя; поскольку из-за него снова стали интерпретировать сновидения как нечто абстрактное и символическое. Предпочтение «функциональных категорий» проявляется у многих из тех, кто рассуждает о функциональном феномене всякий раз, когда в мыслях сновидения проявляются интеллектуальные действия или эмоциональные процессы, хотя подобный материал, который порождается остаточными воспоминаниями о впечатлениях предыдущего дня, точно так же, как и все остальное, проникает в остаточном виде в сновидение.

Мы готовы признать, что открытые Зильберером явления представляют собой второй вид воздействия мышления в состоянии бодрствования на формирование сновидений, хотя он встречается реже и менее значим, чем первый, о котором мы уже говорили, обозначив его термином «вторичная переработка». Было продемонстрировано, что часть того внимания,

которое функционирует в состоянии бодрствования, во сне все еще направлено на сновидение, когда человек спит; оно оценивает происходящее во сне, критикует его содержание и оставляет за собой право прервать этот сон. Кажется вполне вероятным, что эта движущая сила сознания и есть тот цензор[426], которому мы приписали такое мощное право ограничивать формы, которые принимают сновидения. Вклад Зильберера заключается в том, что в некоторых обстоятельствах самонаблюдение принимает участие в этом и влияет на содержание сновидения. Возможная взаимосвязь такой движущей психической силы, отвечающей за самонаблюдение, которая может быть весьма развита у людей философского склада ума, которая выражается в склонности присматриваться к мельчайшим деталям собственной духовной жизни, впадать в делюзии при самонаблюдении, стремиться все осознать и стать цензором сновидений, может стать благодатным материалом для исследования.

Теперь я попытаюсь подвести итог подробному исследованию процессов, оказывающих влияние на сновидения. Мы постарались ответить на вопрос, направлен ли весь потенциал нашего сознания на формирование сновидений или в этом задействованы лишь некоторые его аспекты. Наше исследование заставляет нас в принципе отказаться от подобной постановки вопроса, поскольку он не отражает истинного положения дел. Если же нам придется ответить на него, то ответ будет «да» и на первый, и на второй его варианты, хотя они взаимно исключают друг друга. В сознании при формировании сновидения проявляются две функции: формирование мыслей, которые провоцируют сновидение, и их переработка в его содержание. Мысли, которые спровоцировали сновидение, абсолютно рациональны и формируются при участии всего нашего психического энергетического потенциала. Они приходят из той области сознания, которую мы не осознаем; из этих процессов, подвергаясь ряду изменений, так же возникают и наши осознаваемые мысли. Какими бы увлекательными и таинственными нам ни казались мысли в сновидении, они не связаны только со сновидением, и их нельзя рассматривать как часть сновидения[427]. С другой стороны, вторая функция деятельности сознания при формировании сновидений, которая трансформирует бессознательные мысли в содержание сновидения, представляет собой типичную характеристику самого сновидения. Этот свойственный сновидению процесс гораздо более отличается от мышления в состоянии бодрствования, чем предполагают даже те, кто категорически недооценивает роль психической деятельности при формировании сновидения. Дело не в том, что во сне сознание функционирует менее точно, более иррационально, о многом забывает и более фрагментарно, чем мышление в состоянии бодрствования, а в том, что оно представляет собой нечто совершенно иное в качественном отношении, и сравнивать одно с другим не стоит. Спящее сознание не мыслит, не совершает расчетов и не выносит суждений ни в малейшей степени, оно просто придает вещам и явлениям иную форму. Этому можно дать исчерпывающее описание, просто перечисляя условия, которым оно должно соответствовать при создании своего продукта: он должен освободиться от влияния цензуры; с этой целью процессы в сновидении производят *смещение* психической интенсивности, вплоть до полной переоценки всех *психических ценностей.* Воспроизводятся лишь мысли или преимущественно материал зрительных и слуховых остаточных воспоминаний; потому необходимо обращать внимание на *выразительные средства* в сновидении, что и происходит с помощью образования новых смещений. При этом создаются более интенсивные элементы, чем те, которые отражались в мыслях ночного сновидения, и для этого используется весьма интенсивное *сгущение* фрагментов мыслей. Логические связи этих мыслей не имеют большого значения; они выражаются в *формальных* характеристиках сновидения. Любой аффект, связанный с мыслями, которые спровоцировали сновидение, подвергается меньшим изменениям, чем те идеи, которые они содержат. Как правило, подобные аффекты подавляются, когда они сохраняются, они отрываются от тех идей, с которыми были связаны, и к ним присоединяется аффект близкого значения. Лишь один процесс в сновидении, действующий нерегулярно, – переработка материала частично пробуждающимся сознанием, до некоторой степени оправдывает точку зрения некоторых исследователей на то, что они считают связанным со всем комплексом происходящего при формировании сновидений[428].

Глава VII. Психология процессов, управляющих сновидениями

[429]

Среди сновидений, о которых мне рассказали другие люди, есть одно, которое требует особого внимания. О нем мне рассказала одна моя пациентка, а сама она услышала о нем на одной лекции про сновидения; кому это приснилось, мне неизвестно. На эту даму произвело впечатление его содержание, и потом оно приснилось и ей тоже, точнее, некоторые его элементы, так что у нее есть свой собственный опыт переживаний по этому поводу.

Дело было так. Один отец день и ночь сидел у постели своего больного ребенка. Ребенок умер, и отец пошел спать в соседнюю комнату, но оставил дверь открытой, чтобы из спальни видеть тело покойного, вокруг которого горели большие свечи. У постели умершего ребенка сидел старик и читал молитвы. Отец проспал уже несколько часов, и тут ему снится, что *его ребенок стоит у его постели, берет его за руку и говорит ему с упреком: «Папа, разве ты не видишь, что я горю?»* Он тут же просыпается, замечает яркий свет в соседней комнате, спешит туда и видит, что старик уснул, а покровы и одна рука его любимого умершего ребенка уже успели обгореть от упавшей на него зажженной свечи.

Совершить толкование этого душераздирающего сновидения достаточно просто, и, как мне рассказала моя пациентка, лектору это удалось. Через открытую дверь на лицо спящего падал свет от зажженной свечи, и у него возникла та же мысль, что и в бодрствующем состоянии: в той комнате упала свеча и вспыхнул пожар. Быть может, отец и заснул с мыслями о том, что старик у постели покойного ребенка не справится с возложенной на него миссией.

Мне тоже нечего добавить к этому толкованию, разве что содержание сновидения, должно быть, подверглось сверхдетерминированию, и слова ребенка воспроизводят то, что он говорил при жизни, и связаны с важными для отца переживаниями. Его жалоба *«я горю»* связана с жаром, от которого он страдал перед смертью, а слова, *«Папа, разве ты не видишь?»* — с окрашенным яркими эмоциями эпизодом, о котором нам ничего не известно.

Поскольку мы признали, что сновидение – это осмысленный процесс и что это одно из проявлений человеческой психики, то нам может показаться удивительным, как вообще могло сформироваться сновидение в подобных обстоятельствах, когда просыпаться нужно было как можно быстрее. И в этом сновидении мы можем увидеть пример осуществления желания. В этом сновидении мертвый ребенок оживает, разговаривает с отцом, подходит к его постели и берет его за руку, как это было и в воспоминании, откуда в сновидение проникли те слова ребенка. Именно оттого, что в этом сновидении ребенок ожил – и это заветное желание его отца сбылось, это сновидение и продлилось на какое-то мгновение. И в этом сне, а не наяву, ребенок снова был жив. Если бы отец проснулся сразу и его посетила бы мысль, из-за которой он пошел в соседнюю комнату, то он бы лишил себя возможности снова увидеть своего ребенка живым.

Совершенно понятно, что именно в этом сновидении привлекает наше внимание. Пока нас интересовали скрытый смысл сновидения и каким образом процессы, действующие в сновидении, маскировали его. Нас интересовало прежде всего толкование сновидений. Сейчас перед нами сновидение, не представляющее никаких трудностей для толкования, значение которого очевидно, но оно обладает всеми существенными характеристиками, которые отличают сновидения от состояния бодрствования, и поэтому его необходимо объяснить. Лишь получив исчерпывающие объяснения того, что именно представляет собой процесс толкования сновидений, мы начинаем осознавать, как мало нам известно о психологии сновидений.

Прежде чем приступить к решению этой новой задачи, нам нужно остановиться и оглянуться назад, чтобы удостовериться, что мы не упустили ничего важного и существенного. Придется признать, что самая легкая и приятная часть нашего пути осталась позади. До сих пор все пути приводили нас, насколько я понимаю, к свету – к прозрению и лучшим знаниям. Но как только мы захотим проникнуть глубже в процессы сознания, связанные со сновидениями, перед нами разверзнется глубокая тьма. Мы не можем *объяснить* сновидение как психический процесс, так как «объяснить» – значит свести неизвестное к известному, а на сегодняшний момент не существует достоверных психологических знаний, которые послужили бы для нас основой для такого объяснения. И нам придется сформулировать целый ряд новых гипотез структуры сознания и тех движущих сил, которые им управляют. Но нам следует соблюдать осторожность и не выходить за рамки логики таких гипотез, иначе они утратят свою ценность и предстанут весьма размытыми. Даже если мы не придем к ложным выводам и учтем все логически обусловленные возможности, наш теоретический фундамент еще слишком мало разработан, и

все наши расчеты могут привести к неудаче. Мы не можем прийти ни к каким выводам или сформулировать рабочие методы, а также собрать доказательства их обоснованности лишь на основе исследования сновидений или любых мыслительных функций, рассматриваемых *изолированно.* Чтобы решить эти задачи, будет необходимо свести воедино все выводы и материал, полученный при сравнительном исследовании подобных функций. Итак, психологическая гипотеза, к формулировке которой мы приблизились благодаря анализу процессов в сновидениях, остается, так сказать, в подвешенном состоянии, пока все это не удастся привести в соответствие с другими результатами исследований, которые стремятся разрешить эту же самую проблему, но уже под иным углом зрения.

А. Как забывают сновидения

Итак, я предполагаю, что нам необходимо обратиться к теме, которая создает проблему, которую мы еще не обсуждали, но которая может свести на нет все наши попытки толкования сновидений. Нас часто упрекают в том, что мы не знаем ничего о сновидениях, которые подвергаем толкованию, и нет никакой гарантии, что мы воспринимаем его действительно в том виде, в каком оно существовало в действительности.

Прежде всего, наши воспоминания о сновидении и материал для толкования, во-первых, искажены нашей ненадежной памятью, которая в высшей степени непригодна для сохранения сновидения и, возможно, не сохраняет самые важные и существенные части его содержания. Часто бывает так, что, стараясь вспомнить о том, что нам снилось, мы сожалеем о том, что не смогли запомнить, и, к сожалению, в нашей памяти сохраняются лишь отдельные отрывки, и даже эти воспоминания о них кажутся нам часто недостаточно надежными.

Во-вторых, есть основания предполагать, что наша память воспроизводит сновидение не только в неполном, но и в искаженном виде. Таким образом, мы сомневаемся, действительно ли сновидение было таким бессвязным и расплывчатым, каким мы его помним, и справедливо можем сомневаться и в том, было ли сновидение таким связным, как в нашем рассказе, не появились ли в нашем рассказе детали, которых не было в сновидении, и не было ли оно приукрашено и причесано так, что выявить его истинное содержание уже невозможно. Безусловно, один из исследователей, Спитта (Spitta, 1882)[430], предполагает, что упорядоченность и связность сновидения привносятся рассказчиком при попытке воспроизвести его содержание. Так мы рискуем утратить все наши завоевания в области толкования сновидений.

Итак, при толковании сновидений мы до сих пор не обращали внимания на подобные замечания. Наоборот, толкование мельчайших, смутных и неотчетливых частей сновидения казалось нам таким же необходимым, как и толкование его отчетливых и очевидных элементов. В сновидении об уколе Ирме есть такой фрагмент: я *поспешно подзываю доктора М.;* мы предполагали, что эта деталь, безусловно, не появилась бы в сновидении, если бы не указывала на особый источник. Мы установили, что этот фрагмент связан с историей о той несчастной пациентке, к которой я спешно вызвал своего старшего коллегу. В сновидении, которое поначалу нам показалось абсурдным, где различие 51 и 56 считалось несущественным, число 51 повторялось несколько раз. Вместо того чтобы счесть это вполне естественным и потому не обратить на это внимания, мы смогли выйти на вторую цепочку мыслей в скрытом содержании сновидения, которая привела нас к числу 51; мы выявили опасения, связанные с возрастом 51 год, в отличие от лежащей на поверхности цепочки мыслей в явном содержании сновидения, когда спящий хвастался долголетием. В сновидении про *«Non vixit»* фраза: *«П. его не понимает, и Фл. спрашивает у меня»* показалась мне поначалу несущественным дополнительным фрагментом сновидения. Когда впоследствии возникли проблемы с толкованием этого сновидения, я вернулся к этой фразе, и она напомнила мне о детской фантазии, которая проявляется в мыслях, спровоцировавших это сновидение, его центральным моментом. На эту мысль меня навели строки:

Selten habt ihr mich verstanden,
Selten auch verstand ich Euch,
Nur wenn wir im Kot uns fanden
So verstanden wir uns gleich[431].

Редко вы меня понимали,
Редко я вас понимал;
Только когда мы упали в грязь,
То сразу поняли друг друга.

Каждый раз в ходе анализа можно найти примеры того, насколько необходимы для толкования самые мелкие детали сновидения и насколько такой анализ замедляется, если мы не сразу их замечаем. Такое же значение при толковании сновидений мы придавали и оттенкам значения слов в сновидении. И даже в тех случаях, когда мы имели дело с бессмысленным или неадекватным текстом, когда правильная его интерпретация не удавалась, мы и это учитывали при толковании. Итак, мы приняли на веру то, что исследователи до нас считали лишь произвольной и беспорядочной импровизацией, поспешно созданной в полной неразберихе. Необходимо объяснить это противоречие.

Правда на нашей стороне, хотя и другие исследователи не всегда заблуждались. То, что нам удалось выяснить о формировании сновидения, позволяет полностью устранить все противоречия между подобными точками зрения. Мы действительно искажаем сновидение, пересказывая его; здесь мы снова сталкиваемся с явлением, которое обозначили как вторичную и часто неверно понимаемую переработку сновидения бодрствующим мышлением. Но само по себе это искажение представляет собой часть переработки, которой, под воздействием цензуры, всегда подвергаются мысли, которые спровоцировали сновидение. Многие исследователи действительно замечали или подозревали явное проявление искажения; нас это интересует в меньшей степени, поскольку нам известно, как далеко может зайти процесс искажения в сновидениях, хотя менее заметный подобный процесс уже сформировал сновидение на основе наших тайных мыслей, которые лежат в основе сновидения. Единственное заблуждение предыдущих исследователей заключалось в том, что считали трансформацию сновидения, которое пытаются вспомнить и выразить словами, произвольной, когда они полагали, что оно не поддается толкованию и так у нас просто формируются ложные представления относительно того, что представляет собой сновидение[432]. При этом недооценивается то обстоятельство, насколько психические явления находятся под влиянием внешних факторов. В них нет ничего произвольного. Можно легко доказать, что, если один элемент сновидения выпадает из общей цепочки мыслей, можно немедленно найти другой источник, которым он обусловлен. Например, я хочу наугад выбрать какое-то число. Но я не могу сделать этого произвольно: это число возникает в моем сознании под влиянием каких-то моих мыслей, хотя они по времени могут быть весьма отдалены от того момента, когда я это число загадал[433]. Те изменения, которые происходят в сновидении под воздействием бодрствующего мышления, также не могут быть произвольными. Они связаны на основании ассоциативных связей материалом, который спровоцировал это сновидение, заменяя его и указывая нам путь к нему, а тот материал, в свою очередь, возможно, заменяет собой и что-то еще.

При анализе сновидений моих пациентов я обычно устраиваю вот какую проверку, которая никогда меня не подводила. Когда рассказанное сновидение представляется мне поначалу невразумительным, я прошу рассказчика повторить его. Повторение в очень редких случаях воспроизводит сновидение буквально. Те его фрагменты, которые подверглись изменениям, – это слабые места в маскировке смысла сновидения, они служат мне тем же, чем послужил Хагену вышитый знак на одежде Зигфрида[434]. Именно с них и следует приступать к толкованию сновидения. Когда я прошу пациента еще раз повторить рассказ про его сновидение, он понимает, что я собираюсь разрешить его загадку, и, сопротивляясь этому, он поспешно скрывает слабые места в этом сновидении, заменяя какие-то опасные для него фрагменты сновидения, по которым можно выяснить нечто для него неприятное, на другие, менее откровенные. Так он и привлекает мое внимание к этим измененным фрагментам сновидения. Его стремление во что бы то ни стало помешать мне выявить смысл этого сновидения подсказывает мне, что он старается сбить меня с толку.

Исследователи прежних лет напрасно уделяли столько внимания *сомнениям* в том, до какой степени наша способность критически мыслить сталкивается со сновидениями. Для этого нет

никаких оснований интеллектуального характера. На нашу память в принципе не стоит полагаться, но все же мы довольно часто ей доверяем. Сомнение в том, насколько правильно было передано сновидение или его отдельные фрагменты, – это еще один результат воздействия цензуры сопротивления проникновению в наше сознание[435] мыслям, которые спровоцировали это сновидение. Сопротивление это не всегда сводится к смещениям и заменам, причиной которых оно становится, оно принимает облик сомнения в воспринимаемом материале. Мы склонны заблуждаться в отношении такого сомнения, поскольку оно никогда не направляется на самые интенсивные элементы сновидения, а лишь на самые слабые в нем. Но нам уже известно, что все психические ценности, которые содержатся в мыслях, спровоцировавших сновидение, в этом сновидении выражаются прямо противоположным образом. Искажение было возможно лишь благодаря их обесцениванию, оно в этом и проявляется, и обычно этого вполне достаточно. Если же по отношению к какому-то непонятному фрагменту содержания сновидения выражается и сомнение, то это явный признак того, что мы имеем дело с непосредственным производным продуктом тех мыслей в сновидении, которые хотели заблокировать. Это напоминает события одного переворота в одной из республик древности или эпохи Возрождения. Аристократические и могущественные кланы подвергаются изгнанию, на все высшие должности приходят авантюристы и выскочки; в республике терпимо относятся лишь к обедневшим и утратившим власть представителям этих потерявших власть семей. Но и они не обладают полноценными гражданскими правами, им не доверяют, и за ними установлен постоянный неусыпный контроль. Вот и наше сомнение действует точно так же. Поэтому во время анализа сновидения я предлагаю рассказчику не использовать никаких указаний на то, в какой степени он уверен в том, что именно видел во сне, и рассказывать мне все так, словно он абсолютно во всем том уверен. Пока он не выполнит это требование, прогресс в анализе сновидения невозможен. Если хотя бы отчасти усомнится в таком элементе сновидения, то нежелательные идеи не проникнут в голову пациента. Результат этого неочевиден. Нам не покажется бессмысленным вот такая реакция пациента: «Я не знаю, откуда то-то или то-то проникло в мое сновидение, но в связи с этим мне пришло в голову вот что…» Но так никто не говорит, именно то обстоятельство, что сомнение вмешивается в процесс анализа и нарушает его, доказывает, что такое сомнение – это производный продукт и средство психического сопротивления. Психоанализ подозрителен, и для этого есть основания. А одно из его правил: *все, что мешает продолжению психоанализа, – это сопротивление по отношению к нему*[436].

Как именно сновидения стираются из памяти, пока непонятно, если при этом не учитывать силу воздействия психической цензуры. Человеку кажется, что ночью ему приснилось очень многое, а запомнилась ему лишь ничтожная доля всего этого, и это имеет в целом ряде случаев свой особый смысл: например, он проспал всю ночь, а запомнил очень немногое из того, что ему снилось. Безусловно, чем больше времени прошло после пробуждения, тем больше забывается содержание сновидения, мы часто забываем о них, хотя изо всех сил пытаемся восстановить в памяти. Но я полагаю, что сновидения забываются не так сильно, как это считается, и роль пробелов в них, которые мешают нам понять сновидения, также весьма преувеличена. Очень часто с помощью анализа можно восстановить все, что забыто из сновидения; по крайней мере, в целом ряде случаев на основании одного какого-либо сохранившегося фрагмента можно восстановить если не само сновидение, которое само по себе нас и не интересует, а те мысли, которые его спровоцировали. Нужно быть внимательным и дисциплинированным во время анализа; вот и все – но это доказывает, что сновидения не забывают назло[437].

Чрезвычайно убедительное доказательство того, что люди забывают сновидения намеренно и в этом проявляется их сопротивление психоанализу[438], можно получить, изучая начальную фазу забывания сновидений.

Часто бывает так, что при толковании сновидения всплывает неожиданно какая-либо пропущенная часть сновидения, которая до того считалась забытой. Эта часть сновидения, вырванная из забвения, почти всегда наиболее важна и существенна для анализа. Именно она помогает понять сновидение и потому больше всего пострадала от сопротивления. Среди примеров сновидений, приведенных мной в предыдущих главах, есть одно, к которому я лишь впоследствии добавил еще один фрагмент[439]. Это сновидение о мести моей нелюбезной спутнице; его содержание не совсем приличное, и потому я почти не подверг его толкованию. Вот что я пропустил:

«Я указываю англичанам на книгу Шиллера и говорю: "It is from Schiller" ("Эта книга от Шиллера" – неправильный предлог после глагола, "from" вместо "by"). Но я замечаю ошибку и сам себя поправляю: "It is by schiller" ("Эту книгу написал Шиллер"). Брат говорит сестре: "Он сказал правильно"»[440].

Когда человек в сновидении сам исправляет свою ошибку, это удивляет многих, но этот факт не заслуживает нашего особого интереса. Относительно ошибок в сновидении я приведу лучше пример из собственных воспоминаний. Когда мне было девятнадцать лет, я впервые попал в Англию и там провел целый день на берегу Ирландского моря. После отлива на берегу осталось много морских обитателей, и я увлеченно собирал их, в особенности меня заинтересовала морская звезда – в начале сновидения про поезд мне приснилось, что кондуктор кричит: «Голтурн!», а название этой морской звезды – Голотурия, и тут ко мне подошла прелестная маленькая девочка и спросила: «Is it a starfish? Is it alive?» Я ответил: «Yes, he is alive». («Это – морская звезда? Она живая?» – «Да, – ответил я, – он живой».) Потом я понял, что сделал грамматическую ошибку, и я повторил фразу правильно. Вместо ошибки, которую я сделал тогда, в сновидении возникла другая, но тоже типичная для носителя немецкого языка, потому что мы говорим: «Das Buch ist *von* Schiller» *(«Это книга Шиллера»)* и ее следует перевести не при помощи предлога 'from», а «by». В сновидении происходит замена на «from», потому что это слово звучит похоже не немецкое прилагательное «fromm» (благочестивый), при этом происходит весьма существенное сгущение, но нас после всего, что мы узнали о целях, к которым стремятся процессы в сновидении, и о том, какими беззастенчивыми методами эти процессы пользуются, такое уже удивить не может. Но как же проникло в мое сновидение это невинное воспоминание о прогулке у моря? Оно послужило самым невинным примером того, что я использую и грамматический род, и мою принадлежность к определенному полу неправильно, когда я использовал слово «он» не к месту. Вот, кстати, и разрешение загадки этого сновидения. Никто из тех, кому знакомо происхождение заглавия книги Клерка-Максвелла «Материя и движение» не затруднится заполнить информацией недостающие пробелы: у Мольера в «Мнимом больном»: «Как там стул?» *(Так раньше спрашивали врачи. В смысле, «хорошо ли работает выделительная функция?»)* Речь идет о моторике кишечника.

Я могу, впрочем, подкрепить доказательство того, что забывание сновидений является результатом сопротивления при помощи demonstratio ad oculos (наглядного примера). Один пациент рассказывает, что ему что-то снилось, но что он безвозвратно все забыл. Я приступаю к анализу сновидения, наталкиваюсь на сопротивление пациента, разъясняю ему кое-что, помогаю ему советами и уговариваю примириться с какой-то неприятной для него мыслью. Как только у него это получилось, он восклицает: «А я теперь вспомнил, что именно мне снилось!» То же сопротивление, которое мешало ему в эти дни работать, заставило его забыть и свое сновидение. Я помог ему преодолеть это сопротивление и вспомнить сновидение.

Точно так же и пациент, в определенный момент анализа, может вспомнить сновидение, которое его посетило три, четыре дня назад и даже больше, которое он сразу забыл тогда[441].

Опыт в области психоанализа убеждает в том, что, когда сновидения забывают, это в большей степени зависит от сопротивления человека, чем от той пропасти, которая разделяет состояние сна и бодрствования, как это полагают многие исследователи. Со мной, как и с другими аналитиками, а также и с пациентами, которые проходят курс психоанализа, часто бывает так, что мы, проснувшись из-за того, что нам что-то приснилось, сразу обрушиваем всю силу нашего бодрствующего мышления на толкование этого сновидения. Лично я в таких случаях старался не заснуть снова, пока не получал полного толкования своего сновидения; но потом часто, проснувшись, я точно так же забывал и само толкование сновидения, и его содержание, хотя и превосходно осознавал, что мне что-то снилось и что толкование этого сновидения я уже завершил[442]. Значительно чаще сновидение и забывалось само, и уносило с собой результат его толкования, и запомнить все это не удавалось. Но между моей интерпретацией и моими мыслями в состоянии бодрствования не пролегает пропасть, как это утверждают авторитетные исследователи феномена забывания сновидений.

Мортон Прэнс (Morton Prince, 1910) выдвинул возражения против моего толкования забывания сновидений, утверждая, что, когда сновидение забывают, это всего лишь частный случай амнезии, связанной с диссоциированными душевными состояниями, и что невозможно применить мое толкование этой разновидности амнезии к другим ее видам, и что поэтому оно не

годится даже для объяснения интересующих меня явлений. Таким образом, его читатели понимают, что, когда этот исследователь строил описания этих диссоциированных состояний, он никогда не предпринимал попыток прийти к динамическому объяснению этих явлений. Если бы он сделал это, то он обязательно обнаружил бы, что регрессия (или, точнее, то сопротивление, которое она создает) является причиной и диссоциаций, и амнезии, которые связаны с этим психическим содержанием.

Когда я готовил эту рукопись к печати, то убедился, что сновидения забываются не чаще, чем другие мыслительные действия, и в отношении их можно сравнить с другими психическими функциями. У меня было записано очень много собственных сновидений, которые я ранее, по разным причинам, практически не подвергал толкованию или не делал этого вовсе. Некоторые из них спустя год или два я попытался истолковать, чтобы найти материал для иллюстрации своих утверждений. Эти попытки были успешными во всех отношениях; можно, безусловно, сказать, что такое толкование было легче совершать спустя долгий промежуток времени, когда впечатления от этого сновидения уже не были такими свежими, поскольку я с тех пор преодолел сопротивление различного рода, которое оказывало в тот момент тормозящее действие. При таких толкованиях через некоторое время после сновидения я сравнивал результаты мыслей, которые провоцировали те сновидения, с моими мыслями, значительно более содержательно богатыми, и всегда убеждался в том, что переживания прежних дней вплетались в те, которые я испытываю сейчас. Но вскоре это перестало меня удивлять: я подумал, что у своих пациентов я уже давно научился, применяя те же процедуры и так же успешно, толковать сновидения, которые они мне случайно рассказывали, так, как будто это были сновидения ночи накануне этого разговора. Когда мы вернемся к обсуждению тревожных сновидений, я приведу два примера такого отложенного толкования. На первый эксперимент подобного рода меня натолкнуло вполне оправданное ожидание, что и в этом, как и во многом другом, сновидения напоминают невротические симптомы. Подвергая психоанализу пациента, страдающего неврозом или истерией, я стремлюсь найти объяснение не только тем симптомам, которые проявляются в данный момент и по поводу которых этот пациент обратился ко мне за помощью, но и тем прежним, которые он уже давно преодолел; последняя задача в большинстве случаев, как ни странно, не такая сложная. Уже в 1895 г. в моей книге «Исследовании истерии» я объяснил значение первого припадка истерического страха, который 45-летняя женщина пережила, когда ей было пятнадцать лет[443]. Здесь я приведу ряд примеров, которые не связаны друг с другом, связанных с интерпретацией сновидений, с помощью которых читатели сами смогут применить мои утверждения об интерпретации сновидений к своим собственным снам.

Результат толкования сновидений не падает на нас, как манна небесная. Необходима практика даже для восприятия энтоптических явлений или других ощущений, на которые мы обычно не обращаем внимания; это касается и тех случаев, когда не существует никаких психологических мотивов для сопротивления подобным впечатлениям. Научиться управлять «непроизвольными мыслями» значительно труднее. Каждый, кто стремится к этому, обязательно должен изучить те ожидания, о которых идет речь в этой книге, и в соответствии с изложенными здесь правилами стремиться подавлять в себе во время работы всякие проявления критик, предвзятости, любые parti pris – аффективные или интеллектуальные предубеждения. Ему следует помнить то правило, которое Клод Бернар[444] сформулировал для физиологов-экспериментаторов, работающих в лаборатории: работай как лошадь! – то есть не просто так же прилежно, но и точно так же, не беспокоясь излишне о результатах. Кто последует этому правилу, тому эта задача не покажется столь сложной.

Толкование сновидения нельзя провести за один прием. Часто во время работы приходит мысль о том, что твои аналитические ресурсы на исходе и что ничего больше узнать о сновидении в этот день уже не получится. Тогда самое разумное – прервать работу на какое-то время и продолжить ее на следующий день: тогда мы сможем выявить другую часть содержания этого сновидения и получить доступ к тем мыслям, которые его спровоцировали.

Довольно сложно объяснить тому, кто только начинает приобретать опыт в толковании сновидений, что его задача еще не решена, завершено толкование сновидения – остроумное, связное и разъясняющее смысл всех элементов его содержания. И так же нелегко признать, что процессы, управляющие сновидением, постоянно принимают многозначные формы – они напоминают портняжку, который говорил о себе «силачом слыву недаром – семерых (мух)

одним ударом!» Мои читатели всегда будут упрекать меня в том, что мои толкования уж слишком изощренные, но опыт убедит их в обратном.

Но, с другой стороны, я не могу согласиться с Зильберером (Silberer, 1914, часть II, раздел 5), в том, что все сновидения (или многие сновидения, или какие-то их конкретные разновидности) требуют двух различных толкований, которые должны быть определенным образом связаны друг с другом. Одно из таких толкований Зильберер называет «психоаналитическим», и оно выявляет в сновидении то или иное значение, обычно связанное с детством или сексуальными импульсами; а второе и более важное толкование, которое он именует «анагогическим», должно выявить более серьезные и глубокие мысли, которые вплелись в материал этого сновидения. Зильберер не приводит примеров такого двойного анализа сновидений. И я должен возразить ему: он говорит о том, чего не существует. Что бы он ни утверждал, большая часть сновидений в сверхинтерпретации не нуждается, точнее, они непригодны для анагогической интерпретации. Как и в случае со многими теориями, которые были предложены в последнее время, невозможно не заметить то обстоятельство, что Зильберер до некоторой степени стремится замаскировать фундаментальные принципы, которые оказывают влияние на формирование сновидений, и отвлечь внимание от тех инстинктов, которые их порождают. В чем-то я с Зильберером согласен. В процессе психоанализа выясняется, что в тех случаях, когда процессы, происходящие в сновидении, трансформируют мысли спящего в цепь чрезвычайно абстрактных мыслей, связанных с его состоянием бодрствования, которым невозможно было найти точного соответствия в виде конкретного образа. При этом сновидение пытается использовать другую часть мыслительного материала, что-то отдаленно связанное с подобными мыслями, что-то такое, что может процесс перевести в образы. При этом *абстрактное* содержание сновидения становится доступным для восприятия спящим человеком, а *правильное* толкование такого интерполированного материала следует искать с помощью уже знакомых нам техник[445].

На вопрос о том, можно ли истолковать каждое сновидение, следует ответить отрицательно[446]. Не нужно забывать того, что при толковании сновидения нам противостоят психические силы, которые способствуют искажению сновидения. Поэтому здесь важно, насколько наш интеллектуальный интерес, наша организованность и наш опыт в толковании сновидений помогут нам преодолеть это внутреннее сопротивление. *До некоторой степени* это всегда в наших силах: почти всегда человек может убедиться в том, что сновидение что-то значит, и в большинстве случаев догадаться о том, в чем именно заключается его смысл. Очень часто следующее сновидение, которое следует за тем, которое мы подвергли толкованию, помогает убедиться в правильности такого толкования. Целый ряд сновидений, которые следуют одно за другим на протяжении нескольких недель или месяцев, имеют один и тот же источник и смысл; необходимо подвергнуть толкованию их все вместе. В двух сновидениях, следующих друг за другом, часто можно обнаружить, что центральным пунктом одного служит то, на что в другом содержится лишь неясный намек, и наоборот, оба таких сновидения взаимно дополняют друг друга и в процессе толкования. Я уже доказал с помощью приводимых мной примеров, что различные сновидения, которые посетили человека в течение одной и той же ночи, необходимо рассматривать при толковании как единое целое.

Даже в тех сновидениях, которые подверглись самому тщательному толкованию, остается нечто такое, что не удается объяснить, так как в процессе его толкования мы замечаем, что там присутствует запутанный фрагмент из множества мыслей, которые не привносят никаких новых элементов в содержание этого сновидения. Это и есть центральный узел сновидения, его область неизведанного. Мысли, которые спровоцировали это сновидение и на которые нас вывел процесс его толкования, не могут, в силу своей природы, быть ясными и завершенными, от них во всех направлениях расходятся сложные цепочки наших мыслей. Именно там, где сеть таких мыслей наиболее плотная, и формируется желание, которое изображается в сновидении, вырастая, как гриб из мха.

Давайте вернемся к тому, как забывают сновидения, поскольку мы пока не сумели прийти к каким-либо важным выводам. Мы уже могли убедиться, как сознание в состоянии бодрствования изо всех сил стремится стереть сновидение из памяти, либо сразу после пробуждения, или по частям в течение дня, и если главной движущей силой такого стирания из памяти мы считаем психическое сопротивление сновидению, которое уже ночью оказало на него воздействие, то возникает вопрос, как же сновидение в принципе смогло сформироваться и преодолеть подобное

сопротивление. Давайте рассмотрим самый экстремальный случай, когда в состоянии бодрствования сновидение стирается полностью из нашей памяти, словно его никогда и не было. Если при этом мы примем во внимание взаимодействие психических сил, то придем к выводу, что сновидение не смогло бы сформироваться, если бы ночью сопротивление ему было таким же интенсивным, как днем. Это приводит нас к выводу, что ночью такое сопротивление отчасти утрачивает свою силу, поскольку мы указали на его искажающее воздействие на формирование сновидений. Но ночью оно ослабевает, и потому сновидения могут сформироваться. Теперь легко понять, отчего при пробуждении оно обретает полную силу и сразу же стремится уничтожить все, что было сформировано ночью, когда его власть ослабевала. Описательная психология свидетельствует о том, что самым основным условием формирования сновидений является погружение в состояние сна; и теперь мы можем объяснить этот факт: *в состоянии сна сновидения могут формироваться оттого, что понижается сила воздействия внутренней психической цензуры.*

Весьма соблазнительно считать это единственным выводом по поводу забывания сновидений и вывести из него дальнейшие заключения относительно распределения энергии в состояниях сна и бодрствования. Но на этом мы пока и остановимся. Когда мы немного подробнее рассмотрим психологию сновидения, то узнаем, что формирование сновидений может происходить и при других обстоятельствах. Может происходить и так, что сопротивление проникновению в сознание мыслей, которые спровоцировали сновидение, можно обойти и без ослабления этой силы. И представляется вполне вероятным, что *оба* эти фактора, способствующие формированию сновидений – и ослабление сопротивления, и попытка его обойти, – могут одновременно возникать в состоянии сна. Здесь я прекращаю обсуждение этого вопроса, но вскоре мы сможем к нему вернуться.

Сейчас мы обратимся к другим возражениям в отношении нашего метода толкования сновидений. Обычно применяемый нами метод заключается в том, что мы абстрагируемся от всех целенаправленных мыслей, которые обычно занимают наше сознание, и концентрируемся на каком-то одном элементе сновидения, а затем внимательно наблюдаем за тем, какие непроизвольные мысли начинают возникать по ассоциации с *ним.* Затем мы обращаемся к следующему фрагменту содержания сновидения, повторяем ту же процедуру. Потом позволяем себе унестись вслед за теми мыслями, которые у нас при этом возникают, свободно следуя за ними, от одной – к другой. При этом мы надеемся, что в конце концов, без вмешательства с нашей стороны, мы придем к мыслям, которые спровоцировали это сновидение. Обычно на это возражают, что каждый элемент сновидения с *чем-то связан,* и ничего удивительного в этом нет. Каждая мысль вызывает *какие-то ассоциации.* Но *вот что интересно:* в этом бесцельном и произвольном потоке мыслей проявляются именно те, которые и спровоцировали это сновидение. Но вдруг мы заблуждаемся на этот счет? От одного элемента сновидения к другому мы следуем по цепи ассоциаций, пока она вдруг не обрывается; и, когда появляется второй элемент, вполне естественно, что ассоциаций становится меньше, и путь, по которому мы за ними следуем, сужается. Мы еще помним о тех мыслях, с которых начали это движение, и потому, при анализе второго элемента, нам проще найти отдельные мысли, связанные со звеньями первой ассоциативной цепи. При этом аналитик полагает, что ему удалось найти мысль, которая служит узловым пунктом между двумя элементами сновидения. Поскольку обычно наши мысли могут случайным образом соединяться друг с другом, и поскольку именно те переходы от одной мысли к другой, которые теряются во сне и существуют в состоянии нормального бодрствующего мышления, то нам будет несложно впоследствии обнаружить в тех самых «промежуточных мыслях-связках» нечто такое, что мы и называем мыслями, породившими сновидение, которые – хотя на то и нет твердых гарантий – *мы и считаем* теми психическими элементами, которые заменяют эти мысли, породившие сновидения. Но все это происходит совершенно произвольно, мы только творчески используем случайные связи между ними. Таким образом, каждый, кто возьмет на себя этот неблагодарный труд, сможет совершить любые толкования сновидения, которые ему придут в голову.

В ответ на подобные возражения мы можем упомянуть о впечатлениях от нашего толкования сновидений, об их поразительной связи с другими элементами сновидения, которые обнаруживаются при изучении отдельных мыслей, и на то, как мала вероятность того, что явление, которое связано со сновидением в такой значительной степени, можно обнаружить

как-то еще, кроме как путем отслеживания психических связей, которые уже сформировались. Также мы можем ответить на эти возражения, что наш метод толкования сновидений во многом напоминает метод выявления этиологии истерических симптомов, где появление и исчезновение симптомов подтверждает правильность применяемого метода, и толкование текста опирается на сопутствующие ему примеры. Но нам не стоит уклоняться от ответа на вопрос, каким образом, следуя цепочке мыслей, которая развивается произвольно и бесцельно, можно достичь определенной цели, – и эту проблему мы можем если не разрешить, то хотя бы представить безосновательной.

Поскольку, безусловно, неверно утверждать, что мы просто следуем за бессмысленным потоком идей, от которых затем отказываемся в процессе толкования сновидения, отказываясь от размышлений и просто позволяя неприятным и нежелательным мыслям всплыть на поверхность. Мы всегда можем продемонстрировать, что нужно отказываться лишь от *известных* нам целенаправленных мыслей, и что, когда они исчезают, появляются другие – нам *неизвестные,* или, как мы их небрежно называем, «*бессознательные»* целенаправленные мысли, которые затем и оказывают влияние на ход бессознательных мыслей. Нет такой силы, под воздействием которой наши собственные мыслительные процессы могли бы заставить нас думать бесцельно; и мне неизвестны случаи психических расстройств, при которых это происходит[447].

Мне известно, что поток беспорядочных и бесцельных мыслей столь же редко проявляется при образовании истерии и паранойи, как и при формировании или толковании сновидений. При эндогенных психических заболеваниях он, возможно, не наблюдается совершенно; даже бред сумасшедших, как остроумно заметил Лере (Leuret, 1834, с. 131), может быть вполне осмысленным, а нам он непонятен лишь в силу своей отрывочности. Мои наблюдения наводят меня на те же заключения. Бред – это проявление деятельности цензуры; она не стремится скрывать эту деятельность и, вместо того чтобы переработать эти мысли и создать нечто понятное, беспощадно отбрасывает все, что ей противоречит; потому то, что при этом осталось, и кажется нам непонятным и бессвязным.

Может быть, свободный поток мыслей в любой ассоциативной цепи проявляется при деструктивных органических мозговых процессах; при психоневрозах это всегда можно объяснить воздействием цензуры на те мысли, которые выдвинулись на первый план под воздействием скрытых, целенаправленных мыслей, которые остались незамеченными[448]. Несомненный признак того, что на такие ассоциации не оказали влияние целенаправленные мысли, если подобные ассоциации (или образы) не были связаны между собой, и между ними устанавливались так называемые «поверхностные» связи – сходство звучания, выраженная в словах двусмысленность, совпадения по времени, не имеющие отношения к смыслу, – все те ассоциации, которыми мы используем в анекдотах и в игре слов. Это свойственно и тем цепочкам мыслей, которые приводят нас от отдельных элементов содержания сновидений к мыслям-связкам, а от них – уже к тем мыслям, которые спровоцировали это конкретное сновидение; часто во время анализа мы сталкивались с подобными примерами, и вполне естественно, это нас удивляло. Ни одна ассоциация не считалась при этом не заслуживающей внимания, ни одна шутка не казалась настолько незначительной, чтобы не послужить связующим звеном от одной мысли к другой. Но теперь можно выяснить истинную причину подобной простоты. *Всякий раз, когда какой-то психический элемент связан с другим посредством странной и поверхностной ассоциации, там присутствует еще и другая, более естественная и серьезная связь между первым и вторым, которая подвергается сопротивлению со стороны цензуры*[449].

Поверхностные ассоциации играют решающую роль не потому, что перестают действовать целенаправленные мысли, – истинная причина этого в давлении цензуры. Поверхностные ассоциации вытесняют глубинные, когда цензура не дает установиться связям между ними. Это напоминает ситуацию, когда из-за катастроф, например наводнения, все широкие дороги в горах оказываются перекрыты; тогда приходится пользоваться неудобными крутыми тропинками, по которым обычно ходят только охотники.

Здесь можно выделить два случая, которые, в сущности, сливаются друг с другом. В первом случае цензура лишь разрушает *связь* между двумя мыслями, из которых каждая в отдельности уже не вызывает протеста с ее стороны. Тогда обе мысли проникают в сознание спящего по

очереди; связь между ними незаметна, но зато мы замечаем поверхностную связь между ними, которую мы бы иначе не заметили и которая обычно связана с другим мысленным комплексом, а не с источником важной мысли, которая подавляется. Во втором случае обе эти мысли в силу своего содержания подвергаются цензуре; тогда обе они предстают не в правильной, а в видоизмененной форме: их заменяют такие мысли, которые при помощи поверхностной ассоциации выражают ту существенную связь, в которой находятся заменяемые ими мысли. *Под давлением цензуры в обоих случаях происходит смещение с нормальной естественной ассоциации к поверхностной, которая кажется абсурдной.*

Поскольку нам известно о происходящем смещении, мы без тени сомнения приступаем к толкованию сновидения, полагаясь на такие поверхностные ассоциации и на другие тоже[450].

Во время психоанализа неврозов часто используются оба эти положения: здесь используется и отказ от целенаправленного мышления, когда скрытые цели начинают осуществлять контроль над мыслями, которые занимают человека в данный момент, и знание о том, что поверхностные ассоциации лишь заменяют собой подавленные, более глубинные мысли, опираясь на процесс смещения. Когда я побуждаю пациента отбросить все свои размышления и просто рассказывать мне обо всем, что ему приходит в голову, я при этом предполагаю, что он не сможет отогнать от себя мысли о цели лечения, и считаю себя вправе заключить, что все, что кажется невинным и произвольным, все, о чем он мне рассказывает, непосредственно связано с его болезненным состоянием. Второе целевое представление, о котором пациент не догадывается, – это его представление обо мне. Полная оценка и подробное рассмотрение этого вопроса поэтому относятся к области описания психоаналитической техники как терапевтического метода. И вот мы вплотную подошли к одному из важных моментов, выходящих за пределы проблемы толкования сновидений.

Лишь одно из всех вышеуказанных возражений действительно справедливо: что нам не следует предполагать, что каждая из ассоциаций, с которыми мы имеем дело во время толкования сновидений, обязательно имела соответствие в этом сновидении. Справедливо заметить, что при толковании сновидения в состоянии бодрствования мы от элементов сновидения возвращаемся к тем мыслям, которые его спровоцировали. Процессы в сновидении действуют в обратном направлении, и маловероятно, чтобы можно было бы двигаться по обоим этим направлениям. Но в бодрствующем состоянии мы прокладываем пути через новые соединения мыслей, и они временами выводят на промежуточные мысли-связки, которые спровоцировали эти сновидения. Мы можем убедиться в том, как свежий материал дневных мыслей вписывается в цепочки мыслей при толковании сновидений; вероятно, и повышенное сопротивление заставляет нас искать новые обходные пути доступа к ним. Количество и характер мыслей-связок, которые проявляются днем, имеют психологическое значение лишь в том случае, если они могут привести нас к мыслям, породившим изучаемое сновидение.

Б. Регрессия

Ответив на возражения в наш адрес или, по крайней мере, приведя контраргументы к ним, теперь мы можем перейти к психологическому исследованию, к которому мы уже так долго готовились. Давайте подведем итог всему, что нам уже удалось выяснить. Сновидения – это полноценные проявления психической деятельности, которые так же важны, как и другие явления психики; их движущей силой служит стремление к удовлетворению какого-то желания; их движущие силы и формы, многочисленные странности и то, что в них кажется абсурдным, являются результатом воздействия на них психической цензуры, в момент их формирования; помимо необходимости уклониться от этой цензуры, их формированию способствуют необходимость сгущения психического материала, их выразительные средства, а иногда и стремление принять рациональную и доступную для восприятия форму. Каждый из этих принципов открывает путь к новым постулатам и размышлениям в области психологии; взаимосвязь между побуждающей силой, формирующей сновидение, и этими четырьмя условиями, а также их внутреннее взаимодействие необходимо исследовать; также необходимо понять, каково место сновидений в сознании человека.

Для того чтобы напомнить нам о тех проблемах, которые нам еще предстоит разрешить, в начале этой главы я рассказал об одном сновидении. Толкование этого сновидения о горящем ребенке не представляло для нас особых трудностей, хотя оно и не во всем соответствовало

нашему методу. Нас интересовал вопрос, как получилось, что этому человеку вообще что-то приснилось, хотя он должен был проснуться мгновенно, и мы поняли, что мотивом этого сновидения послужило желание представить себе своего ребенка еще раз живым. Далее мы выясним, что здесь присутствует еще одно желание. Итак, именно ради осуществления желания спящего процесс мышления в состоянии сна сформировал такое сновидение.

Если мы оставим за скобками осуществление желания, то увидим, что осталась лишь одна характеристика, которая отличает эти две формы психических действий. Вот мысль, спровоцировавшая это сновидение: *«Я вижу свет в комнате, в которой лежит тело, наверное, свеча свалилась, и ребенок загорелся».* В сновидении эти мысли не изменились, но они изображены в форме ситуации, которая должна быть воспринята в настоящем времени и в качестве переживания в состоянии бодрствования. В этом и заключается общая и самая характерная особенность сновидения; мысль, к которой человек стремится, объективируется в сновидении, изображается в виде ситуации или, как нам кажется, нами проживается. Чем же объясняется эта характерная особенность сновидения, или, проще говоря, какое место занимают сновидения в области наших психических процессов?

При более пристальном исследовании мы замечаем, что в образах сновидения проявляются две почти независимые друг от друга характеристики. Первая – это изображение мыслей в форме ситуации, которая происходит здесь и сейчас, но такие фразы, как «быть может» и «вероятно», не используются. Вторая – превращение мыслей в зрительные образы и речь.

В этом конкретном сновидении то изменение, которое произошло с мыслями, когда они превратились из ожиданий во что-то, что происходит в данный момент, может и не вызывать особого удивления. Это происходит от того, что мы могли бы назвать необычной, подчиненной роль, которую играет в этом сновидении осуществление желания. Рассмотрим другое сновидение, где желание в сновидении не отличалось от мыслей в состоянии бодрствования, которые именно так и проникли в сон – например, про укол Ирме. Здесь мысли сновидения направлены вот в каком направлении: «Вот бы Отто был виноват в болезни Ирмы!» В этом сновидении условное наклонение исчезает, и вместо этого в нем возникает мысль в режиме реального времени: да, именно Отто виноват в болезни Ирмы. Вот и первое из превращений, которое происходит с мыслями и в сновидении, свободном от искажений. Мы не будем больше уделять внимания этой первой особенности сновидений, а лишь привлечем внимание к сознательным фантазиям – снам наяву, – в которых с мыслями происходит то же самое. Персонаж романа Альфонса Доде «Набоб» Жуайез праздно разгуливает по улицам Парижа, а его дочери думают, что он на службе, и он тоже здесь и сейчас фантазирует о всевозможных событиях и случайностях, которые помогут ему найти должность[451]. Таким образом, в сновидениях с настоящим временем происходит то же самое, что и в снах наяву. Именно в настоящем времени в сновидении желания изображаются так, словно они осуществились.

Но есть еще одна особенность, благодаря которой сновидения у спящих людей отличаются от снов наяву у людей в состоянии бодрствования: идеи в них не обдумываются, а превращаются в чувственно воспринимаемые образы, в которые верит спящий человек и которые, как ему кажется, он переживает. Я должен добавить, что не во всех сновидениях мысли превращаются в образы; бывают такие сновидения, которые состоят только из одних мыслей, но из-за этого нельзя утверждать, что они не обладают свойствами сновидений. Мое сновидение, где я сам исправлял свои собственные ошибки, именно такое: в нем ненамного больше чувственных элементов, чем если бы я думал или мечтал об этом наяву. Кроме того, в каждом более или менее продолжительном сновидении присутствуют элементы, с которыми не происходит превращений и которые просто продумываются или осознаются, как мы это делаем в состоянии бодрствования. Следует помнить, что такое превращение представлений в чувственные образы происходит не только в сновидениях, но также и в галлюцинациях и видениях, которые свойственны и здоровым людям, но часто являются и симптомами психоневрозов. Короче говоря, рассматриваемое нами явление далеко не исключительное, но эта особенность сновидения кажется нам весьма интересной, и поэтому без нее невозможно представить себе мир сновидений. Но для того, чтобы понять это, нам необходимо обсудить многие вопросы, которые заведут нас довольно далеко.

В качестве отправного пункта исследования я хотел бы здесь привести одно из замечательных замечаний, которое представляется мне безусловно справедливым. Во время

короткой дискуссии о сновидениях великий Фехнер (Fechner, 1889) высказывает по поводу сновидения следующую гипотезу: *сновидения разворачиваются в ином пространстве по сравнению с миром идей бодрствующего сознания.* Это – единственная гипотеза, которая отмечает уникальные характеристики происходящего в сновидении[452].

Это – очень важная фраза, и в ней высказывается мысль о каком-то *физическом пространстве.* Я здесь не буду учитывать того обстоятельства, что психическое пространство, о котором мы здесь рассуждаем, еще можно описать и с анатомической точки зрения, а я изо всех сил постараюсь избежать искушения поместить область психики в какую-то конкретную анатомическую область. Мы останемся в области психологии и просто представим себе, что психика человека – это что-то вроде сложного микроскопа, фотографического аппарата или нечто в этом роде. С этой точки зрения психическое пространство будет соответствовать той части такого аппарата или устройства, в которую поступает образ на ранних этапах своего формирования. И в микроскопе, и в телескопе это, как мы знаем, лишь идеальные точки и плоскости, в которых не расположено никаких конкретных элементов аппарата. Я не считаю нужным извиняться за несовершенство подобного образного сравнения. С его помощью я лишь стремлюсь разъяснить, как сложна психика: мы разберем ее на функции и проанализируем их по отдельности, пытаясь понять, каким образом они соотносятся с различными частями этой системы. Насколько мне известно, подобной попытки еще никто не предпринимал, и я считаю, что никакого вреда от этого не будет. Думаю, мы можем позволить себе свободно рассуждать на эту тему, сохраняя холодный рассудок и не путая строительные леса с самим зданием. И поскольку при первом соприкосновении с неизведанным прежде всего нам нужно опираться на гипотезы, то поначалу я предпочту самую простую и конкретную из них.

Итак, мы представим себе психику как некий сложный инструмент, составные части которого мы назовем «движущими силами»[453], или, чтобы было понятнее, «системами». Заранее предупредим, что эти системы могут быть каким-то особым образом расположены относительно друг друга, как, например, различные системы линз в телескопе. Строго говоря, нет необходимости предполагать, что такие подсистемы психики каким-то особым образом расположены относительно друг друга в *пространстве.* Достаточно того, чтобы существовала какая-то определенная закономерность в том, каким образом психические процессы возбуждения проходят по этим системам, последовательно проходя через определенные *временные* отрезки. Другие процессы при этом могут разворачиваться в совершенной иной последовательности, такое вполне можно допустить. Для краткости мы далее будем обозначать такие составные части психики «ψ-системами».

Прежде всего нас поражает, что этот аппарат, состоящий из ψ-систем, обладает чувством направления. Вся наша психическая деятельность обусловлена (внутренними или внешними) импульсами и заканчивается иннервациями[454]. Тогда получается, что у этого «аппарата» имеется сенсорный вход и моторный выход. На сенсорном входе располагается система, воспринимающая ощущения, а на моторном выходе располагается выход в моторную деятельность. Психические процессы развиваются в общем виде от сенсорного входа к моторному. Итак, общую схему устройства психики можно представить в следующем виде (рис. 1):

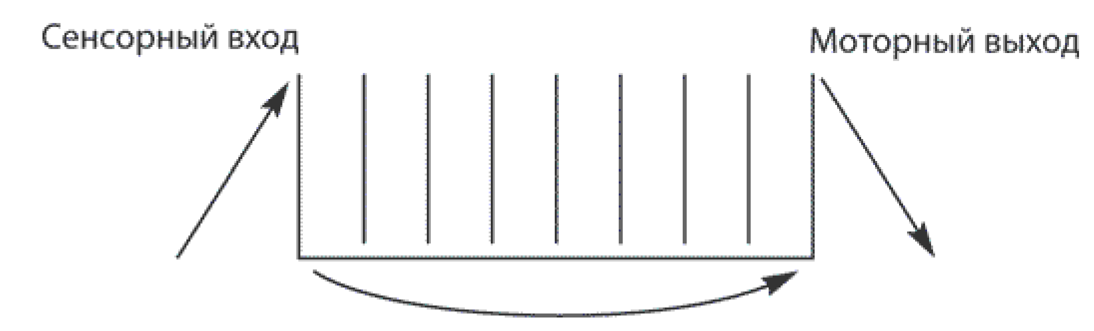

Рис. 1

Это лишь соответствует уже знакомому нам требованию, что психика должна быть устроена как рефлекторный аппарат. Рефлекторный процесс остается моделью для любой психической функции.

Итак, предположим, что у нас есть основания ввести понятие дифференциации на сенсорном входе. В нашем психическом аппарате остается отпечаток от восприятия тех чувственных раздражителей, которые на него воздействуют и который мы называем «воспоминанием». Функция, относящаяся к воспоминанию, называется памятью. Если мы всерьез намерены связать психические процессы с системами, то воспоминания предстанут перед нами в виде продолжительных изменений отдельных элементов этих систем. Но, как уже указывали некоторые исследователи[455], далее возникает затруднение: система должна сохранять в точности изменения всех своих элементов и при этом должна быть готова к восприятию новых стимулов изменений. В соответствии с принципами нашего эксперимента мы распределим две эти функции по различным системам. Предположим, что система на входе в этот аппарат воспринимает сигналы, но не сохраняет их и не помнит о них, но далее расположена вторая система, которая трансформирует быстрые импульсы, поступающие в первую систему, в прочные отпечатки-воспоминания. В этом случае наш психический аппарат можно представить вот так (см. рис. 2):

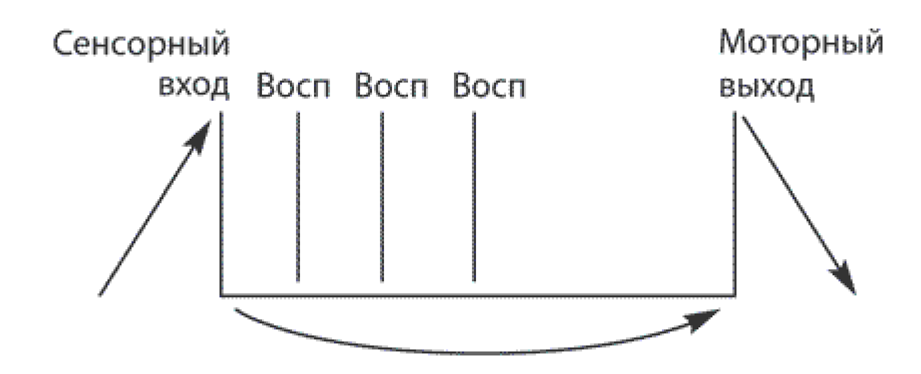

Рис. 2

Общеизвестно, что мы постоянно сохраняем в памяти нечто большее, чем просто содержание того, что было воспринято нашей психической системой на *Входе.* То, что мы воспринимаем, хранится в нашей памяти во взаимосвязанном виде, и основой для этой связи преимущественно служит их совпадение по времени. Мы называем это «ассоциации». Очевидно, что если система «Вход» не обладает памятью, то она не может сохранять и следов ассоциаций; отдельные элементы Входа не могли бы выполнять своих функций, если бы остатки прежних, ранних связей накладывали отпечаток на свежие впечатления. Итак, мы должны признать, что основой ассоциации являются мнемические системы. Тогда ассоциация будет строиться на том, что в результате снижения сопротивления и отказа от использования путей его упрощения возбуждение передается от одного существующего элемента Воспоминания (Восп. на рис. 2) к другому элементу-воспоминанию, чем к другому элементу системы.

При ближайшем рассмотрении выясняется, что необходимо предположить существование не одного, а нескольких мнемических элементов, в которых один и тот же импульс, который передается через Сенсорный вход, оставляет после себя различного рода отпечатки в памяти. Первая из этих мнемических систем естественным образом запоминает ассоциации, которые связаны с тем, что происходит одновременно, в одном и том же временном промежутке, а в следующих тот же самый воспринятый системами материал будет располагаться в соответствии с другими факторами совпадения, так что эти последующие системы сохранят и запомнят соотношения по принципу подобия, и так далее. Нам представляется напрасной тратой времени пытаться выразить словами психическое значение этой системы. Оно заключается в тончайших взаимодействиях различных элементов, связанных с необработанными воспоминаниями, то есть – если нам удастся интуитивно прийти к более радикальной теории в этом отношении – в

различной степени сопротивления тем импульсам, которые по ним проходят, поступая от этих элементов.

У меня есть важное замечание, которое имеет далеко идущие последствия. Именно система Сенсорного входа, не способная сохранять изменения, то есть не обладающая памятью, позволяет нашему сознанию воспринимать все многообразие чувственных импульсов. А вот наши воспоминания – не исключая и самые глубинные – сами по себе бессознательны. Они могут достичь сознания; но нет сомнения в том, что полностью они проявляются именно в бессознательном состоянии. То, что мы называем нашим «характером», зависит от воспоминаний о тех наших впечатлениях, которые оказали на нас наиболее сильное воздействие, на впечатлениях нашей ранней молодости, обычно никогда не достигающих сознания. Когда эти воспоминания осознаются, в них не обнаруживается сенсорных характеристик, или таковые кажутся незначительными по сравнению с сенсорными импульсами. Хотелось бы выяснить, при каких условиях возникает возбуждение в нейронах, и получить подтверждение того, что *в ψ-системах память и качество, которые являются характеристиками сознания, взаимно исключают друг друга*[456].

Все, что мы уже утверждали по поводу строения сенсорного входа психики, не имело отношения к сновидению и той психологической информации, которую мы из них извлекаем, но те данные, которые мы можем получить из них, помогут нам понять, как устроена остальная часть аппарата психики. Мы уже могли убедиться, что объяснить процесс формирования сновидений мы можем, лишь сформулировав гипотезу о двух движущих силах, которые в этом процессе участвуют, одна из них подчиняется другой, и при этом критическое отношение второй перекрывает первой доступ к сознанию спящего. Мы пришли к выводу о том, что движущая сила, которая осуществляет эту критическую функцию, ближе к сознанию, чем та сила, которую она к нему не допускает: она, словно ширма, воздвигается между этой движущей силой и сознанием. Далее, мы выявили причины идентификации критической движущей силы с той, которая управляет нами в состоянии бодрствования и обусловливает наши произвольные, осознанные действия. Если, в соответствии с нашими постулатами, мы заменим эти движущие силы на системы, то наш последний вывод позволяет локализовать эту критическую систему в конце моторного аппарата. Теперь мы представим две системы с помощью нашей схемы и дадим им названия, чтобы выразить их взаимоотношения с сознанием (рис. 3).

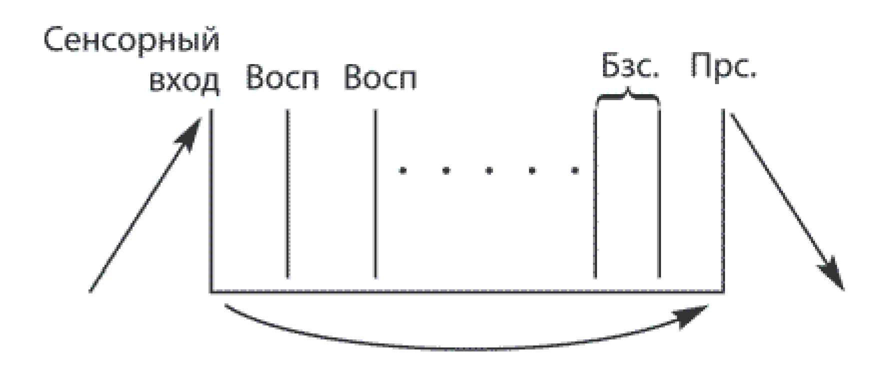

Рис. 3

Последнюю из систем на моторном выходе мы называем предсознательной, чтобы указать на то, что процессы возбуждения в ней могут немедленно доходить до сознания, если при этом соблюдаются еще некоторые условия, например они достигают известной степени интенсивности, распределяются особым образом и т. д. Именно эта система управляет произвольными движениями. Систему в ее основе мы называем бессознательной, поскольку у нее нет иного доступа к сознанию, *кроме как посредством прохода через область пред сознательного,* и тогда процессы возбуждения в ней претерпевают изменения[457].

В какой же из этих систем начинает формироваться сновидение? Простоты ради отнесем ее к системе Бзс. Но далее мы сможем убедиться, что это не совсем так и что формирование

сновидений связано с мыслями из системы предсознательного. Что же касается желания, которое изображается в сновидении, мы сумеем убедиться, что движущая сила сновидения порождается системой Бзс. Потому исходным пунктом формирования сновидения мы будем считать систему бессознательного. Как и другие мыслительные структуры, этот стимул к формированию сновидения стремится внедриться в Сенс. Вх. И оттуда проникнуть в сознание.

По опыту мы знаем, что днем путь, ведущий из предсознательного в сознание, закрыт для мыслей, которые провоцируют сновидение, из-за цензуры сопротивления. А ночью они пробиваются в сознание. Но каким образом это происходит и благодаря каким изменениям? Если бы это происходило оттого, что ночью ослабевает сопротивление на границе бессознательного и предсознательного, то наши сны представали бы нам в виде идей, и в них не присутствовали бы те галлюцинации, которые нас интересуют.

Итак, ослабление цензуры между системами Бзс. и Прс. могло бы объяснить, формирование лишь таких сновидений, как «сновидение с исправлением ошибок», но этого бы не произошло с такими сновидениями, как то, в котором отцу приснился горящий ребенок, о котором мы рассказали в начале этой главы, в качестве иллюстрации интересующей нас проблемы.

Пытаясь изобразить то, что происходит в галлюцинаторном сновидении, мы можем сказать, что возбуждение двигается в *обратном* направлении. Вместо *моторного* выхода оно устремляется к *сенсорному* входу и попадает в воспринимающую систему. Если мы обозначим как «прогрессивное» то направление, в котором двигаются психические процессы, проникающие в бессознательное из состояния бодрствования, то мы можем говорить о том, что характер сновидений – «регрессивный»[458].

Такая регрессия, безусловно, является, одной из важнейших психологических характеристик процесса сна; но следует помнить, что она свойственна не только сновидениям. В произвольных воспоминаниях и других процессах нашего нормального мышления присутствует ретрогрессивное движение психики от сложных мыслительных актов к необработанным воспоминаниям, которые их порождают. Но в бодрствующем состоянии, дальше воспоминаний мы не продвигаемся, и галлюцинаторного оживления *воспринимаемых* образов не возникает. Отчего же в сновидениях все иначе? Когда мы рассуждали о процессе сгущения в сновидении, мы выдвинули предположение, что интенсивность отдельных представлений с помощью процессов, которые управляют сновидениями, переносится с одной идеи на другую. Вероятно, подобное изменение психического процесса позволяет перенаправить систему Сенс. Вх. в обратном направлении, начиная с мыслей, к полноценным, живо воспринимаемым чувствам.

Нам не следует заблуждаться относительно важности этих утверждений. Мы просто *придумали*термин, который помогает дать толкование необъяснимым явлениям. Мы называем «регрессией» такое явление, когда в сновидении мысль снова превращается в чувственный образ, из которого оно когда-то сформировалось. Но зачем был бы нужен термин, если он не научил бы нас ничему новому? Я полагаю, что термин «регрессия» полезен, поскольку он вписывает уже известный нам факт с нашей схемой психики, где у нашего сознания возникают схемы направления движения. Эта схема объясняет нам еще одну особенность формирования сновидений. Если процесс сна рассматривать как регрессию внутри гипотетического психического аппарата, то становится понятным тот эмпирически установленный факт, что все соотношения мыслей в сновидении исчезают или же представлены смутно и туманно. Наша схема показывает, что эти взаимосвязи существуют не в первых системах Воспр. а в последних из них; и что в случае регрессии они обязательно утрачивают средства выразительности, кроме образов восприятия. Во время процесса регрессии мысли в сновидении получают разрешение в необработанном материале, из которого они были образованы.

Какие же изменения приводят к регрессии, которая не может возникать в состоянии бодрствования? Нам придется удовлетвориться лишь скупыми данными на этот счет. Без сомнения, это может быть связано с изменением распределения энергии, которая поступает в отдельные системы, и эти изменения повышают или уменьшают способность этих систем воспринимать процесс возбуждения. Но в любом подобном психическом аппарате те же самые результаты в отношении восприятия возбуждения могут происходить многообразными способами. Прежде всего, мы здесь подумаем о состоянии сна и о тех изменениях, которые он вызывает в области сенсорного входа. В состоянии бодрствования через Сенс. Вх. поступает

постоянный сенсорный поток, устремленный к моторному выходу; но этот поток замирает ночью и больше не в состоянии помешать потоку возбуждения течь в обратном направлении. Вот эту «изоляцию от внешнего мира» некоторые авторитетные исследователи и выдвигают в качестве теоретической основы психологических характеристик сновидений.

При объяснении феномена регрессии сновидения нам следует учитывать и другие виды регрессий, которые наблюдаются при патологических состояниях в состоянии бодрствования, и здесь у нас возникают трудности, поскольку в подобных случаях регрессия возникает вопреки потоку сенсорных сигналов, который беспрепятственно двигается вперед.

Мое толкование галлюцинаций при истерии и паранойе, а также видений психически здоровых лиц заключается в том, что эти явления представляют собой регрессии, в которых мысли воплощаются в образы; такое превращение происходит лишь с теми мыслями, которые связаны с подавленными воспоминаниями, которые перенеслись в область бессознательного. Например, один мой двенадцатилетний пациент, страдающий истерией, не может заснуть по вечерам, потому что ему мерещатся какие-то *«зеленые лица с красными глазами»*. В основе этих образов – подавленное, но когда-то давно сознательное воспоминание об одном мальчике, с которым он часто встречался четыре года назад. Тот мальчик воплощал для него устрашающую картину всяческих пороков, в том числе онанизма, из-за которого его самого теперь постоянно мучили угрызения совести. Мать говорила ему тогда, что у плохих детей бывает *зеленоватый цвет лица и красные глаза (точнее, с красноватыми веками).* Вот откуда его кошмарное видение, которое напоминало ему другое предсказание его матери, что такие мальчики сходят с ума, не учатся в школе и рано умирают. У моего юного пациента сбылась лишь часть этого пророчества: он остался на второй год и боялся, как показал анализ его нежелательных мыслей, что и вторая часть этого предсказания тоже сбудется. Вскоре лечение стало приносить свои плоды: он перестал страдать бессонницей, его оставили страхи, и он благополучно перешел в следующий класс.

С этой же точки зрения я могу истолковать и галлюцинацию, о которой сообщила мне одна 40-летняя пациентка, страдающая истерией, которую она испытала еще здоровой. Однажды утром она открывает глаза и видит в комнате своего брата, который, как ей известно, находится в доме умалишенных. Рядом с ней в постели спал ее маленький сын. Чтобы ребенок *не испугался* и чтобы с ним *не сделался припадок от страха,* если он вдруг увидит ненормального дядю, она прикрывает его одеялом, и в это мгновение видение исчезает. Эта галлюцинация представляет собой переработку одного детского воспоминания этой пациентки. Хотя оно и было сознательным, но оно было тесно связано с ее бессознательными воспоминаниями. Няня рассказывала ей, что мать, которая умерла, когда рассказчице было всего полтора года, страдала эпилептическими или истерическими *припадками;* они появились у нее с тех пор, как ее брат *(дядя* моей пациентки) напугал ее, явившись в комнату, нарядившись привидением, накинув на голову *простыню.* В ее галлюцинации присутствуют те же самые элементы, что и в этом воспоминании: появление брата, одеяло, испуг и его последствия. Но эти элементы в ее галлюцинации были помещены совсем в иной контекст, и действующие лица там были другие. Очевидным мотивом галлюцинации, мыслью, которую она заменяет, было опасение, что ее маленький сын, похожий на дядю, может разделить его участь.

Оба эти примера не связаны с состоянием сна, и, возможно, их по этой причине не следует использовать в качестве доказательства того, что меня интересует. Поэтому я познакомлю читателя с примером анализа пациентки, которая страдала от паранойи с галлюцинациями (Freud, 1896b), и с некоторыми открытиями, которые я изложил в моей еще не опубликованной работе о психологии психоневрозов[459], чтобы доказать, что в подобных случаях регрессивной трансформации мыслей не стоит недооценивать влияние воспоминаний, в основном детских, которые подверглись подавлению или остались неосознанными. Мысли, связанные с воспоминаниями такого рода и на которые налагает свой запрет цензура, так сказать, связаны с воспоминаниями регрессивно, являясь формой репрезентации, в которой и спят эти воспоминания. Могу также вспомнить один из фактов, которые были выявлены в «Исследовании истерии» (Breuer and Freud, 1895 – в первой из историй Брейера), который состоит в том, что в тех случаях, когда можно было выйти на сцены из детства, будь то воспоминания или фантазии, и довести их до сознания человека, они воспринимались как галлюцинации и переставали быть таковыми, лишь когда о них начинали рассказывать. Более того, часто приходится наблюдать,

что даже у тех людей, чья память не богата визуальными образами, самые ранние воспоминания детства сохраняются на всю жизнь как живые, остро переживаемые впечатления.

Если принять во внимание, какую значительную роль играют переживания детства или связанные с ними фантазии в мыслях, провоцирующих сновидения, как часто их отрывки проявляются в содержании сновидения и становятся материалом для формирования желаний, которые сбываются в сновидениях, то мы не может отрицать вероятности того, что и в сновидениях трансформация мыслей в визуальные образы может быть отчасти результатом стремления воспоминаний, застывших в форме зрительных образов, ожить и наслоиться на мысли, оторванные от сознания, и выразить себя. С этой точки зрения сновидение может быть охарактеризовано как *нечто пришедшее на смену сцене из детства, где этот образ был изменен так, что изображает нечто, происходящее в данный момент.*

Тот факт, что эпизоды детства (или их повторение в фантазиях) выполняют роль значимых образцов для содержания сновидений, нивелирует одну из гипотез Шернера и его последователей относительно внутренних стимулов сновидения. Шернер (Scherner, 1861) предполагает, что в тех случаях, когда в сновидениях появляются особенно яркие и разнообразные образы, при этом происходит «визуальная стимуляция» спящего, то есть внутреннее возбуждение его органов зрения. Оспаривать эту гипотезу нам нет необходимости, мы просто утверждаем, что подобное состояние возбуждения относится лишь к психической системе восприятия органа зрения; но это состояние возбуждения спровоцировано каким-то воспоминанием и представляет собой зрительное возбуждение, связанное с этим давним воспоминанием, которое в тот момент испытывал этот человек. Сейчас я не могу привести примеров подобного детского *воспоминания;* мои сновидения вообще менее богаты чувственными элементами по сравнению со сновидениями других людей; но на примере наиболее красивого и отчетливого из таких сновидений последних лет я все же смогу связать яркость галлюцинаций в сновидениях с сенсорными характеристиками недавних или относительно недавних событий. Я уже рассказывал в этой книге об одном сновидении, отдельные элементы которого – темно-голубой цвет воды (с. 470 ориг.), синеватый дым из труб пароходов и яркие краски окрестных строений – произвели на меня глубокое впечатление. Можно было бы сказать, что эти образы в сновидении возникли в силу воздействия зрительных раздражений. А что же вызвало такое состояние раздражения? Одно недавнее впечатление, которое слилось с некоторыми прежними воспоминаниями. Яркие краски, которые я видел в сновидении, были воспоминаниями о ярких кубиках, из которых мои дети накануне этого сновидения построили большой дом и позвали меня им полюбоваться. Сюда же влились и красочные впечатления от нашего последнего путешествия по Италии: бирюзовый цвет воды в итальянской реке Изонцо и ее лагун, и коричневый цвет Карсо, плато из песчаника в окрестностях Триеста. Красочность сновидения лишь воспроизводит те красоты, которые хранятся в памяти.

Давайте подведем итог тому, что мы выяснили относительно способности сновидения превращать мысли в чувственные образы. Мы предоставили исчерпывающее объяснение этого процесса сновидения и не связали его с каким-то известным нам законом психологии, но мы смогли обнаружить ранее не известные нам факты и обозначили их термином «регрессия». Мы выдвинули гипотезу о том, что подобная регрессия, где бы они ни возникала, является продуктом сопротивления постепенному проникновению мысли в сознание обычным путем и одновременного воздействия на эту мысль присутствующих воспоминаний, обладающих мощной сенсорной силой[460]. В сновидениях регрессии способствует остановка постоянного потока раздражителей на органы чувств, которые человек испытывает в состоянии бодрствования; при иных формах регрессии отсутствие этого дополнительного фактора может объяснять большую интенсивность иных мотивов регрессии. Мы также должны обратить внимание и на то, что в подобных патологических случаях регрессии, как в сновидениях, процесс перенесения энергии должен отличаться от того, который наблюдается при регрессии в нормальном психическом состоянии, поскольку благодаря ему становится возможным полное замещение воспринимаемых чувственных раздражителей галлюцинациями. То, что при анализе деятельности сновидений мы охарактеризовали как «выразительные средства», следует связать с *избирательным привлечением* визуальных образов из памяти, которые активируют мысли в сновидении.

Следует также отметить, что регрессия играет не меньшую роль в теории формирования невротических симптомов, чем в сновидениях. Следует выделять три вида регрессии: (а) *топографическую,* в том смысле, в котором она изображена на схеме ψ-систем выше; (б) *временную* — когда происходит откат к более давним психическим структурам, и (в) *формальную* — когда примитивные средства выражения и репрезентации вытесняют обычные. Все эти три вида регрессии представляют одно и то же явление и, как правило, возникают одновременно; поскольку то, что относится к более давнему времени, также и более примитивно по форме, и с точки зрения психической топографии располагается ближе к сенсорному входу (см. Freud, 1917d).

Мы не можем завершить обсуждение регрессии в сновидениях, пока не обсудим один очень важный момент, который постоянно ставил нас в тупик и который заявляет о себе с новой силой, как только мы глубже погружаемся в изучение психоневрозов, а именно: что сновидения в целом – это пример регрессии спящего к его первоначальному состоянию, когда оживает его детство и инстинктивные импульсы того времени. В детстве индивида просматривается образ филогенетического детства – образ развития человеческого рода, которое в развитии конкретного человека содержится в свернутом, сокращенном варианте, под воздействием частных обстоятельств его жизни. Теперь становится понятно, как важно утверждение Ницше о том, что в сновидениях «действует некая реликтовая сила, добраться до которой прямым проторенным путем невозможно», и мы надеемся, что анализ сновидений поможет нам познать это архаическое наследие, которое присуще человеческой психике. Сновидения и неврозы, похоже, сохранили в себе гораздо больше архаических психических явлений, чем мы могли бы представить, поэтому психоанализ может занять достойное место среди других наук, которые изучают и реконструируют самые ранние и темные периоды зарождения рода человеческого.

Наши первые шаги в направлении психологического исследования сновидений могут вызвать у нас чувство неудовлетворенности. Но утешимся мыслью о том, что мы пробивались вперед в потемках. Если уж мы не впали полностью в заблуждение, то другие направления исследования должны вывести нас примерно в ту же область и в то же время, когда мы еще больше освоимся с ними.

В. Осуществление желаний

Сновидение о ребенке, который загорелся от упавшей свечи, о котором шла речь в начале этой главы, помогает нам разобраться в тех трудностях, на которые наталкивается теория об осуществлении желаний. Поначалу всех нас, должно быть, удивило, что сновидение – это не что иное, как изображения осуществленных желаний, и не из-за тех противоречий, которые были обнаружены в беспокойных сновидениях. Когда мы, приступив к анализу, выяснили, что у сновидений есть значение и психическая ценность, мы, без сомнения, не были готовы к тому, что такое значение будет применимо ко всем сновидениям. Как точно, но сухо заметил Аристотель, сновидение – это мышление, которое продолжает действовать в состоянии сна. Но если наше мышление и днем способно на такие разнообразные психические действия, суждения, умозаключения, опровержения, предположения, намерения и так далее, то отчего же ночью оно ограничивается созданием одних лишь желаний? Ведь существуют многие другие сновидения, в которых мы видим другие психические действия – беспокойство, например, которые трансформируются в образы из снов? Свет, падающий на лицо спящего, заставляет его сделать вывод, что свеча упала и что тело покойного ребенка могло загореться; этот вывод он превращает в сновидение, облекает его в форму чувственно воспринимаемой ситуации, в которой он оказывается в данный момент. Какую же роль играет здесь осуществление желания? Можем ли мы не заметить в нем всепоглощающего воздействия мысли из состояния бодрствования или стимул от нового воздействия на наши органы чувств? Все это абсолютно верно, и потому нам следует сейчас уделить более пристальное внимание роли осуществления желания в сновидении и значению мыслей из состояния бодрствования, которые продолжают действовать во сне.

Именно осуществление желания навело нас на мысль выделить две группы сновидений. Мы убедились в том, что в одних сновидениях осуществление желания было явным и очевидным, а вот в других сновидениях распознать подобное осуществление желания было очень трудно, и оно маскировалось всеми доступными средствами. Именно в этой второй группе сновидений мы

обнаружили присутствие цензуры. Сновидения, в которых желания не подвергаются искажению, встречаются преимущественно у детей; и похожие *короткие,* искренние сновидения наблюдаются, *вероятно,* и у взрослых.

Теперь нас интересует вопрос, откуда всякий раз берется то желание, которое осуществляется в сновидении. Какие возможности, противоречащие друг другу, или альтернативные варианты мы имеем в виду, когда формулируем этот вопрос? Я считаю, это противоречие между осознанно воспринимаемыми событиями состояния бодрствования и психической деятельностью, которая осталась неосознанной и которая воспринимается нами лишь ночью во сне. Итак, вот три возможных источника такого желания: (1) оно может пробудиться днем и, под воздействием внешних обстоятельств, не найти удовлетворения; в этом случае ночью проявляется признанное и несбывшееся желание; (2) оно могло возникнуть днем, но потом от него отказались, тогда мы имеем дело с неосуществленным и подавленным желанием; (3) оно может не иметь отношения к тому, что происходило в состоянии бодрствования, а быть связано с теми желаниями, которые пробуждаются лишь ночью. Если мы вновь обратимся к нашей схеме психического аппарата, то желание первой группы отнесем к системе Прс. Желания второй группы мы предполагаем, что оно из системы Прс. переместилось в систему Бзс. и там было зафиксировано. А желания третьей группы, по нашему мнению, в принципе не способны выйти за пределы системы Бзс. Итак, обладают ли желания, возникшие из этих различных источников, одинаковой ценностью для сновидений и одинаковой способностью формировать их?

Если мы вспомним про те сновидения, с помощью которых мы пытались ответить на этот вопрос, то придется добавить еще и четвертый источник – страстные и мощные желания, которые проявляются ночью (например, жажда или сексуальное влечение). Так мы убеждаемся, что происхождение желания отнюдь не меняет его способности вызывать сновидение. Я напомню хотя бы то сновидение девочки, которая во сне продолжала поездку по озеру, прерванную днем, и другие детские сновидения; они были спровоцированы неосуществленным и не подавленным дневным желанием. Можно привести великое множество примеров того, как желание, подавленное днем, находит выход в сновидении; вот одно незамысловатое сновидение, которое я сейчас здесь приведу в качестве примера. Одна дама, которая любила подшутить над людьми, близкая подруга которой обручилась, все время должна была отвечать на вопросы знакомых, знает ли она жениха и нравится ли он ей. Она отозвалась о нем в превосходной степени, но так лишь подавляла свое истинное мнение о нем, и у нее все время была готова сорваться с языка фраза, что он – самый обычный «Dutzendmensch» (просторечный оборот немецкого языка, основанный на числительном «дюжина», нечто вроде «да таких полно на каждом углу»). Ночью ей снится, что ей снова задают тот же вопрос и она отвечает на него стереотипной коммерческой фразой: *«При повторных заказах достаточно указать номер».* Итак, многочисленные примеры анализа сновидений убедили нас в том, что во всех сновидениях, в которых происходит искажение, желание, которое в них изображается, корнями уходит в область бессознательного и не проникает в бодрствующее сознание, – это мы уже много раз замечали в ходе анализа. Получается, что все желания в сновидениях имеют, вероятно, одинаковую ценность и в равной степени способны сформировать сновидения.

У меня нет доказательств того, что в действительности все иначе, но я предполагаю, что у желаний в сновидениях существует гораздо более серьезное подкрепление. Детские сновидения не оставляют ни малейшего сомнения в том, что желание, которое днем не сбылось, может спровоцировать сновидение. Но давайте не будем забывать, что это – *детское* желание, это волевой импульс, свойственный детям. Весьма сомнительно, чтобы у взрослых тоже были бы такие же сильные желания, как у детей, которые были бы способны формировать такие сновидения. Мне кажется, что, наоборот, поскольку мышление осуществляет постоянный и неуклонный контроль над нашими инстинктами, мы все дальше оказываемся от формирования таких страстных желаний, какие есть у детей, или не стремимся к их осуществлению, потому что считаем это бессмысленным. Безусловно, все люди разные: у некоторых людей дольше сохраняются инфантильные черты мыслительных процессов, чем у других; то же касается и яркости зрительных образов, которые в детстве отличаются особой живостью. Но в целом я предполагаю, что несбывшиеся, в состоянии бодрствования, желания взрослых недостаточно сильны для того, чтобы сформировать сновидения. Я вполне готов признать, что волевой импульс, который зародился в сфере сознания, обязательно *участвует* в формировании

сновидения, но на большее не способен. Сновидение не смогло бы материализоваться, если бы предсознательное желание не смогло получить подкрепления из других источников.

И такой источник – это бессознательное. *Моя гипотеза заключается в том, что осознанное желание может спровоцировать сновидение лишь в том случае, если успешно разбудит неосознанное желание, которое сочетается с осознанным, и от него получит подкрепление.* Случаи психоанализа неврозов наводят нас на мысль о том, что эти бессознательные желания никогда не дремлют и всегда готовы найти способ выразить себя, когда у них возникает возможность заключить союз с импульсами из области сознания, чтобы эти более слабые импульсы наполнить своей мощью[461], и в этом случае *создается впечатление,* что в сновидении воплощается лишь осознанное желание, но какой-то элемент этого сновидения подскажет нам, как обнаружить следы его могущественного союзника из области бессознательного. Эти всегда активные, «бессмертные» желания нашего бессознательного подобны мифическим Титанам, заточенным в недрах земли победоносными богами, и эти земные недра сотрясаются иногда от их могучих движений. Но такие подавляемые желания уходят корнями в детские годы жизни человека, как мы выяснили в ходе психоанализа неврозов. Поэтому мне бы хотелось опровергнуть высказанное выше утверждение о том, что происхождение желания не играет никакой роли, и вместо него сформулировать другое: *желание, которое изображается в сновидении, должно относиться к детству спящего.* У взрослого оно зарождается в системе Бзс; а у ребенка, у которого отсутствует разделение и цензура между Прс. и Бзс, или там, где оно еще лишь образуется, это – неосуществленное и не подвергшееся подавлению желание из состояния бодрствования. Я сознаю, что это утверждение трудно обосновать как универсальное; но утверждаю, что такое доказательство, даже в случаях, не вызывающих подозрений, можно применять, и оно *не может вызвать возражений* в качестве общей гипотезы.

Таким образом, я считаю, что импульсы, направленные на исполнение желаний и зародившиеся в области сознательного, играют второстепенное значение при формировании сновидений. Я не считаю, что они в качестве источника содержания сновидений играют какую-то иную роль, чем та, которую выполняет в состоянии активного сна материал сновидений. Придерживаясь этой гипотезы, я рассмотрю сейчас другие психические источники сновидений, которые являются отголосками состояния бодрствования и *не являются* желаниями. Когда мы решаем погрузиться в сон, то временно снижаем интенсивность нашего бодрствующего мышления. Кто способен на это, тот спит крепко; говорят, Наполеон мог бы послужить образцом в этом отношении. Но это у нас получается далеко не всегда. Невыясненные вопросы, беспокойство, которое не дает нам покоя, впечатления, под воздействием которых мы находимся, – все это заставляет мышление трудиться и во сне, поддерживая мыслительные процессы в той системе, которую мы назвали предсознательной. Если мы захотим классифицировать импульсы мышления, действующие и во сне, то мы можем выделить три группы таких явлений: (1) нечто, недоделанное днем в силу каких-то обстоятельств; (2) все дела, не завершенные оттого, что наш интеллект не сумел с этим справиться, – неразрешенные проблемы; (3) все, что мы отвергли или подавили в себе в состоянии бодрствования. Добавим к этому и четвертую группу (4) – все, что благодаря процессам в области предсознательного, находит себе отклик в нашем Бзс; и, наконец, пятая группа (5) – незначительные впечатления из периода бодрствования, на которые мы потому не обратили внимания.

Не стоит недооценивать важность интенсивных психических импульсов, которые проникают в состояние сна, соединившись с фрагментами дневных впечатлений накануне сновидения, и особенно связанных с неразрешенными проблемами. Они и ночью властно заявляют о себе: и мы можем с такой же уверенностью заявить, что в состоянии сна процесс возбуждения не может протекать обычным образом в области предсознания, когда сознание завершает его. Поскольку в нормальном состоянии мы осознаем свои мыслительные процессы, то мы и не спим. Какое именно изменение происходит в состоянии сна[462] в системе Прс, я пока не могу сформулировать; но нет сомнений, что психологические характеристики сновидений зависят от модификаций энергетической нагрузки этой конкретной системы, которая также контролирует движение, которое существенно ограничено во время сна. С другой стороны, мне неизвестно ничего такого из психологии сновидения, что навело бы меня на мысль, что состояние сна может производить еще какие-то модификации, кроме вторичных, в состоянии, которое наблюдается в

области системы Бзс. Не остается никакого другого пути, по которому возбуждение может двигаться ночью, кроме системы Прс. из Бзс, напитываться энергией в Бзс. и по обходным путям двигаться в области Бзс. Как же соотносятся остаточные предсознательные фрагменты впечатлений состояния бодрствования и *сновидение?* Они, безусловно, в большом количестве проникают в сновидение и используют его содержание, чтобы и ночью проникнуть в сознание; иногда они даже доминируют в содержании сновидения и заставляют его продолжить начатое в состоянии бодрствования. Безусловно, в сновидение из состояния бодрствования проникают не только желания, в связи с этим чрезвычайно важно для разработки теории осуществления желаний выяснить, какому условию они должны соответствовать, чтобы проникнуть в сновидение.

Давайте обратимся к одному из проанализированных нами примеров, например к сновидению, в котором я увидел коллегу Отто с признаками базедовой болезни. Накануне днем я все тревожился о здоровье Отто; меня это очень огорчало, как все, что связано с этим близким мне человеком. Я полагаю, что это беспокойство не оставляло меня и во сне. По всей вероятности, мне хотелось узнать, что с ним такое. Ночью эта тревога выразилась в сновидении, содержание которого, во-первых, бессмысленно, а во-вторых, вовсе не показывает осуществления желания. Я стал выяснять, откуда возникло это неадекватное чувство беспокойства, которое одолевало меня днем; анализ помог мне в этом разобраться: я просто отождествил его с бароном Л., а себя – с профессором Р. Было лишь одно объяснение тому, отчего именно такой элемент сновидения заменил мои дневные мысли. К идентификации с профессором Р. я, должно быть, был всегда готов в системе Бзс, так как благодаря этой идентификации осуществлялось одно из вечных детских желаний – мания величия. Недостойные и враждебные мысли по отношению к коллеге, которые, безусловно, подавлялись в состоянии бодрствования, в сновидении воспользовались возможностью предстать в виде образов, но и моя мысль в состоянии бодрствования, и не желание, а, наоборот, опасение, должна была каким-либо путем объединиться с детским, но в данный момент бессознательным и подавленным желанием, которое и дало ей возможность пробиться к сознанию, но в значительно искаженном виде. Чем больше я тревожился, тем искусственнее могло быть это соединение; между содержанием желания и содержанием опасения связи и не должно было бы существовать; мы видим, что в нашем примере она и правда отсутствует.

Возможно, теперь полезно было бы продолжить наше исследование, снова задав себе вопрос: как ведет себя сновидение, когда мысли в нем выражаются с помощью материала, вступающего в противоречие с заветным желанием спящего – когда во сне он не без оснований о чем-то беспокоится, предается горестным размышлениям, осознает что-то очень неприятное для себя. Из всего разнообразия возможных сценариев можно спрогнозировать две их группы. (А) Процессы, управляющие сновидением, могут успешно заменить огорчающие спящего мысли чем-то прямо им противоположным, подавляя все неприятности, связанные с ними. В результате может сформироваться простое и прямолинейное сновидение, приносящее удовлетворение, где явно выражено «осуществление желания», и обсуждать здесь больше нечего. Второй вариант развития событий: (Б) – В сновидение пробиваются огорчающие спящего мысли, в более или менее модифицированной форме, но их тем не менее можно узнать в явном содержании сновидения, доступном непосредственному наблюдению. Именно эта группа сновидений заставляет сомневаться в обоснованности тезиса о том, что в сновидениях изображается осуществление желания. К таким неприятным сновидениям люди или относятся с безразличием, или испытывают при этом всю гамму неприятных аффектов, которые оправданы в силу содержания такого сновидения, кроме того, такие сны могут спровоцировать беспокойство, и тогда человек просыпается.

В ходе психоанализа выясняется, что в подобных неприятных сновидениях может быть изображено осуществление желания спящего в не меньшей степени, чем во всех остальных сновидениях. Подсознательное и подавляемое желание, осуществление которого обязательно чем-то огорчит спящего, ухватывается за возможность присоединиться к потоку остатков неприятных воспоминаний минувшего дня; оно наполняет их силой и, уцепившись за них, проникает в сновидение. Но если в группе А подсознательное желание совпадает с сознательным, то в группе Б обнажается пропасть между подсознательным и сознательным (подавляемым и собственным Я), и все происходит, как в сказке про мужа и жену, которым фея

пообещала исполнить три их заветных желания. Удовлетворение, которое человеку приносит осуществление подавляемого желания, может оказаться таким мощным, что перевешивает неприятные воспоминания минувшего дня, в подобных случаях эмоциональный фон сновидения нейтрален, хотя оно и демонстрирует сбывшееся желание, и страх, который оказался обоснованным. Может произойти и так, что спящее Я принимает немного более активное участие в формировании сновидения, реагируя на осуществление подавляемого желания яростным негодованием, и само прекращает это сновидение, провоцируя взрыв беспокойства. Итак, нетрудно заметить, что неприятные и беспокойные сновидения в той же мере изображают сбывшееся желание, в том смысле, который мы вкладываем в это понятие в соответствии с нашей теорией, как и сновидения, приносящие удовлетворение.

Неприятные сновидения могут быть и «сновидениями-наказаниями». Необходимо отметить, что, признавая их существование, мы совершаем шаг вперед в разработке теории сновидений. В таких сновидениях также сбывается подсознательное желание, которое стремится наказать спящего за его подавляемые запретные импульсы. В этом смысле подобные сновидения удовлетворяют требованию, которое мы здесь сформулировали, – что побуждающей силой формирования сновидения выступает какое-то желание человека из области подсознательного. Более тщательный психологический анализ позволяет понять, в чем такие сновидения отличаются от всех остальных. В тех случаях, когда формируются сновидения группы Б, это желание лежит в области бессознательного и относится к области подавляемых желаний, а в сновидениях-наказаниях, хотя эти желания тоже подсознательные, оно относится не к подавляемым желаниям, а к «Я» спящего. Сновидения-наказания указывают на вероятность того, что «Я» может играть более значительную роль в формировании сновидений, чем это предполагалось раньше. Можно узнать гораздо больше о формировании сновидений, если не противопоставлять «сознательное» и «бессознательное», а вместо этого изучить противодействие «Я» и «подавляемых импульсов». Но это невозможно без учета тех процессов, которые лежат в основе психоневрозов, и по этой причине в этой книге мы эту проблему не рассматриваем. Я лишь хотел бы заметить, что сновидения-наказания обычно не формируются, если в сновидение проникают воспоминания о неприятных событиях минувшего дня. Наоборот, такие сновидения с большей степенью вероятности формируются, если от прошедшего дня у спящего остались приятные воспоминания, но удовольствие, которое он при этом испытывает, – запретное для него. Единственный признак таких мыслей в явном, доступном непосредственному наблюдению содержании сновидения – это материал, диаметрально противоположный этим мыслям, как в случае со сновидениями из группы А. Основная характеристика сновидений-наказаний в этом случае заключается в том, что желание, которое выступает формообразующим фактором сновидения, не является бессознательным подавляемым желанием (из системы Бзс), а представляет собой карательную силу, реагирующую на нечто запретное и принадлежащую «Я» спящего, хотя при этом оно и не осознается, я бы сказал, что оно существует в области предсознательного)[463].

Я приведу здесь пример моего собственного сновидения, чтобы проиллюстрировать только что высказанные мысли, в особенности как именно процессы, управляющие сновидением, перерабатывают фрагменты неприятных впечатлений минувшего дня.

«Начало этого сна я помню смутно. *Я сообщаю жене, что у меня для нее есть совершенно особенная новость. Она встревожилась и отказалась слушать. Я успокоил ее, сказав, что, как раз наоборот, она будет очень рада это слышать, и стал рассказывать, что из кают-компании нашего сына нам прислали деньги (5000 крон)… что-то про с отличием… про распределение… Во время разговора мы с ней перешли в небольшую комнату, что-то вроде кладовки, и стали там что-то искать. Вдруг там появился мой сын. На нем была не военная форма, а какая-то облегающая одежда, в которой он напоминал тюленя, с маленьким капюшоном на голове. Он вскарабкался на маленькую корзину за шкафом, словно хотел на него что-то сверху положить. Я позвал его – он не ответил. Мне показалось, что у него перебинтован лоб. Он поправлял что-то у себя во рту, словно что-то пытаясь туда затолкать. А в его волосах проблескивала седина. Я тогда подумал: "Неужели он так измучен? И что это у него – вставные зубы?"* Я собирался снова окликнуть его, но проснулся, беспокойства я не чувствовал, но мое сердце учащенно билось. Часы у изголовья показывали половину третьего ночи».

Снова не представляется возможным провести полный анализ сновидения. Я должен бороться с самим собой, чтобы выделить самые его узловые моменты. Это сновидение сформировалось под воздействием неприятных событий минувшего дня: мы уже больше недели не получали вестей от нашего сына, который был на фронте. Понятно, что сон намекает на то, что сына могли ранить или убить. Энергичные усилия в начале сновидения были направлены на то, чтобы отогнать эту неприятную мысль подальше, изображая нечто совершенно противоположное. У меня были очень приятные новости, о которых я хотел рассказать – что-то про деньги, которые прислали, про отличие… про распределение. (Эту сумму денег я получил в качестве гонорара за медицинские услуги, и это было приятно; это была попытка уйти от неприятной темы.) Но эти усилия ничем не увенчались. У моей жены возникли ужасные подозрения, и она отказалась выслушать меня. Попытки замаскировать истинные чувства были очень слабыми, и указания на то, что они должны были скрыть, были очевидны и их можно было во всем заметить. Если бы мой сын был убит, то его однополчане отправили бы мне его вещи, и мне надо было бы распределить их – раздать его братьям, сестрам и чужим людям. «Отличие» часто присуждается солдатам, павшим в бою. Итак, во сне есть явные указания на то, что поначалу он пытался скрыть, хотя в искажениях, которые в нем присутствуют, просматривается тенденция к осуществлению желания. (Смену мест действия в сновидении, без сомнений, следует понимать как явление, которое Зильберер (Silberer, 1912) описывал с помощью термина «пороговый символизм» (см. выше).) Мы и правда не можем сказать, откуда взялась движущая сила, которая заставила сновидение выразить мои неприятные чувства. Мой сын в нем не «падает», а «карабкается вверх». Он и правда был хорошим альпинистом. Он был не в военной форме, а в спортивной одежде, это значило, что место, где могла произойти трагедия, которой я *сейчас* опасался, заменилось во сне на другое, связанное с более ранним, *спортивным*происшествием: мой сын действительно как-то раз упал во время лыжного похода и сломал бедро. Но в этой одежде из сна он напоминал тюленя и сразу же напомнил мне кое-кого помладше – нашего забавного внучонка, – а его седые волосы напомнили мне уже его отца, моего зятя, который был тяжело ранен на войне. Что бы это значило? Но я уже достаточно рассказал об этом. Действие сновидения происходило в кладовке, а шкаф, на который мой сын хотел что-то положить в этом сновидении, – все эти детали совершенно точно напомнили мне об одном происшествии из моего собственного детства, когда мне было от двух до трех лет[464]. Я вскарабкался на стул, чтобы взять со шкафа что-то интересное для меня. Стул покачнулся, упал и ножка стула ударила меня в нижнюю челюсть, так вообще и без зубов можно было остаться. Это воспоминание сопровождается злорадной мыслью: «Так тебе и надо!», и это выглядело как враждебность по отношению к моему сыну – храброму солдату. Более тщательный анализ этого сновидения навел меня на мысль, что скрытым импульсом здесь могло бы быть мое удовлетворение от воображаемого инцидента с моим сыном, за которого я так боялся: это была зависть стареющего человека к молодым, от которой, как я полагал, я полностью избавился. И речи не может быть о том, что эти чувства были по силе в точности такими же, как если бы несчастье с моим сыном действительно произошло. И потому эта эмоция нашла похожее подавляемое чувство, чтобы так найти способ выразить утешение.

Теперь я могу точнее определить, какую роль играет бессознательное желание в сновидениях. Я готов допустить, что существует целый ряд сновидений, которые спровоцированы фрагментами воспоминаний минувшего дня, и полагаю, что мое желание занять должность внештатного профессора, наверное, дало бы мне возможность спокойно выспаться в ту ночь, если бы не мое беспокойство днем о здоровье друга. Но не это беспокойство способствовало формированию этого сновидения; движущую силу ему придало желание, и именно это беспокойство и отыскало такое желание, которое смогло бы спровоцировать это сновидение.

Воспользуемся для объяснения этой мысли аналогией. Мысль в состоянии бодрствования подобна *предпринимателю;* но *предприниматель,* у которого есть собственные идеи и желание их осуществить, все же не сможет сделать этого без стартового капитала; ему нужен *инвестор,* который бы его спонсировал. Таким инвестором, который спонсирует сновидение психическим материалом, безусловно, независимо от характера мыслей в течение минувшего дня, и становится *желание из области бессознательного*[465].

Иногда предприниматель вкладывает в дело *свои собственные сбережения;* в сновидениях именно так чаще всего и происходит. Дневные события возбуждают бессознательное желание, и

оно провоцирует сновидения. Можно и дальше продолжать пользоваться этой метафорой из области бизнеса; *предприниматель* может сам внести часть капитала; *несколько предпринимателей* могут обратиться к одному и тому же инвестору, и, наконец, несколько *инвесторов* могут объединиться и проспонсировать *предпринимателя.* Встречаются сновидения, в которых выражается не одно желание, а несколько, бывают и другие варианты, которые можно было бы перечислить, но они для нас не особенно интересны. Мы еще вернемся к вопросу о желаниях в сновидениях.

Третий элемент сравнения, tertium comparationis приведенных нами аналогий – объем взноса инвестора в достаточном количестве[466], – может еще более детально применяться с целью выявить структуру сновидений. В большинстве сновидений существует определенный центральный элемент, наделенный особой сенсорной интенсивностью. Обычно он представляет собой непосредственное изображение осуществления желаний, и, если мы раскодируем смещения, которые являются результатами процессов, регулирующих сновидение, мы обнаружим, что *психическая* интенсивность элементов мыслей, которые спровоцировали это сновидение, заменяется *сенсорной* интенсивностью элементов содержания этого сновидения. Элементы, *близкие к* изображению осуществления желания, зачастую не имеют ничего общего с его смыслом, это лишь фрагменты неприятных мыслей, которые полностью противоречат изображаемому в сновидении желанию. Поскольку их связь с центральным элементом сновидения – искусственная, они приобретают такую интенсивность, что теперь способны превратиться в образы. Таким образом, изобразительная сила осуществления желания распределяется в определенной области сновидения, которая ее окружает, и все элементы в ней – даже самые слабые – становятся более интенсивными, и потому их можно изобразить. В сновидениях с *несколькими* желаниями удается без труда провести границы между разными областями отдельных изображений осуществления желаний, а пробелы в сновидении можно считать границами между этими областями[467].

Хотя мы сейчас выразили мысль о том, что фрагменты дневных воспоминаний не так значимы в сновидениях, хотелось бы изучить такие фрагменты немного подробнее. Скорее всего, они принимают важное участие в формировании сновидений, поскольку мы по опыту установили удивительный факт: что в содержании каждого сновидения существует связь с даже самыми нейтральными впечатлениями минувшего дня – и такие элементы необходимо выявлять. Мы еще не объясняли, отчего так важны эти дополнительные элементы среди множества других, перемешанных друг с другом в сновидении. Связь выявляется лишь в том случае, когда учитывается роль бессознательного желания и мы при толковании опираемся на психологию неврозов и выясняем, что сама по себе мысль из области бессознательного не в состоянии проникнуть в область предсознательного, и что там она может лишь один раз соединиться с какой-то мыслью, которая уже существует в этой области предсознательного, которую она напитывает своей силой и с помощью которой маскируется. Это и есть факт переноса[468], с помощью которого можно объяснить самые разнообразные явления из области мыслительной деятельности страдающих неврозами. При переносе мысль из области бессознательного может сохраниться в неизменном виде, достигая высокой степени интенсивности, или модифицироваться, вырастая из содержания той мысли, перенос которой происходит. Простите мне сравнение области повседневной жизни, но мне очень хочется указать на то, что подавляемая мысль напоминает нам положение американского стоматолога, который не имеет права открыть практику, пока не укажет на дверной табличке имя какого-то сертифицированного местного врача, по договоренности с ним, чтобы действовать «под прикрытием» его имени в глазах закона. Далеко не самые лучшие и популярные врачи заключают подобные профессиональные союзы с вновь прибывшими американскими коллегами. Так и в области психики: для маскировки подавленных мыслей выбираются далеко не самые интересные предсознательные или сознательные идеи. Бессознательное предпочитает затягивать в свои сети те впечатления и мысли из области предсознательного, которые были оставлены без внимания, поскольку были нейтральными по смыслу, или потому, что были отвергнуты, и потому перестали привлекать внимание. В одной популярной статье, освещающей теорию ассоциаций, приводятся данные, которые подтверждаются на опыте, что мысль, которая установила очень прочные связи в одном направлении, обычно не стремится завязывать новые. Я даже пробовал использовать этот постулат как основу для разработки теории истерического паралича[469].

Если мы утверждаем, что та же потребность в переносе, которую мы наблюдаем при анализе неврозов, проявляется и в сновидении, то разрешим две головоломки, которые связаны со сновидениями: во-первых, что в ходе любого анализа сновидения выявляется какой-то фрагмент недавних впечатлений, который вплелся в ткань сновидения, и, во-вторых, что такой элемент часто нейтрален. К этому я могу добавить знакомый нам факт, что причина, по которой такие нейтральные элементы недавних событий так часто замещают более отдаленные мысли в сновидении, заключается в том, что подобная маскировка позволяет меньше опасаться вмешательства цензуры. Но хотя объяснение факта использования *тривиальных* элементов заключается в том, что так они освобождаются от цензуры, факт регулярного появления *недавних* элементов указывает на то, что есть необходимость их переноса. Обе группы таких впечатлений удовлетворяют потребность материала, который все еще свободен от ассоциаций в подавлении, – нейтральные, потому что они не сумели образовать новые ассоциативные связи, а недавние – потому что у них еще не было времени на образование подобных связей.

Итак, фрагменты недавних впечатлений, к которым мы теперь можем отнести и нейтральные впечатления, не только могут *позаимствовать* что-то у системы Бзс, когда участвуют в формировании сновидения, – а заимствуют они инстинктивную силу, которой обладает подавленное желание, – но и *привносят* в область подсознательного нечто абсолютно необходимое – необходимый узел связи, из которого будет осуществляться перенос. Если бы мы захотели еще более углубиться в психические процессы, то нам пришлось бы более точно представить взаимосвязь импульсов в области предсознательного и бессознательного, на эту мысль нас наводит изучение психоневрозов, а не сновидений.

По поводу фрагментов недавних воспоминаний мне остается лишь добавить, что именно они и прерывают сон, а само сновидение старается продлиться. Мы еще вернемся к этому вопросу.

Пока мы рассматривали осуществление желаний в сновидениях, выявляли их путь из системы Бзс, исследовали его отношение к фрагментам недавних воспоминаний, которые, в свою очередь, могут быть или желаниями, или какими-то другими психическими действиями, или просто – недавними впечатлениями. Так мы оставили пространство для всякого рода мыслительных действий из состояния бодрствования, поскольку они играют важнейшую роль в процессе формирования сновидений. Так можно было бы даже прийти к объяснению тех крайних случаев, когда мышление в состоянии сна помогает разрешить какую-то проблему, ускользнувшую от бодрствующего состояния[470]. Теперь нам нужен лишь подходящий пример такого сновидения, чтобы при помощи его анализа обнаружить источник детских или подавляемых желаний, которые активизировались и успешно наполнили силой деятельность в области предсознательного. Но мы все еще не в состоянии ответить на вопрос, отчего бессознательное во сне обладает лишь движущей силой для осуществления *желаний.* Ответ на этот вопрос должен пролить свет на психическую природу желаний. Мы постараемся дать его в связи, используя нашу схему психики.

Мы убеждены в том, что этот аппарат достиг своего уровня развития лишь путем длительной эволюции. Давайте обратимся к ее более ранней ступени. Гипотезы, обоснование которых уведет нас в сторону от обсуждаемого вопроса, утверждают, что этот аппарат вначале стремился оберегать себя от внешних стимулов[471], и потому ее исходное строение представляло собой рефлекторный аппарат, который давал ей возможность тотчас же отправлять по моторному пути все поступавшие извне чувственные импульсы. Но жизнь внесла свои коррективы в его устройство; именно ей психический аппарат обязан толчком к своему дальнейшему развитию. Жизненная необходимость вначале предстает в форме насущных соматических потребностей.

Возбуждение, которое возникло вследствие внутренних потребностей, будет искать разрядку в движении, и это может быть охарактеризовано как «внутреннее изменение» или «выражение эмоций». Голодный младенец беспомощно плачет и пинается. Но ситуация не меняется, поскольку раздражение, которое порождается неудовлетворенной внутренней потребностью, не *одномоментно,* а возникает в силу постоянного действия. Ситуация может измениться, если, так или иначе (например, если младенцу кто-то помог) может быть достигнуто «состояние удовлетворения», и тогда внутренний стимул прекращает свое действие. Важнейшим компонентом этого состояния является какое-то конкретное чувственно воспринимаемое явление (в нашем случае – при кормлении), воспоминание о котором с тех пор ассоциативно

закрепляется в мнемических отпечатках от возбуждения, которое было вызвано этой потребностью. Как только такая взаимосвязь была установлена, в следующий раз возникнет психический импульс, стремящийся снова заполнить мнемический образ восприятия и снова вызвать его, то есть снова запустить исходную ситуацию, связанную с удовлетворением. Именно психическое движение мы и называем желанием; повторное проявление восприятия есть осуществление этого желания, а полное восстановление восприятия об ощущении удовлетворения – кратчайший путь к его осуществлению. Мы вполне допускаем примитивное состояние устройства психики, где процесс действительно следует этому пути и желание превращается в галлюцинирование. Итак, целью этого первого психического действия было создать идентичность в области восприятия – повторение восприятия, которое было связано с удовлетворением той потребности[472].

Должно быть, под влиянием горького жизненного опыта эта примитивная мыслительная деятельность стала более целесообразной. Закрепление идентичности восприятия, которое двигалось в регрессивном направлении внутри психического аппарата, не приводит к одинаковым результатам в сознании, как это происходит с энергическим зарядом того же самого восприятия стимулов извне. Удовлетворения не наступает, и потребность продолжает заявлять о себе. Внутренний энергетический заряд может приобрести то же самое значение, если развивается поступательно, что и происходит при галлюцинаторных психозах и фантазиях, спровоцированных чувством голода, психическая деятельность при которых прекращается, как только они приближаются к объекту, на котором фиксируется их желание. Для более эффективного использования психической силы необходимо остановить регрессию, пока она не завершилась и не вышла за рамки мнемического образа, и вышла на другие пути, которые ведут в конечном счете к желаемой идентичности в области восприятия, которая приходит из внешнего мира[473]. Такое угнетение процесса регрессии и последующая дисперсия возбуждения зависят от деятельности второй системы, которая контролирует движения и моторику, которая в первый раз, так сказать, пользуется движением для тех целей, которые уже давно хранятся в памяти. Но вся эта сложная мыслительная деятельность, которая развивается от образа в воспоминаниях – мнемического образа, который формируется в окружающем мире, и вся эта мыслительная деятельность просто выстраивает обходной путь к осуществлению желания, которое стало необходимым под влиянием опыта[474]. Мышление приходит на смену галлюцинаторным желаниям, и если сновидение представляет собою осуществление желания, то это естественно и само собой разумеется, поскольку лишь желание способно побуждать к деятельности нашу психику. Сновидение, осуществляющее свои желания путем регрессии, уважительно сохранило для нас образец исходной, древней и отвергнутой ввиду ее неэффективности работы человеческой психики. Словно то, что некогда господствовало в состоянии бодрствования, когда наш ум был юн и неопытен, теперь погрузилось в ночь, словно мы оказались в детской всего человечества, где мы находим давно заброшенные, примитивные орудия – лук и стрелы. Сновидение – это фрагмент детского сознания, который уже давно не актуален. При психозах такие, обычно подавляемые в бодрствующем состоянии формы психической деятельности проявляются с новой силой и не способны удовлетворить наши потребности, направленные по отношению к внешнему миру[475].

Бессознательные импульсы, связанные с желаниями, вероятно, стремятся проявить себя и в состоянии бодрствования; факт перенесения, а также психозы убеждают нас в том, что они через систему предсознательного стремятся проникнуть в сознание и захватить власть над моторикой. Итак, цензура, которая осуществляется между Бзс. и Прс, в существовании которой нас убедили сновидения, должна быть признана и заслуживает нашего уважения, потому что она сохраняет наше душевное здоровье. Но как же так рискует этот страж, ослабляя свою бдительность ночью, дает возможность подавленным мотивам из системы Бзс. проявить себя и допускает, чтобы галлюцинаторная регрессия проявилась снова? Я полагаю, что никакого риска здесь нет. Когда критически настроенный цензор отдыхает – у нас есть доказательства того, что спит он чутко, – он перекрывает и доступ к моторной сфере. Какие бы импульсы из обычно подавляемой системы Бзс. ни заявляли о себе, нам незачем об этом беспокоиться, вреда от них никакого не будет, они не способны привести в движение моторный аппарат, ведь лишь он один может активно изменять внешний мир. Состояние сна гарантирует неприступность той цитадели, которую он охраняет. Дело принимает иной поворот в том случае, когда смещение силы совершается не за

счет ночного ослабления бдительности критической цензуры, а если происходит его патологический упадок, или при патологическом повышении бессознательного возбуждения, когда подсознание захватывает область системы Прс, а доступ к моторике еще не перекрыт. Тогда страж повержен, и бессознательные импульсы подчиняют себе систему Прс. и поэтому овладевают нашей речью и нашими действиями или вызывают галлюцинаторную регрессию и направляют все ресурсы психики (предназначенной вовсе не для этой цели) с помощью привлечения восприятия на распределение нашей психической энергии. Это состояние и называется психозом.

Теперь мы можем достраивать ту психологическую конструкцию, обсуждение которой мы временно прекратили после включения систем Бзс. и Прс. Но есть причины и для того, чтобы продолжить изучать желания, единственную психическую движущую силу сновидения. Мы установили, что сновидение изображает осуществление желания, потому что оно является продуктом деятельности системы Бзс, которая не знает иной цели деятельности, кроме как осуществление желания, и не располагает иными силами, кроме силы желания. Если мы настаиваем на своем праве делать далеко идущие выводы на основе интерпретации сновидений, то нам следует доказать, что подобные умозаключения воссоединяют сновидение и с другими структурами психики. Если существует система Бзс. или нечто подобное, то сновидение не может быть единственным способом ее выражения; каждое сновидение может быть осуществлением желания, но, кроме сновидений, должны существовать и другие формы отклоняющихся от нормы способов осуществления желаний. Теория, которая объясняет все психоневротические симптомы, сводится к тому, что *они тоже должны рассматриваться как осуществление неосознанных желаний*[476]. Мы считаем сновидение лишь одним из представителей целого класса психических явлений, которые имеют огромное значение для психиатров, и понимание сновидений помогает разрешить некоторые чисто психологические проблемы из области психиатрии[477].

Другие представители этого класса осуществления желаний, например истерические симптомы, обладают одной существенной особенностью, которая отсутствует у сновидений. И я выяснил из исследований, примеры из которых приводил в этой книге, что для образования истерического симптома *оба* направления наших мыслей должны совпасть. Симптом – это не только выражение осуществленного бессознательного желания; должно присутствовать и желание из области предсознательного. Тогда у этого симптома будет *как минимум* два детерминирующих его фактора, каждый из них будет обусловлен теми системами психики, которые задействованы в этом конфликте. Как и в сновидениях, дальнейшее детерминирование ничем не ограничено – вплоть до сверхдетерминирования симптомов[478]. Тот детерминирующий фактор, который порождается не системой Бзс, является, по моему мнению, реакцией на бессознательное желание, например, самоунижением. Итак, я могу утверждать следующее: *истерический симптом развивается лишь там, где в одном выразительном средстве могут совпасть осуществления двух противоположных желаний, каждое из которых порождается своей психической системой.* (Всем, кому интересна эта тема, рекомендую мое последнее исследование, посвященное происхождению истерических симптомов, в статье об истерических фантазиях и их взаимосвязи с бисексуальностью (Freud, 1908a).) Примеры здесь не будут очень полезны, поскольку лишь тщательное и глубокое исследование возможных осложнений будет в достаточной мере убедительным. Поэтому я привожу здесь лишь само утверждение не в качестве доказательства, а ради наглядности. У одной моей пациентки наблюдалась истерическая рвота, которая, как впоследствии выяснилось, оказалась, с одной стороны, осуществлением бессознательной фантазии, относящейся к ее молодым годам, – желания быть беременной как можно чаще и иметь как можно больше детей; потом к этому присоединилась дополнительная мысль: от как можно большего количества мужчин. В ответ на это необузданное желание возник мощнейший защитный импульс. Поскольку рвота лишала пациентку приятной полноты и красоты, и тогда она не понравилась бы ни одному мужчине, то этот симптом был связан и с наказанием за беспутные мысли, и, поскольку он был инициирован разными областями психики, он смог проявиться. Примерно такой же способ осуществления желания применила и парфянская царица по отношению к римскому победителю Крассу. Считая, что он отправился в военный поход из корыстолюбия, после его смерти она заставила влить ему в горло расплавленное золото. «Вот тебе, ты же этого хотел?» Но пока нам известно

лишь, что в сновидениях изображается осуществление желания из области бессознательного: похоже, доминирующая предсознательная система допускает это, предварительно подвергнув некоторому искажению. И, как правило, невозможно выявить цепочку мыслей, которые противоречат желанию в сновидении, и как и противоположное ему явление, осуществляется в этом сновидении. Лишь иногда, во время анализа сновидений, мы сталкивались с некоторыми признаками реактивных образований, например, таким было мое нежное чувство к коллеге Р. в сновидении о моем дяде-простофиле с рыжеватой бородой. Но мы можем восстановить отсутствующие элементы из сферы предсознательного. Сновидение может выразить желание из системы Бзс, подвергнув его разнообразным искажениям, а доминирующая система концентрируется на желании спать, реализует его и поддерживает в продолжение всего состояния погружения в сон[479].

Это упорное желание продолжать спать, которое исходит из области предсознательного, вносит значительный вклад в формирование сновидения. Вспомним про сновидение отца, которого свет в соседней комнате заставляет предположить, что тело его умершего ребенка могло загореться. В качестве одной из психических сил, доказывающих, что отец делает этот вывод в сновидении вместо того, чтобы проснуться от зрительного раздражения, это желание продлить жизнь приснившегося ему ребенка хоть на мгновение. Другие желания, исходящие из области подавляемых мыслей и желаний, скорее всего, от нас ускользают, поскольку мы лишены возможности произвести полный анализ этого сновидения. Но в качестве второй движущей силы этого сновидения мы можем предположить потребность отца в сне и отдыхе; это сновидение и подарило еще один миг жизни ребенку, и позволило немного отдохнуть его отцу. «Пусть мне это снится, – вот этот мотив, – а то мне придется проснуться». И в этом, и в любом другом сновидении желание продолжить сон соответствует бессознательному желанию. Мы уже упоминали об «удобных» сновидениях. В сущности, все сновидения таковы. В сновидениях, которые перерабатывают внешний чувственный стимул так, что можно при этом продолжать спать, и которые вплетают его в свое содержание, чтобы он не напоминал о существовании внешнего мира, желание продолжать спать проявляется особенно ярко. Но это же желание может провоцировать и другие сновидения, хотя лишь *внутренние стимулы*угрожают прервать сон человека. В тех случаях, когда сновидение заходит чересчур далеко, система Прс. подает сознанию сигнал: «Не беспокойся, спи дальше, ведь это же только сон», вот позиция психики по отношению к нашим сновидениям. Отсюда следует вывод, что *мы во сне от начала до конца уверены и в том, что нам снится, и в том, что мы погружены в состояние сна.* Не стоит придавать слишком большого значения контраргументу, что наше сознание никогда не осознает второе и лишь иногда осознает первое из этих утверждений – о сне и сновидениях, – когда цензура, так сказать, ослабляет свои тиски.

С другой стороны, некоторые люди во сне прекрасно понимают, что спят и им что-то снится, и таким людям, похоже, удается сознательно управлять своими сновидениями. Если, например, такой человек недоволен тем, что ему сейчас снится, он может изменить ход сновидения, не просыпаясь, – как популярный драматург может взять и изменить концовку своего романа на более радостную. Или может произойти так, что, если это сновидение возбудило в спящем сексуальные желания, он может подумать: «Не хочу смотреть дальше этот сон и выматывать себя поллюциями во сне; лучше пусть со мной все это произойдет на самом деле».

Маркиз Эрве де Сент-Дени (Hervey de Saint-Denis, 1867) утверждал, что научился ускорять свои сновидения и направлять их куда ему вздумается. Похоже, что в этом случае его желание продолжать сон уступило другому желанию – наблюдать за собственными сновидениями и получать от них удовольствие. Состояние сна точно так же совместимо с подобным желанием, как и мысленная установка управлять им (например, как у кормящей матери или кормилицы[480], о которых мы упоминали). Более того, общеизвестно, что всякий, кто интересуется сновидениями, в состоянии вспомнить большую часть того, что ему приснилось, когда проснется.

Ференци (Ferenzi, 1911), обсуждая, в каком направлении развиваются сновидения, отмечает: «Сновидения перерабатывают те мысли, которые занимают человека, с самых разных точек зрения; они отказываются от определенного образа, если это не приводит к изображению осуществившегося желания, и начинают экспериментировать, пытаясь отыскать альтернативный вариант, пока, наконец, им не удается сконструировать такое изображение сбывшегося желания,

которое удовлетворит сознание во всех смыслах, и при этом будет найден определенный компромисс».

Г. Пробуждение от сновидений. – Функция сновидений. – Беспокойные сновидения

Теперь мы знаем, что на протяжении всей ночи область предсознательного сконцентрирована на желании продолжать сон, и мы теперь можем продолжить наше дальнейшее исследование сновидения. Но сначала подведем итог тому, что нам удалось обнаружить.

Итак, или сохранились какие-то фрагменты недавних воспоминаний о событиях в состоянии бодрствования, и невозможно лишить их той энергии, которая в них накопилась, или бодрствующее мышление пробуждает одно из бессознательных желаний, или происходит и то и другое. (Мы уже обсуждали эти варианты выше.) В течение дня или по мере погружения в сон бессознательное желание устанавливает связи с фрагментами недавних воспоминаний и осуществляет в их отношении перенос: это может произойти или днем, или после погружения человека в сон. Так возникает желание, перенесенное на свежий материал, или подавленное недавнее желание вновь оживляется, опираясь на ресурсы из области бессознательного. Оно может проникнуть в сознание, следуя нормальным путем, опираясь на мыслительные процессы через систему Прс, с которой его связывает какой-то из его фрагментов. В этот момент оно приходит в столкновение с цензурой, которая все еще функционирует, и подчиняется ей. В этот момент в нем происходит искажение, путь к которому уже был проложен переносом желания на недавний актуальный материал. Так, оно двигается в направлении формирования навязчивой идеи, или делюзии, или чего-то подобного – то есть *мысль* подвергается переносу и искажается под влиянием цензуры. Дальнейшее развитие этого желания прекращается в силу того, что предсознательное погружается в сон. Тогда сновидение становится регрессивным, что становится возможным благодаря особой природе состояния сна, и оно притягивается к группам воспоминаний; некоторые из них приобретают черты эмоционально насыщенных образов и не поддаются переводу в термины более поздних систем. Регрессивный путь развития придает ему черты выразительности. (Далее мы обсудим феномен сгущения, см. главу VII, раздел Д.) Так сновидение проходит вторую часть своего извилистого пути. Первая его часть развивается поступательно от бессознательных сцен или фантазий до системы Прс; а вторая часть – от цензуры, которая останавливает это поступательное развитие, назад – к тому, что воспринимается. Когда в сновидении формируется содержание, оно таким образом обходит преграду цензуры, которая возникает в состоянии сна в системе Прс; ему удается привлечь к себе внимание, и так оно проникает в сознание.

Сознание как орган чувств, реагирующий на физические признаки, в бодрствующем состоянии воспринимает возбуждение по двум направлениям. Во-первых, из периферии всего психического аппарата, из системы восприятия; кроме того, оно может воспринимать сигналы удовольствия и чего-то неприятного, и это – единственное психическое качество, связанное с переносом энергии внутри психического аппарата. Все другие процессы в ψ-системах, в том числе и Прс, не обладают физическими параметрами и потому не могут быть объектами сознания, за исключением тех случаев, когда способствуют восприятию чего-то приятного или неприятного. Поэтому мы предполагаем, *что эти приятные и неприятные ощущения автоматически регулируют ход процесса насыщения сознания энергией.* Но для того, чтобы стали возможными более тонко настроенные их проявления, позднее стало необходимо ослабить зависимость потока мыслей от присутствия удовольствия или неудовольствия. Для этой цели системе Прс. необходимо обладать своими собственными качествами, которые могли бы привлечь сознание; она их приобрела, по всей вероятности, благодаря связи предсознательных процессов с весьма ценной мнемической системой лингвистических символов. Благодаря качествам этой системы сознание, которое раньше функционировало лишь как орган восприятия, стало также мыслительным органом. Итак, перед нами *две* чувственные плоскости, одна ориентирована на восприятие, а другая – на сознательные мыслительные процессы.

Я утверждаю, что состояние сна придает чувственной поверхности сознания, обращенной к системе Прс, большую чувствительность по сравнению с системой Воспр. Более того, такое ослабление ночных мыслительных процессов вполне целесообразно. В мышлении не должно происходить ничего; системе Прс. нужен сон. Как только сновидение превращается

в *восприятие,* оно, благодаря приобретенным качествам, может спровоцировать сновидение. Это сенсорное возбуждение выполняет свою основную функцию: оно направляет часть присутствующей в системе Прс. психической энергии на источник возбуждения. Итак, следует предположить, что в каждом сновидении заложен *возбуждающий* эффект, который приводит в действие пребывающую в покое энергию системы Прс. Там с ним происходит то, что мы ради простоты и наглядности обозначили термином «вторичная переработка». Итак, оно обращается со сновидением, как с любым другим чувственным содержанием; оно подвергается антиципации, насколько этому способствует его содержание. Поскольку и эта третья часть процессов, управляющих сновидением, может двигаться в определенном направлении, оно снова становится регрессивным.

Проясним ситуацию с хронологией этих процессов сновидения. Гобло (Goblot, 1896) под влиянием, вероятно, сновидения Мори о гильотине выдвинул интересную идею о том, что сновидение просто заполняет краткий временной промежуток между сном и пробуждением. Для того чтобы проснуться, требуется какое-то время; в это время и возникает сновидение. Мы предполагаем, что заключительный образ сновидения был таким ярким, что заставил нас проснуться; но, в сущности, он был таким ярким именно оттого, что в тот момент мы уже были на грани пробуждения. «Сон – это начало пробуждения».

Дюга (1879b) уже упоминал о том, что Гобло проигнорировал многие факты, утверждая этот тезис. Ведь бывают и такие сновидения, в которых нет толчка к пробуждению, например, в которых снится, что нам что-нибудь снится. Наши знания о процессах, происходящих в сновидении, не позволяют нам согласиться с тем, что оно существует лишь в момент пробуждения. Напротив, мы предполагаем, что процессы сновидения начинают действовать еще в состоянии бодрствования, когда всем руководит область предсознательного. Затем происходят изменения под воздействием цензуры, когда пробуждаются бессознательные фантазии и открывается доступ к восприятию, и это, безусловно, продолжается в течение всей ночи, следовательно, мы правы, утверждая, что нам всю ночь что-то снилось, хотя мы и не помним в точности, что именно.

Полагаю, не стоит считать, что процессы в сновидении до момента пробуждения сознания, развиваются в хронологическом порядке, так, как я это изображал: сначала появляется перенесенное желание, затем происходит искажение под влиянием цензуры, и далее – изменение направления сновидения и его регрессия и т. д. Мы придерживались такой последовательности при описании процессов в сновидении; но в действительности оно, скорее всего, одновременно пытается двигаться в том или ином направлении; колебания раздражения происходят то в одну, то в другую сторону, пока, наконец, они распределяются более эффективно и конкретная группировка этих процессов становится постоянной. Мои личные наблюдения наводят меня на мысль, что процессы в сновидении могут растянуться на несколько дней и ночей, для того чтобы прийти к определенному результату. Если это так, то неудивительно, как изобретательно строятся сновидения. По-моему, даже требование, чтобы сновидение было понятным, как некое воспринимаемое человеком событие, может начать выполняться еще до того, как такое сновидение достигнет сознания. С этого момента этот процесс существенно ускоряется, поскольку тогда сновидение начинает восприниматься просто как любое чувственно воспринимаемое событие. Оно подобно фейерверку, который долго собирали и устанавливали и который лишь за пару мгновений вспыхивает и искрится.

Теперь процессы, происходящие в сновидении, или приобрели достаточную интенсивность, чтобы проникнуть в сознание и активизировать область предсознательного независимо от продолжительности и глубины сна, или они еще недостаточно для этого окрепли и должны быть наготове, пока, перед самым пробуждением, внимание не становится более мобильным и не станет готово воспринять их. Но это также объясняет тот факт, что мы обычно запоминаем сновидения, когда были погружены в глубокий сон, от которого нас внезапно пробудили. В подобных случаях и когда мы просыпаемся сами, нас прежде всего интересует содержание наших впечатлений об этом сновидении, которое было сконструировано процессами, управляющими сновидением, и сразу после этого то, что мы воспринимаем извне.

Но наибольший теоретический интерес вызывают те сновидения, которые способны сами прерывать сон человека. Поскольку в сновидении все целесообразно, можно задаться вопросом: почему сновидение, или, иными словами, бессознательное желание, способно нарушать сон, то

есть осуществлять какое-то предсознательное желание. Объяснение следует искать в том, что нам еще слишком мало известно о психической энергии. Если бы мы обладали такими знаниями, то, возможно, смогли бы понять, что, когда сновидение течет само по себе и привлекает к себе до некоторой степени внимание, оно так экономит энергию, и это можно сравнить с тем, как в состоянии бодрствования наше подсознательное пребывает под контролем. По опыту мы знаем, что сновидение согласуется с состоянием сна, даже если оно несколько раз в течение ночи его прерывает. Человек просыпается на какое-то мгновение – и сразу же засыпает. Так бывает, когда сквозь сон пытаешься отогнать от себя муху и для этого просыпаешься. Как только мы устранили эту помеху, можно снова заснуть. Как продемонстрировали нам примеры со спящей кормящей матерью или кормилицей, которые мы приводили в этой книге, осуществление желания продолжать спать совершенно совместимо с психическим процессом, когда человек пытается сконцентрировать внимание в определенном направлении.

В силу того что у нас уже есть достаточно глубокие знания об области бессознательного, у нас возникает одно возражение. Я сам утверждал, что бессознательные желания всегда активны. Но в состоянии бодрствования они недостаточно сильны, и мы к ним не прислушиваемся. А если во сне бессознательное желание может формировать сновидение и так активизировать область предсознательного, то почему эта способность исчезает после того, как мы осознали это сновидение? Почему бы сновидению не возникать снова и снова, как назойливая муха, которая возвращается, сразу же после того, как от нее отмахнулись? И почему это мы утверждаем, что сновидения устраняют какие-то помехи и беспокойство во время сна?

Бессознательные желания действительно всегда остаются активными. Они указывают путь, по которому можно пройти, как только в этом направлении возникают сигналы возбуждения. Особенность бессознательных процессов в том и заключается, что их невозможно разрушить. В бессознательном ничего нельзя завершить, в нем ничто не проходит и ничто не забывается. Особенно ярко это проявляется при изучении неврозов, в особенности истерии. Ход мыслей из области бессознательного, которые получают разрядку в истерическом припадке, снова активизируется, как только накопится раздражение достаточной силы. Заболевание тридцатилетней давности, проникнув к источникам бессознательных аффектов, сохраняет свою силу в течение всех тридцати лет. Как только всплывает воспоминание о нем, как оно сразу же активизируется и выявляется его связь с раздражением, которое в припадке находит моторную разрядку. Вот где в дело вмешивается психотерапия, задача которой – справиться с гнетом бессознательного и забыть об этом. Поскольку ослабление воспоминаний и эмоциональная слабость давних впечатлений, которые мы привыкли воспринимать как очевидные и объяснять их как первичные проявления воспоминаний, зафиксированных в мыслительных процессах, это на самом деле вторичные модификации, которые можно выявить лишь благодаря кропотливой работе. Эту работу выполняет область предсознательного, а *психотерапия может лишь подчинить систему Бзс. системе Прс.*

Итак, существуют два варианта завершения каждого подсознательного процесса возбуждения. Он может развиваться автономно, и тогда он в какой-то момент вырвется наружу и получит разрядку возбуждения в моторной сфере – через движение, или же он подвергнется воздействию области пред-сознательного, и тогда раздражение не получает *разрядку,* а подвергается ограничениям, которые на него возлагает область предсознательного. *По этому второму сценарию и развивается процесс сновидения.* Энергетический заряд, проникающий в сновидение из системы Прс, на полпути встречается с ним после того, как стал доступным для восприятия, потому что его направило туда возбуждение из области сознательного, и он соединяется с бессознательным возбуждением в сновидении, обезвреживая его и не давая ему стать для этого сновидения помехой. Если человек на мгновение просыпается, то он действительно отгоняет от себя докучливую муху, которая мешала ему спать, то нам сразу становится понятно, что гораздо правильнее и эффективнее выпустить на свободу бессознательное желание, открыть для него путь к регрессии, чтобы оно сформировало сновидение, и затем завершить это сновидение и избавиться от него благодаря усилию из области предсознательного, а не пытаться во сне взять под контроль бессознательное на протяжении всего сна. Мы могли предполагать, что сновидение, даже если первоначально оно и не было целенаправленным процессом, могло приобрести какую-то функцию в хитросплетении мыслительных процессов. Мы теперь понимаем, что это за функция. Сновидение поставило

перед собой задачу подчинять освобожденное раздражение бессознательной системы системе предсознательной; при этом оно служит средством разрядки раздражения из системы Бзс, становится барьером на его пути и при этом не пропускает в сон предсознательное за счет незначительного ограничения способности к передвижению. Итак, подобно другим аналогичным психическим структурам, частью которых оно является, оно приходит к компромиссу; оно обслуживает обе системы, осуществляя желания той и другой, поскольку эти желания, безусловно, совместимы. Мы хотели бы напомнить читателям о теории Роберта (Robert, 1886) в первой главе нашей книги, и мы сразу же убедимся, что в основном следует согласиться с основным тезисом этого ученого в том, что касается функции сновидения, хотя его методологические предпосылки и его взгляд на процессы в сновидениях отличаются от наших[481].

Утверждение о том, что «поскольку оба желания совместимы», содержит в себе указание на те возможные случаи, когда сновидение не в состоянии успешно выполнять свои функции. Процесс сновидения может начаться как осуществление желаний в системе Бзс, но если такая попытка осуществления желания так резко обрушивается на систему предсознательного, что она не в состоянии дальше способствовать продолжению состояния сна, то тогда сновидение нарушает компромисс и не выполняет вторую часть своей задачи. Тогда оно немедленно прерывается, и наступает полное пробуждением. Но не сновидение виновато в том, что сон прерывается, если оно теперь *прерывает* сон, вместо того чтобы, как обычно, *сохранять* сон. Это не единственный случай, когда обычно целесообразный фактор становится нецелесообразным, как только в условиях, отвечающих за его возникновение, происходят какие-то перемены; в этих случаях возникшая помеха также направлена на определенную цель: она указывает на такие изменения и заставляет принять меры к ее устранению. Я здесь имею в виду беспокойные и пугающие сновидения; чтобы читатель не подумал, что я избегаю этой темы оттого, что она может пошатнуть мою теорию сновидений как осуществления желаний, я постараюсь, хотя бы в общих чертах истолковать подобные сновидения.

Мы уже не видим противоречия в том, что психический процесс, который провоцирует чувство страха, при этом может быть средством осуществления какого-то желания. Мы знаем, что это явление объясняется тем, что желание относится к системе *Бзс,* которое было отвергнуто и подавлено системой *Прс*[482]. Даже у психически здоровых людей система *Бзс.* не подчиняется полностью системе *Прс,* и то, до какой степени это происходит, свидетельствует о состоянии нашего психического здоровья. Невротические симптомы демонстрируют нам конфликт этих систем друг с другом; они являются компромиссными результатами этого конфликта, которые способствуют его прекращению в данный момент. С одной стороны, они служат способом разрядки возбуждения в системе *Бзс,* а с другой – дают возможность системе *Прс.* до некоторой степени взять контроль над системой Бзс. Было бы интересно, например, исследовать значение какой-нибудь истерической фобии. Например, человек, страдающий неврозом, не в состоянии идти по улице в одиночестве; это мы обоснованно считаем болезненным симптомом. Если же мы попытаемся устранить этот симптом и заставим пациента сделать то, на что он, по-видимому, не способен, то у него возникнет приступ страха; и такой приступ на улице уже нередко был для него поводом к развитию агорафобии. Итак, мы можем убедиться в том, что такой симптом необходим для того, чтобы предотвратить появление этого страха; фобия представляет собой нечто вроде защитного барьера от этого страха.

Мы не можем продолжить обсуждение этой проблемы, не изучив роли аффектов в этих процессах; но нам пока мало известно об этом. Для начала выдвинем тезис о том, что подавление системы *Бзс.* необходимо, прежде всего, для того, чтобы свободный поток мыслей в системе *Бзс.*сформировал аффект, который вначале был приятным, а после того как подвергся процессу подавления, он стал неприятным. Такое подавление стремится не допустить, чтобы эти неприятные чувства возникли. Оно охватывает все мысли системы *Бзс.* потому, что именно оттуда и возникает аффект, что следует из особой природы формирования такого аффекта[483], – это моторные или секреторные функции, которые провоцируются и иннервируются мыслями в системе *Бзс.* Поскольку в данный момент доминирует система *Прс,* эти мысли до некоторой степени затормаживаются и не могут способствовать формированию импульсов, контролирующих аффекты. Если прекращается насыщение психической энергией из системы

Прс, то бессознательные импульсы могут сформировать аффект, который вследствие ранее испытанного вытеснения может выразиться в форме дискомфорта или страха.

Эта опасная ситуация возникает, если процессы, регулирующие сновидение, становятся бесконтрольными. Условиями для этого являются процессы подавления, и подавленные импульсы, направленные на осуществление желаний, могут значительно усилиться. Они выходят за психологические рамки формирования сновидений. Если бы мы не обсуждали сейчас причины возникновения такого беспокойства лишь в силу высвобождения Бзс. во время сна, я бы воздержался от обсуждения тревожных сновидений и не утруждал бы себя на страницах этой книги разъяснением всех этих запутанных деталей, которые связаны с этим явлением.

Учение о тревожных сновидениях относится, как я уже упоминал, к области психологии неврозов[484]. Более нам к этому нечего добавить, как только мы указали на то, каким образом это связано с процессами в сновидениях. Но, как я говорил, невротический страх имеет сексуальную подоплеку, и я могу подвергнуть анализу тревожные сновидения, чтобы в мыслях, которые их спровоцировали, выявить наличие сексуального материала[485].

У меня есть веские основания воздержаться от обсуждения тех примеров, о которых мне рассказали мои пациенты, страдавшие неврозами, и потому я предпочитаю рассмотреть тревожные сновидения детей или юношей.

У меня самого уже очень много лет не было ни одного настоящего тревожного сновидения. В возрасте семи или восьми лет мне что-то подобное приснилось; лет тридцать спустя я подверг его толкованию. Оно было чрезвычайно живо и отчетливо, и в нем мне приснилась моя *любимая мать с каким-то странным, неестественно спокойным, словно застывшим выражением лица; ее внесли в комнату и положили на постель два (или три) существа с птичьими клювами.* Я проснулся, истерически рыдая, и разбудил родителей. Думаю, что эти странно одетые, длинные существа с птичьими клювами проникли в мой сон из иллюстраций к Библии в издании Филиппсона[486]: это, должно быть, были боги с ястребиными головами из египетского надгробного барельефа. Потом в ходе анализа мне вспомнился один скверный мальчишка, сын консьержки, который всегда играл с нами на лужайке перед домом; я почти уверен, что его звали Филипп. Кажется, именно от него я впервые услыхал грубое слово, обозначавшее половой акт, вместо которого образованные люди используют латинский термин «копуляция», на что явно намекали ястребиные головы[487]. О сексуальном значении этого слова я догадался, по всей вероятности, по выражению лица моего старого учителя, который много чего повидал на этом свете. Выражение лица матери в этом сновидении было похоже на выражение лица моего деда, которого я видел за несколько дней до его смерти, когда он лежал в коме. Вторичная переработка в этом сновидении сформировала образ смерти моей матери, об этом же говорил и надгробный барельеф. Потому я и проснулся от страха и не успокоился до тех пор, пока не разбудил родителей. Я вспоминаю, что увидел лицо матери и тотчас же затих – словно мне именно нужно было именно это утешение: понять, что она не умерла. Это вторичное толкование сновидения совершилось под влиянием уже сформированного страха. Я боялся не потому, что мне приснилось, что мать умерла; я истолковал это сновидение в его предсознательной обработке так потому, что в то время уже находился под влиянием страха. Страх же при помощи вытеснения сводится к смутному, несомненно сексуальному чувству, которое выразилось в зрительных образах этого сновидения.

Одному 27-летнему мужчине, который уже больше года страдал от тяжелого недуга, в возрасте между 11 и 13 годами несколько раз снилось, *что за ним гонится какой-то человек с топором; он хочет бежать, но словно прирос к земле и не может сделать ни шагу.* При этом он каждый раз испытывал сильный страх. Это прекрасный пример чрезвычайно типичного тревожного сновидения, в котором невозможно заподозрить сексуальный подтекст. Когда был проведен анализ этого сновидения, то человек, которому это приснилось, вспомнил про один рассказ своего дяди, на которого напал ночью на улице какой-то подозрительный человек, и он сам пришел к выводу, что во сне тоже слышал, вероятно, о таком же происшествии. Он вспоминает, что как раз в тот же период однажды поранил себе топором руку, когда рубил дрова, – вот откуда взялся топор в сновидении. Потом он вспомнил о своих взаимоотношениях с младшим братом, которого он часто бил и обижал; особенно ему запомнился случай, когда он так пнул брата сапогом в голову, что у того пошла кровь, и его мать тогда сказала: «Я боюсь, что он когда-нибудь его убьет». Остановившись на теме проявления насилия, он вдруг вспоминает

один эпизод из детства, когда ему было девять лет. Родители вернулись однажды вечером поздно домой; он притворился спящим, они легли спать, он услыхал вскоре тяжелое дыхание и другие звуки, и мог догадаться об их положении в постели. Его дальнейшие мысли показывают, что он проводит аналогию между этими отношениями родителей и своим отношением к младшему брату. То, что происходило между родителями, он счел также проявлением насилия, и таким образом, как и у многих других детей, у него в голове возникла садистская интерпретация коитуса. Доказательством этого служило то, что он часто замечал кровь в постели матери. Что сексуальные отношения взрослых вызывают у детей, которые становятся свидетелями этого, страх, мы можем наблюдать повсеместно. Я объясняю этот страх тем, что тут идет речь о сексуальном возбуждении, которое недоступно детскому пониманию, которое потому еще встречает сопротивление, что оно связано с родителями, и от этого у детей возникает страх. В более ранний период жизни сексуальное влечение к родителю противоположного пола не подвергается вытеснению и проявляется, как мы видели, вполне свободно.

Я, без сомнений, объяснил бы и ночные приступы страха с галлюцинациями, которые так часто встречаются у детей *(pavor nocturnus)*. И они могут быть связаны сексуальными импульсами, которые детям непонятны и потому подвергаются подавлению. Если провести их исследование, то можно выявить некоторую периодичность подобных приступов, поскольку повышение уровня сексуального либидо может быть вызвано как случайными возбуждающими впечатлениями, так и постоянными, волнообразными явлениями, связанными с процессом развития.

У меня нет в распоряжении наблюдений, которые подтверждали бы это объяснение[488].

А педиатры не разделяют точку зрения, которая дает возможность как соматической, так и психической интерпретации целого ряда подобных явлений. Не могу удержаться, чтобы не привести здесь забавный пример того, как распространенные в медицинской среде мифы могут помешать наблюдателю понять подобные пограничные состояния. Приведу пример мнения о pavor nocturnus, которое высказывает Дебаке (Debacker, 1881).

Один болезненный тринадцатилетний мальчик стал боязливым и робким; его беспокоили тревожные сны, и практически регулярно, раз в неделю, он просыпался от ужасного припадка страха с галлюцинациями. Воспоминания об этих сновидениях были всегда очень отчетливы. Он рассказывал, что ему снился дьявол, который кричал: «А, попался!!» Кругом воняло смолой и серой, и кожу мальчика обжигало пламя. В ужасе просыпаясь после таких сновидений, он в первую минуту был не в силах закричать, но потом голос возвращался к нему, и слышно было, как он бормочет: «Нет, нет, не меня, я не сделал ничего такого» или «Пожалуйста, не надо!» Однажды он сказал даже: «Альберт не делал этого!» Он перестал раздеваться, потому что, по его словам, «пламя обжигало его, только когда он был раздет». Сновидения эти грозили подорвать его здоровье, и его увезли в деревню. После полуторагодового пребывания там он пришел в себя и потом некоторое время спустя признался, что его беспокоило: «Я не осмеливался признаться в том, что постоянно испытывал покалывание и повышенное возбуждение в области *мошонки*[489]; в конце концов, это настолько выводило меня из себя, что я думал выброситься из окна спальни». Нетрудно догадаться, что: (1) этот мальчик раньше занимался мастурбацией, но не хотел сознаться в этом, и ему постоянно угрожали за это наказанием. (Потому что он обещал: «Я больше не буду», «Альберт никогда не делал этого»); (2) в пубертатный период у него снова возникло желание мастурбировать, но: (3) его внутреннее сопротивление подавило его либидо и преобразовало его в страх, который затем вытеснил мысли о наказаниях, которыми ему пригрозили раньше.

Разрешите представить вам выводы автора исследования, которое проводилось с этим мальчиком (там же).

«Из нашего исследования следует, что:

1. Половая зрелость у юношей со слабым здоровьем может вызвать состояние общей слабости и *ярко выраженную анемию мозга*[490].

2. Подобная анемия мозга вызывает изменения в характере молодого человека, демонические галлюцинации и чрезвычайно сильные ночные, а временами и дневные проявления чувства страха.

3. Демономания и самобичевание этого мальчика обусловлены воздействием на него в детстве строгого религиозного воспитания.

4. Все эти явления благодаря продолжительному пребыванию на воздухе, физическим упражнениям и восстановлению сил после наступления пубертатного периода исчезали.

5. Эти проявления мыслительной деятельности у подростка обусловлены наследственностью и застарелым сифилисом его отца».

И в заключение:

«Это наблюдение мы считаем примером навязчивого, апиритического бреда, поскольку связываем это особое состояние с церебральной ишемией (недостаточностью кровообращения мозга)».

Д. Первичный и вторичный процессы – вытеснение

Стремясь глубже проникнуть в психологию процессов сновидения, я поставил перед собой чрезвычайно трудную задачу, которая навряд ли для меня выполнима. Элементы этого сложного целостного явления, которые в действительности происходят одновременно, в моем описании могут быть представлены лишь последовательно, и, представляя их один за другим, я смог не забегать вперед, размышляя о том, на какой основе они развиваются: иначе мне было бы с ними не справиться. Это происходит оттого, что я при исследовании психологии сновидений не могу следовать за историческим процессом развития моих собственных взглядов. Моя точка зрения в отношении сновидений сформировалась с учетом работ моих предшественников в области психологии неврозов, на которые я здесь не могу опираться. Но мне приходится постоянно упоминать о них, поскольку лично мне хотелось бы идти обратным путем, сначала изучая сновидения и лишь после этого перейти к психологии неврозов. Я понимаю, как трудно приходится моим читателям, но что же поделаешь.

Поскольку меня не устраивает такое положение дел, я с удовольствием останавливаюсь, чтобы представить другую точку зрения, которая придает большую ценность затраченным мной усилиям. Я хотел ответить на вопрос, который вызвал столько разногласий среди авторитетных ученых и о котором шла речь в первой главе этой книги. Изучая сновидения, я уделял много внимания такого рода разногласиям. Две подобные точки зрения – что сновидение бессмысленно и что оно представляет собою соматическое явление – мы категорически опровергли. Но многие другие, противоречившие друг другу точки зрения отчасти согласовывались с некоторыми моими сложными тезисами, и я стремился продемонстрировать, что благодаря им отчасти удалось пролить свет на эту проблему.

Тезис о том, что в сновидении продолжаются действия и живут интересы, связанные с состоянием бодрствования, полностью подтвердился открытием факта существования *скрытых мыслей* в сновидении, которые направлены лишь на то, что кажется нам особенно важным и привлекает наш интерес. Сновидение никогда не занимается мелочами. Но мы убедились и в обратном: сновидения накапливают фрагменты нейтральных воспоминаний дня накануне сновидения и не могут осуществлять контроль над важными мыслями из состояния бодрствования, пока они не будут до некоторой степени отделены от действий в этом состоянии. Нам удалось выяснить, что это влияет на *содержание* сновидения, которое выражает мысли в сновидении в измененной форме, под влиянием процесса искажения. В силу тех законов, которые управляют образованием ассоциаций, в сновидение значительно легче проникает недавний или нейтральный материал, еще не взятый под контроль бодрствующим мышлением; благодаря цензуре он переносит психическую интенсивность с того, что существенно, но вызывает протест, на нечто нейтральное.

Сновидениям свойственна гипермнезия, и у них есть доступ к событиям детства – вот два основных тезиса нашей теории сновидений. В ней желания, уходящие корнями в детство, рассматриваются как основной мотив формирования сновидений.

Мы, естественно, не сомневались в экспериментально доказанном значении внешних чувственных раздражений во время сна, но мы полагаем, что этот материал так же зависит от желаний в сновидении, как и фрагменты воспоминаний из состояния бодрствования. Мы согласны с тем, что сновидение перерабатывает объективные чувственные стимулы в иллюзии, но мы выявили оставшийся неясным для большинства исследователей мотив этого изменения. При этом интерпретация происходит так, что воспринимаемый объект не заставляет спящего проснуться и может быть использован для осуществления желания во сне. Но мы не считаем субъективные состояния возбуждения органов чувств во сне, наличие которого безусловно

установил Трамбалл Лэдд (Trumbull Ladd, 1892, см. выше), самостоятельным источником сновидений. Мы можем объяснить его пробуждением воспоминаний вследствие регрессии, которые находятся «за кадром» сновидений. Ощущения во *внутренних* органах, которые так охотно признаются основным источником сновидений, на наш взгляд, играют довольно ограниченную роль. Они – в качестве ощущений, сопровождающих образы падения, полета и невозможности сдвинуться с места, – представляют собой материал, который всегда под рукой, и в случае необходимости он используется процессами, регулирующими сновидения, для изображения мыслей, которые спровоцировали его формирование.

Когда высказывают точку зрения о том, что сновидения протекают быстро и стремительно, это представляется нам вполне правильным, если говорить о восприятии содержания сновидения сознанием; и нам кажется вполне вероятным, что предыдущие стадии этого процесса, наоборот, развиваются более медленно и спокойно. Мы смогли внести свой вклад в разрешение загадки сновидений, богатых разнообразным материалом, который сжат в самые кратчайшие промежутки времени, мы предположили, что в этом случае в сновидении используются те структуры, которые уже проникли в сознание человека заранее. Мы согласны с тем, что в воспоминаниях сновидение искажается, но мы считаем, что это нельзя считать отрицательным явлением, так как это – проявление лишь последней, доступной наблюдению, стадии процесса искажения, который действует с самого начала формирования сновидения. В ожесточенных спорах о том, отключается ли сознание во сне или обладает теми же свойствами, что и в состоянии бодрствования, мы смогли отчасти согласиться с аргументами как с одной, так и другой стороны, хотя ни одну из этих точек зрения полностью не разделяли. В мыслях, которые послужили толчком к формированию сновидения, мы выявили следы чрезвычайно сложной деятельности, в которой задействованы почти все ресурсы душевного аппарата; но нельзя отрицать, что эти мысли сформировались в состоянии бодрствования, и мы допускаем, что психика может погрузиться в сон. Итак, даже теория частичного сна казалась оправданной, хотя мы обнаружили, что состояние сна – это не распад внутренних связей психического аппарата, а концентрация психики, которая активна днем, на желании погрузиться в сон. Тот факт, что происходит отключение сознания от внешнего мира, имеет значение в предложенной нами схеме; именно он обусловливает регрессивный характер репрезентации в сновидениях. Прекращение произвольного потока мыслей в сновидениях не вызывает сомнений, но это не значит, что деятельность психики становится поэтому бесцельной, поскольку, как нам известно, после отказа от произвольных целенаправленных мыслей возникают непроизвольные и начинают контролировать происходящее в сновидении. Мы не только признали слабость ассоциативных связей в сновидении, но и доказали, что они уходят корнями гораздо глубже, чем можно было бы предположить; и мы при этом обнаружили, что такие разветвленные связи просто заменяют другие, значимые и ценные. Мы тоже признавали абсурдность сновидений, но примеры убедили нас в том, что в так называемых абсурдных сновидениях, оказывается, заключен глубокий смысл.

Наше мнение по поводу функций сновидений не отличается от мнения других исследователей. Точка зрения, что сновидения, как защитный барьер, защищают сознание и что, как полагал Роберт (Robert, 1886), в сновидении становятся безвредными многие вредные вещи, не только в точности совпадает с нашей теорией двойного осуществления желаний, но и была нами более подробно разработана по сравнению с тем, что сделал он. Мнение о том, что сознание свободно парит в сновидениях, представлено в нашей теории о деятельности предсознательного, которое придает сновидениями направление. Такие выражения, как «возвращение сознания в сновидениях к эмбриональному состоянию», и замечание Гавеллока Эллиса (Havelock Ellis, 1899) поразительно похожи на наше утверждение о том, что примитивные режимы деятельности сознания, которые подавлялись в течение дня, принимают участие в формировании сновидений. Мы абсолютно солидарны с тем, что сформулировал Салли (Sully, 1893): «В наших снах просто сохраняются эти более ранние формы личности человека, одна за другой. Когда мы засыпаем, мы возвращаемся к нашим старым взглядам на вещи, к тем чувствам, импульсам и действиям, которые были нам свойственны много лет назад» (там же). Точно так же, как и Делаж (Delage, 1891): «то, что подверглось подавлению», стало «движущей силой сновидений».

Мы полностью согласны с той ролью, которую Шернер (Scherner, 1861) приписывает фантазии в сновидении, и самой теорией Шернера в целом, но мы были вынуждены, так сказать, определить ей место в общей схеме разрешения проблем сновидений. Не само по себе сновидение создает фантазию, а бессознательная деятельность этой фантазии принимает те мысли, которые формируют сновидение. Заслуга Шернера в том, что он указал на источник мыслей, которые послужили толчком к формированию сновидения; но почти все, что он приписывает процессам, управляющим сновидениями, на самом деле относится к деятельности бессознательного в состоянии бодрствования, именно оно порождает и сновидения, и невротические симптомы. Нам пришлось выделить «процессы, управляющие сновидениями» в качестве самостоятельного явления, значение которого более ограниченно.

Итак, мы не отказались от обсуждения того, как именно взаимосвязаны сновидения и душевные расстройства, но наша теория построена на иной, новой основе.

Таким образом, нам удалось найти место в разработанной нами схеме сновидений, для самых различных и противоречивых открытий предыдущих исследователей, благодаря новизне нашей теории сновидений, которая объединяет их, так сказать, в схему более высокого порядка. Некоторым из этих открытий мы отвели новую роль, а отвергли очень немногие из них. Но наша конструкция еще не достроена. Стремясь разрешить многие психологические загадки, пытаясь ответить на сложнейшие вопросы, мы, похоже, столкнулись с новым противоречием. С одной стороны, мы говорили, что мысли, которые послужили толчком к формированию сновидения, возникают в результате привычной умственной деятельности, но нам удалось выявить и целый ряд противоречащих норме мыслительных процессов, оказывающих влияние на эти мысли и содержание сновидения, на которых мы затем строим наше толкование сновидений. Все, что мы обозначили терминами «процессы, управляющие сновидениями», вероятно, настолько отличается от известных нам нормальных психических процессов, что даже самые резкие критические суждения некоторых исследователей по поводу слабой активности психики во время сновидений должны представляться абсолютно оправданными.

Вполне вероятно, что мы сможем во всем этом разобраться, продолжив наше исследование. Начнем с более тщательного исследования одной из комбинаций, которые способствуют формированию сновидения.

Как мы уже убедились, сновидение заменяет собой последовательность мыслей, которые связаны с нашим состоянием бодрствования и вполне логично связаны друг с другом. Без сомнений, эти мысли возникают в состоянии бодрствования. В мыслях, которые спровоцировали сновидение, мы можем обнаружить все свойства, которыми обладают и мысли в состоянии бодрствования и которые характеризуют их как сложные продукты высшей нервной деятельности. Но мы не утверждаем, что подобная мыслительная активность происходит во сне – что внесло бы большую путаницу в наши устоявшиеся представления о том, что представляет собой психическое состояние во время сна. Напротив, эти мысли могут быть результатом происходившего накануне сновидения; они могли существовать незаметно для сознания и уже окончательно оформиться к моменту погружения человека в сон. Из этого мы можем заключить, *что самая сложная мыслительная деятельность может происходить без участия сознания;* но это нам известно из психоанализа любого человека, страдающего истерией или навязчивыми состояниями. Эти мысли, которые послужили толчком к образованию сновидения, способны сами проникать в сознание; мы не осознаем их в течение дня в силу целого ряда причин. Сознательное состояние связано с использованием особой психической функции, а именно – функции внимания, которая, похоже, доступна нам лишь в особом состоянии, и при этом наши мысли изменяют свое направление и ориентируются на какую-то определенную цель[491]. Это еще один способ отвлечь поток мыслей из сферы сознательного. Поток наших осознанных размышлений является свидетельством того, что мы следуем по определенному пути, направляя туда свое внимание. Если, следуя по этому пути, мы столкнемся с мыслью, которая не выдерживает нашей критики, поток наших мыслей прерывается: и тогда истощается энергетический заряд нашего внимания. Создается впечатление, что поток мыслей, которые были таким образом инициированы, затем был прерван, продолжает крутиться сам собой, но больше не привлекает к себе внимания, пока в какой-то момент не достигает особенно высокой степени интенсивности, которая притягивает к себе внимание. Так эта цепочка мыслей отвергается (возможно, сознательно) на основе бесполезного или ложного суждения, с точки

зрения тех интеллектуальных задач, которые стоят перед человеком в данный момент. И в результате поток этих мыслей продолжит свое движение, недоступное сознанию, пока человек не погрузится в сон.

Итак, мы называем такой ход мыслей предсознательным, считаем, что он абсолютно рационален, и полагаем, что он может ускользнуть от внимания, просто прерваться или подвергнуться процессу подавления. Теперь о том, как нам видится формирование цепочки таких мыслей. Мы полагаем, что, начиная от целенаправленной мысли, определенный заряд возбуждения, который мы называем «энергетической нагрузкой», подвергается процессу смещения на всем протяжении ассоциативных путей, которые были выбраны под влиянием такой целенаправленной мысли. «Не обращают внимания» на ту цепочку мыслей, которая *не получила* этой энергетической нагрузки; тот поток мыслей, который подвергся «подавлению» или «был отвергнут», *был лишен* этой энергетической нагрузки. В обоих случаях эти мысли предоставлены сами себе в том, что касается импульсов возбуждения. При определенных условиях поток мыслей с целенаправленной энергетической нагрузкой способен привлечь к себе внимание сознания, и в этом случае, опираясь на его ресурсы, он получает «сверх энергетической нагрузки». Теперь нам придется разъяснить свою точку зрения на природу и функции сознания.

Поток мыслей, который подобным образом вписался в область предсознательного, может или спонтанно прекратить свое движение, или продолжить его. В первом случае его энергия, насытившая собой поток мыслей, продолжает свое движение по всем расходящимся от него во все стороны ассоциативным направлениям и повергает всю цепь мыслей в состояние возбуждения, которое на какой-то краткий момент поддерживается, а затем сразу исчезает. В этом случае весь процесс не имеет никакого значения для формирования сновидений. Но в области нашего предсознательного присутствуют и другие целенаправленные мысли, возникающие из источников наших бессознательных и постоянно активно действующих желаний, которые могут захватить контроль над возбуждением тех мыслей, которые свободно двигаются, предоставленные сами себе; они образуют связь между ним и каким-то бессознательным желанием, насыщают его энергией бессознательного, и с этого момента ускользнувший от внимания или подавленный ход мыслей способен сохраниться, но пробиться к сознанию все же не может. Мы можем утверждать, что ход мыслей, который до сих пор протекал как предсознательный, теперь «проник в область бессознательного».

У формирования сновидений могут быть и другие предпосылки: предсознательный ход мыслей с самого начала соединяется с бессознательным желанием и потому наталкивается на сопротивление со стороны основного целенаправленного энергетического заряда; бессознательное желание может стать активным в силу других причин, например в результате соматического импульса, и самостоятельно овладевает фрагментами психики, которые не подверглись энергетическому насыщению со стороны Прс. Все эти три случая сходятся вместе: в предсознательной сфере образуется ход мыслей, который, утратив подкрепление со стороны этой области психики, находит другое, в области бессознательного желания.

Вслед за этим мысли переживают целый ряд преобразований, которые мы уже не рассматриваем как нормальные психические процессы, и в результате которых возникает патологическая психологическая структура. Итак, давайте рассмотрим подробнее эти процессы и составим их классификацию.

(1) Энергетические заряды отдельных мыслей приобретают способность массовой разрядки и переходят от одной мысли к другой так, что формируются новые идеи с повышенным энергетическим насыщением. После многократного повторения этого процесса энергетическая насыщенность целой цепочки мыслей может накопиться в одной из них. Вот это и есть процесс компрессии, или сгущения, с которым мы познакомились при рассмотрении деятельности сновидения. Именно из-за него и формируется такое странное впечатление от сновидения, потому что в обычной, доступной сознанию жизни мы ни с чем подобным не сталкиваемся. В обычной жизни мы имеем дело с множеством цепочек мыслей, обладающих мощным психическим значением; но эта значимость не выражается на *сенсорном* уровне, доступном внутреннему восприятию; и связанная с этим мысль не становится энергетически нагруженной. Но в процессе сгущения все психические связи трансформируются. И их мыслительное содержание становится более энергетически нагруженным и *интенсивным.* Это как важное слово

в книге, которое я прошу, чтобы привлечь к нему внимание, набрать жирным шрифтом. В разговоре я произнес бы это слово громко, медленно и с ударением. Первое сравнение напоминает пример процессов в сновидении *(триметиламин* в сновидении об инъекции Ирме. Историки искусства привлекают наше внимание к тому, что древнейшие исторические скульпторы следуют тому же принципу, выражая степень общественного положения изображаемых лиц, увеличивая размер статуи. Царь изображается вдвое или втрое выше, чем его свита или поверженный враг. Произведения скульптуры эпохи Древнего Рима для достижения тех же целей используют более утонченные выразительные средства. Скульптор поместит фигуру императора посредине, придаст ему величественную осанку, украсит его фигуру, расположит врагов у его ног, но уже не станет изображать его великаном среди карликов. Когда мы кланяемся кому-то, кто занимает более высокое положение в социальной иерархии, это представляет собой отголосок тех далеких времен и воспроизводит то же самое старинное выразительное средство.

Направление, по которому протекает процесс сгущения сновидения, зависит, с одной стороны, от логики предсознательной связи между мыслями, которые стали толчком к формированию сновидений, и, с другой стороны, от активизации зрительных воспоминаний в сфере бессознательного. Результат процесса сгущения направлен на достижение тех энергетических зарядов, которые необходимы для сопротивления системам восприятия.

(2) Благодаря свободному перенесению энергетической напряженности и в целях сгущения образуются мысли-связки – своего рода компромиссы (ср. многочисленные примеры выше. Это совершенно не свойственно нормальному процессу мышления, в котором прежде всего выбираются и фиксируются «правильные» элементы мыслей. А вот сложные и компромиссные образования встречаются очень часто, когда мы подыскиваем словесные выражения предсознательных мыслей. Их часто рассматривают как один из вариантов так называемых «оговорок».

(3) У мыслей, которые переносят свою энергетическую нагрузку друг на друга, чрезвычайно слабые связи друг с другом, и они объединяются друг с другом такими ассоциациями, которые ускользают от нашего мышления и используются только в остроумной игре слов. Особенно много ассоциаций можно выявить на основе омонимов и сходства глаголов, между которыми устанавливается знак равенства.

(4) Те мысли, которые противоречат друг другу, не стремятся друг друга уничтожить, они существуют параллельно друг другу, и очень часто, словно и не было никакого противоречия между ними, они объединяются в продукты сгущения или стремятся к компромиссам, которые мы никогда не допустили бы в обычном состоянии мышления, но с которыми согласуются наши действия.

Вот некоторые из наиболее распространенных, не привычных нам процессов, которым подчиняются мысли в сновидении, до того бывшие рациональными. Как мы убедимся, основной характеристикой этих процессов является то обстоятельство, что основной акцент здесь приходится на придание энергетической нагрузке подвижности и способности к разрядке; содержание и соответствующее значение здесь менее важны. Можно было бы предположить, что сгущение и образование компромиссов происходит лишь для осуществления процесса регрессии, если речь идет о превращении мыслей в образы. Но в ходе анализа и тем более синтеза сновидений, в которых отсутствует регрессия, как, например, в сновидении «исправление собственной ошибки – разговор с чиновником Н.», проявляются те же процессы сгущения и вытеснения.

Итак, мы приходим к выводу, что в формировании сновидений принимают участие два различных психических процесса. Один из них порождает абсолютно рациональные мысли в сновидении, которые ничем не отличаются от мыслей в состоянии бодрствования; а в результате другого с мыслями происходит нечто абсолютно невразумительное и иррациональное. Последний процесс мы уже рассмотрели в главе VI как одно из свойств сновидения. Каково происхождение этого процесса?

Мы не смогли бы ответить на этот вопрос, если бы не приступили к тщательному изучению психологии невроза, в особенности истерии, при этом мы выяснили, что те же иррациональные психические процессы, наряду с другими, о которых мы не упоминали, способствуют образованию истерических симптомов, но начнем с того, что нам ничего не известно о такой

форме их существования, и мы можем выявить их лишь постепенно. Если они когда-нибудь становятся доступны нашему восприятию, то при анализе сформировавшегося симптома мы выясняем, что эти нормальные мысли подверглись анормальному воздействию: *они были трансформированы в симптом посредством сгущения и образования компромиссов, с помощью поверхностных ассоциаций, игнорируя возникающие при этом противоречия, а также с помощью регрессии.*Поскольку особенности процессов, управляющих сновидением, и психическая деятельность, которая продуцирует психоневротические симптомы, абсолютно идентичны, то мы считаем оправданным применять в отношении сновидений те выводы, к которым мы пришли при изучении истерии.

Из теории истерии мы заимствуем и утверждение о том, *что нормальный поток мыслей лишь подчиняется анормальным психическим воздействиям, подобные которым мы уже определили как подсознательные желания, которые корнями уходят в детство, и, поскольку они подверглись подавлению, были перенесены на эти мысли.* В соответствии с этим принципом мы сформулировали теорию сновидений, предположив в ней, что желание в сновидении, которое представляет собой мотивирующую силу, обязательно обусловлено тем, что происходит из области бессознательного, что, как мы сами признавались, не всегда можно доказать, но и нельзя опровергнуть. Но чтобы точнее определить, что именно представляет собой процесс «вытеснения», с которым мы уже неоднократно сталкивались, нам придется продолжить несколько возведение нашей психологической конструкции.

Мы уже подробно рассматривали функции примитивного психического аппарата, процессы в котором стремились избежать накопления возбуждения и по возможности уклоняться от него. В основе этого психического аппарата лежали рефлексы; моторика, как путь к внутреннему изменению тела служила способом разрядки накопившегося напряжения. Затем мы обсуждали психические последствия «переживания удовлетворения», в связи с этим выдвинули другую гипотезу: что скопившееся возбуждение (каким образом это произошло, нас не интересует), переживается в форме неприятного ощущения и приводит аппарат в движение, чтобы снова испытать чувство удовлетворения, при котором разрядка этого возбуждения приносит приятные ощущения. Это целенаправленное движение внутри психического аппарата, которое начинается с неприятного чувства и нацелено на получение удовольствия, мы обозначаем термином «желание»; мы утверждали, что именно это желание и приводит в движение психический аппарат и что процесс возбуждения в нем автоматически регулируется приятными и неприятными чувствами. Первым желанием, скорее всего, было воспоминание-галлюцинация чувства удовлетворения. Но если подобные галлюцинации не отреагированы полностью, то не вызывают чувства удовлетворения потребности, то есть приятного чувства, связанного с удовлетворением.

Затем стал необходимым второй психический процесс – или, как мы это формулируем, второй вид деятельности второй системы, которая не допускала бы выхода заряда энергетической нагрузки за пределы системы восприятия и ограничивала деятельность психических сил, а отвлекала бы возникающий процесс возбуждения от самой потребности по обходному пути и в конечном счете непроизвольно изменяла бы внутренний мир так, что можно было бы в действительности воспринимать объект, соответствующий удовлетворению этой потребности. Мы уже представили в этой книге нашу схему психического аппарата; и обе эти системы представляют собою то, что в полностью сформированном психическом аппарате мы обозначили системами Бзс. и Прс.

Чтобы с помощью движений эффективно воздействовать на внешний мир, внося необходимые изменения, необходимо накопить значительный опыт в системах воспоминаний и запомнить большое количество ассоциаций, которые возникают в памяти под воздействием различных целенаправленных идей. Теперь мы можем сделать еще один шаг вперед в развитии нашей гипотезы. Деятельность этой второй системы, которая постоянно интуитивно нащупывает свой путь, а иногда продуцирует энергетический заряд или уклоняется от него, с одной стороны, испытывает потребность в полном объеме воспоминаний, но, с другой стороны, было бы неразумным расходом энергии, если бы она направляла большое количество энергетической нагрузки параллельно потоку мыслей, и, таким образом, сновидение отклонялось бы от какой бы то ни было полезной цели, растрачивая энергию, необходимую для взаимодействия с внешним миром. Итак, я выдвигаю тезис о том, что это было бы целесообразно, и предполагаю, что второй

системе удастся сохранить большую часть энергии и использовать при процессе смещения лишь ее незначительную часть. Механизм этих процессов мне совершенно неизвестен; всем, кто захотел бы заняться серьезным исследованием этого процесса, я бы рекомендовал опираться на аналогичные явления из области физиологии и выявить способ изобразить подобное движение, которое сопровождает возбуждение нейронов. Я лишь с уверенностью могу утверждать, что деятельность *первой* ψ-системы направлена на то, чтобы обеспечить свободную разрядку разных объемов возбуждения, а *вторая* ψ-система с помощью исходящей от нее энергетической нагрузки успешно *подавляет* эту разрядку и переводит эту энергетическую нагрузку в латентное состояние, и при этом, без сомнения, ее энергетический потенциал повышается. Итак, я предполагаю, что под воздействием второй системы разрядка возбуждения происходит при совершенно иных механических условиях, в отличие от той силы, которая действует как основная в первой системе. Как только вторая система завершила свою исследовательскую мыслительную деятельность, она ослабляет свое угнетающее воздействие на процессы возбуждения и позволяет им получить разрядку в двигательной деятельности.

Мы можем обнаружить нечто весьма интересное, если задумаемся над взаимодействием подобного подавления разрядки возбуждения, которое осуществляется второй системой, и регуляцией, которая осуществляется посредством принципа неудовольствия[492]. Рассмотрим нечто противоположное первичному состоянию удовлетворения – а именно то состояние, когда под воздействием внешних факторов возникает чувство страха. Давайте предположим, что на примитивный психический аппарат здесь воздействует некий внешний символ, который является источником болезненного возбуждения. В результате этого воздействия будут продолжаться беспорядочные моторные действия до тех пор, пока одно из них не защитит психический аппарат от воздействия этого внешнего источника раздражения; при его повторении будут повторяться и эти действия (например, готовность к бегству) до тех пор, пока этот внешний стимул вновь не исчезнет. В этом случае не возникнет тенденции к вторичной энергетической нагрузке восприятия источника боли, галлюцинаторно или каким-то иным способом. Наоборот, в примитивном психическом аппарате будет заложена склонность тотчас же по пробуждении после этого неприятного воспоминания от него уклониться, если вдруг оно снова возникнет, по той причине, что исходящее от него возбуждение заполнит собой канал восприятия и возникнет чувство неудовольствия (или, точнее, оно начнет формироваться). Уход от того воспоминания, которое лишь повторяет предыдущую попытку уклониться от этого переживания, упрощается оттого, что память, в отличие от восприятия, не обладает необходимыми свойствами для возбуждения сознания и, таким образом, не может привлечь к себе свежий заряд энергетической нагрузки. Это не требующее никаких усилий и регулярно совершающееся отклонение психического процесса от воспоминания о чем-либо, в свое время неприятном, и является первым примером *психического вытеснения*. Нам известно, сколько таких попыток избегать того, что неприятно, – и занимать «страусиную позицию», – присутствует в нормальном сознании взрослых людей.

Вследствие принципа неудовольствия первая ψ-система не в состоянии помыслить о чем-то неприятном. Она имеет дело лишь с желаниями. Но если бы она остановилась на этом, то на пути мыслительной деятельности второй системы возникли бы серьезные препятствия, поскольку ей необходим доступ ко *всем* хранящимся в памяти воспоминаниям. Здесь есть два варианта: либо деятельность второй системы освобождается от зависимости от принципа неудовольствия и продолжает двигаться дальше, не обращая внимания на неприятные воспоминания, или она находит возможность так подвергнуть угнетению какое-то неприятное воспоминание, что оно не вызовет неприятного ощущения. Первую возможность мы отвергаем, так как принцип неудовольствия регулирует и процесс возбуждения во второй системе; итак, лишь вторая система, которая так воздействует на эти воспоминания, что угнетает процесс их разрядки, включая и само подавление этой разрядки (это сравнимо с моторной иннервацией в том направлении, в котором развиваются неприятные ощущения). На гипотезу о том, что энергетическая нагрузка второй системы предполагает одновременное угнетение разрядки возбуждения, нас наводят мысли о двух явлениях: принципе неудовольствия и (как указывалось в предыдущем абзаце) принципе минимального расхода энергии при иннервации. Давайте прочно запомним, поскольку именно в этом и состоит ключ ко всему учению о вытеснении, – *что вторая система может осуществить энергетическую нагрузку какой-то*

мысли лишь в том случае, если она способна угнетать исходящее от него неприятное ощущение. То, что не подвергается подобному угнетению, будет недоступным для второй системы, как и для первой тоже, поскольку от этого откажутся в соответствии с принципом неудовольствия. Подавление принципа удовольствия может быть и неполным: оно может начаться, поскольку именно так вторая система узнает, к какому именно воспоминанию у нее открывается доступ, и о том, что подобное воспоминание может оказаться непригодным для цели, на которую направлен в этом случае мыслительный процесс.

Я предлагаю обозначить термином «первичный процесс» тот психический процесс, протекающий только в первой системе; а тот, который возникает в результате угнетения второй системы, – «вторичным процессом»[493].

Существует и другая причина, по которой, как я в состоянии доказать, второй системе приходится корректировать первичный процесс, который способствует разрядке напряжения, чтобы с помощью накопленного таким образом возбуждения можно было бы установить «перцептивную идентичность» (и ощущение удовлетворения. Вторичный процесс на это не направлен, у него другая задача – способствовать идентичности *мышления* (с таким же ощущением). Мышление – это лишь обходный путь от воспоминания об удовлетворении потребности (воспоминании, которое хранится в памяти в качестве целенаправленной мысли) до идентичного овладения тем же воспоминанием, что снова становится возможным благодаря промежуточным моторным действиям и переживаниям. Мышление должно соединять мысли друг с другом, не давая вводить себя в заблуждение *интенсивностью* их проявления. Но совершенно очевидно, что сгущение мыслей, а также промежуточные и компромиссные структуры препятствуют достижению этой цели; заменяя одну мысль другой, они отклоняются от своего начального. Подобных процессов вторичное мышление тщательно избегает. Нетрудно понять, что принцип неудовольствия возводит препятствия в самых важных узловых точках на пути мыслительного процесса к достижению идентичности мышления. Потому мышление должно быть направлено на освобождение от исключительного господства принципа неудовольствия, и при этом роль аффектов в мышлении сводится к минимуму, и они используются лишь в качестве сигнала[494]. Добиться такого совершенства функций можно с помощью дальнейшей сверхэнергетической нагрузки, которую осуществляет сознание. Но нам известно, что это происходит чрезвычайно редко даже в абсолютно нормальном сознании: наше мышление постоянно подвергается фальсификации со стороны принципа неудовольствия.

Но это не представляет собой пробела в функциональной эффективности нашего аппарата сознания, благодаря которому мысли, появившиеся в результате вторичной мыслительной деятельности, подвергаются воздействию первичного психического процесса. Этой формулой мы и воспользуемся теперь для изображения процесса, в результате которого формируются и сновидение, и истерические симптомы. Когда совпадают два фактора истории нашего развития, эта система начинает работать неэффективно. Один из этих факторов полностью обусловлен аппаратом сознания и оказывает решающее воздействие на взаимосвязь этих двух систем, а другой развивается сам собой и в нем проявляются инстинктивные силы органического происхождения, вторгающиеся в сознание. И то и другое корнями уходят в детство и являются продуктом различных изменений, которые происходят с нашим сознанием и телом с самого раннего детства.

Когда я охарактеризовал один из психических процессов как «первичный», я имел в виду не только степень важности этих процессов по отношению друг к другу или степень их эффективности; я также стремился в этом названии отразить хронологию этих процессов. Насколько нам известно, не существует психического аппарата, который обладал бы всего лишь первичными процессами, поэтому такое образование представляет собой теоретическую абстракцию. Но вот какой факт: первичные процессы присутствуют в психике с самого начала жизни, а вторичные развиваются постепенно, угнетают первичные, но достигают полного господства лишь в зрелом возрасте. Оттого что вторичные процессы формируются позже, суть нашей личности, состоящая из бессознательных импульсов, направленных на осуществление желаний, остается недоступной для понимания и не поддается угнетению со стороны области предсознательного, его роль сразу же ограничивается тем, что они направляют наши импульсы, направленные на удовлетворение желаний, которые зарождаются в сфере бессознательного. Такие бессознательные желания управляют всеми направлениями мысли, которые

сформируются позднее, этой силе они вынуждены будут подчиняться или постараются обойти и направиться на более возвышенные цели. Еще одним результатом того, что вторичные процессы формируются позднее, является то обстоятельство, что довольно обширная область мнемического материала становится недоступной для энергетической нагрузки из области предсознательного.

Среди этих импульсов, направленных на осуществление желаний, которые зародились в раннем детстве, которые нельзя ни разрушить, ни подвергнуть подавлению, существуют такие, осуществление которых будет противоречить целенаправленным мыслям из области вторичных процессов. Осуществление этих желаний вызвало бы уже не удовольствие, а неприятие, и *подобная смена аффектов составляет сущность того, что мы называем «вытеснением».* Чтобы понять, что такое «вытеснение», необходимо выяснить, каким образом, при участии каких движущих сил происходит подобная трансформация, но эту проблему мы здесь будет обсуждать весьма поверхностно[495]. Мы просто уточним, что подобная трансформация аффектов происходит в процессе развития человека – например, чувство отвращения у человека возникает не сразу – и что она обусловлена вмешательством процессов второй системы. Воспоминания, из которых бессознательное желание формирует аффекты, никогда не бывают доступны системе Прс; и потому такое проявление аффектов и не подвергается угнетению. Именно благодаря этому проявлению аффектов эти мысли теперь недоступны и для предсознательных мыслей, которые они наполнили силой своих желаний. Здесь проявляется принцип неудовольствия, побуждая систему *Прс.*отвергнуть эти мысли. Тогда они становятся предоставлены самим себе, то есть подвергаются «вытеснению», – именно так и проявляется множество детских воспоминаний, которые с самого начала не могли пробиться в область *Прс,* это и становится *sine qua non* — основным условием вытеснения.

В самых благоприятных случаях неприятные ощущения прекращаются, как только система *Прс.*отвергает эти мысли; так проявляется целесообразность вмешательства принципа неудовольствия. Все происходит иначе, когда вытесненное бессознательное желание получает органическое подкрепление, которым оно может наполнить свои мысли; таким образом, они могут последовать за связанным с ними возбуждением, даже если утратили энергетическую нагрузку из области *Прс.*Начинается оборонительная война – система *Прс,* в свою очередь, сопротивляется вытесненным мыслям, то есть продуцирует антиэнергетическую нагрузку. И с этого момента перенос мыслей, которые являются средством перемещения подсознательных желаний, прокладывает им путь к своеобразному компромиссу, который достигается при формировании симптома. Но с этого момента вытесненные мысли получают мощную энергетическую нагрузку со стороны бессознательного импульса, направленного на осуществление желания, а с другой стороны, на них перестает действовать энергетическая нагрузка из области предсознательного, они подвергаются воздействию первичных психических процессов и стремятся к разрядке в области моторики, или, если путь для них открыт, к оживлению этого желания в галлюцинациях желаемой чувственной идентичности. Нам уже удалось выявить эмпирическим путем, что эти иррациональные процессы воздействуют лишь на те мысли, которые подверглись вытеснению. Теперь ситуация начинает немного проясняться. И мы совершаем еще один шаг вперед. Эти иррациональные процессы являются *первичными* процессами в области психики; они действуют там, где мысли утрачивают энергетическую нагрузку из области предсознательного, предоставляются самим себе и могут осуществиться благодаря ничем не стесняемой энергии из сферы бессознательного, стремящейся найти себе выход. Некоторые наблюдения убеждают в том, что подобные иррациональные процессы не представляют собой фальсификации нормальных процессов – мыслительных ошибок, это лишь те формы деятельности психики, которые не подверглись подавлению. Итак, мы можем убедиться, что переход от возбуждения из области предсознательного к двигательной активности происходит таким же образом и что соединение бессознательных мыслей со словами точно так же подвержено процессам смещения и в нем царит путаница, которую потом приписывают невнимательности. И наконец, доказательством повышения активности, которая становится необходимой при подавлении этих первичных процессов, является то, что мы сталкиваемся с *комическим эффектом, то есть переизбытком энергии, которая получает разрядку в смехе, если мы позволим этому настроению проникнуть в наше сознание*[496].

В теории психоневрозов утверждается в качестве бесспорного и непреложного факта, что только импульсы, нацеленные на осуществление желаний в раннем детстве, которые подверглись вытеснению (то есть трансформации аффекта) в период перехода к старшему детскому возрасту, смогут в дальнейшем ожить в более поздние периоды развития (в результате сексуальной конституции человека, которая развивается из первоначальной бисексуальности или в результате неблагоприятных условий для его сексуальной жизни) и потому могут стать мотивирующей силой для формирования разнообразных психоневрологических симптомов[497]. Лишь с учетом воздействия этих сексуальных движущих сил можно заполнить пробелы в знаниях в области теории вытеснения. Я оставляю открытым вопрос о том, одинаково ли значение сексуально детерминированных факторов и тех, которые уходят корнями в детские воспоминания: в данный момент я оставлю эту теорию незавершенной, поскольку я уже совершил шаг в сторону от того, что может быть продемонстрировано в поддержку утверждения о том, что желания в сновидениях обусловлены исключительно тем, что происходит в области подсознания[498]. Также я не предлагаю далее рассуждать о природе различий между разнообразием физических сил, которые принимают участие в формировании сновидений и истерических симптомов: у нас все еще недостаточно точных знаний об одном или двух объектах этого сравнения.

И есть еще очень важный для меня момент; я должен признать, что лишь по этой причине я предложил здесь обсудить все эти вопросы, связанные с двумя физическими системами, режимом их работы и репрессией. Теперь возникает вопрос: насколько корректно мое мнение о психологических факторах, которые нас здесь интересуют, или насколько картина, которую я обрисовал, может быть искаженной или неполной. Какими бы различными ни были наши интерпретации психической цензуры и рациональных и анормальных изменений, которые возникают в содержании сновидения, истина в том, что подобного рода процессы способствуют формированию сновидений, и они максимально приближены к сути тех процессов, которые наблюдаются при формировании симптомов истерии. Но сновидение – это не патологическое явление; при нем не происходит нарушения психического равновесия; оно не связано с потерей дееспособности. Можно предположить, что из моих примеров нельзя делать никаких выводов в отношении сновидений здоровых людей или моих пациентов, но это возражение, я полагаю, вполне можно проигнорировать. И если мы вернемся к движущим силам сновидений, нам придется признать, что физический механизм, лежащий в основе неврозов, не создается под влиянием патологических изменений в сознании, а присутствует в режиме работы здорового сознания. Две психические системы, которые мы обсуждали, и цензура, которая регулирует переход от одной из них к другой, угнетение и контроль, которые одна система осуществляет в отношении другой, взаимосвязь обеих этих систем с сознанием – или более корректные интерпретации наблюдаемых фактов могут занять их место, – все это представляет собой компоненты нашего сознания, а сновидения указывают нам одно из направлений для изучения и понимания их структуры. Если мы ограничимся тем минимальным знанием, которым мы с уверенностью располагаем, то все еще можем утверждать о сновидениях следующее: они доказали: *все, что подверглось подавлению, продолжает существовать и у нормальных людей, и у тех, кто страдает расстройствами психики и при этом сохраняет способность выполнять свои психические функции.* Сами по себе сновидения являются примерами проявления такого подавляемого материала; это теоретически происходит в каждом случае, а эмпирически можно наблюдать по крайней мере в большинстве случаев, и особенно в тех ситуациях, где особенно ярко проявляются свойства сновидений. В состоянии бодрствования подавляемый материал не может проявиться и отрезан от внутреннего восприятия из-за того, что в нем устранены внутренние противоречия – одна его сторона подчеркивается в ущерб другой; но ночью, под влиянием стремления к компромиссу, этот подавляемый материал находит способы и средства для того, чтобы пробиться к сознанию.

Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo[499].

Толкование сновидений – это королевский путь к познанию подсознательных процессов сознания.

Анализируя сновидения, мы сумеем совершить еще один шаг вперед в нашем понимании того, как устроен этот самый удивительный и самый таинственный из всех инструментов. И этот первый шаг позволит нам продолжать анализировать его на основе других структур, которые

можно обозначить как патологические. Поскольку заболевания – по крайней мере, те из них, которые справедливо характеризуются как функциональные, – не предполагают дезинтеграции аппарата сознания или образования новых нарушений внутри его. Их следует трактовать *на динамической основе* — как усиление или ослабление каких-то взаимосвязанных друг с другом сил, многие проявления которых скрыты от нас, в то время, как их функции соответствуют норме. Я надеюсь, что мне еще представится возможность продемонстрировать, каким образом компоненты этого аппарата, состоящего из двух движущих сил, заставляют и здоровое сознание функционировать с той же изощренностью, которая была бы невозможна, если бы одна из этих сил отсутствовала[500].

Е. Бессознательное и сознание – реальность

При более тщательном изучении вопроса мы можем обнаружить, что психологическая дискуссия в предыдущих разделах наводит нас на мысль о том, что существуют не две системы у моторного выхода в психическом аппарате, а два вида *процессов возбуждения* или способов *получения его разрядки.* Для нас это – одно и то же: поскольку мы всегда должны быть готовы пересмотреть свои теоретические построения в пользу других, которые более точно описывают до того не известную для нас часть реальности. Поэтому давайте попробуем теперь уточнить некоторые представления, которые могли сбить нас с толку, когда мы прямолинейно рассматривали две этих системы в буквальном смысле, – те понятия, которые мы пытались выразить с помощью выражений «вытеснить» и «пробиться или проникнуть». Например, мы рассуждали о том, что бессознательная мысль стремится проникнуть в сферу предсознательного, чтобы затем пробиться к сознанию. Мы тогда не имели в виду, что должна сформироваться какая-то вторая мысль на новом месте, ее копия, параллельно с которой продолжает существовать и исходная мысль; и мы должны ясно дать понять, что здесь речь не идет о том, что такая мысль перемещается в другое пространство в буквальном смысле. Здесь мы снова можем рассуждать о том, что предсознательная мысль подавляется или подвергается вытеснению, и затем над ней захватывает контроль подсознание. Эти образы, которые напоминают о борьбе за определенный участок территории, могут навести нас на мысль о том, что нечто в буквальном смысле уходит из одной конкретной зоны и попадает в другую. Давайте используем другое сравнение, более соответствующее действительности, и вместо этого предположим, что какое-то психическое образование обладало энергетической нагрузкой или утратило ее, так что интересующая нас структура стала подчиняться влиянию какой-то конкретной движущей силы или вышла из-под ее влияния. Топографические термины мы заменяем динамическими. Подвижной оказывается не какая-то психическая структура, а процесс ее иннервации[501].

Но я считаю важным и целесообразным наглядно изображать две эти системы. Мы сможем избежать множества недоразумений, если вспомним, что представления, мысли и все психические образования должны быть локализованы не в органических элементах нервной системы, но, скорее, в пространстве *между ними,* где нечто им сопротивляется или способствует *[Bahnungen]* и соотносится с этими системами. Все объекты нашего внутреннего восприятия являются виртуальными, как наблюдаемое нами пересечение лучей в телескопе. Но у нас есть основание предполагать существование таких систем (которые сами по себе не являются физическими объектами и никогда не будут доступны нашему непосредственному восприятию), функции которых похожи на те, для чего существуют линзы в телескопе, а цензура, действующая между этими двумя системами, напоминает преломление лучей при их погружении в новую среду.

Пока мы проводили собственное психологическое исследование. Пришло время познакомиться с теоретическими представлениями в современной психологии и узнать их отношение к нашим гипотезам. Проблема бессознательного в психологии, как удачно заметил Липпс (Lipps, 1897), это не столько психологическая проблема, сколько проблема психологии. Пока в психологии этот вопрос разрешался путем споров о терминах, где пытались доказать, например, что «психическое» *обозначает* «сознательное», а «бессознательные психические процессы» – это полная чепуха, любая психологическая оценка наблюдений врача за патологическими состояниями сознания больных представлялась невозможной. Врач и философ могут объединить усилия, когда оба они признают, что *«бессознательные психические*

процессы-» представляют собой «адекватный и обоснованный способ выражения реально существующих фактов». Врач лишь пожмет плечами, когда его станут убеждать в том, что «сознание – это неотъемлемая характеристика психических явлений», и из уважения к рассуждениям философов заметит, что они говорят о разных вещах и их интересуют различные области науки. Хотя достаточно просто внимательного наблюдения за тем, как работает сознание человека, страдающего неврозом, или анализа сновидения, чтобы убедиться в том, что самые сложные мыслительные процессы, являющиеся, без сомнения, психическими, могут происходить и без участия сознания[502]. Верно, что врач может не узнать о существовании этих подсознательных процессов, пока они не проявятся в сознании в области общения или не станут доступны непосредственному наблюдению. То есть, проникнув в сознание, они приобретут иной физический характер, в отличие от того, что протекает в области бессознательного, а потому внутреннее восприятие, возможно, нельзя рассматривать как нечто аналогичное внешнему наблюдению. Врачу необходима возможность свободно делать *выводы* о воздействии сознательного на бессознательное. Он узнает при этом, что сознательные действия – лишь отдаленные отголоски процессов в области подсознательного и что от этого они не стали сознательными; более того, бессознательное там присутствовало и действовало, ничем не давая знать о себе сознанию.

Важно не переоценивать значение сознательного, прежде чем мы сможет выяснить, что представляет собой мыслительная деятельность. По словам Липпса (Lipps, 1897, с. 146), необходимо признать, что подсознательное – это основа психики. Бессознательное – это гораздо более обширная область, которая включает в себя и сознательное. У всех явлений из области сознательного существует бессознательная основа, и бессознательное может остаться на этой стадии, тем не менее обладая способностью к полноценным психическим действиям. Бессознательное – это и есть подлинная психическая реальность, *его внутренняя сущность так же неизвестна нам, как и реальность внешнего мира, а в сознании она представлена так же неполно, как и окружающий мир, доступный нам посредством наших органов восприятия.*

Нам удалось свести старое противоречие между сознательной стороной жизни и тем, что происходит в сновидении, к рассуждениям о существовании внутреннего психического мира, и теперь целый ряд проблем, связанных со сновидениями, которые вызывали живой интерес и изучались предыдущими исследователями, утратил свою актуальность. Например, многие явления, присутствие которых в сновидениях раньше вызывало такое удивление, теперь должны рассматриваться не в качестве свойств самого сновидения, а как характеристики бессознательного мышления, которые днем так же активны, как и ночью. Если сновидение, по мнению Шернера (Scherner, 1861, с. 116), использует образы частей тела для построения символов, теперь нам известно, что подобные образы являются результатом некоторых бессознательных фантазий (обусловленных, возможно, сексуальными импульсами), которые проявляются не только в сновидениях, но и в истерических фобиях, а также в других симптомах. Если в сновидении продолжается то, что было начато днем, и эти действия в нем завершаются, и даже зарождаются и проявляются новые мысли, то нам нужно всего лишь сорвать со сновидения маску – продукт воздействия процессов, управляющих сновидениями, и тех темных сил, которые возникают из глубин сознания (как Дьявол в сонате Тартини о сновидении)[503]. Интеллектуальные достижения также обусловлены теми же мыслительными функциями, которые приводят к похожим результатам в течение дня. Мы склонны переоценивать роль сознательного в интеллектуальном и художественном творчестве. Некоторые гениальные люди, например Гете и Гельмгольц, утверждали, что все самое замечательное в их творениях посещало их в порыве вдохновения и практически без изменений было использовано в их творениях. Нет ничего удивительного в том, что в других случаях, где требуется полная концентрация интеллектуальных сил, в этом участвует и сознание. Но сознательное стремится всегда и везде воспользоваться своей привилегией скрывать все остальное от нашего взора.

Было бы неблагодарным делом рассматривать значение сновидений в истории как отдельную тему для исследования. Какой-то сон мог подвигнуть выдающегося исторического деятеля на нечто такое, что увенчалось успехом и изменило ход истории. Но здесь можно усмотреть новую проблему, когда сновидение воспринимается как нечто чуждое, нечто противоречащее всем остальным мыслительным силам сознания; подобная проблема исчезает, если мы рассматриваем сновидение как форму выражения тех импульсов, которые вызвали сопротивление днем, но

получили подкрепление ночью из области глубинных источников возбуждения[504]. Но в Античности сновидениям придавали значение, исходя из верного психологического предположения, отдавая должное силам человеческого сознания, не поддававшимся контролю и неуязвимым, той «демонической» силе, которая формирует мысли в сновидении и действие которой мы выявляем в области нашего бессознательного.

Я умышленно употребил словосочетание «в нашем» бессознательном. Потому что наша трактовка понятия «бессознательного» отличается от того, что под этим словом подразумевают философы и Липпс. В их рассуждениях этот термин обозначает лишь нечто противоположное сознательному; но они жарко и энергично оспаривают тезис о том, что, кроме сознательных, существуют еще и бессознательные психические процессы. Липпс даже доходит до того, что предполагает, что все психические процессы существуют в области бессознательного, а часть их – в области сознательного. Но мы изучали процессы формирования сновидений и истерических симптомов не с целью защищать этот тезис, поскольку для этого достаточно наблюдений за нормальной жизнью в состоянии бодрствования. В результате анализа психопатологических структур и первого представителя этого класса – сновидений – мы пришли к открытию, что подсознательное (то есть психика) проявляется в функциях двух разных систем и что это явление проявляется и в области нормы, и в области патологии. Итак, существует две системы из области бессознательного, психологи этих двух видов не выделяют. Обе эти системы являются бессознательными в психологическом смысле; но то, что мы обозначили как систему *Бзс, не в состоянии пробиться в область сознания,* а другая система потому и обозначена нами с помощью термина *Прс,* что возникающее в ней возбуждение, в соответствии с определенными правилами, и, возможно, после того, как подверглось недавнему воздействию цензуры, без связи с системой *Бзс,* – может проникнуть в сознание. Когда нам удалось выяснить, что возбуждение, для того чтобы проникнуть к сознанию, должно подвергнуться последовательному иерархическому воздействию ряда движущих сил (что проявляется в тех изменениях, которые возникли под воздействием на них цензуры), нам удалось построить пространственную схему устройства психического аппарата. Мы изобразили на ней взаимосвязь обеих систем и их соотношение с сознанием, отметив, что система *Прс.* выполняет функцию своеобразного барьера между системой *Бзс.* и сознанием. Система *Прс.* преграждает не только доступ к сознанию, но руководит и процессом доступа к произвольным движениям, а также отвечает за распределение энергетической нагрузки, которая проявляется в знакомой нам форме внимания[505].

Нам следует избегать терминов «сверхсознание» и «подсознание», столь распространенных в литературе по психоанализу в последние годы, поскольку в этих двух терминах искусственно подчеркивается эквивалентность психики и сознания.

Какую же роль мы отводим всемогущему и вездесущему сознательному в нашей схеме сознания? *Сознательное лишь выступает в качестве органа чувств для восприятия психических качеств*[506]. В соответствии с теми идеями, которые легли в основу нашей схемы психического аппарата, мы можем представить сознательное исключительно в форме самостоятельной функции особой системы, которую для краткости обозначим *Сз.* По своим механическим свойствам эта система аналогична воспринимающей системе *Воспр.;* она не способна запечатлевать следы изменений, то есть не обладает памятью. Психический аппарат, обращенный к внешнему миру за счет воспринимающей системы *Воспр.,* сам служит внешним миром для органа системы *Сз,* функции которой направлены именно к этой цели. Здесь мы вновь сталкиваемся с принципом иерархичности движущих сил психики, который, вероятно, и управляет работой психического аппарата. Материал от поступающего в психику возбуждения поступает в воспринимающие органы системы *Сз.* с двух сторон: из системы *Воспр.,* возбуждение в которой, обусловленное ее свойствами качествами, вероятно, снова подвергается переработке, пока не становится осознанным ощущением, – и возникает внутри психического аппарата, где количественные процессы воспринимаются как качественные в серии ощущений «удовольствие – неудовольствие», когда, подвергаясь определенным изменениям, они проникают в сферу сознательного.

Те философы, которые понимали, что вполне рациональные и в высшей степени сложные продукты мышления могут формироваться и без участия сознания, не сумели выяснить функций сознательного; они считали, что оно представляет собой лишь поверхностное изображение глубинных психических процессов. От этого затруднения нас избавила аналогия между нашей

системой *Сз.* с системами восприятия. Нам известно, что восприятие при помощи органов чувств направляет внимание в сторону входящих в систему сенсорных сигналов возбуждения, которые распространяются по ней: качественное раздражение системы *Воспр.* выступает в качестве регулятора количественного распределения разрядки в подвижном психическом аппарате. Такую же функцию мы можем приписать и органам системы *Сз.* Воспринимая новые качества, они по-новому распределяют подвижные энергетические заряды и целесообразно перераспределяют их. Воспринимая приятные и неприятные ощущения, они влияют на разрядку энергетической нагрузки в ранее бессознательном психическом аппарате, который оперирует посредством смещения количественных параметров. Вполне вероятно, что принцип неприятного вначале автоматически регулирует смещение энергетической нагрузки. Но вполне вероятно также, что сознательное их восприятие способствует второму, более дифференцированному регулированию, которое даже в состоянии противостоять первому способу регулирования и повышает эффективность действия психического аппарата за счет того, что, в противоположность исходному плану, за счет энергетического насыщения и отработки того, что ассоциируется с разрядкой неприятных ощущений. Из психологии неврозов нам известно, что эти регулирования при помощи качественного раздражающего воздействия на органы чувств играют важную роль в функциональной деятельности психического аппарата. Автоматическое господство первичного принципа неприятного и связанное с этим ограничение работоспособности нарушается вмешательством процессов сенсорной регуляции, которые сами, в свою очередь, являются автоматическими. Мы можем убедиться в том, что процесс вытеснения (который в самом начале был направлен к полезной цели, в конце концов приводит к опасной потере угнетения и мыслительного контроля) значительно легче оказывает влияние на воспоминания, чем на то, что воспринимается непосредственно, так как у первых отсутствует приток дополнительной энергетической нагрузки от переживающих возбуждение психических органов чувств. С одной стороны, верно, что мысль, которая вызывает сопротивление, не осознается потому, что она подвергается вытеснению, но в другой раз она может быть вытеснена лишь в том случае, если была изолирована от сознательного восприятия. Вот какими подсказками можно воспользоваться во время терапевтической процедуры, для того чтобы восстановить то, что подверглось подавлению.

Ценность сверхподкрепления под воздействием системы *Сз.* на подвижный материал лучше всего может быть продемонстрирована телеологически, с помощью теоретической разработки ряда новых качеств и нового способа регулирования, в котором заключается преимущество человека перед животными. Мыслительные процессы сами по себе не обладают никакими качествами, за исключением ощущений приятного и неприятного возбуждения, которые их сопровождают и которые, учитывая возможное вмешательство в процесс этого мышления, должны держаться в рамках. Они приобретают качества, когда ассоциируются у человека со словесно выраженными воспоминаниями, и этих качественных фрагментов вполне достаточно для привлечения к ним внимания со стороны сознательного, которое может насытить процесс мышления новой динамичной энергетической нагрузкой.

Все разнообразие проблем, связанных с областью сознательного, можно изучить при анализе мыслительных процессов у пациентов, страдающих истерией. В подобных случаях создается впечатление, что переход от предсознательного к сознательному связан с цензурой, аналогичной цензуре, которая осуществляется между системами *Бзс.* и *Прс.*[507] Подобная цензура начинает действовать, когда достигнут определенный количественный порог, и при этом мыслительные структуры с низким уровнем интенсивности могут ускользнуть от этой цензуры или пробиться в область сознательного при определенных ограничениях, что происходит в рамках определенных психоневротических явлений; все они указывают на тонкие взаимосвязи между цензурой и сознанием. Я хотел бы обобщить подобные психологические размышления и привести на этот счет два примера.

В прошлом году меня пригласили на консилиум, где проводилось обследование одной разумной девушки, у которой был очень смущенный вид. Она была весьма странно одета. Обычно женщины продумывают свой гардероб до мелочей, но она была одета крайне небрежно: один чулок съехал вниз, две пуговицы на блузке были расстегнуты. Она жаловалась на боль в ноге и сразу же, безо всякого приглашения с нашей стороны, задрала юбку до бедра. Она жаловалась на странные боли в теле, словно там что-то «застряло», «двигалось туда-сюда», и от

этого ее трясло и наваливалось какое-то странное оцепенение. Мой коллега многозначительно посмотрел на меня, для него не составило труда понять, что именно обозначают эти симптомы. Обоим нам показалось весьма странным, что мать пациентки ни о чем не догадывается, ведь она сама не раз бывала в той ситуации, которую сейчас описывала ее дочь. Сама девушка не понимала, о чем говорит, иначе никогда бы об этом никому не рассказала. Здесь удалось так обмануть цензуру, что фантазия, которая обычно оставалась в сфере бессознательного, здесь под маской невинной жалобы на самочувствие проникла в область сознательного.

Вот второй пример. Ко мне за психотерапевтической помощью обратился четырнадцатилетний подросток, страдавший конвульсивным тиком, истерической рвотой, головными болями и так далее. Я говорю ему, что, когда он закроет глаза, он увидит картины или его посетят такие мысли, о которых он и должен мне рассказать. В его ответе проявляется целый ряд образов. В его воспоминаниях всплывает его последнее впечатление до прихода ко мне. Он играл с дядей в шашки и видит теперь перед собою шашечную доску. Он думал о ходе игры и о том, чего в игре не следует делать. Потом он видит вдруг на доске кинжал своего отца, потом на доске появляется сначала серп, а за ним и коса; он видит старого крестьянина, который косит траву на лужайке перед их домом, который виден вдалеке. Через несколько дней я смог выявить значение этих образов. У этого мальчика было неспокойно в семье. Его отец был жестоким человеком, склонным к приступам ярости, мать мальчика была с ним несчастна, а единственным методом воспитания в семье были угрозы. С матерью мальчика, нежной и любящей женщиной, отец развелся, женился снова и представил мальчику свою молодую жену как «новую маму». Через несколько дней после этого и стала проявляться болезнь мальчика. Его подавленная ярость по отношению к отцу породила этот ряд образов, в которых содержался явный намек на воспоминания из области мифологии. Зевс кастрировал отца серпом, коса и старик изображают Хроноса, могучего титана, который пожрал своих детей и которому так отомстил Зевс, не проявив к нему сыновней почтительности. Женитьба отца послужила для мальчика поводом вспомнить те упреки и угрозы, которые он от него слышал, когда играл своими половыми органами (отсюда и образы: игра в шашки; чего делать не следует; кинжал, которым можно убить). Здесь в область сознательного проникают давно вытесненные воспоминания и страдания, которые остались в области бессознательного: они обходными путями проникли в область сознательного под маской образов, которые поначалу кажутся бессмысленными.

Таким образом, *теоретическая* ценность исследования сновидений заключается в том, что оно вносит вклад в понимание психологии и первичных предпосылок психоневрозов. Кто знает, какие еще важные результаты можно получить, тщательно исследуя структуры и функции мыслительного аппарата, даже если то немногое, что известно нам сейчас, позволяет оказать благоприятное воздействие в ходе работы с излечимыми формами психоневрозов? Но какова практическая значимость подобного исследования – вот какой вопрос мне могут задать – в том, что касается изучения сознания, понимания скрытых индивидуальных характеристик каждого человека?

Я не считаю себя вправе отвечать на этот вопрос, поскольку не исследовал эти аспекты проблем сновидения. Но думаю, что римский император поступил несправедливо, приказав казнить своего подданного за то, что тому приснилось, будто он убил императора. Ему следовало бы попытаться понять, в чем смысл этого сновидения; скорее всего, оно обозначало нечто совершенно другое. И даже если бы другое какое-либо сновидение имело бы такую lese majeste (преступную направленность), то почему бы не вспомнить слова Платона о том, что добродетельный человек ограничивается тем, что ему лишь снится то, что совершает человек дурной. Думаю, нужно оправдать сновидения. Я не уверен, что бессознательные желания *реальны.* В переходных мыслях, мыслях-связках она отсутствует. Если сводить бессознательные желания к их конечной и подлинной форме, мы неизбежно придем к выводу, что не следует принимать *психическую* реальность как одну из форм существования за реальность *материальную*[508]. Поэтому невозможно понять, отчего люди так неохотно принимают на себя ответственность за аморальность своих сновидений. Когда можно будет объяснить, как именно функционирует мышление и каковы взаимосвязи сознательного и бессознательного, большая часть этических возражений в наших сновидениях и фантазиях обязательно исчезнет. Как сказал на эту тему Ганс Захс (Hans Sachs, 1912, с. 569), «если мы

обнаружим в своем сознании нечто такое, о чем нам рассказало сновидение, применительно к нынешней (реальной) ситуации, нас не должно удивлять, что жуткое чудовище, которое мы в нем обнаружили, рассматривая через лупу психоанализа, вдруг превратится в крохотную и безобидную инфузорию-туфельку».

О характере людей вполне можно судить по их действиям и сознательно сформулированным мнениям. Сначала изучим их действия, и это – главное; поскольку многие импульсы, которые пробиваются в область сознательного, даже тогда полностью нивелируются реальными мыслительными силами, прежде чем созреют и превратятся в поступки. В сущности, на пути подобных импульсов часто не встречается никаких препятствий, и причина в том, что бессознательное обязательно остановит их на каком-то этапе их развития. Действительно, весьма поучительно узнать побольше о той благодатной почве, из которой гордо произрастают наши добродетели. Крайне редко все сложности человеческого характера, там и тут подстегиваемые динамическими движущими силами, подчиняются выбору между двумя возможными вариантами, как это заставляла нас делать наша старомодная мораль[509].

Состоит ли смысл сновидений в том, что они открывают нам будущее? Об этом речи не идет[510]. Точнее было бы сказать, что они помогают нам понять наше прошлое. Потому что сновидения во всех смыслах выросли из прошлого. Но тем не менее древнее верование, что сновидения могут предсказывать будущее, отчасти справедливы. Изображая осуществление наших желаний, сновидения в конечном счете ведут нас в наше будущее. Но это будущее, которое спящему человеку кажется днем сегодняшним, переплавилось в огне его нерушимых желаний и поразительно напоминает его будущее.

Приложение А. Вещие сны

[511]

Госпожа Б., почтенная дама, обладающая способностью критически мыслить, рассказала мне в связи с совершенно другой ситуацией и совершенно sans arriere pensee («без задних мыслей»), что несколько лет назад ей приснилось, что она повстречалась с доктором К., близким другом и лечащим врачом ее семьи, на главной улице города с торговыми рядами – Карнтнерштрассе, напротив магазина Хисса. На следующее утро, когда она шла именно по этой улице, она его и повстречала. Это снова навело меня на размышления о вещих снах. Я добавлю только, что далее не было выявлено никаких событий, которые бы подтверждали подобное удивительное совпадение, которые не были связаны с предсказанием будущего.

Вопросы, которые я задавал во время анализа, помогли понять, что она совершенно забыла про то, что ей снилось, сразу же после пробуждения, пока не вернулась с прогулки – и вспомнила так отчетливо, словно она его записала или рассказала кому-то. Как раз наоборот, она была вынуждена признать то, что произошло, и мне это кажется вполне вероятным, безо всяких на то возражений. Она шла как-то утром по Карнтнерштрассе и повстречала своего старого семейного доктора перед магазином Хисса. Как только она его увидела, то вспомнила, что он же ей приснился прошлой ночью, и во сне они стояли именно в этом месте, где находятся сейчас. В соответствии с правилами интерпретации невротических симптомов ее убеждение должно было быть оправданным, а его содержание нуждалось в повторной интерпретации.

Далее следует эпизод, который связывает доктора К. с более ранними событиями из жизни госпожи Б. В молодости она вышла замуж не по любви за пожилого, но состоятельного господина. Прошло несколько лет, он разорился, заболел туберкулезом и умер. В течение всех этих лет эта молодая дама зарабатывала уроками музыки и содержала себя и мужа. В эти тяжелые годы ей помогал ее семейный врач, доктор К., который самоотверженно лечил ее мужа и подыскивал для нее первых учеников. Другим ее другом был адвокат, которого тоже звали доктор К., который привел в порядок расстроенные дела ее мужа, при этом он был ее любовником и – в первый и в последний раз в ее жизни – вызвал в ней ответное чувство. Эта любовная связь не принесла ей настоящего счастья, потому что она была хорошо воспитана и у нее были жесткие моральные принципы, которые мешали ей полностью отдаться этому чувству, пока она была замужем, и потом, когда она овдовела. Рассказывая мне об этом сновидении, она в связи с этим вспомнила об одном реальном происшествии того, несчастливого периода ее жизни, которое, по ее мнению, представляло собой удивительное совпадение. Она стояла на коленях в своей комнате, уткнувшись головой в кресло и рыдая от любви к адвокату, своему другу и

помощнику, и вдруг дверь отворилась, и он вошел в комнату. Мы не увидим в этом совпадении ничего особенного, когда вспомним о том, как часто она думала о нем и как часто он ее навещал. Более того, подобного рода предчувствия встречаются во всех любовных историях. Тем не менее это совпадение и было, возможно, настоящим содержанием ее сновидения и единственным источником твердого убеждения, что этот сон был вещим и сбылся.

Между той сценой, когда сбылось ее желание, и тем сном, о котором она рассказала, прошло более двадцати пяти лет. Она уже овдовела во второй раз, оставшись одна с ребенком и став хозяйкой хорошего состояния. Эта пожилая дама по-прежнему любила доктора К., который теперь помогал ей управлять имением и с которым она часто виделась. Давайте предположим, что за несколько дней до того «пророческого» сновидения она ждала его к себе, но он не пришел – она уже не так нравилась ему, как прежде. Тогда ей вполне мог присниться в ту ночь ностальгический сон, который перенес ее в те далекие годы. Может быть, ей приснилось одно из тех романтических свиданий, когда у них был роман, и цепочка ее мыслей напомнила ей о том, как он взял и пришел без предупреждения, именно в тот момент, когда она так ждала его. Возможно, ей часто теперь снились подобные сны, они представляли собой отсроченное наказание за ту жестокость, которую она проявила тогда, в молодости. Но подобные сновидения, которые были связаны с подавленными мыслями, наполненные воспоминаниями о свидании, о котором с момента ее второго замужества ей думать не хотелось, – подобные сновидения забылись, когда она пошла гулять. Вот что произошло с этим удивительным вещим сном. Она вышла из дома, а на улице Карнтнерштрассе, в совершенно случайном месте, столкнулась со своим старым семейным врачом, доктором К. Они давно не виделись. Он сразу же напомнил ей о бурных радостях ее молодости. Он тоже был ей надежным помощником, и мы можем предположить, что он в ее сновидении выступил в качестве персонажа-прикрытия, за которым скрывался на самом деле другой доктор К. – ее любимый человек. Должно быть, ей пришло в голову вот что: «Да, мне приснилось в эту ночь, как я встретилась с доктором К.». Но это воспоминание подверглось искажению, которое сна не коснулось оттого, что она об этом сне совершенно забыла. В этом сне появился не игравший для нее такой важной роли доктор К. (который напомнил ей об этом сне) вместо того, другого доктора К., которого она тогда любила. Содержание этого сновидения – свидание – трансформировалось в уверенность, что ей приснилось именно это место, потому что люди приходят на свидание в одно и то же место и в одно и то же время. А если у нее в тот момент сформировалось впечатление, что это был вещий сон и он сбылся, она лишь оживила в этой сцене свои воспоминания, где она так хотела, чтобы любимый пришел, и это желание сразу же сбылось.

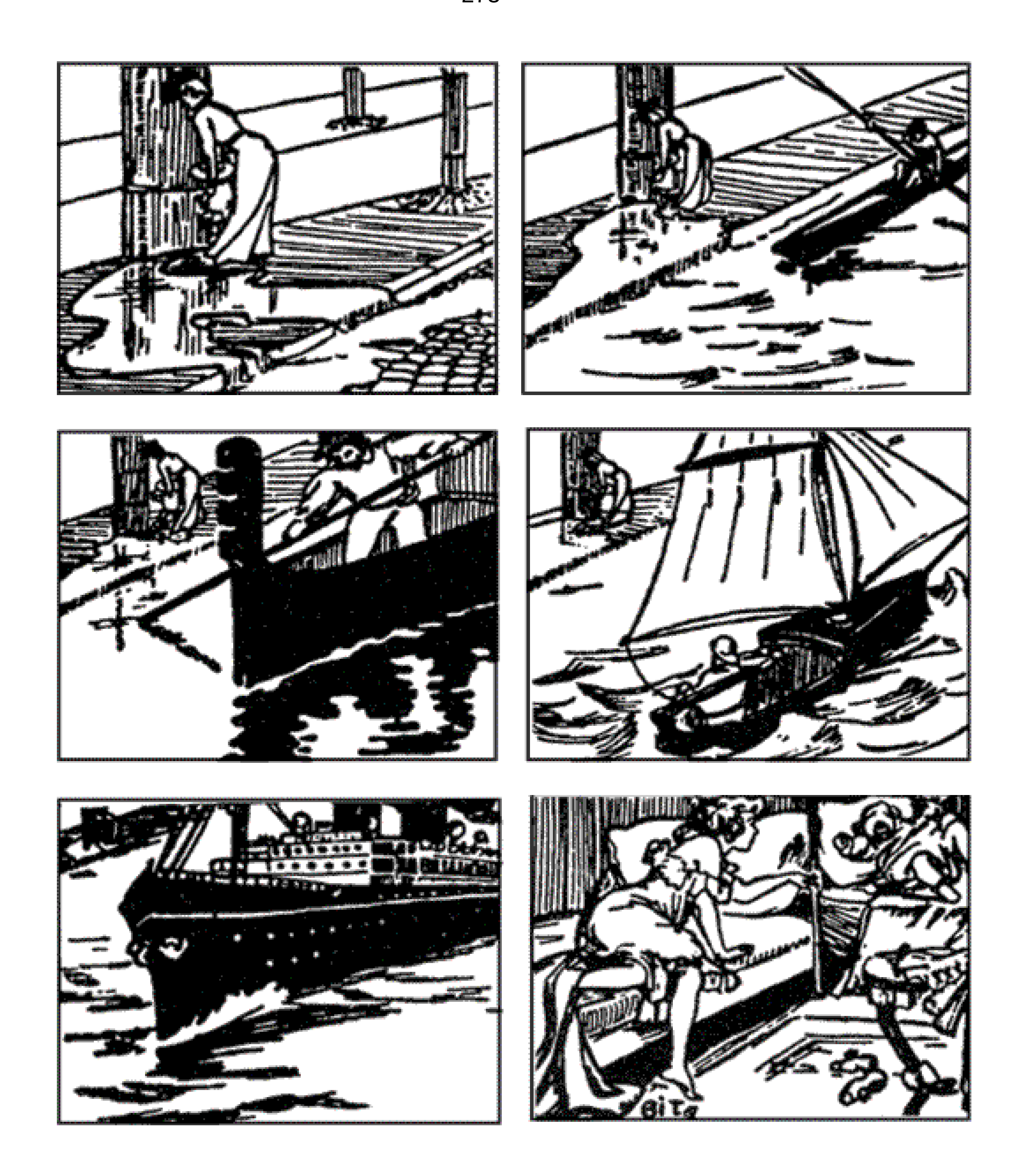
Вот так происходит конструирование сновидения после самого события, вот поэтому и возможны вещие сны, и это не более как результат воздействия цензуры, которая помогает сновидению проникнуть в область сознательного.

10 ноября 1899 г.

Приложение Б. История из комикса «Сон французской няни» из журнала комиксов «Fliegende Blatter»

Библиография

А. Перечень упоминаемой литературы, составленный автором

(Цифры в круглых скобках указывают номера страниц оригинала, на которых они упоминаются. Если эти работы цитирует сам Фрейд, то латинские буквы рядом с годом выпуска работы соответствуют тем, что используются в указателе к полному собранию сочинений Фрейда, стандартного издания.)

Abel, K. (1884) *Der Gegensinn der Urworte,* Leipzig. (353, *n.* 3)

Abraham, K. (1909) *Traum und Mythus,* Vienna. (386, *n.* 2, 437)

Adler, A. (1910) «Der psychische Hermaphroditismus im Leben und in der Neurose», *Fortschr. Med.,*28, 486. (432)

(1911) «Beitrag zur Lehre vom Widerstand», *Zbl. Psychoanal,* 1, 214. (618 *n.)*

Allison, A. (1868) «Nocturnal Insanity» *Méd. Times & Gaz.,* **947,** 210. (121)

Almoli, S. See Salomon Almoli.

Amram, N. (1901) «Sepher pithrôn chalômôth, Jerusalem» (38, *n.* 2)

Aristotle *De somniis* and *De divinatione per somnum.* (36–7, 67, 130, *n.* 1,355 *n.*, 588–9)

[*Trans.* by W. S. Hett (in volume «On the Soul», Loeb Classical Library), London & New York, 1935.]

Artemidorus of Daldis *Oneirocritica.* (37–8, 130, 131, *n.* 2, 389 *n.*, 645, *n.* 2)

[*German trans.:Symbolik der Träume* by F. S. Krauss, Vienna, 1881, and «Erotische Träume und ihre Symbolik», *Anthropophyteia,* 9, 316, by Hans Licht. *Engl. trans,* (abridged): *The Interpretation of Dreams,*by R. Wood, London, 1644.]

Artigues, R. (1884) *Essai sur la valeur séméiologique du rêve,* (Thesis) Paris. (68)

Benini, V. (1898) «La memoria e la durata dei sogni», *Riv. ital. Filos., 13a,* 149. (78, 103)

Bernard-Leroy and Tobowolska, J. (1901) «Mecanisme intellectuel du reve», *Rev. phil.,* 51, 570. (540–1)

Bernfeld, S. (1944) «Freud's Earliest Theories and the School of Helmholtz», *Psychoanal. Quart.,* 13, 341. (XVI *n.,* 520 *n.)*

Bernstein, I., and Segel, B. W. (1908) *Jüdische Sprichwürter und Redensarten,* Warsaw. (165, и. 1)

Betlheim, S., and Hartmann, H. (1924) «Über Fehlreaktionen des Gedächtnisses bei Korsakoffschen Psychose», *Arch. Psychiat. Nervenkr.,* 72, 278. (419)

Bianchieri, F. (1912) «I sogni dei bambini di cinque anni», *Riv. Psicol.,* 8, 325. (164 *n.*) See also Doglia and Bianchieri.

Binz, C (1878) *Über den Traum,* Bonn. (53, 89, 109, 119)

Bleuler, E. (1910) «Die Psychoanalyse Freuds», Jb. *Psychoanal. psychopath. Forsch.,* 2, 623. (386, *n.* 2)

Bonatelli, F. (1880) «Del sogno», *La filosofta delle scuole italiane,* Feb. 16. (78)

Börner, J. (1855) *Das Alpdrucken, seine Begrundung und Verhutung,* Wurzburg. (68)

Bottinger (1795) In C P. J. Sprengel: *Beitrage zur Geschichte der Medizin,* 2. (67 *n.)*

Bouché-Leclercq, A. (1879–82) *Histoire de la divination dans l» antiquite,* Paris. (67 *n.)*

Breuer, J., and Freud, S. (1895) see Freud, S. *(1895d)* (1940 [1892]) see Freud, S. (1940d);

Büchsenschütz, B. (1868) *Traum und Traumdeutung im Altertum,* Berlin. (36 *n.* 2, 130, n. 1, 165, n. 2)

Burdach, K. F. (1838) *Die Physiologie als Erfahrungswis-senschaft,* Vol. 3 of 2nd ed., 1832–40 (1st ed. 1826–32). (41, 83, 85, 110, 114, 257)

Busemann, A. (1909) «Traumleben der Schulkinder», *Z.päd. Psychol.,* 10, 294. (164*n.*)

(1910) «Psychologie der kindlichen Träumerlebnisse», *Z.päd. Psychol.,* 11, 320. (164 *n.)*

Cabanis, P.J. G. (1802) *Rapports du physique et du moral de l» homme,* Paris. (121)

Calkins, M. W. (1893) «Statistics of Dreams», *Amer.J. Psychol,* 5, 311. (53, 55, 77, 254–5)

Carena, Caesar (1641) *Tractatus de Officio Sanctissimae Inquisitionis,* Cremona. (102, n. 1)

Chabaneix, P. (1897) *Physiologie cerebrate: le subconscient chez les artistes, les savants, et les ecrivains,* Paris. (77, п., 97)

Cicero: *De divinatione.* (43, 88)

[*Trans.* by W. A. Falconer (Loeb Classical Library), London & New York, 1922.]

Claparède, E. (1905) «Esquisse d'une théorie biologique du sommeil», Arch. psychol., 4, 245. (85, *n.* 2)

Clerk-Maxwell, J. (1876) *Matter and Motion,* London. (493, 558)

Corlat, I. H. (1913) «Zwei sexual-symbolische Beispiele von Zahnarzt-Träumen», *Zbl. Psychoanal. Psychother,* 3, 440. (422, и. 1)

Dattner, B. (1913) «Gold und Kot», *Int. Z. PsychoanaL,* 1, 495. (439)

Davidson, Wolf (1799) *Versuch Über den Schlaf,* Berlin. 2nd ed. (1st ed., 1795). (94)

Debacker, F. (1881) *Des hallucinations et terreurs nocturnes chez les enfants,* (Thesis) Paris. (168, *n.* 1, 625–6)

Delacroix, H. (1904) «Sur la structure logique du rêve», *Rev. Metaphys.,* 12, 921. (540)

Delage, Y. (1891) «Essai sur la théorie du rêve», *Rev. industr.,* 2, 40. (52, 112–4, 212 *n.*, 630)

Delboeuf, *I. (1885) Le sommeil et les rêves,* Paris. (45–6, *54–5,* 84,90, 93, 137–8, 212 *n.*, 217, *n.* 1)

Diepgen, P. (1912) *Traum und Traumdeutung als mediz. naturwissenschaftl. Problem im Mittelatler,*Berlin. (38, *n.* 2, 581 *n.)*

Doglia, S. and Bianchieri, F. (1910–11) «I sogni dei bambini di tre anni», *Contrib. psicol,* 1, 9. (164 *n.)*

Döllinger, J. (1857) *Heidenthum und Judenthum,* Regensburg. (67 *n.)*

Drexl, F. X. (1909) *Achmets Traumbuch: Einleitung und Probe eines kritischen Textes,* (Thesis) Munich. (38, *n.* 2)

Dugas, L. (1897a) «Le sommeil et la cérébration inconsciente durant le sommeil», Rev. phil.,43,410.(88,92)

(1897b) «Le souvenir du reve», *Rev. phil, 44,* 220. (614)

Du Prel, C (1885) *Die Philosophie der Mystik,* Leipzig. (96, *n. 2,* 164 *n.*, 167 *n.*, 314, *n.* 1, 567 *n.*, 650 *n.)*

Eder, M. D. (1913) «AugenTräume», *Int. Z. PsychoanaL,* 1, 157. (433 *n.)*

Egger, V. (1895) «La duree apparente des rêves», *Rev.phil.,* 40, 41. (60, 97, 534)

(1898) «Le souvenir dans le reve», *Rev.phil.,* 46, 154. (79)

Ellis, Havelock (1899) «The Stuff that Dreams are made of», *Popular Science Monthly,* 54,721.(53,92,630)

(1911) *The World of Dreams,* London. (97, *n.* 2, 201, 215 *n.*, 388, 408, 438, 539, 581)

Erdmann, J. E. (1852) *Psychologische Briefe* (Brief VI), Leipzig (103)

Fechner, G. T. (1860) *Elemente der Psychophysik,* Leipzig. (81, 88, 574)

Federn, P. (1914) «Über zwei typische Traumsensationen», Jb. *Psychoanal,* 6, 89. (430)

Féré, C. (1886) «Note sur un cas de paralysie hysterique consecutive a un reve», *Soc. biolog.,* 41 (Nov. 20). (120)

(1887) «A Contribution to the Pathology of Dreams and of Hysterical Paralysis», *Brain,* 9, 488. (120, *n.*1)

Ferenczi, S. (1910) «Die Psychoanalyse der Träume», *Psychiat.-neurol. Wschr.,* 12, Nos. 11–13. (131, *n.*2, 165, *n.* 1, 278, *n.* 2, 361)

Ferenczi, S. *(cont.)*

[*Trans.:* «The Psychological Analysis of Dreams», Chap. III of *Contributions to Psychoanalysis,*Boston, 1916.]

(1911) «Über lenkbare Träume», *Zbl. PsychoanaL,* 2, 31. (611)

(1912) «Symbolische Darstelhmg des Lust-und Realitatsprinzips im Odipus-Mythos», *Imago,* 1, 276. (297, *n.* 1)

[*Trans.:* «The Symbolic Representation of the Pleasure and Reality Principles in the Oedipus Myth», Chap. X, Part I of *Contributions to Psycho-Analysis,* Boston, 1916.]

(1913) «Zur Augensymbolik», *Int. Z. PsychoanaL,* 1, 161. (433 *n.*)

[*Trans.:* «On Eye Symbolism», Chap. X, Pt. II of *Contributions to Psycho-Analysis,* Boston, 1916.]

(1916) «Affektvertauschung im Träume», *Int. Z. PsychoanaL,* 4, 112. (510)

[*Trans.:* «Interchange of Affect in Dreams», No. LV in *Further Contributions,* London, 1926.]

(1917) «Träume der Ahnungslosen», *Int. Z. PsychoanaL,* 4, 208. (412)

[*Trans.:* «Dreams of the Unsuspecting», No. LVI *of Further Contributions,* London, 1926.]

Fichte, I. H. (1864) *Psychologie: die Lehre vom bewussten Geiste des Menschen,* (2 vols.), Leipzig. (41,96, 103)

Fischer, K. P. (1850) *Grundzuge des Systems der Anthropologie,* Erlangen. (Pt. I, Vol. 2, in *Grundzuge des Systems der Philosophie)* (98)

Fliess, W. (1906) *Der Ablauf des Lebens,* Vienna. (126, 199, *n.* 2)

Förster, M. (1910) «Das lateinisch-altenglische pseudo-Danielsche Traumbuch in Tiberius A. III», *Archiv Stud. neueren Sprachen und Literaturen,* **125,** 39. (38, *n.* 2)

(1911) «Ein mittelenglisches Vers-Traumbuch des 13 Jahrhunderts», *Archiv Stud, neueren Sprachen und Literaturen,* **127,** 31. (38, *n.* 2)

Foucault, M. (1906) *Le reve: etudes et observations,* Paris. (541, 551 *n.)*

Freud, S. (1877a) «Über den Ursprung der hinteren Nerven-wurzeln im Ruckerunark von Ammocoetes (Petromyzon Planeri)», *Sitzungsber. k. Akad. Wiss.*, III Abt, Bd. 75, January. (448–9)

(1884e) «Über Coca», *Centralbl. ges. Therap.,* 2, 289. (203)

[*Trans.:* (abbreviated) «Coca», *Saint Louis Med. Surg.J.,* 47 (1884), 502.]

(1893c) «Quelques considerations pour une etude comparative des paralysies motrices organiques et hysteriques», *G.S.,* 1, 30; *G.W.,* 1, 37. (601 *n.*)

[*Trans.:* «Some Points for a Comparative Study of Organic and Hysterical Motor Paralyses», *C. P.*, 1, 42; *Standard Ed.*, 1.]

(1894a) «Die Abwehr-Neuropsychosen», *G.S.*, 1, 290; *G.W.*, 1, 57. (XVI, 264 *n.)*

[Trans.: «The Neuro-Psychoses of Defence», *C. P.*, 1, 59; *Standard Ed.*, 3.]

(1895b) «Über die Berechtigung, von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomenkomplex als «Angstneurose» abzutrennen», *G.S.*, 1, 306; *G.W.*, 1, 313.(190,195)

[Trans.: «On the Grounds for Detaching a Particular Syndrome from Neurasthenia under the Description «Anxiety Neurosis»«, *C. P.*, 1, 76; *Standard Ed.*, 3.]

(1895d) With Breuer, J., *Studien Über Hysterie,* Vienna. *(G.S.*, 1, *G.W.*, 1, 75. Omitting Breuer's contributions.) (XIV–XVII, 112, n. 1, 132, 139, n. 1, 176, n. 1, 212 *n.*, 520 *n.*, 560, 576, *n.* 2, 581 *n.*, 585, 608, *n.* 3, 640 *n.)*

[Trans.: Studies on Hysteria, Standard Ed., 2.]

(1896b) «Weitere Bemerkungen Über die Abwehr-Neuropsychosen», *G.S.*, 1, 363; *G.W.*, 1,*377.* (176 *n.*1, 264 *n.*, 584)

[Trans.: «Further Remarks on the Neuro-Psychoses of Defence», *C. P.*, 1, 155; *Standard Ed.*, 3.]

(1898b) «Zum psychischen Mechanismus der Vergesslichkeit», *G.W.*, 1, 517. (202, *n.* 1, 557, *n.* 1, 648 *n.)*

[Trans.: «The Psychical Mechanism of Forgetting», *Standard Ed.*, 3.]

(1899a) «Über Deckerinnerungen», *GJS.*, 1, 465; *G.W.*, 1. (51 *n.*, 205, *n.* 2, 279 *n.*, 323, и. 2, 383, *n.* 9, 461, и. 1, 648 *n.)*

[Trans.: «Screen Memories», *C. P.*, 5, 47; Standard Ed., 3.]

(1900a) *Die Traumdeutung,* Vienna. *(G.S.*, 2–3; *G.W.*, 2–3.)

[Trans.: The Interpretation of Dreams, London, 1954; Standard Ed., 4–5.] (297, *n.* 1, 425, 427, 432)

(1901a) *Über den Traum,* Wiesbaden. *(G.S.*, 3, 189; *G.W.*, 2–3, 643.) (166 *n.*, 187, n. 1, 217, n. 1, 452 n., 477 n.)

[Trans.: On Dreams, London, 1951; *Standard Ed.*, 5, 629.]

(19016) *Zur Psychopathologie des Alltagslebens,* Berlin. *(G.S.*, 4; *G.W., A.)* (151, *n.* 1, 202 n., 230, *n.* 1, 244, n. 2, 281 *n.*, 290, n. 1, 330, *n.* 2, 435, n. 1, 493, n. 3, 539, *n.* 1, 553, n. 1, 557 *n.*, 570, n. 2, 573 *n.*, 648 n.)

[Trans.: *The Psychopathology of Everyday Life, Standard Ed.*, 6.]

(1904a) «Die Freud'sche psychoanalytische Methode», *G.S.*, 6, 3; *G.W.*, 5, 3. (133 *n.)*

[Trans.: «Freud's Psycho-Analytic Method», *C. P.*, 1, 264; *Standard Ed.* 7.]

(1905c) *Der Witz und seine Beziehungzum Unbewussten*, Vienna. *(G.S.*, 9; *G. W.*, 6.) (153 *n.*, 227, *n.* 2, 301, n. 2, 332 *n.*, 338, и. 1, 376, *n.* 1, 391, n. 2, 481, n. 2, 518 *n.*, 644 n.)

Freud, S. *(cont.)*

[Trans.:Jokes and their Relation to the Unconscious, Standard Ed., 8.]

(1905d) *Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie,* Vienna. *(G.S.*, 5, 3; *G.W.*, 5, 29.) (XII, 163, *n.* 2, 278, *n.*1, 306, *n.* 2, 390, *n.* 1, 432, 531 *n.*, 645, *n.* 1)

[Trans.: Three Essays on the Theory of Sexuality, London, 1949; *Standard Ed.*, 7.]

(1905e) «Bruchstuck einer Hysterie-Analyse», *G.S.*, 8, 3; *G.W.*, 5, 163. (XIV, 223, *n.* 1, 345 *n.*, 376, *n.* 1, 389, 422, *n.* 2, 430, 532 *n.*, 554 *n.*, 557, *n.* 2, 570, n. 1, 600, n. 1, 601, n. 2, 618 n.)

[Trans.: «Fragment of an Analysis of a Case of Hysteria», *C. P.*, 3, 13; *Standard Ed.*, 7.]

(1907a) *Der Wahn und die Träume in W. Jensens «Gradiva»,* Vienna. *(G.S.*, 9, 273; *G.W., 7, 31.) (129 n., 407 n.)*

[Trans.: Delusion and Dreams in Jensen's «Gradiva», Standard Ed., 9.]

(1908a) «Hysterische Phantasien und ihre Beziehung zur Bisexualitat», *G.S.*, 5, 246; *G.W., 1*, 191. (529, *n.* 3, 608)

[Trans.: «Hysterical Phantasies and their Relation to Bisexuality», *C. P., 2,* 51; *Standard Ed.*, 9.]

(19086) «Charakter und Analerotik», *G.S.*, 5, 261; *G.W.*, 7, 203. (250, *n.* 1, 439)

[Trans.: «Character and Anal Erotism», *C. P., 2,* 45; Standard Ed., 9.]

(1908c) «Über infantile Sexualtheorien», *G.S.*, 5, 168; *G.W.*, 7, 171. (283 *n.)*

[Trans.: «On the Sexual Theories of Children», *C. P., 2,* 59; *Standard Ed.*, 9.]

(1908e) «Der Dichter und das Phantasieren», *G.S.*, 10, 229; *G.W., 7,* 213. (529, *n.* 3)

[Trans.: «Creative Writers and Day-Dreaming», *C. P., 4,* 173; *Standard Ed.*, 9.]

(19096) «Analyse der Phobie eines funfjahrigen Knaben», *G.S.,* 8, 129; *G.W.,* 7, 243. (164 *n.*, 283 *n.*,284 *n.*, 286 *n.)*

[Trans.: «Analysis of a Phobia in a Five-Year-Old Boy», *C. P.,* 3, 149; *Standard Ed.,* 10.]

(1909d) «Bemerkungen Über einen Fall von Zwangsneurose», *G.S.,* 8, 269; *G.W.,* 7, 381. (339 *n.,* 376, *n.* 1,481, *n.* 2)

[Trans.: «Notes upon a Case of Obsessional Neurosis», C. P., 3, 293; *Standard Ed.,* 10.]

(1910a) *Über Psychoanalyse,* Vienna. *(G.S., 4,* 349; *G.W.,* 8, 3.) (647 n.)

[Trans.: Five Lectures on Psycho-Analysis, Standard Ed., 11.]

(1910d) «Die zukunftigen Chancen der psychoanalytischen Therapie», *G.S.,* 6, 25; *G.W.,* 8, 104. (390, *n.*2, 401, 405, 439, *n.* 2)

[Trans.: «The Future Prospects of Psycho-Analytic Therapy», *C. P., 2,* 285; *Standard Ed.,* 11.]

(1910e) «Über den Gegensinn der Urworte», *G.S.,* 10, 221; *G.W.,* 8, 214. (353, n. 3)

[Trans.: «The Antithetical Sense of Primal Words», *C. P.,* 4, 184; *Standard Ed.,* 11.]

(1910f) «Brief an Dr. Friedrich S. Krauss Über die *Anthro-pophyteia», G.S.,* 11, 242; G.W., 8, 224. (645, n. 2)

[Trans.: «Letter to Dr. Friedrich S. Krauss on *Anthro-pophyteia», Standard Ed.,* 11.]

(1910h) «Über einen besonderen Typus der Objektwahl beim Manne» (Beitrage zur Psychologie des Liebeslebens» I), *G.S.,* 5, 186; *G.W.,* 8, 66. (297, *n.* 1, 439, *n.* 2)

[Trans.: «A Special Type of Choice of Object made by Men» («Contributions to the Psychology of Love» I), *C. P.,* 4, 192; *Standard Ed.,* 11.]

(1910l) «Typisches Beispiel eines verkappten OdipusTräumes», *Zentralbl. Psychoanal,* 1, 45; reprinted in *Die Traum-deutung, G.S.,* 3, 118, *n.; G.W.,* 2–3, 404 n. (178 n., 433 n.)

[Trans.: «A Typical Example of a Disguised Oedipus Dream»; included in *The Interpretation of Dreams, Standard Ed.,* 5, 398 *n.]* Freud, S. *(cont.)*

(1911a) «Nachtrage zur Traumdeutung», *Zentralbl. Psycho-anal,* 1, 187. (Partly reprinted *G.S.,* 3, 77 ff. and 126 f.; *G.W.,* 2–3, 365 ff. and 412 f.) (395 *n.,* 401, *n.* 1, 443 *n.)*

[Trans.: «Additions to the Interpretation of Dreams», (wholly incorporated in *The Interpretation of Dreams, Standard Ed.,* 5, 360 ff. and 408 f.)]

(1911b) «Formulierungen Über die zwei Prinzipien des psychischen Geschehens», *G.S., 5,* 409; *G.W.,* 8, 230. (466 *n.,* 606, *n.* 2)

[Trans.: «Formulations on the Two Principles of Mental Functioning», *C. P.,* 4, 13; *Standard Ed.,* 12.]

(1911e) «Die Handhabung der Traumdeutung in der Psycho-analyse», *G.S.,* 6, 45; *G.W.,* 8, 350. (136 *n.*,553, *n.* 1)

[Trans.: «The Handling of Dream-Interpretation in Psycho-Analysis», *C. P.,* 2, 305; *Standard Ed.,* 12.]

(1912g) «Einige Bernerkungen Über den Begriff des Unbe-wussten in der Psychoanalyse», *G.W.,* 8, 360. (653 *n.)*

[Trans.: «Some Remarks on the Concept of the Unconscious as used in Psycho-Analysis», *C. P.,* 4, 22; *Standard Ed.,* 12.]

(1912-13) *Totem und Tabu,* Vienna. *(G.S.,* 10; *G.W.,* 9.) (289, *n.* 1, 290 *n.,* 297, и. 1, 445 n., 539, n. 1)

[Trans.: Totem and Taboo, London, 1950; *Standard Ed.,* 13.]

(1913a) «Ein Traum als Beweismittel», *G.S.,* 3, 267; *G.W.,* 10, 12. (386, *n.* 1, 528, *n.* 1,601, *n. 1)* Freud, S. *(cont.)*

[Trans.: «An Evidential Dream», *C. P.,* 2, 133; *Standard Ed.,* 13.]

(1913d); «Marchenstoffe in Träumen», *G.S.,* 3, 259; *G.W.,* 10, 2. (Appendix B, 666)

[Trans.: «The Occurrence in Dreams of Material from Fairy Tales», *C. P.,* 4, 236; *Standard Ed.,* 13.]

(1913f) «Das Motiv der Kastchenwahl», *G.S.,* 10, 243–56; *G.W.,* 10, 24–37.

[Trans.: «The Theme of the Three Caskets», *C. P.,* 4, 244–56; *Standard Ed.,* 12.]

(1913h) «Erfahrungen und Beispiele aus der analytischen Praxis», *Int. Z. PsychoanaL,* 1,377. (Partly reprinted *G.S.,* 11,301; *G.W.,* 10, 40. Partly included in *Traumdeutung, G.S.,* 3, 41, 71 f., 127 and 135; *G.W.,*2–3, 238, 359 ff., 413 f. and 433.) (265, *n.* 2, 444, *n.* 2, 467, *n.* 1)

[Trans.: «Observations and Examples from Analytic Practice», *Standard Ed.,* 13 (in full). Also partly incorporated in *The Interpretation of Dreams, Standard Ed.,* 4, 232 and 5, 409 f.]

(1913k) «Geleitwort zu Bourke's *Der Unrat in Sitte, Branch, Glauben und Gewohnheitsrecht der Vojker», G.S.,* 11, 249; *G.W.*, 10, 453. (645, *n.* 2)

[Trans.: «Preface to Bourke, *Scatalogic Rites of All Nations»,* C. P., 5, 88; *Standard Ed.*, 12.]

(1914a) «Über fausse reconnaissance («deja raconte») wahrend der psychoanalytischen Arbeit», *G.S.*, 6, 76; *G.W.*, 10, 116. (435, *n.* 1)

[Trans.: «Fausse reconnaissance («deja raconte») in Psycho-Analytic Treatment», *C. P.,* 2, 334; *Standard Ed.*, 14.]

(1914c) «Zur Einfuhrung des Narzissmus», *G.S.,* 6, 155; *G.W.*, 10, 138 (543, *n.* 2)

[Trans.: «On Narcissism: an Introduction», *Cf.*, 4, 30; *Standard Ed.*, 14.]

(1914d) «Zur Geschichte der psychoanalytischen Bewegung», *G.S.*, 4, 411; *G.W.*, 10, 44. (XII, XIV, 384, *n.* 3)

[Trans.: «On the History of the Psycho-Analytic Movement», *C. P.*, 1, 287; *Standard Ed.*, 14.]

(1914e) «Darstellungen der «grossen Leistung» im Träume», *Int. Z. PsychoanaL,* 2, 384; reprinted in *Die Traumdeutung, G.S.*, 3, 130; *G.W.*, 2–3, 416. (448, *n.* 1)

[Trans.: «The Representation in a Dream of a "Great Achievement"»; included in *The Interpretation of Dreams, Standard Ed.*, 5, 412.]

(1915a) «Weitere Ratschlage zur Technik der Psychoanalyse III: Bemerkungen Über die Übertragungsliebe», *G.S.*, 6, 120; *G.W.*, 10, 306. (601, *n.* 2)

[Trans.: «Observations on Transference-Love (Further Recommendations on the Technique of Psycho-Analysis, III)», *C. P.*, 2, 377; *Standard Ed.*, 12.]

(1915b) «Zeitgemasses Über Krieg und Tod», *G.S.*, 10,315–46; *G.W.*, 10,324–55. (289, и. 1)

[Trans.: «Thoughts for the Times on War and Death», *C. P.*, 4, 288–317; *Standard Ed.*, 14.]

(1915d) «Die Verdrangung», *G.S.*, 5, 466; *G.W.*, 10, 248. (586, *n.* 2, 643 *n.)*

[Trans.: «Repression», *C. P.*, 4, 84; *Standard Ed.*, 14.]

(1915e) «Das Unbewusste», *G.S.*, 5, 480; *G.W.*, 10, 264. (640 *n.*, 649 *n.*, 656 *n.)*

[Trans.: «The Unconscious», *C. P.*, 4, 98; *Standard Ed.*, 14.]

(1916c) «Eine Beziehung zwischen einem Symbol und einem Symptom», *G.S.*, 5, 310; G.W., 10, 394. (397 n.)

[Trans.: «A Connection between a Symbol and a Symptom», *C. P.*, 2, 162; *Standard Ed.*, 14.]

(1916d) «Einige Charaktertypen aus der psychoanalytischen Arbeit», *G.S.*, 10, 287; G.W., 10, 364. (300 n.)

[Trans.: «Some Character-Types Met with in Psycho-Analytic Work», *C. P.*, 4, 318; *Standard Ed.*, 14.]

(1916–17) *Vorlesungen zur Einfuhrungin die Psychoanalyse,* Vienna. *(G.S.*, 7; *G.W.*, 11.) (XXIX, 51 *n.*,166 *n.*, 176, *n.* 2, 188 n. 1, 265 n. 2, 311 *n.*, 332 *n.*, 395, 399, *n.* 1, 440 *n.*, *AAA*, *n.* 1, 449, *n.* 1, 452 n., 466, *n.* 1, 556 n., 620 *n.)*

[Trans.: Introductory Lectures on Psycho-Analysis, revised ed. London, 1929; *Standard Ed.*, 15 and 16.]

(1917d) «Metapsychologische Erganzung zur Traumlehre», *G.S.*, 5, 520; *G.W.*, 10, 412. (67 *n.*, 563, *n.* 1, 580 *n.*, 587, 593 n.)

[Trans.: «A Metapsychological Supplement to the Theory of Dreams», *C. P.*, 4, 137; *Standard Ed.*, 14.]

(1918b) «Aus der Geschichte einer infantilen Neurose», *G.S.*, 8, 439; *G.W.*, 12, 29. (217, *n.* 2, 345 *n.*,407 n., 561, *n.* 1)

[Trans.: «From the History of an Infantile Neurosis», *C. P.*, 3, 473; *Standard Ed.*, 17.]

(1919h) «Das Unheimliche», *G.S.*, 10, 369; G.W., 12, 229. (392 *n.*, 449, n. 3)

[Trans.: «The Uncanny», C. *P.*, 4, 368; *Standard Ed.*, 17.]

(1920a) «Über die Psychogenese eines Falles von weiblicher Homosexualitat», *G.S.*, 5, 312; *G.W.*, 12, 271. (514, *n.* 2)

[Trans.: «The Psychogenesis of a Case of Female Homosexuality», *C. P.*, 2, 202; *Standard Ed.*, 18.]

(1920f) «Erganzungen zur Traumlehre» (Author's Abstract of Congress Address), *Int. Z. Psychoanai*, 6, 397. (Appendix B, 666)

Freud, S. *(cont.)*

[Trans.: «Supplements to the Theory of Dreams», *Int. J. Psycho-Anal.*, 1, 354; *Standard Ed.*, 18.]

(1920g) Jenseits des Lustprinzips, Vienna. *(G.S.,* 6, 191; *G.W.,* 13, 3.) (278, *n.* 2, 301, *n.* 2, 498 *n.*, 578 *n.*, 597, *n.* 1, 604 *n.*, 640 *n.)*

[Trans.: Beyond the Pleasure Principle, London, 1950; *Standard Ed.,* 18.]

(1921b) Introduction [in English] to Varendonck, *The Psychology of Day-Dreams,* London. *(G.W.,* 13, 439; *Standard Ed.,* 18.) (529, *n.* 3)

(1921c) Massenpsychologie und Ich-Analyse, Vienna. *(G.S.,* 6, 261; *G.W.,* 13, 73.) (184 n., 514, n. 1)

[Trans.: *Group Psychology and the Analysis of the Ego,* London, 1922; *Standard Ed.,* 18.]

(1922a) «Traum und Telepathie», *G.S.,* 3, 278; *G.W.,* 13, 165. (39 *n.*, 195, n. 1, 366, n., 439, n. 2, 563, n. 1, 599, *n.* 2, 618, n.)

[Trans.: «Dreams and Telepathy», *C. P.,* 4, 408; *Standard Ed.,* 18.]

(19226) «Über einige neurotische Mechanismen bei Eifer-sucht, Paranoia und Homosexualitat», *G.S.,* 5. 387; *G.W.,* 13, 195. (121 *n.)*

[Trans.: «Some Neurotic Mechanisms in Jealousy, Paranoia and Homosexuality», *C. P.,* 2, 232; *Standard Ed.,* 18.]

(1922c) «Nachschrift zur Analyse des kleinen Hans», *G.S.,* 8, 264; *G.W.,* 13, 431. (559, *n.* 3)

[Trans.: «Postscript to the «Analysis of a Phobia in a Five-Year-Old-Boy», *C. P.,* 3, 288; *Standard Ed.,*10.]

(1923a [1922]) «Psychoanalyse» und «Libido Theorie», *G.S.,* 11, 201; *G.W.,* 13,
211. (528, n. 1)

[Trans.: «Two Encyclopaedia Articles», *C. P.,* 5, 107; *Standard Ed.,* 18.]

(19236) *Das lch und das Es,* Vienna. *(G.S.,* 6, 353; G.W., 13, 237.) (194 *n.*, 514, n. 1,580 n., 603 n., 653 n.)

[Trans.: The Ego and the Id, London, 1927; *Standard Ed.,* 19.]

(1923c) «Bemerkungen zur Theorie und Praxis der Traumdeutung», *G.S.,* 3, 305; *G.W.,* 13, 301. (136 *n.*,197 *n.*, 358, *n.* 3, 514, и. 1)

[Trans.: «Remarks on the Theory and Practice of Dream-Interpretation», *C. P.,* 5, 136; *Standard Ed.,*19.]

(1923d) «Eine Teufelsneurose im siebzehnten Jahrhundert», *G.S.,* 10, 409; *G.W.,* 13, 317. (393, *n.* 3)

[Trans.: «A Seventeenth Century Demonological Neurosis», *C. P.,* 4, 436; *Standard Ed.,* 19.]

(1923f) «Josef Popper-Lynkeus und die Theorie des Träumes», *G.S.,* 11, 295; *G.W.,* 13, 357. (126, *n.* 3, 343, *n.* 2)

[Trans.: «Josef Popper-Lynkeus and the Theory of Dreams», *Standard Ed.,* 19.]

(1924–34) *Gesammelte Schriften,* Vienna, (xii, xxxi, 37, *n.* 1, 55, *n.* 1, 160, *n.* 1, 223, *n.* 2,346 *n.*, 546 *n.)*

(1924c) «Das okonomische Problem des Masochismus», *G.S.,* 5, 374; *G.W.,* 13, 371. (192, n.3)

[Trans.: «The Economic Problem of Masochism», *C. P.,* 2, 255; *Standard Ed.,* 19.]

(1925a) «Notiz Über den Wunderblock», *G.S.,* 6, 415; *G.W.,* 14, 3. (578 *n.)*

[Trans.: «A Note on the "Mystic Writing-Pad"», *C. P.,* 5, 175; *Standard Ed.,* 20.]

(1925d) *«Selbstdarstellung», G.S.,* 11, 119; *G.W.,* 14, 33. (474 *n.)*

[Trans.: An Autobiographical Study, London, 1935; *Standard Ed.,* 20.]

(1925i) «Einige Nachtroge zum Ganzen der Traumdeutung», *G.S.,* 3, 172; *G.W.,* 1, 559. (39 *n.*, 106, *n.* 2, 563, *n.* 2, 659, *n.* 2)

[Trans.: «Some Additional Notes upon Dream-Interpretation as a Whole», *C. P.,* 5, 150; *Standard Ed.,*20.]

(1925j) «Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds», *G.S.,* 11, 8; *G.W.,* 14, 19. (291 *n.)*

[Trans.: «Some Psychological Consequences of the Anatomical Distinction between the Sexes», *C. P.,*5, 186; *Standard Ed.,* 19.]

(1926d) *Hemmung, Symptom und Angst,* Vienna. *(G.S.,* 11, 23; *G.W.,* 13, 113.) (195, *n.* 2, 373, *n.* 1, 436, *n.* 2, 643 *n.)*

[Trans.: Inhibitions, Symptoms and Anxiety, London, 1936; *The Problem of Anxiety,* New York, 1936; *Standard Ed.,* 20.]

(1927c) *Die Zukunfteiner Illusion,* Vienna. *(G.S.,* 11, 411; G.W., 14, 325.) (492, *n.* 1)

[Trans.: The Future of an Illusion, London, 1928; *Standard Ed.,* 21.]

(1929b) «Brief an Maxime Leroy Über einen Traum des Cartesius», *G.S.*, 12, 403; *G.W.*, 14, 558. (Appendix B, 666)

[Trans.: «A Letter to Maxime Leroy on a Dream of Descartes», *Standard Ed.*, 21.]

(1930a) *Das Unbehagen in der Kultur*, Vienna. *(G.S.*, 12, 29; *G.W.*, 14, 421). (109 *n.)*

[Trans.: Civilization and its Discontents, London, 1930; *Standard Ed.*, 21.]

(1930e) «Goethe-Preis 1930», *G.S.*, 12, 406; *G.W.*, 14, 545. (175 *n.*, 300 *n.)*

[Trans.: «The Goethe Prize for 1930», *Standard Ed.*, 21.]

(19316) «Über die weibliche Sexualitat», *G.S.*, 12, 120; *G.W.*, 14, 517. (291 *n.)*

[Trans.: «Female Sexuality», *C. P.*, 5, 252; *Standard Ed.*, 21.]

Freud, S. *(cont.)*

(1932c) «Meine Beruhrung mit Josef Popper-Lynkeus», *G.S.*, 12, 415; *G.W.*, 16, 261. (XII, 126, n. 3,343, *n.* 2)

[Trans.: «My Contact with Josef Popper-Lynkeus», *C. P.*, 5, 295; *Standard Ed.*, 22.]

(1933a) *Neue Folge der Vorlesungenzur Einfuhrung in die Psychoanalyse,* Vienna. *(G.S.*, 12, 151; *G.W.*,15.) (39 *n.*, 124 *n.*, 369 *n.*, 528, *n.* 2, 543, n. 2, 569 n., 580 n., 597, n. 1,643 n.)

[Trans.: New Introductory Lectures on Psycho-Analysis, London, 1933; *Standard Ed.*, 22.]

(1940a [1938]) *A briss der Psychoanalyse*, *(G.W.*, 17, 67.) (Appendix B, 666)

[Trans.: An Outline of Psycho-Analysis, London and New York, 1949; *Standard Ed.*, 23.]

(1940c [1922]) «Das Medusenhaupt», *G.W.*, 17, 47. (392 *n.)*

[Trans.: «Medusa's Head», *C. P.*, 5, 105; *Standard Ed.*, 18.]

(1940d [1892]) With Breuer, J., «Zur Theorie des hysterischen Anfalls», *G.W.*, 17, 9. (XVII)

[Trans.: «On the Theory of Hysterical Attacks», *C. P.*, 5, 27; *Standard Ed.*, 1.]

(1941a [1892]) «Brief an Josef Breuer», *G.W.*, 17, 5. (604 *n.)*

[Trans.: «A Letter to Josef Breuer», *C. P.*, 5, 25; *Standard Ed.*, 1.]

(1941c [1899]) «Eine erfullte Traumahnung», *G.W.*, 17, 21. (39 *n.*, 97, *n.* 3, 661–4)

[Trans.: «A Premonitory Dream Fulfilled», *C. P.*, 5, 70; *Standard Ed.*, 5, 623.

(1950a [1887–1902]) *Aus den Anfangen der Psychoanalyse,* London, (XII, XIVXX, xxvi, 51 *n.*, 126, *n.*1, 145, *n.* 1, 149, *n.* 2, 150 *n.*, 151, *n.* 1, 154 *n.*, 155 *n.*, 158 n., 163 n., 170 *n.*, 175 n., 178 *n.*, 184 n., 190, n. 2, 195, n. 1, 205, *n.* 1, 226, n. 1, 226, *n.* 2, 227, n. 2, 228, n. 2, 233 *n.*, 238, nn. 1 and 2, 247 n., 265 n., 274 *n.*, 277, n. 1, 281 *n.*, 297, n. 1, 301, *n.* 2, 332 n., 352 *n.*, 353, n. 1, 422, *n.* 2, 461, n. 1, 472 n., 475 n., 491, *n.*2, 501 n., 505 *n.*, 530 n., 537 *n.*, 547 n., 553, n. 2, 574 n., 578 n., 604 *n.*, 632 т n., 640 *n.*, 644 n., 647 n., 654 *n.*, 659, n. 1, 661, *n.* 1, 667) [In part in *Standard Ed.*, 1.]

Fuchs, E. (1909–12) *Illustrierte Sittengeschichte* (Erganzungs-bande), Munich. (382 *n.)*

Galton, F. (1907) *Inquiries into Human Faculty and its Development*, 2nd ed., Everyman's Edition, London (1st ed., 1883.) (172, 328, 532–3)

Garneer, A. (1872) *Traite des facultes de Pame, contenant l» histoire des principales theories psychologiques*, (3 vols.), Paris. (1st ed., 1852.) (60, 266–7)

Giessler, C. M. (1888) Beitrage zur Phanomenologie des Traumlebens, Halle. (120, n. 1)

(1890) *Aus den Tiefen des Traumlebens,* Halle. (120, n. 1)

(1896) *Die physiologischen Beziehungen der Traumvor-gange*, Halle. (120, n. 1)

Girou de Bouzareinges, C. and Girou de Bouzareinges, L. (1848) *Physiologie: essai sur le mecanisme des sensations, des idees et des sentiments*, Paris. (58)

Goblot, E. (1896) «Sur le souvenir des rêves», *Rev.phil*, 42, 288. (540, 614)

Gomperz, T. (1866) *Traumdeutung und ZaÜberei,* Vienna. (130, *n.* 2)

Gotthardt, O. (1912) *Die Traumbcher des Mittelalters*, Eisleben. (38, *n.* 2)

Groesinger, W. (1845) *Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten,* Stuttgart. (167)

(1861) do., 2nd ed. (quoted by Radestock). (123, 264 *n.)*

Gruppe, O. (1906) *Griechische Mythologie und Religions-geschichte,* Munich. (In Mtiller, *Handbuch der klassischen Altertums-Wissenschaft,* 5, 2.) (37–8)

Guislain, J. (1833) *Lecons orales sur les phrenopathies* (3 vols.), Brussels. (121)

[Quotation in text is from *German trans.: Abhandlungen Über die Phrenopathien,* Nuremberg, 1838.]

Haffner, P. (1887) «Schlafen und Träumerf», *Sammlung zeitgemasser Broschuren*, 226, Frankfurt. (39, 84 *n.*, 96, *n.* 1, 99–101)

Hagen, F. W. (1846) «Psychologie und Psychiatrie», *Wagnef's Handwdrterbuch der Physiologie, 2*, 692, Brunswick. (122)

Hallam, F. and Weed, S. (1896) «A Study of Dream Consciousness», *Amer.J. Psychol., 7,* 405. (52, 168, 197)

Hartmann, E. von (1890) *Philosophie des Unbewussten,* 10th ed., Leipzig. (1st ed., 1869.) (167, 567 *n.)*

[Trans.: Philosophy of the Unconscious, by W. C. Coup-land, London, 1884.]

Hartmann, H., See Betlheim and Hartmann.

Hennings, J. C. (1784) *Von den Träumen und Nachtmandlern,* Weimar. (47, 58)

Henzen, W. (1890) *Über die Träume in der altnordischen Sagaliteratur,* (Thesis) Leipzig. (442–3)

Herbert, J. F. (1892) *Psychologie als Wissenschaft neu gegrundet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik. (Zweiter, analytischer Teil);* Vol. 6 in *Herbart's Samtliche Werke* (ed. K. Kehrbach), Langensalza. (1st ed., Konigsberg, 1825.) (108)

Hermann, K. F. (1858) *Lehrbuch der gottesdienstlichen Alterthumer der Griechen,* 2nd ed., Heidelberg. (Pt. II *of Lehrbuch der griechischen Antiquitaten.)* (67 *n.)*

(1882) *Lehrbuch der griechischen Privatalterthumer*, 3rd ed., Freiburg. (Pt. IV of *Lehrbuch der griechischen Antiquitaten).* (67 *n.)*

Herodotus *History*. (433 *n.)*

[Trans, by A. D. Godley, Vol. III (Loeb Classical Library), London and New York, 1922.]

Hervey de Saint-Denys, Marquis d', (1867) *Les rêves et les moyens de les dinger,* Paris. (Published anonymously.) (47, 59, 93–4, 611)

Hildebrandt, F. W. (1875) *Der Traum und seine Verwer-thung fur's Leben*, Leipzig. (43–4, 49, 52–4, 59–61, 88, 95–7, 99–104)

Hippocrates *Ancient Medicine* and *Regimen.* (37, *n.* 3, 67 *n.*, 438)

[Trans, by W. H. S.Jones, Vols. I and IV (Loeb Classical Library), London and New York, 1923 and 1931.]

Hitschmann, E. (1913) «Goethe als Vatersymbol», *Int. Z. Psychoanal.,* 1, 569. (389) Hobbes, T. (1651) *Leviathan,* London. (581 *n.)*

Hoffbauer, J. C (1796) *Naturlehre der Seele,* Halle. (58)

Hohnbaum (1830) In C F. Nasse: Jb. *Anthrop.*, 1 (120)

Hug-Hellmuth, H. von (1911) «Analyse eines Träumes eines 51/2 jahrigen Knaben», *Zbl. Psychoanal,* 2, 122. (164 *n.)*

(1913) «KinderTräume», *Int. Z. Psychoanal.*, 1, 470. (164 *n.)*

(1915) «Ein Traum der sich selbst deutet», *Int. Z. Psycho-anal.*, 3, 33. (176, *n.* 2)

*Ideler, K. W. (1862) «Die Enstehung des Wahnsinns aus den Träumen», *Charite Annalen,* 3, Berlin. (120, *n. 1)*

*Iwaya, S. (1902) Traumdeutung in Japan», *Ostasien,* 302. (38, *n.* 2)

Jekels, L. (1917) «Shakespeare's Macbeth», *Imago, S,* 170. (300 *n.)*

Jessen, P. (1855) *Versuch einer wissenschaftlichen Begmndung der Psychologie,* Berlin. (42, 47, 57, 79, 98, 104)

Jodl, F. (1896) *Lehrbuch der Psychologie,* Stuttgart. (89)

Jones, E. (1910a) «The Oedipus Complex as an Explanation of Hamlet's Mystery», *Amer.J. Psychol.,* 21, 72. (300 *n.)*

(19106) «Freud's Theory of Dreams», *Amer.J. Psychol,* 21, 283. (436–7)

(1911) «The Relationship between Dreams and Psycho-neurotic Symptoms», *Am.J. Insanity,* 68, 57. (608, *n.* 2)

(1912a) «Unbewusste Zahlenbehandlung», *Zbl. Psychoanal.*, 2, 241. (453, *n.* 2)

(1912b) «A Forgotten Dream», J. *Abnorm. PsychoL,* 7, 5. (559, *n.* 2)

(1914a) «Frau und Zimmer», *Int. Z. Psychoanal.*, 2, 380. (389 *n.)*

(1914b) «Zahnziehen und Geburt», *Int. Z. Psychoanal.,* 2, 380. (423, *n.* 1)

(1916) «The Theory of Symbolism», *Brit. J. PsychoL,* 9, 181. (386, *n.* 2)

(1949) *Hamlet and Oedipus*, London. (300 *n.)*

(1953) *Sigmund Freud: Life and Work,* 1, London, (XXII, 144, *n.* 1, 203 *n.*, 667) Josephus, Flavius *Antiquitates Judaicae.* (369)

[Trans.: Ancient History of the Jews by W. Whiston, London, 1874.]

Jung, C. G. (ed.) (1906) *Diagnostische Assoziationsstudien* (2 vols.), Leipzig. (570, *n.* 2)
[Trans.: Studies in Word-Association, London.]
(1907) Über die Psychologie der Dementia pr cox, Halle. (568 *n.)*
[Trans.: The Psychology of Dementia Pr cox, New York, 1909.]
(1910a) «Über Konflikte der kindlichen *Seele», Jb. psycho-anal, psychopath. Forsck, 2,* 33. (164 *n.)*
(19106) «Ein Beitrag zur Psychologie des Geruchtes», *Zbl. Psychoanal.,* 1, 81. (370)
(1911) «Ein Beitrag zur Kenntnis des ZahlenTräumes», *Zbl. PsychoanaL,* 1, 567. (453, *n.* 2)
Kant, I. (1764) *Versuch Über die Krankheiten des Kopjes.* (121–2)
(1798) *Anthropologie in pragmatischer Hinsichi.* (103–4)
Karpinska, L. von (1914) «Ein Beitrag zur Analyse «sinnloser» Worte in Träume», *Int. Z. PsychoanaL, 2,* 164. (339)
Kazowsky, A. D. (1901) «Zur Frage nach dem Zusammenhange von Träumen und Wahnvorstellungen», *Neurol. Zbl.,* 440 and 508. (120, и. 1)
Kerchgraber, F. (1912) «Der Hut als Symbol des Genitales», *Zbl. Psycho anal. Psychother,* 3, 95. (397 *n.)*
Kleinpaul, R. (1898) *Die Lebendigen und die Toten in Volksglauben, Religion und Sage,* Leipzig. (386, *n.* 2)
Krauss, A. (1858–59) «Der Sinn im Wahnsinn», *Allg. Z. Psychol.,* 15, 617 and 16, 222. (70–1, 120–2, 123)
Krauss, F. S. See Artemidorus. (391, *n. 1)*
Ladd, G. T. (1892) «Contribution to the Psychology of Visual Dreams», *Mind,* (New Series) 1, 299. (66–7, 628)
Landauer, K. (1918) «Handlungen des Schlafenden», *Z.ges. Neur. Psychiat.,* 39, 329. (258 *n.)*
*Lasegue, C (1881) «Le delire alcoolique n» est pas un delire, mais un reve», *Arch. gen. Med.* (120, *n.*1)
Lauer, C (1913) «Das Wesen des Träumes in der Beurteilung der talmudischen und rabbinischen Literatur», *Int. Z. PsychoanaL,* 1, 459. (38, *n.* 2)
Lehmann, A. (1908) *Aberglaube und ZaÜberei von den altesten Zeiten bis in die Gegenwart* (German trans, by Petersen), Stuttgart. (67 *n.)*
Le Lorrain, J. (1894) «La duree du temps dans les rêves», *Rev.phil,* 38, 275. (60, 97, 534) (1895) «Le reve», *Rev.phil,* 40, 59. (534, 606, *n.* 1)
Lélut. (1852) «Memoire sur les sommeil, les songes et le sonnambulisme», *Ann. med.-psychoi,* 4, 331. (121)
Lemoine, A. (1855) *Du sommeil au point de vue physiologique et psychologique,* Paris. (87)
Leroy. See Bernard-Leroy.
Leuret, F. (1834) *Fragments psychologiques sur la folie,* Paris. (568)
Liebeault, A. A. (1889) *Le sommeil provoque et les etats analogues,* Paris. (609 *n.)*
Lipps, T. (1883) *Grundtatsachen des Seelenlebens,* Bonn. (257)
(1897) «Der Begriff des Unbewussten in der Psychologie», *Records of the Third Internat. Congr. Psychol.,* Munich. (650–51, 652)
*Lloyd, W. (1877) *Magnetism and Mesmerism in Antiquity,* London (67 *n.)*
Lowinger. (1908) «Der Traum in der judischen Literatur», *Mitt. jud. Volksk.,* 10. (38, *n.* 2)
Lucretius *De rerum natura.* (42)
[Trans, by W. H. D. Rouse (Loeb Classical Library), London and New York, 1924.]
«Lynkeus» (J. Popper) (1899) *Phantasien eines Realisten,* Dresden. (126, 343, *n.* 2)
Maass, J. G. E. (1805) *Versuch Über die Leidenschaften,* Halle. (42)
Macario, M. M. A. (1847) «Des rêves, consideres sous le rapport physiologique et pathologique», Pt. II, *Ann. medpsychol,* 9, 27. (121)
(1857) *Du sommeil, des rêves et du sonnambulisme dans l'etat de saute et de maladie,* Paris-Lyons. (536)
Macntsh, R. (1830) *Philosophy of Sleep,* Glasgow. (58)
[German trans.:Der Schlaf in alien seinen Gestalten, Leipzig, 1835.]
Maeder, A. (1908) «Die Symbolik in den Legenden, Marchen, Gebrauchen, und Träumen», *Psychiat.-neurol. Wschr.,* 10, *55.* (386, *n.* 2)
(1912) «Über die Funktion des Träumes», *Jb. psychoanal. psychopath. Forsch.,* 4, 692. (618 *n.)*

Maine de Biran, M. F. P. (1834) *Nouvelles considerations sur les rapports du physique et du moral de l'homme,* (ed. by V. Cousin), Paris. (121)

Marcinowski, J. (1911) «Eine kleine Mitteilung», *Zbl. Psycho-anal,* 1, 575. (337–8)

(1912a) «Gezeichnete Träume», *Zbl. Psychoanal., 2,* 490 (391)

(1912b) «Drei Romane in Zahlen», *Zbl. Psychoanal., 2,* 619. (453, *n.* 2)

Maudsley, H. (1868) *Psychology and Pathology of the Mind,* London. (1st ed., 1867.) (650 *n.)*

Maury, L. F. A. (1853) «Nouvelles observations sur les analogies des phenomenes du reve et de l'alienation mentale», Pt. II, *Ann. med-psychol,* 5, 404. (61, 121, 533–5)

(1878) *Le sommeil et les rêves,* Paris. (1st ed., 1861.) (42, 46, 50, 58–61, 65–6, 68–9, 87–9, 91–4, 97, 104–6, 109, 120, 121, 124, 222, 562 *n.*, 570, *n.* 1, 614)

*Meier, G. F. (1758) *Versuch einer Erkdarung des Nachtwandelns,* Halle. (57–8)

Meynert, T. (1892) *Sammlung von popularwissenschaftlichen Vortrkgen Über den Bau und die Leistungen des Gehirns,* Vienna. (256, 284)

Miura, K. (1906) «Über japanische Traumdeutere», Mitt. *dtsch. Ges. Naturk. Ostasiens,* 10, 291. (38, *n.*2)

Moreau, J. (1855) «De l'identite de l'etat de reve et de folie», *Ann. med.-psychoi,* 1, 361.(121)

Müller, J. (1826) *Über die phantastischen Gesichtserscheinungen,* Coblenz. (65–6)

Myers, F. W. H. (1892) «Hypermnesic Dreams», *Proc. Soc. Psych. Res.,* 8, 362. (47)

Nacke, P. (1903) «Über sexuelle Träume», *Arch. Kriminalanthropol,* 307. (431)

(1905) «Der Traum als feinstes Reagens f. d. Art d. sexuellen Empfindens», *Monatschr. f. Krim.-Psychol,* 2, 500. (431)

(1907) «KontrastTräume und spez. sexuelle KontrastTräume», *Arch. Kriminalanthropol.,* 24, 1. (431)

(1908) «Beitrage zu den sexuellen Träumen», *Arch. Kriminalanthropol.,* 29, 363. (431)

(1911) «Die diagnostische und prognostische Brauchbarkeit der sex. Träume», *Arztl. Sachv.-Ztg.,* 2. (431)

Negelein, J. von (1912) «Der Traumschlussel des Jaggadeva», *Relig. Gesch. Vers.,* 11, 4. (38, *n.* 2)

Nelson, J. (1888) «A Study of Dreams», *Amer.J. Psychol.,* 1, 367. (51)

Nordenskjold, O. *et al* (1904) *Antarctic. Zwei Jahre in Schnee und Eis am Sudpol,* (2 vols.), Berlin. (164 *n.)*

[English trans, (abr.): *Antarctica,* London, 1905.]

Pachantoni, D. (1909) «Der Traum als Urschprung von Wahnideen bei Alkoholdelirianten», *Zbl. Nervenheilk.,* 32, 796. (120, и. 1)

Paulhan, F. (1894) «A propos de l'activite de l'esprit dans le reve»; under «Correspondence» in *Rev.phil,*38, 546. (540)

Peisse, L. (1857) *La medecine et les medecins,* Paris. (124)

Pfaff, E. R. (1868) *Das Traumleben und seine Deutung nach den Prinzipien der Araber, Perser, Griechen, Inder und Agypter,* Leipzig. (99)

Pfister, O. (1909) «Ein Fall von psychoanalytischer Seelsorge und Seelenheilung», *Evangelische Freiheit,* Tubingen. (439, *n. 2)*

(1911–12) «Die psychologische Entratselung der religiosen Glossolalie und der automatischen Kryptographie», Jb. *psychoanal, psychopath. Eorsch.,* 3, 427 and 730.(392)

(1913) «Kryptolalie, Kryptographie und unbewusstes Vexierbild bei Normalen», *Jb. psychoanal, und psychopath. Eorsch.,* 5, 115. (392)

Pichon, A. E. (1896) *Contribution* a *l'etude des delires oniriques ou delires de reve,* Bordeaux. (120, *n.*1)

Pilcz, A. (1899) «Über eine gewisse Gesetzmassigkeit in den Träumen», Author's Abstract, *Mschr. Psychiat. Neurol,* 5, 231, Berlin. (54) Plato *Republic.* (99, 658)

[Trans, by B. Jowett (Dialogues, Vol. II), Oxford, 1871.]

Pohorilles, N. E. (1913) «Eduard von Hartmanns Gesetz der von unbewussten Zielvorstellungen geleiteten Assoziationen», *Int. Z. Psychoanal,* 1, 605. (567 *n.)*

Potzl, O. (1917) «Experimentell erregte Traumbilder in ihren Beziehungen zum indirekten Sehen», *Z,ges. Neurol. Psychiat.,* 37, 278. (214, *n.* 2)

Prince, Morton (1910) «The Mechanism and Interpretation of Dreams», J, *abnorm. Psychol.,* 5, 139. (559)

Purkinje, J. E. (1846) «Wachen, Schlaf, Traum und verwandte Zustande», *R. Wagner's Handworterbuch der Physiologie*, 3, 412, Brunswick. (115, 167)

Putnam, J. J. (1912) «Ein charakteristischer Kindertraum», *Zbl. Psycho anal., 2,* 328. (164 *n.)*

*Raalte, F. van (1912) «Kinderdroomen», *Het Kind, Jan.* (164 *n.)*

Radestock, P. (1879) *Schlaf und Traum,* Leipzig. (42, 68, 77–8, 88–9, 98, 103, 120–3, 167)

Rank, O. (1909) *Der Mythus von der Geburt des Helden,* Leipzig and Vienna. (290 *n.*, 436, *n.* 1.)

[Trans.: Myth of the Birth of the Hero, New York, 1913]

(1910) «Ein Traum der sich selbst deutet», *Jb. Psychoanal psychopath. Forsch., 2,* 465. (194 *n.*, 271, *n.*2, 345 *n.*, 370, 384, *n.* 3, 433 *n.*, 441)

(1911a) «Beispiel eines verkappten OdipusTräumes», *Zbl. Psychoanal,* 1, 167. (433 *n.)*

(1911b) «Belege zur Rettungsphantasie», *Zbl. Psychoanal,* 1, 331. (439, *n.* 2)

(1911c) «Zum Thema der ZahnreizTräume», *Zbl. Psychoanal,* 1, 408. (423–27)

(1912a) «Die Symbolschichtung im Wecktraum und ihre Wiederkehr im mythischen Denken», Jb. *psychoanal. psychopath. Forsch.*, 4, 51. (253 *n.*, 271, *n.* 2, 387, *n.* 2, 402, 437–39)

(1912b) «Aktuelle Sexualregungen als Traumanlasse», *Zbl. Psychoanal, 2,* 596. (271, *n.* 2)

(1912c) *Das Inzest-Motiv in Dichtung und Sage*, Leipzig and Vienna. (290 *n.)*

(1913) «Eine noch nicht beschriebene Form des Odipus-Träumes», *Int. Z. Psychoanal,* 1, 151. (433 *n.)*

(1914) «Die "Geburts-Rettungsphantasie" in Traum und Dichtung», *Int.*

Z. PsychoanaL, 2, 43. (439, *n.* 2)

Rank, O., and Sachs, H. (1913) *Die Bedeutung der Psychoanalyse fur die Geisteswissenschaften,*Wiesbaden. (386, *n. 2)*

[Trans.: The Significance of Psychoanalysis for the Mental Sciences, New York, 1915.]

Regis, E. (1894) «Les hallucinations oniriques ou du sommeil des degeneres mystiques», *Compte rendu Congres Med. Alien.,* 260, Paris, 1895. (120, и. 1)

Reik, T. (1911) «Zur Rettungssymbolik», *Zbl. PsychoanaL,* 1, 499. (439, *n.* 2)

(1915) «Gold und Kot», *Int.* Z. *Psychoanal,* 3., 183. (439)

Reitler, R. (1913a) «Zur Augensymbolik», *Int.* Z. *PsychoanaL,* 1, 159. (433 *n.)*

(1913b) «Zur Genital-und Sekret-Symbolik», *Int. Z. Psychoanal,* 1, 492. (394)

Robert, W. (1886) *Der Traum als Naturnotwendigkeit erklart,* Hamburg. (51, 110–3, 197, 210–1, 221, 618, 630)

Robitsek, A. (1912) «Zur Frage der Symbolik in dem Träumen Gesunder», *Zbl. PsychoanaL, 2.*, 340. (408–11)

Roffenstein, G (1923) «Experimentelle SymbolTräume», *Z. ges. Neurol. Psychiat.*, 87, 362. (419)

R[orschach], H. (1912) «Zur Symbolik der Schlange und der Kravatte», *Zbl. PsychoanaL, 2,* 675. (391, и. 1)

Sachs, H. (1911) «Zur Darstellungs-Technik des Träumes», *Zbl. Psycho anal.*, 1, 413. (445–46)

(1912) «Traumdeutung und Menschenkenntnis», Jb. *Psychoanal, psychopath. Forsch.,* 3, 568. (659)

(1913) «Ein Traum Bismarcks», *Int. Z. PsychoanaL,* 1, 80. (413–16)

(1914) «Das Zimmer als Traumdarstellung des Weibes», *Int. Z. Psycho anal., 2,* 35. (390) See also Rank and Sachs.

Salomon, Almoli Ben Jacob (1637) *Pithron Chalomoth,* Amsterdam. (38, *n.* 2)

Sanctis, Sante de (1896) *I sogni e il sonno nell' islerismo e nella epilepsia,* Rome. (120)

(1897a) «Les maladies mentales et les rêves», extrait des *Ann. Soc. Med. de Gand,* 76,177. (120)

*(1897b) «Sui rapporti d'identita, di somiglianza, di analogia e di equivalenza fra sogno e pazzia», *Riv. quindicinale Psicol. Psichikt. NeuropatoL,* Nov. 15. (120)

(1898a) «Psychoses et rêves», *Rapport au Congres de neurol. et d'hypnologie de Bruxelles 1897; Comptes rendus,* 1, 137. (120)

(1898b) «I sogni dei neuropatici e dei pazzi», *Arch, psichiat. antrop. crim.*, 19, 342. (120) (1899) *I sogni, Turin.* (121, 125)

[German transi, by O. Schmidt, Halle, 1901.]

Schemer, K. A. (1861) *Das Leben des Träumes,* Berlin. (70–1, 115–19, 165 *n.*, 258–61, 370, 381, 388, 394 *n.*, 438, 585, 630, 651)

Schleiermacher, F. (1862) *Psychologie,* (Vol. 6, Sec. 3 in *Collected Works,* ed. L. George), Berlin. (82, 103, 134)

Scholz, F. (1887) *Schlaf und Traum,* Leipzig. (54, 90, 99, 168)
[Trans.: Sleep and Dreams by H. M. Jewett, New York, 1893.]
Schopenhauer, A. (1862) «Versuch Über das Geistersehen und was damit zusammenhangt», *Parerga und Paralipomena* (Essay V), 1, 213, 2nd ed., Berlin. (1st ed. 1851.) (70, 98, 122)
Schrotter, K. (1912) «Experimentelle Träume», *Zbl. Psychoanal.,* 2, 638. (419)
SchÜbert, G H. von (1814) *Die Symbolik des Träumes,* Bamberg. *(96,* 387)
Schwarz, F. (1913) «Traum und Traumdeutung nach "Abdalgan an-Nabulusi"», *Z. deutsch. morgenl. Ges.,* 67, 473. (38, *n.* 2)
Secker, F. (1909–10) «Chinesische Ansichten Über den Traum», *Neue metaph. Rndschr,* 17, 101. (38, *n.*2)
Siebeck, H. (1877) «Das Traumleben der Seele», *Sammlung gemeinverstandlicher Vortrage,* Berlin. (90)
Silberer, H. (1909) «Bericht Über eine Methode, gewisse symbolische Halluzinations-Erscheinungen hervorzurufen und zu beobachten», Jb. *psychoanal, psychopath. Forsch., 1,* 513. (82, *n.* 1, 134, *n.* 2, 379–80, 413, 448 *n.*, 541–3)
(1910) «Phantasie und Mythos», Jb. *psychoanal, psychopath. Forsch.,* 2, 541. (134, *n.* 2, 248, *n.* 3)
(1912) «Symbolik des Erwachens und Schwellensymbolik tiberhaupt», Jb. *psychoanal, psychopath. Forsch.,* 3, 621. (134, *n.* 2, 541–3, 598)
(1914) *Probleme der Mystik und Hirer Symbolik,* Vienna and Leipzig. (562)
Simon, P. M. (1888) *Le monde des rêves,* Paris. (63, 67–8, 72, 167)
*Sperber, H. (1912) «Über den Einfluss sexueller Momente auf Entstehung und Entwicklung der Sprache», *Imago,* 1, 405. (387 *n.)*
Spielrein, S. (1913) «Traum von "Pater Freudenreich"», *Int. Z. Psychoanal.,* 1, 484. (164 *n.)*
Spitta, K. (1882) *Die Schlaf-und Traumzustande der mensch-lichen Seele,* Tubingen. (1st ed., 1878.) (68, 80, 83, 88, 89–92, 96, *n.* 1, 98–9, 102, 104, 120, 122, 255, 551)
Spitteler, C (1914) *Meine friihesten Erlebnisse,* Jena. (194 *n.*, 285, *n.* 2)
Stannius, H. (1849) *Das peripherische Nervensystem der Fische, anatomisch und physiologisch untersucht,* Rostock. (448, 489, *n.* 1)
Starcke, A. (1911) «Ein Traum der das Gegenteil einer Wimscherfullung zu verwirklichen schien», *Zbl. PsychoanaL,* 2, 86. (192)
Starcke, J. (1913) «Neue Träumexperimente in Zusammenhang mit alteren und neueren Traumtheorien», Jb. *psychoanal, psychopath. Forsch.,* 5, 233. (94, 165, *n.* 2)
Stekel, W. (1909) «Beitrage zur Traumdeutung», Jb. *psychoanal, psychopath. Forsch.,* 1, 458. (310, 373, 384, *n.* 3, 392–4, 397 *n.*, 398 *n.*, 415)
(1911) Die *Sprache des Träumes,* Wiesbaden. (385, 392–4, 420, *n.* 1, 432, 446)
Stricker, S. (1879) *Studien fiber das Bewusstsein,* Vienna. (90, 106, 497)
Strtimpell, A. von (1883–84) *Lehrbuch der speciellen Pathologie und Therapie der inneren Krankheiten,* Leipzig. (56)
[Trans.: Text-book of Medicine, (2 vols.), 4th Amer. Ed., New York, 1912.]
Strtimpell, L. (1877) *Die Natur und Enstehungder Träume,* Leipzig. (41, 49, 52, 54–5, 62–3, 67, 71–2, 76–9, 83, 86–7, 89–91, 110, 215, 255–6, 260, 268, 497)
Stumpf, E.J. G. (1899) *Der Traum und seine Deutung,* Leipzig. (132, *n.* 1)
Sully, J. (1893) «The Dream as a Revelation», *Fortnightly Rev.,* 53, 354. (93, 168, *n.* 2, 540, 630)
Swoboda, H. (1904) *Die Perioden des Menschlichen Organismus,* Vienna. (126, 199, 419)
Tannery, M. P. (1898) «Sur la memoire dans le reve», *Rev.phil,* 45, 637. (551 *n.)*
Tausk, V. (1913) «Zur Psychologie der Kindersexualitaf», *Int. Z. Psychoanal.,* 1, 444. (164 *n.*, 339]
(1914) «Kleider und Farben im Dienste der Traumdarstel-lung», *Int. Z. Psychoanal.,* 2, 464. (446)
Tfinkdji, J. (1913) «Essai sur les songes et l'art de les interpreter (onirocritie) en Mesopotomie», *Anthropos,* 8, 505. (38, *n.* 2, 139, *n.* 2)
Thomayer, S. and Simerka (1897) «Sur la signification de quelques rêves», *Rev. neurol.,5,* 98. (121)
Tissié, P. (1898) *Les rêves, physiologie et pathologie,* Paris. (1st ed., 1870.) (68, 69–70, 7–5, 78, 120–1, 167)
Tobowolska, J. (1900) *Etude sur les illusions de temps dans les rêves du sommeil normal,* (Thesis) Paris. (97, *n.* 1, 536, 540–1)

See also Bernard-Leroy and Tobowolska.

Varendonck, J. (1912) The Psychology of Day-Dreams, London. (529, *n.* 3)

Vaschide, N. (1911) *le sommeil et les rêves,* Paris. (45 *n.*, 47, 94, 611)

Vespa, B. (1897) «Il sonno e i sogni nei neuro-e psicopatici», *Boll. Soc. lancisiana Osp.,17,* 193. (120, n. 1)

Vold, J. Mourly (1896) «Experiences sur les rêves et en particulier sur ceux d'origine musculaire et optique» (review), *Rev. phil.,* 42, 542. (72)

(1910–12) *Über den Traum* (2 vols.) *(German transl,* by O. Klemm), Leipzig. (73 *n.*, 256, *n. 2,* 430)

Volkelt, J. (1875) *Die traum-Phantasie,* Stuttgart. (50, 70, 74, 88, 91–2, 98, 103, 115–18, 168, 258–60, 381)

Weed, S. See Hallam and Weed.

Weygandt, W. (1893) *Entstehung der Träume,* Leipzig. (42, 59, 69, 75, 91, 157 *n.)*

Whiton Calkins. See Calkins, Whiton.

Wiggam, A. (1909) «A Contribution to the Data of Dream Psychology», *Ped. Sem. J. Genet. Psychol,*16, 250. (164 *n.)*

Winterstein, A. von (1912) «Zwei Belege fur die Wunscher-fullung im Träume», *Zbl. PsychoanaL,* 2, 292. (42)

Wittels, F. (1924) *Sigmund Freud: der Mann, die Lehre, die Schule,* Vienna. (247, *n. 3,* 458 *n.)*

[Trans.: Sigmund Freud: his Personality, his Teaching and his School, by Eden and Cedar Paul, London, 1924.]

(1931) *Freud and his Time* (trans, by Louise Brink), New York. (477 *n.)*

Wundt, W. (1874) *Grundzuge der physiologischen Psychologie,* Leipzig. (62, 64, 74–5, 90–1, 122, 256–7, 268)

Zeller, A. (1818) «Irre», *Ersch and GrÜber: Allgemeine Encyclopedie der Wissenschaften,* 24, 120. (102).

B. Список исследований сновидений других авторов, опубликованных до 1900 г.[512]

Ahmad Ibn Sirin, *Achmetis f. Seirim Oneirocriticae,* ed. N. Rigaltius, Paris, 1603.

*Alberti, Michael (1744) *Diss. de insomniorum influxi in sanitatem et morbos.* Resp. Titius Halae M

Alix (1883) «Les rêves», *Rev. Sci. Industr.* 3rd series, 6, 554.

*Anon (1890) «rêves et l'hypnotisme», *Le Monde,* Aug. 25.

*(1890) «Science of Dreams», *The Lyceum,* p. 28, Dublin.

(1893) «The Utility of Dreams», J. *Comp. Neurol,* 3, 17, Granville.

Bacci, Domenico (1857) *Sui sogni e sul sonnambulismo, pensiero fisiologicometafisici,* Venice.

Ball, B. (1885) *La morphinomanie, les rêves prolonges,* Paris.

Beneze, Emil (1897) «Das Traummotiv in der mittelhoch-deutsclien Dichtung bis 1250 und in alten deutschen Volksliedern», Beneze: *Sageng. und lit.-hist. [Inters,* 1, *Das Traummotiv,* Halle.

*Benini, V. (1898) «Nel moneto dei sogni», Il *Pensiero nuovo,* Apr.

*Birkmaier, Hieron (1715) *Licht im Finsterniss der nacht-lichen Gesichte und Träume,* Nuremberg.

Bisland, E. (1896) «Dreams and their Mysteries», *N. Am. Rev.* **162,** 716.

Bradley, F. H. (1894) «On the Failure of Movement in Dream», *Mind,* (new series), 3, 373, London.

Brander, R. (1884) *Der Schlaf und das Traumleben,* Leipzig.

Bremer, L. (1893) «Traum und Krankheit», *New York med. Monatschr,* 5, 281.

*Bussola, Serafino (1834) *De somniis,* (Thesis) Ticini Reg.

*Caetani-Lovatelli (1889) «I sogni e l'ipnotismo nel mondo antico», *Nuova AnloL,* Dec. 1.

Cane, Frances E. (1889) «The Physiology of Dreams», *The Lancet,* 67 II, 1330 (Dec. 28)

Cardano, Girolamo (1562) *Somiorum synesiorum, omnis generis insomnia explicantes libri IV,* Bale. (2nd ed. in *Opera omnia Cardani,* 5, 593, Lyons, 1663.)

Cariero, Alessandro (1575) *De somniis deque divinatione per somnia,* Padua.

Carpenter (1849–52) «Dreaming» (under «Sleep»), *Cyclop, of Anat. and Physiol.,* 4, 687, London.

Claviere (1897) La rapidite de la pensee dans le reve, *Rev.phil.,* 43, 507.

Coutts, G. A. (1896) «Night-terrors», *Amer.J. med. Sc.* D. L. (1895) «A propos de l'appreciation du temps dans le reve, *Rev.phil.,* 40, 69.

Dagonet, H. (1889) «Du reve et du delire alcoolique», *Ann. med.-psychol.,* Series 7, 10, 193.

Dandolo, G. (1889) *La conscienza nel sogno,* Padua.
Dechambre, A. (1880) «Cauchemar», *Dict, encycl. sc. med.,* 2, 48.
*Dietrich, J. D. (1726) *An ea, quae hominibus in somno et somnio accidunt, usdem possint imputari?*resp. Cava, Wittemberg.
*Dochmasa, A. M. (1890) *Dreams and their Significance as Forebodings of Disease,* Kazan.
Dreher, E. (1890) «Sinneswahrnehmung und *Traumhild», Reichs-med. Anzeiger,* 15, Nos. 20, 21, 22, 23, 24; **16,** Nos. 3, 8, Leipzig.
Ducoste, M. (1899) «Les songes d'attaques des epileptiques», Journ. *Med. Bordeaux,* Nov. 26 and Dec. 3.
*Du Prel, C. (1869) «Oneirokritikon: der Traum vom Stand-punkte des transcend. Idealismus», *Deutsche Vierteljahr-schrift,* 2, Stuttgart.
(1880) Psychologie der Lyrik, Leipzig.
*(1889) «Kunstliche Träume», Sphinx, July.
Egger, V. (1888) «Le sommeil et la certitude, le sommeil et la memoire», *Critique philos.,* 1, 341, Paris.
Elus, Havelock (1895) «On Dreaming of the Dead», *Psychol. Rev.* 2, 458.
(1897) «A Note on hypnagogic Paramnesia», *Mind,* 6, 283.
Erdmann, J. E. (1855) «Das Träumen», *Ernste Spiele,* Chap. 12, Berlin.
Erk, Vinz. von (1874) *Über den Unterschied von Traum und Wachen,* Prague.
*Escande de Messieres (1895) «Les rêves chez les hysteriques», (Thesis) Bordeaux.
Faure (1876) «Etudes sur les rêves morbides. rêves persistants», *Arch, gener. Med.,* 6th ser., 27, 550.
*Enizia (1896) «L'azione suggestiva delie cause esterne nei sogni», *Arch, per I» Antrop.,* 26.
*Fere, C. (1897) «Les rêves d'acces chez les epileptiques», *Med. mod.* Dec. 8.
*Fischer, Joh. (1899) *Ad artis veterum onirocriticae historiam symbole,* (Thesis) Jena.
*Florentin, V. (1899) «Das Traumleben: Plauderei», *Die alte und die neue Welt,* 33, 725.
Fornaschon, H. (1897) «Die Geschichte eines Träumes als Beitrag der Transcendental psychologie», *Psychische Studien,* 24, 274.
Frensberg. (1885) «Schlaf und Traum», *Sammlung gemein-verst. wiss. Vortr,* Virchow-Holtzendorf, Ser. 20, 466.
Frerichs, J. H. (1866) *Der Mensch: Traum, Herz, Verstand,* Norden.
Galen. *De praecognitione, ad Epigenem,* Lyons, 1540.
*Girgensohn, L. (1845) *Der Traum: psychol.-physiol. Versuch.*
*Gleichen-Russwurm, A. von (1899) Traum in der Dich-tung», *Nat. Z.,* Nos. 553–559.
*Gley, E. (1898) «Appreciation du temps pendant le sommeil', *L'intermediate des Biologistes,* 10, 228.
Gorton, D. A. (1896) «Psychology of the Unconscious», *Amer. Med. Times,* 24, 33, 37.
Gould, G M. (1889) «Dreams, Sleep, and Consciousness», *The Open Court* (Chicago), 2, 1433–6 and 1444–7.
*Grabener, G. C (1740) *Ex antiquitate judaica de menudim bachalom siv excommunicatis per insomnia exerc. resp. Klebius,* Wittemberg.
Graffunder, P. C (1894) «Traum und Traumdeutung», *Samml.gemeinv. wiss. Vortrage,* **197.**
Greenwood, F. (1894) *Imaginations in Dreams and their Study,* London.
*Grot, N. (1878) *Dreams, a Subject of Scientific Analysis* (in Russian), Kiev.
Guardia, J. M. (1892) «La personnalite dans les rêves», *Rev. Phil,* 34, 225.
Gutfeldt, I. (1899) «Ein Traum», *Psychol. Studien,* 26, 491.
*Hampe, T. (1896) «Über Hans Sachsen Traumgedichte», *Z. deutsch. Unterricht,* 10, 616.
Heerwagen (1889) «Statist Untersuch. Über Traumme u. Schlaf», *Philos. Stud.,* 5, 301.
Hiller, G. (1899) «Traum, Ein Kapitel zu den zwolf Nachten», *Leipz. Tagbl. und Anz.,* No. 657, Suppl. 1.
Httschmann, F. (1894) «Über das Traumleben der Blinden*, Z *PsychoL, 7,* 387.
Jastrow, J. (1888) «The Dreams of the Blind», New *Princeton* Rev., *5*, 18.
Jensen, J. (1871) «Träumen und Denken», *Samml. gemeinv. wiss. Vortr,* Virchow-Holtzendorff, Ser. 6, 134.
Kingsford, A. (1888) *Dreams and Dream-Stories,* (ed. E. Maitland), London. (2nd ed.)

Kloepfel, F. (1899) «Träumerei and Traum: Allerlei aus unserem Traumleben», *Universum,* 15, 2469 and 2607.
*Kramar, Oldrich (1882) *O spanku a snu, Prager Akad. Gymn.*
Krasnicki, E. von (1897) «Karls IV Wahrtraum», *Psych Stud.,* 24, 697.
Kucera, E. (1895) «Aus dem Traumleben», *Mahr-Weisskirchen, Gymn.*
Laistner, L. (1889) *Das Ratsel der Sphinx,* (2 vols.), Berlin.
*Landau, M. (1892) «Aus dem Traumleben», *Munchner Neueste Nachrichten,* Jan. 9.
Laupts. (1895) «Le fonctionnement cerebral pendant le reve et pendant le sommeil hypnotique», *Ann. med.-psychoi,* Ser. 8, 2, 354.
*Leidesdorf, M. (1880) «Das Traumleben», *Sammlung der «Aima Mater»,* Vienna.
*Lerch, M. F. (1883–84) «Das Traumleben und sein Bedeu-tung», *Gymn. Progr.,* Komotau.
*Liberali, Francesco (1834) *Dei sogni,* (Thesis) Padua.
Liebeault, A. (1893) «A travers les etats passifs, le sommeil et les rêves», *Rev. hypnot.,* 8,41,65,106.
Luksch, L. (1894) *Wunderbare Träumerfullung als Inhalt des wirklichen Lebens*, Leipzig.
Macario, M. M. A. (1846) «Des rêves, consideres sous le rapport physiologique et pathologique», Pt. *I, Ann. med-psychol.,* 8, 170.
(1889) «Des rêves morbides», *Gaz. med. de Paris,* 8, 1, 85, 97, 109, 121.
Macfarlane, A. W. (1890) «Dreaming», *Edinb. med.J.,* 36, 499.
Maine de Biran, M. F. P. (1792) «Nouvelles Considerations sur le sommeil, les songes, et le sonnambulisme», *O Euvres Philosophiques,* 209 (Ed. V. Cousin), Paris, 1841.
Maury, L. F. A. (1857) «De certains faits observes dans les rêves», *Ann. med.-psychol.,* Ser.3,3, 157.
*Meisel (pseud.) (1783) *Naturlich-goitliche und teuflische Träume,* Seighartstein.
Melinand, M. C (1898) «Dream and Reality», *Pop. Sc. Mo.,* 54, *96.*
Melzentin, C (1899) «Über wissenschaftliche Traumdeu-tung», *Gegenwart,* 50, Leipzig.
Mentz, R. (1888) *Die Träume in den altfranzosischen Karls-und Artusepen,* Marburg.
Monroe, W. S. (1899) «A study of taste-dreams», *Am. I. Psychol,* 10, 326.
Moreau de La Sarthe, J. L. (1820) «Reve», *Dict. sc. med.,* 48, 245.
Motet (1829–36) «Cauchemar», *Dict, med, chir. pratiques,* Paris.
Murray, J. C (1894) «Do we ever dream of tasting?» *Proc. Am. psychol. Ass.,* 20.
*Nagele, A. (1889) «Der Traum in der epischen Dichtung», *Programm der Realschule,* Marburg.
Newbold, W. R. (1896) «Sub-conscious Reasoning», *Proc. Soc. psychic. Res.,* 12, 11, London.
Passavanti, J. (1891) *Libro dei sogni,* Rome.
Paulhan, F. (1894) «A propos de l'activite de l'esprit dans le reve», *Rev.phil,* 38, 546.
Pick, A. (1896) «Über pathologische Träumerei und ihre Bezie-hungen zur Hysterie», *Jb. Psychiat.,* 14, 280.
*Ramm, K. (1889) *Diss. pertractans somnia,* Vienna.
* Regis, E. (1890) «Les rêves Bordeaux», *La Gironde* (Varietes), May 31.
Richard, Jerome (1766) *La theorie des songes,* Paris.
Richardson, B. W. (1892) «The Physiology of Dreams», *Asclep.,* 9, 129.
Richier, E. (1816) *Oneirologie ou dissertation sur les songes, consideres dans l'etat de maladie,* (Thesis) Paris.
*Richter, J. P. (Jean Paul) (1813) «Blicke in die Traum-welf, *Museum, 2,* (also in *Werke,* ed. Hempel, 44, 128.)
*«Über Wahl-und HalbTräume», *Werke, ii,* 142.
(1826–33) *Wahrheit aus jean Pauls Leben.*
Robinson, L. (1893) «What Dreams are made of, *N. Am. Rev.,* **157,** 687.
Rousset, C. (1876) *Contribution* a l'*etude du cauchemar,* (Thesis) Paris.
Roux, J. (1898) «Le reve et les delires onitiques», *Province med. Lyons,* 12, 212.
*Ryff, W. H. (1554) *Traumbiichlein,* Strassburg.
*Santel, A. (1874) «Poskus raz kladbe nekterih pomentjivih prokazni spanja in sanj», *Progr. Gymn.,*Gorz.
Sarlo, F. de (1887) *I sogni. Saggio psicologico,* Naples.
Sch Fr. (1897) «Etwas Über Träume», *Psych. Studien,* 24, 686.
Schleich, K. L. (1899) «Schlaf und Traum», *Zukunjt,* 29, 14, 54.
Schwartzkopff, P. (1887) *Das Leben im Traum: eine Studie,* Leipzig.

Stevenson, R. L. (1892) «A Chapter on Dreams», *Across the Plain.*

Stryk, M. von (1899) «Der Traum und die Wirklichkeit», (after C. Melinand), *Baltische Mschr,* 189, Riga.

Sully, J. (1881) *Illusions, a Psychological Study,* London.

(1882) «Etudes sur les rêves», *Rev. scientif.,* Ser. 3, 3, 385.

(1892) *The Human Mind,* (2 vols.), London.

(1875–89) «Dreams», *Enc. Brit.,* 9th ed. Summers, T. O. (1895) «The Physiology of Dreaming», *St. Louis Clin.,* 8, 401. Surbled, G. (1895) «Origine des rêves», *Rev. quest, scient.* (1898) *Le reve,* Paris. Synesius of Syrene *Liber de insomnus.*

[German trans.: Oneiromantik by Krauss, Vienna, 1888.] Tannery, M. P. (1894) «Sur l'activite de l'esprit dans le reve», *Rev.phil,* 38, 630.

(1898) «Sur la paramnesie dans les rêves», *Rev.phil.,* 46, 420.

Thiery, A. (1896) «Aristote et la psychologie physiologique du reve», *Rev. neo-scoi,* 3, 260.

*Thomayer, S. (1887) «Contributions to the Pathology of Dreams» (in Czech), *Policlinic of the Czech University,* Prague.

Tissié, P. (1896) «Les rêves; rêves pathogenes et therapeutiques; rêves photographies», *Journ. med. Bordeaux,* 36, 293, 308, 320.

Titchener, E. B. (1895) «Taste Dreams», *Am.J. Psychol., 6,* 505.

Tonnini, S. (1887) «Suggestione e sogni», *Arch, psichiatr. antrop. crim.,* 8, 264

*Tonsor, J. H. (1627) *Disp. de vigilia, somno et somniis, prop. Lucas,* Marburg.

Tuke, D. H. (1892) «Dreaming», *Dict, of Psychol. Med.* (ed. Tuke), London.

Ullrich, M. W. (1896) *Der Schlaf und das Traumleben, Geisteskraft und Geistesschwache,* (3rd ed.), Berlin.

Unger, F. (1898) *«Die Magie des Träumes als Unsterblich-keitsbeweis. Nebst e. Vorwort:*

Okkultismus und Sozial-ismus von C. du Prel, (2nd ed.), Munster. Vignoli, T. (1879) *Mito e scienza: Saggio,* Milan.

[Trans.: Myth and Science: An Essay, London, 1882 (Chap. VIII).]

*Vischer, F. T. (1876) «Studien Über den Traum», *Beilage allg. Z.,* 105.

Vold, J. Mourly (1897) «Einige Experimente Über Gesichts-bilder im Träume», *Report of 3rd. Psych. Congr.,* Munich, and *Z. Psychol. Physiol. Sinnerorgane,* 13, 66.

*Vykoukal, F. V. (1898) *On Dreams and Dream-interpretations,* (in Czech) Prague.

Wedel, R. (1899) «Untersuchungen auslandischer Gelehrter Über gew. Traumphanomene», *Beitr. zur Grenzwissenschaft,* p. 24.

*Wehr, H. (1887) «Das Unbewusste im menschlichen Denken», *Programm der Oberrealschule,*Klagenfurt.

Weill, A. (1872) *Qu'est-ce que le reve?* Paris.

*Wendt, K. (1858) *Kriemhilds Traum,* (Thesis) Rostock.

Wilks, S. (1893–94) «On the Nature of Dreams», *Med. Mag.,* 2, 597, London.

Williams, H. S. (1891–92) «The Dream State and its Psychic Correlatives», *Amer J. Insanity,* 48, 445.

Woodworth, R. S. (1897) «Note on the Rapidity of Dreams», *Psychol. Rev.,* 4, 524.

*(1886) «Ce qu'on peut rever en cinq secondes», *Rev. sc,* 3rd. ser., 11, 572.

Zuccarelli (1894–95) «Polluzioni notturne ed epilepsia», *L'anomalo,* 1, 2, 3.

Примечания

1

Отец Фрейда скончался в 1896 г. О своих переживаниях в связи с этим событием Фрейд упоминает в письме к Флиссу от 2 ноября 1896 г. (Freud, 1950a, Letter 50).

2

В более поздних изданиях (начиная с четвертого) эти комментарии отсутствуют.

3

Эта книга была опубликована в 1934 г. – в период жизни Фрейда кроме переводов, о которых он упоминает в этом предисловии, вышел перевод на русский язык в 1913 г., на японский язык – в 1930 г. и на чешский язык – в 1938 г.

4

До публикации первого издания этой книги в 1900 г.

5

Далее следуют рассуждения, на которые нас натолкнуло исследование Бюхсен-Шутца (Büchsen-Schutz, 1868).

6

(«De divination per somnum», II и «De somnus», III). В первом издании (1900) в этом абзаце говорилось: «Впервые с психологической точки зрения сновидения были подвергнуты толкованию Аристотелем (в работе «О снах и их толковании»). Аристотель заявляет, что у сновидений «демоническое», а не «божественное» происхождение; без сомнения, в таком определении содержится глубочайший смысл, если мы только правильно истолкуем его». Следующий абзац завершался предложением: «Я недостаточно подготовлен, и у меня нет возможности обратиться к специалистам, которые помогли бы мне более глубоко вникнуть в труды Аристотеля». Эти абзацы приобрели их нынешний вид в 1914 г., а в примечании к полному собранию сочинений Фрейда *(Gesammelte Schriften,* 1925) Фрейд указывает, что фактически Аристотель создал не одну, а две работы, посвященные теме сновидений.

7

De divinatione, том I.

8

Древнегреческий врач Гиппократ рассуждает о взаимосвязи сновидений с заболевания ми в одной из глав своей знаменитой работы («Древняя медицина», том X). См. Также: Regimen, IV, 88, passim.

9

Для того чтобы проследить, как дальше развивалась история толкования сновидений, рекомендую познакомиться с трудами Дьепгена (Diepgen, 1912) и монографией Форстера (Forster, 1910 и 1911), Готтарда (Gottard,1912) и многих других. Толкование снов у иудеев изучали Алмоли (Almoli, 1848), Амрам (Amram, 1901) и Левингер (Lowinger, 1908). Среди недавних трудов на эту тему, в которых используются методы психоанализа, рекомендуем Лауэра (Lauer, 1913). О толковании снов у арабов можно узнать из трудов Дрексла (Drexl, 1909), Шварца (Schwarz, 1913) и миссионера Тфинкди (Tfinkdji, 1913), у японцев – у Миуры (Miura, 1906) и Ивайя (Iwaya, 1902), у китайцев – у Секера (Secker, 1909–1910), у народов Индии – у Негелейна (1912).

10

Главный апологет «Философии природы», чьи взгляды были популярны в Германии в начале XIX в., Фрейд часто возвращался в своих рассуждениях к теме оккультной интерпретации сновидений. См. (Freud, 1922a, 1925i, 1933a). В приложении в конце этой книги Фрейд обсуждает значение вещих снов.

11

«И куда бы ни устремлялись наши заветные мысли, и что бы ни занимало нам ум из событий прошлого, ум наш более силен, чем наши действия, и обычно что мы видим в жизни – то нам и снится: знатоки законов составляют жалобы и пишут законы, а полководцы отправляются на войну и выигрывают сражение» (Rouse's translation in the Loeb Classical Library, 1924).

12

«Чаще всего в душах отражаются следы тех вещей, о которых мы размышляли, либо совершали такие поступки в состоянии бодрствования» (Falconer's translation in the Loeb Classical Library, 1922).

13

Вашиде (Vaschide, 1911) заметил, что во сне многие люди часто говорят на иностранных языках, которыми владеют, гораздо лучше, чем в состоянии бодрствования.

14

Жозеф Дельбеф, бельгийский философ.

15

Отчеты о работе Общества психологических исследований. – *Примеч. пер.*

16

Последняя часть этой фразы появилась в тексте книги в 1909 г., и она присутствует во всех более поздних изданиях вплоть до 1922 г., а в более поздних изданиях она отсутствовала. Упоминание об этом человеке далее в книге имеет смысл, лишь если это окончание фразы присутствует в тексте. Фрейд завуалированно рассказывает о происшествии, из-за которого появился этот шрам, в автобиографическом примере (Freud, 1899a), а само это событие, возможно, описано далее в книге. Этому сновидению Фрейд придает важное значение, о чем упоминает в письме к Флиссу от 15 октября 1897 г. (Freud, 1950a), а также в лекции 13 (Freud, 1916–1917).

17

Последующий опыт убедил меня в том, что довольно часто невинные и ничего не значащие события минувшего дня повторяются в сновидении: например, упаковка дорожного саквояжа, приготовление пищи на кухне и т. д. В этих сновидениях для спящего важно не само содержание, а факт реальности происходящего: «Я и правда делал это накануне» (см. далее, эта тема затрагивается вновь, и в главе 5 снова воспроизводятся некоторые из вышеприведенных

примеров сновидений).

18

Напомним современным читателям, привыкшим к центральному отоплению, что оно появилось в домах Европы и Англии лишь в середине прошлого века, поэтому перед сном было принято мужчинам надевать ночной колпак, а дамам – чепчик, чтобы голова не замерзала во сне. О грелке в ногах уже упоминалось выше. – *Примеч. ред.*

19

См. далее.

20

Гуингмы – персонажи одного из путешествий Гулливера из книги Джонатана Свифта, достойные разумные существа в облике лошадей. – *Примеч. ред.*

21

Возникновение гигантских фигур в сновидении наводит на предположения, что это воспоминание о какой-то сцене из детства (см. далее). Кстати говоря, это дополнение эпизодом с «Путешествиями Гулливера» представляет собой яркий пример того, каким не должно быть толкование сновидений. Толкователю сновидений не нужно давать волю своей фантазии, игнорируя ассоциации самого рассказчика о сновидении.

22

Снам в эпоху Античности приписывалось не только диагностическое значение (например, в работах Гиппократа, о которых мы уже упоминали), но и терапевтическое, и это следует учитывать. У греков существовали оракулы, которые толковали сновидения, и к ним обычно обращались больные, стремившиеся к исцелению. Такой больной отправлялся в храм Аполлона или Эскулапа, там он участвовал в различных церемониях, его купали, умащали маслами, окуривали благовониями. Когда после этих процедур пациент приходил в измененное состояние сознания, его укладывали в храме на шкуру принесенного в жертву барана. Он засыпал, и ему снились целебные средства, в их естественном виде или символически, они представали ему в виде образов, которым затем жрецы должны были дать толкование. Более подробно о терапевтическом значении у древних греков можно прочесть у Леманна (1908), Буше – Леклерка (Bouche – Leclerc, 1879–1882), Херманна (Hermann, 1858, § 41, 1882, § 38), Бетингера (Bottinger, 1795), Ллойд (Lloid, 1887), Делингера (Dollinger, 1857). Комментарий о диагностическом значении сновидений можно найти у Фрейда в одной из его работ (Freud, 1917d).

23

Этот автор изложил описание своих экспериментов в двухтомном труде (1910 и 1912), о котором дальше пойдет речь.

24

Часто проводились наблюдения за снами, которые снятся снова и снова. Ср. подборку снов, подготовленную Chabaneix (1897).

25

Эта идея принимается в качестве рабочей и развивается в главе VII, раздел В этой книги.

26

Зильберер (Silberer, 1909) привел замечательные примеры того, как в состоянии опьянения даже абстрактные идеи превращаются в визуальные пластические образы, с помощью которых стремится выразить себя некое особое содержание. У меня еще будет повод к обсуждению этого открытия в связи с другими соображениями.

27

Хеффнер (Haffner, 1887), как и Дельбеф, предпринимает попытку объяснить, что происходит во сне, утверждая, что возникновение необычных условий видоизменяет функционирование сознания, которое раньше работало правильно и оставалось целостным; но он объясняет эти условия иначе. Он полагает, что первый признак того, что наступило состояние сна, это независимость пространства и времени, то есть образ возникает из той позиции, в которой в данный момент находится субъект в пространстве и во времени. Вторая основная характеристика сна связана с первой, а именно то обстоятельство, что галлюцинации, фантазии и воображаемые комбинации (образов. – *Примеч. пер.)*человек путает с воздействием на его органы чувств внешних факторов. «Все высшие силы сознания – в особенности формирование понятий и сила суждений и умозаключений, с одной стороны, и свободного волеизъявления, с другой стороны, связаны с сенсорными образами и всегда основаны на подобных образах. Из этого следует, что такие действия высшего порядка также принимают участие в хаотичных образах сновидений. Я использую выражение «принимают участие», поскольку сами по себе наша способность рассуждать и способность к волевым усилиям во сне совершенно не меняются. Наши действия точно так же ясно осознаются и так же свободны, как и наяву. Даже во сне человек не может нарушить законы мысли как таковые – он не в состоянии, например, рассматривать одинаковые вещи как нечто различное, и т. д., потому и во сне он может лишь стремиться к тому, что для него хорошо *(sub ratione boni).* Но человеческий дух плутает в мире снов, когда *применяет*законы разума и воли, перепутав одну идею с другой. Вот так мы и запутываемся в самых невероятных противоречиях в мире снов, и при этом мы в состоянии рассуждать разумно, строить самые логичные выводы и находить самые достойные и возвышенные решения… секрет полетов нашего сознания во сне в том, что мы теряем возможность ориентироваться, а отсутствие критического мышления и невозможность общаться с другими людьми – это основной источник невероятного своеобразия и странности, которые свойственны нашим суждениям во сне, нашим надеждам и стремлениям (там же). (Проблема верификации реальности рассматривается далее.)

28

Ср. «состояние отсутствия интереса» у Claparede (1905), которое этот исследователь рассматривает как механизм погружения в сон.

29

См. Гаффнер (Haffner, 1887) и Спитта (Spitta, 1882).

30

Выдающийся мистик Дю Прель, один из немногих авторов, которого я проигнорировал в предыдущих изданиях этой книги, о чем теперь весьма сожалею, заявляет, что путь к метафизике в том, что касается людей, можно найти не в состоянии бодрствования, а во сне.

31

Более подробный список литературы на эту тему и дальнейшее обсуждение этой темы см. в Тобовольска (1900).

32

Ср. критику в работе Гавелок Эллис (1911).

33

Небезынтересно узнать отношение инквизиции к обсуждаемой нами проблеме. В трактате Сезара Карены (Caesar Carena) «Tractatus de Officio sanctissimae Inquisitionis», 1659, мы читаем: «Если кто во сне рассуждает как еретик, то инквизиции надлежит выяснить, какую жизнь ведет этот человек, ибо, какие мысли занимают ум человека днем, таковые снова посещают его и ночью». (Цитата подсказана доктором Эхингером, св. Урбан, Швейцария.)

34

Проблема аффектов в сновидении обсуждается в разделе Ж главы VI. В целом вопрос о нравственной ответственности за содержание снов рассматривается далее, и мы уделим ему больше внимания в разделе 3.

35

В своем первом разговоре с Фаустом (часть I, сцена 3) Мефистофель горько сожалеет о том, что его разрушительные усилия постоянно ослабляются возникновением тысяч новых ростков жизни. Вся цитата полностью приводится Фрейдом в ссылке к разделу IV книги «Цивилизация и ее тяготы» (1930а).

36

Фрейд выразил свое согласие с теорией Роберта в том, что касается описания одного из двух главных факторов, которые обусловливают сны.

37

Анатоль Франс выражает примерно ту же мысль в «Красной лилии»: то, что нам снится ночью, – это лишь жалкие остатки того, что мы не заметили накануне. Сон часто воссоздает фрагменты того, что мы презираем, или упрек в том, что мы о чем-то забыли».

38

Теории Шернера будут подробнее обсуждаться далее.

39

Среди авторов поздних лет, которые рассматривают подобные взаимосвязи: Fere (1887), Ideler (1862), Laseque (1881), Pichon (1896), Regis (1894), Vespa (1897), Guissler (1888), Kazowsky (1901), Pachantoni (1909) и другие.

40

Этот вопрос позднее изучал сам Фрейд (1922b).

41

Обсуждение того, как связаны друг с другом сновидения и психозы, опубликовано в лекции Фрейда Lecture 29 «Introductory Lectures» (Freud, 1933).

42

В изданиях 1909 и 1911 гг. здесь была лишь ссылка в скобках с упоминанием имен Юнга, Риклина, Матмана и Штекеля (Jung, Abraham, Riklin, Muthmann, Stekel). Лишь в 1909 г. в следующем предложении читаем: «Но эти публикации лишь подтвердили мою позицию и не добавили к ней ничего нового».

43

Обзор теорий Флисса и его отношения к Свобода представлены в разделе IV и предисловии Криса к переписке Фрейда с Криссом (см. Freud, 1950a).

44

В таком виде это предложение опубликовано в изданиях начиная с 1911 г. В издании 1909 г. мы читаем: «В личном общении с этим автором мне стало понятно, что сам он больше не придерживается подобных взглядов, и потому я не уделяю им значительного внимания». Следующее предложение было добавлено в издание книги 1911 г.

45

Ср.: моя работа, посвященная Джозефу Попперу-Линкеусу и теории сновидений (1923). Фрейд создал работу на эту тему (см. 1932c).

46

Я случайно обнаружил в истории Вильгельма Дженсенса под названием «Градива» целый ряд описаний идеально сконструированных вымышленных снов, которые поддавались интерпретации, словно были настоящими снами, которые приснились реальным людям. Когда я задал автору вопрос об этом, он сказал, что не имел ни малейшего представления о моей теории сновидений. Я решил тогда, что совпадение между содержанием моих исследований и творениями этого автора доказывает, что мой анализ сновидений был верен (см. Freud, 1907a).

47

Аристотель (в своем труде «De divinatione per somnum», II, перев. 1935, с. 383) в этой связи заметил, что самыми лучшими толкователями снов были те, кто смог уловить сходства между ними и жизнью; поскольку образы, которые являются нам в сновидениях, подобно отражениям

на глади воды, исчезают, когда по ней пройдет рябь при малейшем движении, а самый успешный толкователь сновидений – тот, кто сможет отличить правду от искаженной картинки (Büchsenschutz, 1868).

48

Артемидор Далдианский, который, возможно, родился в начале II в. н. э., оставил нам самые исчерпывающие и подробные труды по интерпретации сновидений, которые практиковались в период Античной Греции и Древнего Рима. Как указывает Теодор Гомперц (Gomperz, 1866), Артимидор Далдианский подчеркивал важность интерпретации сновидений с учетом наблюдений и опыта и ясно разграничивал свое искусство и то, которое было иллюзорным. Гомперц указывает, что принципы этой интерпретации сновидений действовали по аналогии с магией и были основаны на ассоциативном принципе. Образ из сновидения обозначает то, что он вызывает в сознании, – в понимании толкователя, разумеется. Поверхностность и неуверенность, безусловно, возникают оттого, что фрагмент сновидения может напоминать толкователю *различные* объекты, причем разным толкователям он напоминает совершенно разные вещи. Техника, описание которой я даю далее, отличается от античного метода толкований в одном важном пункте: толкование сну дает сам спящий. Неважно, что приходит в голову *толкователю* в связи с каким-то фрагментом сна, важно – что всплывает в сознании *того, кто этот сон видел.* В недавних отчетах миссионера отца Тфинкджи (Tfinkdji, 1913) сообщается, что современные толкователи снов на Востоке также с удовольствием полагаются на то, о чем рассказывает человек, чей сон подвергается толкованию. Он так рассказывает о толкователях снов среди арабов Месопотамии: «Чтобы интерпретировать сон как можно точнее, собираются самые искусные толкователи снов и совещаются друг с другом по поводу всех обстоятельств, которые сочтут важными для того, чтобы дать ему верное объяснение… Короче говоря, наши толкователи не упускают из виду ни одного обстоятельства и не истолкуют сон, пока не обдумают всего как следует и не зададут все необходимые вопросы. Короче говоря, все эти толкователи сновидений не упускают ни одной мелочи и дают толкование сновидения лишь после того, как ответили на все возникающие у них вопросы». Некоторые подобные вопросы касаются самых близких родственников и членов семьи (родители, жена, дети), и часто задается вопрос: «Вступали ли вы в супружеские отношения до или после сна?» «Главное в толковании сновидения – объяснить сон с помощью его противоположности».

49

Д-р Альф. Робитзек рассказал мне, что в восточном соннике (с которым наши книги о снах не идут ни в какое сравнение) значительное количество интерпретаций сновидений строится на сходстве звучания и слов. Поскольку при переводе на наш язык такое сходство передать невозможно, то становится понятно, отчего толкования в наших народных сонниках такие странные. О том, как важна игра слов и их звучаний в древних цивилизациях Востока, можно прочитать в трудах Гуго Винклера, знаменитого археолога. Весьма яркий пример толкования сновидений эпохи Античности строился на игре слов. Артемидор (книга IV, гл. 24, перевод Краусса (Krauss, 1881, с. 225)) рассказывает следующее: «Я тоже полагаю, что Аристандр сумел весьма точно истолковать сновидение Александру Македонскому, когда тот осаждал Тир и испытывал беспокойство и раздражение оттого, что осада длилась так долго. Александру приснился сатир, который плясал на его щите. Аристандр в то время как раз находился вблизи Тира, ожидая этого правителя во время сирийской кампании. Он разложил слово «сатир» (Zatupos) на его составные части Za и tupos и посоветовал Александру энергичнее проводить осаду города и взять его. (Satupos – «Тир твой».) Безусловно, сновидения настолько тесно связаны с их лингвистическим воплощением, что Ференци (Ferenzi, 1910) проницательно замечает, что у каждого языка есть свой собственный язык для сновидений. Сновидение обычно трудно описать на других языках, и я думаю, что и эта книга тоже непереводима. Но доктор А. А. Брилл из Нью-Йорка сумел перевести «Толкование сновидений» на английский язык.

50

По окончании работы над рукописью этой книги я наткнулся на работу Штрумпфа (Strumpf, 1899), которая перекликается с моим стремлением доказать, что у снов есть значение и что его можно интерпретировать. Но этот автор строит свои интерпретации с помощью символизации аллегорического характера, но гарантий достоверности этой процедуры не существует.

51

В оригинале: «Auflosung» и «Losung».

52

Часто вызывает критику совет пациенту закрыть глаза, оттого что это может вызвать у него стресс (напоминание о старой процедуре гипноза). В работах Фрейда (1904а) есть упоминания о технике психоанализа, где от пациента этого не требуют!

53

Функции внимания будут обсуждаться далее.

54

Зильберер (1909b, 1910 и 1912) внес существенный вклад в интерпретацию сновидений, непосредственно наблюдая за подобным превращением идей в визуальные образы (см. далее).

55

Техника интерпретации сновидений подробнее рассматривается далее. См. также первые два раздела работы Фрейда (1923с). Другой вопрос о том, какую роль интерпретация сновидений играет в технике терапевтического психоанализа, рассматривается в другой работе Фрейда (1911е).

56

В начале раздела Д главы VII Фрейд размышляет о трудностях в изложении этой темы, которые возникли в связи с этой программой, которая уже изложена в его предисловии к первому изданию (см. выше). Как он указывает, ему часто приходится под воздействием внешних обстоятельств отклоняться от нее. Несмотря на то что он заявил о своих намерениях, он использует только многочисленные сновидения его пациентов, снова и снова обращаясь к обсуждению механизма невротических симптомов.

57

Я вынужден к этому добавить, в духе тех рассуждений, которые были представлены выше, что я навряд ли где-то представил абсолютно полную интерпретацию моих сновидений, насколько мне известно. Возможно, я проявил осторожность, не слишком полагаясь на то, что читатели способны сохранить это содержание в тайне.

58

«Это был первый сон, который я подверг тщательному толкованию». Фрейд приводит описания первых попыток анализа своих сновидений в «Исследованиях истерии» (Breuer and Freud, 1895).

59

Слово «белое» отсутствует, по всей вероятности, случайно, только в издании 1942 г. – *Примеч. ред.*

60

Любимое место отдыха на холмах неподалеку от Вены.

61

Все еще непонятные жалобы на боли в животе могут быть связаны с этим третьим персонажем. Это моя собственная жена; ее боли в животе напомнили мне о том, как она меня стесняется. Я был вынужден признать, что в этом сне я повел себя не очень ласково ни по отношению к Ирме, ни по отношению к собственной жене; но меня должно извинить то обстоятельство, что я применял к ним критерии, по которым можно решить, что это будет хороший пациент, которого можно будет успешно лечить.

62

Я чувствую, что толкование этой части сновидения недостаточно подробное для того, чтобы выявить его скрытый смысл. Если бы я стал подробно сравнивать друг с другом этих трех женщин, то мы бы отклонились от основной темы обсуждения. В каждом сновидении есть по крайней мере один такой действительно непонятный фрагмент – так сказать, некая пуповина, его точка и линия соединения с неизвестным.

63

Это опечатка, которая возникает в каждом издании на немецком языке, верная дата – 1884 г., когда была опубликована первая работа Фрейда о кокаине. Подробное описание работ Фрейда о кокаине можно найти в главе VI первого тома жизнеописания Фрейда, подготовленного Эрнестом Джонсом. Из него следует, что «близкий друг», о котором шла речь, – это Флейшл фон Марксоу.

64

Подробнее эта клиника обсуждается в разделе II введения к переписке Фрейда с Флиссом (Freud, 1950a).

65

Два главных героя одного популярного романа Фритца Ройтера под заглавием «Utmeine Stromtid» (1862–1864). Он издан в переводе на английский язык под названием «An old Story of My Farming Days» (London, 1878), написан на мекленбургском диалекте.

66

Должен признать, что слово «ананас» напоминает фамилию Ирмы.

67

В этом отношении сон не оказался пророческим. А в другом отношении – *да.* Поскольку непонятные боли в животе у моей пациентки оказались предвестниками серьезного заболевания – желчекаменной болезни.

68

Это был Вильгельм Флисс, берлинский биолог и отоларинголог, который оказал значительное влияние на Фрейда незадолго до публикации этой книги и чье (иногда незримое) присутствие часто ощущается на ее страницах (см. Freud, 1950a).

69

Более подробный анализ этой части сновидения приводится далее. Он уже использовался Фрейдом как иллюстрация механизма замещения в разделе 21 части I его ранней работы «Project for Scientific Psychology», написанной осенью 1895 г. и изданной в качестве приложения к его работе (Freud, 1950).

70

Эта пожилая дама часто фигурирует в работах Фрейда, созданных в этот период. См. далее и его работу «The Psychopathology of Everyday Life» (1901b), главу VIII (b, g) и главу VII. О ее смерти речь идет в письме к Флиссу от 8 июля 1901 г. (Freud, 1950a, Letter 145).

71

Хотя будет понятно, что я не раскрываю всего, что произошло со мной в процессе интерпретации сновидения.

72

Про эту историю Фрейд еще раз вспоминает в главе II, раздел 8 и в главе VII, раздел 2, в своей книге, посвященной шуткам (Freud, 1905c).

73

В своем письме к Флиссу от 12 июня 1900 г. (Freud, 1950a) Фрейд описывает свой последний визит в Бельвю, в тот дом, который ему тогда приснился. «Представляешь, – пишет он другу, – в один прекрасный день на этом доме появится памятная табличка, а на ней будет написано:

В этом доме 24 июля 1895 г.
доктором Зигмундом Фрейдом
был раскрыт секрет сновидений
А пока на это надеяться не приходится».

74

В письме к Флиссу 6 августа 1899 г. (Freud, 1950a) Фрейд так рассказывает о последующих главах этой книги: «В основе их лежит метафора воображаемой прогулки. Сначала – темный

дремучий лес авторитетных мнений (обладатели которых за деревьями не видят леса), где темно и легко заблудиться. Потом – извилистый путь, по которому я проведу моих читателей, – пример моего собственного сновидения, где рассматривается каждая мелочь, во всех деталях, со всеми деликатными подробностями и рискованными шутками, – а потом, вдруг, без предупреждения, мы смотрим на это с возвышенной точки зрения и задаемся вопросом: "Куда теперь вы хотите отправиться?"»

75

Вейгандт (Weigandt (1893) знал о снах, которые возникают оттого, что человек испытывает жажду, поскольку так упоминает об этом: «Чувство жажды воспринимается острее по сравнению со всеми остальными и всегда подталкивает человека к тому, чтобы он утолил ее. Как именно он это сделает – в каждом сне происходит по-разному и зависит от того, как работает кратковременная память человека. Все эти сны похожи друг на друга тем, что сразу после того, как человек во сне попытался утолить жажду, он испытывает недовольство оттого, что этого оказалось недостаточно. «Но Вейнгандт не уделяет внимания тому факту, что это – универсальная особенность реакции на стимул в сновидениях. Другие люди, проснувшись посреди ночи оттого, что им захотелось пить, может быть, и не видели во сне ничего, связанного с этой потребностью, но это не противоречит моему эксперименту. Просто это доказывает, что они спят не так крепко, как я (дополнение от 1914 г.). В связи с этим сравним, у пророка Исайи, глава XXIX, стих 8: «И как голодному снится, будто он ест, но пробуждается, и душа его тоща; и как жаждущему снится, будто он пьет, но пробуждается, и вот он томится, и душа его жаждет…»

76

Об этом сне Фрейд рассказывает в своем письме к Флиссу от 4 марта 1895 г. (Freud, 1950a) – один из ранних предвестников идеи о том, что сны являются воплощением исполненных желаний.

77

Это слово было добавлено в издание 1911 г. Далее следует вот этот комментарий по поводу этого частотного наречия, который приводится в «Gesammelte Schriften» (1925): «Опыт показывает, что искаженные сновидения, для которых требуется интерпретация, уже наблюдаются у детей четырех- и пятилетнего возраста; и это согласуется с нашими теоретическими воззрениями на условия, влияющие на искажение сновидений».

78

Горная местность неподалеку от Вены.

79

Вскоре после этого ее бабушке – им обеим в общей сложности было бы 70 лет от роду – приснилось то же самое, что и ее младшей внучке. После дня на суровой диете, которая была ей прописана из-за сильных болей в блуждающей почке, она во сне перенеслась в свои молодые годы, и ей приснилось, что ее «пригласили» на званый обед и ее угощают самыми изысканными блюдами. (Про сон этой маленькой девочки Фрейд упоминает в письме к Флиссу вскоре после этого происшествия (Freud, 1950a).)

80

Более подробное изучение душевной жизни ребенка убеждает нас в том, что сексуальность есть и в психике детей. Более тщательное исследование также дает основания несколько сомневаться в том, что детство – это такой уж счастливый период жизни, как это кажется взрослым, когда они оглядываются на него с высоты своей прожитой жизни. (Ср. «Three essays of the Theory of Sexuality» (1905d).)

81

Необходимо отметить, что маленьким детям в довольно раннем возрасте начинают сниться более сложные сновидения, которые гораздо сложнее интерпретировать, но и взрослым иногда снятся совершенно простые детские сны. Огромное количество самого неожиданного материала в сновидениях четырехлетних детей можно найти в моей работе «Analysis of a Phobia in a Five-Year-old boy» (1909b) и у Юнга (Jung, 1910a). Аналитические интерпретации детских сновидений см. в следующих работах: Hug-Hellmuth (1911, 1913), Putnam (1912), Van Raalte (1912), Speilrein (1913) и Tausk (1913). Также о детских сновидениях можно прочесть в работах Bianchieri (1912), Busemann (1909, 1910), Dogian Bianchieri (1910–1911) и в особенности у Wiggam (1909), который подчеркивает, что в этих снах отчетливо прослеживается тенденция демонстрировать осуществление желаний. Например, Отто Норденскельд (Otto Nordenskold, 1904) в своей книге «Антарктика» сообщает об экипаже судна, с которым он провел целую зимовку в Антарктике: «Ход наших мыслей ясно прослеживался в наших сновидениях, живых и разнообразных, как никогда. Даже те из наших товарищей, кого сны посещали очень редко, вдруг наутро рассказывали подробные истории, навеянные этим миром грез. В них оживал мир, который был нам в то время недоступен, хотя иногда в них всплывали и детали из той нашей реальной жизни. Одному из наших товарищей приснилось, будто он оказался в своем школьном классе и снимает шкуры с маленьких тюленей, специально изготовленных для учебных целей. Но во всех наших снах чаще всего фигурировали еда и выпивка. У одного из нас был талант видеть во сне званые обеды, где накрыт роскошный стол, а утром он рассказывал нам, что "ел обед из трех блюд". Другому снился табак, целые горы табака, третьему – корабль, который мчался по морю на всех парусах. Вот еще одно сновидение, которое заслуживает внимания. К нам приходит почтальон и объясняет, отчего мы так долго не получали писем – он доставил их по неверному адресу и с трудом получил их обратно. Снились нам и самые невероятные вещи. Но во всех этих снах, которые приснились мне и о которых мне кто-то рассказывал, поражала скудость воображения. Записи всех этих сновидений могли бы представлять большой интерес для психологии. Легко догадаться, как мы любили погружаться в сон, где сбывались наши самые сокровенные мечты». (Этот отрывок представляет собой существенно сокращенную цитату из перевода на английский язык книги Норденскельда (Nordenskold, 1905).) Как сообщает Дюпрель (Du Prel 1885): «Когда практически погибал от жажды Мунго Парк, во время своего путешествия по Африке, ему беспрестанно являлись орошенные водой долины и луга его родного края. И прусский авантюрист барон фон Тренк, страдая от голода в заточении в крепости Магдебург, во сне видел много вкусной еды; и Джордж Бак, принимавший участие в первой экспедиции Франклина, почти погибая от голода во время своих опасных приключений, постоянно видел повторяющиеся сны об обильной и вкусной еде».

82

Ференци приводит пример венгерской пословицы: «Свиньям снятся желуди, а гусям – кукуруза». А вот еврейская пословица: «Что снится курице? – Пшено!» (Berstein and Siegel, 1908).

83

Я не утверждаю, что я первый, кто утверждает, что сны порождаются заветными желаниями. (См. начало следующей главы.) Все, кому интересно мнение предыдущих авторов на эту тему,

могут обратиться к трудам античного врача Герофила, жившего при Птолемее I. Бюхеншютц упоминает о том, что этот врач (Buchenschutz, 1868) различал три вида сновидений: послания богов; естественные сновидения про что-то приятное и возможное; и смешанные сновидения, в которых смешивается то, что мы на самом деле видели, и то, к чему мы стремимся. Штерке (Starke, 1913) обращает наше внимание на описание одного сновидения из коллекции Шернера, в котором сам автор характеризует этот сон как изображение осуществления желания. Штерке подчеркивает одно сновидение, которое сам автор считает исполнением желания. Шернер (Schemer, 1861) читает: «В воображении спящего заветное желание сбывается так быстро оттого, что все чувства человека направлены на его осуществление». Шернер называет такие сновидения «сновидениями о настроении»; кроме того, он выделяет «эротические сновидения» у мужчин и женщин и «злые сновидения». Шернер, без сомнения, здесь никак не отличает сновидения со сбывшимися желаниями от других их стимулов, которые человек испытывает в состоянии бодрствования, и тем более здесь речи не идет о том, чтобы считать, что желания играют центральную роль в сновидениях.

84

Детские сны (в том числе и те, что упоминаются в этой главе) и инфантильные сновидения обсуждаются в лекции VII короткого исследования Фрейда «О снах» (Freud, «On Dreams» (1901a) (Standard Ed., 5)).

85

Уже античный автор неоплатоник Плотин (цитата Дю Преля (Du Prel, 1885)) отмечает: «Когда в нас пробуждаются желания, тогда просыпается и фантазия, и, так сказать, предлагает нам объекты, на которые направлены эти желания» (Ennead, IV, 4).

86

См. работу Дебакера (Debacker, 1881) *о pavor nocturnus* — ночных страхах.

87

Совершенно непонятно то упорство, с которым читатели и критики этой книги не желают этого учитывать и пренебрегают существенным различием между явным и скрытым содержанием сновидений. Точку зрения, наиболее близкую к моей гипотезе, выразил Джеймс Салли в своем эссе «Сон как откровение», цитату из которого я с таким запозданием привожу вовсе не потому, что недостаточно оценил ее (James Sally «The Dream as a Revelation» (1893)): «В конечном счете становится понятно, что сны – это не полная бессмыслица, хотя так считают такие уважаемые люди, как Чосер, Шекспир и Мильтон. В хаотическом нагромождении ночных фантазий есть смысл, из них мы узнаем нечто новое. Словно обрывки писем, эти "послания сновидений" при более пристальном изучении больше не кажутся бессмысленным бредом, и в них можно усмотреть важное, отчетливое послание. Или, употребив более изысканное сравнение, можно сказать, что сон, словно древний пергамент, при бережном изучении открывает написанное на древнем языке бесценное послание». (Фрейд выделили при печати последние два предложения более крупным шрифтом.)

88

Приблизительно соответствует должности доцента. Подобные назначения в Австрии совершались согласно приказу министра образования. Об этом событии Фрейд упоминает в письме к Флиссу от 15 марта 1897 г. (Freud, 1950a), а сам сон датируется 15 марта 1897 г. (там

же). Упомянутое далее «вероисповедание» относится, без сомнения, к антисемитизму, который процветал в Вене в последние годы XIX в. – *Примеч. ред.*

89

Удивительно было наблюдать за тем, как моя память – память в состоянии бодрствования – в этот момент сузилась. Вообще-то, у меня был не один дядя, а пять, и я был с ними знаком, любил и почитал их. Но в тот момент, когда я преодолел собственное внутреннее сопротивление и приступил к интерпретации этого сновидения, я сказал себе, что никакого другого дяди у меня нет – лишь тот, из сна.

90

Перевод Н. Холодковского. Мефистофель в «Фаусте» Гете, часть 1, сцена 4 – это были любимые строки Фрейда.

91

Подобная аналогия впервые возникает в этом абзаце в связи с рассуждениями о сновидениях, но она также применялась Фрейдом при обсуждении паранойи, в конце его второй работы, посвященной защитным нейропсихозам (1896b), а более детально обсуждается в разделе 2 главы, посвященной психотерапии, в его работе «Исследование истерии» (Breuer and Freud, 1895).

92

Фрау доктор Х. фон Хуг-Гельмут (Dr. P. von Hug-Hellmuh, 1915) записала содержание сна, который лучше всего поясняет те понятия, которые я здесь использую. В этом примере искажение в сновидении напоминало те же методы, которыми пользуются на почте, если замечают сомнительные письма, которые должны быть подвергнуты цензуре. В этой ситуации в почтовых сообщениях вымарываются некоторые части предложений; цензура сновидений превращает такие фрагменты в непонятную для человека белиберду.

Для того чтобы сон снова стал понятным, я должен объяснить, что он приснился высокообразованной и достойной даме пятидесяти лет. Это была вдова офицера высокого ранга, который умер уже двадцать лет тому назад, мать взрослых сыновей, один из которых был в то время на войне.

Вот ее сон – об «интимных услугах» в военное время. (В немецком оригинале используется термин «Liebesdienste» – «любовные услуги», первоначальный смысл которого обозначает «благотворительность», но во сне у этого выражения явно другой смысл.) Эта пациентка в своем сне приходит в гарнизонный госпиталь № 1 и говорит дежурному офицеру на воротах, что должна переговорить с главным врачом… (при этом называет фамилию неизвестного ей человека), поскольку хочет предложить госпиталю свои услуги. При этом она недвусмысленно дает ему понять, о каких именно «любовных услугах» идет речь. Из уважения к ее преклонным годам офицер, немного посомневавшись, разрешает ее войти в госпиталь. Но, вместо того чтобы пойти к главному врачу, она заходит в большую мрачную комнату, где за длинным столом сидят офицеры и военные врачи, кто-то из них стоит неподалеку. Она обращается со своим предложением к одному штабному врачу, который сразу же понимает цель ее визита. Во сне она говорит следующее: «Я и многие другие женщины и молодые девушки Вены готовы… – потом что-то невнятно бормочет: – Подряд всем офицерам и другим военным». По смущенным и хитрым лицам военных, которые там присутствовали, она понимает, что они догадались, что именно она предлагает. Дальше эта почтенная женщина говорит: «Я знаю, что наше предложение звучит довольно странно, но оно сделано от души. Ведь на войне солдата посылают на смерть, не спрашивая, готов он к этому или нет». Наступает неловкая пауза. Хирург, работающий в этом госпитале, потом обнимает ее и говорит: «Предположим, мадам, если и

правда…» (бормотанье). Она отпрянула при этих словах и подумала: «И этот туда же…», а потом отвечает ему: «Боже мой, я-то старая женщина и, может быть, уже для этого не гожусь. Хотя можно, при условии, чтобы более пожилая женщина и совсем еще мальчик… (бормотанье). Это уж было бы совсем недопустимо». «Прекрасно понимаю вас», – говорит этот хирург. Некоторые офицеры, один из которых ухаживал за ней в молодости, громко смеются. Затем даму просят пройти к главному врачу, чтобы все прояснить; но тут она, к своему стыду, вспоминает, что не помнит его фамилии. Но хирург изысканно и уважительно называет его фамилию и указывает ей путь на второй этаж по узкой железной винтовой лестнице, которая ведет из этой комнаты наверх. Пока она поднимается вверх по ступенькам, то слышит, как ей вслед говорит кто-то из офицеров: «Вот так решение – неважно, молодой или старый! Какая молодчина!» С чувством, что она исполняет свой долг, она все идет и идет вверх по бесконечной лестнице. Этот сон дважды повторился на протяжении двух недель с какими-то, как она сама считает, незначительными изменениями.

Дальнейшие комментарии по поводу этого сна можно найти во «Введении в психоанализ» Фрейда (лекции 1916–1917 гг., лекция IX).

93

Такие лицемерные сны нередко посещали и меня, и других людей. Работая над одной научной проблемой, я на протяжении нескольких ночей видел тревожные, путаные сны о том, как восстанавливаю отношения с одним другом, с которым я разругался за несколько лет до того. После того как этот сон повторился в четвертый или в пятый раз, я наконец-то понял, что именно он обозначал. Этот сон подталкивал меня к тому, чтобы полностью изгнать всяческие воспоминания об этом человеке и полностью освободиться от них, а потом лицемерно представлял его в прямо противоположном виде. Я уже рассказывал о «лицемерном Эдиповом сновидении», которое посетило одного мужчину и где враждебные импульсы и пожелания смерти близкому человеку во сне предстали в прямо противоположной форме – где он ощущал к этому человеку глубокую симпатию. Еще один вид лицемерного сновидения будет далее рассматриваться в главе VI. Друг, о котором здесь упоминается, скорее всего, Флисс (см. раздел IV вступления Крисса к переписке Фрейда с Флиссом (Freud, 1950a)).

94

Позднее мы также рассмотрим те случаи, когда, наоборот, в сновидении выражается некоторое желание, спровоцированное второй движущей силой.

95

Сравним выражение «сидеть и позировать» и строки Гете: «Und wenn er keinen Hintern hat, wie kann der Edie sitzen?» (Goethe, «Totalitat», 1814–1815) – «Коль зада нет / То как сидеть?».

96

Я без особого удовольствия включаю сюда примеры из психологии истерии. С помощью таких примеров можно объяснить лишь немногое, поскольку они носят отрывочный характер и вырваны из контекста. Но если они укажут читателю на взаимосвязь сновидений и психоневрозов, то я это сделал не зря. (Здесь Фрейд впервые обсуждает явление идентификации, хотя и раньше использовал этот термин в переписке с Флиссом (например, в Письме 58 от 8 февраля 1897 г. и в рукописи Д от 2 мая 1897 г.) Хотя он затрагивал этот вопрос в своих публикациях, его первое подробное рассмотрение этого явления датируется двадцатью годами позже – в главе VII «Психологии групп» (Фрейд, 1921с). Далее проблема идентификации обсуждается под другим углом зрения как один из феноменов сновидения.

97

Как во сне про лососину и неудавшийся званый ужин.

98

Этот сон будет обсуждаться далее и о нем Фрейд вкратце упоминает в лекции XIII в работе «Введение в психоанализ» (Freud, Introductory Lectures, 1916–1917).

99

Часто первый рассказ о сновидении бывает неполным и воспоминания о недостающих фрагментах проявляются лишь во время психоанализа. Такие постепенно добавляющиеся к рассказу фрагменты обычно и содержат в себе ключ к интерпретации сновидения. (См. обсуждение процесса забывания снов далее.)

100

В немецком языке «привести в дом» – «heimfuhren» означает «жениться».

101

Подробное описание этого сна представлено в черновике 1 приложения к письму Фрейда к Флиссу от 2 мая 1897 г. (Freud, 1950a, Letter 61).

102

За последние несколько лет мне постоянно рассказывали про такие «антижелания» слушатели моих лекций, когда познакомились с моей теорией о снах как воплощениях сбывшихся желаний.

103

Мнение автора на этот счет изменилось (см. Freud, 1924c).

104

Следующее предложение было включено в текст с некоторыми изменениями в 1919 г. и напечатано в виде следующей ссылки: «Я должен указать на то, что этот предмет еще не получил достаточных разъяснений, я вернусь к его обсуждению позднее».

105

Один современный выдающийся поэт, который, насколько мне известно, наотрез отказывается даже слышать что-то о психоанализе и толковании сновидений, вывел свою собственную формулу сновидения. Он считает, что сны – это «появление подавленных страстных желаний и стремлений, принявших чуждый облик и сменивших название, которое не зависит от человека» (Spitteler, 1914).

Заранее отвечая на некоторые вопросы, которые мы будем подробно обсуждать позже, я процитирую Отто Ранка, который дополнил и обогатил эту формулу сновидений: «Используя вытесненный инфантильный сексуальный материал, сновидения постоянно изображают желания, которые в данный момент испытывает человек, в основном эротически окрашенные, в

завуалированной и символически искаженной форме» (Rank, 1910). Я нигде не указывал на то, что принял за основу формулу Отта Ранка применительно к сновидениям и модифицировал ее. Более короткая версия, как я уже упоминал выше, кажется мне приемлемой. Но само то обстоятельство, что я упоминаю о модификации формулы Ранка, кажется мне вполне достаточным для того, чтобы снять с себя бесчисленные обвинения в том, что «психоанализ во всех снах усматривает сексуальное содержание».

Если формулу Ранка рассматривать именно с учетом того смысла, который он вкладывал в нее, то из нее просто следует, что противники психоанализа привыкли выражать свои критические замечания крайне небрежно и готовы закрыть глаза на самые ясные и логичные утверждения, если они не согласуются с их собственными агрессивными намерениями. Поскольку стоит лишь на несколько страниц назад, чтобы прочесть там о самых разнообразных желаниях, которые сбываются в детских снах (пойти на увлекательную прогулку, поплавать на лодке по озеру или съесть то, чего тебе не позволили, и т. д.); а в других фрагментах книги я обсуждал сны, которые возникли у людей от голода, от жажды или от того, что нужно было удовлетворить какие-то другие потребности, и сны-«выручалки». Даже сам Ранк не делал абсолютно категоричных заявлений. Такие его фразы, как «как правило» в отношении эротических желаний, и все остальное, сказанное им, просто соответствует большинству снов, которые посещают взрослых людей. Ситуация бы изменилась, если бы наши критики использовали термин «сексуальные» именно в том смысле, в котором он применяется в психоанализе, – как проявления «Эроса». Но моим оппонентам вряд ли приходило в голову всерьез задуматься о том, все ли сны обусловлены инстинктивными силами «либидо» в противовес «деструктивным» силам (см. «The Ego and the Id», глава IV (Freud, 1923b)).

106

Взгляды автора, которые он высказывал в более поздние годы, изложены в его работе «Ограничения, симптомы и беспокойство» («Inhibitions, Symptoms and Anxiety», 1926d).

107

Фрейд, безусловно, изменил свою точку зрения на этот вопрос. (См. далее, где анализируются и снова обсуждаются два тревожных сновидения.)

108

Роберт (Robert, 1886) придерживается мнения, что цель снов – освободить нашу память от бесполезных дневных впечатлений, но оно больше не выдерживает никакой критики, потому что во сне в нашей памяти часто всплывают ничего не значащие эпизоды из нашего детства. Иначе нам пришлось бы согласиться с тем, что сны неадекватно выполняют свою задачу.

109

Различные способы интерпретации сновидений обсуждаются в разделе I отдельной работы Фрейда (Freud, 1923c).

110

Этот абзац появился в издании 1909 г.

111

Как я уже отмечал в моем послесловии к первой главе, Германн Свобода полагает, что

открытые Флиссом биологические интервалы в двадцать три и в двадцать восемь дней играют важную роль для сознания человека (Wilhelm Fliss, 1906). Он подчеркнул, что от этих временных рамок зависит, какие именно элементы появятся в материале сновидений. Толкование сновидений, правда, отнюдь не изменилось бы при правильности такого утверждения, но для происхождения материала сновидений открылся бы новый источник. Не так давно я произвел исследование своих собственных сновидений, чтобы проверить, насколько применима эта теория «временных периодов» к материалу сновидений. Для этой цели я выбрал самые яркие их элементы, время проявления которых в реальной жизни может быть определено довольно точно.

I. Сновидение с 1-го на 2-е октября 1910 г.

(Фрагмент)… *Где-то в Италии. Три моих дочери показывают мне всякие занятные вещицы, сидя у меня на коленях, как будто мы находимся в антикварном магазине. Я комментирую, что это, взяв в руки одну из вещиц: «Вот эту я вам подарил». И вижу на ней четкое изображение профиля Савонаролы.*

Когда же в последний раз я видел портрет Савонаролы? В моих путевых заметках говорится, что я был во Флоренции 4 и 5 сентября, там мне захотелось показать моему спутнику барельеф с чертами лица фанатичного монаха Савонаролы на Пиацце Синьории именно на том месте, где тот был сожжен. Со времени этого события до его воспроизведения в сновидении прошло 27 дней + 1 – так называемый «женский период», по терминологии Флисса; но я должен, к сожалению, упомянуть, что в день перед сновидением у меня был один коллега (в первый раз после моего возвращения), которого я уже много лет в шутку называю «рабби Савонарола». Он познакомил меня с пациентом, который пострадал во время катастрофы на железной дороге, на той самой, по которой я ехал неделю назад, возвращаясь из Италии. Присутствие элемента «Савонарола» в сновидении объясняется этим посещением коллеги, и здесь 28-дневный интервал уже не так важен.

II. Сновидение с 10-го на 11-е октября 1910 г.

Я занимаюсь химией в университетской лаборатории. Гофрат Л. приглашает меня куда-то вперед по коридору, держа перед собой в поднятой руке лампу или какой-то другой инструмент, странно вытянув вперед шею, устремив взгляд куда-то перед собой (вдаль). Мы проходим по большой площади… (Остальное не помню.) В этом сновидении привлекает особое внимание, как именно Гофрат Л. держит лампу (или лупу) и пристально смотрит вдаль. Я его не видел уже много лет, но понимаю, что он изображает что-то другое: статую Архимеда в Сиракузах, где он изображен именно в такой позе с лупой в руке и со взглядом, устремленным на осадное войско римлян. Когда я в первый (или в последний) раз увидел эту статую? Я был в Сиракузах, если верить моим дневниковым записям, 17 сентября вечером, и, таким образом, с момента этих событий и до сновидения прошло действительно 13 + 10 дней – «мужской период» по Флиссу.

К сожалению, когда мы углубляемся в толкование этого сновидения, та причинно-следственная связь становится менее правдоподобной. Поводом к сновидению послужило известие, полученное мною накануне, что клиника, в аудитории которой мне любезно предоставили помещение для чтения лекций, скоро переезжает. Я принял как само собой разумеющееся, что в этой ситуации работать мне будет неудобно, и, возможно, у меня теперь просто не будет помещения для лекций. В этот момент мне вспомнилось самое начало моей профессорской деятельности, когда у меня действительно не было своего помещения для лекций и все мои попытки найти ее не встречали одобрения у представителей администрации и профессуры. Тогда я обратился к Л., который в то время был деканом факультета и поддерживал меня. Он обещал помочь мне, но никаких новостей от него я так и не дождался. В моем сновидении он похож на Архимеда, который поддерживает меня и действительно ведет меня в какое-то новое место. Все специалисты в области интерпретации сновидений догадаются, что в них нет места ни мести, ни самолюбованию. Кажется очевидным, что даже и не учитывая этого замечательного обстоятельства, Архимед в ту ночь мне вряд ли приснился бы, также я не очень уверен, что то неизгладимое впечатление, которое произвела на меня статуя в Сиракузах, не смогло бы проявиться в каком-то из моих снов.

III. Сновидение с 2-го по 3-е октября 1910 г.

(Отрывок)… *Мне снится профессоре Озер, который сам выбрал для меня меню, что действует на меня успокаивающе…* (Остального не помню.) Это сновидение является реакцией на расстройство пищеварения, которое произошло у меня в тот день, и я тогда подумал, не

обратиться ли мне за консультацией к одному из моих коллег, чтобы он составил для меня лечебную диету. То, что в моем сне фигурирует Озер, который умер этим летом, связано с недавней (1 октября) смертью другого профессора, которого я искренне уважал. Когда же умер Озер и когда я узнал о его смерти? В газете некролог опубликовали 22 августа: так как я все время был в Голландии, куда мне регулярно отправляли газеты из Вены, то я прочел известие о его смерти лишь 24 или 25 августа. Промежуток этот уже не укладывается ни в какой период, он составляет 7 + 30 + 29 или даже 40 дней. Я не припомню, чтобы я за все это время говорил про профессора Озера или даже думал о нем.

Подобные интервалы времени не подтверждают того, что можно применять в толковании теории периодичности, без дополнительных действий, и это в моих снах происходит гораздо чаще, по сравнению с теми снами, к которым такая теория *применима.* Единственное соответствие такой теории регулярных периодов, которое я выявил, то, о котором я настойчиво говорил в этом тексте и которое связывает это сновидение с некоторыми впечатлениями дня накануне этого сновидения.

112

Ответ Фрейда Флиссу от 10 марта 1898 г. (Freud, 1950a), так что этот сон мог ему присниться не более чем за день или два до того.

113

Ср. мою статью о фоновых воспоминаниях (Freud, 1899a).

114

Перевод М. Лозинского.

115

Персонаж стихотворных эпиграмм Лессинга (Sinngedichte). Подробнее этот сон обсуждается далее.

116

Они насыщены физиологической энергией. См. предисловие редактора, с. XVI издания – нумерация оригинала.

117

Это первое упоминание о фундаментальном понятии, которому полностью посвящены VI и VII главы этой книги.

118

Тенденция событий в сновидениях объединяться в единое действие, безусловно, вызвала интерес одновременно у нескольких исследователей, например у Делажа (Delage, 1891, с. 41) и Дельбефа (Delboeuf, 1885, с. 237), который рассуждает о своего рода «насильственном сближении» (rapprochement force). (Сам Фрейд выдвинул этот принцип в своей работе «Исследования истерии» («Studies of Hysteria», Breuer and Frued, 1895) – здесь в 1909 г. было добавлено предложение, которое включалось во все издания, вплоть до 1922 г., из которого оно

было исключено: «Далее в главе, посвященной событиям, происходящим во сне, мы коснемся того, что же представляет собой такая сила, которая комбинирует и "сгущает" события, – которая представляет собой еще один первичный психический процесс».

119

Как в сновидении про инъекцию Ирме или в сне про моего дядю с золотистой бородой.

120

Как в траурной речи моего молодого коллеги.

121

Как в сновидении про монографию по ботанике.

122

Большинству моих пациентов снятся именно такие сны.

123

См. главу VII, где обсуждается процесс «перенесения».

124

Важные сведения о том, как из недавних событий формируется материал сновидения, сообщает Петцль (Potzl, 1917) в своем фундаментальном исследовании. В ходе серии экспериментов он предлагал испытуемым зарисовать все изображения, продемонстрированные им в тахистоскопе, которые представлялись им осмысленными. Затем он спрашивал, что им приснилось в ночь после эксперимента, и предлагал точно так же зарисовать, как можно точнее, фрагменты этого сновидения. При этом были получены неопровержимые доказательства того, что детали изображений, которые проецировали через тахистоскоп, стали материалом для сновидения после эксперимента, а детали картины, воспринимаемые испытуемыми сознательно и зафиксированные в их первом рисунке во время работы с тахистоскопом, не появлялись снова в содержании сновидения, доступном непосредственному наблюдению. Проникший в сновидение материал выстраивал его уже знакомым нам, «произвольным» (или, точнее, «самовластным») способом. Вопросы, затронутые исследованием Петцля, значимы не только для толкования сновидений с той точки зрения, которая излагается в этой книге. Заметим, насколько отличается этот новый способ изучения формирования сновидений от прежних примитивных способов воздействия на спящего с помощью искусственных стимулов сновидения, которые прерывали сон испытуемого.

125

Хэвлок Эллис (Havelock Ellis, 1911), благосклонно отозвавшийся об этой книге, пишет: «Именно здесь многие из нас не согласны с Фрейдом». Но Эллис не проводил ни одного собственного анализа сновидения и не допускает мысли о том, что нельзя судить о сновидении лишь по его поверхностному содержанию.

126

«Du hast deine Fleischbank offen» («твоя мясная лавка открыта») – грубый венский идиоматический оборот, который обозначает «застегни ширинку».

127

См. мои рассуждения о разговорах в сновидении в главе о процессах, происходящих в сновидениях. Лишь один только автор установил, откуда в сновидения проникают разговоры. Это Дельбеф (Delboeuf, 1885), который сравнивает их с «клише». Краткое описание этого сновидения можно найти в разделе VII короткого эссе Фрейда «О сновидениях» (1901a).

128

Этот абзац относится к ссылке, которая касается обсуждения детских воспоминаний в разделе V истории, рассказанной Фрейдом в его работе «Человек-волк» (1918b).

129

Эта фраза могла встречаться на страницах комикса «Fliegende Blatter» и ему подобных.

130

Возможно, кому-то будет интересно узнать, что в этом сне был намек на мое непристойное, возбуждающее сексуальные мысли поведение, а эта дама ему противилась. Тем, кого это толкование шокирует, я хочу напомнить о многочисленных случаях, когда истеричные пациентки предъявляли подобные обвинения врачам. Но в подобных случаях фантазии проникают в сознание в своем подлинном виде и в форме бреда, вместо того чтобы подвергнуться искажению и возникать во сне. Это сновидение посетило пациентку в самом начале курса нашего лечения. Я лишь позднее понял, что в ее сновидении была воспроизведена первичная психотравма, которая и спровоцировала ее невроз. С тех пор я часто становился свидетелем того же поведения у других людей, которые в детстве стали жертвой сексуальных посягательств и заново переживали их в своих сновидениях.

131

Этот последний компонент и замещал собой всю основную мысль, что выявилось затем в процессе психоанализа.

132

В то время в Вене была фабрика «Аполлон» с изображением Аполлона в качестве рекламы, которая производила свечи и мыло. – *Примеч. ред.*

133

Некоторые замечания о «повторяющихся» снах можно найти в работе Фрейда «Фрагмент анализа одного случая истерии» (Freud, 1905a), в конце абзаца, посвященного выводам о толковании сновидения Доры (раздел II). См. далее.

134

Описание следующего сна появилось лишь в издании 1900 г. Судя по примечанию в Ges. Schriften (1925), оно было не без оснований изъято из всех изданий за это время: «Такого рода сновидения типичны и соответствуют не воспоминаниям, а фантазиям, о значении которых нетрудно догадаться». Вот еще фразы, которые были исключены из этих изданий: «Одна из моих пациенток увидела во сне то же самое – и эта сцена заставила ее испытать беспокойство, – сон несколько раз повторялся, когда ей было тридцать восемь лет. За ней кто-то гнался, она забегала в комнату, запирала дверь, а потом открывала ее снова, чтобы схватить ключ, который торчал с другой стороны двери. Ее казалось, что если она не успеет сделать этого, то произойдет что-то ужасное. Она хватала ключ, выдергивала его из замочной скважины, снова захлопывала дверь, запирая ее теперь изнутри, и облегченно вздыхала. Я не могу сказать, к какому возрасту относится это ее воспоминание, в котором она была лишь одним из участников происходящего».

135

Это было министерство представителей среднего класса, которое было создано после принятия новой австрийской конституции в 1867 г.

136

В забавном письме Флиссу от 11 марта 1902 г. (Freud, 1950a, Letter 152) Фрейд рассказывает о том, как его на самом деле назначили профессором, через два года после публикации этой книги.

137

С тех пор я давным-давно узнал, что нужно проявить лишь немного мужества, чтобы такие давние заветные мечты осуществились. И с тех пор я езжу в Рим постоянно. Переписка с Флиссом (Freud, 1950f) постоянно свидетельствует о том, как важна была для Фрейда поездка в Рим. В первый раз он осуществил эту мечту летом 1901 г. (Letter 146).

138

В письме к Флиссу от 12 июня 1897 г. (Freud, 1950a) Фрейд упоминает о том, что он коллекционирует такие анекдоты, многими из которых он воспользовался в своей книге шуток (Freud, 1905c). Первый из приведенных здесь анекдотов не раз попадается в его письмах, а Рим и Карлсбад символизируют несбыточные мечты.

139

По-немецки «диабет» – Zuckerkrankheit – «сахарная болезнь».

140

Этот сон обсуждается в письме Флиссу от 3 декабря 1897 г. (Freud, 1950a). Встреча в Праге, возможно, состоялась в начале того года (см. Letter 58 от 28 февраля 1897 г.).

141

Современному читателю необходимо здесь наше пояснение (особенно если эту книгу будет читать тот, кто мало разбирается в религиях и традициях). Дикая выходка прохожего связана с

тем, что отец Фрейда был одет не просто в теплую шапку, а в особый головной убор, который соответствует канонам священной книги иудеев – Торы. Суббота для правоверного иудея – это не просто выходной, а шаббат, день, когда запрещается труд, необходимо отрешиться от дел земных и обратиться к Богу с молитвой. Для этого прохожего в том, что отец Фрейда был одет в соответствии с ненавистной ему религией «инородцев», содержался идеологический вызов, потому что он сразу же понял, что перед ним не «добрый христианин», а «жид». Современному цивилизованному человеку это чуждо, хотя, если почитать некоторых шовинистов и националистов, – так ли далеко ушел современный человек от подобной дикости? Большой вопрос! – *Примеч. ред.*

142

В первом издании этой книги здесь было напечатано Гасбрубал; это – поразительная ошибка, объяснение которой я привожу в своей работе «Психопатологии обыденной жизни» (1901b).

143

Кстати, были предположения, что этот маршал был евреем.

144

Эту мысль Фрейд далее развивает в другой работе (1908b). Но она уже обсуждается в письме Флиссу от 22 декабря 1897 г. (Freud, 1950a, Letter 79).

145

Парки – в античной мифологии богини, которые прядут нити судьбы. – *Примеч. ред.*

146

Ссылка на теорию о механизмах истерии, которая приводится в последних разделах ранней работы Фрейда «Наброски к научной психологии» (Freud, 1950a).

147

«Du bist der Natur einen Tod schuldig» – это явная аллюзия на ремарку Фальстафа в пьесе «Генрих IV» – «Ты обязан Богу смертью». Фрейд пользуется теми же словами и приписывает их Шекспиру в письме к Флиссу от 6 февраля 1899 г. (Freud, 1950a, Letter 104).

148

О плагиостомах я упомянул непроизвольно, они напоминают мне об одном неприятном для меня эпизоде в общении с этим же профессором.

149

«Роро» – «попа» на детском языке обозначает и в немецком языке филейную часть человеческого тела.

150

Фрейд по-немецки значит «радость».

151

Шутливая этимология фамилии И. Гете, построенная на использовании паронимов, его другом, поэтом И. Гердером. (Кто б ни был прародитель твой: Бог, гот или ж начало ты берешь из грязи – иконой ставший, прахом будешь все равно. – *Пер. О. Шиловой.)*

152

Спалато и Каттаро – города в Далмации.

153

Австрийский политик (1847–1916), который придерживался реакционных взглядов; глава самоуправления Богемии, которое противостояло немецким националистам; австрийский премьер-министр с 1898 по 1899 г. Местечко Ишль находится в Северной Австрии, где любили проводить лето аристократы.

154

Граф Никто.

155

Члены правительства пользовались льготами при покупке железнодорожного билета, покупая его за полцены.

156

Этот повтор закрался в мою запись сновидения, скорее всего, нечаянно. Я так и оставил эту запись без изменений, поскольку в ходе анализа выяснилось, что она очень важна. По-немецки «sich fahre auf», «fahren» также означает «путешествовать, ехать» и постоянно используется затем в этом сновидении именно в таком значении.

157

Кремс находится в Нижней Австрии, а Знайм – в Моравии, ни в первом, ни во втором населенном пункте не было императорских резиденций. Грац – это столица провинции Стирия.

158

Вахау – это часть долины Дуная примерно в пятидесяти милях от Вены. Я только позднее понял, что Эммерсдорф в Вахау – это не место погребения лидера студенческого движения Фишгофа. Ссылка на эту ошибку содержится в работе «Психопатология повседневной жизни» (Freud, 1901b).

159

У Теннисона нет поэмы с таким названием. Возможно, речь идет об оде, посвященной

юбилею королевы Виктории, где постоянно повторяется фраза «пятьдесят лет» (а не «пятьдесят лет назад», или он намекает на второе стихотворение «Локи-Холл», где есть словосочетание «шестьдесят лет назад».

160

Ее засохшие лепестки расправляются под действием влаги.

161

Действие всех пьес из трилогии о Фигаро происходит в Испании. – *Примеч. ред.*

162

Наверное, речь идет об австрийском социал-демократе Викторе Адлере (Viktor Adler, 1852–1918).

163

Это переводится как «одуванчик», а если дословно – «написай в кровать». – *Примеч. пер.*

164

Я перепутал, это было не в романе «Жерминаль», а в романе «Земля». Эту ошибку я заметил лишь после завершения анализа.

165

«Подул, и они развеялись»: доктор Фритц Виттелс, который по собственной инициативе написал биографию (1924б); перевод на английский язык (1924), обвинил меня в том, что я не упомянул в этой цитате имени Иеговы. (Сноска добавлена в 1925 г.) На английском медальоне изображено имя божества на иврите – буквы проступают на облаке, на заднем плане изображения. Оно изображено так, что может восприниматься или как часть изображения, или как надпись.

166

В своей работе, представляющей значительный интерес, Г. Зильберер (Silberer, Phantasie und Myfhos, 1910) постарался продемонстрировать, что в сновидении могут отражаться не только скрытые мысли, но и психические процессы, которые происходят в момент его формирования. (Он дает этому явлению название «функциональный феномен» (см. ниже).) Но я полагаю, что он упускает при этом из виду, что психические процессы, действующие при образовании сновидения, для меня представляют собой мысленный материал, как и все остальное. В этом сновидении я горжусь тем, что открыл эти процессы.

167

Первый из них будет проанализирован далее.

168

«Madchenfanger» – это слово обозначает здесь петлицу. Сравните с тем, как в Америке для головных уборов дам используют похожие фразы – «fascinator» – «восхищалка» или «beaucatcher» – «ловушка для будущего суженого».

169

Эта фраза была добавлена в 1914 г.: первое упоминание об этой взаимосвязи, похоже, встречается в последнем абзаце работы Фрейда «Характер и анальный эротизм».

170

Другое толкование: он одноглазый, как божественный прародитель Один. Утешение Одина. Утешение из детского эпизода, в котором я ему обещаю купить новую кровать.

171

И вот еще материал для толкования: этот эпизод с емкостью для анализов напоминает мне историю о крестьянине, который выбирает у офтальмолога одни очки за другими, но читать-то не умеет! *(Прибор для ловли крестьян – прибор для ловли девушек в предыдущем отрывке сновидения.)*В романе Золя «Земля» есть описание того, как крестьяне обращаются со своим слабоумным отцом. Горькое чувство удовлетворения оттого, что отец в последние дни своей жизни был нечистоплотен в постели, как ребенок, почему в сновидении я и предстаю в образе *санитара* со склянкой в руке. Мысли и переживания здесь слиты воедино и напоминают о революционной драме Оскара Паницца (Oskar Panizza, «Das Liebeskonzil», 1895), где с отцом богов обходятся постыдно, словно со стариком-паралитиком, и там говорится: «Воля и действие у него слиты воедино и его архангел, как Ганимед, должен удержать его от того, чтобы он ругался и посылал проклятия, так как эти проклятия немедленно исполнялись». Когда я в сновидении строил планы, то это было своеобразным упреком отцу, как проявление критического отношения в более зрелом возрасте, как проявление всякого бунта и стремление оскорбить его превосходительство, а издевательство над высоким начальством провоцирует в сновидении содержание, где мы видим протест против отца. Царственная особа – это Отец Страны, а отец – это самый старший, первый и единственный для ребенка авторитет, его власть – это основа других видов социальной власти в ходе истории человеческой культуры, – разве что материнское право может его ограничить. Фраза о том, что в сновидении *мысли и переживания здесь слиты воедино,* связана с интерпретацией истерических симптомов, и с этим же связана склянка для анализа мочи у мужчины (Glas). Любому жителю Вены известен принцип «Gschnas», который состоит в том, что предметы, которые выглядят редкими и ценными, могут быть изготовлены из какого-то тривиального, смешного и дешевого материала, например доспехи из кухонных горшков, веников и солонок, как это любят делать художники, забавляясь на своих вечеринках. Я заметил, что пациенты, страдающие истерией, поступают точно так же: им мало реальных событий, которые произошли с ними, они бессознательно придумывают страшные или отвратительные события, создавая их из самого невинного и банального материала. Их симптомы в первую очередь связаны с этими фантазиями, а не с воспоминаниями о реальных событиях, независимо от того, представляют ли они собой нечто серьезное или это пустяки. Когда я это понял, меня это очень обрадовало и помогло разрешить множество проблем. Я расшифровал элемент сновидения про склянку для сбора анализа мочи у мужчины (Glas), когда мне рассказывали о состоявшейся недавно вечеринке в стиле gschnas, где была выставлена пародия на чашу с ядом Лукреции Борджиа, который был якобы налит в такую склянку для анализа мочи у мужчин, какие обычно бывают в больницах.

172

Интерпретацию этого сновидения можно встретить далее.

173

Организация сновидений в последовательно организованные смысловые слои – это одна из самых деликатных и увлекательных проблем интерпретации сновидений. Всякий, кто забывает об этом, может легко заблудиться и придет к ложным выводам относительно природы сновидений. Но в действительности слишком немногие исследователи следуют этому принципу. Поэтому единственное подробное и тщательно проведенное исследование на эту тему провел Отто Ранк (Otto Rank, 1912a), который смог продемонстрировать относительно стройную и логичную стратификацию символов в сновидениях, полученную с точностью гистологического исследования (см. ниже).

174

В самых популярных публикациях Мейнерта упоминания об этом нет.

175

Моурли Волд (Mourly Vold, 1910–1912) опубликовал двухтомный труд, в котором приводятся подробные и точные описания серии экспериментально спровоцированных сновидений. Я рекомендую его работу всем, кто желает убедиться в том, как мало становится понятно, если изучать лишь условия эксперимента, и как мало пользы приносят подобные эксперименты для того, чтобы разобраться в проблемах сновидений.

176

Сравним описание поведения спящего человека у Ландауэра (Landauer, 1918). Если понаблюдать за поведением спящих людей, то можно заметить, что во сне они явно совершают осмысленные действия. Спящий человек не становится идиотом: наоборот, он способен на логические действия, направляемые волевым усилием.

177

Эти сны рассматриваются далее.

178

См. об этом у Гризингера (Griesinger, 1861), а также в другой моей статье о защитных психоневрозах (Freud, 1896b). Вообще-то, эта ссылка, похоже, была в конце абзаца в первой работе Фрейда, посвященной этой теме (Freud, 1894a).

179

В письме к Флиссу от 7 июля 1898 г. Фрейд (Freud, 1950a) описывает знаменитый принцип Итцига, воскресного всадника: «"Эй, Итциг! Куда ты едешь?" – "А что ты у меня спрашиваешь? У лошади лучше спроси!"».

180

Этот абзац был добавлен в 1914 г. Сон этот был кратко изложен у Фрейда (Freud, 1913h (№ 1)); также о нем есть упоминание в лекции Фрейда V, 1916–1917 гг.

181

Содержание этого сновидения по-разному представлено в двух разных известных мне источниках.

182

Фрагмент этого предложения в скобках не был включен в первое и второе издания этой книги (в 1900 и 1909 гг.). Фраза *«на котором сконцентрировано сознательное "Эго"» и которое вместе с действующей в сновидении цензурой»* появилась в издании 1911 г. Фраза о *«вторичным переосмыслении»* была добавлена в качестве ссылки в 1911 г. и включена в основной текст в 1930 г.

183

Намек на эпизод в пьесе Шекспира «Ромео и Джульетта»: СЦЕНА V. Сад КАПУЛЕТТИ.
Наверху, в окне, видны Ромео и Джульетта.
Джульетта. Ты хочешь уходить? Но день не скоро:
То соловей – не жаворонок был,
Что пением смутил твой слух пугливый;
Он здесь всю ночь поет в кусте гранатном.
Поверь мне, милый, то был соловей.
Ромео. То жаворонок был, предвестник утра, —
Не соловей. Смотри, любовь моя, —
Завистливым лучом уж на востоке
Заря завесу облак прорезает. (Пер. Щепкиной-Куперник)

184

Далее этот вопрос подробно обсуждается в разделе С главы VII.

185

Ранк в ряде своих работ продемонстрировал, что некоторые сновидения, от которых человек просыпался, вызванные стимулами органического происхождения (работы 1910, 1912a и 1912b) (сновидения, вызванные позывом к мочеиспусканию или связанные с поллюциями или оргазмом), особенно ярко иллюстрируют, как потребность во сне и необходимость отправления естественных потребностей вступают друг с другом в противоречие и как вторая из них влияет на содержание сновидений.

186

Ощущение скованности в сновидениях подробно обсуждается в главе VI, разделе В и далее. Именно этот сон подробнее анализируется в главе V, разделе Г. О нем также идет речь в письме Фрейда Флиссу от 31 мая 1897 г. (Freud, 1950a, Letter 64).

187

Это утверждение о том, что наш метод интерпретации сновидений не может применяться, пока мы не получим доступ к ассоциативному материалу пациента, требует пояснения: наши

действия во время интерпретации в чем-то независимы от этих ассоциаций – если, например, у того, кому это снилось, присутствовали символические элементы в содержании сна. В подобных случаях мы, строго говоря, прибегаем ко второму, вспомогательному методу интерпретации сновидений. (Лишь в издании 1911 г., такая ссылка появляется рядом с предложением «Кроме тех случаев, когда спящий человек видит символы, которые нам знакомы, потому что выражают латентное содержание его мыслей в сновидении».)

188

Именно это издание (четвертое) было дополнено разделом о символизме в главе VI. Из-за этого в данном разделе произошли существенные изменения, и значительную часть материала перенесли в другой раздел.

189

Немецкий драматург, 1862–1939.

190

Этот процесс «вторичного переосмысления» форм рассматривается в разделе I главы VI. Ее интерпретация с помощью той же сказки обсуждается в письме Фрейда к Флиссу от 7 июля 1897 г. (Freud, 1950a, Letter 66).

191

Ребенок играет важную роль и в сказке, о которой я упоминаю: когда маленькая девочка вдруг восклицает: «Да ведь он совсем голый!»

192

Это упоминание об извращенном поведении, которое является остаточным проявлением инфантильной сексуальности, обсуждается Фрейдом в его анализе сексуального инстинкта в работе «Три эссе» («Three essays», 1950a).

193

Ференци (1910) записал рассказы про целый ряд интересных сновидений о наготе, которые снились *женщинам.* В них нетрудно было проследить инфантильное желание демонстрировать свою наготу; но они во многих отношениях отличались от «типичных» снов о наготе, которые я здесь обсуждал. От вышеприведенного предложения в этом абзаце некоторые идеи получили дальнейшее развитие двадцать лет спустя в другой работе Фрейда – «За пределами удовольствия» (Freud, «Beyond the Pleasure Principle», 1920g).

194

Об этом также идет речь в конце работы Фрейда «Покрывающие воспоминания» (Freud, «Screen memories», 1899a). По очевидным причинам присутствие в сновидении семьи в полном составе имеет то же самое значение.

195

Здесь мы имеем дело с «избыточной интерпретацией» сновидения. Поскольку «spuken» по-немецки означает «пугать» и именно это делают призраки, «spucken» («плевать») на ступеньки, в принципе, может быть связано с «призраком на ступеньках». Эта последняя фраза напоминает отсутствие находчивости («Schlagfertigkeit» – «готовность ударить») – в чем я, признаюсь, повинен. Было ли у моей няни это качество? (Об этой няне есть упоминание в конце главы IV «Психопатологии повседневной жизни» (Freud, 1901b), и об этом же подробно пишет Фрейд в своих письмах к Флиссу от 3 и 4 октября 1897 г. (Freud, 1950a, Письма 70 и 71).)

196

Аффекты в сновидениях обсуждаются в главе VII, раздел 3.

197

Сравним мои работы «Анализ фобии пятилетнего мальчика» (1909b) и «О теориях детской сексуальности» (1908c).

198

Трехлетний Ганс (чья фобия стала предметом анализа, о котором мы уже упоминали, вскоре после рождения своей сестры, страдая от высокой температуры, потому что у него воспалилось горло, воскликнул: *«Не хочу сестричку!»* (Freud, 1909b, раздел I). Через восемнадцать месяцев после этого происшествия у него начался невроз, и он честно признался в том, что мечтает, чтобы его мама уронила малышку в ванну и чтобы та умерла (там же, раздел Ж (11 апреля)). Но Ганс был очень милым, добрым и ласковым ребенком; через несколько лет он искренне привязался к сестричке и всегда относился к ней покровительственно.

199

В семье быстро приходят в себя после смерти детей в раннем возрасте. Но психоанализ демонстрирует, что эти случаи оказывают глубокое влияние на психику и в дальнейшем провоцируют неврозы.

200

С момента написания этой книги было собрано много информации, связанной с враждебным отношением детей к братьям и сестрам и к одному из родителей в первые годы жизни. У швейцарского исследователя и поэта Спиттеле мы находим искреннее и наивное описание этих взаимоотношений между детьми времен его собственного детства: «Впрочем, там был еще некий Адольф: про этого малыша говорили, что он – мой брат, но я все никак не мог понять, зачем он нужен; еще меньше я мог понять, отчего с ним все так же носятся, как и со мной. Меня самого вполне хватает, а брат-то мне зачем? Он был не просто бесполезен, он откровенно мне мешал. Когда я сидел на руках у бабушки, он тоже хотел к ней на ручки; когда я катался в детской коляске, он садился напротив меня, захватывая себе часть моего места, так, что мы пинали друг друга».

201

Когда маленькому Гансу было три с половиной года, он раскритиковал свою сестричку, сказав то же самое. Он считал, что она не может ходить оттого, что у нее нет зубов (Freud, 1909b).

202

Помню, как меня поразило, как один весьма смышленый десятилетний мальчик вскоре после смерти своего отца сказал вот что: «Я понимаю, что папа умер, но почему же он не приходит домой ужинать, мне непонятно» – эта фраза появляется в издании 1919 г. Более подробно на эту тему можно прочесть в периодическом издании «Imago» (1912–1921) в рубрике «Von wahren Wesen der Kinderseele» («Об истинной природе детского сознания») под редакцией госпожи Х. фон Хуг-Хельмут (Frau Dr. H. von Hug-Hellmuth).

203

Один человек, знакомый с психоанализом, обратил внимание, когда именно его четырехлетняя смышленая дочка осознала разницу между «отъездом» и «смертью». Девочка капризничала во время еды и заметила, что одна из служанок в пансионе недружелюбно поглядывает на нее. «Вот бы Жозефина умерла», – сказала она отцу. «Почему же? – спросил отец с упреком. – Может быть, пусть она просто уйдет? – «Нет, – ответила девочка, – тогда она вернется». Ничем не ограниченная любовь к себе (нарциссизм) ребенка воспринимает каждое вмешательство в его жизнь как lese majeste – преступление против Моего Королевского Величества, и его чувства (как драконовские законы) требуют для провинившегося самого сурового наказания.

204

Отношение взрослых людей к смерти Фрейд подробно рассматривает во втором эссе своей работы «Тотем и табу» (1912–1913), раздел 3с, в своей работе «Три шлема» (1913f) и во второй части «Размышлений о войне и смерти» (1915b).

205

Ситуацию часто усложняет импульс к самобичеванию, когда спящему в сновидении в наказание является образ смерти кого-то из любимых родителей.

206

По крайней мере, так говорится в некоторых мифах. А в других говорится о том, что Хронос оскопил своего отца Урана. Этот абзац обсуждается в главе X (3) «Психопатологии повседневной жизни» (Freud, 1901b). Всем, кто интересуется этой темой в мифах, см. Rank, 1909 и Rank, 1912c, глава IX, раздел 2. (Эти фразы в тексте, безусловно, предваряют его постулаты, которые он более подробно излагает в работе «Тотем и Табу» (1912–1913).)

207

Неограниченная власть главы семьи.

208

Норвежский драматург, автор произведений, где ярко представлены семейные конфликты и противоречия.

209

Софокл. Царь Эдип. Пер. Мережковского.

210

Ни одно из открытий в области психоанализа не вызвало такой яростной критики, такого противостояния – или таких забавных искажений, – как указание на то, что существует детское стремление к инцесту в области бессознательного. Недавно была предпринята попытка доказать, что инцест в таких случаях может восприниматься лишь символически. Содержательное толкование мифа об Эдипе дает Ференци (1912), основываясь на одном письме Шопенгауэра. «Эдипов комплекс», о котором впервые зашла речь в «Толковании сновидений», в дальнейшем приобрел важнейшее значение для понимания истории человечества и развития религии и нравственности. См. «Тотем и табу» (Totem and Taboo, 1912–1913 (Эссе IV)). (В сущности, изложение дискуссии на тему эдипова комплекса и сюжет «Царя Эдипа», а также интерпретация сюжета «Гамлета» обсуждались Фрейдом в его письме к Флиссу уже 15 октября 1897 г. (Freud, 1950a). Намек на то, что было открыто такое явление, как «эдипов комплекс», уже есть в письме к Флиссу от 31 мая 1897 г. (там же, черновик N). Сам термин «эдипов комплекс», очевидно, был использован Фрейдом в его публикациях сначала в работе «О психологии любви» (1910h)).

211

Этот абзац был опубликован как ссылка в первом издании книги (1900) и включен в основной текст начиная с 1914 г.

212

Психоаналитическую интерпретацию «Гамлета» дополнил и разработал Э. Джонс, подвергнув критике другие литературные интерпретации. (См. Jones, 1910a.) (Более полная работа относится к 1949 г.) Кстати, в тот момент я заподозрил, что автором работ, которые приписывают Шекспиру, мог быть кто-то другой. (См. Фрейд, 1930e.) Далее о попытках анализа пьесы «Макбет» см. мою работу (Freud, 1916d) и единственную работу Джекелса (1917). (Первая часть этой ссылки была включена в иной форме в издание 1911 г., но с 1914 г. отсутствует в тексте книги: «Такая интерпретация образа *Гамлета,* представленная в предыдущем абзаце, с тех пор получила подтверждение, и в ее поддержку были получены новые аргументы в обширном исследовании Ранка (1909)». Дальнейшее обсуждение интерпретации образа Гамлета содержится в посмертном издании работы Фрейда, где предметом обсуждения стала «Психопатология персонажей театральных пьес» (1942b), возможно созданная Фрейдом в 1905 или в 1906 г.)

213

См. конец примечания далее, с. 244, а также с. 288.

214

Про этот сон, который приснился сыну Флисса по имени Роберт, Фрейд упоминает в своих письмах от 8 и 20 августа 1899 г. (Freud, 1950a, Письма 114 и 116). Образы чего-то непомерно большого и в огромных количествах, как и все преувеличения в целом, – еще одна черта, присущая детским впечатлениям. Ребенок изо всех сил старается скорее повзрослеть и чтобы у него было все то же и в таком количестве, как у взрослых. Ребенку все мало: он постоянно требует повторения того, что ему понравилось или было приятно на вкус. Быть умеренным, скромным он научится лишь благодаря воспитанию; как известно, люди, страдающие неврозами, тоже склонны к неумеренности и преувеличениям. (О том, как дети любят все повторять снова и снова, можно прочесть в конце шестого раздела главы VII книги Фрейда, посвященной шуткам

(Freud, 1905c). Также эта тема обсуждается в начале главы V его работы «За пределами принципа удовольствия» (1920g).)

215

Но так оно и есть, Базедов – последователь теории воспитания Руссо, живший в XVIII в.

216

Когда доктор Эрнест Джонс в одной своей научной лекции в Америке говорил об эгоизме в сновидениях, какая-то ученая дама категорически выразила свой протест, обвинив его в ненаучном обобщении, и заявила, что автор может судить об этом лишь только по сновидениям австрийцев и не имеет права обвинять в этом американцев. Лично у нее все сновидения исполнены альтруизма. В оправдание этой патриотически настроенной дамы я могу отметить, что утверждение о том, что все сновидения носят эгоистический характер, часто понимают неверно. Поскольку в сон может проникнуть все, что существует в предсознании, как в актуальное, так и в латентное содержание, то это может произойти и с альтруистическими импульсами. Мое предыдущее утверждение на эту тему заключается в том, что неосознанные источники сновидений часто содержат эгоистические импульсы, которые, по всей вероятности, в состоянии бодрствования держались под контролем.

217

Вспомним про сон, посвященный инъекции Ирме.

218

Первая фраза этой главы присутствовала в первом издании (1900 г.), но затем была изъята до 1925 г. Остальная часть этого абзаца появилась в 1909 г., а в 1914 была перенесена в главу VI, раздел Е (где ее можно найти сейчас). В издании 1930 г. эти фрагменты были включены и там, и там.

219

Один мой молодой коллега-медик, воплощение душевного здоровья, вот что рассказал мне об этом: «Я по собственному опыту знаю, что в детстве у меня возникало особенное чувство в области гениталий, когда я был на качелях, а в тот момент, когда качели двигались к земле, это ощущение достигало максимума. Не то, чтобы я специально старался получить от этого удовольствие, но должен признать, что это ощущение было приятным». Родители часто сообщают мне о том, что случаи эрекции у мальчиков часто наблюдались в тот момент, когда они карабкались куда-то. Благодаря психоанализу становится совершенно очевидно, что первые сексуальные импульсы часто возникают у детей, когда они возятся или борются друг с другом. (Эта тема подробно рассматривается Фрейдом в последнем разделе его работы «Три очерка теории сексуальности» (1905d).)

220

В первом издании (1900 г.) следующий абзац (который был посвящен сновидениям про экзамены) предшествовал данному абзацу, а данный абзац завершал главу. В следующих изданиях книги он отсутствовал.

221

В издании 1909 г. здесь читаем: «Коллега, о котором я упоминал выше, привлек мое внимание к тому, что слова, которые мы используем для обозначения финальных школьных экзаменов – «на аттестат зрелости», также содержат в себе слово «зрелость», и они часто снятся людям, если на следующий день их сексуальные возможности будут подвергнуты испытанию, когда человек может быть опозорен оттого, что не сможет в достаточной мере проявить свою потенцию. В издании 1911 г. появилось следующее предложение: «Один немецкий коллега, как я полагаю, вполне обоснованно, возразил на это, что название этого экзамена на немецком языке – «Abiturium» – не отражает его двойного смысла». Весь этот абзац не включался в новые издания этой книги с 1914 г. В 1925 г. он был заменен новым заключительным абзацем в этой главе. Эту тему обсуждал и сам Штекель в 1909 г.

222

В изданиях этой книги 1909 и 1911 гг. далее за этой фразой следовало обсуждение других видов «типичных» сновидений. Но, начиная с издания 1914 г., эта дискуссия была опубликована в главе VI, в разделе Д, после того, как читателя знакомили с новым материалом, связанным с символикой сновидений.

223

В лекции XI З. Фрейда «Введение в психоанализ» (1916–1917) более подробно рассматриваются процессы, имеющие место в сновидениях.

224

Далее более подробно этот вопрос обсуждается в другой работе Фрейда (Freud, 1925i, раздел А).

225

Многие исследователи указывали на возможность возникновения процесса сгущения в сновидениях. Среди них – Дюпрель (Du Prel, 1885), который в одной своей работе сообщает, что абсолютно уверен в возникновении процесса сгущения групп мыслей в сновидениях.

226

Этот вопрос вновь затрагивается в главе VI, раздела В и очень подробно обсуждается в последней части раздела А главы VII.

227

Похоже, здесь упоминается тот элемент сновидения, о котором ранее не говорилось.

228

Пер. Холодковского.

229

То, что я написал далее в этом разделе по поводу символизма снов о подъеме вверх, проливает свет на образы, которые выбрал этот писатель.

230

Недавно я гостил у симпатичного хозяина.

231

Пер. Холодковского.

232

Здесь Фрейд, возможно, имеет в виду недавнее открытие, которое продемонстрировало, как сексуальные травмирующие переживания ранних детских лет проявляются в ходе его психоанализа с пациентами, страдающими неврозом, а потом выясняется, что это были не реальные травмирующие события, а просто фантазии (См. Freud, 1906a).

233

Подобного рода фантазии уже обсуждались в работах Фрейда, например, в последней части его работы «Screen Memories» (1899a).

234

То, что образ кормилицы связан с воображаемой ситуацией, выявилось, когда стало понятно, что пациента, когда он был младенцем, кормила грудью его собственная мать. В связи с этим я вспоминаю забавную историю, которую рассказывал выше, о том молодом человеке, который в шутку выражал сожаление о своих упущенных возможностях в общении со своей кормилицей. То же самое сожаление просматривается и в этом сновидении.

235

Здесь необходимо пояснение: такие книги – это *«отрава»* для девушек. В юности эта пациентка и сама читала запоем такие книги.

236

Церемониальный портик в античном стиле.

237

Это соотношение образов слов и вещей обсуждается Фрейдом далее, на последних страницах, посвященных бессознательному (1915e).

238

Фрейд рассказывает про сновидение, в котором содержится много вербальных скрытых смыслов, в главе V (10) своей работы «Психопатология повседневной жизни» (1901b). Эти примеры, которые будут рассматриваться далее, как мы убедимся, почти непереводимы.

239

В состоянии бодрствования такой же анализ и синтез слогов – силлабическая химия, так сказать, – становится основой для множества шуток и загадок. «Как дешевле всего добыть серебро?» – «Идешь по дороге, засаженной серебристыми тополями (игра слов – "Pappeln" – значит и "тополь", и "болтовня"), и просишь всех помолчать. Все молчат, и выделяется серебро». Один из читателей той книги – а другие могут последовать его примеру – возразил, что это уж слишком заумно, и никто этого юмора не оценит. В состоянии бодрствования я не могу с уверенностью утверждать, что такое высказывание покажется многозначительным. Если мои сны кажутся забавными, то дело здесь не во мне, а в особенных психических условиях, при которых эти сны возникают; и это напрямую связано с представлениями о том, что комично, и с теорией шуток. Сны становятся многозначительными и забавными оттого, что в них невозможно прямо сказать о том, что приходит в голову: так уж они устроены. Читатель может убедить себя в том, что у моих пациентов «сновидения полны шуток или игры слов, и что мои сновидения такие же, или что в них этого даже больше. Тем не менее это возражение навело меня на мысль сравнить то, как устроены шутки и как устроены сновидения; результаты этого опубликованы в моей книге «Шутки и их связь с бессознательным» (1905с). (В особенности глава VI. В конце этой главы Фрейд отмечает, что шутки в сновидении все дурного свойства, и объясняет, отчего это так происходит. Ту же самую мысль он развивает в своей лекции XV «Введение в психоанализ» (1916–1917). Этим «первым читателем» был Флисс, а далее этот вопрос Фрейд обсуждает в письме к нему от И сентября 1899 г. (Freud, 1950а, с. 118)).

240

Фердинанд Лассаль, основатель немецкого демократического движения, родившийся в Бреслау в 1825 г. и ушедший из жизни в 1864 г. Эдуард Ласкер (1829–1884) родился в Яротщине, недалеко от Бреслау, был одним из основателей Национальной либеральной партии в Германии. Оба этих деятеля – еврейского происхождения.

241

Цитата из Marcinowski, 1911.

242

См. главу IV книги Фрейда, посвященную шуткам (1905с).

243

Не так давно я наткнулся на единственное исключение к этому правилу, когда молодой человек, страдавший от навязчивых состояний, при этом сохранял высокий уровень интеллекта. Разговорные слова, которые возникли в его сновидениях, были продиктованы не тем, что он сам говорил или слышал. Это был абсолютно не подвергшийся искажениям его собственный навязчивый бред, который в состоянии бодрствования был ему доступен лишь в искаженном виде. (Об этом молодом человеке Фрейд упоминает, называя его невротиком, страдающим от навязчивых состояний (человек-крыса), о чем говорится здесь: Freud, 1909d, в самом начале раздела 11 – более подробно разговорные слова в сновидениях обсуждаются далее)).

244

Психическая интенсивность, или ценность, или уровень ценности идеи, безусловно, должна

рассматриваться как явление, отличное от сенсорной интенсивности или интенсивности воспринимаемого образа.

245

«Делает тот, кому выгодно» (лат.).

246

Так как объяснение искажающей деятельности сновидения влиянием цензуры я считаю центральным пунктом моей теории сновидения, то я здесь привожу цитату из последней части новеллы «Сон и бодрствование» из книги Линкеуса «Фантазии реалиста» (Вена, 1890, 1-е издание), в котором я нахожу этот основной постулат моей теории:

«О человеке, обладающем странной способностью видеть только разумные сновидения…»

«Твоя странная особенность грезить так, как мыслишь ты наяву, объясняется твоими добродетелями, твоей добротой, твоею справедливостью и твоей любовью к истине: моральная чистота твоей души объясняет мне все».

«Но если задуматься, – ответил другой, – то мне кажется, что все люди созданы так же, как я, никому никогда не снится бессмыслица. Сновидение, о котором отчетливо вспоминаешь, которое можешь потом рассказать и которое не является поэтому горячечным бредом, имеет всегда глубокий смысл и не может его не иметь! Ибо то, что противоречиво, не могло быть вообще связано в одно целое; те прегрешения, которые совершает сновидение по отношению к пространству и времени, нисколько не наносят ущерба его осмысленности, так как и то и другое не имеет никакого значения для его содержания. Мы и в состоянии бодрствования часто поступаем так же. Подумай только о сказках, о бесконечных смелых и глубокомысленных созданиях фантазии, про которые лишь невежественный человек мог бы сказать: "Какой абсурд, ведь это же невозможно!"

«Да если бы только можно было всегда правильно толковать сновидения – вот как ты здесь только что!» – заметил другой.

«Это правда нелегко, но при некотором внимании сам грезящий человек мог бы всегда толковать свои сновидения. Почему это нам не всегда удается? В ваших сновидениях есть всегда что-то скрытое, поэтому-то ваши сновидения и кажутся часто лишенными смысла, а иногда даже и совершенно нелепыми и абсурдными. В основе своей, однако, они совершенно не таковы; они не могут быть бессмысленными уже по одному тому, что ведь бодрствует и грезит всегда тот же самый человек».

247

Первое условие заключается в том, что они сверхдетерминированы.

248

С того момента, как я это написал, я опубликовал полный анализ и синтез двух сновидений в работе «Фрагмент анализа примера истерии» (Freud, 1905, 1905 (разделы II и III)). См. также синтез сна «Человек-волк» в разделе IV другой работы (Freud, 1918b). Отто Ранк приводит анализ в работе «Ein Traum, der sich selbst deutet» («Сон, который интерпретирует сам себя») 1910 г., и эта работа заслуживает упоминания как самое полное толкование, которое было опубликовано в отношении сновидения значительной продолжительности.

249

Два последних предложения (начиная с «другая часть материала») появились в этом виде,

начиная с издания 1919 г. В изданиях предыдущих лет этот абзац выглядел так: «Другую часть материала можно обозначить как "коллатеральную". В целом они представляют собой те пути, которым следует истинное желание, порождаемое мыслями в сновидении, прежде чем они превращаются в желание, выражаемое во сне. Первая часть этих "коллатеральных" элементов состоит из образований мыслей в сновидениях в чистом виде; они в общих чертах представляют собой примеры смещения от существенного к несущественному. Вторая часть элементов включает в себя те мысли, которые соединяют друг с другом эти несущественные элементы (которые стали значимыми в результате смещения), и так они проникают в содержание сновидения. Наконец, третья группа элементов – это ассоциации и цепочки мыслей, с помощью которых процессы интерпретации выводят нас на содержание сновидения второй группы коллатеральных элементов. Не следует предполагать, что вся эта третья группа обязательно должна быть задействована в формировании сновидения». Касательно этого абзаца Фрейд замечает (в полном собрании сочинений (1925, с. 55), что он впоследствии отказался от термина «коллатеральные».

250

Имеется в виду Парнасский холм. – *Примеч. ред.*

251

Это любимое образное сравнение у Фрейда. Он уже его использовал выше, в середине раздела I, когда обсуждал случай с Дорой (1905c). Возможно, на этот образ его натолкнул Гете («Schwer in Waides Busch»), у которого тоже используется этот образ.

252

Далее этот момент развивается в главе VI, в разделах В, Д. Тема нескольких сновидений, посетивших человека за одну ночь, подробнее обсуждается далее.

253

Подробное описание этого сновидения находим в письме Фрейда Флиссу от 28 апреля 1897 г. (Freud, 1950a).

254

Об этом сне Фрейд сообщает в письме к Флиссу от 2 ноября 1896 г. (См. Фрейд, 1950a) Это там, как утверждается, произошло в течение ночи после похорон.

255

Далее об этом см. в главе VI, разделы В, Ж – первоначально в описании этого сна присутствовал момент, когда рассказчик закрывал глаза в знак того, что исполняет сыновний долг.

256

Я с удивлением узнал из памфлета К. Абеля «Противоречивое значение базовых слов» (см. мой обзор 1910e) – и этот факт подтвердили другие филологи, – что большинство древних языков в этом смысле действуют в точности так же, как и сновидения. Поначалу в них было

лишь одно слово, которое обозначало две противоположности каких-то качеств или характеристик («сильный – слабый», «старый – молодой» «далеко – близко», «связывать – разрезать на части»); а потом появляются два слова, одно из которых обозначает нечто противоположное другому, благодаря незначительным изменениям в исходном древнем слове. Абель продемонстрировал эту закономерность на примере древнего египетского языка: но здесь он также показывает, что и в семитских, и в индоевропейских языках присутствует такая же тенденция.

257

Сон отображает на с. 309.

258

Сравним, что думал Аристотель по поводу квалификации толкователей снов – см. цитату выше.

259

См. сноску на с. 244.

260

Если я сомневаюсь, чей образ в сновидении замещает мое собственное «я», то я следую вот какому правилу: если какой-то другой персонаж в сновидении испытывает тот же самый аффект, что и я, значит, за ним и скрывается мое «я».

261

Вопрос рассматривается далее у Фрейда, 1923с, раздел X.

262

См. революционный сон, с. 193–195.

263

Остальные будут перечислены далее (см. с. 299–300, 381–382).

264

В немецком языке «Kehrseite» обозначает «в обратном направлении» и «назад».

265

Иногда во время истерического припадка происходит то же самое, если есть цель скрыть его смысл от окружающих. Одна истерическая девушка, например, изображает во время припадка небольшое романтическое приключение, которое она придумала, про встречу в трамвае. Она хочет изобразить, как незнакомец, которому ее ножки показались красивыми, заговаривает с ней, когда она читает, преследует ее, и она переживает страстную любовную сцену. Припадок

ее *начался* с изображения этой любовной сцены; у нее появляются судороги (движения губ, изображающие поцелуи, движения руками, словно она обнимает кого-то), потом она быстро уходит в соседнюю комнату, садится на стул, задирает юбку, чтобы показать свою ножку, делает вид, что читает книгу, и заговаривает со мной (то есть отвечает мне). Вспомним, что говорил на эту тему Артемидор: «При толковании образов в сновидениях нужно следить за ними с самого начала, а иногда – с конца до начала… (Книга I, глава XI, перевод Краусса, 1881).

266

Прав я в этом или нет – я не уверен. Судя по некоторым ремаркам, Фрейд предполагает, что такая разновидность сновидений все же существует, высказывая эту мысль в своей работе «Сны и телепатия» (Freud, 1922a).

267

Более подробно эта тема обсуждается далее.

268

У этой пациентки при этом проявлялись сопутствующие симптомы в виде аменореи и ярко выраженной депрессии (основного симптома пациентки). Это сновидение обсуждается далее на с. 392.

269

Фрейд снова затрагивает эту тему в лекции XXIX «Нового введения в психоанализ» (Freud, 1933a). Этот вопрос уже обсуждался в этой книге в главе VI, разделе В и снова затрагивается в главе VI, разделах Д, Ж, и главе VII, разделе А.

270

При полном анализе этого сновидения было восстановлено одно событие из времен моего детства, к которому я пришел по цепочке ассоциаций. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить» (Шиллер, «Фиеско», акт III, сцена 4). Слово «Schuldigkeit» («долг, дело») – это искаженный парафраз слова «Arbeit» («работа»). Тогда в шутку можно спросить себя: «А сколько лет было этому мавру, который сделал свое дело?» – «Один год, потому что он мог уйти» («gehen» – идти и гулять). (Кстати, когда я родился, у меня на головке была такая шапка черных волос, что моя мама в шутку сказала, что у нее родился арапчонок – маленький мавр.) В этом сне я не мог найти свою шляпу. И это было связано с одним происшествием из моей жизни в состоянии бодрствования, которое имело несколько значений. Мою шляпу куда-то задевала наша служанка, у которой был особый дар терять вещи. В конце сна содержится стремление отмахнуться от меланхолических мыслей о смерти: «Я же еще не доделал все, что наметил для себя, поэтому мне рано уходить». Рождение и смерть – вот о чем это сновидение, как во сне о Гете и пациенте, страдавшем параличом, который мне снился незадолго до того.

271

Последние открытия в этой области доказывают, что это утверждение не имеет под собой оснований.

272

См. мою работу о шутках (1905c), особенно последнюю часть главы VI, и использование «вербальных мостиков» при работе с невротическими симптомами. (См., например, синтез сновидения Доры в разделе II работы Фрейда (Freud, 1905e), где используется термин «слова-переключатели», а также решение проблемы человека-крысы в случае с неврозом навязчивых состояний (Freud, 1909d).

273

Его звали Хьюго Вольф – примечание от 1925 г.

274

Ни поленья, ни уголь не пылают в огне так жарко, как тайная любовь в глубине сердца.

275

Отчего этот сон может казаться абсурдным, обсуждается далее.

276

Два предыдущих – это сгущение и смещение.

277

Старый классический венгерский торт. – *Примеч. ред.*

278

Подробнее символизм сновидений рассматривается в следующем разделе.

279

В дополнительных альбомах Фухса (Fuchs, 1909–1912) можно найти множество подобных примеров.

280

Интерпретацию вводной части этого сновидения см. выше.

281

Символизирует ее жизнь.

282

Похожий биографический сон можно найти в третьем моем примере о символике

сновидений. Еще один такой сон был подробно описан Ранком (Rank, 1910), а другой, который можно прочесть «с заду наперед», Штекелем (Stekel, 1909) – ссылку на «биографические» сны можно найти в конце работы Фрейда «История психоанализа», 1914b.

283

В первых трех изданиях этой книги – 1900, 1909 и 1911 г. – перед этим абзацем был другой, который был затем изъят из издания 1914 года и тех, которые следовали за ним: «Я должен упомянуть еще о ряде мыслей, за которыми скрывается сексуальный подтекст: это мысли о переезде. «Переехать в новый дом» по-немецки можно заменить на слово «Ausziehen», у которого есть два значения – «переезжать» и «раздеваться», и так можно перейти к размышлениям о переодевании. В текстах на английском языке таким многозначным словом может быть «lift», что может означать «задрать одежду».

284

За исключением первых двух абзацев на с. 349, ни одна часть этой главы не была опубликована в первом издании этой книги. Большая часть этого материала появилась в изданиях 1910 и 1911 г., но глава V была включена в них под названием «Типичные сновидения», раздел Г. В издании 1914 г. впервые появилась эта глава из дополнений к главе V и из нового материала. В последующих изданиях также появились новые дополнения. Чтобы преодолеть эти сложности, в этом разделе добавлены даты в квадратных скобках в конце каждого абзаца. Так можно понять, какой материал датируется 1910 и 1911 гг. и сначала был опубликован в главе V, а затем был перенесен туда, где мы видим его в издании 1914 г.

285

Фрейд отмечает в своих работах (см. Freud, 1913a), что подобно тому, как daementia praecox способствует развитию способности интерпретировать символы, невроз навязчивых состояний его затрудняет.

286

См. работы Блойлера (Bleuler, 1910) и его последователей из Цюриха (Maeder, 1908) (Abraham, 1909) и других, которые посвящены символизму, а также труды исследователей, которые не занимаются медициной (Kleinpaul и др.). Материал, который имеет непосредственное отношение к обсуждаемому нами вопросу, можно найти в работах Ранка и Захса (1913, глава I). См. работы Джонса (Johnes, 1916).

287

Эта точка зрения нашла существенное подтверждение в теории доктора Ганса Шпербера (Dr. Hans Sperber, 1912). Он придерживается мнения, что все первые слова в языке были связаны с сексуальной сферой, но затем их сексуальный оттенок значения стал распространяться на другие объекты и действия, которые имели отношение к тем сексуальным значениям.

288

Например, Ференци (см. Rank, 1912a, с. 100) – корабль, несущийся по волнам, появлялся в сновидениях, связанных с мочеиспусканием, у людей из Венгрии, хотя оттенок значения «schiffen» – мочиться, существующий в немецком языке, в венгерском языке отсутствует. В сновидениях французов и представителей других романских языков комната символизирует

женщину, хотя в этих языках нет выражения, аналогичного «дамская комната» – туалет.

289

Только в изданиях 1909 и 1911 гг. следующая фраза выглядела следующим образом: «Более того, обычно те символы, которым приписывается сексуальная подоплека, не всегда являются однозначными».

290

Одному моему пациенту, который жил в пансионе, приснилось, что он повстречался с какой-то служанкой и спросил, в комнате под каким номером она живет. К его удивлению, она ответила: «14». У него в действительности завязались любовные отношения с ней, и он несколько раз бывал у нее в спальне. Она не без оснований опасалась, что хозяйка этого пансиона обо всем догадается, и накануне этого сновидения она предложила ему устроить свидание в комнате, где никто не жил. Это и была комната под номером 14, а в сновидении она в ней жила. Вряд ли найдется более убедительное доказательство связи символики комнаты с женщиной (Jones, 1914a). У Артемидора (Oneirocritica, книга II, глава X) читаем: «Вот, например, спальня обозначает жену, если таковая в доме имеется».

291

См. раздел «теории рождения» во втором из трех эссе Фрейда по теории сексуальности (1905d).

292

Я здесь снова повторю то, о чем уже упоминал (Freud, 1910b): «Некоторое время тому назад я встретился с психологом, чьи взгляды отличались от наших, и он, в качестве заключительного аргумента, указал нам на то, что мы, по его мнению, слишком преувеличиваем значение сексуальности при толковании сновидений: ему часто снилось, что он идет вверх по лестнице, и, конечно, ничего сексуального *здесь* нет. Мы встревожились и стали изучать значение ступенек, лестниц и приставных лестниц (и тому подобного), в сновидениях и вскоре сумели доказать, что они, бесспорно, символизируют соитие. Нетрудно обнаружить, на чем основано такое сравнение: мы поднимаемся по лестнице, совершая ритмичные движения, наше дыхание при этом постоянно учащается, а потом, перепрыгнув через несколько ступенек, мы снова оказываемся внизу. Этот ритм соития и воспроизводится при движении по лестнице. И здесь еще не стоит упускать из виду обороты речи. Подниматься (по-немецки «steigen») используется для непосредственного обозначения полового акта. Мы говорим о мужчине как о всаднике, о том, кто сверху (Steiger), и что он находится сверху (nach-steigen). По-французски ступеньки на лестнице обозначаются словом «marches», а выражение «un vieux marcheur» эквивалентно немецкому «ein alter Steiger».

293

Вспомним о рисунке девятнадцатилетнего пациента, страдающего манией, который изобразил, как галстук на шее мужчины превращается в змею и ползет к девушке (Zbl. Psychoanal, том 2, с. 675, Rohrschach, 1912). Сравним с историей «стеснительного человека» (Anthropophyteia, том 6, с. 334): дама зашла в ванную комнату, а там был мужчина, который едва успел накинуть на себя рубашку. Ему было крайне неловко, он попытался завязать на шее галстук и воскликнул: «Простите, я без галстука…»

294

См. работу Фрейда о шутках (1905с), где он ввел термин «юмор как действующая сила» по аналогии с понятием «процессы, управляющие сновидением», для обозначения физиологических процессов, которые происходят, когда человек шутит.

295

Этот вопрос подробно рассматривается в работе Фрейда «Странное» (Freud, 1919h). См. также работу Фрейда, опубликованную после его смерти, которую он написал в 1922 г., про голову Медузы (1940с).

296

И, по всей видимости, младшие братишки тоже.

297

Только в издании 1911 г. здесь появляется следующее предложение: «В недавно опубликованной работе Штекеля «Die Spache des Träumes», о которой я слишком поздно узнал, можно найти список самых распространенных сексуальных символов, из которых становится понятно, что все сексуально окрашенные символы можно трактовать и как бисексуальные.

298

Дискуссию о значении цифры 9 можно найти в разделе III одной из работ Фрейда (Freud, 1923d).

299

Как бы ни отличался взгляд Шернера на символизм в сновидениях от того, который мы здесь излагаем, я вынужден настаивать на том, чтобы этого исследователя признали первооткрывателем символизма в сновидениях и что наши исследования снова привлекли внимание к его работе, изданной много лет назад (в 1861 г.), которую раньше считали пустыми фантазиями.

300

Запись этого и последующего сна впервые была опубликована в работе «Дополнительные примеры интерпретации сновидений» (1911а).

«Некоторые примеры символов в сновидениях» Из всех возражений в адрес психоанализа одно из самых странных и, добавлю я, самых невежественных заключалось в том, что сам факт существования символизма в сновидениях и в области бессознательного в принципе подвергался сомнению. Но никто из проводящих процедуру психоанализа не может отвергнуть факт существования символизма, и эта практика существует с времен глубокой древности. С другой стороны, я готов признать, что существование подобных символов должно быть доказано самым тщательным образом, потому что таких символов – великое множество.

«Далее я собрал коллекцию примеров из собственной практики недавних лет: когда разрешение проблемы толкования конкретного сновидения особенно бросается в глаза. Так сновидение обретает значение, найти которое иными средствами не представлялось возможным; оно вплетается в цепь мыслей спящего человека, и он сам признает, что такая интерпретация верна.

Что касается техники толкования, я могу отметить, что ассоциации того, кого посетило это сновидение, структурируются именно в том порядке, в каком возникают символы этого сновидения. В моих записях нескольких этих примеров я постарался провести четкую границу между тем, что происходит с самим пациентом, и моими собственными активными действиями».

В конце этой работы приводились менее подробные примеры, которые опубликованы в разделе Е этой главы (2–4 на с. 361). В оригинале этой работы они выглядят следующим образом: «Некоторые редкие формы средств выражения» – я упомянул о «размышлениях по поводу выразительных средств» в качестве одного из факторов, которые воздействуют на формирование сновидений. В процесс трансформации мысли в визуальный образ у человека проявляется определенная способность, которую аналитик также может опознать интуитивно. При этом он получает редкую возможность испытать удовлетворение в том случае, если интуитивное восприятие того, кому приснился этот сон, – творца образов в нем – в состоянии сам объяснить их значение.

301

Сравним подобный пример, который приводит Кигхграбер (Kirchgraber, 1912). Штекель (Stekel, 1909) сообщает о сновидении, где шляпа с торчащим вверх пером символизировала импотента. (Фрейд развивает свою идею о символизме шляпы в сновидении в работе более поздних лет (1916с).)

302

Лишь в издании 1911 г. к следующей фразе было добавлено предложение: «Штекель (Stekel, 1909) на основе распространенного идиоматического выражения предполагал, что слова "малыш" или "малышка" символизируют мужские или женские гениталии».

303

Этот сон и его интерпретация воспроизводятся во вступительных лекциях Фрейда (1916–1917), лекция XII, № 7.

304

Следующий дополнительный абзац следовал за описанием этого сновидения Фрейдом в первом издании 1911 г.: «В целом это сновидение относится к разряду весьма мало распространенных «биографических» сновидений, где спящий рассказывает о собственной сексуальной жизни в форме непрерывного повествования. (См. пример выше) – распространенная ситуация, когда здания, изображения разных видов местности и ландшафты используются в качестве символических изображений тела, и в особенности (при постоянном повторении этой темы) гениталий, безусловно, заслуживает тщательного всеобъемлющего исследования, с множеством конкретных примеров.

305

Или часовня + вагина.

306

Символ соития.

307

Mons veneris – лобок, «Венерин холм».

308

Волосы на лобке.

309

Эксперты в этой области полагают, что демоны в плащах и капюшонах – это фаллический символ.

310

Две половинки мошонки.

311

Вероятнее всего, эта запись нигде не опубликована.

312

Буквально «изображения женщин» – распространенная немецкая идиома, которую употребляют, говоря о женщинах.

313

Фрейд настаивает на том, что очень яркое чувство реальности происходившего в сновидении после пробуждения обычно вскрывает тайные мысли, которые породили такое сновидение, – он подчеркивает эту мысль в конце своего исследования Йенсеновской «Градивы» (1907a) и в комментариях к «Человеку-волку» (1918b).

314

Из работы Ганса Захса (Hans Sachs, 1913).

315

Похоже, здесь Захс использует этот термин вместо другого – избыточное преувеличение, и не в том узком смысле, который этому термину придает Фрейд.

316

В семье он был в пригороде Вены, а Шоттентор – в центре Вены.

317

Слово из иврита, которое значит «неудачник, растяпа».

318

Только в издании 1911 г. после этого предложения появилось следующее предложение: «Более подробно символы смерти рассматриваются в недавно опубликованной работе Штекеля (Stekel, 1911).

319

Как найти хорошую жену… – Пер. с немецкого.

320

Дословно: Тот, кому посчастливилось стать другом друга, тот, кому досталась красавица… Это начальные строки стихов Шиллера «Ода к радости», по которой Бетховен сочинил свою симфонию № 9 «Ода к радости». Но третья строка здесь (которую процитировал Фрейд) – это фактически первая строка в последней части финального хора в опере Бетховена «Фиделио» – его либреттист совершил плагиат по отношению к стихам Шиллера.

321

«Фиделио» – значит «Верный». – *Примеч. ред.*

322

Обычно, когда кому-то снится, что ему вырвали зуб, это символизирует кастрацию (и когда кому-то стрижет волосы парикмахер, на что указывает в своих работах Штекель). В целом, различаются сны, в которых присутствует стимул, связанный с зубами, и стоматологические сны, похожие на те, что записал Кориат (Coriat, 1913).

323

Подобным примером может быть сновидение о Доре (Freud, 1905e). Такое сравнение Фрейд проводит в письме к Флиссу от 16 января 1899 г. (Freud, 1950a).

324

Мы с Л. Г. Юнгом выяснили, что когда сны о зубах снятся женщинам, то это символизирует рождение ребенка. Эрнест Джонс (Ernest Jones, 1914b) получил убедительное подтверждение этого. Общее между этой интерпретацией и тем, о чем шла речь выше, в том, что в обоих случаях (и при кастрации, и во время рождения ребенка) какая-то часть тела отделяется от него.

325

См. «биографический сон» на с. 309–310.

326

Этот абзац и цитата Отто Ранка сначала появились в издании 1911 г. Цитата из работы Ранка 1911 г. См. тот же самый сон о лестнице на с. 327.

327

«Коронки» напоминает по звучанию «кроны» – австрийская валюта того времени. Думаю, рассказ той дамы о поверье, связанном с зубами, разбудил во мне цепочку подобных мыслей.

328

Здесь снова воспроизводится то, о чем уже упоминалось в этой книге, так как этого требует контекст. См. описание выше.

329

См. с. 459.

330

Это фрагменты текста из двух предыдущих изданий 1909 и 1911 годов, где дискуссия о сновидениях была опубликована в главе V. Первое под цифрой I начинается с этого абзаца и продолжается до конца раздела Д. Второе наблюдение, которое находится под цифрой II, и следует за ним; оно начинается с фразы «…кода мы познакомились…» и продолжается до слов про «шлемихл», которым в предыдущих изданиях эта глава и заканчивалась. В более поздних изданиях появилось, конечно, больше нового материала. В издании 1909 г. эти два наблюдения занимали около пяти страниц, в отличие от сорока двух в издании 1930 г.

331

Я публиковал работу, где рассказывалось об Эдиповом комплексе такого рода. (Freud, 1910 – этот отрывок воспроизводится в конце этой ссылки.) Другой пример с его подробным анализом был опубликован Отто Ранком (1911a). Всем, кому интересны видоизмененные образы Эдипова комплекса в сновидениях, рекомендую работы Ранка (1913). Другие работы, которые посвящены символике глаз в работах Эдера (Eder), Ференци (Ferenczi, 1913) и Райтлера (Reitler, 1913a), опубликованы там же. Мотив ослепления в мифе об Эдипе заменяет кастрацию. Между прочим, древним не было знакомо символическое изображение неприкрытых Эдиповых сновидений. Ранк (Rank, 1910) указывает: «Например, говорят, что Юлию Цезарю приснился сон о том, что он возлег с собственной матерью, а это было истолковано оракулами как благоприятный знак о том, что он сможет покорить земли (мать-Землю). Также известно о пророчестве Тарквинию, которое гласило, что тот завоюет Рим, кто первым поцелует свою мать, (osilum matri tulerit). Брут считал, что здесь шла речь о матери-Земле. (Terrain osculo contigit, scilicet quod ea communis mater omnium mortalium esset – он поцеловал землю, сказав, что она – мать всего живого.) Ливий, том 1. В связи с этим сравним сновидения Хиппия в изложении Геродота (IV, 107). А вот персов вел на марафон Хиппия, сын Писистрата. Хиппии раньше приснилось, что он возлег с собственной матерью, он истолковал этот сон так, что ему должно было в Афины, набраться новых сил и умереть на склоне лет в своем родном краю. Эти мифы и толкования несут в себе нечто интересное для психологии. Я обнаружил, что те люди, которых особенно любила мать, проявляют особенную уверенность в себе и неутомимый оптимизм, который часто производит впечатление, свойственное героическим личностям, и приносит своим обладателям подлинный успех.

[Вот фрагмент из короткой статьи Фрейда (19101), о котором шла речь в начале этой сноски, вошедший в издание этой книги 1925 г.]

ТИПИЧНЫЙ ПРИМЕР ИСКАЖЕННОГО СНОВИДЕНИЯ, СОДЕРЖАЩЕГО ЭДИПОВ КОМПЛЕКС: *Человеку приснилось, что у него тайная связь с какой-то дамой, на которой хочет жениться другой человек. Он боится, что этот другой узнает об их отношениях и*

предполагаемый брак расстроится. Поэтому он ведет себя очень по-дружески по отношению к тому человеку. Он его обнимал и целовал. Была лишь одна точка соприкосновения между этим сновидением и реальными фактами из жизни этого человека. У него была тайная *связь* с замужней женщиной, а многозначительная реплика мужа этой женщины, его друга, навела его на подозрение, что муж что-то знает. Но там было и что-то еще, чего не проявилось в сновидении, но в чем и заключался ключ к его пониманию. Мужа этой женщины лечили от органического заболевания. Его жена была готова к тому, что он в любой момент может умереть, и тот, с кем у нее была связь, был намерен на ней жениться после смерти ее мужа. Вот эта внешняя ситуация и погрузила спящего в Эдипов комплекс во сне. Он в своих мыслях был готов убить того человека, чтобы вступить в брак с его женой. Его сновидение изобразило эту ситуацию в лицемерной искаженной форме. Вместо того, чтобы уже на ней жениться, он во сне видел, что кто-то другой хочет сделать это, что соответствовало его собственным тайным намерениям, а его враждебность по отношению к ее мужу маскировалась под дружбу, как в его детстве в отношениях с собственным отцом.

332

Эта фраза появилась в издании 1914 г. Феномен дежавю (deja vu) в целом Фрейд обсуждает в главе XII своей работы «Психопатология повседневной жизни» (1901b) и в короткой статье (Freud, 1914a).

333

Туннель в 70 милях от Вены на главной железнодорожной ветке на юго-запад.

334

О мифологическом значении рождения из воды см. работы Ранка (Rank, 1909).

335

Я совсем недавно стал понимать значение фантазий и подсознательных образов, связанных с внутриутробной жизнью. В этом заключается удивительный страх, свойственный многим людям, что их могут похоронить в могиле заживо, и в них же содержатся глубокие корни веры в то, что возможна жизнь после смерти, проекция в будущее этой странной жизни в утробе матери. Более того, роды – это первое событие в жизни ребенка, которое причиняет ему беспокойство, и так мы узнаем о прототипе беспокойства как аффекта. (См. работу более поздних лет в начале VIII главы работы Фрейда «Торможение, симптом и страх» (1926d).)

336

Те же самые символы возникают в сексуальном проявлении, в снах, связанных с мочевым пузырем, с явно выраженным сексуальным содержанием относительно своих недавних аспектов: вода = моча = семя = околоплодные воды; корабль = мочеиспускание = мочевой пузырь (коробка); намокнуть = энурез = соитие = беременность; плавать = полный мочевой пузырь = среда обитания человеческого плода; дождь = мочиться = символ плодородия; путешествие (отъезд) = подъем с постели утром = сексуальный контакт (медовый месяц) = мочиться = поллюция» (Rank, 1912a).

337

О таком сновидении сообщает Пфистер (Pfister, 1909). О символике спасения см. Freud,

1910d, Freud, 1910h См. также Rank, 1911b, Reik, 1911. Далее, см. Rank 1914. Описание сновидения о спасении из воды приводится во второй части анализа, который Фрейд приводит в своей работе «Сновидения и телепатия» (1922a).

338

Как и в случае с разделом E, в поздних изданиях к этому разделу было дополнено много нового материала. Поэтому дата, соответствующая появлению материала в каждом из абзацев этой главы, указывается в квадратных скобках в конце каждого абзаца. Вторая часть этого раздела появилась только в этом издании. Другая подборка примеров анализа сновидений опубликована в двенадцатом издании работы Фрейда «Введение в психоанализ» (1916–1917 гг.).

339

Здесь содержится намек на немецкую пословицу: «Einen Kuss in Ehren kann niemand verwehren» – «От поцелуя в рамках приличия отказаться нельзя». Эту пациентку действительно первый раз поцеловали, когда она шла через поле, где росли колосья, – поцелуй среди колосков.

340

Этот и другой пример с некоторыми комментариями опубликованы в работе Фрейда «Введение в психоанализ» (Freud, 1916–1917).

341

Часть IV, глава 6.

342

«Auto» по-немецки значит «автомобиль». В книге «Введение в психоанализ» Фрейд рассказывает об этом сновидении немного иначе в лекции XV.

343

Здесь мы имеем дело с игрой слов: в немецком языке «вытягивать» и «отдавать предпочтение» звучат похоже: «hervoziehen» и «vorziehen». Этот пример Фрейд также приводит во «Введении в психоанализ» 1916–1917, лекция VII. Примеры под номерами 5, 6, 8 и 9 впервые были опубликованы в работе Фрейда в 1913 г.

344

Этот пример Фрейд также приводит во «Введении в психоанализ» 1916–1917, лекция XI, где в ссылке рассказывает о «симптоматичных действиях», которые подтверждают эту конкретную интерпретацию.

345

См. работу Фрейда «Тотем и табу», 1912–1913.

346

Пример этого сновидения сначала был опубликован в отдельной статье (1914e). Приводя его в этой книге, Фрейд изъял из него абзац, который там был после слов «женственной частью личности». Эта изъятая Фрейдом часть текста так никогда и не публиковалась, и там речь идет о феномене Зилберера, который обсуждается далее. Вот что было в этом абзаце: «Нельзя возражать против такой интерпретации, предложенной самим пациентом; но я бы не стал принимать ее в качестве "функциональной", просто потому, что эти мысли в сновидении связаны с отношением к ним во время лечения. Подобные мысли служат "строительным материалом" для формирования сновидений, как ничто другое. Отчего бы человеку, проходящему курс психоанализа, не думать о своем лечении? Различие между "материальными" и "функциональными" явлениями в Зильбереровском смысле только там – как и в случае с известными всем наблюдениями Зильберера за самим собой в состоянии сна – где есть альтернатива между тем, что внимание пациента направлено или на какой-то фрагмент происходящего сейчас и связанного с его жизнью, или на его собственное психологическое состояние, а не на те ситуации, когда само это состояние и является содержанием его мыслей». Фрейд также заметил в скобках, что в любом случае «абсурдная деталь о деревянной планке, которая не ломается, а расщепляется по всей длине, не может быть "функциональной"».

347

Подробнее об этом сновидении мы поговорим позже.

348

Остальная часть настоящего раздела E, за исключением примера IV, появилась в оригинальном издании (1900).

349

Эту тему Фрейд обсуждает в главе XII своей работы «Психопатология повседневной жизни» (1901b) и в разделе II своей работы «Необычное» (1919h).

350

См. предыдущую сноску.

351

Более подробно анализ этого сновидения представлен Фрейдом во «Введении в психоанализ» (1916–1917), особенно в конце лекции VII и двух фрагментах лекции XIV. Это и предыдущее сновидение также представлены в разделе VII работы Фрейда «О сновидениях» (1901a).

352

Всем, кто интересуется анализом других сновидений, содержащих числа, рекомендуем работы Юнга, Марциновского и др. (Jung, 1911; Marcinowski, 1912b). Там часто фигурируют весьма сложные операции с числами, которые спящий проделывает удивительно точно. Также см. Jones, 1912a.

353

В этом отношении неврозы устроены и функционируют так же, как и сновидения. У меня

есть одна пациентка, основным симптомом которой является то, что помимо своей воли она слышит какую-то музыку или фрагменты песен – нечто вроде галлюцинаций. И при этом не понимает, какую роль в ее психической жизни они играют. (Между прочим, она не параноик.) В ходе психоанализа выяснилось, что она может немного волевым усилием видоизменять тексты этих песен. Например, когда в ее голове звучала ария Агаты из оперы Вебера «Фрайшутц» – «Leise, Leise, Fromme weise!» – «Нежно, нежно звучит мелодия» – последнее слово у нее бессознательно менялось на «Waise» – «сирота», и получалось: «Тихо, тихо, несчастная сиротка!» – а сиротка, выходит, была она сама. А в начале рождественского гимна, где звучали слова: «O du selige, o du frohlige» – «О вы, благословенные и счастливые…» – она вместо слов «праздник Рождества» слышала что-то из свадебной песни. Тот же самый механизм искажения действует и в возникновении идеи, которая *не сопровождает* галлюцинацию. Отчего-то одной моей пациентке не давала покоя фраза из стихотворения, которое она выучила наизусть в юности: «Nachtlich am Busento lispeln» – «Ночью у реки Бузенто шепот», а потом в ее воображении эта фраза превращалась в «Nachlich am Busen» – «Ночью у лона…»

Тем же самым приемом пользуются и пародисты, и мы об этом знаем. В серии «Иллюстрации к немецкой классике», которые были опубликованы в периодическом издании «Fliegende Blatter» – знаменитых комиксах, была такая цитата:

Und des frish erkampfen Weibes
Freut sich der Atrid und strickt…
Победитель, сын Атрея, сидит
На стороне победителя и вяжет…

Потом цитата прерывается. А в оригинале мы читаем:

Um den Rein des schones Leibes
Seine Anne hochbegliickt
Его радостные руки победителя
Обнимают ей чудные формы…

354

По-немецки «Notzuchten» значит осуществлять сексуальное насилие, «насиловать», поэтому это слово может быть в шутку использовано вместо другого – «заставлять насильно».

355

См. ссылку с. 422 ориг. с пояснениями, кто именно все эти люди.

356

На самом деле там написано «Saluti publicae vixit non di used totus» – почему Фрейд изменил «publicae» на «patriae», верно угадал Виттельс (Wittels, 1924).

357

Церемония состоялась 16 октября 1898 г.

358

Я могу привести в качестве примера процесса сверхдетерминации в сновидении, что тогда, в ответ на суровый выговор за опоздания, который я получил от Брюкке, я стал оправдываться, что у меня много времени уходит на дорогу – с улицы Императора Иосифа.

359

Эта деталь получит объяснение ниже.

360

Была дальнейшая связь между «Цезарем» и «Кайзером».

361

Это лирический диалог из пьесы «Die RaÜber», акт IV, сцена 5.

362

Фрейд обсуждает эти взаимоотношения с племянником Джоном в своем письме к Albcce от 3 октября 1897 г. (Freud, 1950a, Letter 70). Еще один намек на описание эпизода из раннего детства, где фигурируют Джон и его сестра Полина, безусловно, можно найти в работе Фрейда «Покрывающие воспоминания» (1899a) – о разговорах в сновидениях также упоминается в других главах этой книги.

363

Далее текст сохранен неизменным с издания 1900 г., за исключением тех абзацев, дата появления которых в этой книге дополнительно помечена в квадратных скобках в конце каждого такого абзаца.

364

Острый кризис в Венгрии 1898–1899 гг. был разрешен благодаря формированию коалиционного правительства под руководством Селля.

365

«Мы умрем за нашего короля!» – ответ венгерской знати на призыв Марии Терезии о помощи после ее восшествия на престол в 1740 г. во время войны за австрийское наследство. Я не могу припомнить, где мне встречалось сновидение с необыкновенно маленькими фигурками, которые возникли в сновидении под впечатлением от офортов Жака Калло, которые тот, кому приснился этот сон, видел днем накануне. На этих офортах действительно изображено много персонажей. Одна из серий этих офортов иллюстрирует ужасные события Тридцатилетней войны.

366

Это строки из эпилога к шиллеровской «Песни о колоколе» были написаны несколько месяцев спустя после смерти его близкого друга. Здесь дух Шиллера воспаряет к вечности, где царят истина, добро и красота, а «за ним, погруженная во тьму иллюзии, было то, что нас всех объединяет – повседневность».

367

См. обсуждение этого сновидения далее.

368

Этот абзац появился в качестве сноски в издании 1911 г. и был включен в основной текст в 1930 г. Первая его фраза предполагает, что Фрейд уже объяснил, что сновидения кажутся абсурдными оттого, что содержат иронию или насмешку. Но он еще этого не сделал, и такой вывод ясно сформулирован лишь далее, когда он подводит итог своей теории абсурда в сновидениях. Вполне вероятно, что этот абзац в его исходном виде, когда он фигурировал в книге в качестве сноски, по ошибке был включен в книгу именно здесь, а не чуть позже.

369

Сноска от 1911 г.: сравните с тем, о чем я сообщаю в своей работе о двух принципах функционирования сознания (1911b), в конце которой обсуждается это сновидение. Весьма похожий сон анализируется под номером 3 в лекции XII в работе Фрейда «Введение в психоанализ» (1916–1917) – следующий абзац появился в издании в качестве сноски в 1919 г. и был включен в основной текст книги в 1930 г.

370

Таким образом процессы в сновидении предают осмеянию ту мысль, которая казалась спящему смехотворной, когда в связи с этой мыслью в сновидении возникает нечто смешное. Гейне тоже так думал, когда хотел посмеяться над неважными стихами баварского короля. Для этого он сочинил стихи еще хуже:

Herr Ludwig ist ein großer Poet,
Und singt er, so stürzt Apollo
Vorihm auf die Kniee und bittet und fleht:
Halt ein, ich werde sonst toll, o!
Людвиг, нужно заметить, великий поэт,
Он едва только петь начинает —
«Замолчи, иль с ума я сойду!» – Аполлон
На коленях его умоляет. (Пер. Минаева)

371

Речь идет о пациенте Е., о котором Фрейд упоминал в своих письмах к Флиссу (Freud, 1950a). Об этом сновидении речь идет в письме 126 (21 декабря 1899 г.), об успешном завершении лечения рассказано в письме 133 (16 апреля 1900 г.).

372

Теодор Мейнерт (1833–1892), профессор психиатрии в университете Вены.

373

Этот спор описан во всех подробностях в первой главе «Автобиографического исследования» Фрейда.

374

Без сомнения, это ссылка на теорию периодичности Флисса. 51 + 28 + 23, мужской и женский циклы соответственно. См. разделы I и IV вступления Криса к переписке с Флиссом (Freud, 1950a) (также см. выше). То обстоятельство, что 51 возникает несколько раз, рассматривается на

с. 448. Анализ этого сновидения продолжается далее на с. 388.

375

Это сновидение обсуждается далее, также его подробный анализ и дополнительные детали из него можно изучить в части VI короткой исследовательской работы Фрейда «О сновидениях» (Freud, 1901a).

376

Эти два слова – придуманные и в немецком не существуют, далее приводится их толкование.

377

Видимо, оттого что сюжет в сновидении напоминает библейское избиение младенцев и исход матери Иисуса с младенцем из города, а также другой эпизод из Библии – исход евреев из Египта. – *Примеч. ред.*

378

Ирод – правитель, который отдал приказ об избиении, то есть убийстве, все младенцев в Вифлееме, родившихся в святую ночь одновременно с Христом, когда на небе взошла звезда, оттого что поверил в пророчество, что родившийся в этот день младенец свергнет его с престола. Эпизод с избиением младенцев является одной из центральных тем Рождества и стал сюжетом для традиционного представления в Рождественском Вертепе в православной традиции. – *Примеч. ред.*

379

Получается, что немецкое слово «Миоп» образовалось от слова «Циклоп».

380

Шекспировский Гамлет (Гамлет, акт II, сцена 2). Этот пример демонстрирует общеизвестную истину, что сновидения, которые посещают человека в течение одной и той же ночи, даже если вспоминаются по отдельности друг от друга, порождаются одними и теми же мыслями (см. выше). Между прочим, эта ситуация о том, что детей нужно было увезти из города Рима, чтобы они оказались в безопасности, подверглась искажающему воздействию моих личных воспоминаний: я завидовал своим родственникам, которые несколько лет тому назад имели возможность перевезти своих детей в другую страну.

381

Абсурдность в сновидениях также служит предметом обсуждения в главе VI книги Фрейда о шутках (1905c) – в последней части раздела I истории о «человеке-крысе» (1909d) Фрейд в сноске указывает на то, что тот же самый механизм проявляется и при неврозах навязчивых состояний.

382

Сгущения, смещения и способов образования выразительных средств в сновидении.

383

«Nicht auf meinem eigenen Mist gewachsen» – это значит: «Я за это не отвечаю» или «Это не мой ребенок». Немецкое слово «Mist», которое обозначает «навоз», используется как сленговое выражение «дерьмо» – «что-то плохое, ерунда» и так используется в венском диалекте немецкого языка – «помойка, мусорка».

384

Более подробную дискуссию по этому поводу можно найти в статьях «Revue Philosophique» 1896–1898 гг. под заглавием «Парамнезия в сновидениях». Снова об этом сновидении пойдет речь далее, в главе VI, разделе 3.

385

Это вносит некоторые коррективы в мои предыдущие утверждения относительно средств изображения логической связи в сновидениях. Но я описал процессы в сновидениях лишь в общих чертах, не касаясь мелких деталей.

386

Фольга, по-старому «станиоль», – намек на книгу Станниуса, посвященную нервной системе рыб.

387

Оказалось, что это было у меня на первом этаже многоэтажного дома, где жильцы оставляют детские коляски, но в этих образах присутствовала сверхдетерминация.

388

См. сноску на с. 136. «Все лучшие слова, какие только знаешь, Мальчишкам ты не можешь преподнесть». (Пер. Н. Холодковского). – Мефистофель в «Фаусте» Гете, часть 1, сцена 4 – это были любимые строки Фрейда.

389

В своей переписке с Флиссом Фрейд часто упоминал о самоанализе (Freud, 1950a), см. предисловие Криса в последнему тому издания его переписки.

390

Эта деталь используется в качестве иллюстрации к главе III работы Фрейда «Будущее иллюзии» (Freud, 1927c).

391

Этот сон более подробно рассматривается далее в главе VI, разделе 3.

392

Населенного пункта с таким названием не существует.

393

Этот сон будет анализироваться далее в главе VII, разделе А.

394

Шиллер родился не в Марбурге, а в Марбахе, тот город знаком любому немецкому школьнику, и мне тоже. Это еще одна из тех ошибок, когда неточность в какой-то момент выступает в роли прямой фальсификации, и это явление я пытался объяснить в моей работе «Психопатология повседневной жизни» (Freud, 1901b).

395

Клинический автоматизм. – *Примеч. ред.*

396

Если я не очень заблуждаюсь, первый сон, который я сумел зафиксировать у своего внука, когда ему был год и восемь месяцев, продемонстрировал, как процессы, управляющие сновидением, успешно трансформировали мысли, создавшие материал этого сновидения, в образ сбывшегося желания, а соответствовавший им аффект во сне остался неизменным. Однажды ночью, накануне отправки отца на фронт, малыш расплакался и, страшно всхлипывая, закричал: «Папа, папа – малыш!» Это значило, что папа и малыш должны были остаться вместе, а слезы были связаны с грядущим расставанием. Уже в этом возрасте малыш был в состоянии выразить боль от разлуки. «У-фоо-оол!» вместо «ушел!» стало одним из его первых слов, и он играл в «уфол» со всеми своими игрушками. В результате этого он сам себя воспитал, и его мама могла оставлять его одного, и тогда она тоже была «уфол!» (уходила).

397

Фрейд подробно рассказывает об этом путешествии в письме Флиссу от 14 апреля 1898 г. (Freud, 1950a, Letter 88). Аквилея, остров площадью в несколько квадратных миль, соединяется небольшим каналом с лагуной, на одном из ближайших островов находится город Градо. Раньше, до 1918 г., эти земли в северной части Адриатики принадлежали Австрии.

398

«Тихо, на спасенной ладье, в гавань вплывает старик». Шиллер, аллегория о жизни и смерти «Ксении» Гете и Шиллера.

399

Далее это сновидение снова рассматривается на с. 477–478.

400

Высвобождение аффектов описывается как центростремительное (направленное внутрь тела)

с точки зрения устройства сознания. Теория освобождения аффектов, на которую присутствует ссылка в этом абзаце, подробнее описана в разделе 12 («Переживание боли») части I работы Фрейда «Проект в области научной психологии» (Freud, 1950a). Для прояснения значения, которое Фрейд вкладывает в понятие «иннервация», см. сноску на с. 469.

401

Этот абзац и цитата из произведения Питера Розеггера появились в книге, начиная с издания 1911 г. Розеггер (1843–1918) был выдающимся австрийским писателем крестьянского происхождения.

402

Поскольку в концепции психоанализа личность делится на Эго и Супер Эго (Freud, 1921c, 1923b), легко распознать в подобных сновидениях-наказаниях осуществление желаний, исходящих от Супер Эго. (Сны Розеггера также обсуждаются в другой работе Фрейда (Freud, 1923c)).

403

Этот абзац появился в тексте книги в 1919 г., и создается впечатление, что его вставили не в ту часть книги, где ему полагается быть. Возможно, его следует напечатать после этих двух абзацев, потому что они датированы 1911 г., как и дискуссия о сновидении Розенггера, с которой они, безусловно, связаны. Далее текст книги представляет собой без изменений то, что было напечатано в издании 1900 г. Далее некоторые замечания по поводу лицемерных сновидений можно найти в конце раздела III работы Фрейда о женском гомосексуализме (Freud, 1920a).

404

Я точно так же объяснял исключительную силу аффекта удовольствия от тенденциозных шуток (Freud, 1905c, окончание главы IV).

405

Эта фантазия из бессознательных мыслей, которые спровоцировали это сновидение, которая упорно заставляла меня думать о «non vivit» вместо «non vixit», что значило: «Ты опоздал, его уже нет в живых». Я уже объяснял выше, что фраза «non vivit» появилась под воздействием поверхностного, доступного непосредственному восприятию содержания сновидения.

406

Детали ситуации, которую Фрейд обсуждает далее, становятся более понятными благодаря некоторым фактам, которые публиковал в своей работе Бернфельд (Bernfeld, 1944). Фрейд работал в Институте физиологии Вены (в лаборатории Брюкке) с 1876 по 1882 гг. Эрнст Брюкке (1819–1892) был руководителем этой лаборатории, двумя его ассистентами в это время были Зигмунд Экснер (Zigmund Exner 1846–1925) и Эрнст Флейшль фон Марксоу (1846–1891), оба они были старше Фрейда на десять лет. В последние годы жизни Флейшль испытывал серьезные проблемы со здоровьем. Именно в том Институте физиологии Фрейд повстречался с Джозефом Брейером (Joseph Breuer, 1842–1925), который стал его старшим коллегой и единомышленником при создании работы «Исследования истерии» (1895d) и «вторым Иосифом» в этом примере из анализа сновидения. А первый Иосиф – ранее ушедший из жизни «друг и оппонент П.» – был Джозеф Панет (Joseph Panet, 1857–1890), который затем пришел в этом институте на ту

должность, которую ранее занимал Фрейд. – См. также том I биографии Зигмунда Фрейда, составленной Джозефом Панетом.

407

«Чей образ неотступно преследовал меня…» – из Гете, Фауст, «Посвящение».

408

Интересно, что имя Иосиф играет важную роль в моих сновидениях. Видимо, мое собственное Эго маскируется за этим именем, поскольку Иосиф – библейский персонаж – был мастером толкования сновидений.

409

В любовном дуэте Париса и Елены во втором акте, в конце которого их застиг Менелай.

410

В своих работах Фрейд отмечает, что, строго говоря, «вторичная переработка» не является одним из процессов, управляющим сновидением. См. его статью «Психоанализ» в издании Маркузе «Handworterbuch» (Freud, 1923a, заключительная часть абзаца, посвященная книге «Толкование сновидений»). Та же мысль прослеживается в другой его работе (Freud, 1912a).

411

Это намек на стихотворение Гейне «Возвращение домой» «Die Heimkehr» (LVIII). Полностью эта цитата из Гейне приводится Фрейдом в начале его последней лекции из «Нового введения в психоанализ» (1933a).

412

Например, так произошло в сновидениях, о которых идет речь далее в главе VII, разделах Г и Д.

413

Немецкий термин «Phantasiebuildung» – «воображаемое формирование».

414

«Reve», «petit roman» – термин «Tagtraum» был незнаком читающим на немецком языке и потому нуждался в пояснении.

415

Фрейд тоже посвятил снам наяву несколько своих работ: 1908a и 1908e. В 1921 г. была опубликована книга «Психология снов наяву» Дж. Варендонка (J. Varendonk), к которой Фрейд написал предисловие (Freud, 1921b).

416

Эту мысль Фрейд более подробно развивает в меморандуме, который сопровождает его письмо к Флиссу от 2 мая 1897 г. (Freud, 1950a): «Фантазии – это психические фасады, которые построены для того, чтобы оградиться от подобных воспоминаний».

417

См., например, длинный текст сноски к разделу «Барьеры против инцеста» в заключительной части третьего эссе Фрейда «Очерки теории сексуальности» (1905d). Эта сноска появилась в четвертом издании.

418

В моей работе «Фрагмент анализа истерии» (Freud 1905e) есть подходящий пример такого сновидения, анализ которого я провел. Кстати, я недооценивал значение этих фантазий для формирования сновидений, пока анализировал только свои собственные сновидения, в основе которых редко лежат дневные фантазии, а главным образом – споры и столкновения мыслей. Наблюдая за другими людьми, бывает проще установить сходство ночного сновидения и снов наяву. У пациентов, страдающих истерией, вместо истерического припадка часто может возникнуть сон наяву, и очень легко убедить себя в том, что предвестниками такого рода психических явлений часто бывают именно такие сны наяву.

419

Фрейд первый раз вводит этот термин в главе VI, разделе В, подробнее он разъясняется в главе VII, разделе Б. Он формулирует этот термин уже 6 декабря 1896 г. в переписке с Флиссом (Freud, 1950a).

420

Вторичная переработка в сказках и в примере с Эдиповым комплексом рассматривается в главе V, разделе Г. Применительно к неврозам навязчивых состояний и фобиям о ней есть упоминания на с. 221–222, а применительно к паранойе – в лекции Фрейда XXIV во «Введении в психоанализ» (1916–1917). Пример вторичной переработки в опечатке, допущенной в телеграмме, содержится в главе VI (№ 19) «Психопатологии повседневной жизни» (1901b). Аналогия между вторичной переработкой сновидений и формированием «систем» мышления подробнее обсуждается в главе III, раздел 4, работы Фрейда «Тотем и табу» (1912–1913).

421

Остальная часть этой главы, за исключением последнего абзаца, появилась в издании этой книги, начиная с 1914 г.

422

«Такая функция интерпретации свойственна не только снам, это тот же процесс логического упорядочивания, которым мы пользуемся в состоянии бодрствования».

423

«В этих цепочках разрозненных галлюцинаций сознание пытается выполнить ту же работу логического упорядочивания, что и в состоянии бодрствования, применительно к чувствам, которые человек воспринимает. Он устанавливает между ними воображаемую связь, соединяя все эти разрозненные образы, и заполняет чересчур значительные пробелы между ними».

424

«Хотя я часто полагал, что происходит некоторая деформация, или, скорее, реформация сновидения при воспоминании о нем… тенденция воображения к систематизации может быть реализована уже во время сна. До некоторой степени реальная скорость мысли возрастет благодаря тем корректировкам, которые в нее привносит воображение бодрствующего человека».

425

«Во сне, напротив, интерпретация и координация осуществляются не только с помощью материала сновидения, но и с помощью материала из состояния бодрствования…»

426

Фрейд почти всегда использует немецкое слово «Zensur» – «цензура», но здесь он употребил другое – «Zensor» – «цензор». Он также использовал это слово, которое употребляет значительно реже, чем первое, в разделе III своей работы «Нарциссизм» (Freud, 1914c) и в лекции XXIX «Нового введения в психоанализ» (Freud, 1933a).

427

Когда-то мне было крайне трудно объяснить читателям различие между доступным непосредственному наблюдению и скрытым содержанием сновидения. Снова и снова я имел дело с аргументами и возражениями, которые вытекали из описания какого-то сновидения, которое не подвергалось интерпретации, а необходимость его толкования полностью игнорировалась. Но в настоящий момент аналитики хотя бы примирились с тем, что явное содержание сновидения должно заменяться его толкованием, и теперь многие из них впадают в другое заблуждение, упрямо не желая от него отказаться: они стремятся выявить сущность сновидения в его латентном, скрытом содержании и в самих процессах, которые происходят в сновидении. В сущности, сновидения – это просто особая форма мышления, которая возникает благодаря тому, что человек погружается в состояние сна. Именно процессы, управляющие сновидением, и создают эту форму, она и только она и составляет сущность сновидения – и этим объясняется его особая природа. Я говорю об этом для того, чтобы можно было оценить значимость печально известной «предполагаемой цели» сновидений. То обстоятельство, что сновидения нацелены на разрешение проблем, занимающих наше сознание, не более странно, чем то, что мы и в состоянии бодрствования делаем это; и кроме того, теперь, благодаря им, мы понимаем, что такое осмысливание может быть и предсознательным – и теперь мы знаем об этом.

428

В четвертом, пятом, шестом и седьмом изданиях этой книги – с 1914 по 1922 г. – далее следовали два самоанализа Отто Ранка под названиями «Сны и творческое письмо» и «Сны и мифы». Они не были опубликованы в полном собрании сочинений («Gesammelte Schriften», 1924, с комментариями Фрейда, том 3, с. 150), и они, естественно, не попали в мое полное собрание сочинений». В восьмое издание 1930 г. они также включены не были.

429

Некоторые проблемы, о которых идет речь в этой главе, Фрейд обсуждает в своей переписке с Вильгельмом Флиссом (Freud, 1950a).

430

Фуко (Foucault, 1906) и Тэннери (Tannery, 1898).

431

Гейне, «Книга песен. Возвращение на родину», LXXVIII.

432

Заблуждение прямо противоположного характера, когда словесному изложению сновидения придают слишком большое значение, рассматривается Фрейдом в заключительной части его работы о применении толкования сновидений в процессе терапевтического анализа (1911e).

433

Подробнее об этом в моей работе «Психопатология повседневной жизни» (1901b) – случай № 2 связан с письмом Фрейда Флиссу от 27 августа 1899 г. (1899, Freud, 1950a), когда он работал над корректурой этой книги, предполагая, что в книге найдет 2467 опечаток.

434

Отрывок из древнескандинавского эпоса «Песнь о Нибелунгах»: на теле короля Зигфрида было лишь одно уязвимое место, удар в которое мог принести ему смерть. Коварный Хаген обманом уговорил королеву Кримхильду, жену Зигфрида, единственную, которая знала об этом уязвимом месте, вышить маленький крестик на его одежде, чтобы отметить этот участок тела. Именно сюда Хаген и нанес удар и убил Зигфрида («Песнь о Нибелунгах», XV и XVL).

435

Более подробно механизм действия таких сомнений в случаях истерии представлен в начале части I анализа истории про Дору (1905e).

436

В отношении этого последнего утверждения – что «все, что мешает продолжению психоанализа, – это сопротивление по отношению к нему» – можно легко впасть в заблуждение. Это, безусловно, лишь техническое правило, простое предостережение всем психоаналитикам. Безусловно, в процессе психоанализа могут произойти различные события, за которые нельзя возлагать ответственность на пациента, считая, что он именно к этому и стремился. У него может внезапно скончаться отец – и не пациент его убил; или может разразиться война – и тогда психоанализ придется прекратить. Но если преувеличивать значение этого утверждения, то можно понять, что в нем есть зерно истины. Даже если процесс психоанализа прерывается из-за какой-то внешней причины, независимой от пациента, часто именно от него зависит, до какой степени это помешает нашей работе с ним; а его сопротивление само по себе показывает,

насколько он готов или примириться с этим, или придать такой помехе преувеличенное значение.

437

В качестве примера я могу привести одно сновидение, о котором упоминаю в моей работе «Введение в психоанализ» (Freud, 1916–1917, лекция VII), как примера того, в чем смысл сомнения и неуверенности в отношении сновидения и его содержания, когда все оно сжимается в один элемент; несмотря на это, сновидение удалось успешно проанализировать спустя некоторое время.

Одной скептически настроенной даме приснился длинный сон, в котором кто-то рассказал ей о книге шуток и очень хвалил ее. Там было что-то про *«канал», или что-то в книге было про канал, или вообще что-то про канал… она точно не знала… там все было так туманно.* Без сомнения, вы решите, что поскольку элемент сновидения «канал» был представлен так расплывчато, то интерпретации он не поддавался. Что это было трудно, вы предположили вполне обоснованно; но трудность была не в том, что этот образ был расплывчатым: и трудность в интерпретации, и расплывчатость были связаны с одной и той же причиной.

В связи с этим «каналом» даме, которой это приснилось, в голову ничего не приходило, и я не мог пролить свет на все это. Немного позже, на следующий день, она сказала мне, что ей, *возможно,* кое-что пришло в голову по этому поводу. Это была шутка – как и в сновидении, которую она где-то слышала. На пароходе между Дувром и Кале какой-то знаменитый писатель разговорился с англичанином. Тот процитировал пословицу: «От возвышенного до смешного – один шаг». «Да уж, – ответил этот писатель, – и это – пролив Па де Кале» («Па» – «pas» по-французски обозначает – «шаг»), тем самым намекая, что Франция – это нечто великое, а вот Англия – нечто смешное. Но ведь Па де Кале – это канал, еще он называется Английский канал. А при чем тут это сновидение, спросите вы. Очень даже при чем, вот и разгадка этого странного элемента «канал» в сновидении. Сомневаетесь ли вы в том, что эта шутка уже существовала до того, как этой даме все это приснилось, вместе с подсознательно всплывшим в сновидении элементом «канал»? Можете ли вы предположить, что за ним скрывалось и что-то еще? Эта ассоциация стала намеком на то, что ее скепсис скрывал тайное восхищение, а ее сопротивление, которое это продемонстрировало, без сомнения, объяснило и почему эта ассоциация у нее всплыла лишь позднее, через день после рассказа о сновидении, и почему само это сновидение было таким туманным. Подумайте, каким образом были взаимосвязаны элемент сновидения и его подсознательная подоплека, это был, так сказать, фрагмент фона, намек на него, но в изолированном виде правильно понять этот элемент было невозможно.

438

О том, каких целей добиваются те, кто забывает сновидения, можно прочесть в моем коротком эссе о психическом механизме забывания (Freud, 1898b). Эта статья, с некоторыми изменениями, напечатана в первой главе моей книги «Психопатология современной жизни» (Freud, 1901b).

439

Подобный пример можно найти главе IV и в анализе сновидения Доры (Freud, 1905e).

440

Такого рода примеры исправлений ошибок, когда спящий в сновидении говорит на иностранных языках, весьма часто встречаются в сновидениях, но чаще всего их совершает не сам спящий, а другие люди, которые ему снятся. Мори (Maury, 1878) однажды видел сон, который воспроизводил те времена, когда он изучал английский язык, и, говоря кому-то о том,

что он заходил к нему в гости, он употребил неправильную фразу «I called for you yesterday» («Я позвал за вами вчера»), а другой человек его поправляет: «Надо было сказать: "I called on you yesterday"».

441

Эрнест Джонс описал [1912b] аналогичный случай (и такое часто происходит): пока анализируется одно сновидение, пациент может вспомнить второе, которое приснилось ему в ту же ночь, но о котором он не подозревал.

442

Более подробно об этом читайте в работе «Анализ фобии пятилетнего мальчика» (Freud, 1922c).

443

В 1919 г. в книге появился вот этот фрагмент, который затем был перенесен из основного текста в ссылку: сновидения раннего детства сохраняются в памяти годами, часто очень живо, со всеми оттенками сенсорных переживаний, и практически всегда имеют важнейшее значение для понимания истории интеллектуального развития человека и его невроза. Анализ подобных сновидений помогает терапевту предотвратить ошибки и неуверенность, из-за которых можно совершить более серьезные ошибки и на теоретическом уровне. (Очевидно, Фрейд имеет в виду пример, который приводится в его работе «Человек-волк» (Freud, 1918b).)

444

Французский психолог (1813–1878).

445

Фрейд также обсуждал эту проблему в подробной ссылке в своей работе «Метапсихологическое дополнение к теории сновидений» (Freud, 1917d) и в конце своей работы «Сны и телепатия» (Freud, 1922a).

446

Подробнее этот вопрос рассматривается в другой работе Фрейда (Freud, 1925i).

447

Совсем недавно я обратил внимание на то, что Эдвард фон Гартман (Eduard von Hartmann) придерживается точно такой же точки зрения на этот важный вопрос в области психологии: «Обсуждая роль бессознательного в творчестве, Эдвард фон Гартман (Eduard von Hartmann, 1890) явно указал на закономерность, в соответствии с которой ассоциативные мысли управляются подсознательными целенаправленными мыслями, хотя он не знал, до какой степени проявляется такая закономерность. Он стремился доказать, что "любая комбинация образов, которые возникли в результате сенсорного стимула, если они не случайны, а преследуют определенную цель, должны опираться на Бессознательное (там же), и что сознательное стимулирует бессознательное, чтобы была выбрана наиболее адекватная мысль среди множества возможных". Бессознательное, которое совершает такой адекватный выбор, преследует какой-то

определенный интерес, таким образом, "отвечает за ассоциации между мыслями в области абстрактного мышления и чувственного восприятия и творческой комбинаторики" и при создании шуток (там же). Потому ограничение ассоциаций между идеями и попытка свести их к одной идее-стимулу и идее, которая при этом образовалась (в области чистой ассоциативной психологии), несостоятельна. Подобное ограничение может быть оправдано "лишь если существуют условия в человеческой жизни, когда человек не преследует никакой осознанной цели и при этом не имеет никаких подсознательных интересов, и на него не оказывают влияния никакие мимолетные настроения. Но так практически никогда не бывает, поскольку, даже если человек случайно утратит способность целенаправленно мыслить или фантазировать, все равно другие интересы, которые занимают его воображение, чувства и настроения, которые охватывают его, будут превалировать то в один момент, то в другой, и это окажет влияние на ассоциативный ряд его мыслей" (там же). "В сновидениях, которые человек частично способен осознавать, возникают лишь такие мысли, которые соответствуют главному (подсознательному) его интересу в данный момент» (там же). Итак, самое важное здесь – это влияние чувств и настроений не свободный поток мыслей, благодаря которому можно обосновать методологию психоанализа на основе психологии Гартмана"» (Pohorilles, 1913). Дюпрель (Du Prel, 1885) упоминает о том, что после того, как нам, несмотря на отчаянные усилия, не удалось вспомнить чье-то имя, оно потом вдруг без всякой причины нам вспоминается само.

448

Это утверждение получило поразительное подтверждение во время анализа, который проводил К. Г. Юнг у пациентов с dementia praecox (раннее слабоумие) (Jung, 1907).

449

В этой книге Фрейд постоянно упоминает о «цензуре сопротивления». В дальнейшем более подробное разъяснение того, как соотносятся понятия «сопротивление» и «цензура», можно найти в его книге «Новое введение в психоанализ» (Freud, 1933a).

450

Точно так же мы рассуждаем, и когда поверхностные ассоциации проявляются в самом содержании сновидения, например в обоих сновидениях, о которых рассказывал Мори (см. выше: «pelerinage – Pelletier – pelle, километр – килограмм – Гилоло – лобелия – Лопец – лото»). Курс анализа с пациентами, страдающими неврозом, научил меня выявлять природу таких воспоминаний, которые становятся их излюбленным средством выразительности в сновидениях. Например, воспоминания о чтении энциклопедического словаря (и всяких справочников), с помощью которых большинство подростков удовлетворяют свое любопытство, связанное с сексуальной стороной жизни. Такой пример можно найти в анализе Фрейдом второго сновидения Доры (Freud, 1905e).

451

Ошибка, которую Фрейд допустил в имени этого персонажа, в первом наброске этого предложения стала предметом его самоанализа в «Психопатологии повседневной жизни» (Freud, 1901b).

452

В своем письме к Флиссу от 9 февраля 1898 г. (Freud, 1950a) Фрейд указывает, что этот абзац у Фехнера представляет собой единственную путную мысль, которая попалась ему в литературе,

посвященной сновидениям.

453

Фрейд использует термин «Instanzen» в значении, в котором это слово употребляется в словосочетании «суд первой инстанции».

454

«Иннервация» – это весьма неоднозначный термин. Он очень часто используется в структурном смысле, обозначая анатомическую дистрибуцию нервов в организме или участке тела. Фрейд чаще всего пользуется им для обозначения передачи энергии в нервную систему, или (как в данном случае) конкретно в центробежную (эфферентную) нервную систему – чтобы обозначить процесс, который стремится к разрядке напряжения.

455

Брейер в сноске к разделу I своего теоретического вступления к книге, написанной совместно с Фрейдом (Breuer and Freud, 1895), в том числе указывает: «Отражающее зеркало телескопа не может быть таким же, как его фотоэлемент».

456

С тех пор я не раз высказывал предположение о том, что сознание на самом деле возникает вместо отпечатков событий и впечатлений в памяти. Прочтите об этом в моей работе «Мистический блокнот» (Freud, 1925a), а также в главе IV «За пределами принципа удовольствия» (1920g) – вся данная дискуссия о памяти станет более понятной после знакомства с двумя абзацами из последних трудов Фрейда. Еще больше мыслей на эту тему Фрейд развивает в некоторых своих ранних размышлениях в переписке с Флиссом (Freud, 1950a). Например, в разделе III части I своей работы «Проект научной психологии» (осень 1895 г.) и в письме 52 от 6 декабря 1896 г. В этом письме, кстати, он набросал первоначальную версию тех схем, которые представлены выше, и в первый раз применил аббревиатуры, которые на них используются. Созн. – «сознательное», Прс. – «предсознательное», «Бзс.» – «бессознательное», Сенс. Вх. – для «сенсорный вход» и Мнем. – для «мнемических систем».

457

Если бы мы предприняли попытку продолжать схематизацию этих систем в линейной последовательности, то мы бы с уверенностью могли бы утверждать, что следующая система за Сенсорным входом – та, которая связана с сознанием, что схематически можно представить как Сенс. Вх = Созн. Более подробно этот вопрос обсуждается в другой работе Фрейда (Freud, 1917d) – следующая схема сознания, предложенная Фрейдом, впервые была опубликована в его работе «Эго и Ид» («Я и ОНО») (Freud, 1923b), глава II, и затем снова в его «Новом введении в психоанализ» (1933a), лекция XXXI, где подчеркивается именно структура сознания, а не его функции.

458

Первая догадка о существовании подобной регрессии возникла у Альберта Великого, ученого-схоласта XIII в. Он сообщает нам о том, что «imaginatio» создает сновидения из скопившихся образов чувственных объектов; а в состоянии бодрствования этот процесс разворачивается в обратном направлении. (Цитата из Diepgen, 1912). Гоббс указывает в своей

работе «Левиафан» (1651): «В общем, наши сны – это перевернутые фантазии из состояния бодрствования, движение, когда мы просыпаемся, начинается в одном месте, а когда мы спим – в противоположном». (Цитата Havelock Ellis, 1911). Бройер в разделе I главы III (Breuer and Freud, 1895) в связи с темой галлюцинаций рассуждает о «регрессивном» направлении возбуждения, которое возникает в памяти и оттуда, с помощью идей, проникает в восприятие».

459

Под таким заголовком не выходила в печать ни одна из работ Фрейда.

460

Упоминая о теории регрессии, следует помнить, что мысль подвергается регрессии в результате комплексного воздействия на нее двух факторов. Она испытывает давление с одной стороны (цензуры со стороны сознания) и ее влечет в другую сторону (в область бессознательного), как тех людей, которые стремятся взойти на Великую Пирамиду. См. начало моей работы о процессе подавления (Freud, 1915d).

461

Они так же защищены от разрушения, как и другие бессознательные мыслительные акты, то есть те, которые относятся исключительно к системе Бзс. Они следуют раз и навсегда проложенным путем, который всегда в действии и который всякий раз, когда их охватывает возбуждение из области бессознательного, всегда готов провести процесс возбуждения туда, где тот может получить разрядку. Их так же трудно уничтожить, как тени в подземном мире Одиссея, которые пробуждаются к новой жизни всякий раз, как напьются крови. Процессы, которые зависят от предсознательной системы, подвергаются разрушению совсем в ином смысле. Вот на чем основана психотерапия неврозов.

462

Я стремился более подробно рассмотреть все, что касается состояний, предшествующих сну, в работе под названием «Метафизическое дополнение к теории сновидений» (Freud, 1917d).

463

Здесь уместно вспомнить о «Сверх Я», одном из последних открытий в области психоанализа. (см. с. 417 – те сновидения, которые противоречат теории «осуществившегося желания», например возникающие при травматических неврозах, обсуждаются в главе II книге «За пределами принципа удовольствия», а также на последних страницах лекции XXIX в «Новом введении в психоанализ» (Freud, 1933a).

464

См. сноску к с. 29.

465

Эти последние два абзаца полностью цитирует Фрейд в конце своего анализа о первой мечте Доры (1905e), которая, комментирует он, является полным подтверждением их правильности.

466

Образ капитала в этой аналогии и психическая энергия сновидения.

467

Точное и яркое описание той роли, которую играют «фрагменты дневных воспоминаний» в формировании сновидений, можно найти в одной короткой работе Фрейда (Freud, 1913a).

468

В своих работах поздних лет Фрейд регулярно пользуется термином «перенос» («Übertragung»), который обозначает иной, психологический процесс, который был впервые выявлен в процессе психоанализа, то есть процесс «переноса» на объект чувств, которые в настоящий момент испытывает спящий, и который подсознательно связан с каким-то объектом из его детства. (см., например, Freud, 1905e и Frued, 1915a). В этом же смысле этот термин употребляется и в данном издании, а также на последних страницах главы IV работы Фрейда «Исследования истерии» (Breuer&Freud, 1895).

469

См. Freud, 1893c.

470

О подобном случае есть упоминание в сноске в заключительной части главы «Я и Оно» (Freud, 1923b).

471

Так называемый «принцип постоянства», который обсуждается на первых страницах книги «За пределами принципа удовольствия» (Freud, 1920g). Но уже в ранних работах Фрейда присутствовало это фундаментальное утверждение. Например, в его посмертно опубликованной работе «Письмо к Джозефу Брейеру» от 29 июня 1892 г. (Freud, 1941a). Весь этот абзац содержит обсуждение, которое можно найти в главах 1, 2, 11 и 16 части I его книги «Проект научной психологии», созданной осенью 1895 г. (Freud, 1950a).

472

То есть нечто, с точки зрения восприятия идентичное «опыту получения удовлетворения».

473

Иными словами, становится очевидно, что должен быть способ «тестирования реальности» (например, проверить, реальные предметы воспринимаются или нет).

474

Процесс осуществления желаний в сновидениях справедливо получает высокую оценку Ле Лоррена, который считает, что это «неустанный процесс, который не изнуряет себя длительной и упорной борьбой, которая выматывала бы наши силы и лишала бы нас удовольствий, которые

мы можем испытать».

475

Я развивал эту мысль в своей работе, посвященной мыслительной системе (Freud, 1911b) – принципу удовольствия и принципу реальности, как я предложил обозначить их.

476

Или, точнее, одна группа симптомов соответствует осуществлению одного желания, а другая часть мыслительной структуры направлена против осуществления этого желания.

477

Как считал Хьюлис Джексон, «выясните все о сновидениях, и вы сможете объяснить, что такое сумасшествие». (Цитата из работы Эрнеста Джонса (Ernest Jones, 1911), который слышал это мнение от самого Хьюлиса Джексона.)

478

См.: Breuer and Freud, 1895.

479

На эти мысли меня натолкнула теория сна Льебо, который привлек внимание к гипнозу своим сочинением «Du sommeil provoque» («О спровоцированном сне»), (Liebeaut, 1889).

480

См. выше «Сон французской няни», иллюстрации к которому из журнала комиксов «Fliegende Blatter» приводятся в приложении Б.

481

Но единственная ли это функция сновидений? Мне другие не известны. Правда, Мэдер (Maeder, 1912) предпринимал попытки доказать, что у сновидений есть и другие, вторичные функции. Он исходил из верного наблюдения о том, что в некоторых сновидениях предпринимаются попытки разрешать конфликты, которые затем человек переносит в состояние бодрствования и которые при этом выполняют функции пробных версий действий наяву. Таким образом, он провел параллель между сновидениями и играми животных и детей, которые можно рассматривать как освоение и оттачивание врожденных инстинктов и как подготовку к серьезной деятельности в будущем, и выдвинул гипотезу о том, что сновидения обладают «fonction ludique» – «игровой функцией». Вскоре после Мэдера, Альфред Адлер (Alfred Adler, 1911) также настаивал на том, что сны обладают «прогностической» функцией. (Я опубликовал анализ сновидения в 1905 г. («Фрагмент анализа истерии», часть II (Freud, 1905e)), которое можно рассматривать как выражающее интенцию, и оно повторялось каждую ночь до тех пор, пока человек не осуществил изображавшееся в этом сне намерение. Подумав над этим, мы придем к убеждению, что эта «вторичная» функция сновидения не может рассматриваться при толковании сновидений. Прогнозирование, формирование намерений, обдумывание вариантов возможных решений, которые затем можно осуществить в состоянии бодрствования, все это и многое другое – все это продукты деятельности бессознательного и подсознательного как областей сознания.

Они могут сохраниться в сновидении как фрагменты воспоминаний состояния бодрствования и при формировании сновидения соединиться с бессознательным желанием. Таким образом, «прогностическая» функция сновидения представляет собой скорее функцию предсознательного мышления в состоянии бодрствования, продукты которой можно выявить с помощью анализа сновидений или других похожих явлений. (Ср. с. 443 и абзац в конце обсуждения случая 1 в книге Фрейда «Сновидение и телепатия» (Freud, 1922a).)

482

Второй фактор, гораздо более важный и имеющий далеко идущие последствия, но на который обычные люди не обращают внимания, заключается вот в чем. Без сомнения, осуществление желания должно приносить удовольствие, но вот вопрос: «А для кого?» Для того, кому этого хочется, конечно. Но, как нам известно, у спящего весьма своеобразное отношение к собственным желаниям. Он отвергает их и подвергает цензуре – они ему совсем не по душе, короче говоря. Поэтому осуществление подобных желаний не принесет этому человеку никакого удовольствия, как раз наоборот; и опыт показывает, что это отторжение желаний проявляется как беспокойство, и этот факт нуждается в пояснениях. Поэтому в душе спящего в том, что касается его желаний в сновидениях, сливаются две разные личности, которых объединяет друг с другом один общий элемент. Я не буду углубляться в обсуждение этого вопроса, а лишь напомню об известной всем сказке (о которой идет речь в главе VII, разделе B), в которой воспроизводится именно эта ситуация. Добрая фея пообещала мужу и жене, что исполнит три желания, которые первыми придут им в голову. Они очень радуются и начинают придумывать, что бы такое им загадать. Но женщина почувствовала запах жареных сосисок из соседнего дома, и ей их захотелось попробовать. Они тут же появились перед ней, и первое желание сбылось. Ее муж ужасно разозлился и в гневе пожелал, чтобы эти сосиски прилипли к носу его жены. Так и вышло, и сосиски намертво прилипли к ее носу, но этого же захотел муж, а не жена, ей-то было крайне неприятно. Как закончилась эта история, вы знаете. Поскольку они все же были родными людьми друг другу – мужем и женой, – то их третьим желанием было, чтобы эти сосиски отлипли от носа жены. Эту сказку можно рассказывать применительно ко многим другим ситуациям, но она лишь дает пример того, что может случиться, если у двух людей нет согласия по поводу того, чего они хотят, и осуществление желания для одного может стать весьма неприятным для другого. (Введение в психоанализ (Freud, 1916–1917.))

483

Подробно этот вопрос обсуждался выше, в главе VI, разделе 3.

484

Следующая фраза появилась с этой части текста книги в 1911 г., но затем была удалена из издания 1925 г. и выглядела следующим образом: «Я бы даже сказал так: страх и тревога в сновидении – это проблема самого страха и тревоги, а не проблема сновидения».

485

Некоторые из следующих положений Фрейд пересмотрел, впоследствии изменив свой взгляд на причины тревожности.

486

Die israelitische Bibel – Израильская Библия, издание Ветхого Завета на иврите и на немецком языке, Leipzig, 1839–1854 (Второе издание, 1858 г.). В ссылке к четвертой главе Второзакония

изображается множество деревянных изображений египетских богов, у некоторых из них птичьи головы.

487

На немецком для этого используется сленговое выражение «vogeln» – «то, что делают птицы».

488

После того как я сформулировал эту мысль, в литературе по психоанализу появилось множество данных по этому вопросу.

489

Я выделил это слово курсивом, но невозможно заблуждаться по поводу того, что именно оно означает.

490

Курсив Фрейда.

491

Фрейд редко упоминает о концепте «внимание» в своих работах. Но это понятие постоянно присутствует в его работе «Проект научной психологии» (Freud, 1950a), например в ее вступительной части.

492

В более поздних своих работах Фрейд уже называет это «принципом удовольствия».

493

Различие между первой и второй системой и гипотеза о том, что психическая деятельность в них происходит по-разному, – это одни из самых фундаментальных понятий, которые выдвинул Фрейд. Они ассоциируются с теорией о том, что психическая энергия возникает в двух формах: «свободной», или «мобильной» (в системе Бзс), и «неподвижной», или «латентной» (в системе Прс). Там, где Фрейд обсуждает эту тему (например, в своей работе «Бессознательное», 1915e, завершающая часть раздела V и в работе «За пределами принципа удовольствия», 1920g, глава IV), он указывает на то, что это положение выдвинул Брейер в их совместной работе «Исследования истерии» (Breuer, Freud, 1895). Довольно трудно понять, в какой именно части этой работы соавтор Фрейда выдвигает эту идею (глава III). Скорее всего, речь идет о сноске в самом начале раздела 2, где Брейер выделяет три формы нервной энергии: «потенциальная энергия, которая заложена в химической структуре клетки», «кинетическая энергия, которая получает разрядку, когда в тканях начинается процесс возбуждения», и «еще одно латентное состояние нервного возбуждения: тоническое возбуждение или нервное напряжение». С другой стороны, вопрос о «связанной» энергии подробно обсуждается в конце первой части раздела III работы Фрейда «Проект» (1950a), которая была создана лишь несколько месяцев спустя после публикации книги «Исследования истерии».

494

Эта мысль о минимизации неудовольствия как «сигнала», который предотвращает гораздо большее неудовольствие, заинтересовала Фрейда много лет спустя и была им применена для изучения тревожности. См. Freud, 1926d, глава XI, раздел F(b).

495

Позднее Фрейд освещал этот вопрос значительно более подробно в своей работе «Вытеснение» (1915d). В дальнейшем его взгляды на эту тему были изложены в лекции XXXII в его книге «Новое введение в психоанализ» (1933а).

496

Далее эту тему Фрейд развивает более подробно в главе V своей книги, посвященной шуткам (1905с). Мыслительные ошибки более подробно обсуждаются в его книге «Проект» (1950а).

497

Далее Фрейд подробнее рассматривает эту тему в своей работе «Три эссе о природе сексуальности» (1905d).

498

И здесь, и в других фрагментах этой работы я намеренно отказывался от обсуждения некоторых аспектов рассматриваемой темы, потому что рассмотрение их потребует слишком значительных усилий, и, кроме того, мне придется опираться на материал, который не связан со сновидениями. Например, я не обсуждал различия между терминами «подавленный» и «вытесненный». Подразумевается, что во втором термине подчеркивается, отчего происходит обусловленное цензурой искажение в сновидениях даже в тех случаях, когда они не устремляются в область сознательного и двигаются в регрессивном направлении. И есть еще много таких примеров, когда я не затрагиваю какую-то тему. Здесь я прежде всего стремился познакомить читателей с теми проблемами, к которым приводит нас дальнейший анализ сновидений, и представить обзор других тем, которые станут предметом дальнейшего анализа. Мне не всегда было просто принять решение, где остановиться и далее не рассматривать какой-то конкретный вопрос. Существует ряд особых причин, возможно, самых неожиданных для читателей, по которым я не стал подробно рассуждать о том, какую роль играют в сновидениях мысли с латентным сексуальным содержанием. Мои личные и профессиональные убеждения как невропатолога состоят в том, что в сексуальной жизни совершенно нет ничего постыдного или недостойного и что она не заслуживает права на тщательное и вдумчивое изучение терапевтов или ученых. Более того, мне показалось просто смехотворным то негодование, которое побудило переводчика «Онейрокритики» Артемидора из Далдиса изъять из текста его книги главу о сексуально окрашенных сновидениях. Лично я полагал, что знакомство с изложением толкования таких сексуально окрашенных сновидений поможет приблизиться к разрешению загадок, связанных с первертным поведением и бисексуальностью; и поэтому я сохранил этот материал, чтобы при удобном случае к его изучению. (Вероятно, следует к этому добавить, что переводчик «Онейрокритики», Ф. С. Краусс, по своему усмотрению опубликовал не вошедшую в это издание главу в своем периодическом издании «Anthrophyteia», о котором здесь упоминает Фрейд и которой он давал столь высокую оценку во всех своих трудах (1910f и 1913k).)

499

«Если я не могу покориться Высшим Силам, я обращаюсь к Силам низшим». В примечаниях к полному собранию своих сочинений (том 3, 1925) Фрейд замечает, что одна строка из «Энеиды» Вергилия описывает стремления справиться с подавляемыми инстинктами. Он использовал эту же цитату в качестве эпиграфа к главе, посвященной «Формированию симптомов» в книге, которую задумал, но так и не написал. Следующая фраза появилась в издании книги в 1909 г. Она была включена в том же году в текст третьей лекции в университете (Clark University) (Freud, 1910a).

500

Сны – это не единственные явления, которые позволяют нам найти основу для психопатологии в области психологии. В серии коротких статей (1898b и 1899a), которые еще не завершены, я предпринял попытки интерпретировать целый ряд явлений из области повседневной жизни, которые подтверждают эти выводы. Эти работы, а также другие, посвященные процессу забывания, оговоркам и неудачным действиям, вышли в книге под названием «Психопатология повседневной жизни» (Freud, 1901b).

501

Некоторое время спустя эту точку зрения пришлось пересмотреть и уточнить некоторые новые детали, поскольку самой основной характеристикой предсознательного считалась его связь с фрагментами недавних переживаний в состоянии бодрствования. См. работу «Подсознание» (1915e) (Как мы уже упоминали в первом издании этой книги.)

502

Я с удовольствием напомню тем исследователям, которые пришли к таким же выводам, как и я, о соотношении сознательного и бессознательного после изучения сновидений. Дюпрель (Du Prel, 1885) замечает: «Необходимо сначала исследовать природу сознания и выяснить, являются ли "сознание" и "сознательное" идентичными понятиями. На этот методологический вопрос сновидения отвечают отрицательно, при этом становится понятно, что концепт сознания гораздо шире, чем концепт сознательного, подобно тому как гравитационная сила небесного тела является выше, чем степень его яркости». Вот еще цитата из Модсли (Maudsley, 1868) (там же, с. 306): «Нелегко осознать, что сознательное не всегда представляет собой то же самое, что сознание, и принять этот факт».

503

Говорят, что Тартини, композитору и скрипачу (1692–1770), однажды приснилось, что он продал свою душу дьяволу и тут же, схватив скрипку, сочинил виртуозную сонату исключительной красоты. Когда этот композитор проснулся, то утверждал, что вспомнил ее. Он записал мелодию, и так родилась его «Trillo del Diavolo».

504

Вспомним про сон Александра Македонского во время осады Тира (σα – τνροζ).

505

См. мою работу «Замечания о понятии сознательного в психоанализе» (Freud, 1912g), которая

была впервые опубликована в периодическом издании «Proceedings of the Society for Psychological Research», (том 26). В этой работе я провожу различие между описательными, динамическими и систематическими оттенками значения термина «подсознательное». (Эта тема подробно рассматривается Фрейдом в свете его убеждений последних лет в главе II его работы «Я и Оно» (1923b).)

506

О трактовке Фрейдом понятий «количество» и «качество» можно подробно узнать из его работы «Проект» (1950a), часть I.

507

В работах Фрейда последних лет редко можно найти упоминания о цензуре между системами Бзс. и Прс. Но это явление подробно обсуждается в разделе VI его работы «О бессознательном» (1915e).

508

В первом издании книги эта фраза отсутствует. В 1909 г. она появилась в тексте книги в следующей форме: «Если мы сведем бессознательные желания к их конечной и подлинной форме, нам следует помнить, что психическая реальность обладает более чем одной формой существования». В издании 1914 г. это предложение появилось в основном тексте в том же виде, но последнее слово было не «материальную», а «фактическую». Слово «материальная» появилось в 1919 г., остальная часть этого абзаца появилась в 1914 г. – Фрейд уже проводил различие между «реальностью мысли» и «реальностью внешнего мира» в части III своей работы «Проект» (1950a).

509

Далее эта тема обсуждается в другой работе Фрейда (Freud, 1925i).

510

Только в тексте 1911 г. издания здесь была сноска следующего содержания: «Профессор Эрнст Оппенгейм (Ernst Openheim) из Вены продемонстрировал мне, на примере фольклорных произведений, что существует целый класс сновидений, в провидческое значение которых не верят даже на уровне обывательского мышления, и которые совершенно правильно связывают с желаниями и потребностями, которые спровоцировали формирование такого сновидения, когда человек был погружен в сон. Вскоре он подробнее представит свою точку зрения о подобных сновидениях, которые, как правило, предстают в форме анекдотов».

511

Рукопись, в которой содержится это приложение А, датируется 10 ноября 1899 г. – через шесть дней после публикации книги «Толкование сновидений». В том же письме к Флиссу, в котором Фрейд сообщил об этом событии (Freud, 1950a, Letter 123, от 5 ноября 1899 г.), он сообщил, что ему только что удалось выяснить происхождение вещих снов. Эта работа была опубликована после смерти Фрейда в его Полном собрании сочинений, том 17 (1941). Перевод на английский язык (автор – Джеймс Стрейчи (James Strachey)) впервые был опубликован в собрании сочинений Фрейда, том 5, (1950), с. 70. Сокращенное изложение этого же случая Фрейд представил в своей работе «Психопатология повседневной жизни» (1901b).

512

То есть до первого издания книги Фрейда «Толкование сновидений».